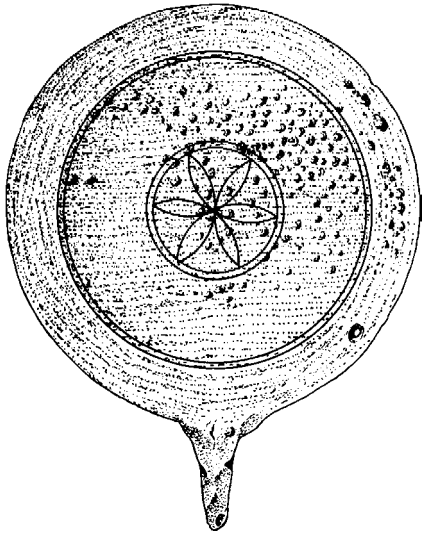
Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ
В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 9

Издательство Томского университета
Томск — Ханты-Мансийск
2011

УДК 903.2:39(Р71)
ББК 634/5
Х19

Х19 Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. **Я.А. Яковлев.** — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. — 530 с.

ISBN 978-5-7511-2017-7

Девятый ежегодный сборник научных статей, издаваемый Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, уже традиционно освещает широкий круг проблем, результатов и перспектив деятельности в области выявления, сохранения, использования, популяризации и государственной охраны культурного наследия в указанном субъекте Федерации. В подготовке 23 статей приняли участие 22 автора из 7 городов и 9 научных, научно-производственных и культурно-образовательных организаций и учреждений. Обнародованы решения III Международного Северного археологического конгресса, представлены научные статьи по теме сборника и сообщения с краткими результатами полевых работ 2008—2010 гг., продолжен мартиролог утраченного археологического наследия, переопубликованы забытые и малодоступные печатные издания.

Для археологов, этнографов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, работников органов охраны и использования историко-культурного наследия.

УДК 903.2:39(Р71)
ББК 634/5

Редактор — **Я.А. Яковлев**

Использованы фотографии:
обложка — **А.Н. Кондрашёв** (г. Ханты-Мансийск),
форзац и шмуцтитулы — **А.В. Бауло** (г. Новосибирск)

ISBN 978-5-7511-2017-7

© Я.А. Яковлев, 2011 (компл.)
© Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2011

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Резолюция III Международного Северного археологического конгресса (принята 12 ноября 2010 г.)

8—13 ноября 2010 г. в г. Ханты-Мансийске состоялся III Международный Северный археологический конгресс (САК), инициированный и организованный Правительством Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН и Уральским государственным университетом им. А.М. Горького. Соорганизаторами конгресса выступили Институт археологии и этнографии СО РАН и Институт археологии РАН.

В работе конгресса приняли участие 190 исследователей из 9 стран: России, Венгрии, Германии, Казахстана, Норвегии, США, Франции, Швеции, Эстонии. Российские ученые из Барнаула, Великого Новгорода, Владивостока, Екатеринбурга, Ижевска, Иркутска, Казани, Кемерова, Красноярска, Магадана, Москвы, Надыма, Нефтеюганска, Нижневартовска, Нижнего Тагила, Новосибирска, Омска, Перми, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Салехарда, Сургута, Сыктывкара, Тобольска, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Уфы, Ханты-Мансийска, Югорска представляли 14 научных центров, 16 вузов, 10 музеев, 7 учреждений по охране и использованию историко-культурного наследия. Шестнадцать зарубежных учёных представляли 4 научных центра, 5 университетов и 2 музея.

Основной темой III Международного Северного археологического конгресса стала актуализация наиболее значимых достижений и перспектив изучения и сохранения объектов археологии Севера. III САК проводил работу по пяти основным направлениям:

1. Освоение человеком циркумполярной зоны в плейстоцене и голоцене: изменения природной среды и эволюция систем жизнеобеспечения;

2. Социокультурная вариативность в древности: археологические проявления и интерпретации;

3. Искусство, сакральное пространство и мифоритуальная практика древнего населения Севера;

4. Колонизация Севера и взаимодействие культур в Средние века и Новое время;

5. Археологическое наследие как общественный ресурс: охрана и использование.

Итоги работы III Международного Северного археологического конгресса

1. Форум явился мощным средством популяризации археологического наследия Севера, обеспечив не только презентацию новых археологических материалов, но и переосмысление феномена археологического знания в контексте сегодняшних ценностей, концепций и информационных технологий.

2. В резюме секций конгресса отмечается возросшая культура презентаций, удачно сочетающих теоретическую обоснованность и эмпирическую аргументированность, а также активизация и актуализация использования мультимедийных технологий в обобщении и представлении археологических материалов.

3. Высокий научный уровень представленных докладов и сообщений, их актуальность и практическую значимость для развития фундаментальных и прикладных археологических исследований, повышения роли археологического наследия в контексте современного социокультурного развития.

4. Участники секций были единодушны во мнении о чрезвычайной эффективности проведения Северных археологических конгрессов, формат которых позволяет вырабатывать магистральные направления в изучении древней истории Северного полушария на основе свободного обмена информацией, идеями и методами. Международный статус конгресса способствует органичной интеграции российской археологии в мировой научный процесс.

5. Обоснованность и перспективность проведения Международного Северного археологического конгресса в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре — территории интенсивного социокультурного развития, масштабных археологических работ. Конгресс отмечает существенный вклад Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Службы государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа и Центра охраны культурного наследия в организации археологических исследований, большой опыт работы органов государственной власти и местного самоуправления в области сохранения, использования и охраны археологического наследия автономного округа.

6. Высокий уровень организации и проведения конгресса, отход от традиционной хронологической тематики и удачно продуманная тематика секций, обеспечение трибуны для дискуссий по ключевым научным проблемам и работы на одной площадке, дающей возможность участия в работе нескольких секций.

7. Эффективность практики инициирования и запуска новых исследовательских проектов на рабочей площадке конгресса, впервые апробированной на III САК.

Рекомендации по организации и проведению IV Международного Северного археологического конгресса

1. Учитывая значительные научные и практические результаты конгресса, заинтересованность российской и международной научной общественности в его регулярном проведении, участники форума обращаются с ходатайством в Правительство Ханты-Мансийского автономного округа — Югры о рассмотрении возможности проведения IV Международного Северного археологического конгресса в 2014 или 2015 г. в г. Ханты-Мансийске. Постоянно действующему координационному комитету Северного археологического конгресса в Екатеринбурге и Ханты-Мансийске инициировать обращение по этому поводу в Правительство Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

2. Информационным центром координационного комитета конгресса считать постоянную страницу в сети Интернет с адресом http://www.ihist.uran.ru; e-mail: northcongress@mail.ru.

3. При подготовке программы Международного Северного археологического конгресса считать приоритетными направления, связанные с теоретическими и методологическими проблемами северной археологии, методами сохранения и использования археологических ресурсов.

4. В целях совершенствования работы конгресса активнее привлекать к участию в форуме молодых исследователей, проводить ротацию руководства секций, использовать постерные секции и другие формы работы, расширяющие возможности представления научных материалов и сообщений.

5. Рассмотреть возможность публикации материалов (докладов и дискуссий) секций.

6. Обратить внимание органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, органов местного самоуправления Сургутского р-на Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на необходимость самого жесткого контроля за соблюдением законодательства в области сохранения историко-культурного наследия на территории урочища Барсова гора — зоны интенсивного хозяйственного освоения, где сосредоточено крупнейшее в Северной Евразии скопление объектов археологического наследия.

Обращения

1. Конгресс отмечает наличие серьёзных проблем в вопросах сохранения и охраны объектов культурного наследия, прежде всего несовершенство действующего законодательства Российской Федерации и отсутствие нормативной базы, позволяющей предотвращать разграбление объектов археологии с применением специальных средств (металлодетекторы, георадары) и незаконный оборот археологических предметов.

2. Конгресс обращает внимание научного сообщества на необходимость междисциплинарной интеграции и применения информационных технологий в сфере изучения и сохранения объектов археологического наследия.

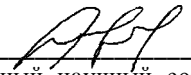
3. Конгресс предлагает органу государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, уполномоченному в области государственной охраны объектов культурного наследия и являющегося соорганизатором конгресса (Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры), довести до сведения Правительства РФ и соответствующих государственных органов (Государственной Думы РФ, Министерства культуры РФ (Росохранкультуры), Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ, Института археологии РАН) предложения, принятые на сессии «Археологическое наследие как общественный ресурс: охрана и использование» (см. приложение).

III Международный Северный археологический конгресс выражает признательность:

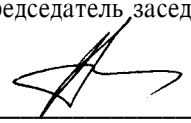
— губернатору, председателю правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Наталье Владимировне Комаровой, заместителям губернатора автономного округа Геннадию Федоровичу Бухтину и Наталье Леонидовне Западновой, Службе государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа, Институту истории и археологии УрО РАН, Уральскому государственному университету, Институту археологии и этнографии СО РАН, Институту археологии РАН, АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия», организационному и координационному комитетам, секретариату конгресса — за успешную подготовку и проведение форума;

— Российскому фонду фундаментальных исследований, ООО «Лукойл — Западная Сибирь» — за финансовую поддержку.

Резолюция принята 12 ноября 2010 г. в г. Ханты-Мансийске на заключительном (пленарном) заседании III Международного Северного археологического конгресса.

Головнёв А.В. — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, сопредседатель заседания

Кондрашёв А.Н. — руководитель службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры, сопредседатель заседания

Приложение 1

Сессия «Археологическое наследие как общественный ресурс: охрана и использование» III Северного археологического конгресса обращает внимание на наличие проблем в области сохранения и использования объектов культурного наследия и считает целесообразным принятие следующих мер:

1. В части нормативно-правового обеспечения сферы культурного наследия:

1.1. Дополнить Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»:

— определением объекта археологического наследия как историко-культурного национального ресурса,

— нормой об источнике финансирования (уровень бюджета) историко-культурной экспертизы и документации о включении выявленного объекта археологического наследия в «Единый государственный реестр объектов культурного наследия» как объекта федерального значения.

— требованием об обязанности установки охранных (информационных) знаков владельцами или пользователями земельных участков, в пределах которых находятся объекты археологического наследия.

1.2. Считать необходимым проведение предварительного археологического обследования земельных участков, предоставляемых под строительство и иную хозяйственную деятельность, с целью определения наличия или отсутствия объектов археологического наследия за счёт средств заказчика земляных, строительных и прочих работ.

1.3. Считать необходимым оперативно решить вопрос об отнесении объектов археологического наследия к уровням государственной собственности. Отсутствие определённого собственника на объекты археологического наследия создаёт препятствия при решении вопросов их сохранения и регистрации ограничений в кадастре недвижимого имущества.

1.4. Разграбление объектов археологического наследия с применением специальных средств (металлодетекторы, георадары) приобрело массовый

характер и является одним из основных факторов разрушения памятников археологии. Причиной этого является отсутствие нормативной базы, позволяющей предотвращать разграбление объектов археологии и незаконный оборот археологических предметов, а также привлечение к ответственности нарушителей.

2. Отдельной проблемой является разрушение объектов археологического наследия волно-прибойной деятельностью действующих водохранилищ. В Российской Федерации отсутствует программа обеспечения сохранности объектов археологического наследия, расположенных в зонах берегоформирования водохранилищ.

3. Необходимо доработать «Методические рекомендации по включению в государственный реестр объектов историко-культурного наследия» в части включения в реестр объектов археологического наследия с учётом их специфики.

4. Необходимо разработать «Положение о полевых археологических исследованиях» с учётом нормативных документов о включении объектов культурного наследия в «Единый государственный реестр объектов культурного наследия» и требований о предоставлении информации в «Кадастр недвижимого имущества».

5. В целях оптимизации деятельности в сфере практического использования результатов научно-археологических исследований возможны:

— разработка субъектами Российской Федерации программ музеефикации археологических объектов, определяющих региональную стратегию в отношении памятников культурного наследия в целом;

— создание баз данных по памятникам археологии для разработки туристических маршрутов на территории субъектов РФ с их дальнейшей паспортизацией и включением в общероссийское туристское пространство;

— организация межведомственных координационных советов по развитию культурно-познавательного туризма с привлечением представителей органов государственного и муниципального управления, научной и образовательной общественности, бизнес-среды;

— продвижение интерактивных средств и методов популяризации археологического наследия как туристского ресурса регионов.

Инициативы и предложения Конгресса адресованы:

— Государственной Думе Российской Федерации — п. 1;

— Правительству Российской Федерации (по разработке целевой программы и определению источника финансирования для её выполнения по вопросу обеспечения сохранности объектов археологического наследия, разрушаемых водами водохранилищ) — п. 2;

— Министерству культуры Российской Федерации (Росохранкультуре) — п. 3—5;

— Министерству спорта, туризма и молодёжной политики Российской Федерации — п. 5;

— Институту археологии РАН — п. 9.

Мартиролог югорской археологии

Я.А. Яковлев
г. Ханты-Мансийск
Служба государственной охраны
объектов культурного наследия ХМАО — Югры

Воистину, *«нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся»*. Год назад в предыдущем выпуске сборника научных статей серии «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого» было опубликовано начало «Мартиролога югорской археологии»[1], и это не прошло незамеченным.

Самым позитивным следствием стало то, что этот материал стал хоть и слабым, но всё же дестабилизирующим фактором для криминального рынка археологического антиквариата. Случилось это после объявления в Интернете о продаже грабительской коллекции из слоя святилища на городище Барсов Городок I/9, которая к той поре оказалась уже опубликованной в мартирологе, причём с обстоятельствами уголовно наказуемого способа её комплектования. В завязавшейся по этому поводу небольшой дискуссии часть участников форума выразила сомнение в этичности этого и подобных ему коммерческих предложений.

Вторым следствием стал неожиданно проявившийся пристальный интерес (если не сказать, ажиотаж) к сборникам серии «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого» у представителей криминального бизнеса, паразитирующих на объектах археологического наследия, — «копателей», «чёрных археологов», «чернушников» и пр. На одном из их сайтов была даже запущена тема под названием «ХМАО в зеркале прошлого. Нашумевший альманах!!!», в рамках которой участники обсуждали проблему поиска и приобретения указанных сборников. Здесь же дважды выставлялся на аукцион и продавался за весьма приличную цену вып. 8 с вышеуказанной статьёй. Может быть, эта практика продолжалась бы и далее, если бы один из «доброхотов» не выставил текст статьи для общего доступа.

В продолжение темы отражения мартиролога на воровских сайтах нескромно отметим ещё два очень лестных для его авторов послания. Одно из них, пусть и в своеобразной форме, даёт высокую оценку эффективности деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры:

– *«Если обладаете информацией, подскажите место в Сургуте, Ханты-Мансийске или другом городе, где эти альманахи продают».*

– *«Я только одно знаю – «ИКН Югры» называется. В Ханты-Мансийске. Там точно дадут – догонят и ещё добавят».*

Приятно было прочесть и оценку статьи, высказанную одним из активистов форума в адрес *«товарищей Ширина и Яковлева»: «Предметы – предметами, но какой же сочный текст!».*

Что ж, *«...если похвалы, расточаемые друзьями, иной раз дают повод усомниться в их искренности, то зависть врагов заслуживает полного доверия»* (К. Иммерман)

Наоборот, весьма огорчило послание одного из участников грабительского форума, посетовавшего при интернет-аукционной распродаже сборников серии «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого»: *«Эти книги недорого продавались на III Международном Северном археологическом конгрессе. Знал бы, что будет спрос, прикупил бы для всех желающих ...»*. Печально и брезгливо знать о двурушниках среди своих коллег.

Почти одновременно с обнародованием указанной публикации в свет вышла ещё одна статья, подготовленная профессиональными археологами по материалам грабительских раскопок в Сибири[2]. Так что тенденция вводить в научный оборот пусть и сегментированную, но всё же достоверную научную информацию из археологических источников, приобретённых неправовым путём, не только обозначилась, но и наращивает обороты. Конечно, лучше бы её не было вовсе, и в процедуру археологического исследования вовлекались бы лишь те материалы, которые появляются в арсенале современной археологической науки после применения ею всего доступного ныне набора полевых методических средств и приёмов. Остаётся лишь надеяться, что когда-нибудь это обычное для цивилизованного общества условие существования науки станет реальностью и для нас, а пока будем спасать хотя бы крохи от разворованного.

За прошедший после выхода первой публикации серии «Мартиролог югорской археологии» год ситуация с несанкционированными раскопками археологических памятников в ХМАО — Югре и незаконным обо-

ротом добытых при этом археологических артефактов не изменилась. Заезжие и местные мародёры продолжали разрушать археологические памятники и наводнять Интернет десятками и десятками новых образцов археологических предметов, уникальность многих из которых поднимала давление у историков сибирских древностей[3]. Окружная Служба государственной охраны объектов культурного наследия пыталась хоть как-то противостоять этому в том тесном и тёмном правовом коридоре, в который её поставили.

В частности, отдельная рабочая секция «Археологическое наследие как общественный ресурс: охрана и использование» была организована в рамках III Международного Северного археологического конгресса, который служба совместно с ИИА УрО РАН провела с 9 по 13 ноября 2010 г. в г. Ханты-Мансийске. Среди 28 докладов и сообщений, прозвучавших на этой секции, одно выступление напрямую касалось проблемы современного разграбления объектов археологии на югорской территории[4].

Повторно среди органов местного самоуправления и в сети участковых уполномоченных милиции была распространена подготовленная службой брошюра «Информация для предотвращения несанкционированных археологических раскопок на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры силами органов местного самоуправления, участковых милиционеров и местной общественности». Первый подобный опыт, предпринятый год назад, показал эффективность этой, казалось бы, простой меры в профилактике указанной заразы. По крайней мере, в пользу сказанного свидетельствуют сами получатели информационного издания. Просьбы органов охраны культурного наследия других регионов России прислать брошюру для тиражирования и распространения на своих территориях говорят о том же.

Весной 2010 г. у археологов и органов охраны культурного наследия в Югре (как, наверное, и в других местах страны) мелькнула было надежда на какие-то изменения к лучшему — на более жёсткую правоприменительную практику в отношении фактов грабежа объектов археологического наследия органов охраны правопорядка (даже в рамках сегодняшней куцей и маловразумительной нормативно-правовой базы). Появилось письмо Департамента уголовного розыска МВД Российской Федерации от 24.03.2010. № 2155 «О борьбе с незаконными археологическими раскопками» за подписью заместителя начальника генерал-майора милиции В.А. Иващенко, адресованное начальникам КМ МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации. В преамбуле письма констатируется:

«...На территории Российской Федерации за год уничтожается более 500 памятников археологии. Широкое распространение получила деятельность мобильных преступных групп, занимающихся незаконными археологическими раскопками с использованием современных технических средств, в том числе высокочувствительных металлодетекторов. При этом преступники не скрывают свою деятельность, в сети Интернет свободно функционируют сайты, посвящённые незаконным археологическим раскопкам».

Далее до органов МВД доводится правовая основа для противодействия указанному криминальному деянию: *«Закон позволяет привлекать лиц, изобличённых в незаконных археологических раскопках, к ответственности по ст. 243 УК РФ (уничтожение или повреждение памятников истории и культуры). В соответствии с Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»..., объекты археологии отнесены к объектам культуры федерального значения. Следовательно, нарушение культурного слоя и извлечение археологических предметов квалифицируется по ст. 243 УК РФ – умышленное уничтожение или повреждение памятников истории и культуры. При этом объекты археологического наследия считаются выявленными объектами культурного наследия с момента их обнаружения».*

Приводимая далее статистика – 18 возбуждённых уголовных дел в России по ст. 243 УК РФ в 2009 г. – никак не соответствует масштабам криминального явления и уж тем более не актуальна для ХМАО – Югры, где по указанной статье не возбуждено ни одного дела.

В заключительной части письма МВД России предлагаются достаточно эффективные меры, которые в сложившейся сегодня ситуации действительно могут если не пресечь, то хотя бы ослабить криминальный бизнес:

«2... В случае обнаружения незаконных археологических раскопок принимать меры для возбуждения уголовных дел по ст. 243 УК РФ, для чего решать вопрос о признании соответствующего объекта памятником археологии, а имеющиеся повреждения культурных слоёв квалифицировать как разрушение памятника....

3. Принять меры к выявлению незаконно добытых археологических ценностей и возвращению их государству...

5. Провести мониторинг Интернет-сайтов, при наличии информации о проводимых незаконных раскопках и реализации предметов

археологии провести необходимые мероприятия по документированию преступной деятельности, пресечению преступлений и изъятию предметов.

6. Провести проверку антикварных магазинов и иных мест торговли культурными ценностями с целью выявления лиц, предлагающих для реализации предметы археологии. В отношении фигурантов организовать комплекс оперативно-розыскных мероприятий с целью задержания их с поличным».

Казалось бы, всё чётко и ясно: акцентировано внимание на актуальности, масштабах и общественной опасности деяния; указана нормативно-правовая база для работы милиции на местах; на уровне федерального министерства грабёж объектов археологии прямо назван преступлением, а занимающиеся этим лица — преступниками; даны прямые рекомендации структурам МВД в субъектах Федерации активизировать деятельность в этом направлении (в частности, реанимировать неработающую статью УК и осложнить функционирование криминального рынка археологического антиквариата в Интернете)...

Так и хочется воскликнуть: «Ура! Очень своевременное решение!». Однако, увы... У нас всё по-российски: до бога высоко, до Москвы далеко. И письмо МВД (!) милицейским чинам на местах — не указ. По крайней мере, в ХМАО — Югре, где в течение полугода после получения указанного «решкрипта» из Федерации только официально были документированы три факта несанкционированных раскопок на археологических памятниках, и на все три заявления, поданные по свежим фактам (а в одном случае и при наличии задержанных грабителей), местной милицией (Нижневартовский, Берёзовский и Октябрьский РОВД) были оформлены отказы в возбуждении уголовного дела.

Хроника действий по факту грабительских раскопок на объектах археологического наследия ХМАО — Югры в 2010 г.

Городище Берёзовское (Берёзовский р-н)

2 июля. В Службу государственной охраны объектов культурного наследия поступило письмо ООО «Северная археология 1» с указанием на два свежих грабительских шурфа, «расположенных в кремлёвской и посадской частях Берёзовского городища» (вх. № 734). Было бы глупо надеяться, что грабёж археологических древностей из археологического слоя в Берёзове прекратится, коль год назад итогом двух проведённых по инициативе служ-

бы встреч с руководством районного ОВД, в ходе которых были переданы необходимые данные и фотографии о фактах криминального промысла «местного Шлимана» и официально подано заявление для инициирования следственных действий, стал уже такой знакомый документ под названием «Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела»[5].

8 июля. Второй сигнал: о несанкционированном раскопе на культурном слое Берёзовского городища, находящегося под охраной государства, официальным письмом сообщает в службу комитет по культуре и кино администрации Берёзовского р-на (вх. № 763).

30 июля. По заявлению начальника отдела государственной охраны объектов культурного наследия окружной службы Д.О. Стародумова с него берутся объяснения в милиции общественной безопасности ОВД по Берёзовскому району.

9 августа. Вполне прогнозируемый результат — постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Даже поверхностный текстологический анализ формулировок этого документа *(«с субъективной стороны данное преступление характеризуется тем, что виновный осознаёт, что уничтожает или повреждает памятник истории и культуры...»)*[6] показывает, что он бездумно скопирован с подобного постановления 2009 г. Изменены только даты. Вот так и живём: одни регулярно из года в год уничтожают историческую память и присваивают государственное имущество в виде «скрытых в земле или под водой следов существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение»[7]; другие с той же регулярностью отказываются исполнять свои функции по противостоянию этому общественно опасному процессу.

Городище Нивагальское 20 и селище Нивагальское 21 (Нижневартовский р-н)

10 июля. Археолог К.Г. Карачаров при осмотре объектов культурного наследия городище Нивагальское 20 и селище Нивагальское 21 *«зафиксировал свежие следы нарушения верхнего слоя грунта»* (из милицейского протокола).

30 июля. Информацию о фактах несанкционированных раскопок К.Г. Карачаров передаёт в Службу государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры.

4 августа. Старший инспектор службы А.С. Дозморов подаёт заявление о выявленных фактах грабительских раскопок на объектах культурного наследия в дежурную часть ОВД по Нижневартовскому р-ну. Далее — цитата из милицейского документа с сохранением стиля и грамматики: *«Прибыв на место памятников культурного наследия городище Нивагальское 20 и селище Нивагальское 21 никого из людей обнаружено не было. На месте памятника располагается лесной массив, грунт покрыт мхом и*

лишайником, в одном месте данного участка шурфа, размером 1,5х1,5 м отсутствует мох и лишайник, но никаких ям и куч грунта не обнаружено. Никаких следов обуви или транспортных средств возле памятника не зафиксировано. Около 4 м от памятника на земле разбросаны бутылки и металлические банки с сильным налётом ржавчины. Таким образом, в действиях неустановленных лиц отсутствуют события преступления, предусмотренные УК РФ, так как на месте памятников никаких следов присутствия на них и проведение раскопок не обнаружено, а отсутствие мха и лишайника на определённом участке не свидетельствует о проведении раскопок».

5 августа. Участковый уполномоченный выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела *«в отношении неустановленных лиц... за отсутствием состава преступления»*, которое начальник милиции общественной безопасности ОВД по Нижневартовскому району С.Н. Зинченко подписывает. При этом фамилия «неустановленного лица» — местного жителя — всем известна.

10 августа. Исполняющий обязанности прокурора Нижневартовского района В.В. Чварков выносит протест на вышеуказанное постановление и назначает дополнительную проверку.

5 сентября. «Дополнительная проверка» выливается в... «дополнительный опрос» археолога К.Г. Карачарова, который, собственно говоря, и инициировал весь этот процесс, обнаружив следы грабежа государственного имущества. После столь «действенной меры» оперативно-розыскной деятельности органы внутренних дел выносят повторное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, теперь уже никем не оспариваемое[8].

К этой истории необходимо добавить пример нарушений норм общечеловеческой и профессиональной этики, к которым поневоле вынуждены прибегать обеспокоенные сохранением нашего культурного наследия люди. Для предотвращения утекания уникальных материалов в закрытые для общественного представления частные закрома инициативу выкупа уворованных материалов вынужден был проявить муниципальный чиновник Нижневартовского р-на, проблему финансирования решал депутат окружной думы, а принимал на хранение директор Сургутского художественного музея[9]. Вот так криминальные элементы попирают не только нормы права, но и моральные устои общества, принципы добропорядочных и законопослушных граждан.

Городище Малоатлымское I (Лолмен-Вош) (Октябрьский р-н)

Середина сентября. Учитель Зареченской общеобразовательной школы М.В. Доронин задерживает трёх приезжих граждан с металлодетекторами

Ил. 1. **Городище Малоатлымское I (Лолмен-Вош).** Участок несанкционированных раскопок. Сн. с юга. Фото А.Н. Кондрашёва

Ил. 2. **Городище Малоатлымское I (Лолмен-Вош).** Следы вкопов по результатам сканирования культурного слоя металлодетектором. Сн. с юго-востока. Фото А.Н. Кондрашёва

на объекте археологического наследия и вместе с исполняющим обязанности главы МО «Сельское поселение Малый Атлым» С.В. Дейнеко письменно уведомляет Службу государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры о факте грабительских раскопок (ил. 1, 2). Милиция меж тем устанавливает, что грабители — жители г. Москвы, проехавшие за 3 тыс. км (!) на собственном автотранспорте, имели единственную цель — *«отдохнуть и порыбачить»*. А дорогостоящие металлодетекторы купили и прихватили с собой, надо думать, для поиска червей.

22 сентября. Руководитель службы А.Н. Кондрашёв письменно уведомляет начальника ОВД по Октябрьскому р-ну А.М. Костаницу об уголовно наказуемом факте умышленного разрушения объекта культурного наследия (ил. 3).

25 сентября. Районный ОВД формулирует отказ в возбуждении уголовного дела (стиль и грамматика подлинные): *«В ходе осмотра места происшествия... отсутствуют указатели свидетельствующие о том, что данная территория является культурным объектом археологии и что она находится под государственной охраной. Также на данном объекте не обнаружено явных мест раскопок за исключением нескольких неглубоких ямок с повреждением травяного слоя. Опрошенные по данному факту... пояснили, что цель их нахождения на берегу реки «Обь» на территории М.Атлымского сельского поселения — туризм, отдых, рыбалка. А имеющиеся у них металлоискатели нужны были для*

Ил. 3. **Городище Малоатлымское I (Лолмен-Вош).** Работа группы милиции общественной безопасности ОВД по Октябрьскому району ХМАО — Югры на месте несанкционированных раскопок. Сн. с юго. Фото А.Н. Кондрашёва

поиска старинных монет, так как по поверью народности «Ханты» бросали их в Обь. В ходе осмотра места происшествия... добровольно выдал ременную бляшку, нашивки для одежды и фрагмент похожий на украшение, и пояснил, что данные предметы он нашёл в разных местах по берегу реки Обь. Данные предметы им не были раскопаны из земли. В местах где, были обнаружены данные предметы он никаких указателей не видел и о существовании мест культурного наследия ему ничего не известно. В дальнейшем планировал с данные предметами обратится в музей, чтобы выяснить, что это за предметы. На момент находки данных предметов он не знал, представляют ли они археологическую ценность или нет». Эта наглая ложь устроила всех — и задержанных, и задержавших. Милиция даже не стала производить осмотр автомобиля, в котором, надо думать, можно было найти немало интересного, учитывая количество «рабсилы», качество «техобеспечения» и финишное состояние долгого «полевого сезона». А в итоге схваченные на месте преступления грабители отделались несколькими днями «простоя» и утратой единичных предметов из слоя, скорее всего, городища Малоатлымского I, которые они не успели спрятать (ил. 4).

Мы остаёмся варварами, азартно пожирающими свою память или, в лучшем случае, равнодушно взирающими, как это делают другие. И это будет продолжаться до тех пор, пока не произойдёт, как минимум, следующее.

— Наши законодатели наконец-то осознают пагубность слепого калькирования западных правовых норм и озаботятся принятием законов, способных эффективно защитить наше культурное наследие в реальных условиях

Ил. 4. **Городище Малоатлымское I (Лолмен-Вош).** Предметы из археологического слоя, изъятые у грабителей. Фото А.Н. Кондрашёва

современного российского общества с учётом его традиций, образовательного уровня, культурного развития и национального менталитета. Как это сделано, например, в Китае. Ну, невозможно добиться роста черенка даже от здорового дерева, если он пересажен на другую почву и в другие условия. Если для законопослушного европейца информационный указатель на памятнике археологии звучит приказом «Копать нельзя, охранять!», то для россиянина — «Копать, нельзя охранять!». (Много ли по России расставили пресловутых «информационных надписей и обозначений» на памятниках археологии, расположенных в удалении от населённых пунктов, за прошедшее после введения этой законодательной нормы десятилетие? Единицы — и слава богу. Без них есть хоть какая-то надежда, что грабители, которые платят немалые деньги за любую информацию о местонахождении памятников, не заметят курган или западину и пройдут мимо. А установи этот продукт законотворческой мысли — и тут же не будет памятника). Если для уважающих свою историю и право граждан понятия «клад» и «объект археологии» не путаются ни в уголовном кодексе, ни в обыденном сознании, то для подавляющего большинства наших соотечественников данное им законом право на поиск кладов второе понятие закрыло собою напрочь. И теперь российские журналисты едва успевают выдавать на-гора сенсации «кладоискательства», обильно демонстрируя при этом предметы материальной культуры из слоёв археологических памятников. Для них, а уж тем более для авантюристов всех мастей теперь нет «археологических памятников» — только «клады». Действия российского гражданина с металлодетектором как нельзя лучше подпадают под принцип «Если у тебя в руках молоток, то всё вокруг трактуется как гвозди».

— Рынок антиквариата в стране получит правовую и организационную регламентацию, станет цивилизованным и прозрачным.

— Органы охраны правопорядка введут-таки в свою правоприменительную практику преследование лиц, уличённых в несанкционированном проведении раскопок археологических памятников и незаконном обороте археологических артефактов либо в пособничестве указанным криминальным деяниям.

Полагаться только на разъяснительную работу и рост сознательности у населения, как это предлагается во многих публикациях по проблеме незаконных раскопок на памятниках археологии, — это то же самое, что рассказывать о красоте поэзии Пушкина обкуренным подросткам с финкой в тёмной подворотне.

А теперь — повторное представление принципов публикации в мартирологе материалов из археологических памятников на территории ХМАО — Югры, приобретённых в ходе несанкционированных раскопок и представленных к продаже на грабительских сайтах в Интернете:

— Суть данной публикации — лишь начальный шаг введения артефактов

в археологию путём их представления в научном издании. И представление это чисто морфологическое — только обликом (как при извлечении предмета из культурного слоя). Культурно-хронологическая атрибуция, поиски параллелей или даже простое описание — это уже следующие шаги процедуры работы с археологическим источником, которые мы с удовольствием предлагаем сделать нашим коллегам. В данной публикации такие задачи не ставятся.

— Мы не несём ответственности за качество иллюстраций, которые копируем с сайтов из Интернета.

— Мы не несём ответственности за извлечённую с грабительских сайтов информацию, которая в силу непрофессионализма «чёрных копателей» может быть искажена непреднамеренно, а из-за криминального характера этого вида бизнеса — преднамеренно.

— Источники информации не указываются. Никаких электронных адресов, сайтов, так называемых ников (псевдонимов Интернет-пользователя) или подлинных имён грабителей, часть которых нам удалось выяснить... Считаем ошибкой, когда археологи в критике своих оппонентов начинают называть их сайты. Научный сборник — не рекламная площадка для уголовников от археологии и не посредник между грабителями и скупщиками краденого. Можем лишь заверить читателей, что почти вся представленная в этой публикации информация собрана во Всемирной Паутине.

Увы, мартиролог продолжается...

Грабительская коллекция из слоя неизвестного археологического памятника железного века в районе протоки Горной Субботы (правобережье р. Иртыша) (Тюменская обл., Уватский р-н на границе с территорией ХМАО – Югры)

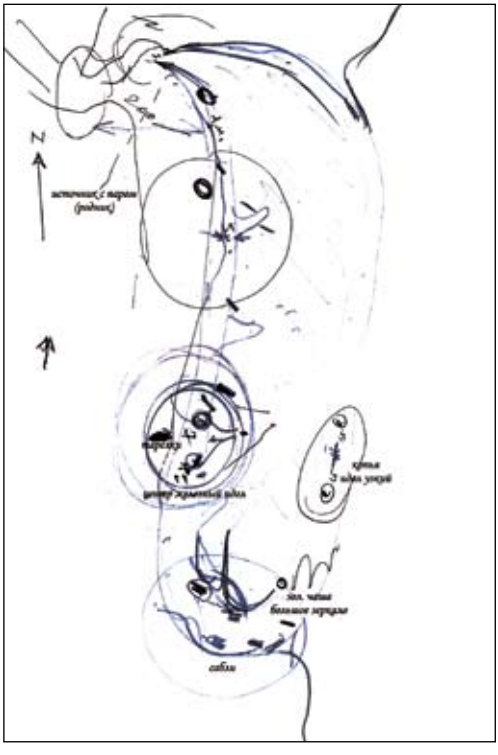
Памятник располагался на останце правой террасы р. Иртыша (ил. 5).

Был уничтожен в 2008—2011 гг. жителем г. Тобольска, который, без лишней скромности именуя себя «патриотом Сибири», стяжал теперь сомнительную славу «Герострата Сибири», поскольку, судя даже по той неполной информации о предметном ряде, которую удалось получить, он уничтожил один из наиболее крупных (или даже самый крупный) и информативных сакральных объектов Северо-Западной Сибири раннего железного века и Средневековья. Собранные предметы распродаются «патриотом» по частям, наиболее ценные (из драгметаллов) уже куплены коллекционерами из разных городов.

По информации грабителя, предметы, извлечённые им из культурного слоя с помощью металлодетектора, распределялись по краю останца минимум четырьмя комплексами (ил. 6):

Ил. 5. Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы. Общий вид (фото и информация разрушителя памятника)

Ил. 6. Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы. Распределение инвентаря (план и информация разрушителя памятника)

1) железные наконечники копий (№ 89—101) и одна из бронзовых антропоморфных фигур (№ 37—39);
2) золотая (?) чаша (№ 4) и большое зеркало (№ 20—23);
3) клинковое оружие (№ 46—69);
4) железная антропоморфная фигура (№ 40) и блюда/чаши (№ 1—19).

Для нижеприведённого перечня визуальная информация взята с любительских фотографий грабителя, снятых в домашних условиях. Поэтому иллюстрации некачественны и немасштабированы. Однако съёмка предметов группами позволила выявить хотя бы их относительные метрические характеристики. Поэтому атрибуция предметов объективна — например, наконечники стрел и наконечники копий уверенно разделены, хотя их морфологические признаки без указания масштаба в данной публикации близки или идентичны.

Несколько малоценных предметов (№ 85—88), отданных грабителем за ненадобностью, а также 3 зеркала (№ 26—28) и несколько височных колец (№129—130) (?), временно переданных им для профессиональной фотосъёмки, публикуются с указанием масштаба.

Для данной публикации первоначальную и достаточно предположительную (настолько, насколько это возможно по любительской немасштабированной фотографии плохого качества) атрибуцию чаш выполнил К.Г. Карачаров при консультировании у К.А. Руденко (Казанский государственный университет культуры и искусств) и В.П. Степаненко (Уральский государственный университет).

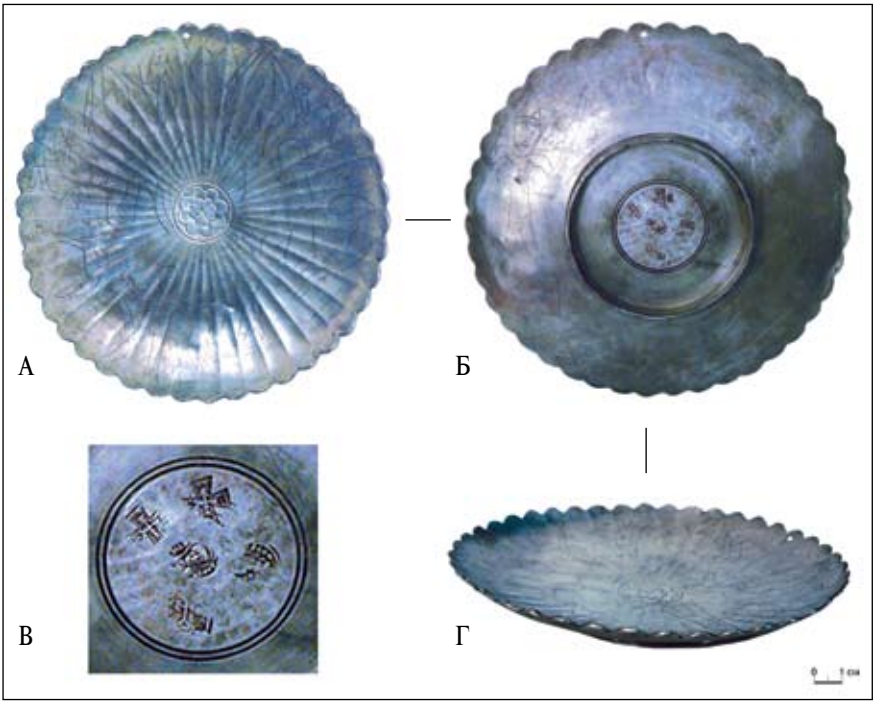
По фотографиям удалось выявить 152 предмета, в реальности их, конечно, больше. И сборы продолжают увеличиваться.

Блюда и чаши

1. **Блюдо орнаментированное, клеймёное, с граффити.** Серебро (?). Византия (Константинополь). VII в. (?) (ил. 7).

Представляет собою невысокое блюдо с волнистым краем и низким поддоном по всей окружности дна. Форма традиционна для византийских изделий, а вот 8-лепестковая розетка в центре оригинальна, поскольку чаще это место занимает крест с чернью. С изнанки на днище нанесены 5 клейм, одно из которых В.П. Степаненко в устной консультации отнёс к эпохе Константина II (641—651/652 гг.). Находки подобных византийских чаш зафиксированы на широком географическом пространстве, включая Приуралье и Зауралье.

Поверхность изделия уже в Урало-Сибирском регионе была покрыта гравированными (штихелем по металлу) рисунками, выполненными в традиционном для средневекового изобразительного искусства стиле и представляющими устоявшийся сюжет — антропоморфные фигуры с остроугольным

Ил. 7. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Блюдо орнаментированное клеймёное с граффити. А — вид сверху; Б — вид снизу; В — клейма; Г — вид сбоку

либо трёхзубчатым завершением очелья в положении анфас, с расставленными ногами и поднятыми вверх руками, в каждой из которых зажато по мечу. На внутреннюю поверхность нанесено более двух десятков человеческих фигур и голов, на внешнюю — одна.

Около кромки пробито небольшое отверстие (скорее всего, для подвешивания).

2. **Блюдо орнаментированное.** Бронза (?). Иран (?). VIII—IX вв. (?) (ил. 8).

Тонкостенное блюдо с узким бортиком. Дно украшено шестью гравированными концентрическими кругами, распределёнными поровну в два кольца.

Ил. 8. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Блюдо орнаментированное

На расстоянии около трети окружности посудины примерно посередине стенки пробиты два отверстия (возможно, для подвешивания).

Подобная находка известна из Аверинского II могильника[10].

3. **Блюдо орнаментированное, с граффити.** Бронза (?). Иран (?). VIII—IX вв. (?) (ил. 9).

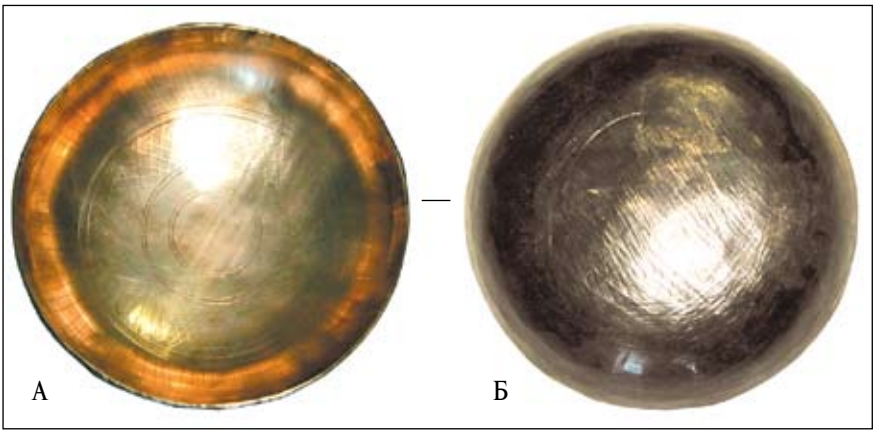
Ил. 9. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Блюдо орнаментированное, с граффити

Тонкостенное блюдо с узким горизонтальным бортиком. Декор представлен двумя группами гравированных (прочерченных по металлу) линий. Первая — это два концентрических круга на дне, нанесённых, скорее всего, изготовителем изделия. А вторая — параллельные прямые линии на стенке блюда. Фотография не даёт возможности детально разглядеть последние: можно лишь предположительно указать, что эти линии собраны в 12—14 групп примерно по 5 штук в каждой. Небрежность их нанесения (отсутствие строгой дистанции между группами, единой длины и параллельности) позволяет предположить более позднее появление этого орнамента. Скорее всего, он является подражанием декору некоторых ёмкостей (в том числе и в составе представляемой коллекции), стенки которых имеют вертикальные параллельные линии (гравированные либо рельефные). Местное орнаментальное добавление является ещё одним проявлением средневековой традиции урало-сибирского населения материализовать процесс аккультурации импортных предметов путём нанесения на них собственных граффити.

Ещё одним свидетельством включения предмета в контекст новой культуры (в том числе — изменения его прагматики) может являться аморфное отверстие на изгибе пограничья днища и стенки — не исключено, что оно имеет искусственное происхождение (предположим, для подвешивания).

4. **Блюдо орнаментированное, с граффити.** Золото или бронза. Иран (?). VIII—XI вв. (?) (ил. 10).

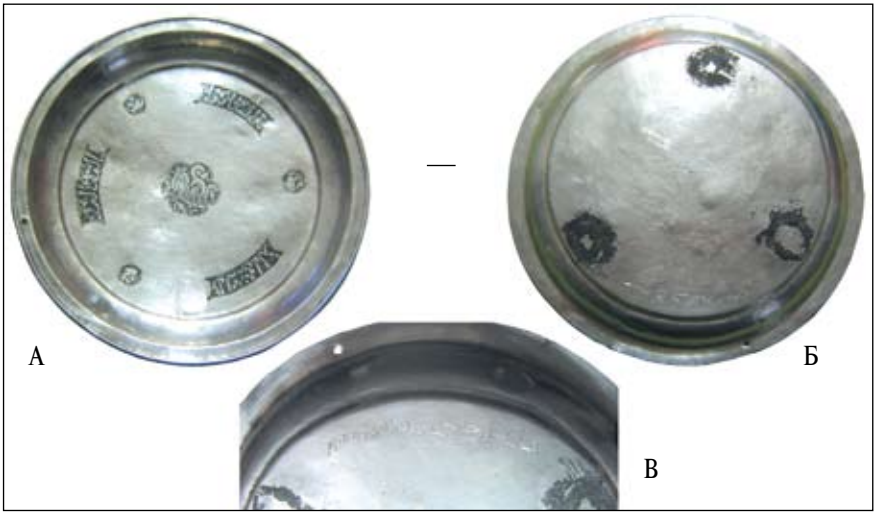
Тонкостенное блюдо с очень узким горизонтальным бортиком. Как и предыдущий экземпляр, несёт на себе две группы орнамента, выполненного гравированными (прочерченными по металлу) линиями. Первая группа появилась при изготовлении изделия — это четыре концентрических кольца из спаренных линий: три — на дне (два — ближе к центру, один — на границе днища со стенкой) и один недалеко от венчика. Вторая группа орнамента — это вертикальные параллельные прямые на внутренней поверхности стенки (но не сгруппированные, как на предыдущем блюде, а сплошные) и сетка

Ил. 10. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Блюдо орнаментированное, с граффити. А — вид сверху; Б — вид снизу

на дне между внешним и средним декоративными кольцами. Они выполнены чрезвычайно небрежно, что опять склоняет к мысли об их отнесении к категории граффити, которые могли появиться уже в период бытования блюда на территории Урало-Сибирского региона.

На плане грабителя есть указание на обнаружение «золотой чаши». На сделанных им фотографиях более других под указанный признак подпадает

Ил. 11. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Блюдо орнаментированное, с легендой. А — вид сверху; Б — вид снизу; В — легенда

именно этот предмет. Но не исключено, что находка из золота не была отснята вовсе, и представленное блюдо изготовлено из меди либо бронзы.

5. Блюдо орнаментированное, с легендой. Серебро (?). Иран (?). X—XIV вв. (?) (ил. 11).

Тонкостенное блюдо с широким бортиком, зафальцованным по кромке. Дно декорировано чернью: в центре — профильная орнитоморфная фигура с человеческой головой в фас, по кругу — чередование трёх удлинённых картушей с легендами на арабском языке и трёх округлых картушей с профильной водоплавающей птицей с растительным элементом над ней. На днище снизу около края сохранились следы трёх припоев (от ножек?), между двух из них выгравирована в одну строку надпись.

Напротив неё в бортике пробито округлое отверстие (для подвешивания?).

Стилистически и композиционно орнаменту на этой и следующей находке близок декор с блюда, найденного в кон. XVIII в. у с. Слудка Пермского уезда[11]. Известен керамический сосуд в виде птицы с женской головой из Ирана XIII в.[12]

6. Фрагмент блюда орнаментированного. Серебро (?). Иран (?). XI—XIV вв. (?) (ил. 12).

Фрагмент тонкостенного блюда без бортика, которое относилось к тому же типу, что и два предыдущих, но с другим сюжетом декора. Центр дна здесь занимает круг с растительно-линейным узором вокруг крестообразной

Ил. 12. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Фрагмент блюда орнаментированного

фигуры, а плоскость вокруг этого круга занята чередованием трёх удлинённых картушей с растительно-линейным мотивом и трёх округлых картушей с трёхлучевой свастикой в растительном стиле.

Возможно, это подделка под иранскую продукцию.

7. **Блюдо орнаментированное.** Серебро (?). Иран (?). XI– XIV вв. (?) (ил. 13).

Ил. 13. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Блюдо орнаментированное. А – вид сверху; Б – вид снизу

Тонкостенное блюдо с широким горизонтальным бортиком и уступом на границе стенки и днища. Элементы декора занимают дно и стенку.

На дне использована техника гравировки. В центре размещён замкнутый в круг черневой растительный орнамент, остальное пространство по окружности занято четырьмя равноудалёнными гравированными кругами циркульного орнамента с хорошо заметной точкой от ножки орнаментира. Плохое качество фотографии не позволяет утверждать однозначно, но кажется, что поверх изначального декора позже был нанесён и местный (уралосибирский) – антропоморфные фигуры или человеческие личины.

Изогнутая плоскость тонкой стенки украшена четырьмя группами вертикальных прямых параллельных высоких приострённых валиков, выдавленных с изнанки, – по четыре в каждой группе. Возможно, именно этот элемент декора стал поводом для подражания при нанесении сгруппированных или сплошных гравированных линий на борта других блюд представляемого комплекса.

Пара аморфных отверстий, расположенных друг напротив друга на границе бортика и стенки блюда, возникла, скорее всего, в результате преднамеренных действий (к примеру, для подвешивания).

8. **Блюдо орнаментированное.** Серебро (?). Пермь (русско-пермский центр). Кон. XIV–XVI в. (?) (ил. 14).

Блюдо с очень пологой стенкой и зафальцованным краем венчика. Внутренняя поверхность декорирована гравировкой: художественно выполненный

четырёхконечный крест (на дне) в круге из двух концентрических колец с «верёвочным орнаментом» меж ними (по низу стенки).

В верхней части стенки около венчика проделано округлое отверстие (для подвешивания?).

Ил. 14. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Блюдо орнаментированное

9. **Блюдо орнаментированное, с граффити.** Серебро (?). Россия (?). XV– XVIII вв. (?) (ил. 15).

Блюдо с низкой стенкой, зафальцованным краем венчика и небольшим круглым поддоном по центру. Снаружи по нижней части стенки декорировано художественной гравировкой в виде двух концентрических окружностей с зигзагом между ними. Здесь же, не стенке способом гравировки (тонким штихелем по металлу) нанесены два профильных рисунка лосиной головы. Схожесть с оригиналом передана очень удачно, однако смущает нетрадиционная для урало-сибирского стиля иконография изображений, больше похожая на современную.

В верхней части стенки проделана пара округлых отверстий (для подвешивания?).

10. **Блюдо.** Серебро (?). Россия (?). XV–XVIII вв. (?) (ил. 16).

Аналогично предыдущему предмету: блюдо с низкой стенкой, зафальцованным краем венчика и небольшим круглым поддоном по центру. На этот раз наружная поверхность не имеет орнаментации.

А Б

Ил. 15. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Блюдо орнаментированное, с граффити. А – вид снизу; Б – граффити

Ил. 16. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Блюдо

Ил. 17. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Блюдо

Впрочем, нельзя исключать, что два последних блюда в действительности являются одним предметом, снятым в разных проекциях, — сверху и снизу. Низкое качество фотографий и непрофессионально поставленный свет при съёмке не позволяют однозначно определить объём предмета.

11. **Блюдо.** Бронза (?) (ил. 17).

Блюдо с низкой, слегка наклонной стенкой и узким горизонтальным бортиком. Следов орнаментации по фотографии не видно.

В верхней части стенки имеется округлое отверстие (для подвешивания?).

12. **Чаша орнаментированная.** Серебро (?). Иран (?). VIII—IX вв. (?) (ил. 18).

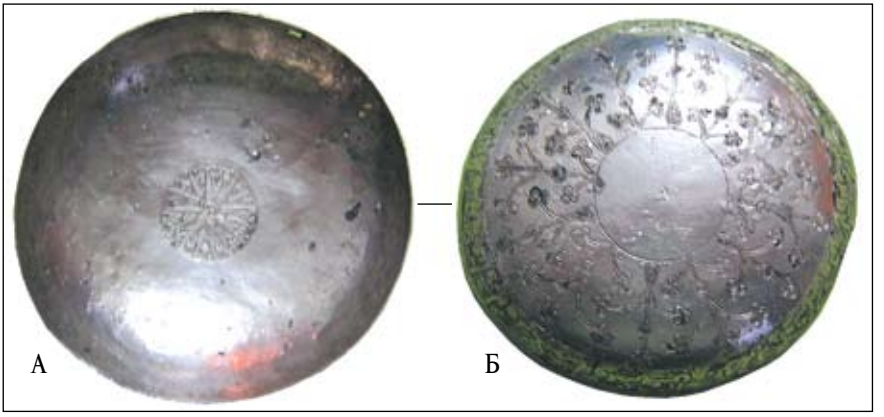
Чаша с наклонной стенкой, завершающейся плоским венчиком без бортика. Декорирована гравировкой. Изнутри дно украшено многолучевой розеткой; снаружи (кроме оконтуренного кругом неорнаментированного днища) — вертикально ориентированными растительными побегами. Кроме того, не исключено, что с внешней стороны по венчику нанесена надпись (ракурс фотографии позволяет говорить об этом лишь предположительно).

Декор вызывает некоторые сомнения в подлинности предмета.

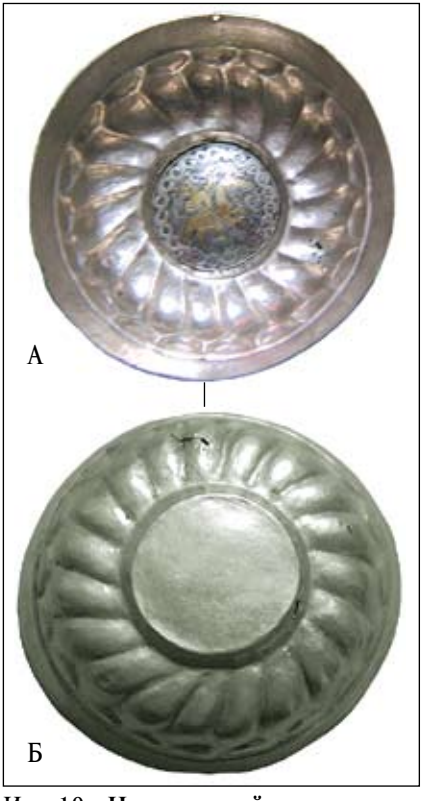
13. **Чаша орнаментированная.** Серебро (?), частичная позолота (?). Пермь (русско-пермский центр). Кон. XIV—XVI в. (?) (ил. 19).

Массивная конусовидная чаша с высокой ложчатой стенкой и широким наклонным внутрь бортиком. Вставленное дно представляет собою круглый медальон с широко известным сюжетом под условным названием «Сокольничий» — профильной фигурой конного всадника в окружении зооморфных и орнитоморфных образов[13]. В данном случае, насколько можно судить по фотографии, центральный образ сюжета позолочен.

В бортике около кромки пробито округлое отверстие (для подвешивания?).

Ил. 18. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Чаша орнаментированная. А — вид сверху; Б — вид снизу

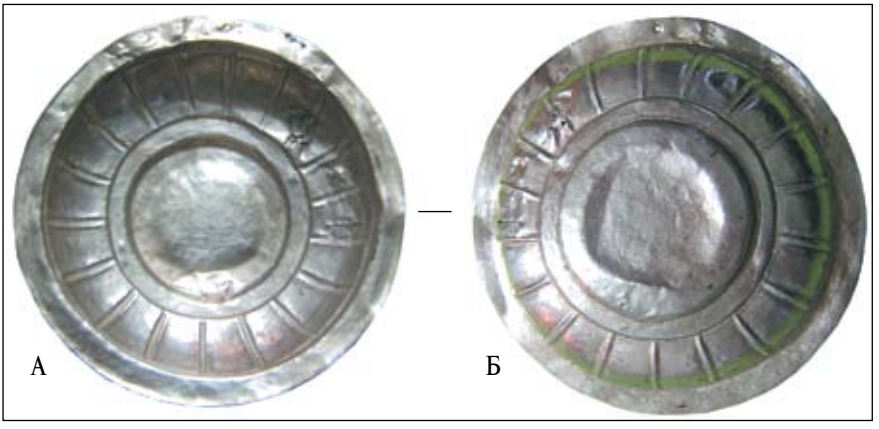

Ил. 19. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Чаша орнаментированная

14. Фрагмент чаши орнаментированной. Серебро (?). Пермь (русско-пермский центр). Кон. XIV—XVI в. (?) (ил. 20).

Ил. 20. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Фрагмент чаши орнаментированной

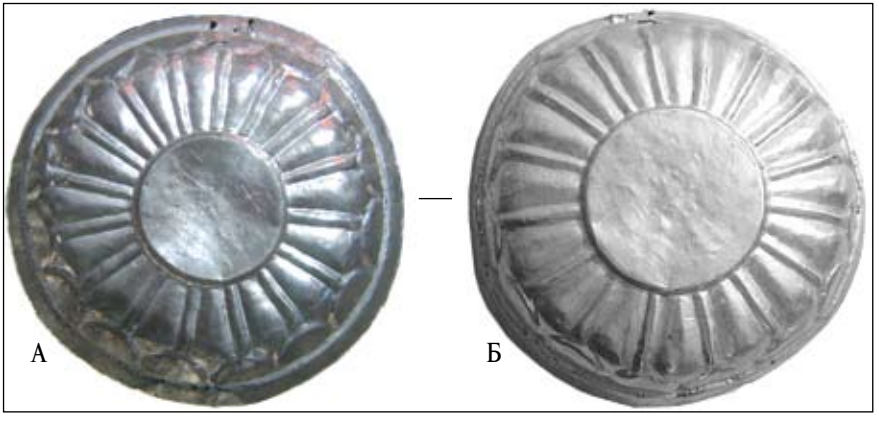
Ил. 21. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Чаша орнаментированная. А — вид сверху; Б — вид снизу

Примерно половина тонкостенной чаши с невысокой стенкой и широким горизонтальным бортиком с валиком во внутренней границе. Дно декорировано таким же сюжетом под условным названием «Сокольничий», что и предыдущий образец посуды, а стенка — широкой полосой уголкового орнамента в мотиве «ёлочка».

По центральной оси бортика пробито округлое отверстие (для подвешивания?).

15. **Чаша орнаментированная.** Серебро (?). Пермь (русско-пермский центр). Кон. XIV—XVI в. (?) (ил. 21).

Тонкостенная чаша с невысокой стенкой и широким горизонтальным бортиком. Углубленное уступом дно и бортик — без орнамента, стенка украшена прямыми параллельными желобками.

Ил. 22. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Чаша орнаментированная. А — вид сверху; Б — вид снизу

В бортике пробито округлое отверстие (для подвешивания?).

16. **Чаша орнаментированная.** Серебро (?). Пермь (русско-пермский центр). Кон. XIV—XVI в. (?) (ил. 22).

Тонкостенная чаша с двумя ступенеобразными уступами: нижний отделяет круглое дно от стенки, верхний — стенку от венчика. Изначально дно было свободным от декора, а плоскость стенки отформована в виде орнаментальной композиции: вверху (под верхним уступом) — бахрома из полукружий, внизу (над нижним уступом) — прямые параллельные спаренные приострённые валики. Позже, уже в период бытования чаши в Урало-Сибирском регионе чистое пространство на дне было заполнено гравировками — фигурами остроголовых антропоморфов, насколько позволяет рассмотреть фотография.

В бортике небрежно пробита пара округлых отверстий (для подвешивания?).

17. **Фрагмент чаши орнаментированной.** Серебро (?). Пермь (русско-пермский центр). Кон. XIV—XVI в. (?) (ил. 23).

Большой (более половины) обломок тонкостенной чаши со ступенеобразно углубленным дном и широким горизонтальным бортиком. Декорировано давлением: дно — 9-лепестковой розеткой, стенка — вертикальными прямыми параллельными приострёнными валиками.

В бортике проделаны два круглых отверстия (для подвешивания?).

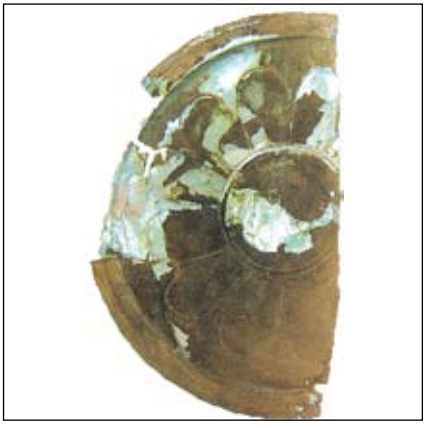
Ил. 23. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Фрагмент чаши орнаментированной

Ил. 24. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Чаша орнаментированная

18. **Чаша орнаментированная.** Бронза (?). Пермь (русско-пермский центр). Кон. XIV—XVI в. (?) (ил. 24).

Сильно деформированная тонкостенная чаша (возможно, со ступенеобразно углубленным дном). По стенке давлением оттиснут горизонтальный ряд уголков (иначе — «горизонтальная ёлочка») между двумя концентрическими окружностями.

Ил. 25. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Фрагмент чаши орнаментированной

Около кромки имеется круглое отверстие (для подвешивания?).

Множественные следы разрывов. Можно предполагать, что предмет побывал в открытом огне.

19. **Фрагмент чаши орнаментированной.** Бронза с серебрением или лужением (?). Пермь (русско-пермский центр). Кон. XIV—XVI в. (?) (ил. 25).

Большой (более половины диаметра) обломок тонкостенной чаши с широким горизонтальным бортиком. По стенке сделаны овалоподобные вдавления, что в совокупности с неорнаментированным круглым дном формирует образ многолепестковой розетки.

Наличествуют следы разрывов. Можно предполагать, что предмет побывал в открытом огне.

Зеркала и диски

20. **Зеркало овальное, с черешком, с граффити.** Бронза (?). Ранний железный век (ил. 26).

Зеркало в форме горизонтального овала с длинной прямой ручкой, заканчивающейся округлым расширением. На одной стороне диска в характерной для урало-сибирской традиции художественной гравировки раннего железного века нанесена многофигурная композиция, развёрнутая на 180 градусов относительно ручки[14]. На этот раз она состоит из трёх ярусов. Верхний составили грибообразные заштрихованные фигуры (постройки?), аналогичные образам на следующем зеркале. Средний и нижний ярусы композиции составили силуэты животных в проекции сверху и сбоку. Один из персонажей по характерной изобразительной манере передачи хвоста идентифицируется как бобр.

Противоположная сторона зеркала свободна от декора.

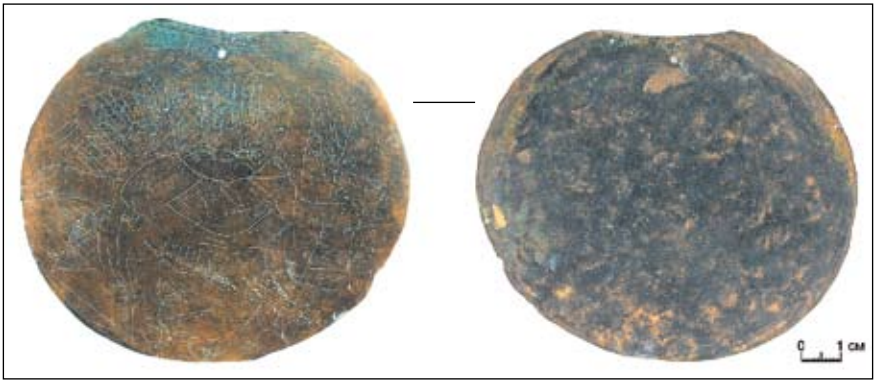
21. **Зеркало округлое, без черешка (?), с граффити.** Бронза (?). Ранний железный век (ил. 27).

Утрата небольшого сегмента в окружности зеркала не позволяет однозначно определить типологическую принадлежность этого диска, который мог быть как без рукояти изначально, так и утратить её. Тем более, что основание рукояти является местом максимального напряжения металла, и облом наиболее вероятен именно здесь. Видимо, уже после утраты целостности диска на этом месте было сделано круглое отверстие (для подвешивания?).

На одной плоскости диска ручным штихелем нанесён гравированный рисунок в стиле урало-сибирской изобразительной традиции раннего железного

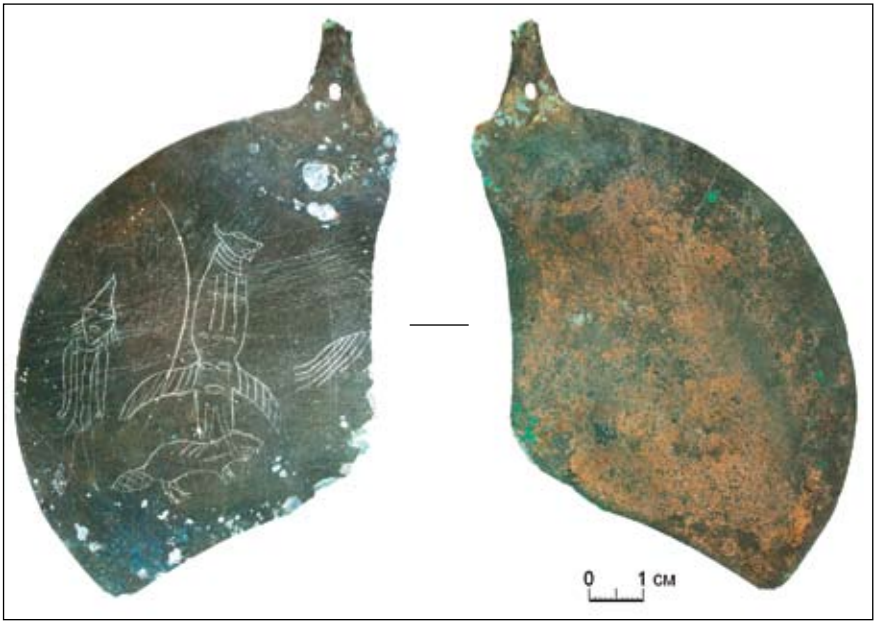

Ил. 26. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Зеркало округлое, с черешком, с граффити

Ил. 27. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Зеркало округлое, без черешка (?), с граффити

века. Композицию составили: в центре — крупная фасовая фигура сидящего человека со сцепленными трёхпалыми руками и семью вертикальными полосами на месте носа; на флангах — грибообразные заштрихованные фигуры (постройки?), аналогичные образам на предыдущем зеркале; на периферии (по дуге диска) — зооморфные либо фалломорфные символы.

Ил. 28. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Фрагмент зеркала округлого, с черешком, с граффити

На противоположной стороне ни первичного декора, ни вторичных граффити нет.

22. **Фрагмент зеркала овального, с черешком, с граффити.** Бронза (?). Ранний железный век (ил. 28).

Крупный (около трети площади плоскости) обломок зеркала округлой либо слегка овальной формы. Выступавшая за край окружности прямая ручка обломилась и теперь метрически не определяется. В основании рукояти проделано отверстие в виде вертикального овала.

На одной стороне диска ручным штихелем нанесена художественная гравировка, развёрнутая на 180 градусов относительно ручки. В сохранившейся части композиции, характерной для урало-сибирского изобразительного искусства раннего железного века, ярусно представлены: вверху — три сложных образа со смешанными признаками человека, животного и птицы, внизу — бобр.

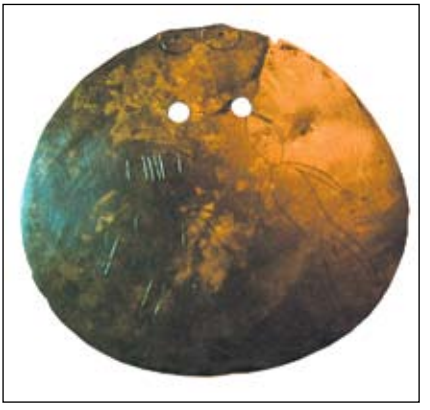
Противоположная сторона зеркала свободна от декора.

23. **Зеркало округлое, без черешка (?), с граффити (?).** Бронза (?). Ранний железный век (ил. 29).

Крупное зеркало округлой формы с мелкозубчатым оформлением кромки. Небольшой отсутствующий сектор оставляет открытым вопрос об изначальном присутствии ручки.

Ил. 29. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Зеркало округлое, без черешка, с граффити (?)

Ил. 30. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск округлый, с отверстиями, с граффити (?)

Фотография очень плохого качества, на ней лишь слегка проглядывают линии, которые могут отражать художественную гравировку, так часто присутствующую на подобных зеркалах (в том числе и в представляемой коллекции).

Недалеко от края диска с двух противоположных сторон проделано по одному круглому отверстию.

24. **Диск округлый, с отверстиями, с граффити (?).** Бронза (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 30).

Тонкий диск округлой формы. С обозримой (сфотографированной) стороны около кромки рядом друг с другом расположены два жёстко зафиксированных миниатюрных диска с отверстием в центре. Ниже них — пара крупных круглых отверстий.

С этой же стороны ручным штихелем выгравированы две ростовые антропоморфные фигуры в фас.

25. **Диск круглый, орнаментированный.** Бронза (?). Ранний железный век (ил. 31).

Круглый диск с круглым отверстием в центре. С обозримой (сфотографированной) стороны орнаментирован окружностью по кромке, в которую вписана 6-лепестковая розетка.

Ил. 31. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск круглый, орнаментированный

Ил. 32. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск круглый, орнаментированный

Ил. 33. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск круглый, орнаментированный

26. Диск круглый, орнаментированный. Бронза (?). Ранний железный век (ил. 32).

Круглый диск с круглым отверстием в центре. С обозримой стороны орнаментирован двумя группами концентрических рельефных элементов — тремя желобками либо четырьмя валиками (по фотографии непонятно) вокруг центрального отверстия и четырьмя желобками либо пятью валиками по кромке диска.

27. Диск круглый, орнаментированный. Бронза (?). Ранний железный век (ил. 33).

Судя по фотографии, это достаточно тонкий округлый диск. С обозримой стороны он орнаментирован 4—5 концентрическими рельефными элементами — желобками или валиками (по фотографии непонятно).

Недалеко от края диска с двух противоположных сторон проделано по одному круглому отверстию. Кромка имеет несколько утрат.

28. Диск округлый. Бронза (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 34).

Судя по фотографии плохого качества, диск имеет нечёткий абрис, в целом близкий овалу. Вопрос о наличии либо отсутствии орнаментации остаётся открытым.

Неясно и количество отверстий, которых может быть от одного до трёх, сгруппированных в одном месте.

29. Диск округлый. Бронза (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 35).

Диск округлой формы с круглым отверстием в центре без фиксируемых по фотографии признаков декора.

Около кромки имеется одно круглое отверстие, однако форма утрат абриса предмета подсказывает, что прежде по окружности таких отверстий могло быть 4—5.

Ил. 34. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск округлый

Ил. 35. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск округлый

Ил. 36. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск круглый

Ил. 37. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск овальный

30. **Диск округлый.** Бронза (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 36).

Круглый диск без заметных по фотографии признаков декора.

Около края проделано округлое отверстие.

31. **Диск овальный.** Бронза (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 37).

Ил. 38. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск овальный, с петлёй

Ил. 39. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск овальный, с сохранившимся литником

Овальный и, скорее всего, тонкий диск без заметных, по фотографии, признаков декора.

32. **Диск овальный, с петлёй.** Бронза (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 38).

Ил. 40. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск округлый, с сохранившимся литником, орнаментированный

Диск с небольшой петлёй, выступающей за кромку. Соотношение этой петли с абрисом предмета производит впечатление, что овальная форма последнего, скорее, возникла от недолива металла или от абразивного воздействия, чем являлась конечной целью литейщика.

33. **Диск овальный, с сохранившимся литником.** Белая бронза, серебро (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 39).

Небольшой диск с сохранившимся литником и без следов обработки после выемки из формы.

34. **Диск округлый, с сохранившимся литником, орнаментированный.** Бронза (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 40).

Небольшой диск с сохранившимся литником. На обозримой (сфотографи-

Ил. 41. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск овальный, с сохранившимся литником

Ил. 42. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Фрагмент диска овального, с сохранившимся литником

рованной) стороне при литье отформованы декоративные валики — короткие, параллельные, перпендикулярные литнику.

35. **Диск овальный, с сохранившимся литником.** Бронза (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 41).

Небольшой овальный диск с сохранившимся литником и без следов обработки после выемки из формы.

36. **Фрагмент диска овального, с сохранившимся литником.** Бронза (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 42).

Крупный фрагмент изначально овального или округлого диска с сохранившимся литником и без следов обработки после выемки из формы. Утрачены либо недолиты из-за нехватки металла сегменты справа и слева от литника.

Художественная металлопластика

37. **Антропоморфная фигура.** Бронза (?). Ранний железный век (ил. 43).

Плоское одностороннее литьё без обработки после выемки из формы. Изображение человеческой фигуры в полный рост, фасовое, с расставленными ногами и распахнутыми руками. Акцентированное подчёркивание мужского пола. Детали на плохой фотографии практически не видны, но по размерам и композиции это изображение напоминает два последующих.

Ил. 43. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Антропоморфная фигура

38. **Антропоморфная фигура.** Бронза (?). Ранний железный век (ил. 44).

Плоское одностороннее литьё без обработки после выемки из формы. Изображение человеческой фигуры в полный рост, фасовое, с митро-образным завершением очелья, с расставленными трёхпалыми ногами и распахнутыми трёхпалыми руками. Детали лица и гениталий переданы выступающим рельефом. Похоже на предыдущее и последующее изображения.

39. **Антропоморфная фигура.** Бронза (?). Ранний железный век (ил. 45).

Плоское одностороннее литьё без обработки после выемки из формы. Изображение человеческой фигуры в полный рост, фасовое, с плоским обрезом очелья, с расставленными трёхпалыми ногами и распахнутыми трёхпалыми руками. Детали лица и гениталий переданы выступающим рельефом. Аналогично двум предыдущим антропоморфным поделкам.

Ил. 44. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Антропоморфная фигура

Ил. 45. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Антропоморфная фигура

40. **Антропоморфная фигура.** Железо (?). Позднее Средневековье — новейшее время (ил. 46).

Изображение человеческой фигуры в полный рост, фасовое, с приострённым обрезом очелья, с расставленными и согнутыми в коленях трёхпалыми ногами и распахнутыми трёхпалыми руками. Плоское, без детализации. Несмотря на очевидную разновременность с предыдущими антропоморфами, представляемая фигура едина с ними по композиционному решению образа.

41. **Антропоморфная фигура.** Бронза (?). Ранний железный век (ил. 47).

Плоское одностороннее литьё. Изображение человеческой фигуры в полный рост, фасовое: непропорционально крупная голова с плоским обрезом очелья, практически полное отсутствие туловища с едва намеченными выступами на месте верхних конечностей и полностью переданными нижними. Несмотря на стилистическую индивидуальность, это изображение объединяется с четырьмя предыдущими в одну композиционную и, скорее всего, смысловую группы. Они же, персонифицируя один мифологический образ, могут послужить ключом к пониманию семантики и прагматики всего культового места, которым является разграбленный памятник.

42. **Антропо-зооморфная композиция.** Бронза (?). Ранний железный век — раннее Средневековье (ил. 48).

Плоское ажурное одностороннее литьё. Одна из распространённых композиций художественной металлопластики периода между заключительной фазой раннего железного века и началом развитого Средневековья: антропоморфный образ в фас (в конкретном случае — личина) между двумя зооморфными образами в

Ил. 46. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Антропоморфная фигура

Ил. 47. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Антропоморфная фигура

Ил. 48. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Антропо-зооморфная композиция

Ил. 49. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Зооморфная фигура

профиль (в данном случае — с сомкнутыми конечностями). Вверху — крупное подтреугольное отверстие.

43. **Зооморфное изображение.** Бронза (?). Средневековье (ил. 49).

Овальная плакетка с рельефным изображением фигуры животного с раскинутыми в стороны двупалыми конечностями в проекции сверху (В.Н. Чернецов назвал такую композицию «в распластанной позе»). Судя по характерному сетчатому оформлению хвоста — это бобр, а с учётом композиционного решения — это плывущий бобр. Такой сюжет не редкость для урало-сибирского изобразительного искусства эпох раннего железа и Средневековья и известен как в пластике, так и в рисунке. Оригинальной чертой представляемого решения типичного образа является нереально большой живот бобра (беременная самка?).

Ил. 50. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Пара ихтиоморфных фигур

44—45. Пара ихтиоморфных изображений. Бронза (?). Развитое Средневековье (ил. 50).

Подобные изображения рыб нередко изготавливались и использовались парами[15]. Их визуальный ракурс

включает в себя элемент инверсии: голова и туловище представлены при взгляде сверху, а вот раздвоенный хвост — сбоку, в профиль. Декоративные элементы, выполненные углублениями, не только украшают изображения, но и детализируют его реалиями биологического образа.

Представленные изображения, как и подавляющее большинство им подобных, в области головы имеют крупное круглое отверстие, что указывает на использование этих миниатюр в качестве подвесок.

Оружие

46. Меч (?). Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 51).

Судя по морфологическим признакам на плохой фотографии, скорее, меч, чем палаш. Перекрестье слегка сужается к окончаниям. Черешок рукояти короткий и сужающийся к навершию.

47. Меч (?). Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 52).

Ил. 51. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Меч (?)

Ил. 52. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Меч (?)

Ил. 53. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Меч (?)

Судя по морфологическим признакам на плохой фотографии, скорее, меч, чем палаш. Перекрестье значительно сужается к приострённым окончаниям. Черешок рукояти длинный, сужающийся к навершию и изогнутый.

48. **Меч (?).** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 53).

Судя по морфологическим признакам на плохой фотографии, скорее, меч, чем палаш. Перекрестье значительно сужается к приострённым окончаниям. Черешок рукояти длинный и немного сужающийся к плоскому навершию.

49. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 54).

Палаш с лёгким расширением к острию, которое косо срезано к лезвию. Без перекрестья. Окончание длинного, сужающегося к навершию приострённого черешка рукояти загнуто.

50. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 55).

Палаш со слегка изогнутой спинкой и с остриём, округло срезанным к лезвию. Без перекрестья. Сужающийся к навершию черешок рукояти асимметричен полотну оружия (приподнят к спинке).

51. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 56).

Ил. 54. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Ил. 55. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Ил. 56. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Короткий палаш с сужением к острию, которое имеет плавные срезы к спинке и лезвию. Без перекрестья. Черешок рукояти сужается к округлому навершию и немного изогнут вниз.

52. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 57).

Короткий палаш с лёгким сужением к острию, которое округло срезано к лезвию. Без перекрестья. Черешок рукояти сужается к навершию и немного изогнут вниз.

53. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 58).

Палаш со слегка изогнутой спинкой и с остриём, округло срезанным к лезвию. Без перекрестья. Черешок рукояти сужается к навершию и лишён чёткого уступа со стороны лезвия.

54. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 59).

Палаш со слегка изогнутой спинкой и с остриём, которое имеет плавные срезы в обе стороны. Без перекрестья. Черешок рукояти сужается к плоскому навершию и лишён чёткого уступа со стороны спинки.

Ил. 57. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Ил. 58. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Ил. 59. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

55. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 60).

Короткий и широкий палаш с сужением к острию, которое резко срезано к лезвию. Без перекрестья. Черешок рукояти чуть-чуть сужается к навершию.

56. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 61).

Палаш со слегка изогнутой спинкой и с закруглённым остриём, которое имеет плавные срезы в обе стороны. Без перекрестья. Короткий черешок рукояти сужается к округлому навершию.

57. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 62).

Палаш со слегка изогнутой спинкой и с закруглённым остриём, которое имеет плавный срез к лезвию. Без перекрестья. Короткий и широкий черешок рукояти сужается к навершию.

Ил. 60. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Ил. 61. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Ил. 62. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

58. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 63).

Палаш с лёгким сужением к острию, которое округло срезано к лезвию. Без перекрестья. Часть широкого черешка рукояти утрачена.

59. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 64).

Палаш, острие которого округло срезано к лезвию. Перекрестье значительно сужается к плоским окончаниям. Длинный черешок рукояти слегка изогнут.

60. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 65).

Палаш со слегка изогнутой спинкой и с остриём, резко срезанным к спинке и округло — к лезвию. Перекрестье слегка сужается к плоским окончаниям. Черешок рукояти длинный и сужающийся к навершию.

Ил. 63. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Ил. 64. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Ил. 65. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

61. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 66).

Палаш со слегка изогнутой спинкой и с остриём, резко срезанным к лезвию. Перекрестье немного сужается к приострённым окончаниям. Черешок рукояти утрачен.

62. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 67).

Палаш со слегка приподнятым остриём, округло срезанным к лезвию. Перекрестье немного сужается к плоским окончаниям. Черешок рукояти сужается к навершию, незначительно загнут вниз и примерно в трети своей длины от перекрестья снабжён круглым отверстием.

63. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 68).

Палаш с остриём, резко срезанным к спинке и округло — к лезвию. Перекрестье сужается к приострённым окончаниям. Черешок рукояти сужается к приострённому навершию и слегка изогнут вниз.

Ил. 66. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Ил. 67. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Ил. 68. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

64. **Палаш.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 69).

Палаш со значительным расширением к острию, которое косо срезано к лезвию. Окончания перекрестья снабжены небольшими шариками. Черешок рукояти длинный, сужающийся к навершию и загнутый в окончании.

65. **Сабля.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 70).

Короткая сабля с сужающимся к острию клинком. Без перекрестья. Широкий черешок рукояти сужается к навершию и не имеет чёткого уступа со стороны спинки.

66. **Сабля.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 71).

Сабля с слегка сужающимся к острию клинком. Без перекрестья. Широкий черешок рукояти сужается к приострённому навершию.

Ил. 69. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Палаш

Ил. 70. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Сабля

Ил. 71. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Сабля

67. **Сабля.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 72).

Длинная, узкая сабля. Перекрестье немного сужается к плоским окончаниям. Широкий черешок рукояти сужается к навершию до плоского обреза.

68. **Сабля.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 73).

Длинная, с сильным изгибом, узкая сабля, слегка сужающаяся к острию. Перекрестье сужается к приострённым окончаниям, а черешок рукояти — к приострённому навершию.

69. **Сабля.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 74).

Широкая сабля, сужающаяся к острию. Окончания перекрестья снабжены небольшими шариками. Черешок рукояти слегка сужается к навершию и немного изогнут книзу.

Ил. 72. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Сабля

Ил. 73. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Сабля

Ил. 74. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Сабля

70. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Средневековье, Новое время, Новейшее время (ил. 75).

Нож черешковый, длинный. Спинка прямая, острие округло срезано к лезвию. Плечики на переходе клинка к черешку асимметричные: со стороны спинки — пологое, от лезвия — крутое.

71. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 76).

Нож черешковый, длинный, узкий. Клинок подтреугольной формы с прямой спинкой и смыкающимся с ней в точке острия лезвием. Плечики на переходе клинка к черешку асимметричные: со стороны спинки оно прямоугольное и расположено ближе к острию, от лезвия — остроугольное и отстоит ближе к навершию. Навершие черешка закруглено.

72. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 77).

Нож черешковый, длинный, узкий. Спинка прямая, острие округло срезано к лезвию. Плечики на переходе клинка к черешку асимметричные: со стороны спинки оно крутое, от лезвия — пологое. Навершие черешка закруглено.

73. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 78).

Нож черешковый, слегка сужающийся к острию, которое округло срезано к лезвию. Длинный черешок рукояти чётко оформлен плечиками и сужается к приострённому навершию.

Ил. 75. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 76. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 77. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 78. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

74. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 79).

Нож черешковый, с параллельными спинкой и лезвием, с остриём, резко срезанным к лезвию. Обломанный (?) черешок рукояти чётко оформлен косыми плечиками.

75. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 80).

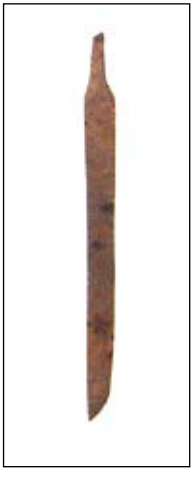
Нож черешковый, с параллельными спинкой и лезвием, с остриём, полого срезанным к лезвию. Плечики на переходе клинка к длинному и узкому черешку асимметричные: со стороны спинки оно более крутое, чем от лезвия. Навершие черешка закруглено.

76. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 81).

Нож черешковый. Клинок подтреугольной формы с прямой спинкой и смыкающимся с ней в точке острия лезвием. Плечики на переходе клинка к черешку двойные, прямоугольные, ступенеобразные. Сам черешок слегка сужается к навершию, которое со стороны спинки имеет небольшой выступ (если, конечно, это не является результатом коррозии — по фотографии определить невозможно).

77. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 82).

Нож черешковый. Длинное острие расковкой оттянуто и слегка приподнято над спинкой. Со стороны лезвия имеется выступ около плечика при переходе в черешок, что может являться как признаком сильной сточенности (изношенности) ножа, так и результатом изначально заданной при ковке формы. Черешок сужается к приострённому навершию.

Ил. 79. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 80. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 81. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 82. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

78. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 83).

Нож черешковый. В целом представляет собою сильно вытянутый овал, примерно посредине которого с одной стороны откован небольшой уступ, разделяющий лезвие клинка и черешок. Одна вершина этого овала закруглена в навершие черешка, вторая — приострена и оттянута в качестве острия ножа. Острие загнуто в сторону. При наличии подобного признака ещё у нескольких ножей с этого святилища (№ 84—87) напрашивается вывод о сакральной мотивации указанного действия.

79. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 84).

Нож черешковый. Со стороны спинки он имеет одну прямую по всей своей длине, а вот со стороны лезвия откован небольшой пологий уступ, отделяющий клинок от длинного и сужающегося к плоскому навершию черешка для рукояти. Острие срезано к лезвию в виде длинной пологой дуги.

80. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 85).

Нож черешковый, короткий, широкий. Спинка прямая, острие округло срезано к лезвию. Плечики на переходе клинка к черешку чёткие, симметричные. Черешок рукояти длинный, сужающийся к притуплённому навершию.

81. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 86).

Нож черешковый. Спинка прямая, острие срезано к лезвию в виде длинной дуги. Плечики на переходе клинка к длинному и узкому черешку асимметричные: со стороны спинки оно более крутое, чем от лезвия.

Ил. 83. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 84. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 85. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 86. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

82. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 87).

Нож черешковый, узкий. Со стороны спинки он имеет одну прямую по всей своей длине, а вот со стороны лезвия откован чёткий выступ, отделяющий клинок от длинного и сужающегося черешка для рукояти. Острие срезано к лезвию прямо, очень полого.

83. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 88).

Нож черешковый, широкий. Со стороны спинки он имеет одну прямую по всей своей длине, со стороны лезвия откован чёткий выступ, отделяющий клинок от длинного черешка с плоским навершием. Острие срезано к лезвию прямо, полого.

84. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 89).

Нож черешковый, небольшой. Со стороны спинки он имеет одну прямую по всей своей длине, со стороны лезвия откован пологий выступ, отделяющий клинок от длинного, широкого, сужающегося черешка с приострённым навершием. Округло срезанное к лезвию острие загнуто в сторону.

Ил. 87. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 88. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 89. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

Ил. 90. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нож

85. **Нож.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 90).

Нож черешковый с незначительно обломанным остриём. Клинок подтреугольной формы с прямой спинкой и смыкающимся с ней в точке острия лезвием. Плечики на переходе клинка к черешку симметричные, пологие. Черешок лезвия сужается к приострённому навершию. Конец ножа загнут в сторону[16].

86. **Фрагмент ножа.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 91).

Нож черешковый с обломанным остриём. Спинка и лезвие параллельны. На переходе клинка в черешок треугольной формы с приострённым навершием — коленчатый уступ. Конец ножа загнут в сторону.

87. **Фрагмент ножа.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 92).

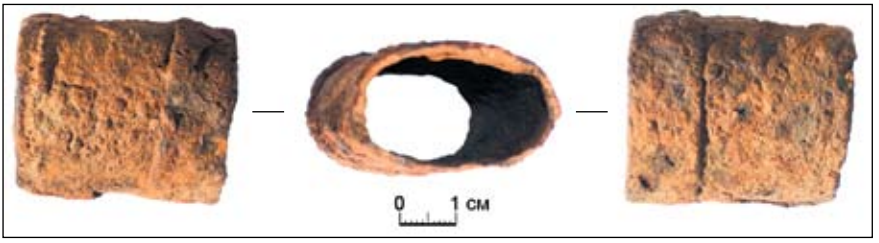
Нож черешковый с обломанными остриём и черешком. Клинок подтреугольной формы с прямой спинкой и смыкающимся с ней в точке острия лезвием. Плечики на переходе клинка к черешку почти симметричные, пологие. Конец ножа загнут в сторону.

Ил. 91. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Фрагмент ножа

Ил. 92. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Фрагмент ножа

Ил. 93. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Обойма ножа

88. **Обойма ножа.** Железо. Ранний железный век — Новейшее время (ил. 93). Обойма ножа овального сечения.

89. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 94).

Наконечник копья втульчатый, бронебойный (?). Втулка длиннее пера, около ободка снабжена отверстием (отверстиями?) для фиксации на древке. Плечики при переходе шиловидного пера в насад слегка асимметричные. Профиль пера по фотографии не определяется.

90. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 95).

Наконечник копья втульчатый, бронебойный (?). Втулка длиннее пера, около ободка снабжена отверстием (отверстиями?) для фиксации на древке. Плечики при переходе шиловидного пера в насад слегка асимметричные. Профиль пера по фотографии не определяется.

91. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 96).

Наконечник копья втульчатый, бронебойный (?). Втулка примерно вдвое длиннее пера, около ободка снабжена отверстием (отверстиями?) для фик-

Ил. 94. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья втульчатый

Ил. 95. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья втульчатый

Ил. 96. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья втульчатый

сации на древке. Плечики при переходе шиловидного пера в насад слегка асимметричные. Профиль пера по фотографии не определяется.

92. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 97).

Наконечник копья втульчатый, бронебойный (?). Мощная, крупного диаметра втулка примерно в пять раз длиннее пера. Около её ободка налицо отверстие (отверстия?) для фиксации на древке. Переход шиловидного пера в насад едва намечен и по фотографии почти не фиксируется — практически это заострённый вытянутый конус.

93. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 98).

Наконечник копья втульчатый. Втулка короче пера, около ободка снабжена отверстием (отверстиями?) для фиксации на древке. Перо в виде вытянутого треугольника имеет ромбовидное сечение и пологие плечики при переходе в насад.

94. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 99).

Наконечник копья втульчатый. Втулка примерно вдвое длиннее пера, имеет продольный шов и отверстие (отверстия?) для фиксации на древке около ободка. Перо в виде сильно вытянутого треугольника обладает ромбовидным сечением и пологими плечиками при переходе в насад.

Ил. 97. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья втульчатый

Ил. 98. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья втульчатый

Ил. 99. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья втульчатый

95. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 100).

Наконечник копья втульчатый. Мощная, крупного диаметра втулка почти втрое длиннее пера. Перо в виде сильно вытянутого треугольника имеет, судя по фотографии, линзовидное сечение и пологие плечики при переходе в насад.

96. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 101).

Наконечник копья втульчатый. Грацильная втулка примерно втрое длиннее пера. Перо в виде сильно вытянутого треугольника имеет, судя по фотографии, линзовидное сечение и очень пологие плечики при переходе в насад.

97. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 102).

Наконечник копья втульчатый. Втулка более чем вдвое длиннее пера, обладает ступенеобразным сужением и отверстием (отверстиями?) для фиксации на древке около ободка. Перо в виде сильно вытянутого полуовала имеет, судя по фотографии, линзовидное сечение и пологие, слегка асимметричные плечики при переходе в насад.

98. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 103).

Наконечник копья втульчатый. Втулка и перо примерно равны по длине. Перо в виде сильно вытянутого треугольника имеет, судя по фотографии, линзовидное сечение и пологие, слегка асимметричные плечики при переходе в насад.

Ил. 100. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья втульчатый

Ил. 101. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья втульчатый

Ил. 102. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья втульчатый

Ил. 103. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья втульчатый

99. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 104).

Наконечник копья черешковый. Мощный черешок сужается книзу. Перо в виде сильно вытянутого треугольника, скорее всего, плоское или линзовидное в сечении и имеет пологие, симметричные плечики при переходе в черешок.

100. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 105).

Наконечник копья черешковый. Черешок, почти вдвое уступающий в длине перу, сужается книзу. Перо в виде сильно вытянутого треугольника, скорее всего, плоское или линзовидное в сечении и имеет пологие, симметричные плечики при переходе в черешок.

101. **Наконечник копья.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 106).

Наконечник копья черешковый. Черешок, примерно вдвое уступающий в длине перу, сужается книзу. Ромбовидное перо, скорее всего, плоское или линзовидное в сечении.

102. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 107).

Наконечник стрелы черешковый, бронебойный (?). Если слабо намеченный выступ является перехватом, то черешок примерно вдвое короче пера. Черешок приострён книзу В целом шиловидное перо в срединной части чуть-чуть уплощено расковкой.

Ил. 104. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья черешковый

Ил. 105. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья черешковый

Ил. 106. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник копья черешковый

Ил. 107. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

103. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 108).

Наконечник стрелы черешковый, трёхлопастной. Более длинный, чем перо, черешок имеет ступенеобразно выделенное окончание (возможно, круглое). Очень слабо выраженные лопасти пера смыкаются с черешком под прямым углом.

104. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 109).

Наконечник стрелы черешковый, трёхлопастной. Более длинный, чем перо, черешок приострён книзу. Слабо выраженные лопасти пера смыкаются с черешком под прямым углом.

105. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 110).

Наконечник стрелы черешковый, трёхлопастной. Загнутый в сторону черешок либо обломан, либо намного короче пера. Рельефные лопасти пера смыкаются с черешком полого в сторону древка.

106. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 111).

Наконечник стрелы черешковый, трёхлопастной. Более короткий, чем перо, черешок уплощен и сохраняет ширину на всём сохранившемся протяжении. Рельефные лопасти пера выступают за границу с черешком, образуя шипы.

107. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 112).

Наконечник стрелы черешковый, трёхлопастной. Очень сильно коррозирован и потому морфологическому анализу недоступен.

Ил. 108. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 109. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 110. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 111. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

108. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 113).

Наконечник стрелы черешковый, трёхлопастный или плоский (по фотографии не устанавливается). Примерно равный перу по длине черешок приострён книзу и имеет коррозированное утолщение, которое может указывать на наличие в прошлом перехвата. Небольшие лопасти пера смыкаются с черешком полого в сторону древка.

Ил. 112. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

109. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 114).

Наконечник стрелы черешковый, трёхлопастный или плоский (по фотографии не устанавливается). Примерно равный перу по длине черешок тонкий, в сечении, наверное, округлый. Широкие лопасти смыкаются с черешком очень полого в сторону древка, отчего абрис пера приобретает форму ромба.

110. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 115).

Наконечник стрелы черешковый, плоский (не исключено, что и трёхлопастный — по фотографии не видно). Примерно равный перу по длине черешок имеет мощное основание и приострение книзу. Заметные лопасти пера смыкаются с черешком полого в сторону древка.

Ил. 113. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 114. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 115. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 116. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

111. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 116).

Наконечник стрелы черешковый, плоский (не исключено, что и трёхлопастный — по фотографии не видно). Более короткий, чем перо, черешок имеет ступенеобразно выделенное окончание, приострённое внизу. Заметные лопасти пера смыкаются с черешком чуть-чуть со скосом в сторону древка.

112. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 117).

Наконечник стрелы черешковый, плоский (не исключено, что и трёхлопастный — по фотографии не видно). Примерно равный перу по длине черешок уплощен и сохраняет ширину на всём своём протяжении. Заметные лопасти пера смыкаются с черешком полого в сторону древка.

113. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 118).

Наконечник стрелы черешковый, плоский (не исключено, что и трёхлопастный — по фотографии не видно). Примерно равный перу по длине черешок имеет мощное основание и приострение книзу. Рельефные лопасти пера асимметричны: смыкаются с черешком как перпендикулярно, так и полого в сторону древка.

114. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 119).

Наконечник стрелы черешковый, плоский. Тонкий, заострённый книзу черешок и ромбовидное перо примерно равны по длине и разделяются рельефным перехватом.

115. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 120).

Ил. 117. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 118. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 119. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 120. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Наконечник стрелы черешковый, плоский. Тонкий, заострённый книзу черешок и ромбовидное перо примерно равны по длине и разделяются рельефным перехватом.

116. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 121).

Наконечник стрелы черешковый, плоский. Перо в виде сильно вытянутого треугольника имеет пологие, симметричные плечики при переходе в черешок.

117. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 122).

Наконечник стрелы черешковый, плоский. Широкий у основания черешок, более чем вдвое превышающий в длине перо, сужается книзу до острого окончания. Перо в виде сильно вытянутого треугольника, скорее всего, плоское или линзовидное в сечении и имеет пологие, немного асимметричные плечики при переходе в черешок.

118. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 123).

Наконечник стрелы черешковый, плоский. Черешок короче пера (возможно, после утраты окончания). Перо, скорее всего, имеет плоское или линзовидное сечение. Его лопасти слегка выступают за границу с черешком, образуя небольшие шипы.

119. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 124).

Наконечник стрелы черешковый, плоский. Черешок и перо примерно одинаковы по длине. Перо, скорее всего, имеет плоское или линзовидное сечение. Его лопасти значительно выступают за границу с черешком, образуя шипы.

Ил. 121. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 122. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 123. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 124. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

120. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 125).

Наконечник стрелы черешковый, плоский. Черешок, слегка уступающий перу в длине, немного сужается к закруглённому с торца окончанию. Перо, скорее всего, имеет плоское или линзовидное сечение. Его лопасти значительно выступают за границу с черешком, образуя шипы.

121. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 126).

Наконечник стрелы черешковый, плоский. Черешок, слегка уступающий перу в длине, немного сужается к закруглённому с торца окончанию. Перо, скорее всего, плоского или линзовидного сечения. Его лопасти имеют плечико и значительно выступают за границу с черешком, образуя шипы.

122. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 127).

Наконечник стрелы черешковый, плоский. Черешок, слегка уступающий перу в длине, имеет одинаковую ширину на всём своём протяжении вплоть до закруглённого с торца окончания. Перо — вильчатый срезень.

123. **Наконечник стрелы.** Железо. Ранний железный век — Средневековье (ил. 128).

Наконечник стрелы черешковый, плоский. Тонкий, округлый (?) черешок, скорее всего, обломан. Перо — вильчатый срезень.

124. **Фрагмент щитка для защиты руки от тетивы.** Серебро с позолотой (?). Волжская Болгария. Развитое Средневековье (ил. 129).

Ил. 125. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 126. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 127. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 128. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Наконечник стрелы черешковый

Ил. 129. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Фрагмент щитка для защиты руки от тетивы

Большой фрагмент щитка для защиты руки от тетивы — примерно половина овала по большему диаметру. Вырезан из листа серебра и слегка согнут повдоль. На внешней стороне размещена орнаментально-художественная композиция: две линии переплетающихся волнистых линий в виде крупного шнурового узора (бордюром по краю овала и полосой по меньшему диаметру) и геральдическая композиция из двух профильных изображений животных в динамике (сохранились только конечности).

Оборотная сторона — тоже, видимо, позолоченная — не декорирована.

Около кромки пластинки в середине длинной дуги с наружной стороны просверлена пара круглых отверстий для фиксации щитка на кисти руки.

Подобный по декору, материалам изготовления и, скорее всего, по метрическим признакам щиток известен в коллекции Сайгатинского I святилища (Сургутское Приобье). В литературе он атрибутирован в качестве продукции мастеровых Волжской Болгарии XII—XIII вв[17].

Орудия

125. **Топор.** Железо. Средневековье — Новое время (ил. 130).

Топор проушной. Лезвие — широкое, симметричное, закруглённое. Проух — каплевидный. Обух — уплощен.

Топор такого типа из материалов Сайгатинского IV могильника (Сургутское Приобье) датирован XIV в.[18]

Ил. 130. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Топор проушной

Ил. 131. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Топор проушной

126. **Топор.** Железо. Средневековье — Новое время (ил. 131).

Топор проушной; такого же типа, что и предыдущий, но с утолщенным и закруглённым лезвием.

127. **Крючок рыболовный.** Железо. Средневековье — Новое время (ил. 132).

Крючок рыболовный с выделенной бородкой у раскованного острия и с кольцом для привязывания на противоположном конце. Выгнут из кованного стержня.

128. **Крючок рыболовный.** Железо. Средневековье — Новое время (ил. 133).

Крючок рыболовный с небольшой выделенной бородкой у раскованного острия и с крюком для привязывания на противоположном конце. Выгнут из кованного стержня.

Ил. 132. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Крючок рыболовный

Ил. 133 **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Крючок рыболовный

Ил. 134. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Крючок рыболовный

129. **Крючок рыболовный.** Железо. Средневековье — новое время (ил. 134).

Крючок рыболовный с небольшой выделенной бородкой у раскованного острия и с плотным загибом для привязывания на противоположном конце. Выгнут из кованного стержня.

Украшения и детали одежды

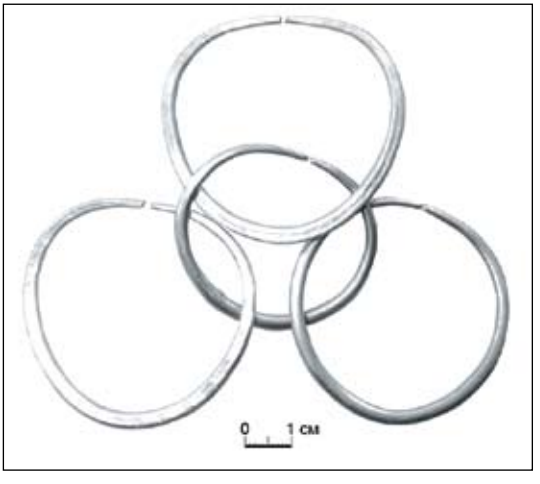
130. **Височное кольцо или браслет (?).** Серебро (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 135).

Височное кольцо или браслет (?) без жёсткой фиксации смыкания. Предмет изготовлен из металлического стержня. Его окончания раскованы на грани, середина (в положении кольца — напротив точки смыкания) — перекручена.

131. **Четыре сомкнутых височных кольца** (?). Серебро (?). Ранний железный век — Средневековье (ил. 136).

Ил. 135. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Височное кольцо или браслет (?)

Ил. 136. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Четыре сомкнутых височных кольца (?)

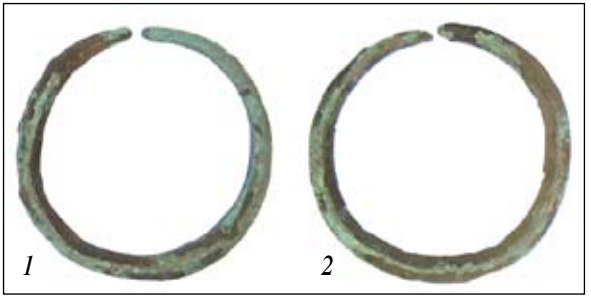
Четыре височных кольца (?), сомкнутых в одну круговую связку по принципу «три в одном». Смыкания колец жёстко не зафиксированы. Стержни, из которых согнуты кольца, слегка раскованы на грани без чёткого оформления рёбер.

132–133. **Пара височных колец.** Бронза (?). Ранний железный век – Средневековье (ил. 137).

Два височных кольца без жёсткой фиксации смыкания. Изготовлены из металлических прутков. Их окончания имеют округлые сечения, срединные отрезки (в положении кольца – напротив точки смыкания) – раскованы на грани без чёткого оформления рёбер.

134. **Гривна.** Серебро (?). Ранний железный век – Средневековье (ил. 138).

Гривна с жёсткой фиксацией смыкания замком в кольцо. Изготовлена из тонкого прутка округлого сечения. Примерно на четверть от концов орнаментирована гравированной плотной спиралью; исключение составляют только небольшие отрезки около замков, которые, как и срединный отрезок напротив точки смыкания, имеют чистую поверхность.

Ил. 137. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Пара височных колец

Ил. 138. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Гривна

135. **Пронизка со вздутиями.** Серебро (?). Средневековье (ил. 139).

Полая пронизка со вздутиями, разделёнными парными валиками. На конце сохранилось небольшое отверстие для продёргивания и фиксации ремешка.

136. **Коньковая подвеска.** Металл. Средневековье (ил. 140).

Коньковая подвеска с кольцом вверху между двумя симметричными изображениями лошадиных головок и шестью кольцами внизу для подвешивания шумящих подвесок.

137. **Деталь ременной гарнитуры (?).** Серебро с позолотой (?). Средневековье (ил. 141).

Похоже, что это накладка (возможно, деталь ременной гарнитуры). Изначально имела подквадратную форму, у которой с одной стороны были срезаны углы, а с другой стороны прорезано узкое вертикальное отверстие (для продёргивания ремня?). С видимой (сфотографированной) стороны по контуру наложен ложновитой орнамент.

138. **Деталь ременной гарнитуры (?).** Серебро (?). Средневековье (ил. 142).

Возможно, что это деталь ременной (поясной, уздечной) гарнитуры. Форма — окружность с остро оттянутой на одном участке дугой, оконтуренная пятью выступами. Поверхность покрыта рельефным орнаментом.

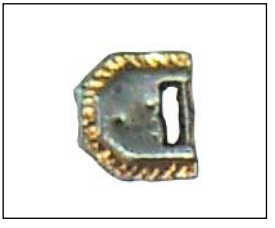
139. **Деталь ременной гарнитуры (?).** Серебро или белая бронза (?). Средневековье (ил. 143).

Ил. 139. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Пронизка со вздутиями

Ил. 140. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Коньковая подвеска

Ил. 141. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Деталь ременной гарнитуры (?)

Ил. 142. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Деталь ременной гарнитуры (?)

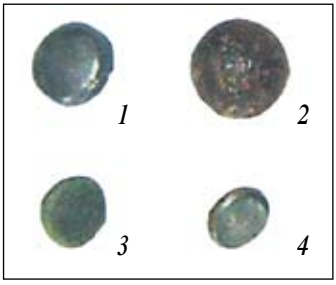
Ил. 143. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Деталь ременной гарнитуры (?)

Ил. 144. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Диск от детали ременной гарнитуры (?)

Ил. 145. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Деталь ременной гарнитуры (?)

Ил. 146. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Четыре диска от деталей ременной гарнитуры (?)

Ил. 147. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нашивка или накладка (?)

Возможно, элемент ременной гарнитуры. Представляет собою небольшую прямоугольную плоскую пластину с круглым отверстием посередине, в которую плотно вставлен плоский же диск диаметром около 1 см. В коллекции присутствуют ещё несколько подобных дисков из разных металлов, но уже без обрамляющих их пластин (см. далее).

140. **Диск от детали ременной гарнитуры (?).** Серебро или белая бронза (?). Средневековье (ил. 144).

Такой же миниатюрный круглый плоский диск, что и диск из состава предыдущей находки.

141. **Деталь ременной гарнитуры (?).** Бронза (?). Средневековье (ил. 145).

Предмет, аналогичный находке № 139 (по крайней мере, по фотографии), но выполненный из более дешёвого металла. Возможно, тоже является элементом ременной гарнитуры.

142—145. **Четыре диска от деталей ременной гарнитуры (?).** Бронза (?). Средневековье (ил. 146).

Четыре миниатюрных (судя по фотографии, примерно 1 см в диаметре) плоских диска в форме правильного круга. По метрическим и морфологическим признакам они похожи на вставной диск предыдущего предмета.

146. **Нашивка или накладка (?).** Серебро или белая бронза. Средневековье (ил. 147).

Орнаментированная нашивка или накладка (?), основу которой составляют две полусферы.

147. **Нашивка или накладка (?).** Серебро или белая бронза. Средневековье (ил. 148).

Орнаментированная нашивка или накладка (?) в виде полусферы с орнаментальной полоской в виде рифлёного валика по диаметру.

148. **Пуговица цельнолитая с ушком.** Бронза (?). Позднее Средневековье — новое время (ил. 149).

Образец массового импорта в Сибирь. По технике изготовления эти пуговицы цельнолитые, по форме — шаровидные, по способу фиксации со шнурком — петелчатые. Как правило, диаметр таких пуговиц составляет около 0,6—0,7 см, внешний диаметр круглых ушек — около 0,5—0,6 см. Скорее всего, близкие параметры имеет и представляемый экземпляр.

Подобные пуговицы использовались не только по прямому назначению, но и в качестве украшения.

Ил. 148. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Нашивка или накладка (?)

149. **Пуговица с ушком.** Железо. Позднее Средневековье — Новое время (ил. 150).

Подобна предыдущей пуговице. Отличие заключается в металле и, незначительно, в форме: на этот раз небольшим валиком подчёркнут экватор, а выступом — нижний полюс сферы.

150. **Фрагмент пуговицы цельнолитой с ушком.** Бронза (?). Позднее Средневековье — Новое время (ил. 151).

Фрагмент пуговицы, аналогичной двум предыдущим находкам, — нижняя часть (собственно пуговица без петли). Похоже, что на нижнем полюсе сферы имеется щель, показывающая пустотелость предмета.

Ил. 149. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Пуговица цельнолитая с ушком

Ил. 150. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Пуговица с ушком

Ил. 151. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Фрагмент пуговицы цельнолитой с ушком

Предметы невыясненного назначения

151. **Предмет невыясненного назначения.** Бронза (?). Ранний железный век — Новое время (ил. 152).

Предмет, представляющий собой литую округлую по форме пластинку диаметром около 2,0—2,5 см с отходящим в сторону небольшим штырьком круглого сечения. Плоскость имеет 12 или 13 небольших круглых отверстий без заметной закономерности в распределении.

Ил. 152. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Предмет невыясненного назначения

152. **Предмет невыясненного назначения.** Бронза (?). Ранний железный век — Новое время (ил. 153).

Полусферический или сферический предмет (по фотографии не определить), в продольном сечении представляет собой овал диаметрами около 5—6 и 10—12 см.

Ил. 153. **Неизвестный памятник в районе протоки Горной Субботы.** Предмет невыясненного назначения

Грабительская коллекция из слоя неизвестного археологического памятника кулайской культуры 1

Подборка четырёх образцов классического кулайского художественного литья под общим названием «Кулайское стадо» была обнаружена в Интернете в мае 2010 г. Судя по стилю и внешнему виду (цвет патины и даже следы недавно расторгнутого контакта с органикой), все предметы могут иметь единовременное происхождение из одного археологического памятника или даже из одного комплекса. Возможно, местом мародёрского промысла «пастуха» этого стада в данном случае была территория ХМАО — Югры или Томской обл.

1. **Зооморфная плоская ажурная металлопластика без элементов рельефа.** Бронза. Ранний железный век (ил. 154).

Представляет собою профильное изображение головы хищника или хтонического существа с открытой клыкастой пастью, круглым глазом и двумя ушами либо рогами сверху.

2. **Зооморфная плоская ажурная металлопластика без элементов рельефа.** Бронза. Ранний железный век (ил. 155).

Представляет собою профильные изображения двух голов лосей. Два элемента композиции в нижней части тоже могут быть сильно стилизованными профилями голов животных, но это только предположение.

3. **Зооморфная плоская ажурная металлопластика без элементов рельефа.** Бронза. Ранний железный век (ил. 156).

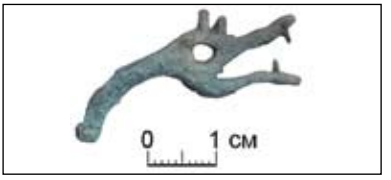
Представляет собою профильные изображения двух голов хищных или хтонических существ.

4. **Сложная зооморфная плоская ажурная металлопластика без элементов рельефа.** Бронза. Ранний железный век (ил. 157).

Представляет собою профильные изображения двух животных, разделённых композиционным элементом, которое условно можно прочесть как стилизованное дерево. При вертикальной ориентации композиции левый образ передан полной фигурой, и только утрата морды не даёт возможности определить его лосиный или хтонический облик. Правый образ ограничен только головой хищника либо хтонического существа (с открытой клыкастой пастью, настороженным треугольным ухом) на длинной изогнутой шее (с фрагментом «линии жизни» внутри ?).

Грабительская коллекция из слоя неизвестного археологического памятника кулайской культуры 2

Подборка бронзовой металлопластики была выставлена на продажу в Интернете осенью 2009 г. Скорее всего, она была сформирована в результате варварского набега в

Ил. 154. **Неизвестный памятник 1.** Зооморфная плоская ажурная металлопластика без элементов рельефа

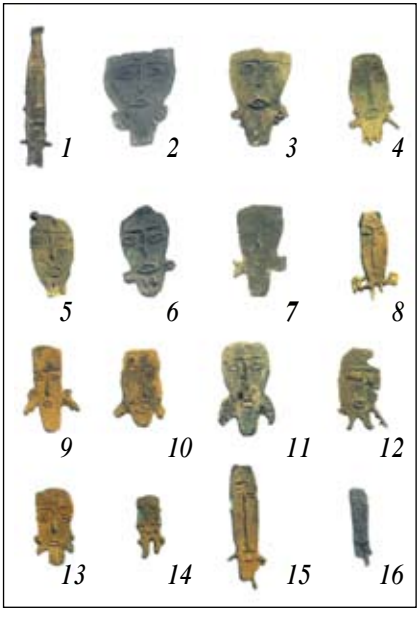
Ил. 155. **Неизвестный памятник 1.** Зооморфная плоская ажурная металлопластика без элементов рельефа

Ил. 156. **Неизвестный памятник 1.** Зооморфная плоская ажурная металлопластика без элементов рельефа

Ил. 157. **Неизвестный памятник 1.** Сложная зооморфная плоская ажурная металлопластика без элементов рельефа

Ил. 158. **Неизвестный памятник 2.** Антропоморфная плоская металлопластика с элементами рельефа

том «полевом сезоне» на какой-то памятник раннего железного века в лесной части Западной Сибири. Возможно, это регионы ХМАО — Югры, Томской и Новосибирской областей, однако присутствие здесь нескольких образцов художественного литья скифо-сибирского мира позволяет включить в предполагаемый ареал происхождения представляемой коллекции также Кемеровскую обл. и Красноярский край.

1—16. **Образцы антропоморфной плоской металлопластики с элементами рельефа.** Бронза. Ранний железный век (ил. 158).

Типологически и, скорее всего, семантически единые, эти образцы антропоморфной плоской металлопластики тем не менее строго индивидуальны — каждая отлита в отдельной форме. Низкое качество выставленной в Интернете фотографии не даёт возможности прочитать сюжет. Хорошо проработаны только детали большой головы. Представляют остальные фрагменты композиции сильно стилизованное туловище с «конечностями-отростками», птичьи крылья или что-то иное, разглядеть невозможно.

17. **Антропоморфная плоская металлопластика с элементами рельефа в обмотке лентой.** Бронза. Ранний железный век (ил. 159).

Изображение такого же типа, что и представленные выше. По метрическим признакам особенно близко поделкам № 2 и 3. Единственное отличие — наличие обмотки широкой бронзовой (?) лентой по лобной части[19].

18–19. **Художественная металлопластика с элементами рельефа – четырёхлучевые свастики.** Бронза. Ранний железный век (ил. 160).

Детали не фиксируются, но, судя по морфологическим признакам, это поделки в скифо-сибирском стиле с использованием зооморфных или орнитоморфных (грифонообразных) мотивов.

20. Художественная металлопластика. Бронза. Ранний железный век (ил. 161).

Ни сюжетно-композиционная, ни стилевая характеристики невозможны из-за плохого качества исходного снимка. Нет достаточных оснований даже определить, одно это изделие или два однотипных, сомкнутых неотделённым литником. По внешнему виду поделка напоминает так называемые рамчатые диадемы – горизонтальную полосу с зооморфной головой на конце и перпендикулярной (то есть вертикальной) компановкой фигур либо голов животных (например, Кулайское культовое место)[20].

Ил. 159. **Неизвестный памятник 2.** Антропоморфная плоская металлопластика с элементами рельефа в обмотке бронзовой лентой

Ил. 160. **Неизвестный памятник 2.** Художественная металлопластика – четырёхлучевые свастики

Находка из слоя неизвестного археологического памятника «около г. Ханты-Мансийска»

Появилась на одном из самых «раскрученных» воровских сайтов в ноябре 2009 г. Если верить грабителю, «найдена в районе Ханты-Мансийска». Он же сообщал, что вместе с личиной выдрал из слоя «сопутку от кулайки до позднего средневековья по финно-уграм». Оставим на совести сего субъекта вопрос датировки. Важно отметить иное: во-первых, были иные материалы (скорее всего, керамика, коль затронут вопрос датировки); во-вторых, памятник, скорее всего, многослойный.

Ил. 161. **Неизвестный памятник 2.** Художественная металлопластика

Ил. 162. **Неизвестный памятник «около г. Ханты-Мансийска».** Антропоморфная рельефная ажурная металлопластика

1. **Антропоморфная рельефная ажурная металлопластика.** Белая бронза. Средневековье (ил. 162).

Личина человека в фас в полуовальном обрамлении причёски или головного убора. Высота — около 3 см. Похожее изображение, но вдвое меньше по размерам, имеется в коллекции с городища Няксимволь в Берёзовском краеведческом музее (ХМАО — Югра).

Находки из слоя одного или нескольких неизвестных археологических памятников

Ил. 163. **Неизвестный (—ые) памятник (—и).** Зеркало округлое, с черешком, с художественной гравировкой

Свежая добыча «ушкуйников от археологии» — предметы появились в продаже 3 марта 2011 г. (если этой датой помечено начало очередного полевого сезона грабителей, то получается, что он, как минимум, на пару месяцев длиннее работ археологических экспедиций). Вещи выставлены на продажу одним лотом, однако из этого не следует, что все они изъяты из одного памятника, поскольку датируются разными эпохами — ранним железным веком и ранним — развитым Средневековьем.

1. **Зеркало округлое, с черешком, с художественной гравировкой.** Бронза. Ранний железный век (ил. 163).

На фотографии представлена только одна сторона диска, поэтому нет информации о таких важных его характеристиках, как выгнутость или орнаментация. Представленная на снимке рефлекторная сторона имеет следы шабрения и шлифовки. Кроме того, на ней тонким штихелем (иглой?) выгравирована сложная композиция: внизу — три (?) антропоморфные фигуры в «скелетном стиле» в фас, вверху — три изображения птицы с распахнутыми крыльями в профиль. Небольшой черешок для рукояти, представляющий собой радиально отходящий за край диска выступ, частично обломан (скорее всего, по отверстию) и утрачен.

2. **Зооморфная рельефная сплошная металлопластика.** Белая бронза. Раннее — развитое Средневековье (ил. 164).

Пример художественной металлопластики со сложной композицией из двух зооморфных образов:

— полная фигура бобра в вытянутом положении в ракурсе со стороны живота (вид снизу);

— полная фигура лягушки с подогнутыми лапами в ракурсе со стороны спины (вид сверху).

При этом земноводное нанесено в области живота грызуна, отчего, как один из вариантов прочтения сюжета, возникает образ статичной фигуры бобра, беременного лягушкой либо проглотившего лягушку.

3. **Зооморфная рельефная сплошная металлопластика.** Белая бронза. Раннее — развитое Средневековье (ил. 165).

Полная фигура зооморфа (лягушки?) с раскинутыми в стороны лапами в ракурсе со стороны спины (вид сверху), обрамлённая прямоугольной рамкой.

Ил. 164. **Неизвестный (-ые) памятник (-и).** Зооморфная рельефная сплошная металлопластика

Ил. 165. **Неизвестный (-ые) памятник (-и).** Зооморфная рельефная сплошная металлопластика

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Ширин Ю.В., Яковлев Я.А.** Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 21—62.

[2] **Молодин В.И., Нескоров А.В.** Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника — последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск, 2010. — № 3. — С. 58—71.

[3] Согласно аналитической записке неформальной группы по противодействию незаконному обороту археологических артефактов Аматорр «Борьба с незаконным оборотом археологических артефактов на территории Российской Федерации» за 2010 г., Уральский федеральный округ, в который входит и территория ХМАО — Югры, замыкает пятёрку регионов, «в которых наиболее распространены грабительские раскопки в целях наживы» [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.archaeology.ru/Download/Black/Analitika/zapiska.doc

[4] **Пермяков В.А.** «Чёрная археология» в Югре // III Северный археологический конгресс. Тез. докл. 8—13 ноября 2010 г. Ханты-Мансийск. — Екатеринбург: Изд. Дом «ИздатНаукаСервис», 2010. — С. 335—336.

[5] **Ширин Ю.В., Яковлев Я.А.** Мартиролог югорской археологии... — С. 22.

[6] **Ширин Ю.В., Яковлев Я.А.** Мартиролог югорской археологии... — С. 22.

[7] Ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

[8] Дополнительная информация об этой истории и представление части сформированной криминальным способом коллекции даны в статье К.Г. Карачарова в этом же сборнике.

[9] Музейная судьба коллекции с городища Нивагальское 20 представлена в публ.: **Чаплыгина С.В.** Выставка «Сокровища Агана»: «этикетаж» со спецэффектами // Музейное дело в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре: Науч-метод. сб. — Вып. 1. — Ханты-Мансийск, 2011. — С. 107-111.

[10] **Голдина Р.Л., Лещинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А.** Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета. – Ижевск, 2007. – С. 181.

[11] **Смирнов Я.И.** Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. — Изд. Императорской Археологической комиссии ко дню 50-летия её деятельности. — СПб., 1909. Табл. LXXXIV, рис. 151.

[12] Государственный музей искусства народов Востока [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.orientmuseum.ru/art/iran/

[13] **Шатунов Н.В.** Медальон с сокольничим из сибирской коллекции Ф.Р. Мартина // Барсова Гора: Древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 50—55.

[14] **Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А.** Окно в Бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века. — Ханты-Мансийск, 2002. — 88 с.

[15] Художественная металлопластика железного века Западной Сибири и Урала (из фондов Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске): Каталог / Сост. и автор текста Я.А. Яковлев. — Ханты-Мансийск, 2007. — С. 128—129, 164—165.

[16] Находки № 85—88 удалось передать в Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

[17] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Фёдорова Н.В.** Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. — Екатеринбург, 1994. — С. 114, 152. № 272.

[18] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Фёдорова Н.В.** Угорское наследие... — С. 106, 149. № 241.

[19] Об оборачивании кулайской металлопластики металлическими лентами см.: **Яковлев Я.А.** Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — С. 213—220.

[20] **Яковлев Я.А.** Иллюстрации к ненаписанным книгам... — С. 206—207.

Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане

К.Г. Карачаров
г. Нефтеюганск
ООО «Северная археология – 1»

Отсутствие в Российской Федерации внятной государственной политики в отношении культурного наследия привело в последние годы к тому, что всё чаще граждане проявляют свой интерес к истории страны в формах, не отвечающих интересам её сохранения. Так, представление об археологии и археологическом поиске в массовом сознании воспитано лишь на фильмах об Индиане Джонсе и Ларе Крофт. Поэтому не удивительно, что кладоискательство в России приобрело размах, сопоставимый с массовыми видами спорта, не уступая им по увлекательности и, тем более, познавательности. При этом сложно обвинять кладоискателей в стяжательстве. Ведь их затраты на обеспечение такого хобби обычно значительно превышают коммерческую выгоду от продажи найденных предметов.

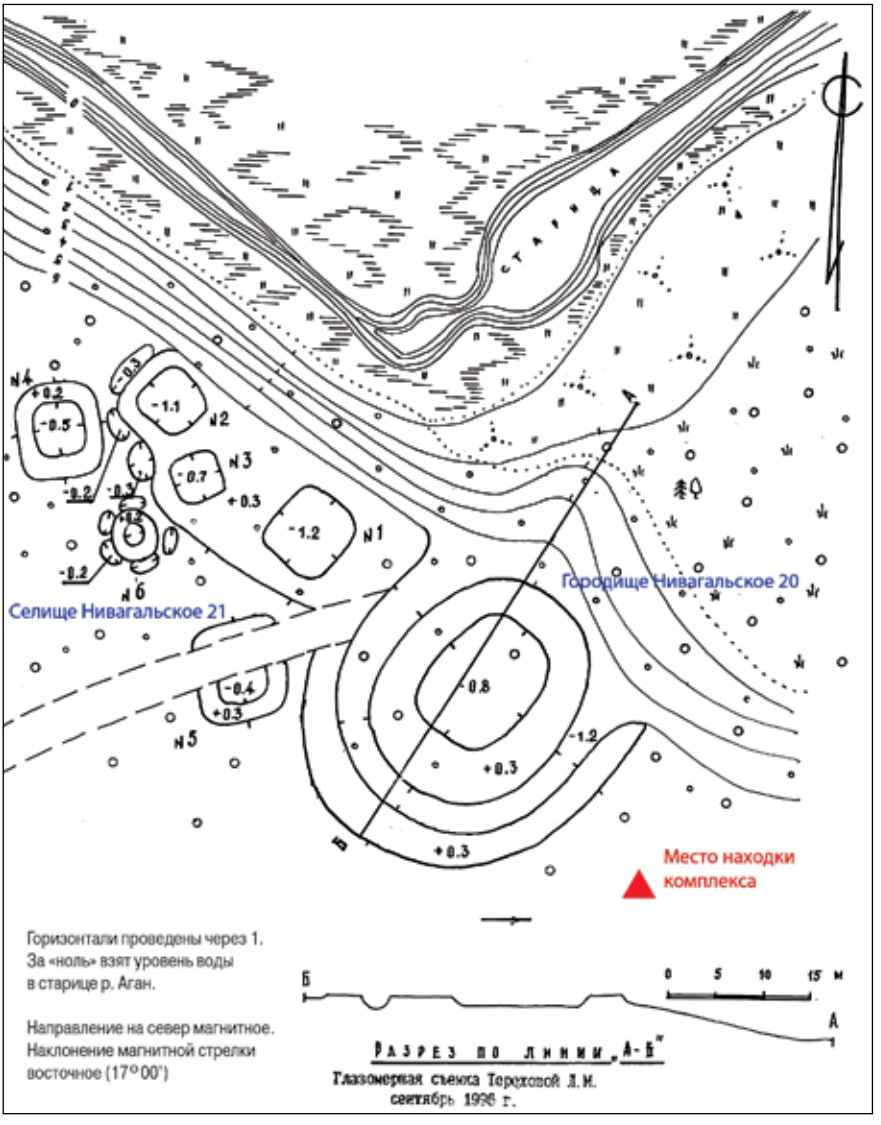
К сожалению, в настоящее время только в редких случаях удаётся убедить людей передать найденные ими предметы в государственные или муниципальные музеи. Еще реже удаётся получить информацию о месте и обстоятельствах находки[1].

Настоящая работа призвана познакомить читателей с одним из редких исключений, с частью коллекции предметов эпохи железа, найденных в Нижневартовском р-не на р. Агане и переданных в государственный музейный фонд. Публикация носит предварительный характер и отражает первый этап изучения коллекции. Описание находок дано в виде каталога.

История обретения коллекции началась в июне 2009 г., когда заместитель начальника управления культуры администрации г. Нижневартовска А.Р. Дозморова на празднике «Самотлорские ночи» увидела фотографии археологических предметов, случайно найденных жителем г. Нижневартовска Т.А. Дюковым на р. Агане, недалеко от одноименного посёлка. Ее муж А.С. Дозморов, старший инспектор Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры,

объяснил нашедшему значимость предметов и предложил передать их в один из музеев округа. В результате коллекция попала в МУ СР «Сургутский художественный музей».

По рассказу Т.А. Дюкова установлено, что комплекс предметов был найден на юго-восточной части внешнего вала городища Нивагальское 20 (ил. 1)[2].

Ил. 1. Место грабительского вкопа. План

Ил. 2. Место грабительского вкопа. Сн. с юго-востока

Ил. 3. Стенка грабительского вкопа

Первые вещи были найдены другим лицом. Среди них информатор запомнил только фрагмент бляхи с антропоморфным персонажем (кат. 2), который был найден у самой поверхности почвы. Судя по предоставленным им фотографиям находок, из этого же комплекса могла происходить трапециевидная подвеска из плоского зеркала, аналогичная найденным в комплексе (кат. 24). Эти предметы в музей не поступили.

Всего в музей было передано 22 предмета из них: золотые — 2, из сплавов на основе меди — 17, железные — 3.

Аналогичные комплексы с очень схожим составом инвентаря в настоящее время известны из нескольких памятников на территории северной части Среднего Приобья. Это, прежде всего, погребение 1 могильника Барсовский III[3], погребение на могильнике Агрнъёган 1[4] и комплекс погребения, более известный под названием «Холмогорский клад»[5].

Кроме того, на фотографиях вкопа виден горизонтальный тёмно-серый слой органики и характерный затёк подзола над ним (ил. 2, 3). Это подтверждают и устные свидетельства находчика.

Все эти данные позволяют с большой долей вероятности предполагать, что перед нами инвентарь из погребения, датируемого первыми веками нашей эры и, скорее всего, относящегося к кулайской археологической культуре.

Уникальность рассматриваемого комплекса, помимо прочего, заключается в том, что в нём впервые были найдены золотые предметы. Кроме того, граффити на предметах значительно дополняют представление о среднеобской изобразительной традиции и позволяют чётко отделить её от широко представленной нижнеобской манеры. Граффити на предметах рассматриваемой коллекции ближе всего к изображениям Сургутского Приобья. Интересно отметить, что они также находят аналогии в литье Холмогорского клада, граффити на предметах из которого ближе к нижнеобским.

Наиболее вероятный период, в который было совершено погребение с рассматриваемым комплексом предметов, определяется совокупной датировкой находок по аналогиям — он укладывается в I—IV вв.

Описание находок

Кат. № 1 (ил. 4).
Название (назначение). Серьги с завитками, пара.
Материал, техника. Золото, ковка.

Ил. 4. Серьги с завитками (кат. № 1)

Размеры. Вес, проба (для драгметаллов). 5,21х3,78х1,23, толщина прутка 0,13–0,15 см, 4,68 г, проба 560; 4,90х3,62х1,21 см, толщина прутка 0,13–0,15 см, 4,43 г, проба 560.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Обе серьги изготовлены из золотой проволоки округлого сечения, концы прутков заострены. Каждая серьга представляет собой кольцо, один конец которого свёрнут в спираль; спираль опущена вниз и развёрнута по отношению к плоскости кольца на 90 градусов. Поверхность изделий имеет светло-жёлтый (золотой) цвет. Местами имеется красный налет (куприд?), особенно заметный на завитках. На дроте видны бороздки – следы проковки, которые не удалось скрыть шлифовкой и полировкой.

Аналогии. Аналогичные серьги, но из серебра найдены в погребении 1 Барсовского III могильника (группа погребений раннего железного века могильника Барсов Городок), которое датировано В.А. Борзуновым и А.П. Зыковым кон. I – нач. III в.[6] Ещё одна такая серебряная серьга найдена в погребении 17 могильника Сырой Аган 13. В комплексе с ней найдены фрагменты сосуда «архаичной формы», который, по замечанию автора раскопок М.Ю. Баранова, по

Ил. 5. Бляха ажурная с антропоморфным декором (кат. № 2)

стилю ближе к кулайской керамике III—I вв. до н. э. Однако он под влиянием авторитета ранее упомянутых учёных датировал могильник в пределах I — нач. III в.[7] Отметим, что стеклянные бусы с прокладкой из золотой фольги из погребений 3, 4 и 5[8] по размерам и пропорциям действительно ближе к бусам римского времени (первые века н. э.) — тип 1 вариант «б», по Е.М. Алексеевой[9].

Кат. № 2 (ил. 5).

Название (назначение). Фрагмент плакетки с антропоморфным декором.

Материал, техника. Медный сплав, литьё.

Размеры. Вес, проба (для драгметаллов). Приблизительно 6,30х3,70х0,83 см, толщина пластины около 0,25 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой фрагмент прямоугольной ажурной бляхи (плакетки). На нём сохранилось стилизованное изображение человека в профиль. Фигура обращена вправо, вправо же развёрнуты лицо и ступни ног. Правая рука поднята вверх, левая — утрачена, но, судя по сохранившемуся фрагменту, это предплечье было вытянуто вперёд. На лице обозначен крупный нос с миндалевидной ноздрей. Глаз по-

казан выпуклым овалом, оконтуренным валиком. Валиком же передан и овальный рот. Волосы или головной убор сверху завершается зубчатым краем. Вдоль височной части вниз, на грудь спускается коса. На сохранившейся руке показана трёхпалая кисть, отделённая двумя желобками. Длиннополая одежда декорирована желобками, вдоль края подола — зубчатый кант. Изделие патинировано, поверхность имеет серо-зелёный цвет со светло-зелёными пятнами.

Аналогии. Прямоугольные ажурные бляхи (плакетки) с парными антропоморфными персонажами часто встречаются на памятниках раннего железного века Западной Сибири[10].

Сюжет на рассматриваемом изделии оригинален. В искусстве раннего железного века Западной Сибири изображения антропоморфных персонажей (прежде всего, лиц) в профиль крайне редки[11]. Хотя манера, в которой выполнена плакетка, не выбивается из круга скульптурных и плоскостных изображений того времени. На ней также фиксируются такие характерные элементы, как способ передачи глаз и кос, трёхпалость персонажа. Очень близка в этом отношении фигурка из оленьего рога, найденная в 2009 г. на городище (святилище) Усть-Полуй[12].

Кат. № 3 (ил. 6).

Название (назначение). Подвеска трапециевидная[13].

Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.

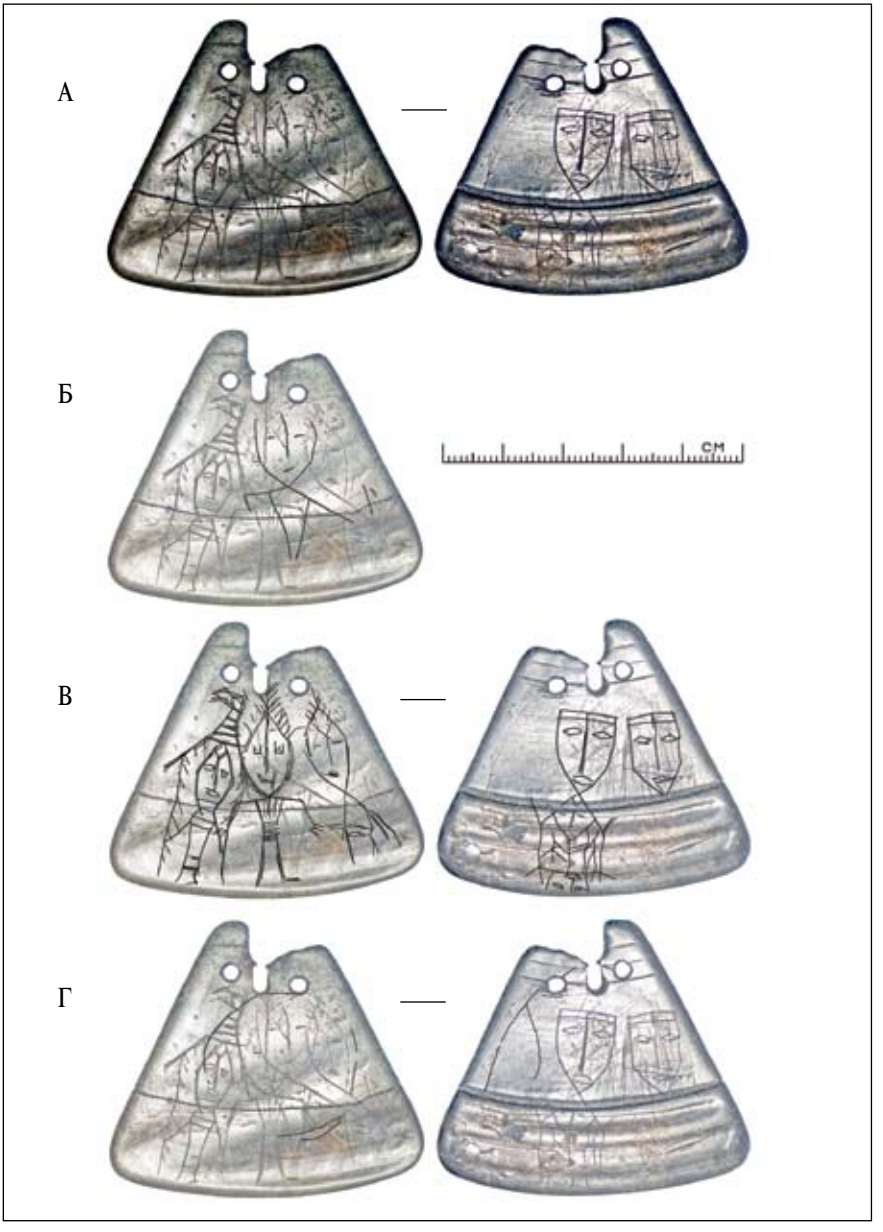
Размеры. 4,61х5,22х0,09—0,13 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Подвеска изготовлена из фрагмента (сектора) круглого плоского зеркала/бляхи. Острый конец сектора отрезан, углы заовалены.

Поверхность имеет тёмно-серый (почти чёрный) цвет с «просветами» жёлтого металла. На аверсе в верхней части подвески — множественные мелкие язвы, заполненные продуктами коррозии серо-зелёного цвета. На реверсе имеются коррозионные вздутия поверхности, напоминающие бородавки. Под вздутой поверхностью прослеживаются зелёные продукты коррозии. В момент находки изделие было сломано на две части, которые склеились во время реставрации.

Зеркало на реверсе имело декор в виде каймы/поля из четырёх пар чередующихся желобков и валиков. Ближе к центру — концентрические окружности, выполненные углубленными линиями, на фрагменте прослеживается три таких окружности.

С обеих сторон на подвеске имеются нацарапанные рисунки — граффити.

Ил. 6. Подвеска трапециевидная с граффити (кат. № 3). А — аверс и реверс; Б — прорисовка верхнего слоя граффити на аверсе; В — прорисовка среднего слоя граффити, аверс и реверс; Г — прорисовка углубленных линий нижнего слоя граффити, аверс и реверс

На аверсе прослежено два слоя граффити. Первоначально на нём были изображены три остроголовых антропоморфных персонажа. У них схематично показаны руки и ноги, одежда. Глаза и рот центральной фигуры и стоящей слева от неё переданы горизонтальными чёрточками. У фигуры, расположенной по правую руку от центрального героя, глаза и рот оформлены замкнутыми ломаными кривыми. Носы у всех показаны вертикальными линиями. При этом у крайних персонажей в районе лба эта линия раздваивается, образуя угол, а у центрального она выходит за контур головы вертикально вверх, где от неё под углом в две стороны отходят короткие отрезки. Вероятно, таким образом показан венчающий головной убор плюмаж или растение. Кроме того, от заостряющихся частей голов центральной и левой фигуры на две стороны отходят короткие отрезки. Персонаж, стоящий по правую руку от центральной фигуры, в руках держит арочную конструкцию, увенчанную головой хищной птицы. Следует отметить, что контуры рисунка этого слоя граффити переданы множественными несовпадающими штрихами, как будто они нанесены неопытной рукой.

Поверх первичного граффити нацарапан ещё один персонаж. У него схематично показаны торс, руки и лицо. Нос передан вертикальной линией, глаза и рот — горизонтальными черточками. Линия лица и головы сверху не закрыта.

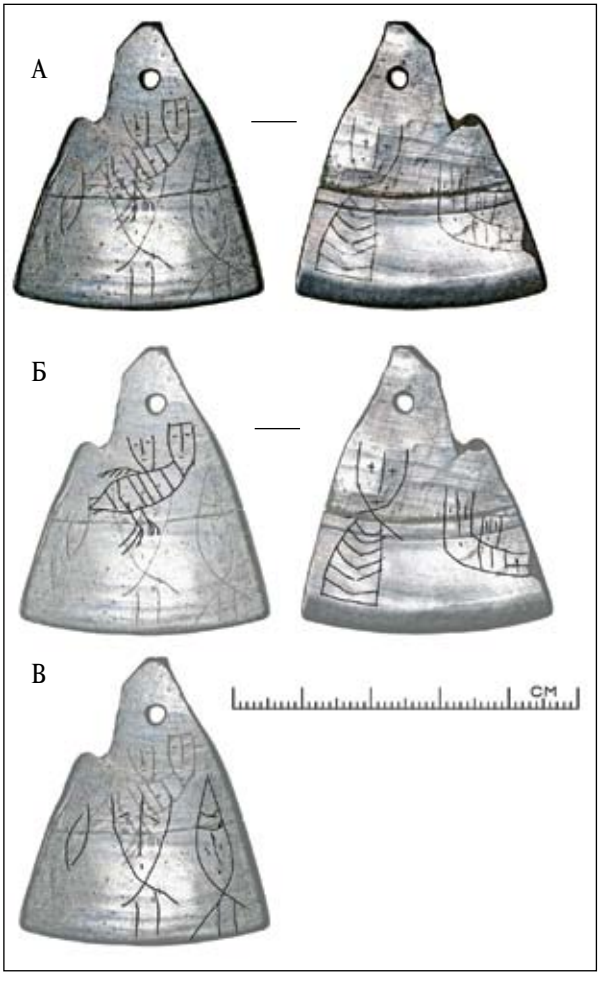
На реверсе в верхней части подвески изображены две антропоморфные плоскоголовые личины: одна — в центре, вторая — слева от первой. Носы переданы вертикальными линиями, глаза и рот — контурными ромбами. Обрез голов сверху закрыт двумя горизонтальными линиями. Центральная личина внизу переходит в сложную фигуру, включающую в себя изображения ещё двух антропоморфных личин. Верхняя — вписана в ромб. Нос показан вертикальной линией, которая в верхней части раздваивается, образуя угол; глаза и рот переданы горизонтальными чёрточками. В нижней части сложной фигуры прослеживается ещё одна личина, развёрнутая «головой вниз». Нос передан вертикальной линией, глаза и рот — замкнутыми ломаными линиями. Верхнюю часть «лица» ограничивает нижний край подвески. Личины верхней части подвески «зачерканы» металлическим инструментом, оставившим неглубокие хаотичные желобки. Кроме того, местами прослеживаются сильно заполированные процарапанные линии и штрихи — возможно, это следы более раннего граффити.

Изначально у вершины трапеции было проделано одно отверстие для подвешивания. После его поломки ещё одно отверстие (диаметр

ок. 0,23 см) было сделано ближе к центру изделия. Когда и оно протёрлось, по обеим сторонам от второго отверстия были просверлены ещё два отверстия диаметром 0,25–0,27 см.

Аналогии. Трапециевидные и подтреугольные подвески из секторов бронзовых зеркал/блях широко распространены на памятниках кулайской археологической культуры.

Кат. № 4 (ил. 7).
Название (назначение) Подвеска трапециевидная.
Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.
Размеры. 4,24х3,69х0,12–0,14 см.

Ил. 7. Подвеска трапециевидная с граффити (кат. № 4).
А – аверс и реверс; Б – прорисовка верхнего слоя граффити, аверс и реверс; В – прорисовка нижнего слоя граффити, аверс

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Подвеска изготовлена из фрагмента (сектора) круглого плоского зеркала/бляхи.

Поверхность имеет тёмно-серый (почти чёрный) цвет с «просветами» жёлтого металла. На реверсе имеются мелкие язвы, заполненные продуктами коррозии серо-зелёного цвета. В момент находки изделие было сломано на две части, которые были склеены во время реставрации.

Зеркало на реверсе имело декор с каймой по краю в виде валика. Ближе к центру прослеживаются фрагменты двух концентрических окружностей, выполненных углубленными линиями.

С обеих сторон на подвеске имеются нацарапанные рисунки — граффити.

На аверсе прослежено два слоя граффити. Первоначально было изображено в фас два антропоморфных персонажа. У них схематично показаны руки и верхняя часть туловищ. Глаза и рты переданы короткими штрихами, носы — вертикальными линиями. Контур головы у центрального персонажа расширяется кверху и сверху «открыт». У персонажа, расположенного по левую руку от него, контур головы сверху заострён. При этом заостренная часть отделена двумя дугами — возможно, так показан головной убор. Справа от центрального персонажа процарапаны две сопоставленные дуги — возможно, ещё один недорисованный персонаж.

Поверх первого слоя в верхней части подвески процарапано полиморфное изображение, объединяющее в себе черты птицы и человека. В профильной проекции показано крупное туловище, обращённое направо и заштрихованное вертикальными линиями. Внизу оно опирается на две трёхпалые лапы, вверху отображено развёрнутое крыло, в передней части и на спине — две антропоморфные личины в фас. Контуры личин расширяются кверху: у передней он «закрыт» сверху горизонтальной линией, у задней — «открыт». Глаза и рты показаны короткими горизонтальными чёрточками, носы — вертикальными линиями.

На реверсе подвески изображён антропоморфный персонаж и полиморфное существо с двумя головами. У человекообразного героя схематично показаны голова, руки и туловище. Последнее расширяется книзу и заштриховано дугами. Контуры лица расширяются кверху и не «закрыты». Нос показан вертикальной линией, глаза и рот — маленькими крестиками. Полиморфный персонаж изображён сбоку и обращён налево. Он близок «полиморфу» на аверсе. Его тело тоже заштриховано вертикальными линиями, но лапы и крыло не показаны. В передней части и на спине также в фас изображены антропоморфные личины. Их кон-

туры параллельны и сверху «открыты». Носы показаны вертикальными линиями, глаза и рты — короткими штрихами. Кроме того, на реверсе местами прослеживаются сильно заполированные процарапанные линии и штрихи — возможно, это следы более раннего граффити.

В верхней части подвески имеется неровный слом, возникший при изготовлении подвески. Здесь же — отверстие для подвешивания диаметром 0,23 см.

Аналогии: Трапециевидные и подтреугольные подвески из секторов бронзовых зеркал/блях широко распространены на памятниках кулайской археологической культуры.

Кат. № 5 (ил. 8).

Название (назначение). Бляха-«зеркало» круглая (выпукло-вогнутое зеркало).

Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.

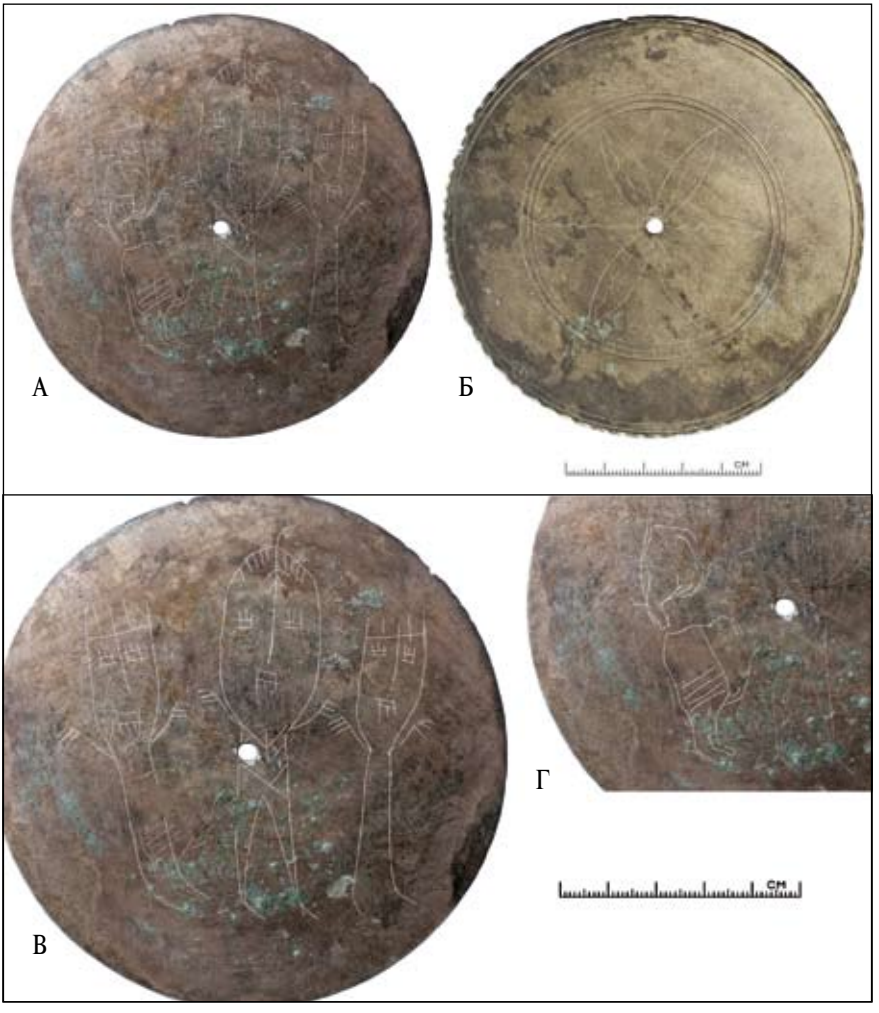
Размеры. 10,8х0,40 см, толщина пластины 0,07 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой выпукло-вогнутый диск с округлым отверстием в центре (диам. 0,38—0,39 см). Обе стороны заполированы. На выпуклой стороне полировка более качественная — скорее всего, она имела зеркальную поверхность.

Обе стороны имеют серо-жёлтый цвет с серыми пятнами. Местами имеются очаги зелёной рыхлой патины. С выпуклой стороны в результате внутренней коррозии образовались очаги вспученной поверхности, напоминающие бородавки.

Вогнутая сторона (реверс) имеет циркульный декор. В центре — шестилепестковая циркульная розетка, каждый лепесток рассечён вдоль ломаной линией. Розетка описана тремя концентрическими окружностями. По краю диска проходит двойная линия. Кроме того, кромка с реверса имеет полукруглые запилы, создающие эффект зубчатого края. На этой же стороне имеется граффити — небольшой заштрихованный треугольник на краю диска.

На выпуклой стороне имеется сложное граффити, занимающее практически всё поле. Прослеживается два слоя рисунков. На более раннем изображены три антропоморфные фигуры, стоящие в фас с поднятыми трёхпалыми руками. Стопы у всех развернуты вправо. Глаза и рты переданы контурными прямоугольниками с отходящими тремя короткими лучами. У глаз эти лучи идут вверх, у ртов — вниз. Носы показаны вертикальными линиями.

Ил. 8. Зеркало выпукло-вогнутое с граффити (кат. № 5). А — аверс; Б — реверс; В — прорисовка нижнего слоя граффити на аверсе; Г — прорисовка верхнего слоя граффити на аверсе

Центральная фигура имеет овальную голову с «хвостиком» вверху, в который переходит линия носа. От последней в районе лба в обе стороны наклонно вниз отходят по два штриха. Несколько коротких штрихов нанесены и от дуги очелья вниз. На туловище вертикальной полосой изображено три «шеврона» вершинами вниз, верхний рассечён короткой линией.

Фланкирующие фигуры имеют плоские головы, вверх от которых отходит по пять лучей. Снизу эти фигуры, в отличие от центральной, «открыты».

Поверх персонажа, расположенного по правую руку от центральной фигуры, нанесено ещё одно граффити — две следующие одна за другой профильные фигуры двух копытных с подогнутыми ногами, сильно напоминающие безрогих оленей. Композиция развёрнута по отношению к ранним граффити на 90 градусов против часовой стрелки. На туловище передней фигуры нанесены 4 наклонные линии (возможно, так переданы рёбра).

Аналогии. Зеркала подобного типа бытовали в степях и лесостепях Евразии с кон. I тыс. до н. э. В таёжной зоне Западной Сибири они широко встречаются на памятниках вплоть до IV в.[14]

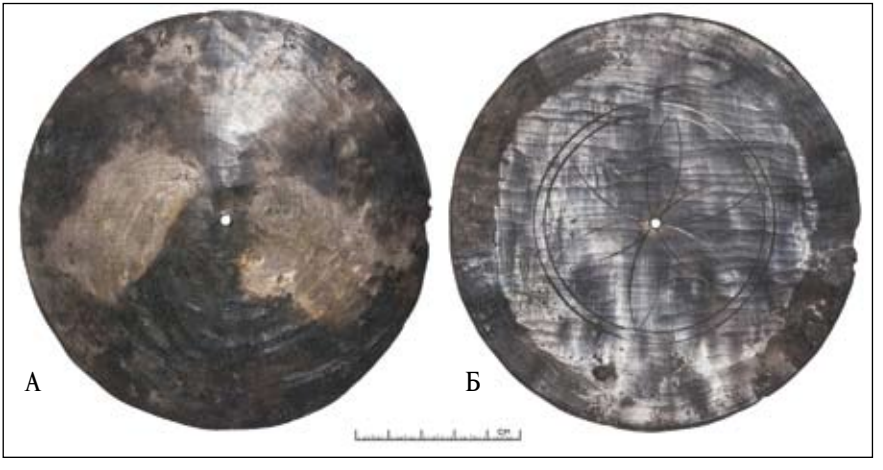
Кат. № 6 (ил. 9).

Название (назначение). Бляха/зеркало круглая (выпуклое зеркало).

Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.

Размеры. 12,55—12,67х0,53 см, толщина пластины 0,12—0,21 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Бляха/зеркало представляет собой выпукло-вогнутый диск с округлым отверстием диаметром 0,28—0,3 см в центре. На обеих сторонах видны следы шабрения и полировки. На выпуклой стороне полировка более качественная — в период бытования, скорее всего, именно она имела

Ил. 9. Зеркало выпукло-вогнутое (кат. № 6). А — аверс; Б — реверс

зеркальную поверхность. Выпуклая сторона (аверс) пятнистая, на ней сочетаются пятна тёмно-серого и золотисто-жёлтого цветов. Вогнутая сторона (реверс) имеет тёмно-серый цвет с просветами жёлтого металла. С обеих сторон есть небольшие очаги зелёной рыхлой патины. На реверсе в результате внутренней коррозии образовались очаги вспученной поверхности, напоминающие бородавки.

Вогнутая сторона имеет циркульный декор. В центре — шестилепестковая циркульная розетка, описанная двумя концентрическими окружностями.

Аналогии. Зеркала подобного типа бытовали в степях и лесостепях Евразии с кон. I тыс. до н. э. В таёжной зоне Западной Сибири они широко встречаются на памятниках вплоть до IV в.[15]

Кат. № 7 (ил. 10).

Название (назначение). Зеркало круглое выпукло-вогнутое с насадом.

Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.

Размеры. 10,25х8,95х0,50 см, толщина пластины 0,15 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Зеркало представляет собой выпукло-вогнутый диск диаметром 8,95 см с плоским треугольным насадом длиной 1,3 см. На вогнутой стороне (реверсе) видны следы шабрения и полировки. На выпуклой стороне

Ил. 10. Зеркало выпукло-вогнутое с насадом (кат. № 7). А — аверс; Б — реверс

(аверсе) заметна только полировка, следы шабрения полностью скрыты чистовой отделкой. В период бытования выпуклая сторона обладала зеркальной поверхностью. В настоящее время она имеет золотисто-жёлтый цвет с небольшими серыми пятнами.

Поверхность сильно корродирована. Имеются очаги зелёной патины и большие по площади очаги вспученной поверхности, напоминающие бородавки. Вогнутая поверхность (реверс) имеет тёмно-серый цвет с просветами жёлтого металла.

На вогнутой стороне в центре диска имеется углубленная точка — след от опорной ножки инструмента типа циркуля. Ближе к краю диска проходит двойная линия. Кроме того, кромка с реверса имеет полукруглые запилы, создающие эффект зубчатого края.

Аналогии. Зеркала подобного типа бытовали в степях и лесостепях Евразии с кон. I тыс. до н. э. В таёжной зоне Западной Сибири они широко встречаются на памятниках вплоть до IV в.[16]

Кат. № 8 (ил. 11).

Название (назначение). Фрагменты круглого плоского зеркала.

Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.

Размеры. Реконструируемый размер — 6,75х0,02—0,12 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представлен тремя фрагментами, два из которых стыкуются между собой. Зеркало представляло собой плоский диск, хорошо заполированный с обеих сторон. Аверс (отражающая сторона) в настоящее время имеет золотисто-жёлтый цвет с тёмно-серыми пятнами. С этой стороны имеются очаги тёмно-зелёной коррозии. Реверс тёмно-серого цвета с просветами жёлтого металла. Он рельефно декорирован. В цен-

Ил. 11. Фрагменты плоского зеркала (кат. № 8). Реверс

тре — выпуклая окружность с углубленной точкой в центре. Она окружена тонким валиком и широкой выпуклой полосой. К краю отливка утолщается, и вдоль неё проходит неширокий желобок. От выпуклой полосы к краю проведены (процарапаны) радиальные линии. У края зафиксированы следы отверстия диаметром ок. 0,2 см.

Аналогии. Зеркала подобного типа бытовали в степях и лесостепях Евразии с кон. I тыс. до н. э. В таёжной зоне Западной Сибири они широко встречаются на памятниках вплоть до IV в.[17]

Аналогичное зеркало имеется в коллекции Государственного музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск). Оно происходит из окрестностей п. Шайтанский Мыс Берёзовского р-на ХМАО — Югры. Это зеркало также декорировано на реверсе высоким рельефом и имеет граффити в виде радиальных полос, выполненных множественными штриховыми линиями[18].

Кат. № 9 (ил. 12).

Название (назначение). Фрагмент подвески из плоского зеркала.

Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.

Размеры. Вес, проба (для драгметаллов). 2,17х2,40х0,10—0,17 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой фрагмент круглого плоского зеркала. Неравномерная толщина свидетельствует о том, что он происходит с участка, близкого к краю зеркала. На нём фиксируются две углубленные дуги — элемент циркульного декора. На сломе, тяготеющем к центру зеркала, фиксируется край просверленного отверстия с фаской со стороны реверса.

Ил. 12. Фрагмент подвески из плоского зеркала (кат. № 9). Аверс и реверс

Поверхность имеет серый цвет. На аверсе видны множественные язвы со следами рыхлой серо-зелёной патины.

Аналогии. Подвески из фрагментов бронзовых зеркал широко распространены на памятниках кулайской археологической культуры.

Кат. № 10 (ил. 13).

Название (назначение). Фрагмент плоского круглого зеркала.

Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.

Размеры. 2,47x2,82x0,17–0,18 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой треугольный фрагмент края круглого плоского зеркала с утолщенным широким кантом, приостренным к краю на реверсе. Ближе к центру вдоль канта проходит углубленная дуга – элементы циркульного декора.

Ил. 13. Фрагмент плоского зеркала (кат. № 10). Аверс и реверс

Поверхность имеет тёмно-серый цвет с просветами жёлтого металла.

Кат. № 11 (ил. 14).

Название (назначение). Фрагмент плоского круглого зеркала.

Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.

Размеры. 3,24x2,10x0,12–0,15 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой четырёхугольный фрагмент кромки круглого плоского зеркала с утолщенным широким кантом, приостренным к краю на реверсе. С этой же стороны имеются две углубленные дуги (одна из них на переходе к канту) – элементы циркульного декора. На аверсе видны неглубокие царапины – возможно, это элементы граффити. С аверса по одному из краев фиксируются следы надпила примерно на треть толщины.

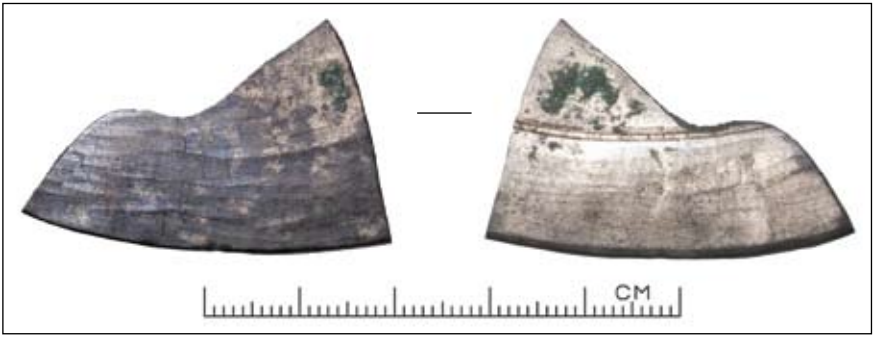
Ил. 14. Фрагмент плоского зеркала (кат. № 11). Аверс и реверс

Поверхность имеет золотисто-жёлтый цвет с тёмно-серыми пятнами. На аверсе фиксируются язвы со следами зелёной рыхлой патины.

Кат. 012 (ил. 15).

Название (назначение). Фрагмент плоского круглого зеркала.

Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.

Ил. 15. Фрагмент плоского зеркала (кат. № 12). Аверс и реверс

Размеры. 2,50х3,95х0,16 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой фрагмент края круглого плоского зеркала с утолщенным широким кантом на реверсе. С внутренней стороны кант отделен желобком

Поверхность имеет золотисто-жёлтый цвет с тёмно-серыми (почти чёрными) пятнами. С обеих сторон имеются язвы ярко-зелёного цвета.

Кат. № 13 (ил. 16).

Название (назначение). Фрагмент плоского круглого зеркала.

Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.

Размеры. 3,47х2,68х0,13 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой фрагмент круглого плоского зеркала. На реверсе имеются три углубленные концентрические дуги — элементы циркульного декора.

Ил. 16. Фрагмент плоского зеркала (кат. № 13). Аверс и реверс

Поверхность золотисто-жёлтого цвета с тёмно-серыми пятнами. На реверсе имеются следы зелёной патины и коррозионные вздутия поверхности, напоминающие бородавки.

Кат. № 14 (ил. 17).
Название (назначение). Фрагмент плоского круглого зеркала.
Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.
Размеры. 1,52х3,40х0,08–0,11 см.

Ил. 17. Фрагмент плоского зеркала (кат. № 14). Аверс и реверс

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой фрагмент края круглого плоского зеркала. На реверсе вдоль края фиксируется слабое ребро и две углубленные концентрические дуги – элементы циркульного декора.

Поверхность аверса имеет золотисто-жёлтый цвет с тёмно-серыми пятнами, реверса – тёмно-серый цвет.

Кат. № 15 (ил. 18).
Название (назначение). Бляха, имитирующая зеркало.
Материал, техника. Медный сплав, литьё.
Размеры. 4,33х3,90х0,78 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой отливку неправильной формы с недолитыми или обломанными краями и внутренними отверстиями-недоливами. На лицевой стороне имеется рельефный концентрический декор –

Ил. 18. Бляха, имитирующая зеркало (кат. № 15)

выпуклая полусфера в центре и описанная вокруг неё окружность в виде валика. На обороте изделия — сломанная петля. Предмет сильно корродирован, минерализация очень глубокая. Поверхность хрупкая, имеет зелёный цвет.

Аналогии. Прототипом для бляхи послужило круглое зеркало типа найденного у п. Шайтанского Мыса Берёзовского р-на ХМАО — Югры[19]. Аналогичная бляха — копия зеркала — была найдена около д. Сайгатино на берегу Кучиминского сора в 1996 г.[20]

Кат. № 16 (ил. 19).

Название (назначение). Пронизка с четырьмя вздутиями.

Материал, техника. Медный сплав, литьё.

Размеры. 4,02x1,00 см, диаметр внутреннего отверстия 0,68 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой трубку со вздутиями, имитирующими 4 составленные биконические бусины с разделениями узкими желобками. Поверхность серо-зелёная с редкими просветами жёлтого металла. Налицо очаги зелёной коррозии и язвы. Края имеют мелкие сломы.

Ил. 19. Пронизка с четырьмя вздутиями (кат. № 16)

Аналогии. Аналогичные пронизки найдены в погребениях 1, 5 и 6 Барсовского VII могильника (кулайская археологическая культура)[21].

Кат. № 17 (ил. 20).

Название (назначение). Пронизка с двумя вздутиями.

Материал, техника. Медный сплав, литьё.

Размеры. 2,28x0,83—0,92 см, диаметр внутреннего отверстия 0,60—0,62 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей.

Ил. 20. Пронизка с двумя вздутиями (кат. № 17)

Предмет представляет собой трубку с двумя плавными вздутиями. Поверхность серо-зелёная с редкими просветами жёлтого металла. Имеются очаги зелёной коррозии и язвы.

Аналогии. Аналогичные пронизки найдены в погребениях 1, 5 и 6 Барсовского VII могильника (кулайская археологическая культура)[22].

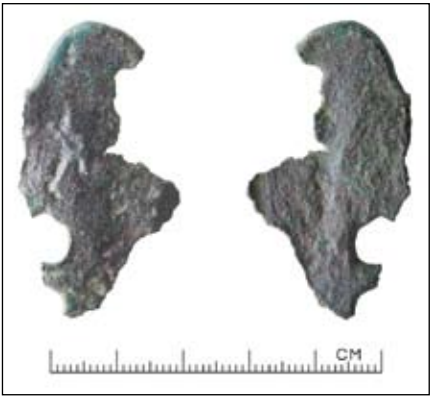
Кат. № 18 (ил. 21).

Название (назначение). Фрагмент отливки

Материал, техника. Медный сплав, литьё.

Размеры. 4,13х2,46х0,20 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет является фрагментом ажурного изделия. Судя по желобкам на лицевой стороне, это изделие было декорировано. Покрыто плотной благородной патиной тёмно-зелёного цвета с серыми пятнами.

Ил. 21. Фрагмент бронзовой отливки (кат. № 18)

Кат. № 19 (ил. 22).

Название (назначение). Фрагмент ушка от котла.

Материал, техника. Медный сплав, литьё.

Размеры. 3,00х6,57—0,76 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой фрагмент прямоугольного ушка сосуда. Сечение треугольное. Поверхность неровная, без следов послелитейной обработки. Поверхность покрыта патиной тёмно-серо-зелёного цвета, имеются просветы красноватого (цвет меди) металла.

Ил. 22. Фрагмент ушка от котла (кат. № 19)

Кат. № 20 (ил. 23).

Название (назначение). Топор-кельт

Материал, техника. Медный сплав, литьё.

Размеры. 9,65х5,60х2,32 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой втульчатый топор-кельт с симметричным клином. В поперечном сечении он имеет форму шестиугольника. Углы боковых граней приподняты. Переход от средних граней к боковым оформлен бортиками. Внутренней перегородки нет. На средних гранях имеются парные отверстия, связанные либо с технологией изготовления, либо со

Ил. 23. Топор-кельт (кат. № 20)

способом крепления. Средние грани слегка утоплены и декорированы выпуклыми волнистыми и прямыми зубчатыми линиями.

Образец относится к IV (тобольской) группе кельтов, по В.Н. Чернецову[21].

Сохранность хорошая. Реставрация и консервация не проводились.

Аналогии. Аналогичный кельт неизвестного происхождения хранится в Тобольском гос. историко-архитектурном музее-заповеднике. Один целый образец и обломок подобного кельта найдены на «городище» Усть-Полуй. Ещё один кельт этой же группы найден на левом берегу р. Иртыша, напротив Чувашского мыса. Кроме того, в погребении VI кургана 15 и в кургане 13 могильника на Чувашском мысу. Две подобные находки хранятся в Минусинском музее, одна из них происходит с р. Малая Иня. Ещё один кельт из Минусинского края хранится в Национальном музее Финляндии (г. Хельсинки). В.Н. Чернецов объединил эти кельты в группу IV и датировал III в. до н. э. — I в.

Близки по форме кельты позднеджоусского и ханьского времени (III в. до н. э. — III в.) типа «Е» из Северного Китая, хотя последние не имеют такого богатого декора[24]. Фотографии двух аналогичных кельтов опубликованы в буклете, посвященном 20-летию работ, «проводившихся научно-исследовательским коллективом предприятия «Северная археология»»[25]. Один из них, видимо, является полным аналогом кельту из рассматриваемой коллекции; возможно, обе отливки происходят из одной формы.

Кат. № 21 (ил. 24).

Название (назначение). Наконечник копья.

Материал, техника. Железо, ковка.

Размеры. Реконструируемые — 32,00х4,28х3,58 см, толщина пера до 1,00 см.

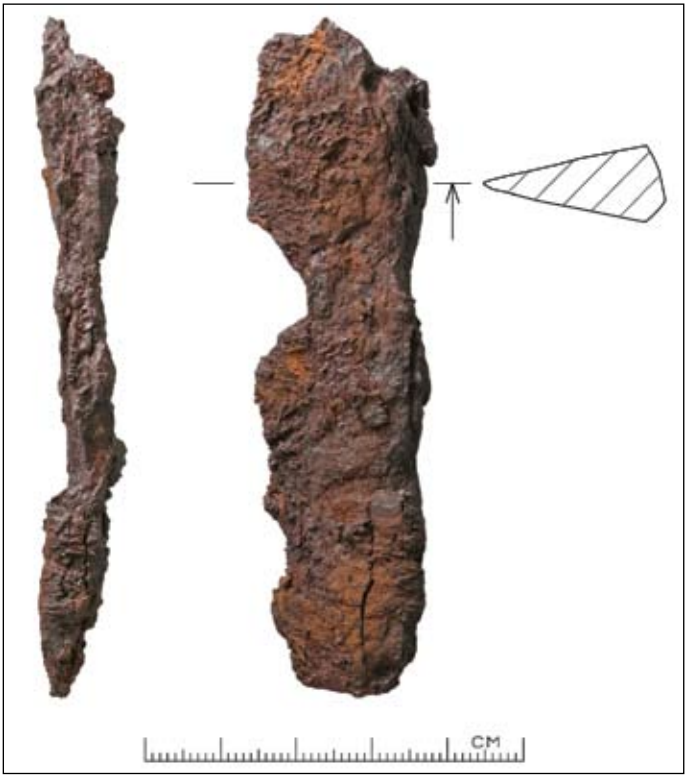
Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет состоит из двух крупных фрагментов — пера с верхней частью втульчатого насада и самого втульчатого насада. Перо, вероятно, было ланцетовидным с линзовидным сечением. В настоящее время оно изогнуто, прогиб составляет около 0,6 см.

Наконечник сильно корродирован, полностью минерализован, фрагментирован, множественные утраты, две крупные части не имеют четкого стыка.

Ил. 24. Фрагменты наконечника копья (кат. № 21)

Кат. № 22 (ил. 25).
Название (назначение). Фрагмент клинка.
Атрибуция. Погребение у городища Нивагальское 20.
Датировка. I–III вв.
Материал, техника. Железо, ковка.

Ил. 25. Фрагмент клинка с острием (кат. № 22)

Размеры. 8,78х2,46х1,00 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Предмет представляет собой часть клинка с острием. Острие скруглено, сечение клинка треугольное. Сильно корродирован, полностью минерализован, имеются утраты.

Кат. № 23 (ил. 26).

Название (назначение). Стержень.

Атрибуция. Погребение у городища Нивагальское 20.

Датировка. I—III вв.

Материал, техника. Железо, ковка.

Размеры. 3,43х0,76х0,51 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Пред-

Ил. 26. Стержень (кат. № 23)

мет представляет собой стержень, округлый в сечении. Один конец раскован (сплющен), другой имеет следы слома. Сильно корродирован, полностью минерализован.

Ил. 27. Подвеска трапециевидная из плоского зеркала (кат. № 24)

Кат. № 24 (Предмет отнесен к комплексу предположительно) (ил. 27).

Название (назначение). Подвеска трапециевидная

Материал, техника. Медный сплав, литьё, шабрение, полировка.

Размеры. Приблизительно 3,70х2,90 см.

Описание (содержание) предмета и его основных частей. Подвеска изготовлена из фрагмента — сектора круглого плоского зеркала/бляхи. Острый конец сектора отрезан. У вершины трапеции имеется отверстие диаметром ок. 0,12 см для подвешивания. Поверхность серого цвета.

На реверсе зеркало по краю имело кант в виде широкого валика

Аналогии. Трапециевидные и подтреугольные подвески из секторов бронзовых зеркал широко распространены на памятниках кулайской археологической культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Часто нежелание говорить о месте находки связано с тем, что наиболее интересные комплексы предметов происходят из разрытых погребений. Находчиками осознаётся, что осквернять могилы — это плохо, это недопустимо с точки зрения морали любого вероисповедания, в том числе и наиболее распространённого сейчас православия. Душевное примирение с грешным занятием они находят в обете молчания по этому поводу.

[2] Это городище было выявлено в 1995 г. экспедицией предприятия АВ КОМ Свердловского областного отделения Российского фонда культуры [**Бессмертных А.Н.** Отчёт об археологических работах в Нижневартовскойм районе ХМАО, проведённых осенью 1996 г. (Дополнение к отчёту «Об археологической разведке в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО, проведённой осенью 1995 г.»). — Екатеринбург, 1996. — Архив ООО «Северная археология — 1». — Ф1/090. С. 32—33. Рис. 54—56].

[3] **Борзунов В.А., Зыков А.П.** Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. — Екатеринбург: «Аква—Пресс», 2003. — С. 103—112.

[4] **Карачаров К.Г.** Отчёт о НИР: Выявление и обследование историко-культурных объектов в окрестностях г. Радужный в Нижневартовском районе ХМАО в 2004 году. — Нефтеюганск, 2005. — Архив ООО «Северная археология — 1». — Ф.1/179. — С. 26—58. Рис. 4—39.

[5] **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад: Коллекция древностей III—IV веков из собрания Сургутского художественного музея. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001.— 176 с.

[6] **Борзунов В.А., Зыков А.П.** Барсовский III могильник... — С. 103—112. Рис. 2, 3—*4*.

[7] **Баранов М.Ю.** Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13 в Сургутском Приобье // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург: Уральское изд-во, 2008. — С. 233. Рис. 14—*1*.

[8] **Баранов М.Ю.** Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13... — С. 226—227, 237. Рис. 16—*4, 9, 16*.

[9] **Алексеева М.Е.** Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников. — М.: Наука, 1978. — Вып. Г1—12 (цит. по электронному ресурсу. — Режим доступа: http://pirushki.com/Alexeeva/Alex78text1.htm#31.).

[10] Северная археология. — Нефтеюганск, 2010. — С. 66; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 192. Рис. 86—*60*; **Бельтикова Г.В.** Кулайский клад с Барсовой горы // Клады: состав, хронология, интерпретация. — СПб., 2002. — С. 204—205. Рис. 1—*7*; Электронные ресурсы — Режимы доступа: http://www.forums-su.com/viewtopic.php?f=651&t=233945&sid=7d188771466116a55dbbad86f1309e60; http://forums-su.com/viewtopic.php?f=651&t=190211&sid=3ab1d459a10ec1a688a8126416a35a30.

[11] **Фёдорова Н.В.** Костяная антропоморфная скульптура со святилища Усть-Полуй // Археология этнография и антропология Евразии. — Новосибирск, 2011. — № 1. — С. 80.

[12] **Фёдорова Н.В.** Костяная антропоморфная скульптура со святилища Усть-Полуй... — С. 77—81.

[13] Здесь и далее при описании зеркал, их фрагментов и выпуклых блях-«зеркал» применяется система Т.М. Кузнецовой, согласно которой лицевой стороной (аверсом) считается отражающая (рабочая) сторона [**Кузнецова Т.М.** О терминах для описания зеркал из скифских памятников // Сов. археология. — М.: Наука, 1987. — № 2. — С. 18—30.

[14] **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад... — С. 144—145; **Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья. — Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. — С. 45—100; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 87—88.

[15] **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад... — С. 144—145; **Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья... — С. 45—100; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 87—88.

[16] **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад... — С. 144—145; **Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья... — С. 45—100; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 87—88.

[17] **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад... — С. 144—145; **Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья... — С. 45—100; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 87—88.

[18] **Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А.** Окно в Бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века. — Томск: ГаллаПресс, 2002. С. 78—79. Кат. № 20.

[19] **Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А.** Окно в Бесконечность... — С. 78—79. Кат. № 20.

[20] **Череватов О.Н.** Отчёт о НИР: Археологические исследования в окрестностях п. Сайгатино, Сургутский район, ХМАО, 1999 г. — Екатеринбург, 2000. — Архив ООО «Северная археология — 1». — Ф. 1/043. — С. 19—20. Рис. 21.

[21] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 81—84, 192. Рис. 86—*24—27.*

[22] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 81—84, 192. Рис. 86—*24—27.*

[23] **Чернецов В.Н.** Опыт типологии западносибирских кельтов // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. — М.; Л., 1947. — № XVI. — С. 72—75. Рис. 25.

[24] **Чернецов В.Н.** Опыт типологии западносибирских кельтов... — С. 72—78.

[25] Северная археология... — С. 20.

Современные подходы к классификации археологических музеев под открытым небом (к перспективам музеефикации объектов археологического наследия в ХМАО – Югре)

А.Н. Дробышев
г. Лангепас
Муниципальное бюджетное учреждение
«Музейно-выставочный центр»

Сегодня всё чаще поднимается вопрос о сохранении и рациональном использовании историко-культурного наследия. Обусловлено это тем, что современное общество ощущает себя тесно связанным с глубоким прошлым, рассматривает историко-культурное наследие как важнейшее доказательство преемственности, дающее ощущение принадлежности к месту и традициям. Археологическое наследие как составная часть историко-культурного наследия является важным научным источником познания эволюции общества, его ландшафтного, природного окружения. Проблемы состояния музеефицированных археологических памятников и перспективы их развития становятся предметами специального обсуждения[1].

Увеличение интереса к историко-культурному наследию приводит к необходимости решения проблем его использования современным обществом, музеефикации памятников археологии, разработки и внедрения проектов музейных парков под открытым небом. Если поставить цель только физической сохранности отдельных памятников истории, культуры и природы, то нам останется лишь констатировать время от времени уничтожение того или иного памятника. Появилась необходимость в разработке комплексной программы реконструкции, охраны и использования историко-культурных объектов. Стали очевидными необходимость вовлечения музеефицированных археологических памятников в туристическую деятельность, создание музейно-туристических комплексов на базе археологических заповедников, организация научно-туристических программ как фактора, способствующего сохранению и популяризации археологического наследия, более тесное взаимодействие археологов, музейных работников, реставраторов и общественности при создании новых музеев[2].

К. Хадсон, говоря о музеях под открытым небом, утверждает, что исторические объекты и их окружение следует по возможности сохранять как единое целое, поскольку для полного понимания событий прошлого необходимо и то, и другое[3].

В современных условиях историко-культурное наследие рассматривается как своеобразный экономический ресурс, являясь культурным продуктом для востребования туристической отраслью. Данная практика с успехом используется во многих странах. Однако проблемы создания сети археологических музеев под открытым небом настолько сложны и многогранны, что отечественный опыт музеефикации памятников археологии пока не в состоянии дать ответ на ряд вопросов, с которыми сталкиваются учёные, краеведы, органы управления культурой и общественность при попытке подготовить к музейному показу тот или иной археологический объект[4].

Одним из препятствий на этом пути является отсутствие чёткой классификации музеефицируемых объектов[5]. Дискуссия по этому вопросу велась в 1960—1970-х гг., когда решался вопрос о сохранении уникальных объектов деревянного зодчества[6].

Возникнув в кон. XIX в. на волне подъёма интереса к национальным культурам, этнографические музеи под открытым небом получили большее распространение, чем музеи археологические. Соответственно, методологическая база их организации и функционирования разработана более детально. Например, в основу классификации этнографических музеев под открытым небом, предложенной Е.Л. Галкиной, положены четыре принципа: способ создания музея, тематическое содержание, превалирующий профиль, этногеографическое деление[7].

Предлагаемая ниже классификация музеефицируемых памятников археологии заимствует некоторые элементы классификации этнографических музеев под открытым небом. Кроме того, используется классификация археологических памятников О.Н. Бадера[8].

Исходя из принципа «Способ создания музея», предлагается деление археологических музеев под открытым небом на 4 группы:

1) созданные на основе перемещённых памятников;

2) созданные на основе исторически возникших памятников на месте их бытования (in situ);

3) созданные in situ и включающие прилегающий ландшафт;

4) созданные на основе синтеза первого и третьего способов (комплексные).

Археологические музеи под открытым небом **первой группы** встречаются редко. Как правило, причиной их создания является непреодо-

лимая трудность музеефикации памятника на месте его бытования. К числу таких причин можно отнести отсутствие возможности сохранить памятники и поддерживать их состояние на должном уровне из-за удалённости от культурных центров или просто населённых пунктов. Любой лесной пожар, неосторожность или злой умысел людей могут привести к утрате замечательных образцов ушедших культур. В качестве югорского примера может служить проект музеефикации средневекового городка Эмдер. Этот объект археологического наследия находится в труднодоступном таёжном районе, в 70 км от ближайшего населённого пункта. Поэтому был разработан проект историко-культурного музейного комплекса «Эмдер», предполагавший строительство макета в натуральную величину — копии легендарного городка на основании полноценной научной реконструкции. Под музеефицированный объект был отведён участок на берегу р. Нягани в 500 м от границы современного города, разработана научно-художественная и сценарная концепция[9].

В качестве другого примера можно привести пещеру Ласко на юго-западе Франции. Обнаруженная в 1940 г., она содержит около 1900 гравированных и живописных изображений, датируемых примерно 18—15 тыс. до н. э. Первоначально этот объект палеолитического искусства был открыт для посетителей, однако гигантские массы туристов привели к ухудшению качества росписей. Поэтому в 1963 г. пещеру для посещения закрыли и выстроили рядом её точную копию (Ласко II), которую и открыли для посетителей в 1983 г.[10]

Музеи **второй группы** возникают на основе археологического памятника на месте расположения последнего, отсюда их название «in situ», или «сайт-музей». Интерес к таким объектам объясняют три фактора: возможность воочию увидеть раскопки; хранение на месте в непотревоженном состоянии обнаруженного материала; интерпретация экспонатов привлекательным и доступным для широкого круга людей способом[11]. Сохранение археологических памятников на месте их бытования является наиболее приемлемым способом. Если, предположим, этнографическую деревянную постройку (амбар, дом, церковь) можно разобрать, перевезти и собрать на музейной территории, то с археологическим памятником сделать подобное очень непросто.

К памятникам, музеефицированным in situ, чаще относятся археологические объекты, расположенные в черте городской застройки. Территория такого музея ограничена пределами памятника и не включает прилегающий ландшафт в силу его разрушения. Воспроизвести древний

ландшафт, окружавший памятник в пору его бытования, в качестве объекта живой культуры не представляется возможным. В этом случае справедливо утверждение: «Теряя подлинное природное окружение, памятник теряет какую-то часть своей исторической ценности, правдивости и обаяния, а значит, какую-то долю самого себя»[12].

В качестве примеров музеефикации в черте густонаселённых городских районов можно привести опыт Венгрии, где в новых районах с однообразной застройкой археологические памятники органично включены в современные ансамбли. У жителей Будапешта пользуются большой популярностью развалины античного города Аквинкума, широко вскрытого раскопками и прекрасно музеефицированного. При строительстве современной автострады были обнаружены остатки римского акведука протяженностью более 500 м. Благодаря реставрационным работам была воссоздана конструкция этого гидротехнического сооружения, а участок длиной 50 м был полностью восстановлен. И сейчас проезжающие по автостраде могут видеть этот удивительный памятник. Акведук и обнаруженный впоследствии центр римского военного лагеря, термы, амфитеатр превращены сегодня в музей прямо на месте раскопок. Над ними возведено защитное перекрытие, а ещё выше размещена автомобильная развязка. На юге страны (в г. Печ) открытые памятники римской эпохи показывают в специально сооружённых подземных галереях, проложенных прямо в местах нахождения, — раннехристианская кладбищенская часовня IV в. и т. п. Такой способ сохранения и показа археологических памятников in situ обогащает вид современного города. Использование защитных сооружений, полностью утопленных в землю, не нарушает гармонии сложившегося архитектурного ансамбля площадей и парков города[13].

Примером музеефикации in situ в нашей стране является филиал Государственного исторического музея «Палаты бояр Романовых». Экспозиционную основу здесь составляют обнаруженные и законсервированные in situ остатки гончарных горнов XV в.

В 1997 г. в Москве музеефицирован Воскресенский мост — памятник архитектурной археологии XVI—XVII вв.[14]

Третья группа археологических музеев под открытым небом — это музеефицированный археологический объект на месте его бытования с включением прилегающего природного ландшафта. Именно последнее добавление отличает эту группу от предшествующей. Появление таких музеев связано с набирающей обороты научной дисциплиной — ландшафтной археологией (ил. 1)*. Последняя решает задачу ис-

следования исторического ландшафта на основе методов археологии, ландшафтоведения, исторической географии, микротопонимики и т. п. Связать между собой данные различных дисциплин можно только на едином для них некоем конкретном и достаточно медленно изменяющемся базисе, каковым является ландшафт[15]. Археологический музей in situ с прилегающим ландшафтом более полно отражает необходимость сохранения, реставрации и показа археологических объектов. Создание подобных заповедных территорий является, пожалуй, единственной формой реальной, а не «бумажной» охраны археологического наследия[16].

К числу археологических музеев in situ с прилегающим ландшафтом можно отнести мегалитический комплекс Псынако (г. Туапсе). Памятник представляет собой уникальный мегалитический архитектурный комплекс перв. пол. III тыс. до н. э. Он состоит из искусственного фундамента и центрального сооружения (дольмена с дромосом), замурованного в каменный купол (толос), который, в свою очередь, укрыт в гидроупорный глиняный купол. Всё это надежно защищено

Ил. 1. Музей «Дворец римской эпохи» на месте археологических раскопок в Фишборне (Англия, графство Суссекс)

«...Современный музей «Дворец римской эпохи» в Фишборне близ Чичестера, графство Суссекс... создал новое представление о том, чем может и должен быть археологический музей, расположенный на месте раскопок, — чрезвычайно популярным музеем, основанным на научных исследованиях высочайшего уровня, который не разговаривает с посетителями свысока, но создаёт у них полное впечатление, что их интересы у него на первом месте» (**Хадсон К.** Влиятельные музеи / Пер. с англ. — Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2001. — С. 38.) *(Прим. ред.)*.

огромным каменным панцирем, вершина которого была увенчана каменным кромлехом с радиально отходящими от него каменными выступающими рёбрами с упором в каменную же окольцовку основания насыпи. Частично деформированное и явно потревоженное людьми, это грандиозное сооружение достигало в диаметре около 70 м и в высоту 5,5—6,0 м. Прямой аналогии мегалитическому архитектурному комплексу Псынако I среди синхронных памятников Евразии не находится, но при принципиальных различиях он отдалённо напоминает такие мегалитические сооружения, как Нью-Грейндж, Малага и Лос-Мильярес. Если допустить, что на Псынако I могли производиться астрономические наблюдения, то он перекликается с такими всемирно известными памятниками, как Стоухендж, Нью-Грейндж, Карнак и другими объектами, считающимися древнейшими обсерваториями. Рядом с Псынако I открыты новые, ещё не изученные археологические объекты (поселение, древний глиняный карьер, кромлех в окружении пяти дольменов под каменными насыпями, разрушенный дольмен с оригинальным орнаментом в виде плана мегалитического комплекса и другие), которые могут иметь хронологическую и культурную связь с мегалитом[17].

Археологические музеи под открытым небом **четвёртого типа** (комплексные археологические музеи-заповедники) создаются на основе музеефицированных археологических памятников в местах их бытования. Кроме того, они включают в себя музеефицированные археологические объекты, перемещённые на территорию археологического музея-заповедника из других мест. Дополнительно производятся реконструкция и макетирование в натуральную величину археологических объектов с иных территорий. Так, в музее-заповеднике «Томская писаница», кроме музеефицированных петроглифов эпохи бронзы, построены реконструкции построек различных типов, которые встречались на территории Сибири: жилища самусьской культуры XIV—XI вв. до н. э. (по материалам раскопок В.И. Молодина и И.Г. Глушкова), жилища ирменской культуры позднего бронзового века VIII—VI вв. до н. э. (по материалам раскопок А.В. Матвеева)[18].

В историко-археологическом музее-заповеднике «Аркаим», наряду с музеефикацией знаменитого протогорода эпохи бронзы, представлены реконструкции погребальных сооружений разных археологических эпох Южного Урала — бронзового и раннего железного веков, раннего Средневековья. Летом 1997 г. начато строительство большого царского кургана сарматского времени в натуральную величину[19].

В основу второго принципа классификации положен тип археологического памятника.

К **типу I** относятся города:

а) с каменными стенами и зданиями (например, Ольвия, Херсонес, Танаис, создаваемый музей под открытым небом Горгиппии в Анапе);

б) с сырцовыми постройками (например, Эребуни, Кармир-блур, Афрасиаб);

в) древнерусские и булгарские города с земляными укреплениями и деревянными строениями (например, Новгород, Псков, Смоленск, Суздаль, Ярополч, Биляр и др.).

К **типу II** относятся древние поселения и погребения. Разнородные памятники этого типа объединяет отсутствие в их составе монументальных сооружений (если не считать земляных насыпей курганов и валов городищ) и вследствие этого необходимость сооружения над обнажёнными деталями музейных павильонов.

К типу III относятся пещеры, скалистые навесы и ниши:

а) места древних обиталищ (например, Чокурча в Крыму);

б) места древних святилищ с настенными рисунками (например, пещера Шульган-Таш или Каповая в Башкирии).

К типу IV музеефикации археологических памятников под открытым небом относятся наскальные рисунки (например, Бесовы Следки в Карелии, Томская писаница в Западной Сибири)[20].

Исходя из направленности на аудиторию, музеефицируемые объекты можно разделить на 2 типа:

а) академические – с ориентацией на подготовленную публику, специалистов;

б) научно-просветительные – с ориентацией на широкую публику, туристов[21].

К академическим можно отнести археологический музей-заповедник на месте раскопок этрусского города в Марцаботто близ Болоньи (Италия). Основанный в VI в. до н. э. город был заброшен после разрушения его галлами. Сегодня этот объект культурного наследия занимает плоское плато среди гор, имеет чётко выраженный акрополь со святилищем и некрополь в нижней части. В самом городке открыта сеть улиц, ориентированных по сторонам света, жилые дома, водопровод. Все эти объекты визуально наблюдаемы, снабжены указателями и текстами. Над раскопанными жилищами установлены навесы[22].

В России к академическому типу можно отнести историко-археологический центр «Аркаим» (Челябинская обл.). Территория этого музея-заповедника представляет «Страну городов», существовавшую

в XVIII—XVII вв. до н. э. (бронзовый век) в степных районах Южного Урала. Памятник представляет собой кольцевые концентрические структуры, за пределами которых также фиксируются участки, связанные с жизнедеятельностью поселения (следы мелиоративных сооружений и древней обработанной почвы). В 1,2 км северо-восточнее расположены могильники, связанные с протогородом[23]. В Аркаиме изучаются процессы изменения климата и природы Южного Урала на протяжении последних 10—12 тыс. лет, история изменения хозяйственной деятельности человека в древности, взаимообусловленность культуры и окружающей среды. Большое внимание уделяется научной реконструкции исследуемых объектов. Помимо закрытой экспозиции, здесь планируют создать музей погребальной и культовой архитектуры под открытым небом. Для этого специально свозят и устанавливают остатки конструкций захоронений разных эпох из раскопок на территории Южного Урала. Предполагается частично воссоздать архитектурные сооружения протогорода и хозяйственный комплекс. В центре «Аркаим» изучают древнее бронзолитейное производство, изготовление керамики и другие виды производственной деятельности. Аркаим и Марцаботто являются академическими музеями, в их работе преобладает научно-исследовательское направление, хотя в них и созданы условия для активного туризма[24].

Примером научно-просветительного музея может являться музей в Тунлюйшуне (Китай), возведённый на месте древнего месторождения медной руды. Говоря о научно-просветительных музеях в нашей стране, стоит упомянуть музей-заповедник «Томская писаница». В настоящее время это единственный в сибирском регионе музеефицированный памятник наскального искусства. Святилище «Томская писаница» — основной объект показа в комплексном музее-заповеднике — представляет собой скалистый выступ высокого берега, обращённый на юг и покрытый рисунками эпохи неолита и бронзы (изображения лосей, медведей, птиц, людей, сцен охоты, лодок, солярных знаков). Основой при создании музея-заповедника стала концепция культурной среды. «Томская писаница» изначально формировалась как музей «открытого» типа, музей «живой» истории. Основной задачей этого музейного учреждения стало сохранение памятников в их природном и культурном окружении, формирование у посетителей целостного представления о наскальном искусстве Сибири как части мировой истории и культуры. Помимо сохранения и реставрации, здесь проводятся общественные мероприятия — праздники, фестивали, конкурсы[25].

«Томская писаница» включает в себя архитектурно-этнографический комплекс «Шорский улус Кезек», представляющий собой усадьбу богатой шорской семьи нач. XX в.

Интересным по замыслу является сектор «Археодром», где фактически осуществлён принцип «живого» археологического комплекса, приближенного к человеку, к посетителю музея, и понятного своей реальностью. В его первой экспозиции расположен выставочный павильон с погребениями нескольких эпох — неолита, бронзового и раннего железного веков, Средневековья. Захоронения передают финальный этап археологических раскопок. В них представлены останки людей в тех позах, в которых их обнаружили вместе с погребальным инвентарем. Следующая экспозиция — это реконструкция различных типов жилищ, которые встречались на территории Сибири, с частично восстановленным интерьером. Предусмотрено восприятие культурно — исторических ценностей современным человеком без каких-либо профессиональных и возрастных ограничений[26].

Раздел экспозиции «Живая археология» тесно связан по замыслу с ранее открытыми комплексами, являясь их логическим продолжением. Здесь гости музея могут пострелять из луков, метнуть копье или дротик с помощью копьеметалки в муляжи бизона, лося или медведя. Добыть огонь несколькими способами, поработать на «древней» зернотерке, слепить глиняную фигурку или сосуд, изготовить ткань на «первобытном» ткацком станке. Экспозиция построена на основе экспериментальных данных западносибирских археологов. Все действия сопровождаются этнографической музыкой народов Сибири или современными инструментальными обработками фольклора. В перспективе — демонстрация обжига керамики, выплавка металла, изготовление лодки-долблёнки, обработка камня и кости и т. д.[27]

Классификация по территориально-этническому признаку, разработанная для этнографических музеев под открытым небом, вполне применима и для музеефицируемых памятников археологии. Она предусматривает учёт границ этнокультурных и историко-географических регионов; даёт возможность отразить на уровне современных научных требований и знаний культуру и быт конкретных территорий, часто сложных по своему этническому составу.

В отношении археологических музеев под открытым небом целесообразно будет выделить не пять, как у этнографических музеев под открытым небом, а только три типа:

1) **локальные** — раскрывающие специфику конкретного места, функционирования определенной археологической культуры;

2) **региональные** — отражающие взаимосвязь нескольких археологических культур, культурно-исторических общностей в масштабах какого-то региона;

3) **экстерриториальные** — охватывающие значительную территорию, отражающие культурно-хозяйственные типы археологических культур и культурно-исторических общностей, раскрывающие механизм превращения определённых культурно-исторических общностей в народность, нацию и т. п.

Локальные археологические музеи под открытым небом раскрывают историю локального археологического микрорайона. Главная миссия таких музеев — показать временной срез небольшой территории в определённом промежутке времени (существования памятника либо отдельной археологической культуры). Локальные музеи выстраивают эволюционную цепочку на небольшой территории, что является их неоспоримым плюсом. Они не распыляют свою деятельность в попытке объять необъятное, да и исходные данные у них очерчены довольно чётко. Для них гораздо важнее аккумулировать мельчайшие детали. Именно реконструкция обыденной жизни, домашних ремёсел, охотничьих и рыболовных промыслов, строительства и фортификации есть сильная сторона локальных музеев.

Локальные музеи под открытым небом, конечно, лучше создавать на месте их бытования in situ. Содержание может быть самым разнообразным — жилые, культовые и хозяйственно-промысловые постройки, фортификационные укрепления и др. Дополнительно — функционирующие реконструкции объектов, коллекции движимого культурного наследия, копии археологических артефактов... К числу таких музеев можно отнести Костенки, Сунгирь, Павликене (Болгария) и другие.

К типу **региональных** археологических музеев по открытым небом можно отнести историко-археологический центр «Аркаим». Охватывая территорию Южного Урала, он рассматривает историю изменений хозяйственной деятельности человека, взаимодействия культурной среды с природной средой в эпоху бронзового века.

Экстерриториальных музеев в нашей стране немного. Примером может быть опять же историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница». Хоть он и позиционируется как единственный в Сибири музеефицированный памятник наскального искусства, его рамки гораздо шире, поскольку на его экспозиционных площадках развёрнут хронологический показ искусства по основным историко-хронологическим блокам на основе подлинных материалов Южной Сибири и Средней Азии с периода каменного века и до гуннской эпохи[28].

С появлением музеефицированных объектов археологии общество начинает осознавать их уникальность. Во-первых, научный потенциал становится доступным широкому кругу исследователей. Благодаря музеефикации, возникает возможность изучать огромные пласты истории человечества на материалах подлинных памятников археологии. Во-вторых, обладая неразрывной связью с природным окружением и находясь в естественных условиях, археологический памятник является подлинным музейным объектом. Он служит инструментом эстетического, художественного воспитания, интеллектуального обогащения. В-третьих, музеи, появившиеся на месте археологических раскопок, имеют возможность не только экспонировать наследие, но и активно интерпретировать нематериальное наследие. Речь идёт о реконструкции старинных видов ремесел, промыслов, технологических приёмов, способов добычи ресурсов, традиционных праздников, ритуалов. Обращение к ним способствует освоению и использованию исторически важных элементов культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Булатов Н.М.** Опыт музеефикации археологических (каменных) остатков на территории РСФСР // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. — М., 1982. — С. 84—128; **Мартынов А.И.** Археологические ландшафты Южной Сибири и проблема современного отношения к ним // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. — СПб., 1993. — С. 38—40.

[2] **Медведь А.Н.** Проблемы музеефикации памятников археологии Москвы // Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосковья. — М.,1998. — С. 46—53.

[3] **Хадсон К.** Влиятельные музеи. — Новосибирск, 2001. — С. 41.

[4] **Булатов Н.М.** Опыт музеефикации археологических (каменных) остатков...

[5] **Никишин Н.А.** Историко-культурные и природные музеи-заповедники: проблемы и перспективы // Из истории охраны историко-культурного наследия РСФСР: Сб. науч. тр. НИИ культуры. — М., 1987. — С. 67.

[6] **Бадер О.Н.** Музеефикация археологических памятников // Сов. археология. — М.: Наука, 1978. — № 3. — С. 138—153; **Ополовников А.В.** Музеи под открытым небом как форма сохранения наследия народного зодчества // Архитектура СССР. — М., 1965. — № 12. — С. 22—27.

[7] **Галкина Е.Л.** Музеи под открытым небом в РСФСР (современное состояние и перспективы развития) // На пути к музею XXI века: Сб. науч. тр. НИИ культуры. — М., 1989. — С. 83—94.

[8] **Бадер О.Н.** Музеефикация археологических памятников // Сов. археология. — М.: Наука, 1978. — № 3. — С. 138—153.

[9] **Соколков А.В.** Вклад Нягани в историко-культурное развитие округа и международный полевой научно-методический семинар «Эмдер» // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — Вып 1. — С. 104—109.

[10] **Перье–Д'Итерен К.** Туризм и сохранение исторического наследия: стремление к гармонии // Museum. – 1999. – № 200. – С. 5–14.

[11] **Хадсон К.** Влиятельные музеи... – С. 44.

[12] **Ополовников А.В.** Русский Север. Памятники деревянного зодчества. – М.: Стройиздат, 1977. – С. 117.

[13] **Фюлеп Ф.** Археологические памятники // Museum. – 1983. – № 140. – С. 44–47.

[14] **Медведь А.Н.** Проблемы музеефикации памятников археологии Москвы...

[15] **Корявцев П.М.** Ландшафтная археология округа Суотниеми в нижнем течении Вуоксы. – СПб., 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://perpettum.narod.ru/vuoksa2.htm (11.06.2009).

[16] **Зданович Д.Г.** Аркаим и «Страна городов»: Археологические очерки. – Челябинск, 2003. – С. 52.

[17] **Тешев М.К.** Мегалитический архитектурный комплекс Псынако I в Туапсинском районе // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп, 1988. – С. 130–142.

[18] **Дэвлет М.А.** Реконструкция древних жилищ в музее-заповеднике «Томская писаница» и петроглифы // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде. – Кемерово, 2001. – С. 30–39; **Матвеев А.В.** Исследования Быстровского поселения // Археологические открытия. – М.: Наука, 1978. – С. 256–257.

[19] **Иванова Н.О.** Аркаим – природно-ландшафтный и историко-археологический заповедник // Музей и общество на пороге XXI в.: Мат-лы науч. конф., посвящённой 120-летия ОГИКМ. – Омск, 1997. – С. 173–175.

[20] **Бадер О.Н.** Музеефикация археологических памятников

[21] **Семёнова В.И.** Археологическое наследие в культурном пространстве Тюменской области // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1998. Научно-методическое издание. – Тюмень, 1999. – С. 91–103.

[22] **Гарбер М.И.** Из опыта музеефикации памятников археологии за рубежом // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. – М., 1982. – С. 117–118.

[23] **Зданович Д.Г.** Аркаим и страна городов. – 1995 [Электронный ресурс] – Режим доступа: ttp://nova.rambler.ru/cache?hilite=0000005456. (05.11.2009).

[24] **Семёнова В.И.** Археологическое наследие в культурном пространстве Тюменской области...

[25] **Мартынова Г.С.** Принцип создания музея наскального искусства Азии // Наскальное искусство Азии. – Кемерово, 1997. – Вып. 1. – С. 8–10.

[26] **Бедин В.И., Егоров В.Н., Мартынова Г.С.** Новые принципы музейного показа археологического материала // Наскальное искусство Азии – Кемерово, 1997. – Вып. 2. – С. 122–123.

[27] **Горбачёв М.А.** Реконструкция как метод музеефикации объектов археологического наследия: история и современное состояние // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде. – Кемерово, 2001. – С. 93–96.

[28] **Мартынова Г.С.** Принцип создания музея наскального искусства Азии...

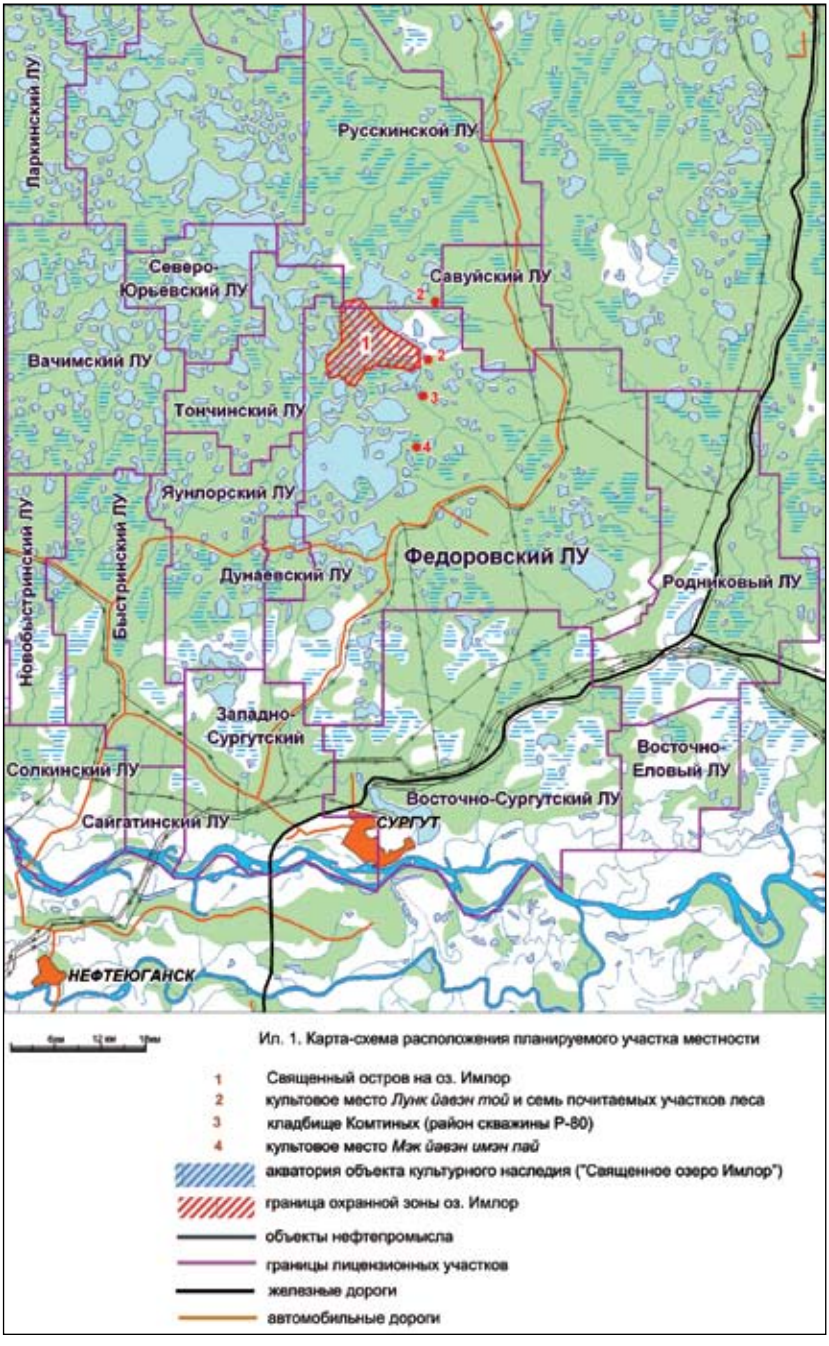
Архитектурная планировка акватории и территории комплекса объектов культурного наследия на священном озере Имлор в Сургутском районе ХМАО – Югры

Г.П. Ведмидь
г. Сургут
ООО «Гиперборея»

Единый комплекс объектов культурного наследия на священном озере Имлор включает в себя четыре территориально связанных сакральных участка местности (ил. 1). Каждый из них имеет статус самостоятельного объекта культурного наследия – «Священное озеро Имлор», «Культовое место *Лунк йавэн той (Кэв Пупи Ики)*», «Кладбище Комтиных», «Культовое место *Мэк йавэн имэн пай*»[1].

Объекты расположены в центральной части Сургутского р-на ХМАО – Югры на территориях традиционного природопользования (ТТП) № 6Р, 4Р, 4У, 1Ф, 2Ф МО «Сельское поселение Русскинская» и занимает северо-восточную оконечность Фёдоровского месторождения нефти ОАО «Сургутнефтегаз». Целеполаганием работ, начавшихся в 2009 г., является сохранение этнокультурного комплекса на священном озере Имлор. Для этого авторский коллектив, в составе главного архитектора проекта Г.П. Ведмидя, этнографа А.А. Рудя и биолога В.Н. Тюрина, разработал проект планировки охранных зон с учётом мероприятий, существенно снижающих техногенную нагрузку на объекты культурного наследия. Круг задач при этом включал:

– анализ историко-архивных источников;
– натурные этнографические исследования, связанные со сбором устной информации, отражающей специфику этнокультурных объектов и предмета их охраны;
– натурные обследования, в ходе которых осуществлена фотофиксация особо почитаемых мест, объектов нефтепромысла и прилегающих к ним участков местности;
– оценку состояния территориально-природных комплексов;
– общий анализ ситуации, сложившейся на планируемом участке в процессе обустройства Фёдоровского месторождения;
– определение проектом планировки оптимальных границ зон охраны объектов культурного наследия.

Ил. 1. Карта-схема расположения планируемого участка местности

Основанием для разработки «Проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия «Священное озеро Имлор»[2] стал договор 2009 г. между НГДУ «Фёдоровскнефть» и ООО «Гиперборея». По итогам проведённых работ была составлена научно-проектная документация в объёме трёх томов. Обоснование проекта планировки выполнено с учётом комплексной оценки территории, включая анализ её состояния по *природно-ландшафтному, историко-культурному и техногенному факторам.*

Ландшафтный анализ территории

Включал в себя оценку геоморфологического строения территории, гидрологического режима, состояния природных комплексов, определение ландшафтно-географических границ урочища Озеро Имлор[3].

Местность, почвенный покров которой типичен для Среднего Приобья и сложен с преобладанием подзолистого и болотного типов, простирается на водораздельном пространстве от р. Пим на западе до р. Тромъеган на востоке, принадлежащих речной сети бассейна Средней Оби. Самым крупным водотоком на планируемом участке является р. Моховая (правый приток р. Тромъеган) протяженностью 133 км. По геоморфологическому

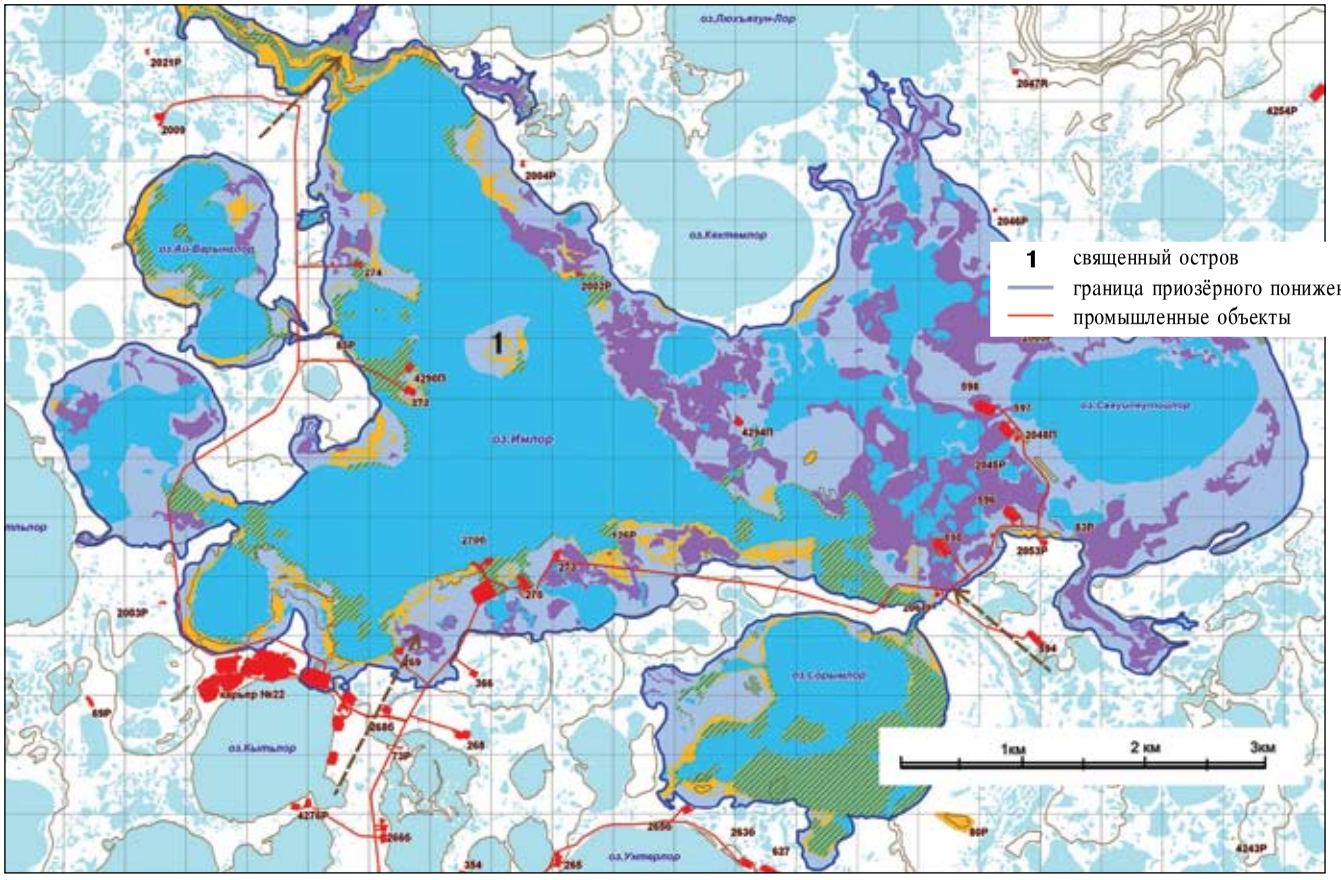
Ил. 2. Урочище Озеро Имлор. Болотно-озёрный ландшафт окрестностей. На заднем плане слева — оз. Унтерлор, на переднем плане справа — р. Моховая. Сн. с ЮВ

строению междуречье характеризуется низменным плоским рельефом с многочисленными озёрами, озерками и большой заболоченностью (ил. 2). Территория покрыта преимущественно верховыми, а по приозёрным понижениям — переходными мезоолиготрофными и мезотрофными болотами. Они имеют особое значение, поскольку занимают 90 % всей планируемой территории, а с учётом заболоченности лесов общая заболоченность превышает 97 %. Из болотных микроландшафтов здесь распространены: моховые, лесные, мохово-лесные, мохово-травяные и болотные комплексы. Суходольным участкам принадлежит менее 10 %. Это неширокие полосы от 0,2 до 2,0 км вдоль рек и ручьёв, а также небольшие по площади минеральные острова среди болотных массивов. Наиболее крупное возвышение площадью 2,8 кв. км расположено к востоку от оз. Пильтанлор и представляет собой холм, почва которого сформирована вследствие таяния ледника и сложена галькой, валунами, песками, местами супесями и суглинками. Этот холм, возвышающийся над окружающим болотом на 15 м, особо почитаем коренным населением ханты и называется *Мэк яун йымынг пай.*

Участок планируемой территории характеризуется также обилием озёр, имеющих в основном болотное происхождение. В соответствии с морфометрической характеристикой здешние озёра подразделяются на две группы. Первая из них представлена крупными внутриболотными озёрами площадью более 1 кв. км и преимущественно с минеральным дном. Как правило, они мелководные, глубиной около 1,0 м, с торфяными берегами, покрытыми лесом. Среди них наибольшие: Пильтанлор — 97 кв. км, Имлор — 33 кв. км, Ватьлор — 16 кв. км, Утнтерлор — 16 кв. км, Томкотынглор — 10 кв. км. Вторая группа сформирована средними озёрами, имеющими в основном округлые очертания с незначительной изрезанностью береговой линии и торфяным дном. Всего на участке свыше 500 озёр и озерков, их суммарная площадь 260 кв. км, что составляет их заозёренность 44%.

Из вышеуказанного следует заключение, что преобладание болотно-озёрного ландшафта — одна из характерных особенностей планируемой территории. Оценка её гидрологического режима стала крайне актуальной ввиду обустройства местности объектами нефтепромысла, намеченного на самое ближайшее время. Требовалась разработка предложений по снижению отрицательных воздействий на болотные ландшафты, реализованная составлением карты сетки линий стекания болотных вод, совмещённой со схемой расположения промышленных площадок. Для этого использовались материалы топо- и аэрофотосхем (ил. 3) с

Ил. 3. Урочище Озеро Имлор. Аэрофотосхема

Ил. 4. Озеро Имлор. Карта природных комплексов в границах приозёрного понижения (Сост. В.Н. Тюрин)

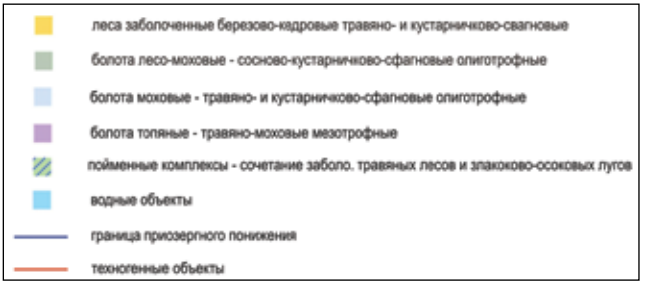
применением дешифровочных признаков по методикам, разработанным Государственным гидрологическим институтом (г. Санкт-Петербург).

В итоге на карте был выделен водосборный бассейн оз. Имлор площадью около 240 кв. км[4]. Поверхность водосборной площади превысила саму акваторию озера на 1—3 м. При этом в него впадают шесть ручьев и речек, а вытекает лишь одна р. Моховая, впадающая в р. Тромъеган на его нижнем отрезке. На обозначенной водосборной площади располагается несколько крупных озёр — Кехтенлор, Кетьлор, Варенлор, Ай-Варенлор, Ай-Мытльлор, Тончинлор, Ватьлор — и безымянных озёр, имеющих сток в оз. Имлор. Таким образом, карта сетки линий стекания показала периметр приозёрного понижения, водосборный бассейн болотных вод, ландшафтную границу урочища Озеро Имлор, в пределах которой была дополнительно составлена карта оценки состояния природных комплексов (ил. 4). Она стала завершающим этапом ландшафтного анализа.

Историко-культурная оценка территории

Содержит историко-этнографические сведения о проживающем на обследуемой территории коренном населении, его религиозно-мифологическом осмыслении объектов природной среды, а также итоги натурных обследований святилищ и особо почитаемых мест.

Основными хозяйственными занятиями ханты — носителей традиционной культуры — являются рыболовство, охота, собирательство и оленеводство. В настоящее время большую часть проектируемого участка занимает территория традиционного природопользования № 6Р МО «Сельское поселение Русскинская», где проживают семьи Р.А. Кечимова, Д.В. Тэвлина, А.В. Кечимова, С.Т. Кечимова, Е.В. Кечимова, В.М. Сопочиной, В.А. Лебедич. Небольшие участки на исследуемой местности занимают ТТП № 1 и № 2 МО «городское поселение Фёдоровский». Главы ТТП: № 1 — В.Н. Кнезьянов и Н.Н. Кнезьянов; № 2 — Н.А. Сопочин и Л.С. Сопочин.

На первом этапе предпроектных работ сбор устной информации зафиксировал мифологический сюжет, связавший пантеон хантый-

ских божеств с отдельными природными объектами. Наиболее полная версия этих фольклорных событий уже опубликована[5]. Здесь же достаточно изложить основную канву сюжета, в котором фигурируют три персонажа, относящихся к высшему рангу сакральных героев восточных ханты. Это верховный бог-творец *Нум-Торум*, его сын *Кэв Пупи Ики* (Каменный Медведь) и божественный покровитель всего бассейна р. Юган *Йавэн Ики*.

Итак, согласно легенде, с древних времён в окрестностях оз. Имлор на р. Моховой жил хантыйский род, который отличался очень жестоким нравом. Верховный бог Нум-Торум сначала наблюдал за их жестокими деяниями, а потом направил для наказания моховских людей своё войско. Однако, получив ожесточённый отпор, это войско отступило. Нум-Торум разгневался и обратил своё войско в каменного медведя *(Кэв Пупи Ики)*, вновь отправив того для сражения. На этот раз Каменный Медведь уничтожил всех моховских людей и вернулся к месту их проживания, где в то время оказался в гостях их родственник юганский бог *Йавэн Ики*. Увидев неладное, последний спрятался и из засады сумел отрубить голову Каменному Медведю. Смертельно раненный *Кэв Пупи Ики* отправился от оз. Имлор в верховье р. Лунк йавэн. На этом пути он семь раз останавливался на ночёвки, после чего в этих местах со временем образовались островки кедрового леса. Достигнув верховья р. Лунк йавэн, медведь погрузился в ручей и утонул. С тех пор это место считается священным.

Озеро Имлор (ил. 5, 6) имеет высокий статус в иерархии сакральных мест Сургутского Приобья. Священными считаются вся акватория, остров и побережье этого водоёма. В течение последних веков они посещались хантами с целью отправления ритуалов на священном острове. В настоящее время ритуальные действия совершаются ежегодно (как правило, зимой). Их участниками становятся не только тромъеганские, но и пимские, аганские и ляминские ханты. При этом ритуал протекает по следующему сценарию:

— плетение венков перед переправой на священный остров (прежде всего, это касается людей, впервые посещающих озеро);

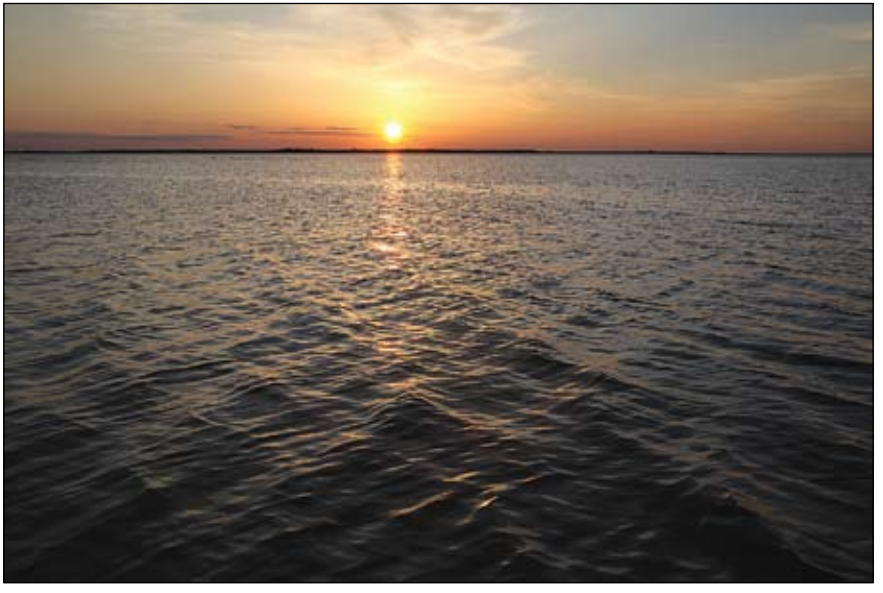
— переправа через озеро;

— приезд на священный остров, приветственные поклоны, разжигание ритуального костра, приготовление трапезы;

— моление, обращение к божествам, заклание жертвенных оленей;

— ритуальная трапеза;

— личные ритуалы и подношения, в ходе которых на святилище возвращаются домашние культовые изображения, а также происходит забор скола древесины для изготовления новых культовых изображений и др.;

Ил. 5. Озеро Имлор. Священные воды в лучах заходящего солнца. Сн. с востока

Ил. 6. Озеро Имлор. Юго-западный берег в районе куста скважин К-269. Сн. с юго-востока

Ил. 7. Озеро Имлор. Обследование с помощью гидроплана центральной части акватории вблизи священного острова

Ил. 8. Озеро Имлор. Священный остров. Сн. с юго-востока

— коллективное вывешивание жертвенного материала, включая оленьи шкуры;

— прощальные поклоны и отъезд с острова.

Ил. 9. Озеро Имлор. Ритуальная площадка на священном острове. А, Б — приклады-подношения божествам небесного пантеона в виде тканей и шкур жертвенных оленей; В — выведенное из сакральной практики и возвращённое на святилище изображение *Хор Ики* (Оленя-быка)

Стали известными запреты, связанные с сакральным статусом озера. Например, женщинам не разрешается посещать священный остров, поэтому в обрядах на острове участвуют только мужчины. Запрещён обход озера по берегу, а также ночёвки в местах, где, согласно легенде, останавливался Каменный Медведь *Кэв Пупи Ики*.

Вторым этапом предпроектных работ являлось натурное обследование территории. Важнейшая задача, которую предстояло решить, изначально носила специфический характер, поскольку достоверных данных об этнокультурных объектах на местности, кроме устной информации, не имелось. Единственным руководством, определившим план маршрута, был миф. Он указывал пространственные ориентиры мест расположения святилищ. Таковыми были остров на оз. Имлор, верховье р. Люхъяун, а также участки местности между оз. Имлор и верховьем р. Люхъяун. Для обследования этих участков были организованы пешие маршруты, а также проведен аэровизуальный осмотр территории с использованием гидроплана (ил. 7), который оказался незаменимым транспортным средством для посещения Священного острова в центральной части оз. Имлор (ил. 8). Поиски увенчались положительным результатом, позволившим дать достоверную характеристику каждому из осмотренных этнокультурных объектов.

1. ***Священное озеро Имлор.*** Территория этого объекта культурного наследия включает акваторию, побережье и остров, где совершает культовые обряды коренное население. В ходе натурного обследования священного острова в его юго-восточной части была обнаружена ритуальная площадка, на которой можно выделить три сакральные зоны (ил. 9). Одна из них отмечена в прибрежной полосе и предназначена для прикладов жертвенной ткани и венков, подносимых детьми. Вторая — обозначена прикладами из венков для взрослых, впервые прибывших на святилище. В третьей (центральной) зоне расположен основной массив прикладов-подношений, среди которых преобладают светлые ткани, а также останки оленей светлой масти. Они предназначены божествам небесной сферы.

Здесь же на стволе берёзы находится шаманский бубен. Также обнаружены три культовых изображения *Хор Ики* (Оленя-быка), который считается хранителем оленьего стада (ил. 9В). Вблизи на стволе молодой берёзы отмечено скопление прикладов-тканей, оставшихся от коллективных жертвоприношений *(мыр)*. Наблюдается также значительное количество берёз со следами сколов, которые остались после изъятия части ствола для изготовления домашних духов-хранителей. Взамен этих сколов жертвуется ткань либо деньги.

Ил. 10. Озеро Имлор. Культовое место *Лунк Йавэн той*. А — приклады-подношения в виде светлых тканей на ритуальной площадке, посвящённой божествам небесного пантеона, сн. с юга; Б — приклады-подношения в виде тёмных тканей на кедре со следами скола ствола для изготовления изображения *Кэв Пупи Ики* на ритуальной площадке, посвящённой божествам сферы Земля, сн. с юго-востока; В — изображение *Кэв Пупи Ики* (Каменного Медведя) на ритуальной площадке

Состояние святилища на острове оз. Имлор можно оценить как хорошее, за исключением одного обстоятельства — в непосредственной близости от ритуальной площадки находится рыбацкая стоянка. Такое соседство коренными жителями оценивается негативно.

2. ***Культовое место Лунк йавэн той (Кэв Пупи Ики)***. Объект культурного наследия включает в себя святилище в верхнем течении р. Люхъягун и семь почитаемых участков леса между оз. Имлор и р. Люхъягун. Участок святилища *Лунк йавэн той (Кэв Пупи Ики)* представлен двумя функционально обособленными площадками.

Первая посвящена божествам Небесного пантеона (ил. 10А). Она расположена среди берёз, на которых развешаны приклады-подношения отрезов светлой ткани, а также головы и шкуры жертвенных оленей светлой масти. Зафиксированы подношения, вывешенные во время коллективных молений *(мыр)*. На отдельных деревьях висят пёстрые платки, которые, вероятно, предназначены *Пухос Анки* — «Богине, дающей жизнь человеку при рождении».

Вторая площадка расположена в кедровой роще и посвящена божествам сферы Земли (ил. 10Б), что подтверждается наличием атрибутики в виде прикладов-тканей тёмных оттенков и шкур оленей тёмной масти, а также характером расположения этих подношений. Как правило, они крепятся в нижней части стволов кедров либо оставлены на земле рядом с ними. На кедрах обнаружены также следы недавних сколов, взятых для изготовления изображений *Кэв Пупи Ики* (Каменного медведя), одна из таких скульптур была найдена неподалеку (ил. 10В).

Общее состояние святилища *Лунк йавэн той (Кэв Пупи Ики)*, включая прилегающую территорию в верхнем течении р. Люхъягун, можно оценить как хорошее.

В ходе натурного обследования были осмотрены *особо почитаемые участки леса между оз. Имлор и р. Люхъягун*. Они расположены обособленно среди болот, следуют чередой друг за другом по линии юг — север и, таким образом, согласно фольклорному сюжету, маркируют путь Каменного Медведя от оз. Имлор к верховью р. Люхъягун. Их состояние можно оценить как хорошее.

3. ***Кладбище Комтиных*** находится на левобережье р. Моховой в районе скважины Р-80. Оно расположено на западной оконечности участка площадью 15 га, который превышает уровень верхового болота примерно на 1 м. На кладбище зафиксировано не менее 15 слабо выраженных захоронений.

Местность несёт следы значительного механического воздействия: видны следы тяжёлой колёсной техники, разбросано оборудование

бурильной установки. Растительный покров практически полностью уничтожен пожаром.

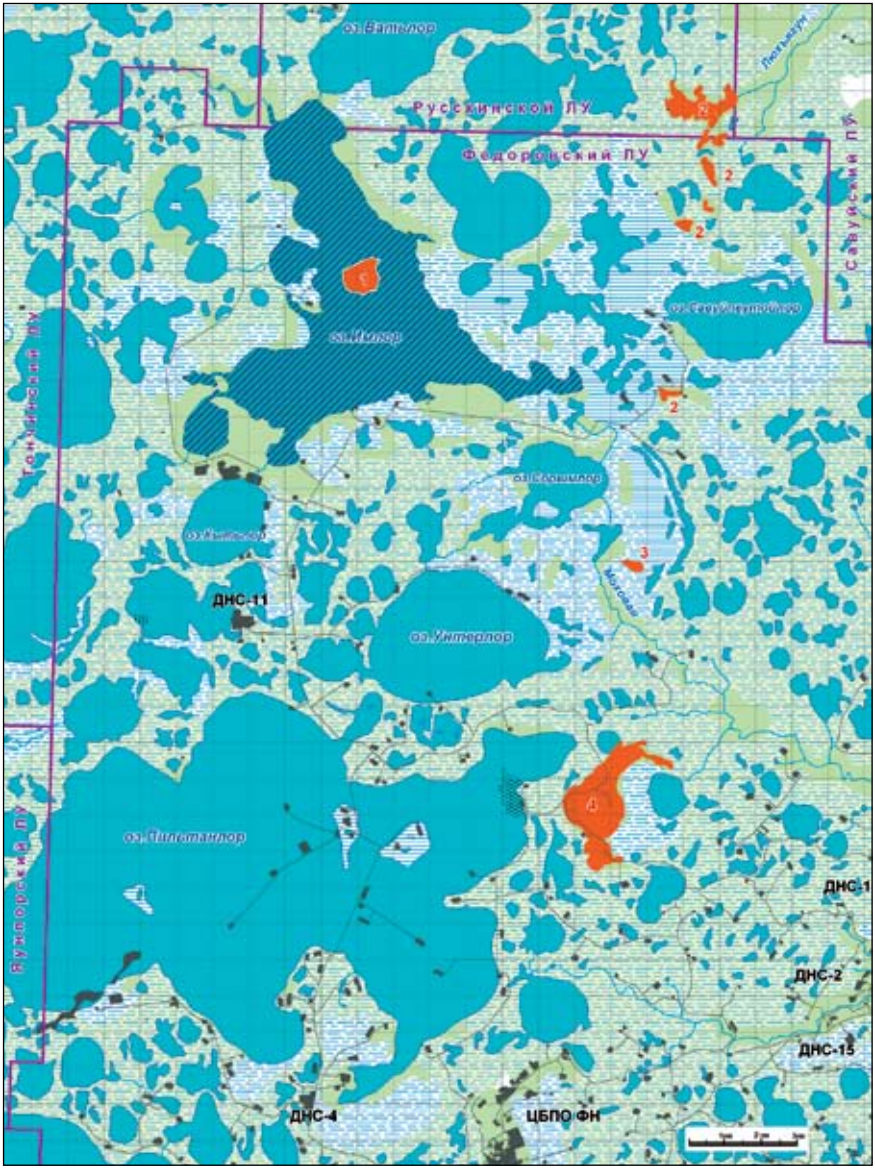
4. ***Культовое место Мэк йавэн имэн пай*** находится восточнее оз. Пильтанлор в правобережье р. Моховой. Участок представляет собой хорошо заметное в рельефе возвышение высотой около 15 м среди болотных массивов.

Территория горы Моховой сильно пострадала от антропогенного воздействия — около 30% занято сухоройными карьерами, площадь некоторых из них достигает 30 га. Помимо старых заросших карьеров, здесь отмечены: учебный полигон, куст скважин К-631, площадки разведочной скважины Р-70 и трансформаторной подстанции. Местность в значительной мере пострадала от низовых пожаров. Учитывая природную уникальность территории, её этнографическое значение, проектом предложено сохранить этот участок, прекратив его дальнейшее разрушение.

Наряду с другими, техногенный фактор — один из существенных, на который был ориентирован анализ состояния территории. Дело в том, что объекты нефтепромысла представляют собой основной источник негативных воздействий, которые пагубно сказываются как на культурном наследии, так и на окружающей природной среде. Фёдоровский лицензионный участок ОАО «Сургутнефтегаз» на севере граничит с Русскинским и Савуйским, на востоке — с Родниковым, на юго-востоке — с Восточно-Еловым, на юге — с Восточно-Сургутским, на юго-западе — с Западно-Сургутским, на западе — с Дунаевским, на северо-западе — с Яунлорским и Тончинским лицензионными участками. Планируемая территория зон охраны комплекса объектов культурного наследия на священном озере Имлор расположена на севере Фёдоровского месторождения, и лишь незначительный его участок относится к Русскинскому месторождению (ил. 11).

По результатам анализа топо- и аэросхем была получена общая характеристика планировочной структуры месторождения, сформировавшейся в северной части Фёдоровского месторождения (ил. 12). Пространственный каркас техногенного ландшафта представлен здесь как линейными, так и площадными объектами индустриального характера. К линейным объектам относятся: сеть грунтовых и асфальтовобетонных автодорог, ЛЭП, трубопроводы. Площадные объекты представлены промышленными узлами: ДНС, КНС, трансформаторные подстанции, кусты скважин и одиночные скважины.

Главная автомагистраль, идущая через оз. Пильтанлор к южному побережью оз. Имлор, следует меридионально до развилки в районе кустовых

Ил. 11. **Озеро Имлор.** Карта-схема расположения фрагментов объекта культурного наследия «Священное озеро Имлор»: 1 — священный остров; 2 — культовое место *Кэв Пупи Ики* и почитаемые участки леса; 3 — кладбище Комтиных; 4 — культовое место *Мэк йавэн имэн пай*

Ил. 12. Озеро Имлор. Карта-схема расположения объектов обустройства Фёдоровского месторождения в окрестностях озера

Условные обозначения для ил. 11-12

территория объекта культурного наследия

акватория объекта культурного наследия «Священное озеро Имлор»

объекты нефтепромысла существующие

объекты нефтепромысла проектные (по состоянию на 2009 г.)

Ил. 13. Озеро Пильтанор. Центральная часть акватории — средоточие промышленных площадок и транспортных коммуникаций. Сн. с юго-запада

Ил. 14. Озеро Имлор. Складированный песок гидромеханизированного карьера № 25 (Шокурово) на южном берегу. Сн. с юго-запада

площадок К-268-бис и К-268 (ил. 15). Отсюда одна ветка автодороги проложена последовательно на северо-восток, восток, север и, минуя гидрокарьер № 25 (Шокурово) и ряд кустовых площадок (К-279, К-273, К-596 и др.), замыкается на площадке куста скважин К-598, что привязана к западному побережью оз. Савуйпеутойлор. Вторая автодорога отворачивает сначала на северо-запад, а затем на север. Она проходит мимо гидрокарьера № 22, на северном берегу оз. Кытылор и, огибая западное побережье оз. Имлор, следует строго на С почти до северной оконечности оз. Имлор. Здесь, вблизи безымянного ручья (перетоки) дорога сворачивает на запад, замыкаясь в итоге кустом К-2009.

На южном побережье оз. Имлор, в районе куста скважин К-270 расположен гидромеханизированный карьер № 25 (Шокурово). В ходе обследования были отмечены два штабеля песка на западном берегу оз. Кытылор и три — на северном. Здесь же, на северо-западном побережье озера находится гидрокарьер № 22.

Общая тенденция промышленного обустройства месторождения реализуется по направлению с юга на север. При этом планируемая территория зон охраны объекта культурного наследия на священном озере Имлор занимает одну из самых северных оконечностей Фёдоровского лицензионного участка, обустройство которого вплотную подошло с юга и запада к оз. Имлор.

Начиная от перекрёстка на ДНС-11, фиксируются три участка концентрированного расположения кустов добычи нефти и газа (ил. 15). Один из них вытянут с запада на восток от ДНС-11 до куста скважин К-627 на северном берегу оз. Унтерлор; второй — от куста скважин К-266 на север — северо-восток до куста скважин К-273 у южного побережья оз. Имлор; третий, ограниченный кустами скважин К-594 на юге и К-598 на севере, приурочен к территории между восточной кромкой оз. Имлор и западным побережьем оз. Савуйпеутойлор. Одиночные кустовые площадки (К-272, К-274) и скважины (П-4290, Р-85) находятся на западном берегу оз. Имлор.

На втором этапе предпроектных работ были осмотрены промышленные объекты как на участках около оз. Имлор, так и в центральной части Фёдоровского месторождения. В их числе оз. Пильтанлор — один из примеров крупной акватории Югры, подверженной нефтепромысловому освоению. Главная задача состояла в анализе технического состояния эксплуатируемых объектов и в оценке их воздействия на природную среду.

При разработке проекта зон охраны объекта культурного наследия «Священное озеро Имлор» итоги перечисленных работ легли обоснование

режима содержания охраняемой территории, а также планировочных ограничений и рекомендаций. Для оперативного обследования довольно обширной площади потребовалось провести не только пешие и автомобильные маршруты, но и выполнить её аэровизуальный осмотр.

Озеро Пильтанлор расположено в центральной части Фёдоровского месторождения и является крупнейшим водным объектом в его границах (ил. 13). Восточное побережье и акватория этого водоёма подверглись интенсивному промышленному освоению, что существенно изменило окружающий ландшафт. В первую очередь, это выразилось в обустройстве коридора коммуникаций из насыпной дороги, нескольких ЛЭП и трубопроводов, разделившего акваторию в меридиональном направлении. В центральной части озера, включая остров, расположены кусты скважин с насыпными грунтовыми дорогами. Некоторые из кустовых площадок затоплены водой, из чего следует, что содержимое их шламовых амбаров могло попасть в озеро. С учётом вероятности разлива нефти из труб, проложенных через водоём, становится очевидным далеко не идеальное состояние этого озера. Подобный подход к сохранению оз. Имлор совершенно не приемлем, и в этой связи размещение промобъектов в пределах акватории должно быть исключено.

Гидрокарьер № 22 расположен юго-западнее оз. Имлор и охватывает северо-западное, северное и часть восточного побережий оз. Кытьлор. Эта территория была дополнительно осмотрена ещё и с воздуха. Вся зона обследования несёт следы сильного антропогенного вмешательства, самым заметным из которых стали складированные на берегу огромные объёмы грунта из гидрокарьера. Они расположены в водоохранной зоне. «Рваный» контур береговой линии в сочетании с земснарядами и хаотично сложившейся сетью грунтовых дорог сформировали участки буквально «лунного» ландшафта.

Требования к водоохранной зоне не соблюдались и при размещении кустовых площадок Р-4276Р и К-267, находящихся на юго-восточном берегу оз. Кытьлор. Дальнейшая реализация подобного хозяйственного освоения территории неизбежно превратит водоём в неотъемлемую часть техногенного ландшафта, его функциональную зону.

Аналогичное воздействие на водный объект отмечено и вблизи южного берега оз. Имлор, началом которому стало размещение здесь гидромеханизированного карьера № 25 (Шокурово). Огромная куча песка (ил. 14), водопропускные канавы, гидрокарьер — наглядное подтверждение участи оз. Кытьлор. В этой связи для сохранения ландшафта оз. Имлор данный объект должен быть законсервирован.

Наряду с рассмотренными хозяйственными объектами были детально обследованы кустовые площадки, расположенные к востоку от оз. Имлор. Они представлены кустами скважин К-598, К-597, К-596, К-595 и К-594, недавно введёнными в эксплуатацию. Из пяти объектов только на площадке куста скважин К-596 не обнаружено загрязнений. На других же зафиксированы разливы нефти и минерализованных подтоварных вод, поразивших почвенно-растительный покров.

Кусты скважин К-269 и К-270-бис расположены в южной оконечности оз. Имлор. Площадка последнего вплотную примыкает к береговой линии, вследствие чего часть его обваловки размыта водой. Здесь же зафиксирован разлив технической жидкости, попавшей в озеро. Следы разлива нефти видны также и у грунтовой дороги, ведущей к кусту скважин К-269. На данном участке берега и вблизи каждого из объектов наблюдаются стихийные места отдыха работников нефтепромысла, рыбаков и охотников, а бытовой мусор — обязательное последствие подобного времяпрепровождения.

Западное побережье оз. Имлор находится в начальной стадии освоения. На данный момент здесь расположены кусты скважин К-141, К-4290П, К-272 и скважина Р-85 с подъездными грунтовыми дорогами. Состояние объектов удовлетворительное, разливов нефти не зафиксировано, однако обустройство кустовых площадок требует природоохранного мониторинга.

В целом, по итогам натурного обследования, состояние территории на севере Фёдоровского лицензионного участка можно оценить как *неудовлетворительное.* Исключением является лишь сеть автомобильных дорог, содержание которых соответствует действующим требованиям. В особенности это касается автомагистралей на восточном берегу оз. Имлор.

Третий этап — составление проекта планировки охранных зон — стал итоговым для работ, выполняемых в рамках заданной темы. Он включал оценку нормативно-правового аспекта охранного зонирования, поскольку сохранение святилищ как объектов культурного наследия закреплено в законодательных актах федерального и окружного уровней. В ст. 10 (п. 5) Закона Российской Федерации № 82-ФЗ от 30.04.1999. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» говорится, что лица, относящиеся к малочисленным народам, вправе *«...соблюдать свои традиции и совершать религиозные обряды, не противоречащие федеральным законам, законам субъектов Российской Федерации, содержать и охранять культовые места».*

Ил. 15. Озеро Имлор. Основной чертёж зон охраны комплекса объектов культурного наследия. Вариант I

Эта же правовая норма с трактовкой понятия «святилище» закреплена в ст. 2 закона № 92-оз от 08.11.2005. «О святилищах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»: *«Под святилищем коренных малочисленных народов... понимается элемент природного ландшафта, считающийся священным местом в силу его значимости для религии и для отправления религиозных обрядов данных народов...».*

В ст. 3 Закона Российской Федерации № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» определено: среди видов объектов культурного наследия, подлежащих охране, – ансамблей, памятников и достопримечательных мест – «места совершения религиозных обрядов» относятся к последним.

Порядок определения границ зон охраны объектов культурного наследия представлен в окружном законе № 64-оз от 29.06.2006 «О сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». В частности, ст. 13 (п. 1) гласит: *«**Границы зон охраны** объектов культурного наследия регионального и местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия, режим использования земель и градостроительные регламенты в границах данных зон **утверждаются на основании проекта зон охраны объектов культурного наследия**...».* К таковым относится и представленный проект зон охраны комплекса объектов культурного наследия на священном озере Имлор.

Порядок разработки проектов зон охраны объектов культурного наследия, требования к режимам использования земель и градостроительным регламентам в границах данных зон определяется Постановлением Правительства РФ № 315 от 26.04.2008 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

Согласно ст. 66 (п. 1) «Водного кодекса Российской Федерации» № 74-ФЗ от 03.06.2006 г. акваторию оз. Имлор можно отнести к особо охраняемым водным объектам: *«Водные объекты или их части, имеющие особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, могут быть признаны особо охраняемыми водными объектами».*

Регулированию территорий зон охраны объектов культурного наследия уделено внимание и в иных правовых актах – Лесном, Зе-

мельном и Градостроительном кодексах РФ. Согласно последнему, эти земли относятся к *«зонам с особыми условиями использования территорий»*.

Логическим завершением проведённого анализа территории стало архитектурно-планировочное решение охранных зон, представленных на основном чертеже. В проектном решении предусмотрено обозначение территорий (акваторий) объектов культурного наследия и установление границ их охранных зон:

1. **Священное озеро Имлор,** включая его акваторию и остров в центральной части озера, где совершаются обряды коренного населения;
2. **Культовое место *Лунк йавэн той (Кэв Пупи Ики)*** в верхнем течении р. Люхъягун и семь почитаемых участков леса между оз. Имлор и р. Люхъягун.
3. **Кладбище Комтиных** на левобережье р. Моховой в районе скважины Р-80.
4. **Культовое место *Мэк йавэн имэн пай*,** находящееся к востоку от оз. Пильтанлор в правобережье р. Моховой.

Основной чертёж проектного решения представлен в трёх вариантах, отражающих различные подходы к организации охранных зон только вокруг оз. Имлор (см. ниже). Для остальных объектов культурного наследия проект планировки является неизменным.

Вариант I (ил. 15)

В границах охранной зоны, кроме существующих площадок добычи нефти (К-269, К-270, К-270-бис, К-273, К-272, П-4290, К-274) и связанных с ними коммуникаций, предлагается исключить размещение иных объектов нефтепромысла. Производство земляных работ на гидромеханизированном карьере № 25 (Шокурово) должно быть остановлено (эти требования распространяются и для других вариантов планировки). С точки зрения уменьшения техногенной нагрузки на окружающую среду данная планировка является наиболее оптимальной и направлена на сохранение современного природного ландшафта береговой линии оз. Имлор.

Вариант II (ил. 15)

Допускается размещение кустовых площадок (К-773, К-887, К-848, К-883, К-800, К-774, К-772) при условии отдаления их от оз. Имлор. Для снижения вероятности загрязнения водоёма объекты должны быть обращены относительно дорожной насыпи в сторону, противоположную от акватории. Стоит отметить, что введение данных объектов в эксплуатацию увеличит вероятность загрязнения водоёма и подтопления территории, а также внесёт дисгармонию в природный ландшафт,

нарушив его первозданный облик. Всё это противоречит сакральному статусу объекта охраны.

Вариант III (ил. 16)

В данном случае схема размещения кустовых площадок и коммуникаций к ним будет сохранена согласно проекту обустройства Фёдоровского нефтегазового месторождения. Большинство планируемых кустовых площадок (К-773, К-887, К-848, К-883, К-800, К-774, К-772) располагаются в непосредственной близости от береговой линии. Введение данных объектов в эксплуатацию значительно увеличит вероятность загрязнения водоёма, а также нарушит первозданный облик ландшафта и сакральный статус культового объекта.

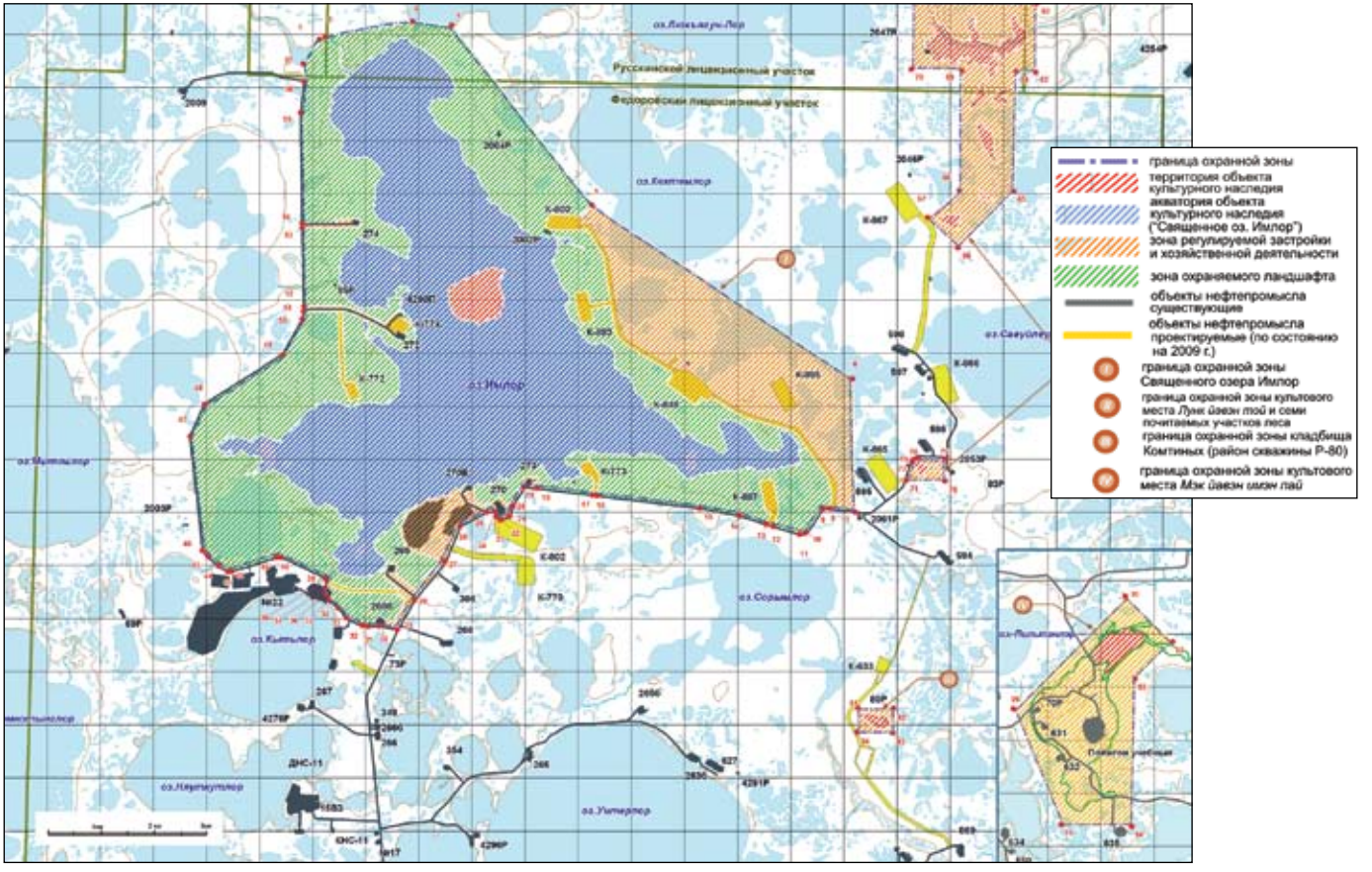
Границы охранных зон объектов культурного наследия

Внешние границы охранных зон объектов культурного наследия и координаты поворотных точек этих границ определены по картматериалам.

1. ***Священное озеро Имлор.*** Архитектурно-планировочная структура этого объекта охраны состоит из четырёх компонентов — акватории объекта культурного наследия (оз. Имлор), территории объекта культурного наследия (Святой остров), зоны охраняемого природного ландшафта вокруг озера, зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности.

Внешняя граница максимально приурочена как к существующим промышленным объектам (в частности, автодорогам), так и к выраженному на местности природному рубежу — периметру приозёрного понижения оз. Имлор. Граница зон охраны объекта культурного наследия замкнутым контуром ограничивает всю береговую полосу озера и установлена по 57 поворотным точкам.

Северный отрезок границы охранной зоны (т. 1—4) начинается у безымянного ручья (т. 1 — ш. 61°54’22,7’’; д. 73°20’50,7’’), вытекающего из небольшого озера, и следует в восточном направлении к южному берегу оз. Ватьлор. Далее от т. 4 (ш. 61°54’33,2’’; д. 73°22’51’’) до т. 6 проложена северо-восточная часть границы, которая преломляется на побережье оз. Кехтемлор в т. 5 (ш. 61°52’46’’; д. 73°26’46,9’’). Восточная граница, начинаясь в т. 6 (ш. 61°51’03,9’’; д. 73°32’27,6’’) и обходя с запада куст скважин К-595, проходит строго на юг до т. 7 (ш. 61°49’43’’). В районе скважины Р-2061 т. 7 примыкает к промысловой автодороге, что на левобережье р. Моховой. Южная граница (т. 7—46) при всей сложности конфигурации визуально выражена на

Ил. 16. Озеро Имлор. Основной чертёж зон охраны комплекса объектов культурного наследия. Вариант III

местности, так как приурочена к автомагистрали, ведущей от т. 7 на запад — юго-запад. После перекрёстка в районе куста скважин К-268-бис (т. 29 — ш. 61°48'24,7''; д. 73°22'50,6') граница следует на запад — северо-запад, минуя гидрокаръер на северном побережье оз. Кытылор. Далее, за безымянным ручьём (т. 46 — ш. 61°49'09,9''; д. 73°18'37,7'') в направлении север — северо-запад проходит западный отрезок границы. Он следует вдоль автомагистрали и замыкает на севере внешний периметр охранной зоны у безымянного озера в т. 57 (ш. 61°54'07,7''; д. 73°20'30''). Периметр внешней границы охранной зоны составляет 40,9 км и занимает площадь 43,74 кв. км.

2. ***Культовое место Лунк йавэн той (Кэв Пупи Ики) и семь почитаемых участков леса между оз. Имлор и р. Люхъягун.*** Архитектурно-планировочная структура объектов охраны состоит из двух компонентов — территории объекта культурного наследия и зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности. В составе объекта культурного наследия «Культовое место *Лунк йавэн той (Кэв Пупи Ики)*» в верхнем течении р. Люхъягун находятся собственно культовое место и семь лесных участков к югу от него. Один из них обособлен и отдалён к югу — в район скважины Р-2061. Северная часть охранной территории относится к Русскинскому лицензионному участку, южная — Фёдоровскому лицензионному участку.

Внешний контур охранной зоны объекта культурного наследия охватывает лесной массив верховья р. Люхъягун (Русскинской лицензионный участок), а также шесть участков леса к югу. Установлен по 10 поворотным точкам.

В состав этого объекта культурного наследия входит также обособленный участок леса в районе скважины Р-2053. Внешний контур зон охраны установлен по 6 поворотным точкам (т. 71—76). Западный и северный отрезки границы (т. 71—75) проходят вдоль внутрипромысловой автодороги, ведущей в сторону кустов скважин К-597 и К-598. Восточный отрезок границы начинается у поворота к скважине Р-2053 (т. 75 — ш. 61°50'16,5''), следует на юг вдоль грунтовой дороги и замыкается в т. 76 (ш. 61°50'03,0''). Южная граница расположена на отрезке между двумя точками — 76 и 71 (ш. 61°50'03,0''; д. 73° 33' 40.0»). Контур охранной зоны в плане трапециевидный, вытянут по линии восток — запад.

3. ***Кладбище Комтиных.*** Архитектурно-планировочная структура объектов охраны состоит из двух компонентов — территории объекта культурного наследия и зоны регулирования застройки и хозяйствен-

Ил. 17. **Озеро Имлор.** Основной чертёж зон охраны комплекса объектов культурного наследия (фрагмент — охранные зоны культового места *Мэк йавэн имэн пай*)

ной деятельности. Внешний контур зон охраны участка леса, расположенного в районе скважины Р-80, установлен по 4 поворотным точкам (т. 81—84). Контур охранной зоны в плане прямоугольный, вытянут по линии восток — запад и охватывает возвышенность по всему периметру.

4. ***Культовое место Мэк йавэн имэн пай*** (ил. 17). Архитектурно-планировочная структура объектов охраны состоит из двух компонентов — территории объекта культурного наследия и зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности. Внешний контур зон охраны участка леса, расположенного в районе учебного полигона, установлен по 6 поворотным точкам (т. 91—96). Контур охранной зоны в плане имеет конфигурацию многоугольника, вытянут по линии юг — север и охватывает возвышенность по всему периметру.

Режим содержания территорий и акватории объектов культурного наследия

В границах территорий объектов культурного наследия запрещается:

— изъятие предметов традиционной культуры как с поверхности, так и из несанкционированных раскопок;
— предоставление в пользование земель, не связанных с их целевым назначением;
— нарушение (изменение) ландшафта и почвенно-растительного покрова;
— засорение, захламление, загрязнение территории и акватории отходами и продуктами хозяйственной деятельности;
— устройство мест отдыха;
— разведение отдыхающими огня вне отведённых мест;
— любая деятельность, угрожающая снижением или уничтожением экологических и эстетических качеств природных комплексов;
— проезд тяжёлой колесной и гусеничной техники;
— ведение геологоразведочных и поисковых работ, использование акватории под гидромеханизированные карьеры;
— проведение научных исследований без разрешения окружного органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере государственной охраны объектов культурного наследия;
— рекреационная деятельность во время проведения научных исследований;
— установка палаток, обустройство биваков,
— ловля рыбы, охота, а также использование для этих целей плавсредств.

Для объектов культурного наследия на священном озере Имлор характер планировки охранных зон во многом продиктован спецификой объекта охраны. В первую очередь — это водный объект, акватория и остров которого почитаемы коренным населением в качестве святилищ, и этой связи они имеют особое культурное значение. Выделенные *территория (священный остров) и акватория (священное озеро) объекта культурного наследия* призваны обеспечить их физическую сохранность, поэтому в границах этих зон запрещена любая природопреобразующая деятельность.

В пределах территории (священный остров) и акватории (священное озеро) объекта культурного наследия разрешается:

— использование плавсредств, оленьих упряжек и снегоходов в зимний период времени для совершения паломничества к святилищу;
— проведение научных исследований по разрешению окружного органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере государственной охраны объектов культурного наследия.

В охранной зоне по специальным проектам возможно:

— выполнять работы, связанные с сохранением и благоустройством территории, которые должны формировать природную среду и выступать компонентом внешнего окружения объекта охраны;

— установка стендов, информирующих о режиме содержания объекта охраны, а также других форм благоустройства, вызванных требованиями современного использования, но не нарушающих природный ландшафт.

Зона охраняемого природного ландшафта — территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, запрещающий хозяйственную деятельность, строительство новых промышленных объектов (кроме рекультивации в целях сохранения и восстановления природного ландшафта — водоёмов, лесов и открытых пространств, визуально связанных с объектами культурного наследия).

Зона охраняемого природного ландшафта определена только для территории, обрамляющей акваторию оз. Имлор. Здесь она устанавливается в границах охранной зоны между указанным водоёмом и границей отводов существующих и проектируемых техногенных объектов. Из-за близости нахождения к водной глади озера, а также во избежание диссонанса с природным окружением дальнейшее размещение промышленных объектов в зоне охраняемого ландшафта запрещается.

Режим содержания территорий зоны охраняемого природного ландшафта. На территории зоны охраняемого природного ландшафта запрещается:

— предоставление в пользование земель, не связанное с целевым назначением территории;

— лесовырубка, кроме санитарной;

— свалка строительного и бытового мусора;

— проезд любых видов транспортных средств;

— устройство трасс перевозки промыслового оборудования как в летний, так и в зимний периоды времени;

— ведение геологоразведочных и поисковых работ;

— любительский лов рыбы, охота, сбор ягод и дикоросов туристами для личного потребления;

— установление палаток, обустройство биваков;

— проведение научных исследований без разрешения окружного органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере государственной охраны объектов культурного наследия.

В пределах зоны охраняемого природного ландшафта разрешается:

— нахождение лиц для отправления религиозных обрядов, использование ими плавсредств, оленьих упряжек и снегоходов для совершения половничества к святилищу;

— проведение научных исследований по разрешению окружного органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере государственной охраны объектов культурного наследия.

Зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности – территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, ограничивающий строительство и хозяйственную деятельность в целях снижения воздействий на объекты охраны.

Режим содержания территории зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности. В пределах этой зоны запрещается:

– движение транспорта вне технологических объектов и дорожной сети;

– ведение хозяйственной деятельности за пределами зон отвода территорий под технологические объекты;

– устройство полигонов хранения и переработки нефтесодержащих отходов;

– нахождение работников месторождений за пределами производственных площадок;

– свалка строительного и бытового мусора.

На территориях зоны разрешается:

– производство земляных работ, а также иная природопреобразующая хозяйственная деятельность по согласованию с окружным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере государственной охраны объектов культурного наследия;

– производство работ только по технологиям, способным предотвратить аварийные разливы нефти;

– выполнение работ, связанных с рекультивацией нарушенных земель.

Зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности объекта культурного наследия «Священное озеро Имлор» выделены на его южном, западном и восточном побережьях. Они представлены отдельными участками, на которых расположены как существующие на данный момент объекты нефтепромысла, так и возможные проектные. Зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности устанавливаются в границах зон отвода существующих и проектируемых объектов. Дополнительно (в соответствии с вариантами II и III основного чертежа) выделяются:

– участок, принадлежащий гидрокарьеру № 25;

– территория с внешней стороны автодороги, идущей на проектный куст скважин К-800.

Дальнейшее расширение зоны регулирования застройки данным проектом запрещено. Ниже приведён режим содержания для отдельных промышленных объектов нефтепромысла.

– **Коридор коммуникаций к югу от куста скважин К-269.** Рекомендуется содержать в границах существующего отвода, предусмотрев строительство автодороги вдоль него со стороны оз. Имлор.

— **Гидромеханизированный карьер № 25 (Шокурово).** Здесь производство работ было начато без согласования со Службой государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры и продолжено в летний период 2009 г. вопреки предписанию от 02.06.2009 г. № 191-НС, в котором содержалось требование немедленной приостановки земляных работ. В результате на участке планируемой охранной зоны появились: карьер от выемки грунта, дренажные каналы, подъездные грунтовые дороги, временный посёлок строителей... Всё это в сочетании с визуально господствующим силуэтом складированного песка привнесло существенные изменения в окружающий природный ландшафт. Поэтому данный объект должен быть законсервирован, песок использован либо вывезен, а местность рекультивирована и закрыта для размещения здесь промышленных объектов в будущем.

— **Существующие площадки нефтедобычи и нефтеразведки К-269, К-270-бис, К-270, К-273, К-272, П-4290.** Необходимо разработать проект их благоустройства с учётом природосберегающих технологий, а также мероприятий по рекультивации прилегающих к ним нарушенных участков.

— **Проектные кусты скважин К-773, К-887, К-848, К-883, К-800, К-895, К-774, К-772.** В проектах обустройства новых кустовых площадок и коммуникаций к ним необходимо предусмотреть природосберегающие технологии. В ходе выполнения буровых работ исключить доступ персонала и техники вне зоны регулирования застройки, запретив также охоту и рыбалку вблизи находящегося побережья.

Зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности объектов культурного наследия «Культовое место Лунк йавэн той (Кэв Пупи Ики)» и семь почитаемых участков леса между оз. Имлор и р. Люхъягун; «Кладбище Комтиных»; «Культовое место Мэк йавэн имэн пай». Расположение новых промышленных объектов в пределах указанных зон подлежит дополнительному согласованию в Службе государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры.

Наряду с указанием режима содержания территорий зон охраны, был предложен комплекс проектно-планировочных ограничений и рекомендаций, предотвращающих изменение природных условий болотных ландшафтов при обустройстве нефтяных месторождений. В частности, карта сетки линий стеканий болотных вод совместно с типологической картой олиготрофных болот может использоваться при:

— расчёте стока вод с болот (как со всего массива, так и в любой части);

— трассировании и эксплуатации линейных сооружений на болоте (в частности, при выборе мест водопропускных сооружений на проектируемых дорогах);

– разработке мероприятий по быстрой локализации аварийных нефтяных разливов.

Сетка линий стекания болотных вод претерпевает некоторое изменение только в узкой полосе от 10 до 100 м, примыкающей к площадкам буровых скважин и вдоль насыпи автодорог. Со стороны притока болотных вод вдоль сооружений, построенных на болоте, возникает зона «подтопления», а с противоположной стороны этого сооружения – зона «подсушки». Ширина зоны «подтопления» зависит от направления линий стекания болотных вод и от величины площади, с которой стекают болотные воды. При значительной площади стекания, приближённой к прямому углу между потоком болотных вод и сооружением, зона «подтопления» возрастает. При условии, когда этот угол будет приближаться к нулю, зона «подтопления» будет минимальной, и тем самим влияние построенных сооружений на гидрологический режим болота станет уменьшаться.

При существенном и длительном по времени обводнении вблизи сооружений на участке болота изменения, в первую очередь, касаются характера растительности – начнут произрастать более влаголюбивые виды, не типичные для прилегающего болотного микроландшафта. Либо эти участки полностью заполняются водой. Например, в зоне «подтопления» на участке лесных и мохово-лесных микроландшафтов в первый год подтопления появятся деревья с сухой кроной, а на участках, где располагаются грядово-мочажинные комплексы, могут на крупных по площади мочажинах сформироваться новые мёрзлые бугорки пучения с остаточным сезонным промерзанием. Обычно этот эффект наблюдается в северных районах олиготрофной зоны.

На участке «кармана» между автодорогой и площадкой буровых скважин или между двумя автодорогами, расположенными под углом друг к другу, где не проложены водопропускные трубы, создадутся условия постоянного накопления обводнения со стороны притока болотных вод. Здесь растительность полностью деградирует, и большое пространство зальётся водой.

Индикаторами зон «подтопления» и «подсушки» являются растительный покров или открытые участки воды (при большом подтоплении). В зоне «подсушки» наблюдается некоторое снижение уровня воды из-за длительного уменьшения притока болотных вод, что постепенно приводит к смене видового состава растительности. На бывших увлажнённых участках поселяются болотные кустарнички и молодая поросль сосны, а в мохово-лесных и лесных микроландшафтах обильно произрастают

кустарнички и увеличивается прирост сосны. Размер зон «подтопления» и «подсушки» зависит от объёма приточности болотных вод и времени года. В весенние и дождевые паводки подтопление будет максимальным, а в летне-осеннюю межень — минимальным. Уменьшение зоны «подтопления» в летне-осенний период будет происходить из-за перераспределения поступающей к сооружениям воды. Часть её фильтруется через насыпь дороги или площадки куста, часть направлена по уклону болота вдоль сооружений.

Период восстановления растительного покрова на олиготрофных болотах, исчисляемый 6—12 годами, зависит от многих факторов, а именно: от типа болотного микроландшафта, степени обводнения и загрязнения болотных ландшафтов, времени года и пр.

С целью оптимального решения вопросов, связанных со строительством на болотах промышленных сооружений и их эксплуатацией, необходимо располагать типологической картой болот и картой сетки линий стекания болотных вод, составленной до начала обустройства нефтяных месторождений по материалам аэрофотосъемки, а также предусматривать следующие мероприятия по сохранению гидрологического режима и ландшафта болот:

— прокладывать водопропускные трубы через полотно автодорог для сброса избыточной влаги в соответствии с картой сеток линий стекания болотных вод;

— во избежание аварийных разливов нефтепродуктов на болото и для их быстрой локализации целесообразно возвести торфяную дамбу высотой до 1 м вдоль фронта растекания загрязнения. Канава, которая образуется при возведении дамбы, послужит в качестве приёмника при выбросе загрязнений.

Необходимо отметить, что площадки кустов скважин № 269, 270, 270-бис, 273, 595, 597, 2061 отсыпаны вблизи оз. Имлор и других водных объектов. При этом возникает большая вероятность попадания на акваторию водоёмов нефтепродуктов при аварийных ситуациях. Поэтому необходимо и в этом случае в 50—100 м от промышленных площадок в сторону водных объектов возвести торфяную дамбу высотой 1 м. Канава, образованная при возведении дамбы, послужит в качестве приёмника выбросов нефтепродуктов.

При прокладке новых автодорог и отсыпке площадок буровых скважин надо учитывать приток болотных вод к этим сооружениям, согласно сетке линий стекания болотных вод. При уменьшении подтопления болотного микроландшафта со стороны большой приточности болотных вод или при концентрации потока (топи) необходимо про-

кладывать водопропускные трубы через дорожную насыпь. Изменение гидрологического режима болот и, в частности, увеличение обводнения или уменьшения влаги (осушения) приведёт к смене состава растительного покрова, а при длительном процессе — к смене болотного ландшафта.

Как известно, условия растекания нефтепродуктов на болота зависит от типа болотного микроландшафта, а также от структуры и толщины деятельного горизонта торфяной залежи. Деятельный горизонт — это слой, в котором происходит колебание уровней воды и через который осуществляется практически весь сток с болота. Следовательно, все процессы, связанные с растеканием нефти и загрязнением болота, происходят в этом относительно тонком (от 20 до 50 см) слое.

Пункты гидрологической характеристики (уровень болотных вод, толщина деятельного слоя торфяной залежи, коэффициент фильтрации залежи и другие показатели болотных микроландшафтов) различны, поэтому и условия растекания нефти в различных типах болот будут варьироваться. В болотных микроландшафтах, где наблюдается только фильтрационный сток, условия для быстрого распространения нефти менее благоприятны — это лесные, мохово-лесные, моховые комплексы. Кроме того, высокие сорбционные свойства торфов этих микроландшафтов в случае загрязнения не обеспечивают быстрый вынос загрязняющих веществ (в особенности тяжёлых фракций) на большое расстояние. В обводнённых мохово-травяных микроландшафтах и различных топях, где уровни воды почти круглый год стоят вровень, а в паводки выше поверхности болота, нефтепродукты распространяются быстро и на большие расстояния. Поэтому при обустройстве нефтяных площадей необходимо руководствоваться типологической картой болот и картой сетки линий стекания болотных вод.

Мероприятия и рекомендации по сохранению объектов культурного наследия

В целях сохранения комплекса объектов культурного наследия на священном озере Имлор хозяйствующий субъект должен:

1. Содержать их территории согласно целевому назначению — как земель историко-культурного назначения и мест отправления религиозных обрядов коренным населением.

2. Обеспечивать режим содержания указанных объектов культурного наследия (согласно проекту зон охраны), проводить необходимые работы, предусмотренные планом ремонтно-восстановительных работ и благоустройства, а также разовыми предписаниями окружного органа ис-

полнительной власти, уполномоченного в сфере государственной охраны объектов культурного наследия.

3. Исключить посещение территории острова и акватории оз. Имлор, включая семь особо почитаемых хантами участков леса в восточном направлении от оз. Имлор, персоналом нефтепромысловых объектов. Это касается существующих вблизи кустовых площадок К-272, К-4290П, К-274, К-773, К-270, К-270–бис, К-269, гидромеханизированного карьера № 25 (Шокурово), а также вводимых на перспективу проектных кустов скважин К-772, К-774, К-800, К-883, К-848, К-887, К-773.

4. Составить план-график разработки проектной документации по обустройству существующих вблизи побережья оз. Имлор кустов скважин К-272, К-4290П, К-274, К-773, К-270, К-270–бис, К-269 с учётом природосберегающих технологий.

5. Немедленно извещать окружной орган исполнительной власти, уполномоченный в сфере государственной охраны объектов культурного наследия о нарушении сохранности либо угрозе нарушения сохранности объектов культурного наследия, а также своевременно принимать соответствующие меры по их сохранению.

6. Установить информационные надписи и обозначения о статусе охраняемой территории, акватории, а также своевременно производить благоустроительные работы на территории охранной зоны независимо от сезона.

7. Осуществлять все работы по обустройству территории охранной зоны за свой счёт и своими материалами по предварительному разрешению окружного органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере государственной охраны объектов культурного наследия. Обеспечивать производство работ необходимой проектной и технической документацией в соответствии с федеральным и окружным законодательством в сфере культурного наследия.

План восстановительных работ и благоустройства территории

В целях сохранения объектов культурного наследия (этнокультурных памятников) и создания оптимальных условий их использования необходимо провести следующие работы:

№	Наименование исследовательской, проектно-сметной документации и производственных работ	Сроки выполнения
1	У перекрёстка кустов К-268-бис и К-268 установить КПП со шлагбаумом и информациионную надпись о статусе охраняемой территории	Июль 2011 г.
2	Требования по особому режиму содержания охранной зоны внести в инструктаж работников, обслуживающих объекты в границах данной территории	Постоянно
3	Содержать территорию и акваторию охранных зон в надлежащем благоустроенном состоянии	Постоянно

4	Остановить производство земляных работ на гидромеханизированном карьере ¹ 25 на южном берегу оз. Имлор	Согласно выданному предписанию
5	На участке расположения гидромеханизированного карьера ¹ 25 провести рекультивацию земли: – водоотводные каналы и подъездная дорога к гидрокарьеру; – участок территории под складом песка	 Июнь 2011 г. Сентябрь 2011 г.
6	Разработать проекты обустройства существующих у побережья оз. Имлор кустов скважин (К-272, К-4290П, К-274, К-773, К-270, К-270-бис, К-269) с учётом природосберегающих технологий	Согласно графику проектных работ
7	Вводимые на перспективу проектные кусты скважин К-772, К-774, К-800, К-883, К-848, К-887, К-773 у побережья оз. Имлор запроектировать с учётом природосберегающих технологий	Согласно графику проектных работ
8	Осуществление авторского надзора по реализации проекта охранных зон объектов культурного наследия (мониторинг состояния территории охранных зон)	Согласно графику

Территории зон охраны комплекса объектов культурного наследия на священном озере Имлор могут быть использованы исключительно как земли историко-культурного назначения и места отправления религиозных обрядов коренным населением.

Таковы общие итоги проектно-планировочных мероприятий, направленных на сохранение объектов культурного наследия в урочище Озеро Имлор. В качестве одного из выводов хотелось бы подчеркнуть, что во избежание конфликтных ситуаций, вызванных обустройством или модернизацией месторождений без учёта законных требований малочисленных народов Севера о сохранении их святилищ и других объектов культурного наследия, разработка аналогичных проектов зон охраны культурного наследия должна предварять проекты промышленного освоения территорий.

Основные нормативно-правовые акты, использованные при разработке проектов зон охраны культурного наследия

Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001. № 136-ФЗ.

Закон Российской Федерации от 25.06.2002. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Постановление Правительства Российской Федерации от 26.04.2008. № 315 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

Градостроительный кодекс Ханты-Мансийского автономного округа от 08.10.1999. №63-оз.

Лесной кодекс Ханты-Мансийского автономного округа от 27.05.1994. № 2-оз.

Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 08.11.2005. № 92-оз «О святилищах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе—Югре».

Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29.06.2006. № 64-оз «О сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 28.01.2009 г. № 10-ПП «Об утверждении списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность». Приложение // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 16 (№ 4211—4214).

[2] **Ведмидь Г.П.** Проект зон охраны комплекса объектов культурного наследия «Священное озеро Имлор» в Сургутском районе ХМАО — Югры. — Сургут, 2010. — В 3 т. — БИИКФ. — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 487, 488, 489.

[3] **Тюрин В.Н.** Карта природных комплексов в границах приозёрного понижения озера Имлор // Ведмидь Г.П. Проект зон охраны комплекса объектов культурного наследия «Священное озеро Имлор» в Сургутском районе ХМАО — Югры. — Сургут, 2010. — В 3 т. — Т. 3: Графические приложения (комплект чертежей). — БИИКФ. — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 489. Л. 3.

[4] **Усова Л.И.** Карта линий стекания болотных вод в бассейне озера Имлор // Ведмидь Г.П. Проект зон охраны комплекса объектов культурного наследия «Священное озеро Имлор» в Сургутском районе ХМАО — Югры.: В 3 т. — Сургут, 2010. — Т. 3: Графические приложения (комплект чертежей). — БИИКФ. — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 489. Л. 4.

[5] **Рудь А.А.** Этнографические исследования в рамках проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия в районе озера Им Лор // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 361—380.

Изучение историко-культурного
наследия Ханты-Мансийского
автономного округа - Югры

Охрана архитектурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе в 1960–1980-х гг. (по документам ВООПИиК)

А.В.Кузина
г. Ханты-Мансийск
АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»

К сер. XX века памятники истории и культуры на территории СССР уже более трёх десятилетий предавались забвению. Особенно оно коснулось объектов культовой архитектуры, большая часть которых была закрыта в ходе кампании молодой советской власти против Русской православной церкви в 1920–1930-х гг.

Благоприятные социально-политические условия, сложившиеся к сер. 1960-х гг., стремление к изучению и сохранению прошлого послужили развитию общегосударственного масштабного движения по охране памятников истории и культуры.

Начало этому движению было положено Постановлением Совета Министров РСФСР № 882 от 23 июля 1965 г. «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры»[1]. Новое общество позиционировало себя как массовую добровольную общественную организацию и ставило своей целью защиту, восстановление, всестороннее изучение и использование для патриотического воспитания всей совокупности историко-культурного наследия, накопленного в России более чем за тысячу лет её существования.

В декабре того же 1965 г. было создано и функционировало вплоть до кон. 1980-х гг. Ханты-Мансийское окружное отделение ВООПИиК. В архиве АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» сохранились документы, отражающие деятельность этого отделения за весь период его существования. Анализ данных материалов позволяет охарактеризовать ситуацию в области охраны памятников архитектуры в 1960–1980-е гг.

Впервые проблема архитектурного наследия была озвучена на учредительной конференции в г. Ханты-Мансийске, состоявшейся 24 декабря 1965 г. Известный в округе деятель культуры и народного

образования А.Н. Лоскутов в докладе «О целях и задачах общества охраны памятников истории» поднял вопрос о судьбе памятников зодчества. Их изучение он считал необходимым «не только для уяснения особенностей развития материальной жизни общества, но и для определения художественно-эстетических взглядов народа»[2]. В качестве примеров сооружений, представляющих «большой архитектурный интерес», докладчик назвал Кондинский монастырь (одну из старейших каменных построек на Обском Севере, к тому времени уже значительно разобранную) и Юильскую деревянную сторожевую крепость на р. Казыме (построенную по указанию Петра I в нач. XVIII в.). Большой интерес, по мнению А.Н. Лоскутова, представляют и образцы народной архитектуры — жилые и хозяйственные постройки хантов, манси, ненцев[3].

Вопрос о проблеме учёта архитектурного наследия на территории округа был озвучен на III Ханты-Мансийской окружной конференции общества охраны памятников истории и культуры, состоявшейся 9 февраля 1969 г. Секретарь окружкома ВЛКСМ Н.Н. Дедюхин выступил тогда с таким предложением: «В округе у нас ещё есть много памятников истории, которые ещё не учтены, не изучены. Взять хотя бы Берёзовскую восьмилетнюю школу. Это первое в нашем крае гражданское каменное здание — бывшее реальное училище. История его интересная, да и архитектурно выглядит неплохо. Изучить это здание и, может быть, взять на учёт и поставить мемориальную доску»[4].

В первое пятилетие работы ВООПИиК такие предложения не находили реализации, оставаясь на бумаге в качестве пожеланий. Ситуация начала меняться в 1970-х гг., но коснулась она только объектов гражданского зодчества, причём не всех, а имеющих отношение к советскому периоду истории края и включённых в арсенал идеологической работы органов агитпропа (ил. 1). Тогда в состав Ханты-Мансийского окружного отделения ВООПИиК входили отделения в 7 районах и 4 городах окружного подчинения[5]. Они-то и предоставляли в окружное отделение информацию о памятниках истории и культуры (сведения и списки), которая становилась основой для общих списков по округу. Именно в районных списках и начали учитываться объекты указанной архитектуры, к примеру:

— первый блочный дом в г. Нижневартовске;
— первое здание в капитальном исполнении в г. Нижневартовске;
— первое высотное (9-этажное) здание с «бегущей строкой» в г. Нижневартовске[6];

СПИСОК

памятников истории и культуры в Советском районе

№ п/п	Наименование памятника	Местонахождение	Документ принятия под охрану
1.	Памятник В.И.Ленину	п. Советский	нет
2.	- " - " -	п. Комсомольский	нет
3.	- " - " -	п. Пионерский	нет
4.	- " - " -	п. Алябьево	нет
5.	Этелл к 5-летию Советского района	п. Советский	нет
6.	Этелл к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне	п. Советский	нет

Примечание: Памятников археологии и архитектуры в районе нет.

Зав. отделом культуры: /К.Г.ЕРГЕЕВА/

Памятники - скульптуры В.И. Ленину-Шалинковский ?

Ил. 1. Список памятников истории и культуры Советского р-на ХМАО. 1970-е гг.

— первый газоперерабатывающий завод;

— дом, в котором была расположена рыбоконсервная фабрика, — первое промышленное предприятие в г. Сургуте;

— школа в с. Ларьяке, в которой работала учительница Мария Петухина (погибла за установление Советской власти)[7];

— здание первого Совета крестьянских депутатов в п. Берёзово[8].

К памятникам архитектуры были отнесены здания краеведческих музеев.

Что же касается объектов культовой архитектуры, то впервые они вошли в списки объектов культурного наследия только в 1980 г. Это были церкви в п. Малый Атлым, п. Шеркалы, п. Октябрьском[9]. При этом указывалось, что в первых двух постройках размещены клубы, а в бывшем Свято-Троицком храме в п. Октябрьском — телеграф, АТС и радио.

На конференции 1981 г. в очередной раз прозвучало предложение выявить и поставить на учёт памятники народной архитектуры: «Томичи стали инициаторами сохранения наиболее типичных и архитектурно ценных домов, т. е. памятников деревянного зодчества. У нас, если посмотреть внимательно, есть чем любоваться и что сохранить, и, если сейчас не выявить и не поставить на учёт то, что осталось, то через несколько лет нам просто нечего будет сохранять»[10].

Также в 1980-х гг. в связи с увеличивающейся застройкой городов и посёлков стало уделяться внимание проблемам сохранения их исторического облика (хотя об этом обстоятельстве говорилось ещё в 1965 г. при создании ВООПИиК[11]). В отчётном докладе Ханты-Мансийского окружного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры от 8 декабря 1984 г. данная проблема была озвучена следующим образом: «Ханты-Мансийский округ — это гигантская строительная площадка; за последние годы здесь выросли новые города и посёлки (Когалым, Нягань, Игрим, Сергино, Лангепас и др.), перестраиваются старые. В связи с этим возникает немало проблем. Увеличилась опасность сноса ряда зданий, имеющих историческую и культурную ценность. Так, только благодаря своевременному вмешательству активистов общества удалось спасти от сноса в п. Берёзове дом, где проходило первое заседание совдепа, а в г. Ханты-Мансийске — здание бывшего пожарного депо с деревянной каланчой, являющееся памятником истории градостроительства и промышленной архитектуры»[12].

Тогда же со всей полнотой встал вопрос сохранения конкретной городской культурно-исторической среды. В г. Ханты-Мансийске на уровне окружной комиссии обсуждался вопрос о создании исторической зоны города: «В нашем городе оставлены две зоны, которые сохраняют облик и характерную среду старого города. Это район Бараба в южной части города и часть ул. Карла Маркса от кинотеатра «Художественный» до пересечения с ул. Комсомольской. Особый интерес представляет район Бараба. Это часть старого с. Самарова, которую строили в 1910—1917 гг. политические ссыльные. В 1910 г. в с. Самарово было выслано 100 человек, участников первой русской революции. Многие приехали семьями и сразу начали строительство. К большому сожалению, почти все дома снесены. До наших дней сохранился один квартал»[13].

Можно отметить, что именно в 1980-х гг. произошло осознание необходимости охраны и реставрации объектов архитектурного наследия в массовом общественном сознании. Из выступления главного архитектора г. Ханты-Мансийска А.Н. Пискунова: «Ближайшая задача на эти годы — реставрация и ремонт всех памятников, которые поставлены на государственную охрану в г. Ханты-Мансийске. Но для того, чтобы провести реставрацию квалифицированно, нужно пригласить специалистов. Прежде всего, нам надо наладить связь с Тобольским реставрационным участком. Можно наладить выходы добровольцев на грубые, грязные работы. Такой опыт у нас имеется, хотя бы взять ки-

нотеатр «Художественный». Уже несколько таких субботников провели комсомольцы»[14]. Здесь необходимо отметить, что работники кинотеатра «Художественный» вообще активно принимали участие в пропаганде охраны памятников истории и культуры: «Они совместно с клубными работниками организовали лекции, беседы, тематические вечера с использованием фильмов «Ленинград город-герой», «Владимир», «Очей очарованье», «Древняя архитектура Сибири», «Прошедшие сквозь века», «Суздаль»; всего продемонстрировано 25 киносеансов»[15].

К нач. 1990-х гг. интерес к памятникам архитектуры возрастает, и последние, в связи с известными социально-политическими изменениями в стране, начинают вытеснять с приоритетных позиций памятники истории, связанные с революционными событиями в крае (ил. 2). Так, в списке памятников истории и культуры ХМАО за 1989 г. на статус памятников архитектуры претендовали:

— постройка рубежа XIX—XX вв. краеведческого музея (г. Сургут);
— здание музыкальной школы № 1 (г. Сургут);
— постройка кинотеатра «Художественный» (г. Ханты-Мансийск);
— здание общественных организаций (г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 7);
— главпочтамт (г. Ханты-Мансийск);
— здание окружного научно-методического центра и культпросветработы (г. Ханты-Мансийск);
— здание сельского профессионального технического училища № 43 (г. Ханты-Мансийск);
— здание пожарной охраны (г. Ханты-Мансийск).[16]

Приложение
к постановлению Главы администрации района
от 11.02.94 г. № 7

ПЕРЕЧЕНЬ ОБЪЕКТОВ
на территории Октябрьского района, признаваемых историко-архитектурными памятниками

№ п/п	Наименование культовых зданий, место расположения	Время основания	Что размещено в настоящее время	Техническое состояние	Утверждено ли официально памятником истории и культуры
1.	Кондинская Свято-Троицкая церковь - п.Октябрьское	1686	Районный узел связи	Кирпичное исполнение полуразрушена	
2.	Спасская церковь - п.Перегалы	1913 / 1913 восстановлена после пожара	Сельский Дом культуры	Кирпичное исполнение	
3.	Преображенская церковь - с.М-Атлым	1913	Склад	Деревянное исполнение проектно-сметная документ. по реставрации церкви готова	

Ил. 2. Перечень объектов архитектурного наследия на территории Октябрьского района ХМАО. 11 февраля 1994 г.

Таким образом, необходимость сохранения архитектурного прошлого актуализировалась в условиях интенсивного промышленного развития округа, стремительных изменений традиционного уклада жизни и облика городов и поселений.

Анализ документов «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» позволил выделить несколько слабых мест в этом направлении.

Во-первых, очевиден односторонний подход к отбору памятников, продиктованный лишь идеологическими соображениями. Основной приоритет отдавался памятникам определённого типа — связанным с историей революционного движения, установлением советской власти, Гражданской и Великой Отечественной войнами, трудовыми подвигами советского народа и т. д. Проблема выявления и сохранения памятников архитектуры занимала второстепенное место.

Во-вторых, вовлечение широких слоёв населения в процесс сохранения историко-культурного наследия не сопровождалось необходимым привлечением специалистов — квалифицированных историков, искусствоведов, археологов, архитекторов, реставраторов. Из-за этого в округе, в отличие от других регионов СССР, не действовали комиссии по памятникам археологии и архитектуры, по реставрации памятников. В результате археологическим, архитектурным и культовым памятникам окружным отделением ВООПИиК уделялось очень мало внимания.

В-третьих, памятники архитектуры, находящиеся на территории округа, долгое время не включались в списки объектов культурного наследия. Деятельность отделений ВООПИиК в первое пятилетие его работы заключалась в установления мемориальных досок и установке скульптурных композиций по поводу значимых событий и имён локальной истории советского периода[17].

Впрочем, стремление органов исполнительной власти ограничить число памятников истории и культуры и тем самым снять с себя обязательства по их дальнейшему сохранению распространялось не только на объекты архитектуры. «В 1987 г. решался вопрос о постановке на государственную охрану вновь выявленных памятников в городе Ханты-Мансийске. Комиссия, которая приезжала из Тюмени, назвала 19 зданий, имеющих историческую ценность. Пока утвердили список в горисполкоме, осталось 12 зданий. Пока решение прошло еще одну инстанцию — окрисполком, осталось 6 зданий. Сколько зданий нам оставит облисполком, пока неизвестно. Интересно то, что у комиссии,

которая здесь работала, возражений не было. И товарищ Дробот, и архитектор товарищ Колесников были согласны с ней, но, когда дело коснулось принятия решения, обнаружилось, что очень трудно взять на себя ответственность за сохранение этих зданий. Гораздо легче нашему исполкому списать их в небытие, чем объявить их памятниками. Спору нет, наши здания не являются шедеврами мирового зодчества, но ведь это наша история. Что мы покажем детям ещё через пятьдесят лет? Где будет наше лицо, лицо нашего города?».[18]

Подводя итоги, можно отметить, что именно в период 1960–1980-х гг. были заложены основы масштабного движения по охране памятников истории и культуры. Это произошло своевременно, однако значительным минусом проделанной тогда работы стала идеологизация этого процесса – игнорирование многих объектов истории и архитектуры (как в выявлении, так и в сохранении) ради гипертрофированного внимания памятникам советского периода отечественной истории.

В конце рассматриваемого периода в деле сохранения и государственной охраны памятников обозначились новые проблемы, требовавшие немедленного решения: необходимость пересмотра политики в отношении недвижимых памятников истории и культуры (особенно архитектурного наследия), необходимость создания соответствующей нормативно-правовой базы этого процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Собольникова Т.Н.** Ханты-Мансийское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: к истории становления и функционирования // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 110.

[2] **Лоскутов А.Н.** Доклад на учредительной окружной конференции по созданию Общества охраны памятников истории и культуры. – Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». – Ф. 5. Д. 3. Л. 15.

[3] **Лоскутов А.Н.** Доклад на учредительной окружной конференции...

[4] Протокол III Ханты-Мансийской окружной конференции общества охраны памятников истории и культуры от 9 февраля 1969 г. – Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». – Ф. 5. Д. 5. Л. 1.

[5] Протокол III Ханты-Мансийской окружной конференции общества охраны памятников истории и культуры от 9 февраля 1969 г... – Ф.5. Д. 5. Л. 4.

[6] Список памятников в г. Нижневартовске от 28 марта 1977 г. – Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». – Ф.5. Д. 2. Л. 13.

[7] Список памятников Нижневартовского района. – Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». – Ф.5. Д. 2. Л. 11–12.

[8] Список памятников по Берёзовскому району. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Ф.5. Д. 2. Л. 28.

[9] Сведения о наличии памятников, обелисков, мемориалов и памятников-зданий по Октябрьскому району. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Ф.5. Д. 2. Л. 36.

[10] Доклад на VIII отчётно-выборной конференции [Ханты-Мансийского окружного совета ВООПИиК]. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Ф.5. Д. 7. Л. 30.

[11] Рекомендации научной конференции, посвящённой проблемам использования историко-художественных памятников в идейно-эстетическом воспитании трудящихся и роли добровольных обществ и музеев в пропаганде и охране памятников культуры. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Ф. 5. Д. 10. Л. 10.

[12] Отчётный доклад Ханты-Мансийского окружного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Ф.5. Д. 8. Л. 21.

[13] Доклад окружного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры от 16 февраля 1987 г. в г. Ханты-Мансийске. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Ф.5. Д. 9. Л. 53.

[14] Протокол заседания 2-го пленума окружного Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры от 26 декабря 1987 г. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Ф.5. Д. 9. Л. 44.

[15] Доклад на окружной конференции Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Ф.5. Д. 8. Л. 3.

[16] Список памятников по Ханты-Мансийскому округу по инвентаризации на I.09.1989 г. Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». Ф.5. Д. 1. Л. 43-44.

[17] Списки памятников истории и культуры по Ханты-Мансийскому округу. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Ф. 5. Д. 1. Л. 1.

[18] Доклад на заседании II пленума Ханты-Мансийского окружного совета ВООПИиК 26 декабря 1987 г. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Ф.5. Д. 9. Л. 35.

У истоков оборонного зодчества Севера Евразии: проблема неолитических укреплений Западной Сибири

В.А. Борзунов
г. Екатеринбург
Центр археологических исследований
Уральского федерального университета

ЭТАПЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЙ В ЕВРАЗИИ

Одним из основных последствий неолитической революции, обусловленной зарождением производящего хозяйства, стал генезис укреплённых поселений и их прототипов — селищ на естественно укреплённых местах, башенных жилищ, а главное — городищ и протогородов, окружённых простейшими подпорными, обводными и оборонительными стенами, реже — водоотводными канавами и защитными рвами. Распространение в Старом Свете древнейших посёлков нового типа — процесс постепенный, этапный, явно связанный с ближневосточным импульсом. Первые на планете укреплённые центры появляются в IX/VIII—VI тыс. до н. э. (в «докерамический» и «раннекерамический» периоды) у древнейших земледельцев-скотоводов Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья (Иерихон А, Иерихон Б, Телль Магзалия, Телль Эс-Савван, Хаджилар II, Чатал-Хююк, Хирокитиа и др.). В V—IV тыс. до н. э. ареал строительства укреплённых объектов значительно расширяется, вбирая в себя весь Ближний и Средний Восток, отдельные области Западной и Восточной Европы (юг Италии, запад Франции, Англия, Западное и Северное Причерноморье), Средней Азии (Геоксюрский оазис, Южный Таджикистан), Китая (долина Хуанхэ). В кон. III — сер. II тыс. до н. э. укреплённые городские и культовые центры появляются в Египте и на северо-востоке Индии, более простые типы укреплённых посёлков фиксируются на большей части Западной Европы (исключая Скандинавию), Кавказе, в степях и лесостепях Евразии[1].

Следующие три волны распространения укреплённых поселений в Евразии приходятся на период поздней бронзы (XII—IX/VIII вв. до н. э.),

перв. пол. (VIII/VII—IV вв. до н. э.) и втор. пол. (IV/III в. до н. э. — III в.) раннего железного века.

Расширение зоны земледелия и скотоводства в западных, центральных и восточных областях Старого Света в VI—IV тыс. до н. э. связывают с интенсификацией межэтнических общений, в том числе обменных операций, существовавших с глубокой древности, а также с прямыми переселениями небольших групп ранних земледельцев-скотоводов из Передней Азии и Восточного Средиземноморья на окружающие территории. По всей вероятности, таким же образом, точнее в системе неолитических новшеств (производящая экономика, глиняная посуда, её орнаментика, мелкая глиняная пластика, планировка и архитектура поселений, культы, быт и т. д.), охватывала новые регионы идея укреплённого поселения*. Строительство оборонительных сооружений вокруг посёлков в первичных очагах земледелия и скотоводства диктовалось комплексом причин, в первую очередь, необходимостью эффективной защиты общинных земель и произведённого на них сельскохозяйственного продукта от соседей и варваров, демографическим взрывом и увеличением плотности населения, как следствие — резко возросшей военной активностью. Очередная, ещё более мощная волна междоусобных и межплеменных войн и, соответственно, строительства древнейших укреплений в кон. III — сер. II тыс. до н. э. была связана с массовыми миграциями скотоводов, начавшимися, по-видимому, в Анатолии и Юго-Восточной Европе и охватившими на востоке евразийские степи от Причерноморья до Минусинской котловины.

При этом для большинства культур Старого Света между переходом к производящему хозяйству и появлением укреплений наблюдался «догородищенский» период, постепенно сокращавшийся по мере приближения к современности. В неолите и энеолите он насчитывал два-три тысячелетия, в эпоху бронзы и начале эпохи железа — несколько веков[2].

* В изолированном, своеобразном и, по мнению большинства учёных, автохтонном восточном (китайском) очаге земледелия укреплённые поселения могли возникнуть в IV тыс. до н. э. независимо от возможного западного импульса. Вместе с тем этот очаг — более поздний, чем ближневосточный, и здесь в неолите (культура яншао) также производилась крашеная (расписная) керамика, как и в Средней Азии (Геоксюр 1, 9, Ялангач-депе, Мулалли-депе, Саразм), Причерноморье (Триполье—Кукутени), Передней Азии (Хассуна, Халаф, Убейд и др.). На Ближнем Востоке она фиксируется с VII по IV тыс. до н. э. Это не исключает версию заимствования древним населением Китая некоторых неолитических новаций, включая идею укрепления, из сопредельных регионов Азиатского континента.

Самые северные укреплённые поселения Евразийского континента открыты в лесной полосе Восточной Европы, Урала и Западной Сибири. До недавнего времени древнейшими из них считались городища эпохи бронзы, появившиеся в Волго-Камье и на юге Западной Сибири в перв. пол. — сер. II тыс. до н. э.[3] Одновременно с ними в приобской тайге возводились оригинальные укреплённые жилища — внушительные по размерам одиночные бревенчатые дома, окружённые рвами и, в ряде случаев, защитными стенами[4]. К югу от лесных территорий раскинулся обширный ареал евразийских степных укреплённых центров скотоводческих племен кон. III — перв. пол. II тыс. до н. э.[5], завершавшийся на востоке равнинными и горными укреплениями Тывы и Хакасии[6].

Уместно напомнить, что до 1960-х гг. в Урало-Сибирском регионе и на прилегающих территориях были известны только городища эпохи железа. Сейчас уже никто не сомневается в существовании здесь более ранних укреплений. Между тем сведения о первом неолитическом поселении с предполагаемыми оборонительными конструкциями, открытом в Зауралье — Полудёнка I[7], до сих пор не воспринимаются всерьёз и в научных изданиях обычно замалчиваются.

К настоящему времени появился ряд прямых и косвенных доказательств существования на Севере Евразии в эпоху камня укреплённых поселений, а также их прототипов, равно как опубликован ряд крайне спорных данных о неолитических укреплениях Урало-Поволжья. Все это делает необходимым проанализировать имеющиеся в нашем распоряжении материалы и поставить вопрос о выделении древнейшего, неолитического, этапа в развитии укреплённых поселений Урало-Сибирского региона.

Почти все рассмотренные ниже поселения оригинальны, представляют различные культуры, типы и периоды. Неоднозначна интерпретация их сооружений, особенно тех, что связаны с предполагаемой системой обороны посёлка. Наконец, вероятна передатировка данных памятников, особенно при учёте значительного расхождения между датами, полученными традиционными сравнительно-типологическими методами и новейшими радиоуглеродными тестами при устойчивой тенденции более древнего возраста последних[8].

Мы будем использовать обе системы датировок, а за основу хронологического распределения памятников примем периодизацию, намеченную в последней коллективной монографии по древней истории таёжного Приобья. Согласно ей, неолит Севера Западной Сибири датируется VI—IV тыс. до н. э. и подразделяется на два хронологиче-

ских горизонта. К первому, раннему, относятся памятники амнинского, каюковского, возможно, ет-товского типов, а также «добыстринские» неолитические комплексы Барсовой горы; чуть более молодые даты имеют комплексы сумпаньинского типа. Во второй, поздний, горизонт включают быстринскую археологическую культуру и поселение Чэс-Тый-Яг[9]. Памятники первого этапа, охватывающие, по палеоклиматической шкале, ранний и средний Атлантик (VI—V тыс. до н. э.) голоцена, представлены керамикой с прочерченно-накольчатым орнаментом, в том числе плоскодонной. Для второго этапа (поздний Атлантик; IV тыс. до н. э.) характерна круглодонная посуда со значительной долей гребенчатых декоров. Учитывая «размытость» границы между неолитом и энеолитом в таёжном Приобье, можно наметить и третий, финально-неолитический, этап (до рубежа Атлантика и Суббореала; кон. IV — нач. III тыс. до н. э.); к нему следует отнести поздние материалы барсовского типа Сургутского Приобья и ранние комплексы игрековского облика с отступающе-накольчатой орнаментацией сосудов. При этом зауральские боборыкинские памятники и сходные с ними северные таёжные культурные типы логичнее считать ранненеолитическими, а кошкинские — производными от них — позднеолитическими[10]. Последнее, на наш взгляд, требует дополнительных и более основательных доказательств.

Существует иная, традиционная, точка зрения, согласно которой нижнеобские памятники типа городища Амня I соотносятся с поздненеолитической боборыкинской культурой Среднего Зауралья, а памятники сумпаньинского типа бассейна Конды (Сумпанья III, Сумпанья VI, Чёртова Гора и др.) — с ранненеолитической, также зауральской, кошкинской[11]. Правда, в этом случае причисление Амни I к поздненеолитическому горизонту ещё более спорно, а с учётом полученных радиоуглеродных дат наименее вероятно.

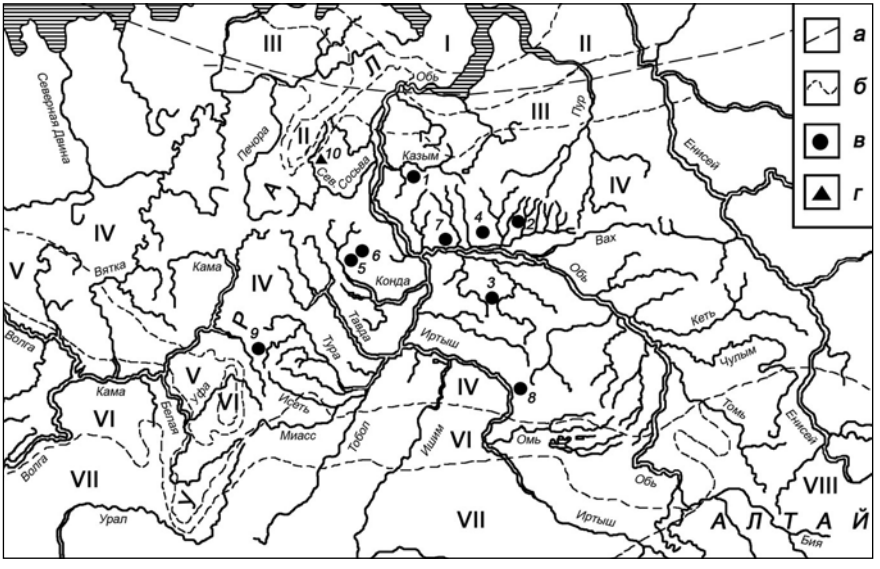
ИССЛЕДОВАННЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Городище Амня I

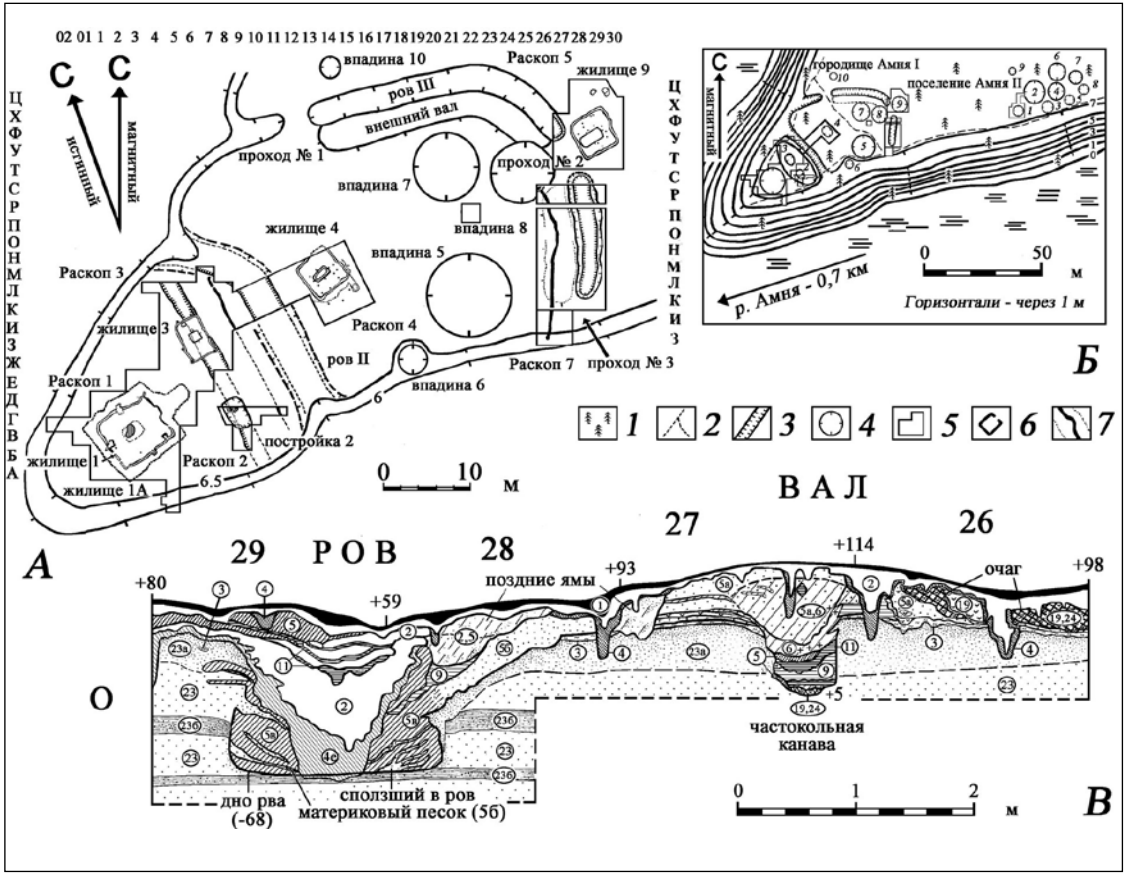
На сегодняшний день этот объект является самым северным известным неолитическим укреплением Евразии и мира (ил. 1, 2). Памятник расположен в Нижнем Приобье, у верхней кромки северной тайги (63°40' с. ш.), на правом берегу р. Амня (левый приток Казыма), в 4,5 км к юго-востоку от п. Казым Белоярского р-на ХМАО — Югры. Оно занимает треугольный песчаный мыс высотой 7 м в обширном

верховом болоте, уровень которого на 2 м превышает зеркало реки. От этого места до р. Амня — ок. 0,9 км. В древности одна из её проток, вероятно, подходила к подножию коренной террасы. С напольной стороны городища в рельефе фиксировались две оборонительные системы, состоявшие из вала и внешнего рва. На городищенских площадках прослеживались 8 округлых жилищных впадин (№ 1—8), два углубления (№ 9, 10) находились с внешней стороны укреплений. Диаметры впадин варьировались от 2 до 10 м, глубина — от 0,4 до 1,0 м. Площадь городища — не менее 1260 кв. м, в том числе первой площадки — 380 кв. м, второй — ок. 880 кв. м. С учётом осыпавшихся склонов, в древности поселение могло достигать 1830 кв. м.

Памятник открыт в 1987 г. В.Н. Широковым. Стационарные исследования городища проведены В.М. Морозовым (1987—1989 гг.) и

Ил. 1. Карта неолитических укреплённых поселений и их прототипов Западной Сибири и Зауралья. *Памятники:* 1 — гор. Амня I, 2 — гор. Имнъёган 2.1., 3 — гор. Каюково 2, 4 — пос. Быстрый Кульёган 66, 5 — пос. Большая Умытья 9, 6 — пос. Большая Умытья 57, 7 — пос. Микишкино 5, 8 — пос. Усть-Тара XXVIII, 9 — пос. Полудёнка I, 10 — пос. Чэс-Тый-Яг. *Современные природно-климатические зоны:* I — тундра, II — лесотундра, III — редколесье, IV — тайга, V — широколиственно-лесная, VI — лесостепь, VII — степь, VIII — горные районы.
Условные обозначения: а — Северный полярный круг; *б* — границы современных природно-климатических зон; *в* — поселения с остатками фортификаций и дренажных схем; *г* — поселение на острове среди болот

Ил. 2. **Городище Амня I.** А — план городища; Б — неолитическое городище Амня I и поселение энеолита Амня II; В — разрез внешней (поздней) оборонительной системы городища Амня I (по В.И. Стефанову, В.М. Морозову, В.А. Борзунову)

В.И. Стефановым (1988—1989, 1993, 2000 гг.) при участии В.А. Борзунова, А.А. Погодина и О.Н. Корочковой (1993, 2000 гг.). На памятнике заложено 7 раскопов, траншея и несколько шурфов — общая площадь ок. 570 кв. м. Полностью или большей частью изучены остатки пяти землянок (№ 1—4, 9), край постройки № 8 и отрезки трёх оборонительных систем. Материалы раскопок опубликованы[12].

Исследованные неолитические постройки в разное время сгорели. Остатки обугленных конструкций и наиболее насыщенные углём супеси залегали преимущественно близ днищ котлованов (остатки полов, опалубки, несущих конструкций и т. д.) и в средних горизонтах заполнения впадин (следы кровли). Жилища стационарные, круглогодичные, наиболее оптимальные для холодного времени года.

Они были ориентированы меридионально, по истинному северу, различались размерами, но близки по конструкции. Это землянки с квадратными или прямоугольными котлованами, глубиной от 0,6—1,0 м (№ 2, 3) до 1,5—1,8 м (№ 1, 4, 8, 9). Размеры углублений на дне: 6,8х6,0—6,1 м (№ 1), 3,2х4,0 м (№ 2), 4,4х3,2—3,4 м (№ 3), 5,2х4,6 м (№ 4) и 4,6х4,5 м (№ 9). Вертикальные либо слегка скошенные наружу песчаные стенки котлованов всех жилищ были обшиты деревом. От основания кольев или венцов горизонтально уложенных бревён опалубки по периметру котлованов сохранились узкие канавки. Ровные горизонтальные полы построек были посыпаны слоем охры, покрыты жердями и колотыми плахами. В центре помещения на специальном песчаном прямоугольном возвышении, также оконтуренном деревом, располагался очаг. Прокалы на этих «столиках» практически не были видны — по-видимому, огонь разводили на камнях, уложенных на эти подиумы. Помещения периодически чистились, что объясняет сравнительно небольшое количество находок в жилищах и отсутствие мощных зольников в очагах. Мусор выносили за пределы посёлка: вокруг жилищ находки редки, во рвах — единичны.

Скорее всего, вдоль стенок котлованов располагались узкие деревянные нары — места отдыха и домашнего производства, однако чётких следов их не было выявлено.

Перекрытие постройки четырёхскатное — пирамидальной или усечённо-пирамидальной формы, сложено из брёвен, плах и жердей, верхние концы которых покоились на лагах, закреплённых на вертикально вкопанных опорах. Ямки от несущих столбов и кольев, связанных с деталями интерьера, концентрировались вдоль стенок и в центре котлована — вокруг очага. Нижние концы брёвен и жердей перекрытия опирались на грунт за пределами котлована и были присы-

паны снаружи песком. За счёт этого площадь землянки была несколько больше размеров её котлована, а возвышенная часть помещения под крышей использовалась для хранения утвари и других предметов. Жерди перекрытия были законопачены, покрыты корой, дёрном и песком. Вход в жилище устраивался в одном из скатов кровли, а в котлован можно было спуститься по приставной лестнице. В центре кровли, над очагом оставлялось дымоходное отверстие, закрывавшееся на ночь специальной крышкой из веток и коры. Снаружи каждая землянка напоминала невысокий земляной холм. Максимальная высота перекрытия от дна котлована вряд ли превышала 2,5 м. Это позволяло удерживать тепло в жилище в холодное время года, а также было достаточно для создания воздушной тяги, предотвращения задымления помещения и случайного пожара в нём. В зависимости от глубины котлованов высота кровли над поверхностью террасы у больших глубоких землянок (№ 1, 2, 8, 9) составляла ок. 1,5 м, у мелких построек (№ 2, 3) — до 2,0 м. Соответственно, угол наклона кровли у первых сооружений составлял ок. 30°, у вторых — до 45°. Дренажных канав и ям вокруг жилищ не было.

Как показали раскопки, неолитический посёлок постепенно разрастался. Последовательность его развития представляется следующей.

Первым на оконечности мыса появился малый однодворный посёлок с одним домом: землянка № 1, ограниченная с напольной стороны прямым поперечным рвом длиной 23—24 м. Ров I в современном рельефе не прослеживался и был открыт при раскопках в 5,0 м к востоку от котлована землянки. Ширина канавы по верху составляла 1,8—2,3 м, по дну — 1,3—1,5 м, глубина от древней поверхности — 0,6—1,2 м. Остатков защитной стены зафиксировано не было, возможно, она была бревенчатая, горизонтальной кладки. По версии первых исследователей, чуть позже жилища № 1 с напольной стороны раннего укрепления была сооружена землянка № 4, и некоторое время обе постройки функционировали одновременно. На это указывает находка обломков одного сосуда на дне рва I и на полу жилища № 4. Таким образом, данное поселение могло превратиться в малое укрепление с «посадом».

Последнее, на наш взгляд, не совсем убедительно с точки зрения дальнейшего развития укреплённого посёлка. Дело в том, что через некоторое время первый ров был засыпан, и на его месте были выкопаны котлованы двух малых построек (№ 2 и 3). При этом была использована ранняя канава, в первую очередь, её напольная стенка, и жилища была сориентированы продольно ей. Городище было расширено

минимально, и в его территорию почему-то не было включено жилище № 4, что было бы весьма логично. С напольной стороны новый посёлок был огражден частоколом и более внушительным слабоизогнутым рвом II без прохода (с перекидным мостом?). Ров сложного сечения: в верхней части подтрапециевидный, в нижней — подпрямоугольный, с горизонтальным ровным дном. Длина рва II — 25,0—26,0 м, ширина в основании 3,4—3,8 м, глубина 1,0—1,2 м. С его внешней стороны фиксировался едва заметный песчаный выкид. Частокольная траншея была выкопана в 2,5—3,0 м от внутренней стенки рва II, имела ширину 0,3 м, глубину 0,4—0,6 м. Вертикально вкопанные бревна палисада в основании были дополнительно укреплены песчаной присыпкой, дошедшей до нас в виде расплывшегося вала I. Мы полагаем, что без оборонительных сооружений на склонах мыса поселения были уязвимы, а одни напольные заграждения бессмысленны. По-видимому, обе ранние фортификации, как и поздняя, третья, были замкнутыми. В дополнение к частоколам на склонах мыса сооружалась стена более простой конструкции — типа забора, заплота или тургэ с опорой на растущие или частично спиленные сосны.

Через некоторое время за пределами раннего укрепления были построены новые землянки (№ 8, 9 и др.), и поселение, бесспорно, превратилось в городище с «посадом». В это время могло функционировать и жилище № 4. В летнее время рядом с землянками под лёгкими навесами располагались неглубокие чашевидные кострища и «точки» — места по обработке камня. Последние были обнаружены под внешним валом в раскопах 6 и 7, а их остатки были разрезаны поздней частокольной траншеей.

По мере расширения посёлка и смещения его центра в напольную сторону возникла необходимость в новой, третьей по счёту, оборонительной системе. Её остатками являются внешние вал, ров и частокольная траншея. Форма фортификаций в плане — переходная от полукольцевой или дуговидной к угловой (Г-образной). Внешний ров длиной ок. 55,0 м, шириной 2,5—5,0 м и глубиной до 1,5 м на поверхности состоял из трёх неравных частей, разделённых у краёв мыса и в центре тремя земляными перемычками-проходами (№ 1—3). Примыкающая к нему изнутри расплывшаяся валообразная насыпь широкая и невысокая (3,0х0,2 м). К моменту сооружения рва III землянки, располагавшиеся с обеих сторон центрального прохода № 2, были руинированы и представляли собой неглубокие впадины. При раскопках было зафиксировано разрушение центральным (северным) отрезком

рва III внутреннего края впадины № 9, а частокольной канавой — впадины № 8. Вскрыт почти весь восточный отрезок фортификаций и оконечность центрального участка рва. От частокола сохранилась углистая полоса в валу и слабоизогнутая канавка в материковом грунте с углисто-супесчаным заполнением, отстоящая от внутреннего края рва в 2,0—3,0 м. Заполнение канавки свидетельствует о том, что стена сгорела в древности.

Северный конец траншеи заходил в котлован жилища № 8, южный выходил на склон террасы. Профиль углубления — переходный от прямоугольного к трапециевидному, дно — уплощенное, на некоторых участках — подтреугольное. Верхняя часть траншеи — широкая (35—112 см), нижняя — узкая (22—27 см). Глубина канавки в южной части — 54—90 см, в северной и центральной — 44—50 см. Протяжённость исследованного отрезка канавы — 16,7 м; только на этом участке в древности могло быть установлено не менее 80 кольев диаметром ок. 20 см. В основании палисад с обеих сторон был укреплён песком, большая часть которого находилась во рву, меньшая — в составе «вала». Высота первоначальной крепиды была ок. 1,0 м.

В двух местах с обеих сторон частокола, под насыпью зафиксированы узкие углубления, ориентированные перпендикулярно оси канавки. Возможно, это следы пристроенного к стене узкого помоста изнутри и контрфорса — с внешней стороны. Между обваловкой и рвом оставлена берма шириной 0,5—0,8 м, предотвращавшая сползание песка в ров. Восточный отрезок оборонительного рва слабоизогнутый, ширина по верху — ок. 2,5 м, по низу — 1,8—2,0 м, глубина от уровня древней поверхности — 1,1—1,3 м. Профиль рва сейчас сложный: сильно деформированная верхняя часть канавы — линзовидная, нижняя — прямоугольная. Первоначально ров имел вертикальные стенки, укреплённые деревом, и плоское дно. Он не доходил до южной бровки террасы, в то время как частокольная канавка напротив перемычки-прохода № 3 не заканчивалась и продолжалась ещё на 4,5 м. По-видимому, рядом с этим местом на склоне террасы, защищённой бревенчатой стеной или изгородью, был третий проход на поселение или лаз в оборонительной стене. К периоду позднего городища относится большое наземное кострище у внутреннего края вала (уч. Н—П/26) и, возможно, жилища № 5 и 6. Трудно установить, было ли позднее укрепление двухплощадочным, или к тому времени внутренняя линия обороны была уже снесена. Хорошая сохранность её остатков больше свидетельствует в пользу первого варианта.

Неолитические находки представлены керамикой амнинского типа (более 820 фрагментов 41—45 сосудов), каменным инвентарем (822 ед.) и кальцинированными косточками (из нескольких десятков образцов определено по одной кости оленя, лося и бобра[13]). Сосуды плоскодонные и круглодонные, открытых и закрытых форм, с горизонтальным (реже — волнистым) срезом; имеют наплыв с внутренней стороны стенок под венчиком; украшены снаружи по всей поверхности, включая дно, отступающе-накольчатыми, прочерченными или гребенчатыми узорами, у ряда ёмкостей под венчиком нанесён поясок круглых ямок.

Отличительными чертами каменного инвентаря являются:

— предметы, указывающие на камнеобработку (отбойники, наковальни, подпятник, нуклеусы, расколотые гальки, сколы, отщепы, чешуйки, абразивные плитки, оселки, заготовки со следами шлифовки и пиления);

— орудия, связанные с охотой, обработкой шкур, дерева и кости;

— морфологически выраженные скребки;

— доминирование кварцевых предметов (83%) и контрударной техники первичной обработки камня;

— шлифованные изделия из сланцево-туфовых пород (наконечники стрел, ножи, тесла и т.д.);

— сохранение небольшого количества архаичных «постмезолитических» вкладышевых орудий из кремнистых пород и методов пластинчатого расщепления камня;

— единичные формы, изготовленные из сломанных орудий;

— минимум предметов из песчаника, кварцита, халцедона и опоки.

В энеолите на месте разрушенного городища Амня I в заплывшей впадине жилища № 1 был выкопан большой и мелкий котлован с коридорообразным выступом жилища № 1а. Незадолго до этого в 40 м к востоку от руин Амни I был основан энеолитический посёлок Амня II, состоявший из 9 компактно расположенных жилых объектов (ил. 2—*А*). Возможно, тогда же в котлован жилища № 9 Амни I попал обломок сосуда, украшенного узором в виде шагающей гребёнки. Более поздних материалов на памятнике Амня I не обнаружено. В 3 км в юго-востоку от городища Амня I открыто поселение с амнинской керамикой, сходными жилищами и каменным инвентарём — Кирип-Вис-Юган 2[14].

На основании типологического анализа керамики памятники амнинского типа первоначально были отнесены к позднему неолиту и датированы посл. третью IV — перв. третью III тыс. до н. э.[15] Сейчас имеются две пары радиоуглеродных дат:

— **мезолитические**, полученные по углю со дна жилища № 9 Амни I (ЛЕ—4974а: 8760±280 л. н.; ЛЕ—4974б: 8630±180 л. н.);

— **ранненеолитические**, установленные по углю из среднего горизонта котлована той же землянки (ЛЕ—4973: 6900±90 л. н.), а также из котлована постройки 4 поселения Кирип-Вис-Юган 2 (ЛЕ—6582: 6880±50 л. н.)[16].

Такие существенные расхождения в датах труднообъяснимы, но, по крайней мере, подтверждают ранненеолитический возраст Амни I и хронологический приоритет амнинских памятников среди неолитических поселений Севера Западной Сибири. Об этом же свидетельствует комплекс амнинских микролитических каменных орудий, который в отрыве от керамики производит впечатление мезолитического.

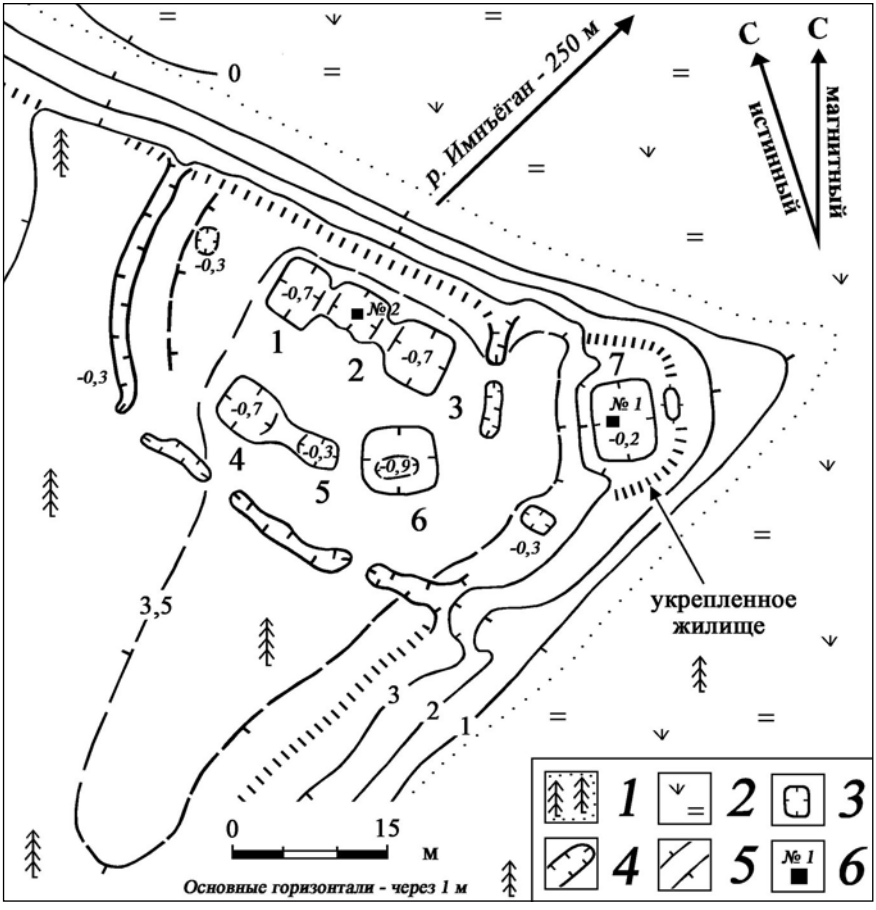
Городище Имнъёган 2.1

Памятник открыт в 1995 г. А.Н. Бессмертных и К.Г. Карачаровым, которые считают данное городище одним из древнейших укреплений в регионе (ил. 1, 3). Объект находится в Среднем Приобье, в подзоне средней тайги (61°50' с. ш.), на обском правобережье, в бассейне р. Имнъёган (правый приток р. Ватъёган, который, в свою очередь, является правым притоком р. Агана), в 20 км к северо-востоку от г. Покачи Сургутского р-на ХМАО — Югры. Топографическая ситуация, план и размеры памятника во многом напоминают городище Амня I.

Поселение расположено на невысоком (3,0—3,5 м) треугольном песчаном мысу, вдающемся в заболоченную пойму реки. Расстояние от памятника до р. Имнъёган: по прямой — ок. 250 м, по берегу — 580 м. Оконечность мыса занимает большая прямоугольная впадина № 7 (10,0х8,0х0,2 м), ориентированная по сторонам света. Углубление окружено песчаной насыпью, а с напольной стороны — цепочкой канавок, напоминающих внутренний ров. Внешний ров прерывистый, с тремя перемычками-проходами, в плане переходный от полукольцевого или дуговидного к угловому (Г-образному). Длина канавы — 60,0—65,0 м, ширина — 1,5—3,0 м, глубина — 0,3 м. С внутренней стороны к ней примыкает едва различимая валообразная насыпь шириной ок. 3,0 м. Общие размеры памятника по границам поймы и рва — 45,0—62,0х30,0—35,0 м (площадь — 1900 кв. м), в том числе первой площадки — 30,0х30,0 м (площадь — ок. 700 кв. м). По границам фортификаций и верхнему краю мыса размеры укрепления, соответственно, составляют: 40,0—50,0х25,0—30,0 м (1500 кв. м) и 20,0х25,0 м (350 кв. м).

Жилищные впадины на второй площадке городища выстроены в две линии, разделённые свободным промежутком. Три подпрямоугольных углубления, примыкающих друг к другу (№ 1—3), образуют фигурную

впадину длиной 19,0 м и шириной 5,0–6,5 м, вытянутую вдоль края террасы. В местах стыка жилищ прослеживаются сужения. Вторая группа подквадратных впадин (№ 4–6) примыкает к валу, при этом две из них (№ 4, 5) соединены неглубоким переходом. Размер двухкамерного углубления – 12,5х3,0–5,0 м, одиночной впадины – 7,0х6,5 м. Шурфовка впадин № 2, 7 и зачистка обнажений позволили выявить полы котлованов землянок, покрытые охрой, что характерно для раннего домостроительства. В ходе разведки найдены обломки глиняных

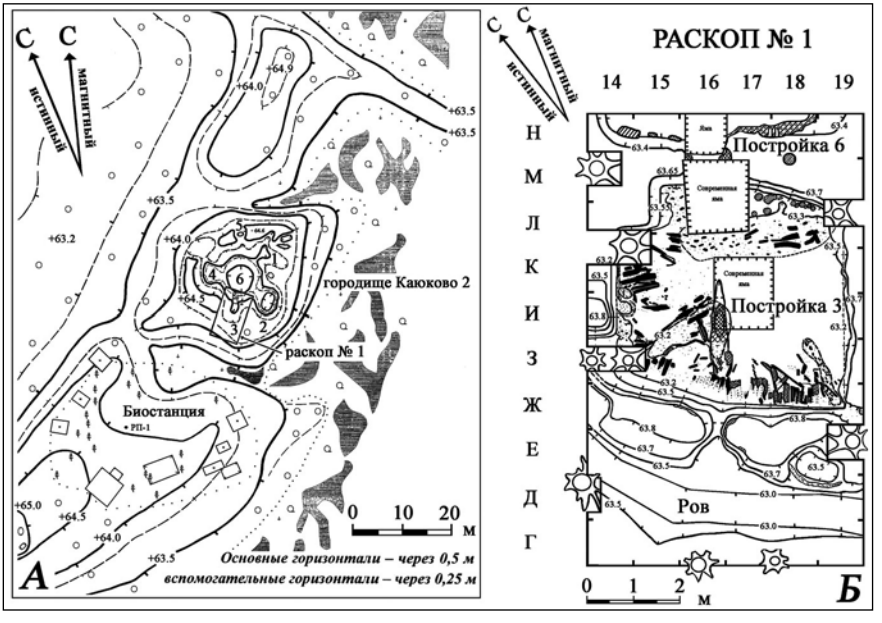
Ил. 3. **Городище Имнъёган 2.1.** План (по А.Н. Бессмертных и К.Г. Карачарову).

Условные обозначения: 1 – лес; 2 – заболоченная пойма; 3 – жилищная впадина; 4 – ров; 5 – вал; 6 – шурф

лощил, орнаментированных гребенчатой ёлочкой, гранитный шлифовальник, скол со шлифованного орудия, а также фрагменты баночных сосудов неолита — энеолита, украшенные отступающе-накольчатыми и «текстильными» узорами, шагающей гребёнкой и пояском круглых ямок под венчиком. По оценке Ю.П. Чемякина керамика памятника напоминает каюковскую, но в большей степени — амнинскую[17].

Городище Каюково 2

Спустя 14 лет со времени первых раскопок Амни I в одном из научно-популярных изданий появилась заметка об открытии ещё одного укреплённого поселения каменного века на севере Евразии — городища Каюково 2 (ил. 1, 4). При этом утверждалось, что «подобные археологические объекты этого времени ранее не были известны на территории Северо-Западной Сибири»[18]. Поселение Каюково 2 открыл в 1991 г. Г.П. Визгалов, работавший в составе разведочной группы К.Г. Карачарова. В 1998 и 1999 гг., помимо них, памятник обследовали Л.В. Ивасько, О.В. Кардаш и другие археологи. В 1999 г. К.Г. Карачаров снял новый план городища. Тогда же был определён тип памятника (укреплённое поселение) и уточнена его датировка (неолит).

Ил. 4. **Городище Каюково 2.** А — план городища; Б — раскоп № 1, постройка 3 и отрезок рва (по Л.В. Ивасько и О.В. Кардашу)

Раскопки городища проводились в 2000—2002 гг. под руководством Л.В. Ивасько. Материалы исследований опубликованы частично[19].

Памятник находится в подзоне средней тайги Обь-Иртышского междуречья (60°10' с.ш.), в 55 км к югу от г. Пыть-Ях Нефтеюганского района ХМАО — Югры, 45 км к западу-юго-западу от д. Каюкова, у окраины юрт Пунси. Остатки укрепления зафиксированы на узкой песчаной гриве, в 2,5 км к югу от оз. Большое Каюково, соединённого коротким (3,5 км) водотоком с р. Тапатъега (Тапатъяха). К югу от памятника, на расстоянии 0,2—0,5 км, в сторону р. Тапатъега протянулась цепочка болотных озер. Данная река является правым притоком Большого Салыма, впадающего в протоку Большую Юганскую, соединённую с Салымской Обью. В 3 км к востоку от Каюково 2 протекает р. Кевруягун — левый приток р. Большого Югана, впадающего в Юганскую Обь. Остатки поселения обнаружены у края обширного пойменного болота, на высоте 1,0—1,5 м. По данным биолога О.Л. Лисс, в неолите — энеолите (V—III тыс. до н. э.) к востоку и юго-востоку от посёлка — на месте верхового болота — находилась пойма небольшой реки, заросшая елью, берёзой и осиной. Обращённый к речке склон был крутой (ок. 45°). Таким образом, площадка поселения располагалась на высоте 7 м от древней поймы, между рекой и большим озером[20].

Городище Каюково 2 — округлой формы, диаметром 30—35 м, окружено рвом (в рельефе он не выражен). На поверхности фиксировались 6 впадин: одна — в центре и пять вокруг неё, по кольцу. Периферийные углубления соединены между собой и с центральной постройкой коридорами. Центральная впадина — округлая, диаметр 8,0 м, остальные — овальной и аморфной формы, размерами от 3,0х2,0 до 6,0х5,0 м. Выход из городища в рельефе не прослеживался. Тем не менее, как минимум, в двух частях — с запада и востока — во рву имелись перемычки, которые можно было принять за входы. Площадь жилой площадки составляла ок. 700 кв. м, всех объектов со рвом — ок. 1600 кв. м (40х40 м). В древности данный посёлок, по мнению Л.В. Ивасько, представлял собой довольно сложное архитектурное сооружение, похожее на лабиринт.

В 2000—2001 гг. на памятнике было вскрыто 150 кв. м, исследована южная впадина № 3 и отрезок рва (ил. 4). В 2002 г. двумя раскопами общей площадью 135 кв. м была изучена западная впадина № 4 с прилегающей территорией, а также участок за рвом у западного входа. Тогда же было установлено, что культурный слой распространялся снаружи рва на ширину 2,0—2,5 м[21].

По данным исследователей, постройка № 3 представляла собой жилую отапливаемую полуземлянку подпрямоугольной формы площадью 19 кв. м (5,0х4,0 м), глубиной 0,6 м. Она имела крытый тамбур (1,0х4,0 м), отделённый от помещения бревенчатой переборкой, и небольшой крытый коридор (1,0х1,0 м), ведущий в центральную постройку № 6. На дне тамбура выявлен ряд неглубоких ямок от несущих столбов. Вдоль южной стенки котлована постройки прослеживалась узкая канавка, углублённая в материк на 0,2 м. Жилище сгорело в древности: как полагает Л.В. Иваško, оно было намеренно подожжено изнутри, когда его жители покинули помещение. На разных уровнях культурного слоя в заполнении котлована фиксировались многочисленные обломки обугленного дерева длиной от 10 до 120 см, лежавшие рядами под углом от 10° до 45°. Стены постройки № 3, как и всех других, были сооружены из плах или брёвен шириной 8—12 см, установленных вертикально по его периметру, и укреплены горизонтальными жердями. Высота стен могла достигать 1,5 м. Стены и перекрытие были засыпаны слоем грунта и заложены дёрном. Помещение имело относительно ровный пол, у стен покрытый деревом. В центре жилища располагался углубленный очаг, ориентированный продольно оси жилища. Он состоял из трёх частей: «поддувала» (углубление размерами 0,50х0,20 м, глубиной 0,18 м), собственно очага-кострища (овальная яма размерами 1,2х0,3х0,4 м) и горизонтальной «трубы». Последняя имела вид длинной канавки (1,0х0,25х0,25 м), идущей от костра к задней стене жилища. Далее канавка прорезала под углом стенку котлована и выходила за пределы постройки в оборонительный ров[22].

К северо-западу от жилища № 3 находилась вторая отапливаемая полуземлянка — постройка № 4 с котлованом сложной Г-образной конфигурации, глубина 0,6 м. Её пол был расположен ниже плоскости пола постройки № 3 и находился на одном уровне с полом центрального объекта № 6. Коридор-переход длиной 1,5 м, состоявший из трёх частей (подъём, плоская площадка и спуск), соединял постройку № 4 со следующей полуземлянкой № 7. Последняя — прямоугольной формы (2,0х1,5 м); её ровный горизонтальный пол находился на одном уровне с полом жилища № 3. Судя по размерам постройки № 7, отсутствию очага и расположению относительно других объектов, это было проходное помещение из постройки № 4 в следующую по окружности городища постройку № 5[23].

В 1,0 м к югу от котлована жилища № 3 находился ров шириной ок. 1,0 м и глубиной 1,0—1,2 м, заполненный от дна до верха архео-

логическими материалами. Песчаные стенки канавы, по-видимому, были укреплены деревом, в противном случае они бы осыпались. На уч. Ж/14 и Д—Е/18—19 к краю рва примыкали ямы, также с культурными остатками. Судя по разрезам, углубления подобного профиля с внутренней стороны рва могли появиться только при наличии стены. Вероятнее всего, ров вместе со стеной сочетал оборонительную и дренажную функции. Возможно, на этом участке вал городища был совмещён с обваловкой постройки и после разрушения стены он осыпался в ров[24].

Памятник, по представлению его исследователей, безусловно, является однослойным и относится к одной культуре. Что же касается постройки № 3, то она была возведена позднее. Её «вписали» в пространство городища с учётом существующей системы обороны и других сооружений[25]. «Новые традиции в планировочной организации поселения, домостроительстве и керамическом производстве появились вместе с новым населением. В этой связи примечательно, что раскопанная постройка, судя по конструкции задней стены, была возведена после устройства рва»[26].

Коллекция находок небольшая; в частности, материалы 2002 г. насчитывают чуть более 400 ед. Каменных орудий крайне мало: 2 шлифованных топорика (скорее всего, клина) из зеленовато-серого туфа, кремневый отщеп с ретушью утилизации, 2 обломка шлифовальных плит из мелкозернистого гранита, 4 скола со шлифованных орудий, шлифованные желобчатые тёсла, изготовленные, по мнению исследователей Каюково 2, из уральской яшмы, серповидные шлифованные ножи из туфа и другие предметы. Из глиняных изделий особый интерес представляет обломок головы птички с шейкой, орнаментированной параллельными насечками[27].

Наиболее массовый материал — керамика. Каюковские горшки толстостенные с открытой горловиной, округлым, слегка выпуклым туловом и вытянутой придонной частью. Венчики острые, округлые и плоские. У отдельных ёмкостей верхний край волнистый. У части сосудов намечена шейка. Днища плоские с закраиной. Внешняя поверхность сосуда, включая дно, орнаментирована. Узоры нанесены инструментом типа палочки, часто расщеплённой, методом «отступания». Гребенчатый штамп применялся в основном для разделения орнаментальных зон. Зональность узоров на посуде обычно вертикальная, реже — горизонтальная. Под горловиной ёмкости украшены пояском ямочных вдавлений, нанесённых поверх остальных орнаментов. Узоры

состоят из прямых, волнистых и зигзагообразных линий. Кроме того, встречаются композиции из взаимопроникающих разно заштрихованных треугольников, «древовидные» и «чешуйчатые» мотивы. Закраины днищ орнаментированы насечками, сами днища — сложными «лабрисовидными» фигурами[28]. Как полагает Л.В. Ивасько, наибольшее сходство посуда Каюковского городища имеет с керамикой многослойного поселения Барсова Гора II/9[29]. Она также отчасти близка неолитической кошкинской посуде Среднего Зауралья и Нижнего Притоболья, а днищами каюковские горшки похожи на боборыкинские. В целом же каюковская керамика своеобразна[30].

Для определения «возраста» поселения Каюково 2 были использованы данные радиоуглеродного анализа — серия из шести калиброванных дат: 5475±85, 5495±70, 6810±55, 6795±65 (СОАН–4207, СОАН–4208, СОАН–4800, СОАН–4801), 6292±210, 6330±160 л. н.[31] При этом практически в каждой новой статье приводилась всё более древняя дата памятника: сер. IV тыс. до н. э.[32], кон. V тыс. до н. э.[33], посл. треть V тыс. до н. э.[34], нач. VI тыс. до н. э.[35] В конечном итоге, Л.В. Ивасько остановилась на перв. пол. VI тыс. до н. э. и признала, что две даты (СОАН–4207, СОАН–4208) выпадают из этого диапазона, так как уголь для анализа был взят на границе культурного слоя и современных ям[36].

С приведенной выше характеристикой памятника можно было бы согласиться, за исключением нескольких существенных моментов.

Авторы раскопок полагают, что каюковские постройки ограничивались только площадью котлована, а их стены были вертикальными и вместе с перекрытием заложены дёрном. Тем не менее большинство археологов, изучающих древние поселения таёжного Приобья, прекрасно знают, что такой вариант домостроительства встречается крайне редко. У построек с вертикальными стенами, установленными в котлован, помещение будет затапливаться летом во время дождей, а весной — при таянии снега. Обычно котлован в жилище занимал основную, но не всю часть помещения. Основания стен построек опирались на грунт за пределами котлована и были укреплены снаружи песком. Наклонные стены и плоская крыша постройки были покрыты мхом, корой и грунтом. Снаружи такое жилище выглядело как земляной холм в форме усечённой пирамиды. Заплечики котлованов, представлявшие возвышенную часть помещения, покрывались жердями и использовались в качестве нар, мест хранения припасов и разно-образного инвентаря. Возможно, такими были и постройки городища Каюково

2. Правомерность данной реконструкции косвенно подтверждают сами исследователи памятника. Именно такие постройки, а не дома с вертикальными стенами, представлены на рисунке Каюковского городища[37]. Вертикальные стены построек трудно засыпать доверху грунтом, так как песок будет постоянно осыпаться, но авторы раскопок утверждают именно такую засыпку стен[38]. Настоящего же дёрна, о котором упоминает Л.В. Ивасько[39], в тайге нет. На песчаных террасах он замещён лесной подстилкой, состоящей из хвойного опада, мха и тонкого слоя гумуса. Кроме того, за пределами котлована постройки № 3, точнее вдоль его боковых стен и тамбура, Л.В. Ивасько зафиксировала мощный культурный слой (от 0,2—0,5 до 1,0 м). Вполне вероятно, что эта территория входила в пределы жилища и его крытого тамбура.

Из представленных публикаций неясно, где была установлена оборонительная стена городища, если таковая всё же имелась. Места для её возведения крайне мало: расстояние между рвом и котлованами жилищ составляло не более 1,0 м (ил. 4—*Б*), а часть этого пространства занимали нары. Стены домов, укреплённые в основании песчаной обваловкой, практически вплотную подходили ко рву, обшитому деревом. Л.В. Ивасько определяет его как двойную, укреплённую плахами стену[40]. На это указывает правильное трапециевидное сечение канавы с крутыми стенками и плоским дном. Без крепиды ров сразу бы осыпался, пришёл в негодность и приобрёл иной профиль. Относительно наличия защитной стены вокруг Каюковского 2 поселения существуют разные мнения. К.Г. Карачаров в устной беседе высказал предположение, что внешняя кольцевая канава, заполненная углистым слоем, скорее всего, являлась не оборонительным рвом, а остатками частокола, окружавшего поселение. Не исключён также вариант, при котором частокол мог быть установлен вдоль внутреннего края рва, а внешние стены жилищ были пристроены вплотную к нему. Подобные конструкции известны на средневековых городищах Сургутского Приобья[41]. Возможно, особой защитной стены вообще не было, а поселение было ограничено только рвом. В таком случае выходившие к границам канавы и соединённые между собой внешние стены жилищ могли выполнять функцию дополнительного искусственного заграждения.

Мне также трудно согласиться с мнением Л.В. Ивасько и О.В. Кардаша о преднамеренном сакральном сожжении жилища № 3 и всего посёлка, равно как о культовой функции неглубокого и неширокого каюковского рва, который был якобы предназначен охранять жителей посёлка не от зверей или воинственно настроенных чужеродцев, а от

опасностей иного рода — злых духов и чужих божеств[42]. Хотя практически одновременно с этим было заявлено, что «создание системы обороны прежде жилых построек — признак того, что население находилось во враждебной среде и, по-видимому, было пришлым»[43].

Последовательность сооружения Каюково 2 нам тоже представляется иной. Вначале, по-видимому, была проведена разметка всего комплекса построек на местности, затем были возведены жилища, далее — возможно, защитная стена, оборудованы входы в посёлок и, наконец, выкопан кольцевой ров, песок из которого был использован для укрепления внешних стен жилища и/или защитной изгороди. Впрочем, это лишь гипотеза.

Со временем Л.В. Ивасько и О.В. Кардаш предложили новую концепцию генезиса и развития данного архитектурного комплекса. Они отказались от оборонительной функции каюковского рва (по словам Л.В. Ивасько, «он выполнял функцию оберега и традиционного обустройства посёлка»[44]), а также от поселенческого характера памятника Каюково 2, его определения как городища и провозгласили данный объект исключительно культовым. Оригинальную архитектуру посёлка исследователи Каюково 2 связали с «круглоплановыми» сооружениями Европы и Передней Азии. Носителей «каюковской культуры» объявили выходцами из индоевропейского мира, точнее из среды древнейших земледельческих (протоиндоевропейских) обществ, или, по крайней мере, из контактных с ними территорий — окраины древнеземледельческой ойкумены, которые появились в тайге в результате одной из наиболее ранних волн неолитических миграций. Кроме планировки посёлка, организованного якобы по принципу арийской «мандалы» (вписанный в круг квадрат или многоугольник), и некоторых оригинальных шлифованных изделий (желобчатые тёсла, серповидные «ножики»), не имеющих прообразов в неолитических культурах западносибирской тайги, об этом, по мнению этих археологов, также свидетельствует орнаментальная символика на каюковских сосудах, особенно «лабрисовидные» узоры на днищах, аналоги которым можно найти в Передней Азии и Южной Европе, а также развитая ритуальная практика. Последняя проявилась в ритуальном сожжении посёлка и наличии перед западным входом на городище двух кострищ «без следов приготовления пищи», которые использовались для «очищения» входящих. Уничтожение Каюково 2 было проведено после того, как обитатели городка покинули его и вынесли из жилищ все пригодные для использования вещи. Ведь только этим, по представлению Л.В. Ивасько и О.В. Кардаша, можно объяснить

малое количество находок на городище и отсутствие целых предметов обихода — горшков и орудий труда.

Очень сложно говорить о правомерности таких параллелей, тем более между культурными образованиями, разделёнными громадными пространствами и тысячелетиями. Напомним лишь, что исследователи Каюково 2 полностью проигнорировали этнографические материалы по традиционному домостроительству таёжных народов Сибири, равно как и данные археологов о древних жилищах Севера Евразии. Правда, в обоснование своих построений Л.В. Ивасько и О.В. Кардаш привели древнейшие круглоплановые посёлки Анатолии — Хаджиляр 1 (Хаджилар), Мерсин (VI тыс. до н.э.), Чатал-Хююк (VII тыс. до н.э.) и Демирчинуйюк (кон. IV—III тыс. до н. э.), но не упомянули ни одного ближневосточного памятника со сходным орудийным комплексом, тем более с керамикой, украшенной прочерченным, накольчатым и гребенчатым декором, аналогичным городищу Каюково 2. Аналоги каюковским сосудам Л.В. Ивасько находит в посуде неолитических культур Юго-Восточной Европы (в первую очередь, буго-днестровской), отчасти — в кошкинской и боборыкинской Среднего Зауралья, а также керамике поселения Барсова Гора II/9[45].

В целом же при воссоздании общего облика данного объекта, изучении проблем, связанных с его происхождением, функционированием и гибелью, Л.В. Ивасько и О.В. Кардаш применили практически ту же систему реконструкций и аналогий, которая была использована В.Т. Ковалёвой для характеристики посёлков ташковской культуры эпохи бронзы Нижнего Притоболья[46]. Это и понятно: городище Каюково 2 для учеников В.Т. Ковалёвой стало первым большим, оригинальным и самостоятельно раскопанным памятником. Однако, если для ташковских поселений эти аналогии и построения просто дискуссионные, то для Каюково 2 — крайне спорные и нелогичные.

Поселение Быстрый Кульёган 66

В энеолите и начале эпохи бронзы в таёжных областях Западной Сибири формируется новый тип поселения — так называемое «укреплённое жилище», точнее его второй вариант: окружённый рвом, внушительный по размерам бревенчатый дом, внешние стены которого одновременно выполняли оборонительную функцию. Эти постройки развиваются из больших одиночных жилищ («однодворных селищ»), распространенных здесь в неолите — энеолите[47]. Предшественником памятников данного варианта Л.Л. Косинская считает окружённое рвом

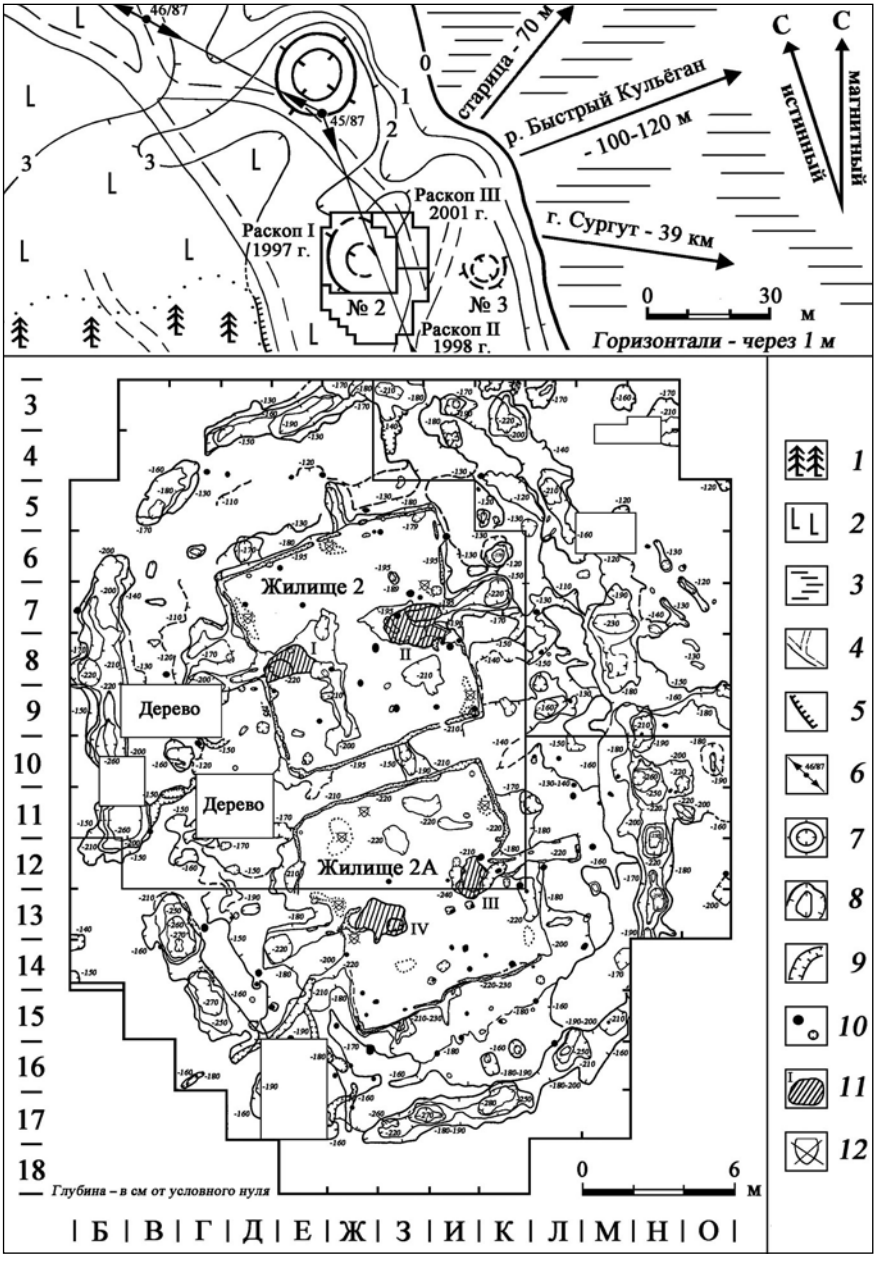
неолитическое поселение Быстрый Кульёган 66, расположенное в подзоне средней тайги — 61°27' с. ш. (ил. 1, 5). Его материалы позволяют несколько по-иному взглянуть на проблему генезиса и функциональной эволюции «укреплённых жилищ»[48].

Поселение открыто в 1994 г. группой археологов УрГУ под руководством А.А. Погодина, в которую входил и автор статьи[49]. Раскопки его проведены в 1997, 1998 и 2001 гг. Л.Л. Косинской при участии Е.Н. Дубовцевой, В.В. Заниной, Е.А. Юдиной и других исследователей. Площадь раскопов составила 728 кв. м. Материалы детально проанализированы и опубликованы[50].

Памятник находится в 40 км к северо-западу от г. Сургута, на правом берегу небольшой извилистой рч. Быстрый Кульёган (Быстрый Кульягун) — правом притоке р. Минчимкиной, впадающей с правой стороны в р. Обь. Во время первого обследования памятника на краю низкой (2,5—3,0 м) боровой террасы прослеживались три разнотипные впадины (№ 1—3), удалённые на 10—15 м от заболоченной поймы реки и на 45 м — от ближайшей её старицы. Раскопки центрального углубления № 2, наиболее повреждённого транспортными колеями, выявили оригинальный архитектурный ансамбль площадью ок. 530 кв. м (30х22 м). Он отличался своеобразным комплексом неолитической керамики и состоял из двух одновременных, практически одинаковых жилищных котлованов (2, 2а) в окружении цепочки канав, образующих прерывистый ров. Жилая площадка прямоугольная, с закруглёнными углами (25—26х16—18 м), ориентирована меридионально, по истинному северу. В северо-восточном углу раскопа был выявлен котлован ещё одной, ранней, постройки (2б), прорезанной рвом. Все три жилых объекта относятся к быстринскому культурному типу эпохи неолита. Хронологический разрыв между постройкой 2б и жилищами 2—2а мог составлять от нескольких десятков до сотен лет. Площадь распространения неолитической посуды и каменного инвентаря на памятнике — ок. 10000 кв. м. За пределами раскопов, между объектами № 1 и № 2 в распаханном почвенном слое залегала керамика эпохи бронзы и раннего железного века.

Сначала Л.Л. Косинская полагала, что данный посёлок был представлен двумя самостоятельными идентичными полуземлянками (жилища 2, 2а), соединёнными крытым переходом и окружёнными прерывистым, подпрямоугольным в плане рвом. Жилища были построены практически вплотную друг к другу. Расстояние между их углубленными частями не превышало 1,6 м. Одновременность сооружений — построек 2, 2а и рва — подтверждалась находками в них обломков одних и тех же

сосудов. Жилища были выстроены в одну линию вдоль кромки террасы параллельно друг другу. Выходы из них направлены к реке и в

противоположную от неё сторону. Они имели вид наклонных крытых коридоров, расположенных по осевой линии построек, выступавших на 2,0—2,5 м от края котлована и не более 1,5 м за пределы жилища. У северной полуземлянки небольшой коридор был устроен также в середине северной стенки котлована. Автор раскопок отмечает, что, «судя по расположению столбовых ямок, постройки имели каркасно-столбовую конструкцию с «костровым перекрытием». Стены и кровля были засыпаны песком, вынутым из котлованов и рва, так что жилища, скорее всего, выглядели как низкие песчаные холмы»[51]. Каждое помещение, достигавшее площади ок. 80 кв. м, состояло из двух частей: центральной, представленной квадратным котлованом (8,5х8,5 м) глубиной 0,6—0,8 м, и периферийной, почти не углубленной. Последнее пространство было занято нарами. Общая ширина жилища достигала ок. 13—14 м. Стенки котлованов были обшиты деревом, на это указывают узкие неглубокие канавки (0,2х0,2—0,3 м), выкопанные по периметру углублений. Полы жилищ были покрыты охрой. Каждое помещение обогревалось двумя очагами, расположенными по осевой линии котлована напротив входов. Очажные ямы неправильной формы, перекрыты линзами серо-коричневого песка с включением сгоревшей органики. Кострища соединялись узкими канавками-коридорчиками с крупными ямами, расположенными в боковых нишах. Отдельные крупные ямы (по-видимому, хозяйственные или производственные) зафиксированы в самих котлованах[52].

«Ров, выявленный на поселении Быстрый Кульёган 66, — пишет Л.Л. Косинская, — представлял собой цепочку продолговатых ям шириной 1—2 м и глубиной 0,7—1,5 м, удаленных на 1—2 м от стен жилищ. Проходы шириной 1—2 м располагались на углах и напротив стыка жилищ. Таким образом, в данном случае ров вряд ли мог выполнять какую-то оборонительную функцию и, скорее, был сооружен для дренажа жилой площадки. Эта версия подкрепляется рядом фактов: поселение расположено на низкой террасе (2—3 м от уровня поймы); в соответствии с уклоном древней поверхности ров наиболее широк и наиболее глубок в южной части, где его дно замыто речным песком;

Ил. 5. **Поселение Быстрый Кульёган 66.** А — план поселения; Б — план раскопов I—III. Жилища 2—2а и дно рва (по Л.Л. Косинской).
Условные обозначения: 1 — лес; 2 — вырубка; 3 — заболоченная пойма; 4 — грунтовые дороги; 5 — дорожный откос; 6 — линия электропередач; 7 — впадина с обваловкой; 8 — яма, углубления; 9 — ров; 10 — столбовые ямки; 11 — очаг; 12 — раздавленный сосуд

из угла южного жилища в ров выведена узкая, но глубокая дренажная канава. Возможно, о борьбе с сыростью свидетельствует и усложненная отопительная система. Все эти меры становятся понятны, если учесть, что поселение являлось не сезонным, а круглогодичным. На песчаных террасах дренаж становился необходим, в первую очередь, весной и осенью, в пору бурного таянья снегов и паводка, а также в нередких случаях подъема грунтовых вод... В качестве вспомогательного элемента оборонительных систем ров выступал лишь в сочетании с частоколом (стеной), что было реализовано в «укреплённых» жилищах с высокими вертикальными бревенчатыми стенами и городищах эпохи бронзы и железа. Ранние каркасные постройки с внешним дренажом следует рассматривать как их генетический исток»[53]. Глубина быстринского рва на разных участках была неодинакова, но каким был ров на древней поверхности — прерывистым или замкнутым — исследователям установить не удалось. Дело в том, что верхние контуры канавы уничтожены современным подзолом.

Мы не склонны преувеличивать дренажную функцию канав, окружавших древние жилища западносибирской тайги, тем более у построек, расположенных на высоких песчаных террасах, легко пропускающих влагу после любого ливня. В древности окружённый канавой быстринский жилой комплекс был практически «прижат» к береговой кромке, которая к настоящему моменту частично обрушилась. Такая же топографическая ситуация характерна для части западносибирских укреплённых жилищ эпохи бронзы. Быстринский объект был намеренно построен не в глубине террасы, как жилища расположенных по-соседству кулайских селищ-зимников, и не на самом высоком месте — такое возвышение находилось в нескольких десятках метров к северу от неолитического посёлка, в районе впадины № 1. Древних строителей не смутила опасная близость к реке. Между тем, взвесив все «за» и «против» относительно выводов Л.Л. Косинской о функции рассмотренного рва, мы считаем их вполне убедительными, однако при условии, если вокруг исследованного жилого комплекса не было бревенчатого забора. Очевидных остатков последнего не обнаружено. Правда, сильно оподзоленный и повреждённый современной техникой верхний культурный горизонт просто мог и не сохранить их. Кроме того, трудно объяснить назначение столбов, от которых остались ямки между котлованами жилищ и рвом. От построек они достаточно удалены: свободное пространство между обваловкой стен жилища и рвом достигало 1,5—2,0 м. Исследователь средневековых фортификаций

севера Западной Сибири А.П. Зыков в беседе со мной предположил, что данные столбовые ямки могли остаться от забора. Канава, окружавшая жилой комплекс, по своим характеристикам, действительно не могла быть ни траншеей от частокола, ни оборонительным рвом в полном смысле этого слова, даже при наличии оборонительной стены. Она в основном выполняла функцию дренажа, защищая основание стен жилища от размывания, и являлась местом забора грунта в момент сооружения песчаной крепиды-завалинки вокруг жилища. Тем не менее для сравнения: столь же мелкими и неказистыми были рвы, зафиксированные вокруг большинства городищ западносибирской тайги конца бронзового — начала железного веков.

Впоследствии Л.Л. Косинская отчасти приняла замечания, высказанные относительно архитектуры поселения Быстрый Кульёган 66. Она предложила новый вариант реконструкции памятника и совместно с Ю.М. Барановым выполнила графическую и компьютерную реконструкции жилищного комплекса[54]. Одновременно были уточнены характеристики раскопанных объектов, в том числе размеры, площади и глубины котлованов: котлован 2 — 8,8х8,8х0,6—1,0 м (68 кв. м), котлован 2а — 8,0х8,3х0,5—0,8 м (64 кв. м). А главное, две постройки, соединённые крытым переходом, были заменены обширным (ок. 360 кв. м) двухкамерным помещением под одной крышей. Вместо «кострового» перекрытия была предложена традиционная конструкция из жердей, уложенных на систему рам, опиравшихся на несущие столбы. Наземная часть объекта была представлена в виде низкой (1,5 м) усечённой пирамиды с прямоугольным основанием. Заполнение стен жилища, по мнению Л.Л. Косинской, могло быть выполнено в одном из двух вариантов: набором из горизонтальных бревен, концами закреплённых в пазах столбов внешнего ряда («заплотная» конструкция), или из брёвен, плах и жердей, приставленных наклонно к наружной раме. Заполнение кровли состояло из сплошного наката жердей, плах или из частой обрешётки, покрытой ветками, берестой и другой древесной корой. Основание наклонных стен всего жилого комплекса установлено за пределами котлованов. Стены и часть кровли жилищ присыпаны грунтом. Песчаная обваловка вокруг построек перекрыла участки древней почвы, которая ныне фиксируется как погребённый подзол. Котлованы жилищ были укреплены обшивкой из «вертикальных деталей» — плах, брёвен и жердей, нижними концами зафиксированных в канавке вдоль песчаных стенок. Таким же образом были обшиты стенки приочажных ям и коридорчиков, ведущих к очагам.

По периметру углубленной части каждого помещения располагались деревянные нары. При этом одним концом настил опирался на «заплечики» котлована, другим — на бревна-слеги, уложенные в пределах котлована близ его границ. Определённую роль в борьбе с сыростью играли канавки, выведенные из жилищ в ров. Они могли выполнять дренажную функцию и обеспечивать вентиляцию пространства под нарами. Узкий промежуток между котлованами 2 и 2а, на котором сохранились остатки оподзоленной прослойки, мог быть покрыт настилом нар. В то же время не исключено, что здесь могла существовать капитальная стена, лёгкая перегородка или же пространство оставалось неразгороженным, то есть открытым[55].

С таким вариантом реконструкции можно было бы согласиться. Смущает лишь то, что под общую крышу объекта попали не только котлованы и коридоры-тамбуры, но и всё пространство вокруг них, вплоть до рва. Для того чтобы занять эту возвышенную и довольно значительную территорию (ширина 2,0—4,0 м), а также объяснить наличие столбовых ямок вдоль канавы, Л.Л. Косинская и Ю.М. Баранов «сконструировали» низкие навесы, прижатые к наклонным торцовым стенам постройки. Судя по графическим иллюстрациям, их высота была ок. 1,0 м. По правде говоря, в строительной практике коренных народов Западной Сибири такого вида пристроек к землянкам и полуземлянкам не известно.

Пока же мы допускаем как равновероятные два варианта реконструкции объекта — с одним или двумя раздельными перекрытиями. Жилой комплекс и его стены могли быть более высокими: наклон стен — до 45°, высота помещения от дна котлована до крыши — не более 2,5 м. Основание стен укреплено снаружи песчаной обваловкой. Перекрытие плоское с дымоходами. «Заплечики» по границам котлована, покрытые деревом, сравнительно узкие — не более 1,5 м. Эта возвышенная часть помещения, расположенная под наклонными стенами жилища, использовалась только для хранения различного скарба и посуды. Нары-лежанки располагались в пределах котлована, по его краям. Между жилищем и рвом сохранялось небольшое свободное пространство. Не исключено, что на нём, с внутренней стороны канавы был возведен забор типа заплота из вертикальных кольев и горизонтально уложенных жердей. Напомним, что исследователи памятника отрицают такую возможность, а также считают функцию дренажа единственным назначением канавы, окружавшей обширный двухкамерный объект. Сам же ровик в верхней части мог быть замкну-

тым и непрерывным либо с минимумом промежутков напротив предполагаемых входов в помещение. В целом раскопанный жилой комплекс, на наш взгляд, занимает промежуточное положение между глубокими неолитическими землянками типа амнинских и большими высокими наземными домами каркасно-столбовой конструкции эпох бронзы и железа. Типологически сооружения поселения Быстрый Кульёган 66 относятся к полуземлянкам, на что указывает соотношение высот их углубленной и наземной частей.

Само же поселение Быстрый Кульёган 66, по мнению Л.Л. Косинской, которое мы разделяем, было круглогодичным. Оно вполне было приспособлено для холодных сибирских зим. В летнем периоде вокруг него сооружались дополнительные хозяйственно-бытовые объекты, остатками которых являются участки культурного слоя с ямами и редкими находками[56].

Керамика, собранная на поселении (более 3500 обломков 104 неолитических сосудов), является эталонной при характеристике памятников быстринского типа. Она представлена яйцеобразными ёмкостями с приострёнными днищами, часто имеющими характерное шиповидное (сосцевидное) окончание. Венчики сосудов лишены наплывов, но иногда дополнены рельефными выступами — «ушками». Узоры покрывали всю наружную поверхность ёмкостей, включая венчики и днища. Основные приёмы орнаментации — прочерчивание заострённой палочкой или зубчатыми штампами; реже встречаются наколы, отступающая палочка, шагающая гребёнка. Бордюры сосудов украшены цепочкой ямок. Ведущий мотив орнаментации — пояски горизонтальных и наклонных, в том числе пересекающихся, волнистых линий; взаимопроникающие орнаментальные зоны редки.

Каменный инвентарь (1480 ед.) представлен изделиями из различных пород, среди которых преобладают кварц и сланцы. Основную массу данной категории находок составляют отщепы и осколки. Целые и сломанные орудия сравнительно немногочисленны (259 экз.), изготовлены в основном ударной техникой обработки камня, реже — абразивной. Заготовками для орудий служили нуклеусы, нуклевидные куски, первичные и четырёхгранные сколы, аморфные обломки, части шлифованных орудий и сколы с них. В орудийный комплекс входят отбойники, наковальни, абразивы, лощило, крупные и мелкие ножи, долота, тёсла, стамески, резчики, свёрла, острия, скобели, скребки, наконечники стрел, комбинированные орудия, изделия с ретушью или вторичной обработкой и т.д. На двух предметах отмечены сле-

ды пиления. Из обломков посуды производились оселки и абразивы аморфной формы[57].

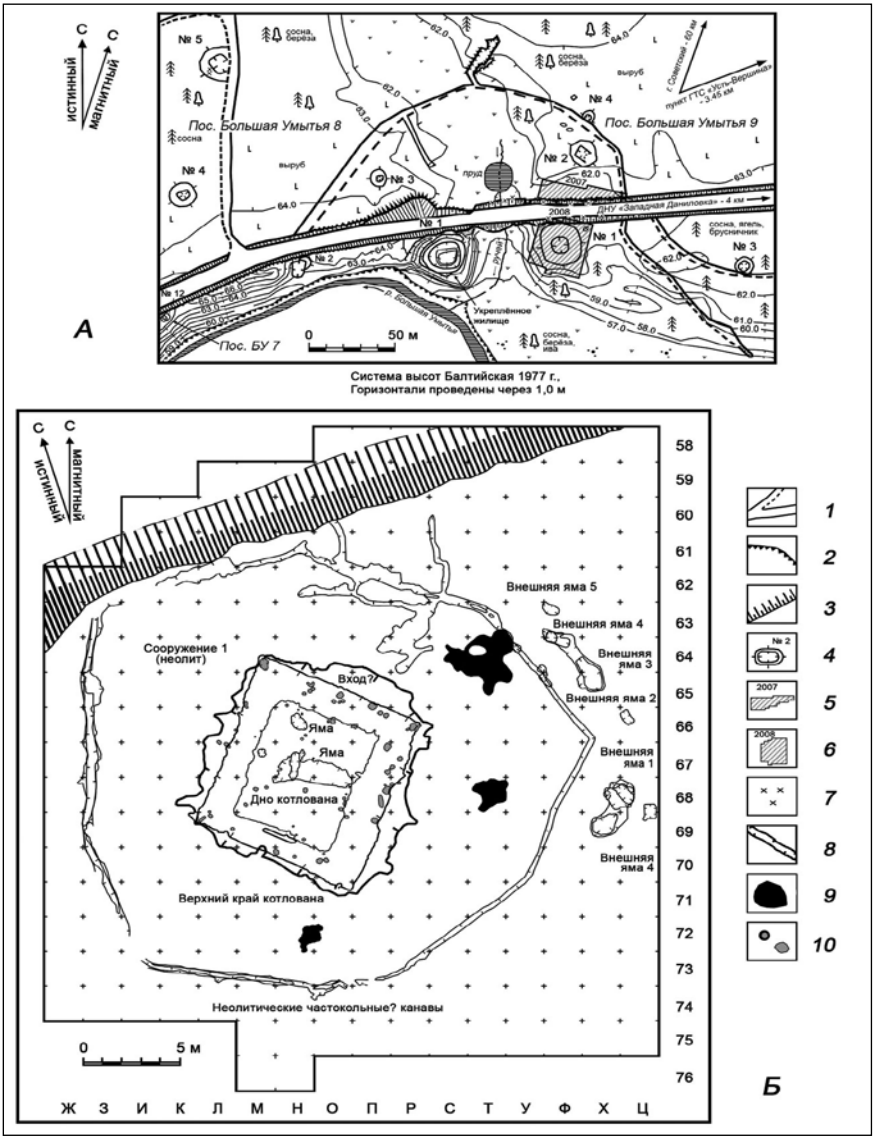
Памятник, по сведениям автора раскопок, имеет надёжную позднеолитическую датировку, основанную на серии из шести радиоуглеродных дат: кон. V — нач. IV тыс. до н. э.[58] Пробы угля взяты из обоих котлованов постройки и рва[59]. Сейчас большинство калиброванных дат быстринской культуры лежит в диапазоне сер. VI — втор. пол. V тыс. до н. э.[60]

Не меньший интерес для изучения генезиса западносибирских «укреплённых жилищ» обоих вариантов (обычных «однодворных» жилых построек в окружении стены простейшей конструкции («малое городище») и мощных бревенчатых жилых сооружений со рвами по границе, внешние стены которых одновременно выполняли оборонительную роль («дом-крепость»)[61]) представляет находка нескольких своеобразных неолитических объектов на поселениях Большая Умытья 9, Большая Умытья 57, Микишкино 5 и Усть-Тара XXVIII. Материалы раскопок двух первых памятников опубликованы[62]. В этой связи мы ограничимся краткой характеристикой построек с «ровиками» (первый вариант «укреплённых жилищ»), открытых на этих поселениях, и черно-белыми копиями их планов.

Поселение Большая Умытья 9, постройка № 1

Памятник находится на территории Кондинской низменности, в подзоне средней тайги (60°52' с. ш.), на правом берегу р. Большая Умытья (левый приток р. Конды), в 60 км к югу — юго-востоку от райцентра г. Советский ХМАО — Югры и в 25 км к востоку — юго-востоку от кордона Арантур (ил. 1, 6). Поселение занимает обширный тупоугольный песчаный мыс высотой 4—6 м, ограниченный с юга поймой, с запада — логом, по дну которого течет ручей. На противоположной стороне лога находится поселение Большая Умытья 8. Памятники пересекает грунтовая дорога с ответвлениями. Интересующий нас объект находился на стрелке мыса. На поверхности он был выражен в виде впадины овально-подпрямоугольной формы (11х10 м), окружённой обваловкой шириной ок. 6 м. Глубина впадины от вершины насыпи варьировала от 1,4 до 2,0 м. От объекта до ручья — 20 м, до реки — 60 м. У края и в глубине мыса отмечены три небольшие впадины с обваловками.

Поселение открыто в 1990 г. С.Ф. Кокшаровым, в 1994 г. обследовалось А.Е. Старковым, в 2003 г. — А.Е. Цеменковым. В 2008 г. на

Ил. 6. **Поселение Большая Умытья 9.** А — план поселений Большая Умытья 8 и 9; Б — поселение Большая Умытья 9, раскоп 2 (2008 г.), объект (сооружение) № 1 (по А.А. Погодину).

Условные обозначения: 1 — грунтовые дороги; 2 — обрыв; 3 — дорожный откос; 4 — шурф; 5 — раскоп № 1 (2007 г.); 6 — раскоп № 2 (2008 г.); 7 — места сборов артефактов на поверхности; 8 — канавка ограды (частокола?); 9 —буро-коричневый очажный слой; 10 — ямки от столбов

памятнике по обе стороны от дороги А.А. Погодин заложил два раскопа площадью 652 (№ 1) и 1080 кв. м (№ 2). На территории первого были открыты остатки наземного неолитического жилища (постройка № 5), не выраженного в рельефе, и найдены обломки кульминских сосудов раннего железного века, не связанные с жилыми объектами. Вторым раскопом исследована углубленная неолитическая постройка № 1 с ровиком и три погребения энеолитического могильника[63].

Постройка № 1 представляла собой землянку с прямоугольным котлованом глубиной 2,7—2,8 м, ориентированным по оси юг—юго-запад — север—северо-восток. Слегка покатые «плечики» котлована находились на высоте 0,5—0,7 м от пола. Размеры котлована на уровне «плечиков» — 8,8х8,2 м, на дне — 6,5х5,0 м. Пол помещения горизонтальный, с лёгким (до 0,2 м) прогибом к центру, покрыт охрой и углем (остатки сгоревшего пола). Песчаные стенки котлована поддерживались деревянной крепью, основание которой было установлено в узкие (0,1 м) канавки по периметру пола котлована. От опорных конструкций землянки сохранились многочисленные столбовые ямки, сосредоточенные вдоль стенок котлована. В центре дома, под полом находилась большая глубокая яма (3,7х1,2х1,0 м). Следов очага зафиксировать не удалось. Вход в жилище располагался, вероятно, с северной стороны: в этом месте к краю котлована примыкал широкий и короткий трапециевидный выступ (ок. 4,5—6,0х1,0 м). О конструкции наземной части постройки № 1 автор раскопок не сообщает. Он лишь упоминает об искусственной подсыпке площадки за пределами котлована мощностью 0,25—0,60 м. Последнюю, на наш взгляд, можно интерпретировать как расплывшуюся крепиду—«завалинку» вокруг наклонных стен жилища, а сам котлован — как основную, углубленную часть помещения. С запада и севера поверхность под обваловкой была посыпана охрой. Насыпь также была перекрыта пятнами красно-коричневого охристого и буро-коричневого цвета.

Площадка вокруг землянки в древности была огорожена. Конструктивным элементом ограждения, по данным А.А. Погодина, являлась канава шириной в среднем 0,4—0,5 м, глубиной 0,5—0,7 м. Она отстояла от котлована постройки на 6—8 м и ограничивала пространство площадью не менее 900 кв. м. Канава была практически замкнутой, восьмиугольной, с длиной каждого отрезка от 14 до 26 м. Изнутри и снаружи к северным отрезкам канавы — напротив предполагаемого входа в жилище — примыкали вытянутые углубления. Вид ограждения автор раскопок не решился реконструировать. Судя по профилю и

ширине, канава, скорее всего, была частокольной. Углубления с её северной стороны могли быть связаны с воротными устройствами или предвратными заграждениями. Частоколы изнутри были дополнены помостами для наблюдения и стрельбы из лука. На огороженном «дворе» выявлены линзы буро-коричневого слоя с органикой — вероятно, от наземных кострищ. Перед оградой зафиксированы пять вытянутых ям, ориентированных продольно канаве.

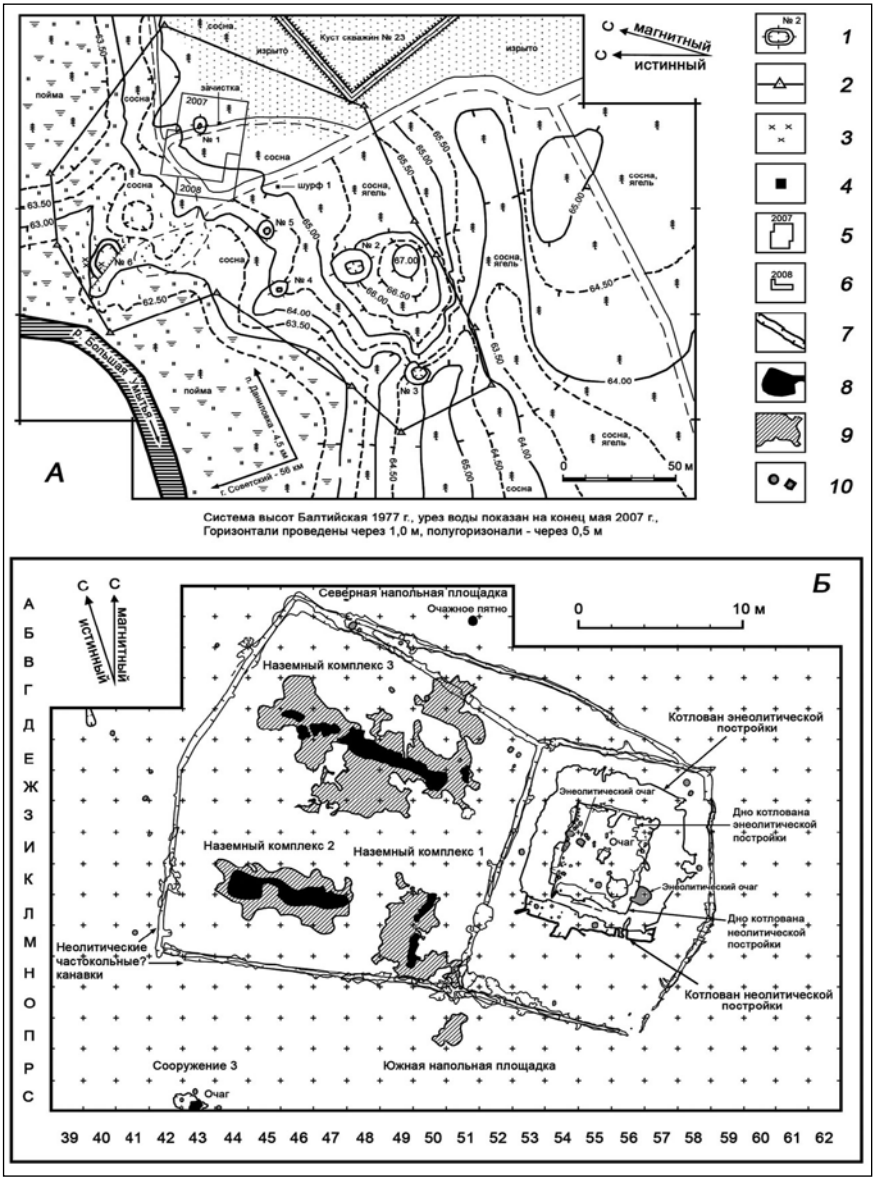
Неолитические материалы залегали в основном между котлованом землянки и ограждением; при этом наибольшая концентрация артефактов наблюдалась в кострищах и вокруг них. Коллекция находок (7354 ед.) включает обломки глиняной посуды (7004 фрагмента), каменный инвентарь (342 ед.), два абразива из черепков (4 ед.), кусочки спёкшейся глины и муфту из рога. К неолиту относится 6776 обломков от 221 сосуда сумпаньинского типа с округлым, реже округло-коническим, приострённым и уплощенным дном; посуда украшена ямками, волнисто-прочерченными и отступающе-накольчатыми узорами, а также шагающей гребёнкой. Орудийный комплекс (120 ед.) разнообразен: скребки, долота, ножи, острия, наконечники стрел, тёсла, пилы, абразивы, наковальни, пешни и т.д. Предметы изготовлены в ударной и контрударной технике; применялись также шлифование и пиление камня. Основное сырье — кремнистые и сланцевые породы, реже — кварц. Заготовки и продукты «дебитажа» представлены целыми и расколотыми гальками, нуклевидными формами, отщепами, пластинами, осколками шлифованных орудий[64].

Согласно традиционным и радиоуглеродным датам[65], памятники с керамикой сумпаньинского типа бассейна Конды относятся к V тыс. до н. э.[66]

Поселение Большая Умытья 57, объект № 1

Памятник находится на левом берегу р. Большая Умытья, в 56 км к югу—юго-востоку от райцентра г. Советский ХМАО — Югры и в 29 км восточнее кордона Арантур (60°54' с. ш.) (ил. 1, 7).

Поселение занимает обширный (175х50—110 м), сильно изрезанный оврагами мысовидный выступ и прилегающую часть песчаной коренной террасы высотой 3—4 м. До реки от основания террасы через заболоченную пойму — от 20 до 100 м. Памятник открыт в 1994 г. Л.А. Плешковой, повторно обследовался в 2003 г. А.Е. Цеменковым. Инструментальный план памятника снят в 2007 г. под руководством А.А. Погодина. В состав поселения площадью 20760 кв. м входят 6

Ил. 7. **Поселение Большая Умытья 57.** А — план поселения; Б — раскоп 1, сооружение 1, наземные комплексы 1—3 (по А.А. Погодину и П.В. Миронову). *Условные обозначения:* 1 — археологический объект; 2 — граница поселения; 3 — места сборов артефактов на поверхности; 4 — шурф; 5 — раскоп 2007 г.; 6 — раскоп 2008 г.; 7 — канавка ограды (частокола?); 8 — буро-коричневый очажный слой; 9 — красно-коричневый охристый песок; 10 — ямки от столбов

впадин, окружённых обваловками. Размеры объектов № 1–6 варьируют от 5х6 до 16х17 м. В 2007–2008 гг. А.А. Погодин при участии П.В. Миронова двумя раскопами общей площадью 1488 кв. м вскрыл северо-восточный объект № 1 с прилегающей территорией. Результаты раскопок опубликованы[67].

Размеры впадины № 1 – 3х2 м, ширина обваловки – 2–3 м, расстояние от объекта до реки – 110 м. Основная масса находок и все вскрытые жилища, за исключением одного, относятся к неолитическому поселку. Часть его территории занимал окружённый канавами подтрапециевидный участок (34х17–25 м), разделенный внутренними канавами на три неравные площадки. Две их них (восточная и западная) – пятиугольные, размерами ок. 13х16 и 22х20 м, третья (северная) – узкая ромбическая (28х3–4 м).

Канавы, по оценке авторов раскопок, являлись остатками заградительных конструкций – «заборов», «загородей». Стенки канав расширяются вверху. Дно канав относительно ровное, с небольшими углублениями от основания защитных конструкций и с уклоном к западу, что соответствует общему наклону террасы в сторону реки. По профилю и глубине (0,5–0,7 м) канавы, на наш взгляд, соответствовали частокольным траншеям. Северная площадка и оборонительная линия, появились, по всей видимости, вследствие необходимости «спрямления» фортификаций со стороны поймы и увеличения защищённой территории посёлка. В месте схождения канав близ северо-западного угла укрепления отмечены две ямки, возможно, от столбов.

На ограждённой восточной площадке под объектом № 1 выявлены остатки неолитической землянки, прорезанные квадратным котлованом энеолитического жилища. Постройки занимали центральную и северную части «двора», а южная (5,75х11,00–12,00 м) оставалась свободной. От прямоугольного котлована неолитической постройки сохранилась южная стенка длиной 8 м с прямоугольной нишей размерами 2,3х0,5 м (возможно, от входа), а также углубленный прямоугольный участок (5,6х6,4 м) в центре помещения. Глубина раннего котлована в материковых песках – не менее 2,0 м, высота плечика котлована от пола – 0,7 м, ширина плечика – не менее 1,3 м. Пол помещения, ремонтировавшийся, минимум, дважды, имел небольшой уклон к центру – в сторону очага. Кострище наземное, прямоугольное (1,00х0,56х0,20 м), выражено линзой чёрного углистого песка. В юго-восточном углу котлована находилась прямоугольная яма глубиной 0,4 м. По краям на дне котлована сохранились

неглубокие канавки от деревянной «крепи» стенок. В котловане и рядом с ним выявлены ямки от столбов, поддерживавших перекрытие и стены жилища.

На западной площадке находились неуглубленные неолитические сооружения (№ 1—3) типа чумов, шалашей или навесов. От них остались полосы буро-коричневого очажного слоя, окружённые «пятнами» красно-коричневого охристого песка. Судя по их форме, сооружения были в основании прямоугольными, размерами от 5х6 до 12х16 м и сориентированы параллельно заборам.

В раскопе, к северу и югу от укрепления обнаружены 3 неолитических объекта: северная и южная напольные площадки с очагами, представленными линзами красно-коричневой охры (размеры их, соответственно, 0,53х0,55 и 2,50х1,25 м), а также наземное сооружение № 3. Последнее выражено в виде углубления (1,7х1,0х0,3 м) с пологими стенками и неровным дном, в пределах которого находилась очажная яма размерами 1,20х0,85 м, глубиной 0,30 м.

В ходе раскопок найдено более 2700 фрагментов неолитической керамики, минимум от 201 сосуда, а также изделия из глины (фигурки птичек?), орудия из камня и отходы камнеобработки. Находки концентрировались, главным образом, на территории жилых и производственно-жилых объектов, близ очагов. Каменный инвентарь представителен (968 ед.) и разнообразен. Орудия изготовлены из твёрдых и мягких пород (кварц, кварциты, кремнистые породы, сланцы, алевролиты и др.), техникой плоскостного расщепления, контрударного скола, подправкой ретушью, шлифованием. Наличие в коллекции целых и расколотых галек, нуклеусов, нуклевидных кусков, сколов, отщепов, чешуек, сегментов пластин, а также наковален и абразивов, свидетельствует о производстве орудий непосредственно в укреплённом поселке и рядом с ним. К готовым формам относятся наконечники стрел, ножи, тёсла, скрёбла, скребки, острия, долота и другие предметы. Керамика круглодонная, с наклонными (реже — вертикальными) стенками, украшена прочерченными и отступающе-накольчатыми узорами, шагающей гребёнкой, иногда — пояском круглых ямок под венчиком. Данная посуда, по мнению исследователей памятника, наиболее близка позднеолитической керамике поселения Чэс-Тый-Яг, объекты которого датируются по C^{14} в интервале от 5750±60 до 6455±40 л. н. (СОАН—2719, СОАН—2718). На основании анализа образцов угля, собранного с южной напольной площадки поселения Большая Умытья 57, получены две даты: 6030±85 и 6030±80 л. н. (СОАН—7639, СОАН—7640)[68].

Судя по находкам за пределами канав неолитической керамики и жилых объектов (в том числе не исследованных), укреплённые площадки на памятниках Большая Умытья 9 и Большая Умытья 57 могли представлять собой только часть территории посёлка.

Поселение Микишкино 5

Находится в Среднем Приобье, на правобережье Оби, в подзоне средней тайги (61°20' с. ш.), в 5,8 км к северо-востоку от п. Селиярово Ханты-Мансийского р-на ХМАО – Югры (ил. 1). Памятник занимает стрелку мыса высотой 1,0 м над уровнем поймы, образованного излучиной обской протоки Кривулина. В древности мыс был несколько выше.

В 2005 г. Л.В. Ивасько вскрыла здесь остатки ранненеолитической полуземлянки с подквадратным котлованом (3,8х3,5х0,8 м), деревянным полом, ступенчатым выходом, ориентированным на север, а также обшитую деревом яму (3,8х3,6 м), предположительно, хозяйственного назначения. Оба объекта, по мнению исследователя, составляли единовременный комплекс, ограниченный с одной стороны сооружением «столбово-жердяной» конструкции типа загороди, а с противоположной – рвом шириной 0,6–0,8 м, глубиной 0,9–1,0 м. В последнем обнаружены обломки неолитической керамики и шлифованное тесло, в котловане полуземлянки – части сосудов с ямочным, прочерченным и накольчатым декором, отнесённые к каюковской «культуре». Л.В. Ивасько полагает, что обитатели жилища, как и городища Каюково 2, перед уходом собрали все вещи, убрали мусор и сожгли посёлок. Неолитический слой на памятнике перекрыт средневековым. Анализ угля, взятого из постройки и хозяйственной ямы, дал серию дат[69], укладывающихся в интервал кон. VII – сер. VI тыс. до н. э.[70]

Поселение Усть-Тара XXVIII

Памятник находится в Среднем Прииртышье, в подзоне южной тайги (56°40' с. ш.), в 1 км от правого берега р. Тары (правый приток р. Иртыша) и 3 км к юго-востоку от д. Усть-Тара Тарского р-на Омской области (ил. 1). Объект открыл в 1991 г. И.Е. Скандаков. В 2001 г. были проведены раскопки отрядом экспедиции Омского государственного университета под руководством Т.А. Горбуновой и И.В. Толпеко, которые составили следующее описание: «Памятник представляет собой одиночное всхолмление (приподнятая площадка, окружённая валом и рвом) площадью свыше 400 кв. м, перекрытое поселением екатерининской культуры (несколько слаборазличимых

западин вдоль края террасы). Необходимость раскопок объекта была продиктована разрушением памятника — сползанием в лог и пересечением его почти по центру лесной дорогой, используемой для вывозки леса. Общая площадь раскопа составила 240 кв. м, охватив всю площадь, подвергшуюся разрушению»[71].

Керамика, найденная в ходе раскопок, относится к двум типам, в том числе к посуде екатерининской культуры конца неолита, украшенной горизонтальными рядами косо поставленного гребенчатого штампа. Раннюю группу составляют сосуды с преобладающим орнаментом в виде горизонтальных прямых и волнистых линий, выполненных отступающей палочкой, а также ямок. Этот материал близок посуде одного из слоёв неолитического памятника Серебрянка 1, который датируется втор. пол. V — нач. IV тыс. до н. э. Изделия из камня поселения Усть-Тара XXVIII представлены орудиями на пластинах и отщепах (наконечники стрел, дротиков, скребки и т.д.), а также топорами и другими шлифованными предметами. Интересна категория находок из железняка — наконечники стрел, скребловидные орудия, массивный остроконечник. Наличие их, а также большого количества обломков железняка указывает на то, что жители посёлка испытывали недостаток в камне. К сожалению, распределить орудия по двум культурно-хронологическим горизонтам не удалось.

По мнению авторов раскопок, данный «памятник можно интерпретировать как большое одиночное жилище с обваловкой и ровиком, в западине которого позднее было сооружено жилище, относящееся к поселению екатерининского времени. Это привело к значительному нарушению культурного слоя раннего комплекса, что усугубилось песчаным характером почвы (быстрое разрушение границ объектов, смешение артефактов, вымывание гумуса из культурного слоя и т. д.). Из конструкции раннего жилища удалось проследить ровик и остатки вала. Такой тип сооружений хорошо известен на территории Западной Сибири и фигурирует в исследованиях как укреплённые жилища»[72]. Судя по описанию, этот объект соответствует второму варианту таких жилищ[73] и является одним из самых ранних в южной тайге.

В последнее десятилетие рядом с вышеописанным жилищем у края низкой надпойменной террасы и в глубине её было открыто несколько подобных объектов. Это не исключает их разновременности либо вхождения в состав одного обширного поселения позднего неолита.

Поселение Чэс-Тый-Яг

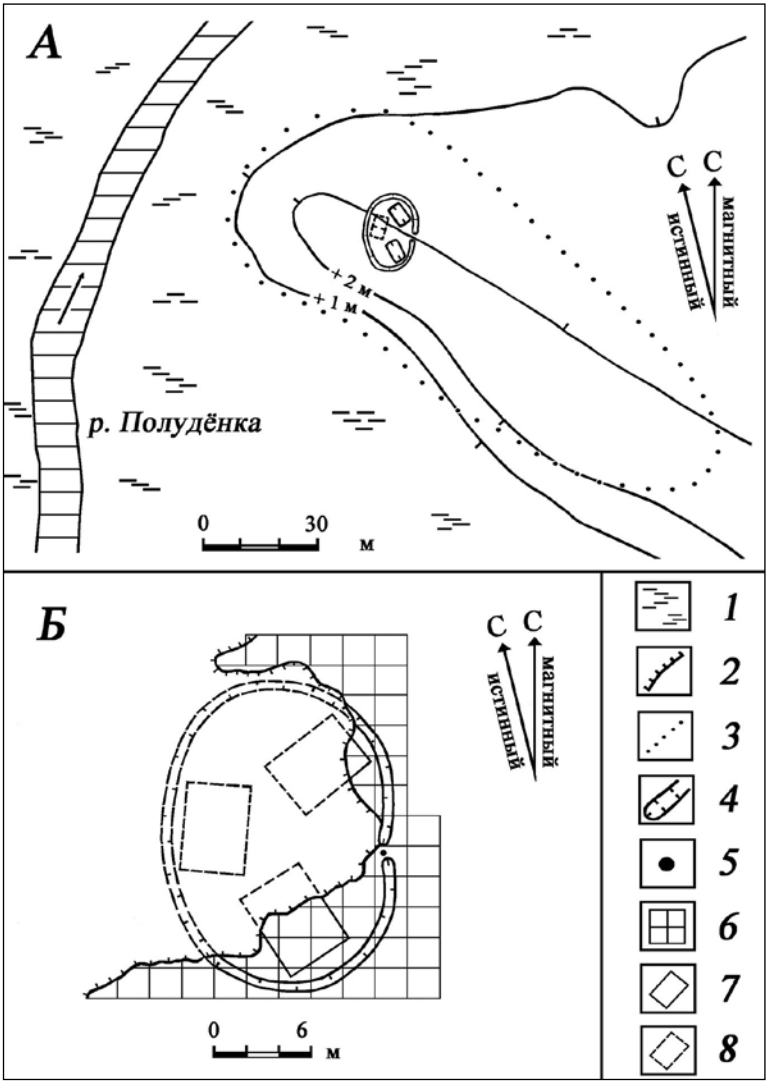
В связи с рассмотрением генезиса укреплений каменного века Западной Сибири необходимо упомянуть ещё один памятник — позднеолитическое поселение Чэс-Тый-Яг («Слопцовый Бор»). Оно было открыто в 1933 г. геологом С.Г. Бочем, впоследствии исследовалось В.Н. Чернецовым (1935 г.), В.Ф. Старковым (1968 г.), Е.А. Васильевым (1983, 1985—1987, 1989, 1997, 2003 гг.). Памятник находится в северной тайге Нижнего Приобья (ок. 64°14' с. ш.), в 3,5 км от п. Саранпауль Берёзовского р-на ХМАО — Югры, в пойме левого берега р. Ляпин (Сыгвы) — левого притока р. Сев. Сосьвы. Это было довольно крупное селение с землянками площадью от 60 до 250 кв. м. Все пять раскопанных на нём жилищ (из 18 выраженных в рельефе) функционировали одновременно. Посёлок не имел фортификаций, но было защищён естественным образом. Он располагался в 2,5 км от современного русла реки, на высоком (5,0—6,0 м) южном мысу песчаного островка-останца, окружённого топкими болотами[74]. Типологически поселение занимает промежуточное место между мысовыми и «островными» («болотными»). Е.А. Васильев датировал памятник кон. IV — нач. III тыс. до н.э.[75], но сейчас для поселения получены более древние радиоуглеродные даты — втор. пол. V тыс. до н. э.[76]

Поселение Полудёнка I

В горно-лесном Зауралье, примыкающем к Западно-Сибирской равнине, открыт только один объект, предположительно содержащий остатки оборонительной системы эпохи неолита, — поселение Полудёнка I (ил. 1, 8). Памятник находится в подзоне светлохвойных горно-таёжных лесов (ок. 57°52' с. ш.), в 10 км к западу от г. Нижнего Тагила, на правом берегу р. Полудёнки (правый приток р. Выи — левого притока р. Тагила), входящей в Обскую речную систему.

Древний посёлок располагался на низкой (до 2 м) узкой косе из песка и гравия, окружённой заболоченной поймой р. Полудёнки (Полудёнское болото). Вдоль юго-западного края косы прослеживался гравийно-песчаный береговой вал Полудёнковского палеоозера. На стрелке косы находились два холма размерами 14,5x12,5 и 10,0x8,0 м; высота первого неизвестна, второго — 2,0—2,5 м. Насыпи были сложены «глинистым чернозёмом с камнями» (подзол и суглинок со щебнем), насыщены культурными остатками неолита, редкими вещами раннего железного века и Средневековья. В литературе это место известно как «Чудские бугорки», «Чудские бугры р. Полудёнки», «Городище на р. Полудёнке»,

«Полудёнские холмы», «Жертвенные холмы». Оба объекта неоднократно грабились кладоискателями, в XIX — нач. XX вв. изучались краеведами и археологами (И.М. Рябов, 1837 г.; Д.Н. Анучин и Ф.А. Уваров,

Ил. 8. **Поселение Полудёнка I.** А — план поселения; Б — укреплённая часть (по О.Н. Бадеру).

Условные обозначения: 1 — болото; 2 — край карьера; 3 — граница поселения; 4 — ровик; 5 — ямка от столба; 6 — сетка участков раскопов; 7 — раскопанные части жилищ; 8 — предполагаемое жилище

1887 г.; Б.К. Поленов, 1889 г.; В.Я. Толмачёв, С.Н. Топорков, 1914; С.Н. Топорков, 1924 г.; А.Н. Словцов, 1924 г.). Большинство исследователей воспринимали данные холмы как погребальные сооружения (курганы). А.Н. Словцов придерживался этой же версии но затем увидел в них остатки древнего селения, представлявшего собой круг из шалашей выходами внутрь, которое в процессе функционирования было засыпано бытовыми отходами[77]. А.А. Спицын и А.И. Россадович подобные объекты рассматривали как места поселений — результат сооружения на одном месте больших одиночных жилищ с мощной земляной обваловкой. Сейчас такие памятники (Кокшаровский, Усть-Вагильский, Махтыльский холмы, Чёртова Гора) интерпретируются как древние культовые комплексы — святилища, жертвенники, площадки. Эти искусственные многослойные «жертвенные» холмы сооружались в неолите рядом с поселениями, в их пределах и на их руинах. Вплоть до позднего Средневековья эти насыпи периодически использовались в качестве святилищ, реже — мест для селищ и стоянок[78].

Предполагаемое укрепление открыто на западной окраине многослойного памятника площадью 4000 кв. м (правобережное поселение «Полудёнка I-я»), близ оконечности мыса, в 50 м к востоку от реки. Именно здесь, по оценке О.Н. Бадера, находились два или три кургана железного века, насыпанные из культурного слоя неолитического поселения и окончательно уничтоженные в 1935 г. рабочими дорожно-строительного карьера. Первые охранные раскопки памятника проведены О.Н. Бадером в 1944—1946 гг.; при этом из 375 кв. м раскопов и шурфов на «укрепление» пришлось 60—65 кв. м. В 1948—1950-х гг. значительная часть древнего посёлка (1200 кв. м) была уничтожена карьером для добычи гравия; разработка камня проводилась здесь и в 1958 г. Раскопки памятника продолжены Н.П. Кипарисовой (1948—1950 гг.) и В.М. Раушенбах (1954 г.). В 1976—1978 гг. остатки поселения обследовал Ю.Б. Сериков[79].

Следы ровика длиной 29 м были обнаружены О.Н. Бадером только в 1945 г. и доисследованы в 1946 г. Сохранившийся отрезок канавы узкий (до 1 м), в плане дуговидный. С напольной стороны он прерывался, и на месте прохода шириной 1 м выявлена яма от столба. На площадке, окружённой ровиком, вскрыты остатки полуземлянки с четырёхугольным котлованом шириной 4,5 м, длиной не менее 4 м, а также отмечен угол углубленной части второго жилища. На дне исследованной постройки отложился мощный углистый слой, но очагов не было зафиксировано. Здесь же расчищены остатки обугленной

берестяной кровли. Возможно, было третье жилище, но следов его не сохранилось.

На основании этих относительно скудных данных О.Н. Бадер реконструировал неолитическое поселение следующим образом. Оно состояло из трёх полуземлянок размерами ок. 4,5х6,0 м, ориентированных в различных направлениях. Их окружала овального плана бревенчатая ограда с навесной дверью (ворота). Размеры укрепления — 14,5х20 м (260 кв. м). В тёплое время года обитатели посёлка жили в основном за пределами ограды. В этом месте культурный слой более насыщен объектами и находками. На «селище» открыты 4 больших ямы, две из которых являлись очажными. О.Н. Бадер отнёс их к началу освоения поселенческой площадки. В целом археолог считал памятник однослойным, несмотря на два различных по цветности горизонта, а также наличие керамики и кремневых наконечников стрел, как он полагал, эпохи бронзы.

Многослойность поселения и неоднородность его керамики отмечала ещё В.М. Раушенбах. Это же подтвердил анализ коллекции Полудёнки I, проведённый свердловскими и тагильскими археологами. Кроме оригинального полуденского комплекса позднего неолита с волнисто-гребенчатым (струйчатым) орнаментом, составляющего большую часть посуды данного памятника, присутствует разновременная неолитическая керамика — евстюнихская (ранняя козловская), кошкинская, боборыкинская и других типов, а также фрагменты сосудов эпох бронзы и железа[80]. Позднее были опубликованы более точные данные по керамике жилища № 1. Из 123 сосудов, представленных 1068 обломками, ок. 100 (80%) ёмкостей относятся к полуденским, 6 — евстюнихским, 2 — кошкинским, 9 — к сосудам, орнаментированным в отступающе-накольчатой технике. Кроме того, в коллекцию входит посуда боборыкинского (17 фрагментов стенок), кокшаровско-юрьинского (3 обломка шейки, 24 фрагментов стенок) и басьяновского (2 фрагмента) типов, а также небольшие сосуды (3 фрагмента шейки, 9 обломков стенок), орнаментированные наколами[81]. За ровиком обнаружена также энеолитическая керамика[82].

В коллекции каменного инвентаря поселения Полудёнка I преобладают орудия на отщепах — скребки, ножи, проколки; найдены также шлифованные изделия — топоры, тёсла, ножи. Орудий на пластинах мало — концевой скребок, два наконечника стрел и др.[83]

По мнению В.Т. Ковалёвой, посуда с округло-приострёнными днищами и прочерчено-струйчатым орнаментом данного памятника соответствует керамике раннего этапа полуденской культуры, хронология ко-

торой по ряду абсолютных дат определяется в пределах IV тыс. до н. э. К этому времени относятся и раскопанные жилища Полудёнки I[84]. Наличие разнотипной керамики, в том числе евстюнихской и кошкинской (по версии В.Т. Ковалёвой — ранненеолитической), предполагает многослойность всего памятника, но не исключает неолитической принадлежности укреплённого посёлка, а также более древний возраст раннего поселения в системе радиоуглеродных калиброванных дат.

Мы признаем, что интерпретация данного памятника как укрепления эпохи неолита весьма условна. Впрочем, открыто это никто не оспаривал, даже не обсуждал. В лучшем случае, этот объект обозначался просто как «стоянка Полудёнка I». Можно укорять Отто Николаевича за неточности, определённую долю фантазии, поспешность некоторых выводов и вообще не принимать предложенную им идею укреплённого посёлка. Между тем исследованный «ровик» не вымысел: он действительно существовал. Проблема заключается в ином: относилась или нет канавка к эпохе неолита, и являлась ли она остатками защитной системы? Мы склонны отвечать на эти вопросы положительно. В пользу этого свидетельствуют планиграфия памятника (расположение канавы по отношению к исследованным неолитическим постройкам), данные анализа керамики и отсутствие на площадке, ограниченной ровиком, более поздних археологических объектов. Форма и ширина «ровика» соответствуют частокольным канавам, а также кольцевым углублениям вокруг углежогных площадок XVIII—XIX вв., однако последние здесь не зафиксированы. Смущает одно: аналогов укреплённому неолитическому поселку в Зауралье пока не обнаружено. Тем не менее у нас нет веских оснований относить данный «ровик» к иным периодам. В окрестностях Нижнего Тагила известно только два городища: Шигирское — иткульское, раннего железного века; Ермаково — периода русской колонизации. Само же поселение Полудёнка I не демонстрирует ничего необычного для охарактеризованных выше неолитических укреплений соседнего западносибирского региона. Всё это, только в иной комбинации, встречалось и на них: расположение городищ и укреплённых жилищ на стрелках мысов у мелких рек и проток, ныне окружённых болотами, замкнутая система обороны, малые размеры укреплённой площадки с минимумом жилищ и свободного пространства, узкий кольцевой ровик для установки частокола и т. д.

Кто прав — критики О.Н. Бадера или его сторонники — покажет будущее, точнее целенаправленный поиск ранних укреплённых поселений в Зауралье.

Поселения Чумойтло I, Моторки II, Новомултанское

На некоторых неолитических поселениях Камско-Вятского междуречья (Чумойтло I, Моторки II, Новомултанское) внутри и за пределами полуземлянок выявлены серии продолговатых канав. Такие же углубления находились как между постройками, связывая их, так и в удалении от них. В последнем случае канавки были выстроены по правильному кругу. Размеры их варьировали от 3,0—5,0х0,7—0,8 до 7,0х1,5 м, глубина в подстилающем слое составляла от 10 до 40 см[85]. Первоначально исследователь данных памятников Т.М. Гусенцова предполагала, что канавы вокруг одного из жилищ Новомултанского поселения образовались в результате стока воды во время сильных паводков, когда затоплялась примыкающая к берегу пойма. Впрочем, от этой версии она сразу же отказалась и заявила, что длинные канавы Чумойтло I и некоторые углубления Новомултанского относятся к системе ограждения поселений. В качестве аналога она привела кольцевую «оградку»-канавку поселения Полудёнка I[86].

На наш взгляд, об укреплённости неолитических посёлков Приуралья говорить преждевременно. Судя по опубликованным чертежам, канавы, обнаруженные рядом с жилищами приуральских поселений, не похожи на известные нам остатки фортификаций западносибирских посёлков. Их нельзя отождествить ни с частокольными траншеями, ни с оборонительными рвами, ни с прообразами канав вокруг укреплённых жилищ. В лучшем случае, приуральские канавы можно отнести к дренажным сооружениям и местам забора грунта для насыпки «завалинок» вокруг стен жилищ. По-видимому, наша позиция верна. Косвенным подтверждением этого является то, что в сводном труде по древней и средневековой истории удмуртского народа проблема неолитических укреплённых посёлков в Приуралье вообще не обсуждается[87].

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК ТАЁЖНОГО ПРИОБЬЯ

Стационарные долговременные и сезонные жилища эпохи мезолита данного региона малочисленны и ограничиваются наземными постройками со слабо углубленными полами и без таковых. Это соответствует «постледниковой» тёплой и влажной климатической обстановке. В неолите стационарные жилища представлены в основном землянками и глубокими полуземлянками, в энеолите — полуземлянками, в начале бронзового века — наземными домами с углубленными полами, в раннем

железном веке — наземными сооружениями со слабо углубленными полами и без таковых[88].

С энеолита наблюдается тенденция постепенного выхода жилищ на поверхность. Аналогичное явление было зафиксировано О.Н. Бадером для древних поселений Прикамья. Такое изменение в домостроительстве обусловлено не постепенным улучшением климатической обстановки в Северной Евразии: на протяжении всего голоцена она изменялась здесь циклически. Сооружение в лесной зоне самых глубоких построек именно в неолите объясняется тем, что потомки мезолитических групп края, а главное переселенцы из лесостепи и степи не были первоначально приспособлены к суровым условиям Севера. Неолитические землянки уходили глубоко в грунт, чтобы обеспечить относительно сносное существование зимой их обитателям. Дальнейшие изменения предопределены общим прогрессом в домостроительстве, а именно: переходом от каркасно-столбовых построек к более совершенным и тёплым бревенчато-столбовым, а затем — к монолитным бревенчатым домам с самонесущими стенами, в том числе срубными. Лёгкие (в том числе разборные) каркасные шалаши и чумы с покрытием из жердей, берестяных полотнищ и шкур животных существовали в Сибири, по-видимому, всегда, точнее с позднего палеолита. Небольшие землянки, полуземлянки и домики на сваях продолжали сооружаться вплоть до современности, но использовались только в качестве узкоспециализированных объектов — погребов, производственных помещений, хранилищ припасов и культовых сооружений.

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ УКРЕПЛЕНИЙ СЕВЕРА ЕВРАЗИИ

Итак, когда и где появились первые укреплённые поселения на Севере земного шара? Могли ли в эпоху камня существовать городища и их прототипы на Севере Евразийского континента? Приведённый выше обзор десятка неолитических поселений с остатками дренажных и простейших оборонительных систем даёт положительный ответ на последний вопрос. Да, в Западной Сибири укреплённые посёлки в неолите были, и весьма разнообразные, правда, их известно пока немного и было немного. На других северных территориях Евразии, тем более Америки, городищ каменного века не обнаружено.

Более сложные и дискуссионные вопросы: каким населением и какого уровня развития были построены первые западносибирские

укрепления; какова была основная цель их строительства; кто являлся в Западной Сибири в эпоху неолита транслятором или автором идеи укреплённого поселения; почему первые укрепления появились именно в таёжном Приобье и соседнем горно-лесном Зауралье, а не на других территориях обширной лесной зоны.

Существуют две существенно различающиеся точки зрения на становление и развитие неолитических культур таёжного Приобья. Я бы назвал их «миграционная» и «автохтонно-миграционная».

Согласно первой, определяющее значение в культурогенезе на данной территории в неолите и энеолите имели миграционные процессы[89]. При выделении новых культурных образований в этом случае учитывается, главным образом, сходство и различие керамических комплексов, а намеченные типы памятников жёстко привязываются к культурно-хронологической шкале Среднего Зауралья. С учётом этого решается и проблема генезиса таёжных поселений, в том числе укреплённых. Некоторые исследователи считают появление керамики и долговременных посёлков в средней и северной тайге Западной Сибири результатом прямых и неоднократных миграций неолитического населения из Среднего Зауралья[90], степного Приаралья и Прикаспия[91], Юго-Восточной Европы и Передней Азии[92]. Происхождение древнейшего в таёжном Приобье и самого северного неолитического городища Амня I и амнинской культуры сторонники этой гипотезы первоначально связывали с продвижением вглубь тайги из Зауралья населения боборыкинской культуры с прочерчено-накольчатой керамикой. Наличие гребенчато-ямочной посуды на этом памятнике свидетельствовало о контактах пришельцев с аборигенами[93]. В самом же Среднем Зауралье, по мнению В.Т. Ковалёвой — исследователя ранних поселений этого региона, — в неолите имели место две линии развития. Автохтонная была представлена ранненеолитической козловской культурой и сменяющей её поздненеолитической полудёнковской, а пришлая — кошкинской и боборыкинской. Последние культуры сформировались в результате двух разновременных миграций. Кошкинская, датирующаяся V тыс. до н.э., была связана с культурами Нижнего Поволжья (джангарская, орловская), а более поздняя и производная от неё боборыкинская (рубеж V—IV— кон. IV тыс. до н. э.) — с раннеземледельческим миром Каспийско-Причерноморского региона, Кавказа и Ближнего Востока. Роль боборыкинской культуры в культурогенезе Зауралья и Западной Сибири была незначительна и уступала влиянию кошкинской. Продвижение мигрантов в северные и северо-восточные районы Зауралья

происходило под давлением местного населения. Вступая с ним в контакты, пришельцы постепенно утрачивали свои этнические традиции[94]. В последней монографии В.Т. Ковалёва и С.Ю. Зырянова подтвердили, что боборыкинская культура сформировалась, по всей вероятности, в результате миграции населения из районов Кавказского Причерноморья (поселения Нижне-Шиловское, Одиши, Кистрик и др.), отметили генетическое родство данного образования с раннеземледельческим миром Ближнего Востока и Передней Азии, но заявили, что амнинский тип керамики и памятников, выделенный по городищу Амня I, скорее всего, не имеет никакого отношения к боборыкинской культуре. Без предъявления аргументов исследователи сочли, что население, оставившее памятники типа Амни I, представляло наиболее древних переселенцев из районов раннего земледелия, умевших не только изготовливать керамику, но и возводить укреплённые поселения[95].

Первоначально считалось, что керамическое производство возникло в неолите Западной Сибири самостоятельно, самая древняя посуда была круглодонной и остродонной, украшена отступающе-накольчатым и прочерченным орнаментом; со временем она уступила лидирующее место плоскодонной, а также сосудам с гребенчатым декором. По этому принципу были построены основные схемы развития урало-западносибирского неолита[96], за исключением последних. Сейчас практически никто не оспаривает тезис о заимствовании лесным урало-западносибирским населением идеи производства посуды из глины у более развитых земледельческо-скотоводческих обществ Центра и Юга Евразии. Местное население объявляется праугорским и пра-самодийским, пришлое — предками индоевропейцев. Основным механизмом передачи неолитических новшеств считаются прямые переселения в лесостепную и лесную зоны степного населения, а также его последующие контакты с аборигенами Севера. Различаются только трактовки периферийных земледельческих центров, откуда на Урал и в Западную Сибирь пришла идея гончарства, а также хронологическое соотношение носителей круглодонной и плоскодонной посуды, определяющее главные миграционные волны на Север Евразии[97].

В качестве главного аргумента сторонниками «теории миграций» приводится наличие на всех лесостепных и лесных территориях плоскодонной посуды с прочерченными и отступающе-накольчатыми узорами. Керамика с ямочно-гребенчатой орнаментацией признаётся местной. При этом ими вообще не рассматриваются модели распространения идеи керамического производства, а также некоторых наиболее

стандартных форм посуды и её орнаментики на Севере Евразии, как следствия культурной диффузии, внешних культурных импульсов и влияний, многоступенчатых экономических контактов и этнических связей, этапных изменений в культуре и техническом развитии лесных обществ в целом и гончарстве, в частности, а не только в результате обычных прямых переселений древних коллективов с юга на север. Не исследуются механизмы широтных связей и конвергенции — независимого изобретения аборигенами края некоторых приёмов орнаментации и элементов декора, которые могли нести иную смысловую нагрузку. То же можно высказать в отношении генезиса некоторых видов каменного инвентаря, «круглоплановых» и мысовых посёлков, их фортификаций и жилой архитектуры, прообразы которых сторонники «миграционной» гипотезы усматривают не ближе и ни дальше, а только как на «периферийных территориях древнеземледельческой ойкумены»[98].

В соответствии со второй гипотезой, культуры и культурные типы северного неолита Западной Сибири являются составной частью неолитической урало-западносибирской культурной общности. Они формируются на местной мезолитической основе («мезолитический субстрат») при участии неолитических мигрантов с юга и развиваются в условиях тесных связей с неолитическими обществами Приаралья, Прикаспия, Алтая и других южных регионов. В качестве источниковой базы исследования привлекаются не только керамические комплексы, но и каменный инвентарь, домостроительство, социально-экономические системы. Данная гипотеза признаёт наличие культурных импульсов — «влияний» с юго-запада, юга и юго-востока, длительность процесса миграции, сложный многоплановый механизм связей Севера и Юга. Восприятие неолитических новаций населением тайги, согласно этой гипотезе, происходило не в результате быстрых и массовых переселений степняков вглубь тайги, а в процессе медленного продвижения (инфильтрации) степных групп в южную часть Урало-Западносибирского ареала. При этом переселенцы постепенно адаптировались к местным природно-климатическим и социально-экономическим условиям, вступали в длительное и разностороннее взаимодействие с аборигенами края, точнее с адаптировавшимися к местной среде в мезолите и начале неолита более ранними волнами пришельцев. Далее на север мигрировали, по-видимому, уже гетерогенные коллективы, и действовал механизм «культурной диффузии» — заимствования аборигенами Севера культурных достижений Юга Евразии. Одним из последствий

этой «диффузии» — в процессе многоступенчатых контактов местных и пришлых этносов, включая посредничество лесостепных групп, — является распространение в западносибирской тайге глиняной посуды[99]. Между культурами Севера и Юга отмечается высокая степень сходства по прочерчено-накольчатой керамике, но вместе с тем значительное различие в каменном инвентаре и домостроительстве.

В этом ключе с некоторыми нюансами, на наш взгляд, следует решать и проблему происхождения древнейших крепостей в таёжном Приобье.

Человечество всегда находилось в движении, осваивая все новые территории Старого и Нового Света за пределами его Прародины (восточная половина Африканского континента), выбирая — в каждой конкретной ситуации — наиболее удобные для проживания экологические ниши и районы планеты. По этой причине всё население севера Западной Сибири, по большому счёту, как и большинства других регионов земного шара, является пришлым. Тем не менее вряд ли можно всё новое население неолита и энеолита Зауралья и Западной Сибири считать потомками немногочисленных местных мезолитических общин, равно как заведомо ошибочно причислять все или почти все неолитические и энеолитические общества этого региона к мигрантам. В истории освоения Севера Евразии имело место множество разновременных миграционных волн. Характер, особенности и последствия этих переселений были неодинаковы. Кроме того, дело не ограничивалось одними миграциями. С продвижением людей на Север Евразии, формировались не только обычные коммуникации — торгово-обменные пути, но и информационные коридоры, позволявшие новшествам Юга проникать без обязательного притока нового населения в сибирскую тайгу. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов широтные связи восточно-европейских и урало-сибирских таёжных обществ.

В целом, я и мои коллеги, безусловно, признаём миграции и их большую роль в освоении Севера Западной Сибири, но считаем прямые дальние переселения, особенно меридиональные «марш-броски», пересекающие в сжатое время несколько природно-климатических зон Западной Сибири и прилегающих регионов, явлением маловероятным и недоказанным[100]. Освоение Севера Евразии было сложным, долговременным и многоступенчатым процессом. Вряд ли обитателям степей и пустынь, в том числе ранним земледельцам-скотоводам, можно было *в одночасье* забыть все старые навыки, отказаться от привычного уклада жизни, адаптироваться к условиям Севера, его суровому кли-

мату, развитой речной системе, повышенной влажности, бескрайним болотам, гнусу, дефициту каменного сырья, отсутствию металлических руд и превратиться в таёжных, а затем — арктических охотников, рыболовов и собирателей. В древности массовые переселения происходили преимущественно в широтном направлении, в пределах одной природно-климатической зоны, реже — в меридиональном, в рамках двух соседних подзон, а приспособление мигрантов к новой окружающей среде занимало значительное время. В периоды климатических оптимумов отдельные степные группы осваивали южную лесостепь, жители лесостепи мигрировали на кромку лесных массивов, северные коллективы перемещались в пределах южной, средней и северной тайги; часть общин таёжных охотников и рыболовов заходила в лесотундру. В периоды похолодания и резкого увлажнения намечалось обратное движение, но также относительно медленное и локальное. Великие переселения в истории человечества были весьма редки. В свете изложенного я считаю вполне логичными и допустимыми разновременные миграции небольших и разнообразных неолитических коллективов охотников-рыболовов из Поволжья, Казахстана, Средней Азии и Алтая по Уралу, Тоболу, Ишиму, Иртышу, Оби и другим рекам в зауральскую лесостепь, их длительную адаптацию к местным условиям и дальнейшее постепенное продвижение аборигенов и смешанного населения из западносибирской лесостепи и горно-лесного Зауралья на соседние таёжные территории. Однако повторю: прямые походы ранних земледельцев-скотоводов в западносибирскую тайгу из «круглоплановых» протогородских укреплённых центров Передней Азии и Юго-Восточной Европы с их развитой инфраструктурой, каменной и глинобитной архитектурой считаю невозможными.

При поиске исходных форм и аналогов неолитическим городищам западносибирской тайги можно обратиться к близким по времени обширным мысовым городищам с поперечными валами и рвами, укреплёнными камнем, а также большим круглоплановым неукреплённым селищам с глинобитной архитектурой, зафиксированным археологами у энеолитических племен общности культур Триполье—Кукутени, датирующейся, согласно традиционной хронологии и некалиброванным радиоуглеродным датам, V—IV тыс. до н. э. На высоких мысах, в том числе защищённых со стороны поля глубокими рвами и высокими валами, сооружались некоторые поселения культур Зимно—Злота и воронковидных кубков IV—сер. III тыс. до н. э. (Зимно, Винники). В культуре Зимно—Злота известны также большие сооружения в

виде концентрических рвов вокруг площадки ок. 300х90 м, которые считаются загонами для скота (Злота, Стжишов)[101]. Однако это сходство скорее формально-типологическое, случайное, чем реальное. В соседнем с Западной Сибирью Среднеазиатском регионе, равно как в Китае, в эпоху камня мысовые и кольцевые городища не существовали. Мысовые естественно и искусственно укреплённые посёлки встречаются практически везде, где имеется соответствующий рельеф местности; то же можно сказать о береговых, островных, болотных и горных укреплениях. Кольцевые фортификации и круговая расстановка жилищ наиболее эффективны для защиты поселений, расположенных на равнине, в местности со слабо выраженным рельефом. Кроме того, расстановка построек по кругу соответствуют планировке простейших первобытных селищ, размещению жилищ и других объектов вокруг центральной площадки с очагом. Такие кольцевые поселения встречаются повсеместно в Старом и Новом Свете во все времена и эпохи вплоть до современности. В этой связи привязывать кольцевую планировку всех лесных укреплений и культовых комплексов только к архитектурным традициям Ближнего Востока, по меньшей мере, неубедительно.

Бревенчатая деревоземляная архитектура вообще является продуктом лесных, а не степных и горных коллективов. Всё это свидетельствует скорее о местном генезисе неолитических городищ таёжного Приобья, чем о заимствовании идеи их строительства в центральных и южных регионах Евразии.

Частоколы также наиболее оптимальны и распространены в местностях, богатых строевым лесом, в первую очередь хвойными породами деревьев (сосна, лиственница, кедр). Вряд ли их стоит искать в евразийских степях, горных районах Юго-Восточной Европы, Передней и Центральной Азии. В данном конкретном случае палисады, по-видимому, являются изобретением местных западносибирских и зауральских лесных общин. Возможно, к открытию частокольных систем можно было подойти самостоятельно, без внешнего воздействия, в процессе сооружения свайных жилых, хозяйственных и культовых построек («амбарчики»), а также запорных устройств (запоры, заколы) на ручьях, реках и озёрах для постоянной и высокопроизводительной рыбной ловли. В Западной Европе (неолитические озёрные и «болотные» посёлки Швейцарии, Австрии, Франции, Италии, Великобритании, Ирландии, Дании и т. д.), Юго-Восточной Азии и других частях Старого Света к этой идее могли прийти путём строительства свайных

жилищ, плотин и запруд. В целом же частокольные конструкции в Западной Сибири были крайне редки до начала Средневековья, а в Зауралье — до раннего железного века.

Судя по топографии, архитектуре и размерам посёлков, а также находкам на них, западносибирские неолитические городища были явно полифункциональными. Это были центры общинных и, возможно, формирующихся племенных территорий, форпосты на новых освоенных землях, постоянные, а не временные убежища, стационарные круглогодичные поселения, места сосредоточения производственной, хозяйственной и, безусловно, культовой деятельности. Убедительных данных, что это были узкоспециализированные культовые центры, пока нет. Небольшие однодворные укрепления с одним—тремя жилищами стандартного размера являлись местами постоянного обитания и жизнедеятельности, по-видимому, одной или нескольких больших семей. На укреплённой площадке обитала, возможно, лишь часть населения посёлка. Находки ям, очагов, неолитической керамики и жилых объектов за пределами «цитадели» предполагают наличие здесь более обширной жилой и хозяйственно-бытовой зон со стационарными круглогодичными и лёгкими сезонными строениями.

В каких-то случаях малые укреплённые посёлки со временем трансформировались в большие городища. Даже самые ранние неолитические памятники таёжного Приобья, такие как Амня I, демонстрируют постоянное совершенствование оборонительных систем и развитие типа укреплённого посёлка — от малого «однодворного» укреплённого жилища к «цитадели» с «посадом» и затем, возможно, к большому двухплощадочному городищу. Такое могло происходить в условиях постоянной и реальной военной угрозы, роста численности общин, а также в процессе объединения нескольких коллективов в рамках одного, но более высокого уровня. В свою очередь, население нового социального центра должно было брать на себя функции защиты родственного населения, обитавшего в неукреплённых стойбищах и селищах вокруг «городков».

Поселения в тайге неоднократно горели, но восстанавливались и даже расширялись. Вряд ли их постоянные разрушения были следствием неких ритуальных действий — намеренного сожжения жилых объектов: по крайней мере, серьёзных аргументов в пользу этого пока не приведено. Отдельные жилища, как древние, так и средневековые погибали в результате набегов соседей и — в большинстве случаев — в результате обычных бытовых и лесных пожаров, затем руиниро-

вались и восстанавливались на новом месте. Тем не менее никто не говорит об их ритуальном уничтожении. Наоборот, среди коренного населения Западной Сибири распространён обычай сезонного оставления и сохранения жилищ при перемещении населения общины по своей хозяйственно-промысловой территории. Большие общинные и племенные капища, святилища, поминальные и иные культовые места эпохи неолита сооружались обычно на остатках древних поселений. Они всегда многослойные и внешне выглядят как курганы и холмы, чем отличаются от остатков обычных поселений. В целом же культовая практика органично входила в систему жизнедеятельности древнего населения и дополняла его основную производственно-бытовую сферу. Жизнь первобытных обществ была более рациональна, чем это представляется как далёким от истории людям, так и некоторым нашим археологам. Экзальтированная культовая практика характерна для поздних религиозных институтов и сект, а явно преувеличенная — для экранизаций псевдоисторических произведений.

В верхнем палеолите и мезолите стоянки и селища в таёжном Приобье были малы и единичны. Неолитические укрепления тоже сравнительно небольшие (260—900, реже — 1600—1900 кв. м), их немного, но всё же больше, чем в предыдущие эпохи. Это отражает общую демографическую ситуацию, сложившуюся в неолите во время *первого относительно массового освоения пространств западносибирской тайги.* Кроме того, ранние укрепления разнообразны по архитектуре. Они построены различными по происхождению и уровню развития коллективами. Помимо этого, разнообразие укреплений отражает многочисленные попытки создания оптимального варианта обороны посёлка для каждой конкретной территории. При этом защиты не от диких животных (или не столько от них), а от окружающей враждебной социальной среды. Для защиты от зверей было достаточно костра и обычного жилища. Появление укреплений — результат раздела и закрепления относительно свободных до того времени таёжных территорий в условиях жёсткой конкуренции между общинами. Причём конкуренции между коллективами мигрантов, аборигенов и, по-видимому, более многочисленных гетерогенных обществ. Строительство фортификаций, в том числе простейших защитных систем, не являлось простой забавой и пустой тратой времени. Это была необходимость, гарантировавшая выживание общины в условиях агрессивной среды обитания. Кроме того, достаточно мощные, по меркам Западной Сибири эпохи камня, укрепления типа городища Амня I

позднего периода — это наглядная демонстрация силы и высокого технического уровня создавшего их коллектива. Надо полагать, главной целью строительства первых крепостей в тайге была защита богатых рыболовных и охотничьих угодий, а не просто охрана людей. Дело в том, что основная часть населения первобытных обществ проживала на стоянках и неукреплённых селищах, а жизнь для «селян» была не менее ценна, чем для обитателей первых «городков».

Древнейшие укреплённые поселения Западной Сибири и их защитные системы были полифункциональны. Многофункциональность и часто «функциональная недифференцированность» вообще является характерной чертой всех ранних фортификаций[102], а также их элементов и укреплённых центров в целом[103]. Бревенчатые стены, заборы и частоколы, помимо своего основного оборонительного назначения, обозначали границы стационарного посёлка, защищали его жителей от дикой фауны, отчасти — от наводнений, ветров, оползней, эрозии грунтов и т. д. Валы первобытных городищ были не самостоятельными объектами, а только основными элементами фортификаций: они не возводились без оборонительных стен. Кроме того, валы в западносибирской тайге крайне редко являлись подиумами для возведения защитных стен, а в эпоху неолита вообще не использовались в таком качестве. Насыпи вокруг городищ, которые мы сейчас воспринимаем как валы, представляют собой остатки песчаных крепид основания бревенчатых стен разной конструкции (частокол, заплот, изгородь, дощатый забор и т. д.). Рвы неолитических укреплений, за исключением узких частокольных канав, в повседневной жизни чаще, чем основную (заградительную), выполняли дренажную и водоотводную функцию, оставаясь первоначальным местом добычи песка для возведения насыпей.

Сооружение укреплений — процесс трудоёмкий, технически сложный, планируемый, требующий чёткой организации труда и много свободного времени. Точнее времени, выкроенного за счёт выполнения главной задачи — обеспечения населения посёлка достаточным количеством продуктов. Особенно проблематично возведение фортификаций на сыпучих песчаных грунтах, да ещё и с набором всего лишь каменных орудий. Ведь для постройки жилищ и частоколов, а также создания открытого пространства перед укреплением на длину полёта стрелы (в соответствии с элементарными требованиями обороны посёлков) необходимо было срубить и обработать несколько сотен деревьев. Это было возможно только при существовании высокой социальной организации обществ, создававших такие укреплённые центры.

Следующий вопрос: почему в эпоху камня и бронзовом веке городища и укреплённые жилища далее всего «продвинулись» на север в Западной Сибири, чем на остальных территориях Евразии? Это было определено несколькими взаимосвязанными факторами. Главными из них мы считаем наличие обширной единой и разветвленной Обской водной системы, охватывающей несколько природно-климатических зон, простирающейся от среднеазиатских степей и предгорий Алтая до Ледовитого океана, от Уральских гор до Среднесибирского плоскогорья. Общеизвестно, что реки в древности служили не только постоянными источниками питьевой воды, но и водными путями, торгово-обменными коммуникациями, информационными коридорами. В свою очередь, равнинный характер местности, несмотря на её большую заболоченность, обеспечивал доступ первобытных коллективов к большей части западносибирских территорий. Таёжное Приобье обладало богатейшими биоресурсами (рыба, зверь, птица, дикоросы и т. д.). Здесь же было много качественного леса, использовавшегося в домостроительстве, «градостроительстве», при сооружении рыболовных запоров, охотничьих изгородей, изготовлении транспортных средств, орудий труда, утвари и много прочего. Климатические условия региона даже при значительных сезонных колебаниях и глобальных циклических изменениях были вполне терпимыми. По крайней мере, по сравнению с соседней Восточной Сибирью, отличавшейся самыми низкими на планете температурами и наличием на севере большой зоны магнитной аномалии, губительной для животных и здоровья людей. Кроме того, близость Средней Азии обусловила значительное смещение на Север Западной Сибири природно-климатических зон, включая лесостепь и тайгу. Остальные регионы Северной Евразии обладали некоторыми из приведенных характеристик, но не всей совокупностью, что выгодно отличает в этом плане Западно-Сибирскую равнину.

Следует заметить, что мысовые городища неолита выглядят практически так же, как средневековые. Рвы и частокольные канавы вокруг «однодворных» жилищ зачастую вообще не прослеживаются в рельефе. В этой связи вполне вероятно обнаружение городищ каменного века среди уже известных, но ещё не раскопанных памятников, при этом как однослойных монокультурных, так и многослойных разновременных. Для сравнения: укреплённые жилища эпохи бронзы археологи научились распознавать сравнительно недавно, в последнее десятилетие, и только в западной половине таёжного Приобья, хотя такие объекты многочисленны и распространены практически по всему Северу За-

падной Сибири. Кроме того, наличие ранних материалов и слоёв на городищах железного века до сих пор обычно трактуется как результат возведения укреплений на местах древних стоянок и неукреплённых селищ. В свете новых фактов весьма актуальна проверка новой гипотезы, а именно практики использования остатков неолитических фортификаций средневековым населением.

После неолита строительство укреплённых поселений на разных территориях западносибирской тайги имело разную судьбу. В энеолите, судя по стационарным поселениям и многочисленным кратковременным стоянкам на больших и малых реках Западной Сибири и Зауралья, увеличивается численность населения, причём как за счёт естественного его роста, так и, по-видимому, вследствие новых подвижек населения с юга, которое осваивает новые пространства лесостепи и южной тайги. Между тем укреплённые поселения в этот период на большей части Западной Сибири отсутствуют. В таёжном Приобье они единичны, и это, по-видимому, только простейшие малые укреплённые дома. Похоже, что на всём Севере Евразии, в отличие от Центра и Юга, энеолит являлся относительно мирным периодом. Городища в тайге по каким-то причинам в энеолите и начале эпохи бронзы вообще не прижились.

Первая половина и финал эпохи бронзы в Западной Сибири, наоборот, характеризовались двумя очередными периодами обострения военной напряжённости и передела земель. В это время городища появляются на громадных пространствах евразийских степей и в уралосибирской лесостепи. В таёжном Приобье в начале бронзового века продолжали возводиться только однодворные укреплённые жилища, в первую очередь окружённые рвом большие бревенчатые дома с дополнительной оборонительной стеной или без таковой. Кстати сказать, мощные деревоземляные укреплённые жилища и малые однодворные посёлки с «типовой» землянкой, ограждённой простейшей защитной стеной и рвом, являются также «ноу хау» таёжных общин. При этом, несмотря на то, что укреплённые жилища (как правило, каменные и глинобитные башенные) были широко распространены от древности до наших дней по всему Югу Евразии — от Балеарских островов до Китая, на Британских островах в начале эпохи железа существовали своеобразные каменные башни и укреплённые деревоземляные жилища (дуны), а также постройки на искусственных островках среди болот, окружённые частоколом (кранножи, кранноги — «жилые острова»)[104].

Новые, хотя и менее совершенные городища — береговые, мысовые

и «лесные» (в глубине террас) — сооружаются охотниками-рыболовами западносибирской тайги только в конце бронзового и самом начале железного веков (атлымские, барсовские, молчановские, белоярские, перегрёбнинские, калинкинские укрепления). Никакой преемственности между ними и неолитическими городищами не наблюдается. В западносибирской лесостепи и на южной кромке леса в эпоху бронзы первые городища (Камышное II, Черноозерское VI, Инберень X, Черноозерское I, Сибсаргатка IV, возможно, Хутор-Бор-1 и Ямсыса VII — ранние рвы — и др.) появляются у аборигенного и пришлого населения с комплексным производящим и присваивающим хозяйством явно под влиянием оборонного зодчества соседних степных скотоводческих племён. Здесь имело место как проникновение небольших групп скотоводов на север, в лесостепь, так и действовал механизм культурных заимствований в процессе товарообмена и этнокультурных контактов. В конце эпохи бронзы, на рубеже бронзового и железного веков новации в области «градостроительства» и домостроительства наследуются и обогащаются потомками этих смешанных общин (сузгунские, бархатовские, карьковские, красноозёрские, ирменские, завьяловские, гамаюно-иткульские, карагай-аульские городища).

Подведём итоги. *Укреплённые неолитические поселения Западной Сибири – явление неординарное. Это самые северные памятники такого типа, расположенные на Евразийском континенте и в целом на земном шаре, появившиеся в недрах первобытного общества, на средней стадии его развития. Уникальность ситуации усиливается и тем, что древнейшие укрепления таёжного Приобья были построены и, возможно, изобретены местными доклассовыми коллективами с исключительно присваивающим укладом хозяйства (рыболовство, охота, собирательство). Это отличает их от синхронных и более древних крепостей, протогородов, башенных жилищ и укреплённых храмовых комплексов, основанных ранними земледельцами-скотоводами Старого Света.*

Появление и развитие укреплённых поселений в лесной и лесостепной зонах Западной Сибири и Зауралья – своеобразное сочетание независимого возникновения в неолите – начале эпохи бронзы у местных таёжных обществ (охотники-рыболовы с присваивающим хозяйством переходного и высшего типов) разнообразных вариантов оборонительных систем вокруг отдельных жилищ и малых селищ, а также вероятного привнесения в эпоху бронзы в среду формирующихся гетерогенных лесостепных и южнотаёжных общин с

комплексной экономикой традиций строительства фортификаций южных соседей – скотоводов и земледельцев степей[153].

Главная причина появления и сохранения западносибирских неолитических укреплений – необходимость раздела и закрепления относительно свободных до того времени таёжных промысловых территорий в условиях жёсткой конкуренции между общинами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Маркевич В.И.** Памятники эпох неолита и энеолита // Археологическая карта Молдавской ССР. – Кишинёв: Штиинца, 1973. – Вып. 2. – С. 70; **Палагута И.В.** К проблеме формирования севeромолдавских памятников Триполья BI: (Исследование керамического комплекса поселения Старые Куконешты I) // Древности Евразии: Сб. статей. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 51; **Мелларт Дж.** Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Пер. с англ. и комм. Е.В. Антоновой; Предисл. Н.Я. Мерперта. – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – 149 с.; **Вулли Л.** Забытое царство / Пер. с англ. Е.Н. Самусь; Предисл. И.С. Клочкова. – М.: Наука, ГРВЛ, 1986. – 168 с.; **Монгайт А.Л.** Археология Западной Европы. Каменный век. – М.: Наука, 1973. – 356 с., ил.; **Монгайт А.Л.** Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. – М.: Наука, 1974. – 408 с.; **Массон В.М.** К эволюции оборонительных стен оседлых поселений // Краткие сообщения ИА АН СССР. – Вып. 108. – М.: Наука, 1966. – С. 33–44; **Массон В.М.** Первые цивилизации. – Л.: Наука, ЛО, 1989. – 280 с.; **Массон В.М.** Фортификация и общество в исторической перспективе // Фортификация в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1995. – С. 5–7; **Массон В.М., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Черныш Е.К.** Энеолит СССР // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. – М.: Наука, 1982. – 360 с.; **Мунчаев Р.М.** Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. – М.: Наука, 1975. – 416 с.; **Мерперт Н.Я.** Миграции в эпоху неолита и энеолита // Сов. археология.– М.: Наука, 1978. – № 3. – С. 9–28; **Мерперт Н.Я.** О планировке посёлков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) // Рос. археология. – М.: Наука, 1995. – № 3. – С. 28–46; **Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия) // Рос. археология.– М.: Изд-во ИА РАН, 1997. – № 2. – С. 5–28; **Джандиери М.И.** Древнее башенное оборонное жилище // Вестник древней истории. – М.: Наука, 1981. – № 2. – С. 118–155; История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / Под ред. И.М. Дьяконова. – М.: Наука, ГРВЛ, 1983. – Ч. 1: Месопотамия. – 536 с.; История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Наука, ГРВЛ, 1988. – Ч. 2: Передняя Азия. Египет. – 623 с.; **Бадер Н.О.** Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1989. – 368 с.; **Андреев Ю.В.** Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. – Л.: Наука, ЛО, 1989. – 231 с.; **Борзунов В.А.** Становление производящего хозяйства и генезис укреплённого поселения // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале: Сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1989. – С. 120–131; **Брей У., Трамп Д.** Археологический словарь / Пер. с англ. с доп. – М.:

Прогресс, 1990. — 368 с.; **Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Телль-Хазна I: раскопки 2001 года // Рос. археология. — М.: Наука, 2002. — № 4. — С. 20—39; **Boiral M., Joussaume R.** Prйhistoire en Vandйe: La Tranche-Sur-Mer avant notre иre. Dans son contexte regional. — Le Poirй-sur-Vie (Vendйe), 1990. — 143 p.; **Le Grand** Atlas de l'archйologie / Dir. du Chr. Scarre. — Paris, 1990. — 319 p.

[2] **Борзунов В.А.** Становление производящего хозяйства...— С. 123—124.

[3] **Халиков А.Х., Халикова Е.А.** Васильсурское поселение эпохи бронзы // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.; Л.: Изд-во ИА АН СССР, 1963. — № 110. — С. 239—268; **Бадер О.Н., Халиков А.Х.** Памятники балановской культуры — М.: Наука, 1976. — Свод археологических источников. — Вып. В1—25. — С. 78; **Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И.** Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. — С. 12—51; **Кондратьев О.М.** Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. — Вып. 15. — С. 17—19; **Викторов В.П., Борзунов В.А.** Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. — Вып. 15. — С. 19—23; **Потёмкина Т.М.** Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // Краткие сообщения ИА АН СССР. — М.: Наука, 1976. — Вып. 147. — С. 97—106; **Потёмкина Т.М.** Бронзовый век лесостепного Притоболья. — М.: Наука, 1985. — 376 с.; **Стефанова Н.К.** Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек. — Новосибирск: Наука, СО, 1985. — С. 54—62; **Генинг В.Ф., Стефанов В.И.** Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. — С. 67—111.

[4] **Борзунов В.А.** К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укреплённых жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. — Томск: Изд-во ТУСУР, 1997. — С. 224—236; **Борзунов В.А.** Новый ареал укреплённых жилищ на севере Евразии // Рос. археология. — М.: Наука, 1999. — № 4. — С. 5—23; **Борзунов В.А., Погодин А.А.** Раскопки укреплённого жилища Быстрый Кульёган 38 // Археологические открытия 2000 года. — М.: Наука, 2001. — С. 206—207; **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007—2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 184—220.

[5] См.: **Смирнов А.П., Мерперт Н.Я.** Из далёкого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. — М.: Госкультпросветиздат, 1954. — С. 21; **Генинг В.Ф., Пряхин А.Д.** Синташтинское поселение // Археологические открытия 1974 года. — М.: Наука, 1975. — С. 147; **Пряхин А.Д.** Поселения абашевской общности. — Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1976. — С. 23—24, 109; **Мерперт Н.Я.** О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы // Проблемы советской археологии. — М.: Наука, 1978. — С. 61—62; **Зданович Г.Б.** Бронзовый век Урало-Казахстанских степей: основы периодизации. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. — С. 22—60; **Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.** Синташта (археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей). — Челябинск: Южно-Уральское изд-во, 1992. — Т. 1. — 408 с.; **Зданович Г.Б., Батанина И.М.**

«Страна городов» — укреплённые поселения эпохи бронзы XVIII — XVI вв. до н. э. на Южном Урале // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. — Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 1995. — С. 54—62; **Зданович Г.Б.** Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // Рос. археология. — М.: Наука, 1997. — № 2. — С. 47—62; **Зданович Г.Б., Малютина Т.С.** Укреплённое поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. — Челябинск: ООО «Рифей», 2004. — С. 56—61; **Зданович Г.Б., Малютина Т.С.** Поселение Берсуат // Челябинская область. Энциклопедия. — Челябинск: Каменный пояс, 2004. — Т. I (А — Г). — С. 369; **Зданович Г.Б., Зданович Д.Г.** Проблема освоения евразийских степей в эпоху бронзы и «Страна городов» Южного Урала // Археология Урала и Западной Сибири (К 80—летию со дня рождения Владимира Фёдоровича Генинга). — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. — С. 110—128; **Ткачёва Н.А., Ткачёв А.А.** К вопросу об укреплённых поселениях Урало-Иртышского междуречья эпохи бронзы // Комплексные общества Центральной Азии в III — I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. — Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 1999. — С. 219—226.

[6] **Худяков Ю.С.** Фортификация в Центральной Азии: Препринт. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. — С. 6, 16; **Худяков Ю.С.** Древние и средневековые фортификационные сооружения в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1995. — С. 62; **Худяков Ю.С.** Из истории фортификации в Западной и Южной Сибири // Великий подвиг народа: Тез. докл. — Екатеринбург: Волот, 1995. — С. 25; **Готлиб А.И.** Сооружение-све эпохи ранней бронзы на горе Устанах (к вопросу о возникновении и интерпретации памятников-све в Хакасии) // Проблемы изучения окуневской культуры. — СПб.: Изд-во СПб гос. ун-та, 1995. — С. 29—32; **Готлиб А.И.** Горные архитектурно-фортификационные сооружения окуневской эпохи в Хакасии // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. — СПб.: Петро—РИФ, 1997. — С. 134—151; **Готлиб А.И.** Исследование горного сооружения («све») Чебаки на севере Хакасии // Археологические открытия 1996 года. — М.: Наука, 1997. — С. 312—314; **Готлиб А.И.** Горные сооружения-«све» — новый вид археологических источников в Минусинской котловине // Степи Евразии в древности и средневековье.— СПб.: Госэрмитаж, 2002. — Кн. I. — С. 129—133; **Готлиб А.И.** Горные архитектурно-фортификационные сооружения Евразии (историко-культурный аспект) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Мат-лы Всеросс. конф. с междунар. участием, посвящённой 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова.— Иркутск: Оттиск, 2007. — Т. 1. — С. 175—179.

[7] **Бадер О.Н.** Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. (Предварительное сообщение) // Краткие сообщения ИИМК АН СССР. — М.: Наука, 1947. — Вып. XVI. — С. 139—147; **Бадер О.Н.** Археологические исследования на Урале в 1946 г. // Краткие сообщения ИИМК АН СССР. — М.: Наука, 1948. — Вып. XX. — С. 78—81; **Бадер О.Н.** Неолитическая стоянка на р. Полудёнке близ г. Тагила // Первое Уральское археологическое совещание. — Молотов: Молотовский гос. ун-т, 1948. — С. 37—40; **Бадер О.Н.** Новый тип неолитического поселения на Урале // Сов. этнография. — М.: Наука, 1949. — № 2. — С. 144—150.

[8] **Косинская Л.Л.** Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таёжная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — С. 70**; Косинская Л.Л.** Неолит таёжной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24—30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. — Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. — С. 22; **Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Беспрозванный Е.М.** Радиоуглеродная хронология археологических памятников таёжной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 17—32.

[9] **Косинская Л.Л.** Неолит таёжной зоны... — С. 22.

[10] **Зах В.А.** К вопросу о боборыкинской культуре // Роль Тобольска в освоении Сибири. — Тобольск, 1987. — С. 11—13; **Зах В.А.** Периодизация неолита Притоболья // Археологические культуры и культурно-хронологические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археологического совещания. — Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН; Изд-во УрГУ, 1993. — С. 59—60; **Зах В.А.** Боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Сибири. — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та. — 1995. — С. 26—27; **Зах В.А.** Эпоха бронзы Присалаирья: (по материалам Изылинского микрорайона). — Новосибирск: Наука, СО, 1997. — 132 с.; **Косинская Л.Л.** О схемах развития северного неолита // Обские угры. — Тобольск; Омск: Изд-во Омс. гос. пед. ун-та, 1999. — С. 38—41; **Косинская Л.Л.** Керамические комплексы в неолите... — С. 68—70**.**

[11] **Ковалёва В.Т.** О роли кошкинской и боборыкинской культур в культурогенезе северных районов Зауралья и Западной Сибири // II Северный археологический конгресс: Тез. докл. 24—30 сентября 2006. — Екатеринбург: Чароид, 2006. — С. 55; См. также: **Ковалёва В.Т.** Поселение Сумпанья III и проблема культурно-хронологической атрибуции памятников кошкинского типа в таёжной зоне Западной Сибири // Барсова Гора: Древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 126—133.

[12] **Морозов В.М., Стефанов В.И.** Исследования в бассейне реки Казым // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. — С. 155—158; **Морозов В.М., Стефанов В.И.** Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. — Вып. 21. — С. 143—169; **Стефанов В.И., Морозов В.М.** Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. — Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1992. — С. 77—91; **Борзунов В.А.** Укреплённые поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. I. — С. 207—210; **Стефанов В.И., Борзунов В.А., Погодин А.А., Корочкова О.Н.** Городище каменного века Амня I: новые данные // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Челябинск: Рифей, 1999. — С. 43—44; **Стефанов В.И., Борзунов В.А.** Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 гг.) // Барсова Гора: Древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральск. изд-во, 2008. — С. 93—111; **Kosinskaya L.L.** The Neolithic period of North-Western Siberia: The question of southern connections // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and archaeological considerations. — Helsinki: Suomaiais-Ugrilainen Seura, 2001. — P. 269, fig. 4, 5; **Косинская Л.Л.** Неолит таёжной зоны... —

С. 16–17, 19–22; **Косинская Л.Л.** Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников Севера Западной Сибири) // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 2010. – № 2 (27). – С. 13–24.

[13] Видовое определение выполнено сотрудником Института цитологии растений и животных УрО РАН канд. биол. наук П.А. Косинцевым.

[14] **Стефанов В.И., Морозов В.М.** Энеолитический памятник... – С. 77–91; **Стефанов В.И.** Новые материалы по энеолиту Приказымья // Материалы по археологии Обь-Иртышья. – Сургут: РИО Сургутского гос. пед. ин-та, 2001. – С. 18–25; **Стефанов В.И., Морозов В.М., Погодин А.А.** Кирип-Вис-Юган 2 – памятник амнинского типа (К вопросу о неолите Приказымья) // Источники по археологии Западной Сибири. – Сургут: Изд-во Сургутского гос. пед. ин-та, 2005. – С. 19–33; **Стефанов В.И., Борзунов В.А.** Неолитическое городище Амня I... – С. 94, 109.

[15] **Морозов В.М., Стефанов В.И.** Амня I... – С. 168.

[16] **Стефанов В.И., Борзунов В.А.** Неолитическое городище Амня I... – С. 109–110.

[17] **Бессмертных А.Н., Карачаров К.Г.** Экспертные работы в Нижневартовском и Сургутском районах Тюменской области // Археологические открытия 1995 года. – М.: Наука, 1996. – С. 314–315; **Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.** Река Аган и её обитатели. – Екатеринбург; Нижневартовск: Изд-во УрО РАН; Студия «Графо», 2006. – С. 46–47; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. – С. 15.

[18] **Иваськo Л., Кондрашёв А.** Укреплённое поселение каменного века городище Каюково 2 // Вестник культуры. – Ханты-Мансийск, 2001. – № 21. – С. 3.

[19] **Иваськo Л., Кондрашёв А.** Укреплённое поселение каменного века... – С. 2–3; **Иваськo Л., Кардаш О.** По следам огня: Открытие нового городища каменного века // Родина. – М., 2002. – Специальный вып.: Тропою стран полуночных. Международный Северный археологический конгресс, г. Ханты-Мансийск. – С. 40–42; **Иваськo Л.В.** Укреплённое поселение каменного века Каюково 2 // Мат-лы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 7–25; **Иваськo Л.В.** Неолитическое городище Каюково 2 в Среднем Приобье // Северный археологический конгресс: Тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. – С. 52–54; **Иваськo Л.В.** Раскопки укреплённого поселения каменного века Каюково II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 228–229; **Иваськo Л.В.** О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: Древности таёжного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Уральск. изд-во, 2008. – С. 112–122.

[20] **Иваськo Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... – С. 7.

[21] **Иваськo Л., Кардаш О.** По следам огня... – С. 41; **Иваськo Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... – С. 7–25; **Иваськo Л.В.** Неолитическое городище Каюково 2... – С. 52–54; **Иваськo Л.В.** Раскопки укреплённого поселения... – С. 228–229.

[22] **Иваськo Л., Кардаш О.** По следам огня... – С. 41; **Иваськo Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... – С. 9–14; **Иваськo Л.В.** Неолитическое городище Каюково 2... – С. 53; **Иваськo Л.В.** О каюковской археологической культуре... – С. 112.

[23] **Иваськo Л.В.** Раскопки укреплённого поселения ... – С. 228; **Иваськo Л.В.** О каюковской археологической культуре... – С. 112.

[24] **Иваськo Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... – С. 14.

[25] **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 11.

[26] **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 23.

[27] **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 14; **Ивасько Л.В.** Раскопки укреплённого поселения... — С. 228; **Ивасько Л., Кондрашёв А.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 3.

[28] **Ивасько Л., Кондрашёв А.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 3; **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 16—20; **Ивасько Л.В.** Неолитическое городище Каюково 2... — С. 53; **Ивасько Л.В.** Раскопки укреплённого поселения... — С. 228—229; **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре... — С. 113—117.

[29] Часть сосудов поселения Барсова Гора II/9, первоначально отнесенных к керамике барсовогорского типа бронзового века (См.: **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — Ил. 7 — *9, 12, 13, 17, 19, 20*), по заключению В.И. Стефанова, в действительности являются неолитическими и сходны с керамикой городища Амня I. После возобновления раскопок поселения это в основном признал Ю.П. Чемякин, который отметил сходство его посуды с каюковской (**Чемякин Ю.П.** Барсова Гора... — С. 15; **Чемякин Ю.П.** О «новом» типе неолитических памятников в Сургутском Приобье // XVIII Уральское археологическое совещание: Культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа: Изд-во Башкир. гос. пед. ун-та, 2010. — С. 360—361.

[30] **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 22—23.

[31] **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 22; **Ивасько Л.В.** Неолитическое городище Каюково 2... — С. 54; **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре... — С. 121, табл. I.

[32] **Ивасько Л., Кондрашёв А.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 3.

[33] **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 22; **Ивасько Л.В.** Неолитическое городище Каюково 2... — С. 54.

[34] **Ивасько Л., Кардаш О.** По следам огня... — С. 41.

[35] **Ивасько Л.В.** Раскопки укреплённого поселения... — С. 229.

[36] **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре... — С. 120.

[37] **Ивасько Л., Кардаш О.** По следам огня... — С. 41.

[38] **Ивасько Л., Кардаш О.** По следам огня... — С. 41; **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 14.

[39] **Ивасько Л.В.** Неолитическое городище Каюково 2... — С. 53; **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре... — С. 112.

[40] **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре... — С. 112.

[41] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. — Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. — Ил. 19.

[42] **Ивасько Л., Кардаш О.** По следам огня... — С. 41—42.

[43] **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 23.

[44] **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре... — С. 112.

[45] **Ивасько Л., Кардаш О.** По следам огня... — С. 41—42; **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 23—24; **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре... — С. 112, 120.

[46] **Ковалёва В.Т.** Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. — С. 29—47; **Ковалёва В.Т.** О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит — начало бронзового века) // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. — Вып. 21. — С.5—23; **Ковалёва В.Т.** Проблема этнической идентификации населения ташковской культуры // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1995. — Ч. I: Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. — Кн. 1. — С. 69—72; **Ковалёва В.Т.** Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. — 131 с.; **Ковалёва В.Т.** Ташковская культура // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН; «Екатеринбург», 1998. — С. 510—511; **Ковалёва В.Т.** Космогония и жертвоприношения: (по материалам поселений ташковской культуры) // 120 лет археологии Восточного Урала. Первые чтения памяти Владимира Фёдоровича Генинга. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. — Ч. 1. — С. 65—69; **Ковалёва В.Т., Штадлер М.Ю.** Палеоэкономическая реконструкция поселения раннего бронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. — Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1989. — С. 153—164; **Ковалёва В.Т., Приходченко И.А.** Проблема генезиса ташковской культуры Нижнего Притоболья // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Уфа: Восточный университет, 1996. — Ч. I. — С. 19—21; **Ковалёва В.Т.** Ташковская культура // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, «Екатеринбург», 1998. — С. 510—511; **Ковалёва В.Т., Рыжкова О.В.** Поселения с кольцевой планировкой в Нижнем Притоболье (ташковская культура) // Комплексные общества Центральной Азии в III — I тыс. до н. э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. — Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 216—219; **Ковалёва В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В.** Ташковская культура: Поселение Андреевское Озеро XIII. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. — 160 с.

[47] **Борзунов В.А.** Укреплённые жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа. — Екатеринбург: Волот, 1995. — С. 19—24; **Борзунов В.А.** К вопросу о генезисе и функции... — С. 224—236; **Борзунов В.А.** Самый северный на земном шаре ареал распространения укреплённых жилищ // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Уфа: Восточный университет, 1996. — Ч. II. — С. 21—23; **Борзунов В.А.** Новый ареал укреплённых жилищ... — С. 5—23; **Шатунов Н.В.** Укреплённое жилище // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2005. — Т. 4 (дополнительный): А—Я. — С. 321.

[48] **Косинская Л.Л.** О схемах развития северного неолита... — С. 38**; Косинская Л.Л.** О некоторых традициях домостроительства на севере Западной Сибири // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Оренбург: Изд-во ООО «Оренбургская губерния», 2000. — С. 46; **Косинская Л.Л.** Работы Северотаёжной экспедиции Уральского ГУ на севере Тюменской области // Археологические открытия 2001 года. — М.: Наука, 2002. — С. 433; **Косинская Л.Л.** Жилища поселения Быстрый Кульёган 66 // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. — Сургут: Диорит, 2004. — С. 226.

[49] **Борзунов В.А., Ковригин А.А., Погодин А.А. Сергеев А.С., Стефанов В.И.** Разведка в зонах нефтепромыслов Сургутского района // Археологические открытия 1995 года. — М.: Наука, 1996. — С. 317—320.

[50] **Косинская Л.Л.** О некоторых традициях домостроительства... — С. 46—47; **Косинская Л.Л.** Керамические комплексы в неолите... — С. 61—71; **Косинская Л.Л.** Памятники быстринского типа в Сургутском Приобье: (эпоха неолита) // Материалы по археологии Обь-Иртышья. — Сургут: РИО Сургут. гос. пед. ин-та, 2001. — С. 12—17; **Косинская Л.Л.** Работы Северотаёжной экспедиции... — С. 431—433; **Косинская Л.Л.** О структуре жилища-полуземлянки (по археологическим и этнографическим данным таёжной зоны) // Северный археологический конгресс: Тез. докл. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. — С. 194—195; **Косинская Л.Л.** Жилища поселения Быстрый Кульёган 66... — С. 226—241; **Косинская Л.Л.** Неолит таёжной зоны... — С. 16—24. Ил. 6, 7, 14; **Kosinskaya L.L.** The Neolithic period... — P. 269 Fig. 8—10; **Дубовцева Е.Н.** Керамика быстринского культурного типа // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Мат-лы региональной археолого-этнографической студенческой конф. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ин-та, 2000. — Т. I. — С. 62—64; **Литвиненко М.Н.** Поселение Быстрый Кульёган 66 — новый источник по эпохе неолита Сургутского Приобья: (каменный инвентарь) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Мат-лы региональной археолого-этнографической студенческой конф. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 2000. — Т. I. — С. 74—76; **Баранов Ю.М., Косинская Л.Л.** Компьютерная реконструкция жилищного комплекса неолитического поселения Быстрый Кульеган 66 // Северный археологический конгресс: Тез. докл. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. — С. 337—338; **Косинская Л.Л., Чемякин Ю.П., Зайцева Г.И.** Радиоуглеродные даты с археологических памятников из окрестностей Сургута // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. — С. 141—142; Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Колл. монография; Под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. — Екатеринбург; Сургут: Уральск. изд-во, 2006. — 192 с.

[51] **Косинская Л.Л.** О некоторых традициях домостроительства... — С. 46.

[52] **Косинская Л.Л.** О некоторых традициях домостроительства... — С. 46; **Косинская Л.Л.** Памятники быстринского типа... — С. 12; **Косинская Л.Л.** Работы Северотаёжной экспедиции... — С. 431—432.

[53] **Косинская Л.Л.** О некоторых традициях домостроительства... — С. 46—47.

[54] **Косинская Л.Л.** Жилища поселения Быстрый Кульёган 66... — С. 226—241; **Косинская Л.Л.** Неолит таёжной зоны... — С. 17, 23. Цветные ил. между с. 16 и 17; Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 32—39.

[55] **Косинская Л.Л.** Жилища поселения Быстрый Кульёган 66... — С. 236, 238, 240, 241; Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 32—34.

[56] **Косинская Л.Л.** Жилища поселения Быстрый Кульёган 66... — С. 240.

[57] **Косинская Л.Л.** Керамические комплексы в неолите... — С. 62—68; **Косинская Л.Л.** Памятники быстринского типа... — С. 12—17; **Kosinskaya L.L.** The Neolithic period... — P. 269. Fig. 8—10; **Дубовцева Е.Н.** Керамика быстринского культурного типа... — С. 62—64; **Литвиненко М.Н.** Поселение Быстрый Кульеган 66... — С. 74—76; Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 13—31.

[58] 5930±90, 5910±130, 5725±70, 5560±100, 5780±130, 6150±210 л. н. (шифры образцов: ЛЕ—5335, ЛЕ—5336, ЛЕ—5337, ЛЕ—5690, ЛЕ—5689, ЛЕ—5680).

[59] **Косинская Л.Л.** О некоторых традициях домостроительства... — С. 46; **Косинская Л.Л.** Работы Северотаёжной экспедиции... — С. 433; **Косинская Л.Л.** Жилища поселения Быстрый Кульёган 66... — С. 226; **Kosinskaya L.L.** The Neolithic period... —

Р. 269; **Косинская Л.Л., Чемякин Ю.П., Зайцева Г.И.** Радиоуглеродные даты... — С. 141—142.

[60] Поселение Быстрый Кульеган 66... — С. 61.

[61] **Борзунов В.А.** Новый ареал укреплённых жилищ... — С. 5—23; **Шатунов Н.В.** Укреплённое жилище... — С. 321.

[62] **Погодин А.А., Миронов П.В.** Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытья 57 в Советском районе ХМАО — Югры (по материалам исследований 2007—2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 132—167; **Погодин А.А.** Поселение Большая Умытья 9: результаты полевых исследований 2007—2008 гг. в Советском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 146—183.

[63] **Погодин А.А.** Поселение Большая Умытья 9... — С. 146—160, 169—174. Ил. 1, 2, 5, 15.

[64] **Погодин А.А.** Поселение Большая Умытья 9... — С. 160—169. Ил. 7—14.

[65] Жилище поселения Сумпанья IV: 6520±70, 6590±70, 6850±60 л. н. (ЛЕ—1813, ЛЕ—1814, ЛЕ—1440); жилище поселения Сумпанья VI: 6100±70 л. н. (ЛЕ—2540) (**Гаджиева Е.А.** Неолит бассейна р. Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 1993. — С. 10).

[66] **Гаджиева Е.А.** Неолит бассейна р. Конды... — С. 10; **Гаджиева Е.А.** Сумпаньинская группа памятников // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН; «Екатеринбург», 2000. — 2-е изд. — С. 515; **Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Беспрозванный Е.М.** Радиоуглеродная хронология археологических памятников... — С. 21; **Погодин А.А.** Поселение Большая Умытья 9... — С. 169.

[67] **Погодин А.А., Миронов П.В.** Предварительные результаты... — С. 132—167.

[68] **Погодин А.А., Миронов П.В.** Предварительные результаты... — С. 147, 154.

[69] Постройка: 6590±90, 6680±130, 7060±80, 7070±95 л. н. (шифры образцов: СОАН—5719, СОАН—5720, СОАН—6229, СОАН—6230); яма: 6790±110 л. н. (СОАН—6228).

[70] **Иваськo Л.В.** О каюковской археологической культуре... — С. 112—113, 117—121. Табл. II.

[71] **Горбунова Т.А., Толпеко И.В.** Раскопки в Усть-Тарском археологическом микрорайоне // Археологические открытия 2001 г. — М.: Наука, 2002. — С. 405.

[72] **Горбунова Т.А., Толпеко И.В.** Раскопки в Усть-Тарском археологическом микрорайоне... — С. 406.

[73] Ср.: **Борзунов В.А.** Укреплённые жилища Зауралья и Западной Сибири... — С. 19—24; **Борзунов В.А.** К вопросу о генезисе и функции... — С. 224—236; **Борзунов В.А.** Новый ареал укреплённых жилищ... — С. 5—23; **Шатунов Н.В.** Укреплённое жилище... — С. 321.

[74] **Боч С.Г.** Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. — М.; Л., 1937. — Т. 5. — С. 150; **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 12—14; **Старков В.Ф.** Работы Западносибирского отряда МГУ // Археологические открытия 1968 года. — М.: Наука, 1969. — С. 194—196; **Васильев Е.А.** Исследования в Нижнем Приобье // Археологические открытия 1983 года. — М.: Наука, 1985. — С. 193; **Васильев Е.А.** Раскопки поселения Чэс-тый-яг // Археологические открытия 1985

года. — М.: Наука, 1987. — С. 228—229; **Васильев Е.А.** Поздний неолит Нижнего Приобья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. — М.: Наука, 1987. — С. 59—60; **Васильев Е.А.** Проблемы реконструкции социальных отношений древних обществ таёжной полосы Западной Сибири: (неолитическая эпоха) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. — С. 40—42; **Васильев Е.А.** Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 296—301.

[75] **Васильев Е.А.** Раскопки неолитического поселения... — С. 301.

[76] **Тимофеев В.И., Зайцева Г.И.** Список радиоуглеродных датировок неолита // Неолит Северной Евразии. — М.: Наука, 1996. — С. 337—348.

[77] **Баранов М.Ю.** К истории изучения Полуденских холмов в XIX — середине XX вв. // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. — Вып. 25. — С. 114—124.

[78] **Старков В.Ф.** О так называемых богатых буграх в лесном Зауралье // Вестник МГУ: Сер. ист. — М.: Изд-во МГУ, 1969. — № 5. — С. 72—77; **Шорин А.Ф.** О «чудских буграх» Среднего Зауралья: стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма // Урал в прошлом и настоящем: Мат-лы науч. конф. — Екатеринбург: НИСО УрО РАН, БКИ, 1998. — Ч. I. — С. 134—137; **Шорин А.Ф.** Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма // Рос. археология. — М.: Наука, 2000. — № 3. — С. 88—101; **Ковалёва В.Т.** Неолит Среднего Зауралья. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. — С. 23; **Шорин А.Ф.** Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок 1995, 1997—1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири.— Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — С. 162—199; **Шорин А.Ф.** Кокшаровский холм: Святилище на холме // Культовые памятники горно-лесного Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. — С. 87—94; **Шорин А.Ф.** Кокшаровский холм — новый тип культовых комплексов в Северной Евразии // Образы и сакральное пространство древних эпох. — Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. — С. 87—102; **Баранов М.Ю.** К истории изучения Полуденских холмов... — С. 123—127; **Панина С.Н.** Археологические исследования на Усть-Вагильском холме: (2005—2006 гг.) // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. — Вып. 25. — С. 137—146; **Шорин А.Ф., Вилисов Е.В.** Объект № 15 кошкинской культуры Кокшаровского холма: версии использования // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. — Вып. 25. — С. 128—136; **Сладкова Л.Н.** Чёртова Гора — неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. — Вып. 25. — С. 147—148, 155—156.

[79] **Бадер О.Н.** Новые раскопки близ Тагила... — С. 139—147; **Бадер О.Н.** Археологические исследования на Урале... — С. 78—81; **Бадер О.Н.** Неолитическая стоянка на р. Полудёнке... — С. 37—40; **Бадер О.Н.** Новый тип неолитического поселения... — С. 144—150; **Раушенбах В.М.** Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Тр. ГИМ. — Вып. 29. — М.: Госкультпросветиздат, 1956. — 15—19; **Кипарисова Н.П.** Новые данные об археологических памятниках Тагильского края // Учёные записки Молотовского государственного ун-та им. А.М. Горького. — Молотов, 1956. — Т. XI, Вып. 3. — С. 116—117; **Герасименко А.А.** Керамический комплекс из жилища 1 на стоянке Полуденка I // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание:

Тез. докл. — Пермь: Изд-во Пермс. гос. ун-та, 2003. — С. 43—45; **Баранов М.Ю.** К истории изучения Полуденских холмов... — С. 121—124. Ил. 5.

[80] **Раушенбах В.М.** Среднее Зауралье... — С. 15—19; **Ковалёва В.Т.** Неолит Среднего Зауралья... — С. 19, 38; **Ковалёва В.Т.** Полуденка I; Полуденская культура // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, «Екатеринбург», 1998. — С. 420; **Арефьев В.А.** Прочерченно-накольчатая керамика неолитических поселений Тагильского Зауралья // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. — С. 31—33.

[81] **Герасименко А.А.** Керамический комплекс из жилища 1... — С. 43—44.

[82] **Раушенбах В.М.** Среднее Зауралье... — С. 15—19.

[83] **Ковалёва В.Т.** Полуденка I; Полуденская культура... — С. 420; **Сериков Ю.Б.** Комплекс каменных изделий из жилища неолитической стоянки Полуденка I // Сов. археология. — М.: Наука, 1981. — № 1. — С. 261—265.

[84] **Ковалёва В.Т.** Неолит Среднего Зауралья... — С. 45, 47.

[85] **Гусенцова Т.М.** Новомултанское неолитическое поселение // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. — Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1977. — С. 63—85; **Голдина Р. Д., Гусенцова Т.М.** Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. — Ижевск: Изд-во НИИ при Совмине УдмАССР, 1979. — С. 33—102; **Гусенцова Т.М.** Некоторые аспекты изучения поселений эпохи мезолита и неолита в бассейне р. Вятки // Новые источники по древней истории Приуралья. — Устинов: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1985. — С. 3—14; **Гусенцова Т.М.** Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. — Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1993. — С. 99—101, 192—194, 221—224. Ил. 71—74, 142, 143; **Гусенцова Т.М.** Периодизация неолитических памятников бассейна р. Вятки // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. докл. — СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2000. — С. 21—23; **Голдина Р.Д.** Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 1999. — С. 71—90.

[86] **Гусенцова Т.М.** Новомултанское неолитическое поселение... — С. 65—66; **Гусенцова Т.М.** Некоторые аспекты ... — С. 9; **Гусенцова Т.М.** Мезолит и неолит... — С. 224.

[87] **Голдина Р.Д.** Древняя и средневековая история... — С. 73—76.

[88] **Матющенко В.И., Чемякин Ю.П., Борзунов В.А.** Поселения и жилища Западной Сибири эпох мезолита, неолита и времени перехода к эпохе бронзы. Лесная полоса // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. I. — С. 90—103; **Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.** Поселения и постройки культур эпохи поздней бронзы северной тайги Западной Сибири // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. I. — С. 176—190; **Борзунов В.А., Матющенко В.И.** Поселения и постройки рубежа бронзового и железного веков культур крестовой керамики // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. I. — С. 190—202; **Чемякин Ю.П.** Поселения и постройки раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. I. — С. 275—295.

[89] **Васильев Е.А.** Миграционные процессы в таёжной полосе Западной Сибири в энеолитическую эпоху: (причина и динамика) // Смены культур и миграции в За-

падной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. — С. 13—14; **Зах В.А.** Неолит и бронзовый век Присалаирья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 1990. — 22 с.; **Ковалёва В.Т.** К.В. Сальников и проблема изучения боборыкинской культуры // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Челябинск: Рифей, 1999. — С. 25—27; **Ковалёва В.Т., Зырянова С.Ю.** Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург; Сургут; Изд-во «Магеллан, 2008. — Вып. 25. — С. 112.

[90] **Ковалёва В.Т., Зырянова С.Ю.** Историография и обзор основных памятников... — С. 114.

[91] **Васильев Е.А.** К проблеме среднеазиатско-западносибирских связей в неолитическую эпоху // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1991. — С. 31—33; **Зах В.А.** Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. — С. 15—16; **Зах В.А.** К проблеме неолитизации Западной Сибири // AB OVO: проблемы генезиса культуры. — Тюмень: Изд-во Тюменс. гос. ун-та, 2005. — С. 60—70.

[92] **Ивасько Л., Кардаш О.** По следам огня... — С. 41—42; **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 23—24; **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре... — С. 120—121.

[93] **Морозов В.М., Стефанов В.И.** Амня I — древнейшее городище... — С. 166, 168; **Ковалёва В.Т.** О роли кошкинской и боборыкинской культур... — С. 55.

[94] **Ковалёва В.Т.** Неолит Среднего Зауралья... — С. 14—16, 61—63; **Ковалёва В.Т.** К.В. Сальников и проблема изучения боборыкинской культуры... — С. 25—26; **Ковалёва В.Т.** О роли кошкинской и боборыкинской культур... — С. 55; **Ковалёва В.Т., Зырянова С.Ю.** Историография и обзор основных памятников... — С. 109, 112. Ил. 29.

[95] **Ковалёва В.Т., Зырянова С.Ю.** Неолит Среднего Зауралья: (Боборыкинская культура). — Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2010. — С. 22, 268, 288, 295.

[96] **Чернецов В.Н.** К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. — М.: Наука. 1968. — С. 41—53; **Бадер О.Н.** Уральский неолит // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Наука, 1970. — № 166. — С. 157—171; **Старков В.Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. — М.: Наука, 1980. — 218 с.; **Ковалёва В.Т.** Неолит Среднего Зауралья... — 80 с.

[97] **Зах В.А.** Эпоха неолита и раннего металла... — С. 15—16; **Ковалёва В.Т.** К.В. Сальников и проблема изучения боборыкинской культуры... — С. 25—27.

[98] См., например: **Ивасько Л.В.** Укреплённое поселение каменного века... — С. 23 — 24; **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре ... — С. 112—120.

[99] **Глушков И.Г., Собольникова Т.Н.** Гончарные традиции низовьев Конды в эпоху неолита // Проблемы неолита — энеолита юга Западной Сибири. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. — С. 108—122; **Косинская Л.Л.** О схемах развития... — С. 39—40; **Косинская Л.Л.** Неолит Севера Западной Сибири: проблема южных связей // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Челябинск: Рифей, 1999. — С. 27—28; **Косинская Л.Л.** Неолит севера Западной Сибири // Тверской археологический сборник. — Тверь, 2002. — Вып. 5. — С. 215—223; **Косинская Л.Л.** О некоторых проблемах неолитоведения Урала и Западной Сибири // Северный археологический конгресс: Докл. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. — С. 172—178; **Косинская Л.Л.** Неолит таёжной зоны... — С. 21—23; **Косинская Л.Л.** Сырьевая стратегия и камнеобработка... — С. 13—15, 23—24.

[100] **Косинская Л.Л.** Неолит севера Западной Сибири... — С. 215—223; **Косинская Л.Л.** Неолит таёжной зоны... — С. 22—23; **Корякова Л.Н.** Ещё одно издание материалов Барсовой горы (Барсова Гора: Древности таёжного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. — Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 343—344.

[101] **Массон В.М., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Черныш Е.К.** Энеолит СССР... — С. 166—231, 256, 259—260. Табл. LXIX, LXXIX.

[102] **Массон В.М.** Алтын-Депе: Раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане / Тр. Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. — Л.: Наука, ЛО, 1981. — Т. XVIII. — С. 134.

[103] **Борзунов В.А.** Становление производящего хозяйства... — С. 130—131.

[104] **Кунов Г., Левин-Дорш Г.** Очерки по истории первобытной культуры / Пер., предисл. и доп. статьи С.З. Каценбогена. — Ч. 2:.Левин-Дорш Г. Техника добывания огня и постройки жилищ. — Минск: Белтрестпечать, 1923. — С. 54—55; **Крачковская В.А.** Жилище в Хадрамауте // Сов. этнография. — М.: Наука, 1947. — № 2. — С. 170—175; **Джандиери М.И., Лежава Г.И.** Народная башенная архитектура. — М.: Наука, 1976; **Джандиери М.И.** Древнее башенное оборонное жилище... — С. 118—155; **Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.** Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. — М.: Наука, 1984. — С. 52—56; **Брей У., Трамп Д.** Археологический словарь... — С. 123.

[105] **Борзунов В.А.** Становление производящего хозяйства... — С. 125.

Неолитические комплексы селища Барсова Гора II/19

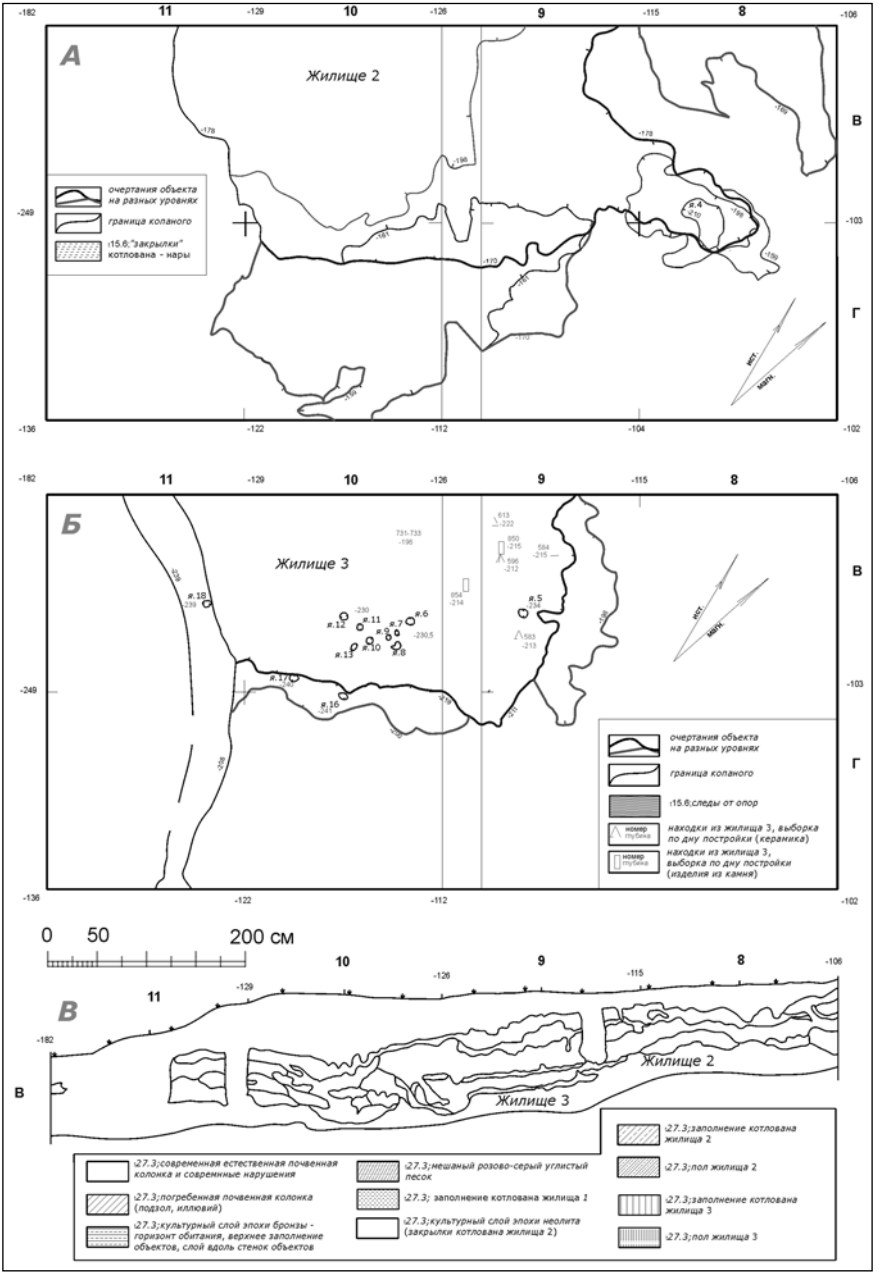
Е.Н. Дубовцева, Е.А. Юдина
г. Екатеринбург
Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Памятник Барсова Гора II/19 находится в урочище Барсова Гора, в 14–15 км к западу–северо-западу от г. Сургута. В 2008 г. на части памятника, нарушенной дорогой и блиндажом военно-патриотического лагеря, был заложен раскоп 1 площадью 88 кв. м. До начала работ археологические объекты на поверхности не просматривались, но в обнажениях чётко фиксировался красный культурный слой. Подъёмный материал содержал артефакты эпох Средневековья, бронзы (кульёганский тип керамики) и неолита (быстринский тип керамики). В ходе работ частично было исследовано несколько объектов эпохи бронзы[1] и остатки двух неолитических жилищ (№ 2 и 3). О последних и пойдет речь в данном сообщении.

На всей площади раскопа верхнюю часть стратиграфической колонки составляли наносные отложения: светло-серый мешано-слоистый песок, пестрый слоистый песок различных цветов и оттенков. Они перекрывали или замещали верх естественной почвенной колонки, которая была прослежена в северо-восточной части раскопа и была типична для подзолистых иллювиально-гумусовых почв Западно-Сибирской провинции[2]. Культурные слои эпохи неолита были погребены под отложениями более поздних эпох и нарушены современными перекопами.

ОПИСАНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Верхняя часть и юго-западный сектор жилища 2 были уничтожены. Размеры вскрытой углубленной части жилища – 4,0х2,0 м, вместе с нарами – 4,0х3,5 м (ширина нар колеблется от 0,5 до 1,5 м). Постройка ориентирована длинными сторонами по оси север–северо-запад – юг–юго-восток (ил. 1 – *А*). Заполнение котлована жилища 2

Ил. 1. **Селище Барсова Гора II/19.** А — план жилища 2; Б — план жилища 3; В — профиль северо-западной стенки раскопа 1 на участке В/8—11

было представлено серовато-желтовато-коричневым песком с розовым оттенком, розовато-тёмно-коричневым пестроцветным песком, жёлто-розовым песком с охрой и углем, пятнистым жёлто-розовым песком с охрой. Засыпанное охрой дно котлована было относительно ровным (с понижением в западном направлении — по естественному рельефу) и фиксировалось на глубине 0,35—0,40 м от уровня прослойки серовато-светло-коричневого песка с углем, маркирующего её неуглубленную часть. По нашим предположениям, эта прослойка сформировалась под нарами и совпадала с уровнем древней дневной поверхности. На остальной площади раскопа вследствие многочисленных позднейших нарушений горизонт обитания, синхронный жилищу 2, точно установить не удалось.

С первых горизонтов фиксации объекта к югу от котлована фиксировались пятна серовато-светло-коричневого песка с углем и ортзандом, маркирующие неуглубленную часть жилища — нары, а также длинный коридорообразный выступ, примерно на 2 м отходивший от восточной стенки и имевший ширину 0,7—0,8 м. На уровне дна котлована он оканчивался небольшим аморфным углублением глубиной 0,15—0,20 м. Столбовых ямок в котловане и за его пределами зафиксировано не было. Очаг в раскопанной части объекта отсутствовал.

Под полом жилища 2 залегали культурные слои жилища 3, верхняя часть которого была уничтожена при сооружении более поздних объектов. Своими размерами и ориентацией вскрытая часть была идентична углубленной части постройки 2 (ил.1 — *Б*). Сохранившаяся высота стенок котлована — около 0,2 м. В профиле местами читается их почти

Ил. 2. **Селище Барсова Гора II/19.** Профиль юго-западной стенки раскопа 1 на участке Г—В/9. Вид с юга

вертикальный абрис (ил. 2 — *А, Б*), что позволяет предполагать наличие обшивки либо какого-то иного варианта крепления (что логично на песчаных грунтах). Заполнение котлована состояло из розовато-коричнево-жёлтого пестроцветного песка с углем и желтовато-серого углистого песка с пятнами красной охры. Дно котлована ровное, с легким уклоном в юго-западном направлении, было выстлано жёлто-красным охристым песком. Мощность охристой прослойки на полу составляла 2—7 см.

Практически все зафиксированные ямки отличаются небольшой глубиной (3—4 см) и диаметром (в среднем, 4—8 см). Известны примеры, позволяющие предполагать, что 8 см — это достаточный диаметр для жердей, входящих в число опор несущей системы[3], однако преобладание меньших размеров в сочетании с незначительной глубиной не даёт оснований рассматривать их в качестве столбовых. Кроме того, ямки фиксировались на различной глубине, что, вероятно, отражает их разновременность. Таким образом, можно предположить, что они принадлежали к каким-то дополнительным деталям постройки или интерьера, возможно, никак не связанным с основной конструкцией жилища 3.

Среди прочих выделяются три более глубокие ямки (№ 8, 10, 18) — от 13 до 20 см (ил. 1 — *Б*). Они располагаются на одной прямой на расстоянии около полуметра от южной стенки котлована. Однако для реконструкции схемы расположения несущих опор постройки этих данных недостаточно.

Расстояние между полами построек составляет примерно 20 см (ил. 2 — *А, Б*). При этом очертания раннего и позднего котлованов практически совпадают, что делает закономерным предположение о перестройке нижнего жилища, его повторном использовании. Однако некоторые косвенные данные позволяют дать несколько иную трактовку. На участке В/11 (ил. 1 — *А, Б*), помимо мешаного заполнения нижней постройки, полы котлованов разделяет вполне отчётливая прослойка погребённого иллювия, которая свидетельствует, что ко времени возведения жилища 2 нижний котлован был уже засыпан, и его заполнение подверглось естественным процессам почвообразования, достаточным по длительности для формирования чётко различимых почвенных горизонтов. По данным специалистов, на разделение молодого почвенного профиля на элювиальный и иллювиальный горизонты уходит в среднем 400 лет[4]. Таким образом, указанный срок становится своеобразным terminus post quem, ранее которого сначала археологизирующаяся постройка,

а потом и жилищная впадина не могли использоваться вторично. И вопрос о «перестройке» жилища отпадает сам собой. Существенный разрыв между временем функционирования объектов подтверждается также радиоуглеродными датами (об этом см. далее).

С другой стороны, известные на сегодняшний день памятники быстринской археологической культуры позволяют говорить о том, что для её носителей было характерно возвращение на прежнее место обитания, а также использование для возведения жилых построек уже имеющихся западений. Сложно назвать причину этого явления — морфология участка (естественное понижение рельефа либо жилищная впадина) или экономия трудозатрат на возведение постройки. Новые жилища быстринской археологической культуры «вырастали» на заброшенных объектах как этой же, так и иных культур. Примером повторного использования жилищной впадины являются жилища 1 и 1а селища Чёрное 3: более поздняя постройка была довольно точно вписана в раннюю, сохранив прежнюю ориентацию, хотя и несколько превысив в площади[5]. Также известны примеры, когда новые постройки возводились в непосредственной близости от жилищных впадин, иногда западения включались в общую планировку поселения. Такая ситуация зафиксирована на поселении Быстрый Кульеган 66: впадина от жилища 2б была вписана в цепочку ям, из которых состоял ров вокруг более поздних быстринских построек № 2—2а[6]. Если сравнивать с приведёнными примерами взаиморасположение жилищ 2 и 3 на селище Барсова Гора II/19, стоит отметить аккуратность и точность, с которой поздняя постройка была «вписана» в раннюю. Можно предположить, что это связано с меньшим хронологическим разрывом между объектами, чем на селище Чёрное 3. Вероятно, в данном случае прослеживались не только размеры и ориентация впадины от жилища 3, но и края котлована.

НАХОДКИ
Описание находок

Керамика

Посуда. Неолитическая керамика относится к быстринскому типу. По венчикам удалось выделить 17 сосудов: 12 — в жилище 2, 4 — в жилище 3, 1 — неоднозначное положение с точки зрения планиграфии. Значительная часть обломков последнего сосуда была переотложена в процессе возведения постройки эпохи бронзы, другие оказались в

отвале современного учебного блиндажа. Глубины фиксации оставшихся фрагментов позволяют включить их как в более ранний, так и в более поздний комплексы (поскольку явных нарушений и перекопов рядом нет). Косвенным свидетельством принадлежности этого сосуда к жилищу 3 является орнаментация, исполненная в нескольких техниках, — шагание, отступание, прочерчивание (ил. 3 — *8*). Сочетание нескольких способов декорирования на одном сосуде — это отличительная черта раннего комплекса.

Жилище 2. Керамика полуяйцевидной формы с прикрытым устьем (ил. 3 — *3, 7*). Реже встречаются небольшие чашечки (ил. 3 — *1, 6*). Венчики с приострённым, округлым или плоским срезом не имеют наплыва, но некоторые утолщены. Один сосуд украшен налепными «ушками» (ил. 3 — *7*). Средняя толщина стенок 4—6 мм, диаметр венчика удалось определить только у пяти сосудов, он варьируется от 20 до 34 см.

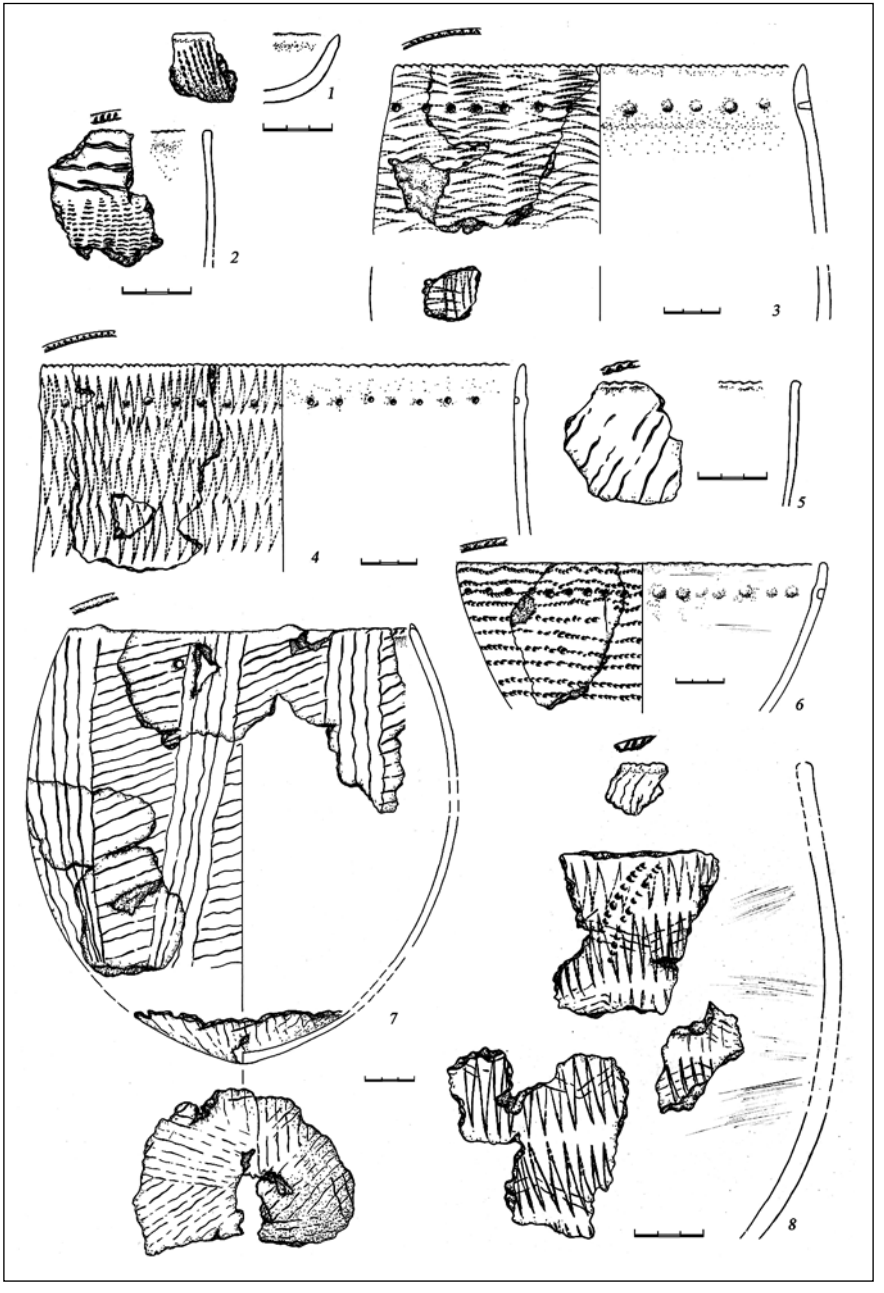
Три образца были отобраны для петрографического анализа[7]. Все они изготовлены из тощей глины монтмориллонит-гидрослюдистого состава (обломочного материала 35—50 %). Промес теста плохой. В нём фиксируются остатки невыгоревшей органики растительного происхождения. Пористость 10—25 %. Анализируемые сосуды были изготовлены по разным рецептам: глина+шамот, глина+дроблёная кость, глина+шамот+дроблёная кость+песок. Шамот представлен двумя видами:

а) глиной того же состава, предварительно хорошо обожжённой, в которой встречаются охристые комочки (1 мм) ярко-оранжевого цвета;

б) высушенной и растёртой супесью другого состава.

Кость перед применением обжигалась и дробилась, размеры включений составляли 2—3 мм. В состав песка входили кварц, основной плагиоклаз, пироксен, зерна анартозита, размер зёрен 0,20—0,25 мм, большинство зёрен хорошо окатаны (по-видимому, использовался речной песок). Поверхность сосудов обрабатывалась очень тщательно, с внешней и внутренней стороны исследуемые образцы покрыты обмазкой и заглажены. Костровой обжиг проводился в невыдержанной окислительной среде при температуре 500—650°С.

Петрографический анализ дополнен изучением технологии изготовления сосудов под бинокуляром. Все сосуды, за исключением двух, были сделаны из слабозапесоченной глины. Тесто плотное (7 экз.), реже комковатое (5 экз.), ожелезнённое. В изломах хорошо фиксируются пустоты от выгоревшей органики растительного происхождения.

Ил. 3. **Селище Барсова Гора II/19.** Керамика. 1, 3–7 – жилище 2; 2, 8 – жилище 3

Удалось определить несколько рецептов приготовления формовочной массы:

— глина+глиняная крошка (в том числе охристая крошка) — 4 экз.;
— глина+шамот — 4 экз.;
— глина+шамот+песок — 2 экз.;
— глина+шамот+органический раствор — 2 экз.;
— глина+шамот+песок+дроблёная кость — 1 экз.

Такое разнообразие рецептур говорит о процессе адаптации обитателей жилища к новым источникам сырья или о контактах с носителями других культурных традиций в сфере производства керамики. Сосуды изготовлялись ленточным способом, на трёх ёмкостях зафиксированы следы формы-основы. Поверхности сосудов тщательно заглаживались, внешняя — часто лощилась. Изломы черепков трехслойные: средний слой — чёрный или тёмно-серый, наружные — светло-коричневые. Толщина слоёв свидетельствует о невысокой температуре обжига и кратковременной выдержке при температурах каления.

Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, лишь на двух сосудах декорирование отсутствует на нижнем уровне. Орнамент плотный. Преобладает горизонтальная зональность (8 экз.), реже встречаются сосуды с вертикальной (3 экз.) и смешанной (2 экз.) ориентацией узоров. Основные мотивы: горизонтальные и наклонные волнистые линии, ряды шагающего гребенчатого и «верёвочного» штампов, ряд ямок под венчиком. Зигзаги и горизонтальные прямые линии редки. На одном сосуде ямки под венчиком нанесены с внутренней стороны (ил. 3 — *4*). Использовались различные техники орнаментации и инструменты (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение орудий и способов декорирования керамики жилища 2

Орнаментиры	Способ декорирования					
	Прочерчивание	Шагание	Отступание	Ямки под венчиком	Жемчужины под венчиком	Всего
Стержень	3	-	3	4	1	11
Гребенчатый штамп	1	3	-	-	-	4
Веревочный штамп	-	1	-	-	-	1
Кости рыб	1	-	-	-	-	1
Всего	5	4	3	4	1	17

Жилище 3. Посуда сильно фрагментирована, поэтому судить об её формах сложно: один сосуд представлен фрагментом округлого дна, два — обломками стенок, ещё один — верхней частью с плоским вен-

чиком (ил. 3 — *2*). Средняя толщина стенок несколько больше, чем у сосудов из жилища 2, — 7—8 мм. Сосуды изготовлены из ожелезнённой слабозапесоченной глины. Тесто плотное, с примесью шамота, глиняной и охристой крошки (1 экз.). Способ формовки проследить не удалось. Поверхность посуды заглажена тщательно, но лощение не применялось. Отличается этот комплекс и орнаментацией: все сосуды украшены несколькими способами (как правило, это прочерчивание и шагание). В качестве инструментов служили верёвочные (2 экз.) и гребенчатые штампы (2 экз.), лопаточка (3 экз.), стержень с приострённым рабочим краем (1 экз.). Основные мотивы — зигзаг, ряды шагающего штампа. Также встречаются горизонтальная волна и прямая. Обжиг костровой, проводился в окислительной среде.

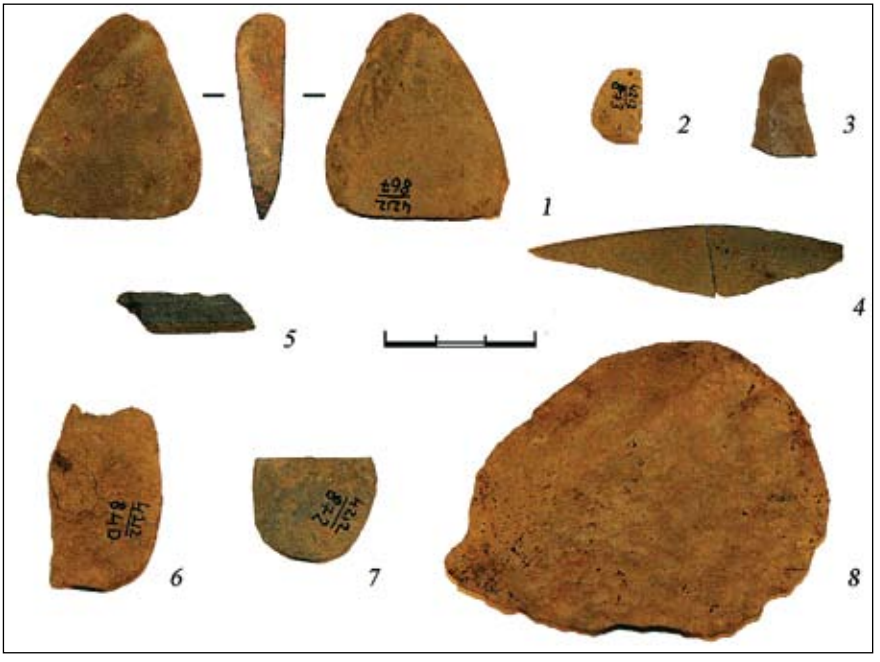
Различия керамических комплексов жилищ, скорее всего, носят хронологический характер. Хотя нельзя исключить и разнокультурность объектов. Керамический комплекс жилища 3 слишком малочислен и фрагментирован, чтобы с полной уверенностью отнести его к быстринской культуре.

Изделия. *Керамический абразив* был найден в заполнении жилища 2 на участке Г/10 (глубина — 194). Он было выполнен на стенке быстринского сосуда. Предварительно рабочая поверхность стачивалась до плоского состояния. Работа проводилась гранями подготовленной поверхности. Скорее всего, это изделие было также предназначено для работы по мягкому материалу.

Каменный инвентарь *(ил. 4).*

Коллекция каменного инвентаря небольшая. Судя по планиграфии и типологии орудий, к неолитической эпохе относятся около 20 предметов[8]. В жилище 2 найдено 13 ед., в жилище 3 — 4 ед., остальные были обнаружены в отвалах современного блиндажа.

Коллекция каменных изделий отличается сырьевым разнообразием, что связано с отсутствием качественного каменного сырья. Использовались: кремень, кварц, алевролит, туффит, сланец, а также окремнелые и мягкие зернистые породы. Преобладают изделия из алевролита и сланца: эти материалы представлены как шлифованными орудиями, так и отходами каменной индустрии (одноплощадочный уплощенный нуклеус, отщепы). В коллекции много естественных и расколотых галек и сколов с них. Орудия представлены шлифованным теслом, обломками шлифованного ножа, гальками-абразивами. Техника раскалывания ударная и контрударная. Развита техника шлифования. Характер сырья и типологический набор вполне соответствуют быстринской традиции камнеобработки.

Ил. 4. **Селище Барсова Гора II/19.** Каменный инвентарь. 1 — шлифованное тесло; 2 — скол с кварцевой гальки; 3 — проксимальный фрагмент микропластинки; 4 — обломок шлифованного орудия (нож?); 5 — скол со шлифованного орудия: 6—8 — отщепы. 1, 4—7 — жилище 2; 2, 3, 8 — жилище 3

Планиграфический анализ находок

Анализ распределения фрагментов керамики по площади объектов строился на основании оценки плотности залегания находок, их средних размерных показателей (площади поверхности) и «связей» между фрагментами одного сосуда. Учитывались находки, залегавшие на уровне дна котлована и нар, а также выше либо ниже указанного уровня на 5—10 см (с учётом общего уклона поверхности и неровностей микрорельефа).

Жилище 2. Практически все фрагменты керамики, попавшие в выборку, залегали на дне котлована, и лишь 2 ед. — на уровне нар. В пределах углубленной части постройки большая часть находок обнаружена в западной, пониженной половине жилища. Они фиксировались в виде ряда скоплений и развалов, тянувшихся широкой полосой вдоль стен котлована, и соотносились с пятью сосудами. Судя по количеству и сохранности фрагментов, а также очертаниям скопления, один

из них, вероятно, был разрушен в ходе археологизации постройки (ил. 5). В восточной части жилища небольшое скопление керамики приурочено к «устью» коридорообразного выступа. Поскольку сюда же были перемещены фрагменты нескольких сосудов, развалы которых фиксировались в западной части, можно предположить, что это было место естественного скопления бытового мусора[9].

Концентрация сосудов в западной половине косвенно свидетельствует о том, что эта часть помещения использовалась для хозяйственных нужд. Поскольку хозяйственная и привходовая зоны нередко соседствуют[10], можно предполагать наличие выхода с западной стороны постройки. В то же время выступ в восточной части жилища также может интерпретироваться как выход, хотя не исключена и другая его функция (элемент отопительной/вентиляционной/дренажной системы).

Каменных находок в жилище 2 немного: 11 ед. — на дне, 2 ед. — в заполнении котлована. Это обломок шлифованного ножа, шлифованное тесло и несколько сколов. Они залегали по всей площади жилища, не образуя заметных скоплений.

Жилище 3. В этом случае возможности планиграфического анализа ограничены небольшим объёмом коллекции и переотложенностью значительной части находок.

Ил. 5. **Селище Барсова Гора II/19.** Развал быстринского сосуда in situ

АНАЛОГИИ

Реконструкция жилищ 2 и 3 селища Барсова Гора II/19 затруднена тем, что в раскоп попали лишь части построек, которые к тому же были нарушены современными перекопами. Судя по вскрытым участкам, они представляли собой небольшие (до 20—30 кв. м) слабо углубленные (предположительно на 0,2—0,4 м) полуземлянки, вероятно, каркасно-столбовой конструкции, с небольшими нарами по периметру котлована (по крайней мере, в постройке 2). Дно жилищ посыпалось охрой. С восточной стороны жилища 2 фиксировался коридорообразный выступ, который, возможно, являлся выходом.

Ближайшие аналогии более позднему объекту можно найти среди небольших по площади сезонных и круглогодичных построек поселений быстринской археологической культуры — Барсова Гора II/8 (жилище 1), Кушниково 2 (объект 2) и Кушниково 8 (объекты 3 и 4)[11]. Для перечисленных построек характерно наличие 2—3 удлинённых коридорообразных выступов, сопряжённых с центральными участками стен или смещённых к углам. Эти архитектурные детали интерпретируются либо как выходы, либо как элементы отопительной/вентиляционной/дренажной системы. Как правило, единственный в таких жилищах очаг смещён к «устью» одного из выступов. Везде, где удалось зафиксировать какие-либо следы элементов конструкции, постройки характеризуются как каркасно-столбовые. Глубина котлованов в таких постройках достаточно большая — от 0,5 м и более. Неуглубленные части обычно представлены заплечиками котлованов и находятся на уровне древней дневной поверхности, то есть выше, чем реконструируемые в жилище 2 нары высотой не более 0,4 м. Это конструктивно сближает рассматриваемую постройку с жилищем 2б поселения Быстрый Кульёган 66 и более крупными, круглогодичными постройками на памятниках той же культуры[12].

Что касается жилища 3, то немногочисленные зафиксированные конструктивные элементы, на наш взгляд, делают необоснованным отнесение его к какой-либо из домостроительных традиций. В данном случае более аргументированным представляется определение культурной атрибуции объекта по комплексу связанных с ним находок.

Керамика жилища 2, как уже говорилось, относится к быстринской культуре. Наибольшее сходство прослеживается с керамикой селища Кушниково 8 (объект 3)[13], а также с посудой жилища 2б поселения Быстрый Кульёган 66[14]. Их сближает разнообразие способов орнамен-

тации, наличие жемчужин под венчиком, размеры, форма и технология изготовления. Керамика из других объектов быстринской культуры — жилищ 2 и 2а поселения Быстрый Кульёган 66, жилищ 1 и 3 поселения Барсова Гора II/8, поселения Пыхты I — отличается большей долей сосудов, украшенных в прочерченной технике, отсутствием жемчужин под венчиком, незначительностью узоров, выполненных шагающей гребенкой. За пределами Сургутского Приобья аналогии быстринской керамике можно найти в памятниках типа Чэс-Тый-Яг[15], Большая Умытья 57[16], Чилимка V[17]. Тонкостенные полуяйцевидные сосуды этих памятников, так же как и быстринские, изготовлены на форме-основе. Их поверхность тщательно заглаживалась, лощилась и иногда красилась охрой. Венчики сосудов не имели наплывов, иногда на них были вылеплены «ушки». Доминирующим способом орнаментации являлось прочерчивание приострённой палочкой (при обязательном наличии узоров, выполненных гребенчатым штампом, наколами, отступающей палочкой). Схожи и орнаментальные мотивы: преобладают простые волнистые узоры (горизонтальные, реже наклонные и вертикальные), обычен ряд ямок под венчиком, заштрихованные треугольники, ромбическая сетка. Однако все эти комплексы обладают морфологическим своеобразием, не позволяющим объединить их в рамках одного культурного образования. Возможно, сходство между ними обусловлено единством происхождения, вопрос о котором на сегодняшний день остаётся открытым и довольно дискуссионным[18].

Поиск аналогий керамическим сосудам жилища 3 довольно проблематичен из-за их малочисленности и фрагментарности. На наш взгляд, наибольшее сходство прослеживается всё-таки с быстринскими комплексами. Отличия наблюдаются в толщине стенок сосудов, использовании для прочерчивания более широкой палочки, большем проценте шагающих узоров, выполненных гребенчатыми и верёвочными штампами.

Керамика, украшенная верёвочными штампами, находит аналогии в коллекции поселения Нижнее Озеро III, где она атрибутирована как сумпаньинская[19]. На поселениях Сумпанья IV, Леуши VII верёвочная орнаментация встречается, но процент ее невелик[20]. Керамические комплексы этих поселений и посуду жилища 3 объединяет сочетание шагающей и прочерченной техники орнаментации на одном сосуде. Сходство также прослеживается в толщине стенок, отсутствии на некоторых изделиях наплыва под венчиком. Однако велики и отличия. На сумпаньинской керамике доминирует прочерченная техника, обязателен ряд сквозных ямок под венчиком, часто на венчике вылеплялись

стилизованные головки животных и птиц, в качестве орнаментира использовалась челюсть бобра.

Подобие между керамикой жилища 3 и посудой ранней стадии барсовогорского типа (селища Барсова Гора II/16 и Барсова Гора II/17) проявилось в форме днищ; толщине стенок; сочетании на одном сосуде узоров, выполненных прочерчиванием и шагающей гребёнкой. Однако по существующей культурно-хронологической схеме Сургутского Приобья эти памятники относятся к более позднему времени[21]. Малочисленность керамики жилища 3 не исключает случайности приведённых аналогий, поэтому вопрос о культурной принадлежности этого комплекса пока остаётся открытым. Возможно, ясность внесёт продолжение исследований на памятнике.

ХРОНОЛОГИЯ

Возраст быстринской археологической культуры определяется по радиоуглеродным датам в пределах 6500—5700 л. н.[22] Эта датировка подтверждается серией радиоуглеродных дат с поселения Быстрый Кульёган 66[23]. Для жилища 2 получено две даты:

— Ле-8547 — 4400±140 (участок Г/10, глубина от условного 0 —185, уголь);

— Ki 16033 — 6750±90 (прочерченная керамика быстринского типа).

Первая дата выпадает из хронологических рамок быстринской культуры (возможно, в заполнение жилища 2 попал уголь из слоёв эпохи энеолита и бронзы). Вторая, хотя и укладывается в хронологический период существования быстринской культуры, но является на сегодняшний день одной из самых ранних.

Очень древняя дата получена по углю с пола жилища 3: Ле-8594 — 7500±200 (участок В/9—10, глубина от условного 0 —210—226). Подобная датировка (Ле-6688 — 7090±50) получена из быстринского жилища на селище Чёрное 3[24]. Исследователи последнего памятника объясняют это тем, что в месте отбора образца пол быстринского жилища соприкасался с полом более раннего жилища 1а. Однако на поселении Барсов Городок II/19 такая ситуация исключена в связи с отсутствием более ранних культурных горизонтов.

Подобные даты получены также с поселения Нижнее Озеро III:

— сооружение 2: СОАН-6199 — 7120±140;

— сооружение 3: СОАН-6200 — 7500±145; СОАН-6201 — 7695±170; СОАН-6202 — 7680±110; СОАН-6203 — 7735±90[25].

Датирование керамики с этого же памятника омолодило его на тысячу лет (Ki-15394 — 6250±90)[26]. Столь ранние даты не редкость для

неолита Западной Сибири, однако насколько достоверно они отражают время существования памятников, пока не ясно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки объектов кульёганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 221—240.

[2] Почвы СССР. — М.: Мысль, 1979. — С. 46—52.

[3] **Сидоров В.В.** Реконструкции в первобытной археологии. — М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2009. — С. 81.

[4] **Махонина Г.И., Коркина И.Н.** Формирование подзолистых почв на археологических памятниках Западной Сибири. — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — С. 94—98.

[5] **Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Неолитические комплексы селища Чёрное 3 // В печати.

[6] Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Колл. монография; Под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. — С. 6—11.

[7] Анализ выполнен в Российском государственном университете им. Герцена (г. Санкт-Петербург) под руководством доцента кафедры геологии и геоэкологии, канд. геол.-мин. наук Марианны Николаевны Кульковой.

[8] Трасологический анализ находок и определение пород камня выполнены канд. ист. наук, вед. науч. сотр. ПНИАЛ УрГУ Л.Л. Косинской.

[9] **Глушков И.Г.** Керамика как археологический источник. — Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996. — С. 88—89; **Юдина Е.А.** Экспериментальные данные в планиграфических исследованиях: пространственное распределение фрагментов керамики // Актуальные проблемы истории и археологии: Мат-лы регион. науч-практ. конф., посвященной празднованию 5-летия НСОИиА, 14 ноября 2008 года. — Шадринск: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПИ», 2009. — С. 60—62.

[10] **Головнёв А.В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург: УрО РАН, 1995. — С. 212—219, 254, 273—278; Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 40—47.

[11] **Зыков А.П.** Отчёт об исследовании археологических памятников в урочище Барсова Гора у п. Барсово Сургутского р-на Тюменской области летом 1987 года. — Свердловск, 1988. — Т. I. — Архив Кабинета археологии УрГУ. — Ф.2. Д. 448; **Ковригин А.А., Морозов В.М., Погодин А.А., Сергеев А.С.** Исследования историко-археологического комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 302—317; **Погодин А.А.** Исследования историко-культурного комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — Вып.3. — С. 111—113.

[12] Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 10—11.

[13] **Дубовцева Е.Н., Погодин А.А., Сергеев А.С.** Керамические комплексы неолитического посёлка Кушниково // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — Вып.3. — С. 20—34.

[14] Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 18—19.

[15] **Васильев Е.А.** Поздний неолит Нижнего Приобья // Тез. докл. Всесоюзной конф. (Суздаль, 1987). — М., 1987. — С. 59—60; **Васильев Е.А.** Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 296—301.

[16] **Погодин А.А., Миронов П.В.** Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытья 57 в Советском районе ХМАО — Югры (по материалам исследований 2007—2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып.7. — С. 132—167.

[17] **Глушков И.Г., Собольникова Т.Н.** Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита // Проблемы неолита — энеолита юга Западной Сибири. — Кемерово, 1999. — С. 108—122.

[18] Подобнее об этом см.: **Васильев Е.А.** Поздний неолит Нижнего Приобья...; Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 57—67.

[19] **Чаиркина Н.М.** Культурно-хронологическая специфика неолитических комплексов Северного Зауралья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию Н.Н. Гуриной — СПб., 2009. — С. 179—181.

[20] **Дубовцева Е.Н.** Использование верёвки для орнаментации неолитической керамики Севера Западной Сибири // Российская археология. — М.: Наука, 2011. — № 2. — С. 16—26.

[21] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья: Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 17, 116. Рис.10.

[22] **Косинская Л.Л.** Радиоуглеродная хронология каменного века Зауралья и Западной Сибири // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. — СПб.: ИИМК РАН, 2007. — С. 185—187.

[23] Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 103. Табл. XXX.

[24] **Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Неолитические комплексы селища Чёрное 3...

[25] **Чаиркин С.Е., Чаиркина Н. М., Шакаев Б.А.** Археологические исследования восточного склона Северного Урала (предварительные итоги) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып.7. — С. 168—178.

[26] **Чаиркина Н.М.** Культурно-хронологическая специфика неолитических комплексов Северного Зауралья...

Раскопки укрёпленного жилища эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38 в Сургутском Приобье (итоги работ 2000 г.)*

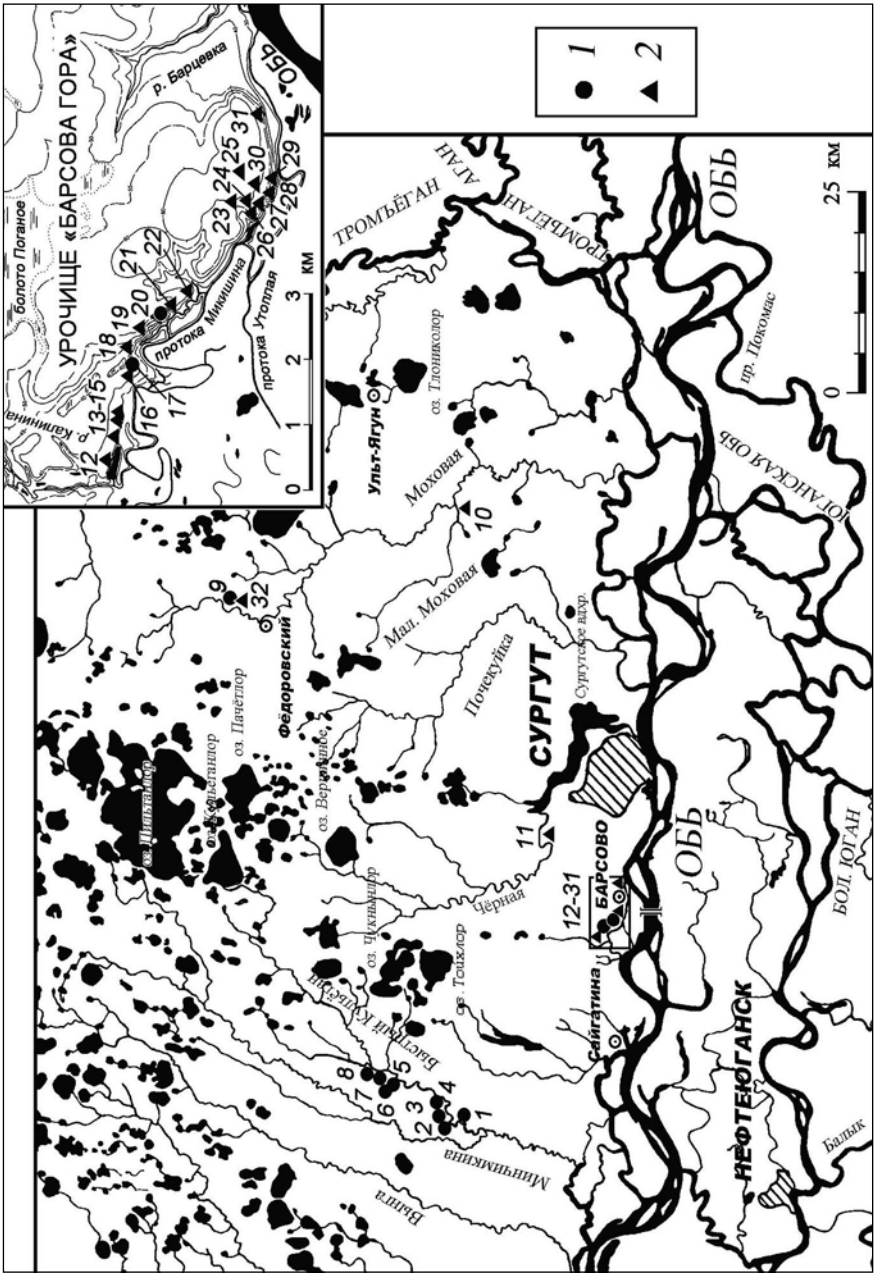
В.А. Борзунов, В.И. Стефанов
г. Екатеринбург
Центр археологических исследований
Уральского федерального университета
И.Г. Глушков
г. Сургут
Сургутский государственный педагогический университет

ВВЕДЕНИЕ

За последние четыре десятилетия в Сургутском Приобье выявлено огромное количество памятников археологии, датирующихся от неолита до позднего Средневековья. Только в Сургутском р-не ХМАО — Югры их известно около 2 тыс. Древние объекты располагаются и на возвышенных участках побережий озёр, однако в большинстве своём они всё же тяготеют к водотокам. Причём не только к крупным водным артериям, впадающим в Обь (Пим, Тромъёган, Салым, Большой Юган), но и к питающим их малым рекам. Таких рек, протяжённостью менее 100 км, имеющих бассейн до 2000 кв. км, расположенных в пределах одной географической зоны, на севере Западной Сибири — сотни.

В 1994—2006 гг. сотрудниками Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрГУ (ныне — Центр археологических исследований УрФУ) проведено масштабное обследование зон нефтепромыслов на левобережье Оби в Сургутском р-не ХМАО — Югры. В ходе этих разведок на малых реках Минчимкиной, Быстром Кульёгане, Чёрной, Почекуйке, Моховой, а также на Тромъёгане и коренном берегу Оби открыто более трёхсот разновременных памятников археологии[1]. Среди них большой интерес вызвала серия оригинальных поселений — укреплённых жилищ (предшественников малых городищ) — с керамикой эпохи бронзы нового, неизвестного пока типа. Макси-

* Работа выполнена в рамках проектов № 06-01-00037а РГНФ, № 10-06-00405-а РФФИ и гранта губернатора ХМАО — Югры по проекту «Археологический феномен малых рек» (2006 г.).

УРОЧИЩЕ «БАРСОВА ГОРА»
Болото Поганое
р. Барцевка
протока Утопая
протока Минашина
0 1 2 3 КМ
ОБЬ
1
2
ТРОМЪЁГАН
ТРОМЪЁГАН АЛАЙ
Ульт-Ягун
оз. Тлониколор
Моховая
Мал. Моховая
Почекуйка
Федоровский
СУРГУТ
Сургутское вдхр.
оз. Пачёлор
оз. Верхнее
оз. Чухлынор
оз. Тонклор
Черная
БАРСОВО
Сайгатина
Мининские Кулеганы
Мининская
Выинга
ОБЬ
ОБЬ
ЮГАНСКАЯ ОБЬ
гр. Пекомас
БОЛ. ЮГАН
НЕФТЕЮГАНСК
Балык
0 25 км

мальное число таких объектов (8) было зафиксировано на небольшой, внешне ничем не выдающейся речке Быстрый Кульёган (левый приток р. Минчимкиной), и её правом притоке — р. Серебрянке. Поскольку обследование Кульёгана не завершено, число подобных памятников может возрасти. И это с учетом того, что на территории всего Сургутского р-на таких объектов известно пока 11 (ил. 1).

Обнаружение данных памятников привело к новым научным открытиям. В процессе дополнительных полевых изысканий, изучения специальной литературы и архивных источников собраны сведения о 108 укреплённых жилищах эпох камня, бронзы и железа Западной Сибири и Зауралья. В результате систематизации этих материалов выявлен и охарактеризован самый северный в Евразии и на земном шаре ареал распространения таких объектов[2]. В свою очередь, сравнение оригинальной глиняной посуды эпохи бронзы, обнаруженной в укреплённых жилищах р. Быстрый Кульёган, с керамическими комплексами Западной Сибири позволило выделить памятники нового культурно-хронологического типа, названного по имени вышеупомянутой реки кульёганскими. Стационарное исследование поселений с аналогичной керамикой в Сургутском Приобье и верховьях Пура (Чернореченское I[3], Быстрый Кульёган 38[4], Барсова Гора II/9в[5], Барсова Гора II/19б[6], Барсова Гора II/22[7], Малая Моховая 1[8], Коим 1[9], Щетнмато-Лор[10]) подтвердило правомерность этого решения.

Ил. 1. **Памятники с керамикой эпохи бронзы кульёганского типа Сургутского района ХМАО — Югры.** *Памятники:* 1 — Быстрый Кульёган 2; 2 — Быстрый Кульёган 38*; 3 — Быстрый Кульёган 40; 4 — Быстрый Кульёган 44; 5 — Быстрый Кульёган 73; 6 — Быстрый Кульёган 77; 7 — Быстрый Кульёган 100; 8 — Быстрый Кульёган 105; 9 — Моховая 8*; 10 — Малая Моховая I*; 11 — Чернореченское I*; 12 — Барсова Гора II/42в; 13 — Барсова Гора II/40; 14 — Барсова Гора II/9в*; 15 — Барсова Гора II/8в*; 16 — Барсова Гора II/33б; 17 — Барсова Гора II/37б (объект 1); 18 — Барсова Гора II/36а (городище Барсов Городок II/14)*; 19 — Барсова Гора II/25б; 20 — Барсова Гора II/22*; 21 — Барсова Гора II/19б*; 22 — Барсова Гора II/16б*; 23 — Барсова Гора IV/12а; 24 — Барсова Гора III/36а*; 25 — Барсова Гора III/51а (объект № 109)*; 26 — Барсова Гора IV/10а*; 27 — Барсова Гора I/2а*; 28 — Барсова Гора I/4а*; 29 — Барсова Гора I/6а*; 30 — Барсова Гора III/51а*; 31 — городище Барсова Гора I/18*; 32 — Моховая 32(б)*.
Примечание: звёздочками отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи.
Условные обозначения: 1 — укреплённое жилище; 2 — неукреплённое поселение, селище, местонахождение керамики

Быстрый Кульёган — типичная река средней подзоны западносибирской тайги. Она небольшая (длина — 59 км, площадь бассейна — 421 кв. км), узкая (10—15 м), неглубокая (2,5—3,0 м), сильно меандрированная, с быстрым течением. Петляет по заболоченной пойме шириной от 20 м до 1 км, покрытой зеленомошником, кустарничковыми растениями, смешанным лесом (сосна, ель, кедр, лиственница, берёза, ива, рябина, ольха), приближаясь то к одному, то к другому коренному берегу. Эта река находится в 35—40 км к западу от Сургута, берёт начало в оз. Кульёганлор и соседних более мелких водоёмах, окружённых верховыми болотами. Далее Кульёган течёт по невысоким, покрытым ягелем и сосновыми борами песчаным террасам, впадает слева в нижнее течение р. Минчимкина, которая через 12—13 км соединяется с правобережной обской протокой Ионина. В верхнем течении в Быстрый Кульёган вливается несколько притоков, самый крупный из которых — р. Серебрянка. Как и большинство водотоков Сургутского Приобья, Быстрый Кульёган сориентирован в направлении, близком меридиональному. Коренные берега речки невысокие — от 2 до 6 м, но в междуречье Кульёгана и Минчимкиной встречаются поросшие лесом пологие холмы и увалы выс. от 10 до 30 м. Хантыйское название водотока (*Кульёган* — «быстрая речка, ручей») и более позднее русское (Быстринка) достаточно точно отражают его характеристику. Второе созвучное хантыйское слово — *куль-ёган* — означает «рыбная река»[11].

В прошлом столетии на р. Быстрый Кульёган, близ её устья существовало однодворное хантыйское селение — избы Минчимкина. Недалеко от интересующего нас укреплённого поселения эпохи бронзы зафиксирован комплекс позднейших историко-культурных объектов — котлован квадратной полуземлянки XVII—XIX вв., хантыйское мужское погребение под «домовиной» с монетой 1953 г. и культовый амбарчик-лабаз на сваях постройки 1960-х гг. Между тем проведённое нами археологическое обследование выявило огромное количество поселений и промысловых комплексов, существовавших в древности на этой реке. Последнее предполагает наличие в бассейне Быстрого Кульёгана достаточного и даже обильного количества биоресурсов (рыбы — в реке, дичи и дикоросов — в лесах) на протяжении многих тысячелетий, особенно в эпоху бронзы и раннем железном веке. В общей сложности на протяжении примерно 20 км среднего участка этой реки к настоящему времени открыто более 155 однослойных и многослойных археологических памятников, суммарно включающих в себя 197 культурно-хронологических страт. Столь высокая концентрация археологических объектов на отдельно взятой малой реке — явление, может быть, не уникальное, но отнюдь не рядовое и, безусловно, заслуживающее внимания.

Из 109 «однослойных» археологических памятников, хронология которых известна, 40 (36,7%) датируются неолитом — средней бронзой, 41 (37,6%) — поздней бронзой и ранним железным веком, 16 (14,7%) — поздним железным веком (Средневековьем), ещё 9 (8,3%) — в целом эпохой железа (ранним и поздним железным веком), 3 (2,7%) — Новым и Новейшим временем. При этом процент поселений конца бронзового века и начала железного в действительности был значительно выше. Дело в том, что к селищам, датировка которых пока неясна (69), отнесены, главным образом, комплексы с жилыми объектами в виде приподнятых (наземных) площадок и небольших впадин с обваловкой, окружённых внешними ямами. Остатки таких построек характерны для конца бронзового — начала железного веков.

Предлагаемая статья посвящена предварительным итогам изучения первого раскопанного в Сургутском Приобье памятника нового типа — укреплённого поселения-жилища эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА

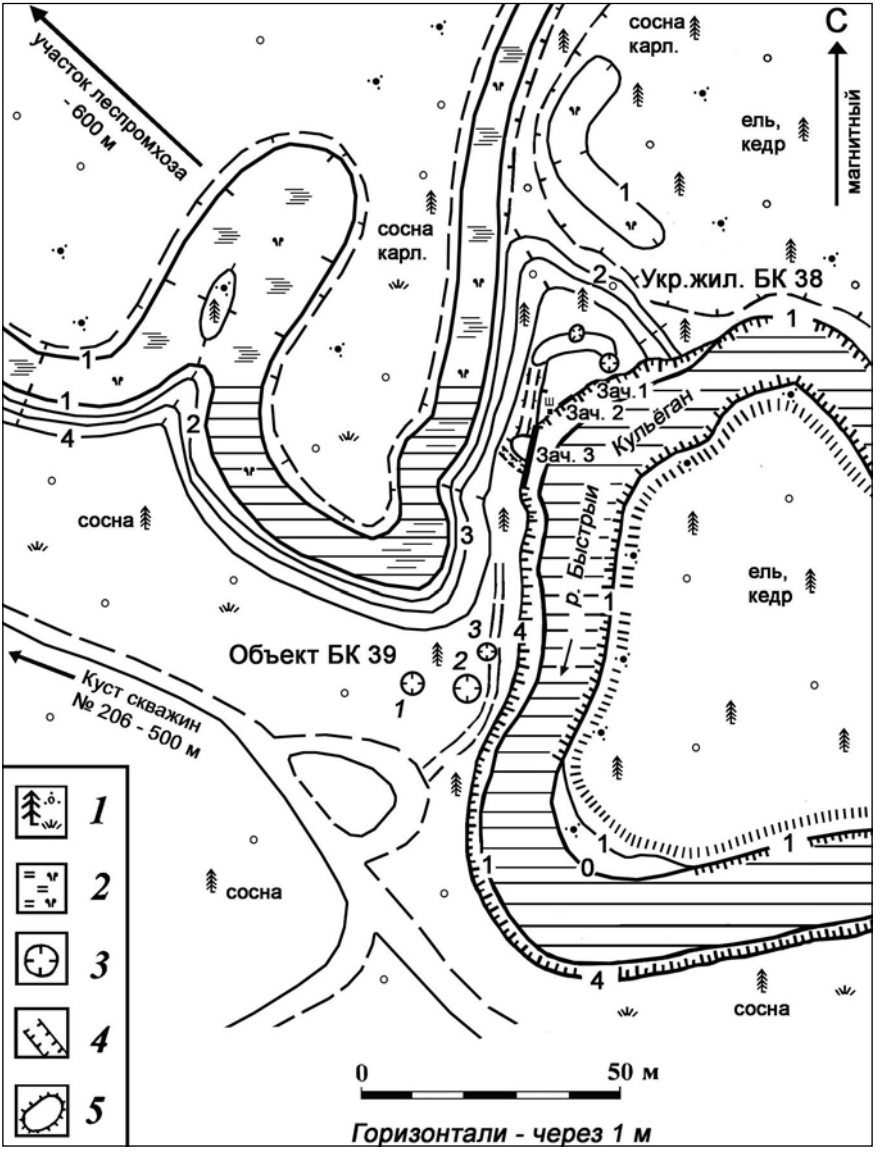
Поселение Быстрый Кульёган 38 открыто археологами УрГУ в 1994 г.[12] Тогда же А.А. Погодин составил первый схематический план памятника и его окрестностей (ил. 2), а немного позже В.А. Борзунов — глазомерный чертёж укреплённого жилища (ил. 3).

В 2000 г. объединённой экспедицией Уральского госуниверситета (г. Екатеринбург) и Сургутского государственного педагогического института (ныне — госпедуниверситет) было проведено стационарное исследование поселения Быстрый Кульёган 38. Экспедиция была организована И.Г. Глушковым и Т.М. Захожей. Руководитель раскопок — В.А. Борзунов. В полевых работах принял участие А.А. Погодин, он же обработал и классифицировал каменный инвентарь. Шифровка находок в полевых условиях проводилась под наблюдением А.Я. Труфанова. Технологический анализ керамики выполнен И.Г. Глушковым. Рисунки материала подготовлены В.И. Стефановым. Краткие итоги работ были опубликованы после завершения полевого сезона[13].

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Местонахождение и планиграфия памятника

Находится на правом берегу р. Быстрый Кульёган, приблизительно в 40 км к западу — северо-западу от г. Сургута и в 10 км в том же направлении от центра п. Рябинового, в 3,1 км к северу — северо-

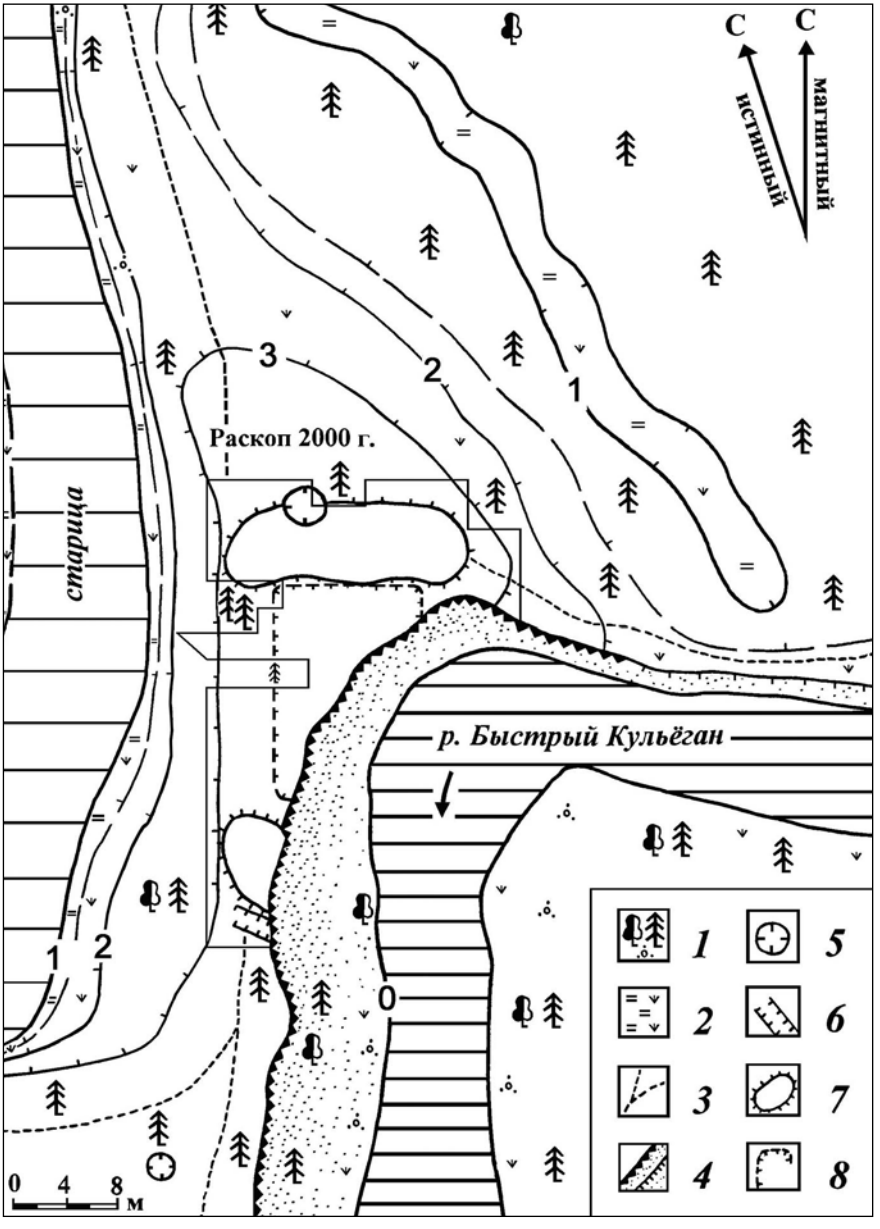
Ил. 2. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** План. Съёмка А.А. Погодина 1994 г.

Условные обозначения: 1 — лес, кусты, луг; 2 — заболоченная пойма; 3 — впадина, остатки ловчей ямы; 4 — ров; 5 — вал, обваловка стен жилища

востоку от изб Минчимкина и в 3 км к западу от развилки автомобильных дорог на г. Сургут, Нефтеюганск и Лянтор. В 3,5 км к северу — северо-востоку от поселения расположена площадка ДНС-1, в 0,5 км к западу — северо-западу — куст скважин № 206 Быстринского месторождения нефти ОАО «Сургутнефтегаз» (ил. 1).

Объект располагался на мысовидном выступе правого песчаного коренного берега реки. Выступ с покатыми склонами, ныне узкий, подтрапециевидный, высотой 4,0—4,5 м, ориентирован с севера — северо-запада на юг — юго-восток (ил. 2; 3). Его общие размеры — 60—65х20—40 м, параметры верхней площадки — 45х10—25 м. Центральную и южную части мыса занимали остатки укреплённого жилища эпохи бронзы. Когда-то река огибала мыс с западной стороны, но после отделения старого меандра и образования новой излучины она стала интенсивно подмывать выступ с противоположной стороны. Отделившийся от русла меандр постепенно превратился в старицу (ил. 2, 3, 12, 14). Новое русло реки уничтожило юго-восточную часть выступа и половину остатков укреплённого объекта. До раскопок на поверхности мыса прослеживались следы большой прямоугольной жилищной впадины в виде заплывшего треугольного углубления (17—18х10—12х0,15—0,30 м), оконтуренного с севера шишковидным валом (15—16х5х0,8—1,0 м), с запада и юго-запада — более покатой и низкой обваловкой (24—26х4—5х0,5—0,6 м). Северную полу вала прорезала круглая впадина диаметром 2,1 м и глубиной 0,4 м, оставшаяся от древней охотничьей ловчей ямы. Близкое по размерам и форме углубление находилось в северо-восточном углу обваловки. К началу раскопок оно исчезло в результате продолжающейся эрозии террасы. Третья такая же яма, диаметром 1,0 м и глубиной 0,5 м, была отмечена в 13 м к югу от укрепления, на поверхности короткого и узкого перешейка (25х10—15 м), соединяющего мыс с коренной террасой. С южной стороны укреплённого объекта к валу примыкала едва заметная узкая и мелкая канава (1,1х0,2 м) протяжённостью 4 м, представлявшая собой западный отрезок оборонительного рва. Общие размеры различимого на поверхности объекта составляли 30х5—20 м (ил. 2, 3, 11).

Можно не сомневаться в том, что во время строительства и функционирования большого жилища мыс имел иную конфигурацию. Вероятно, он был подтреугольной формы, а постройка занимала площадь не менее 650 кв. м и была защищена с южной напольной стороны рвом. Остатки кратковременной неолитической стоянки, обнаруженной в

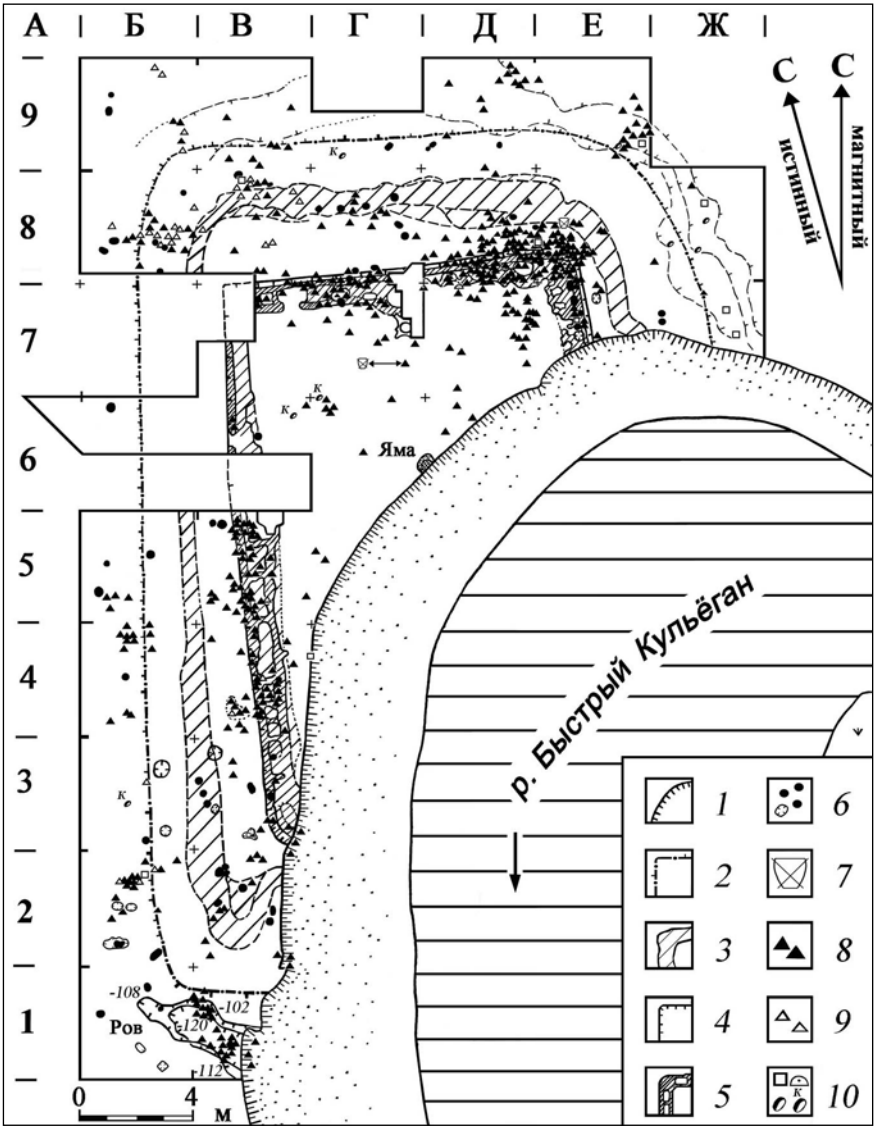
Ил. 3. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** План. Съёмка В.А. Борзунова 2000 г.
Условные обозначения: 1 — лес, кусты; 2 — заболоченная пойма; 3 — тропы; 4 — обрыв и край террасы; 5 — впадина, остатки ловчей ямы; 6 — ров; 7 — вал, обваловка стен жилища; 8 — котлован жилища

ходе раскопок, в рельефе не прослеживались. Поверхность памятника была покрыта лесной подстилкой и ягелем, на валу и западном склоне мыса росли редкие большие сосны.

При обследовании памятника в 1994 г. в обрыве берега были зафиксированы следы оборонительного рва, обваловки стен, жилищного котлована (ил. 2—4, 8) и расположенного в его центре, по-видимому, наземного очага. Очажная линза состояла из наслоений коричнево-бурой и серой углистой супеси с остатками органики. Под обрывом и в шурфе найдено около 200 фрагментов керамики эпохи бронзы, обломок неолитического сосуда и 4 каменных предмета. В результате предпринятых в 2000 г. раскопок на площади 380 кв. м (ил. 3, 4) вскрыта практически вся сохранившаяся часть поселения эпохи бронзы, северная ловчая яма (уч. Б—В/9) и ещё одна яма, не фиксировавшаяся на поверхности (уч. В—Г/9). Под развалинами укрепления и на стрелке мыса обнаружены остатки культурного слоя неолитической стоянки[14].

Стратиграфия памятника

Поверхность мыса была покрыта тонкой лесной подстилкой, состоявшей из хвойного опада, лишайников, тёмно-коричневого гумуса и древесного тлена (ил. 8—11). Ниже следовали пласты супеси чёрного и тёмно-серого цвета, пепельно-серого подзола, далее — переотложенные пески (расплывшаяся обваловка стен жилища, заполнение жилищной впадины, рва и разновременных ям). В насыпи вала и нижней части оборонительного рва фиксировались прослойки углистой супеси — остатки бревенчатых стен постройки эпохи бронзы. Такая же тёмноокрашенная супесь прослеживалась по краям котлована жилища (остатки деревянной опалубки его песчаных стенок и сгоревших нар-«лежанок»), а также в заполнении столбовых и иных ямок (следы крепёжных и несущих столбов). Под всеми этими наслоениями за пределами жилого котлована, ям и рва прослеживался тонкий горизонт погребённого подзола (дневная поверхность эпохи бронзы), ниже которого локально сохранился слой розово-охристого песка с неолитической керамикой. Общая мощность культурных слоёв на мысу составляла от 0,5 до 1,2 м. Верхний горизонт материка представлен жёлтым и тёмно-жёлтым иллювиальным песком с сероватыми углистыми включениями, ниже — стерильными белыми песками с прослойками яично-жёлтого, серо-жёлтого, коричневатого и иного цветов. В ряде случаев нижняя граница подзола была оконтурена пластами и клиньями ортзанда, прорезавшими расположенные ниже культурные и материковые слои.

Ил. 4. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** План раскопа 2000 г. Съёмка В.А. Борзунова.

Условные обозначения: 1 — обрыв и песчаная осыпь; 2 — внешняя граница «завалинки» (расплывшейся обваловки основания стен жилища); 3 — полоса углистой супеси (остатки основания стен постройки); 4 — котлован жилища; 5 — остатки сгоревших деревянных нар; 6 — ямы и столбовые ямки; 7 — раздавленный сосуд; 8 — орнаментированная керамика; 9 — неорнаментированная керамика; 10 — каменные предметы и отщепы

В пределах жилищной впадины верхние пепельно-серые подзолы с ржавыми пятнами ортзанда переходили в переотложенные пески, «окрашенные» окислами железа в красно-жёлтые, оранжево-жёлтые и буро-болотные тона, далее — в розовато-жёлтые, красно-жёлтые и жёлто-серые супеси (нижний горизонт заполнения котлована и пол жилища), которые подстилали тёмно-жёлтые и серо-жёлтые иллювиальные пески. На некоторых участках на дне котлована прослеживались тонкие линзы погребённого подзола, под которыми залегали жёлтые и белые материковые пески. Общая мощность культурных отложений в пределах помещения варьировала от 35 до 90 см. Вдоль северного края котлована, под остатками нар-«лежанок» прослеживались канавообразные затёки в виде бурых, серо-бурых, буро-жёлто-коричневых и иной цветности песков, насыщенных истлевшей органикой.

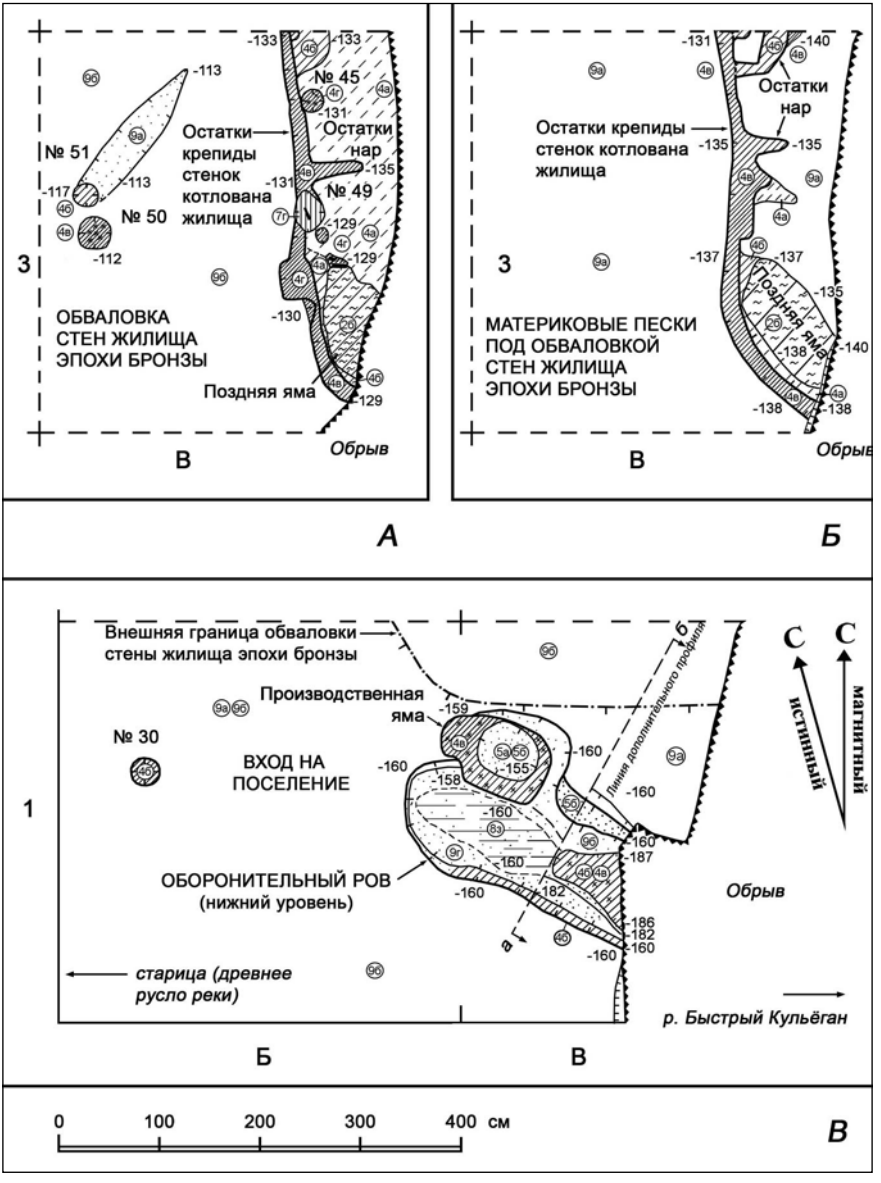
Датировка объектов

Раскопанные объекты относятся к трём эпохам: камня (неолитическая стоянка с комплексом кварцевых орудий и керамикой быстринского типа), бронзы (укреплённое жилище) и железа (средневековая ловчая яма). Ещё одна промысловая (?) яма датируется концом неолита — началом эпохи бронзы. В предлагаемой публикации основное внимание будет уделено остаткам поселения бронзового века.

Коллекция вещественных остатков

Коллекция, сформированная при первом обследовании памятника и в процессе его раскопок 2000 г., насчитывает свыше 1700 фрагментов керамики и 33 каменных предмета. Отметим, что речь идёт о находках из сохранившейся части памятника. Как много их было в юго-восточной половине жилища и прилегавших к нему участках мыса, исчезнувших в результате значительного подмыва берега рекой, сказать невозможно. Принимая во внимание масштаб разрушений, рискнём предположить, что в толще донных и русловых отложений покоятся (?) артефакты в не меньшем количестве.

108 черепков и 13 предметов из кварца (7,1% от общего числа находок) образуют ранний в составе коллекции комплекс, связанный с кратковременной стоянкой эпохи неолита. По всем основным характеристикам эти материалы полностью соответствуют инвентарю недавно выделенной в Сургутском Приобье быстринской археологической культуры рубежа V — IV тыс. до н. э.[15] Среди памятников этой неолитической культуры значится и стоянка Быстрый Кульёган 38[16].

Ил. 5. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Раскоп 2000 г. Остатки нар в юго-западном углу котлована (уч. В/3), входа на поселение и оборонительного рва (уч. Б—В/1). Съёмка В.А. Борзунова. *Условные обозначения* — см. ил. 9

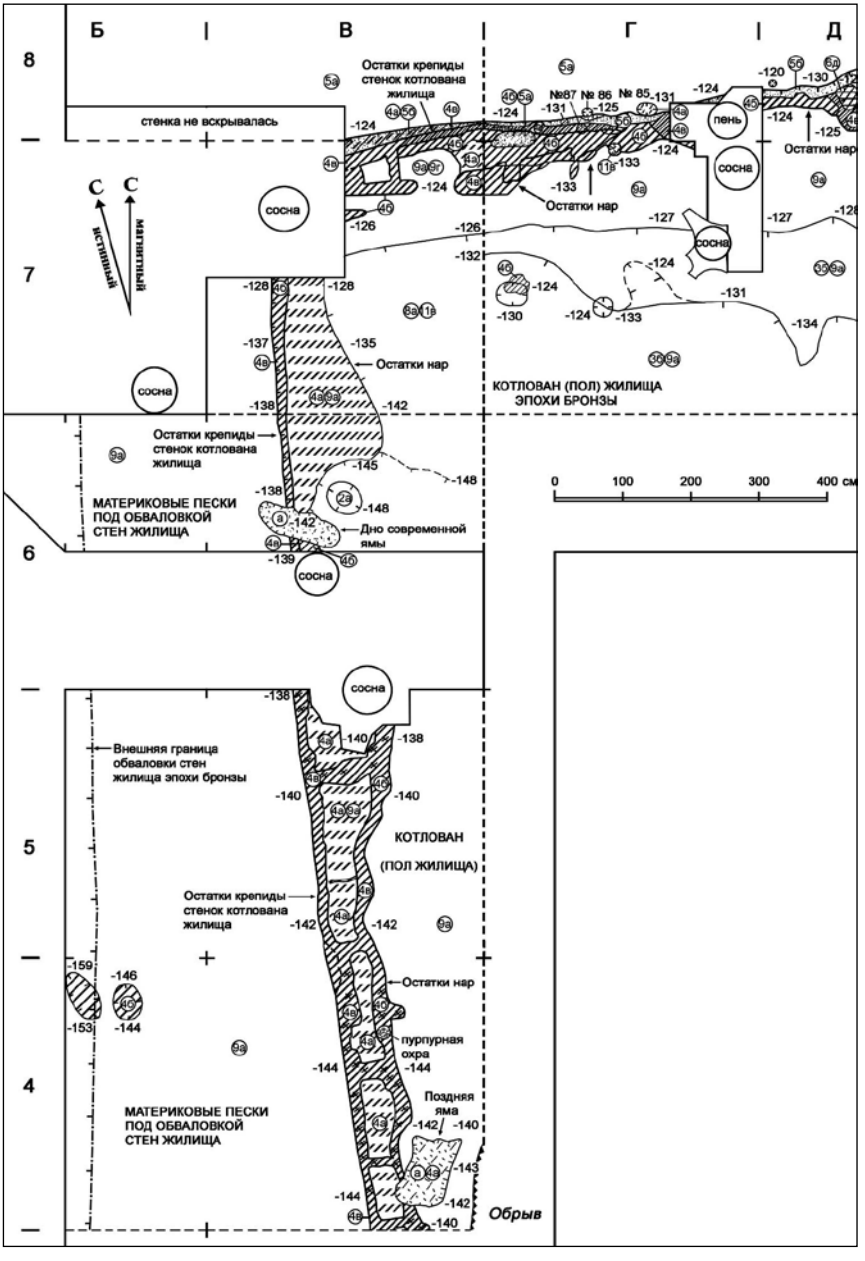
Остальная часть коллекции (92,9%) связана с укреплённым жилищем эпохи бронзы.

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Жилище

Поселение бронзового века представляло собой одиночное наземное жилое сооружение площадью около 450—480 кв. м (ил. 2—19). Оно располагалось на поверхности мыса и было ориентировано по его продольной оси, т. е. почти меридионально. Данный объект включал следующие основные элементы: жилой котлован и «заплечики» по его краям (интерьер, помещение), остатки стен, несущих столбов и обваловку стен постройки (общая конструкция жилища), ров и, предположительно, дополнительную защитную стену (система обороны).

Интерьер жилища. Прямоугольный котлован размерами 20х13 м занимал основную часть жилого помещения (23—24х14 м). От него сохранились западная и северная (полностью) и восточная (частично) стенки, а также юго-западный угол и менее половины дна (ил. 4). Котлован выкопан от уровня древней поверхности на глуб. 0,4—0,6 м, а в отдельных местах — до 0,9 м. Участки погребённой почвы сохранились по краям («заплечикам») углубления и под обваловкой стен жилища. Последняя состояла из песчаного грунта, вынутого при откопке котлована. Стенки котлована строго вертикальные, в древности были обшиты полубрёвнами или колотыми плахами прямоугольного сечения. Вдоль них располагались деревянные нары-«лежанки» шириной 1,0—1,5 м и высотой около 0,4 м. Остатки крепиды стенок котлована отчётливо фиксировались от его верха до среднего горизонта в виде углистой полосы шириной 10—30 см, ниже они сливались с остатками сгоревших нар. Последние прослеживались до дна углубления в виде двух параллельных серых и тёмно-серых углистых полос шириной 20—40 см, соединённых через определённые промежутки (0,5—2,0 м) углистыми перемычками такой же или менее интенсивной (светло-серой, серой, серо-жёлтой) окраски (ил. 4—11; 18; 19). По-видимому, «лежанки» (точнее, серия соединённых между собой в одну линию помостов) были сооружены из двух параллельных рядов отёсанных брёвен подпрямоугольного сечения, уложенных в два венца и соединённых перерубами. Поверхность нар собиралась из тонких жердей и, вероятно, покрывалась шкурами животных. У северной и восточной стенок котлована между материковыми песками и деревянной крепидой про-

Ил. 6. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Раскоп 2000 г. Остатки нар у западной и северо-западной стенок котлована жилища (уч. Б—В/4—5; Б—Г/6—8). Съёмка В.А. Борзунова и А.А. Погодина. *Условные обозначения* — см. ил. 9

слеживалось небольшое пространство в 6—12 см, засыпанное переотложенным песком.

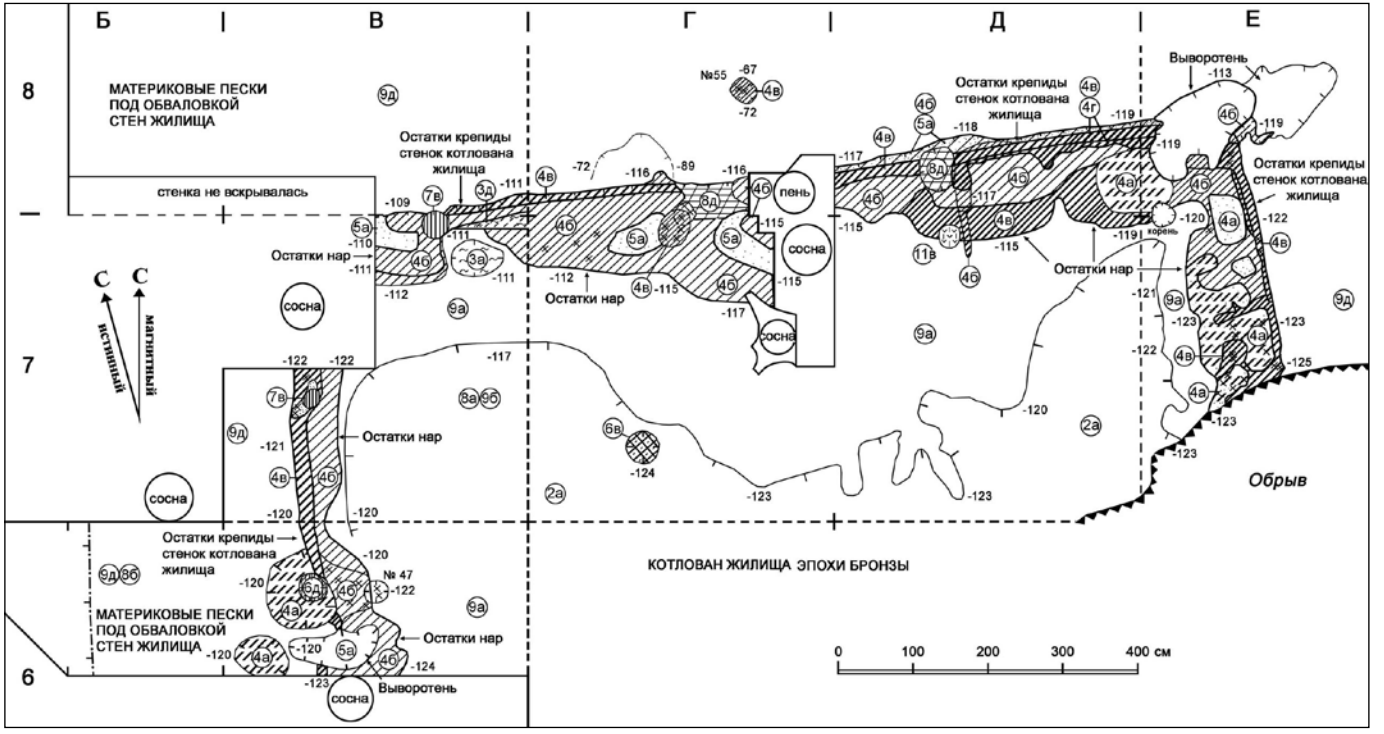
В нескольких местах на дне котлована вдоль его стенок в пределах углистой полосы были выявлены ямки от столбов. Особый интерес представляют углубления, примыкавшие к стенкам. К ним относятся заполненные чёрной углистой супесью ямы, выкопанные в юго-западном углу котлована на уч. В/3, ямка № 45 на том же участке, ямка между уч. Г—Д/8, а также серия углублений на уч. Е/7 (ил. 4, 5—*А*, 6—8). Мы полагаем, что все они остались от столбов каркаса, поддерживавших кровлю жилища и одновременно укреплявших нары и деревянную обшивку стенок котлована.

Дно котлована под остатками «лежанок» ровное, горизонтальное, покрыто слоем чёрной углистой супеси. Возможно, это следы сгоревшего пола или покрытия лежанок. В других частях углубления дно также относительно ровное (ил. 8, 10, 11). Это, а также наличие участков погребённого подзола в центре котлована свидетельствуют о том, что пол помещения имел какое-то покрытие. Для стационарных круглогодичных жилищ это является правилом.

В центральной части помещения находилась округлая хозяйственная (?) яма диаметром и глубиной около 0,65 м, выкопанная в материковом песке и наполовину разрушенная обрывом (ил. 4). Стенки её практически отвесные, дно округлое. Основное заполнение ямы — насыщенный угольками песок буро-болотного цвета, по-видимому, с остатками истлевшей органики. Находок в яме не было. К юго-западу от неё залегал пласт коричневой супеси протяженностью более 1 м, насыщенный мельчайшими кальцинированными косточками. Рядом с этим местом ранее находился уже упоминавшийся разрушенный центральный очаг жилища.

Пространство между котлованом и стенами постройки представляло собой возвышенную часть помещения шириной 1,2—2,5 м и площадью около 80 кв. м (ил. 4, 8—11). В процессе строительства жилища и укрепления основания его стен на этот подиум было насыпано немного песка, вынутого из котлована.

Основная масса находок — керамика и единичные каменные предметы — была сосредоточена вдоль стенок котлована, часть материалов находилась на его «заплечиках» (ил. 4). Нары служили местами отдыха, под них же во время периодических чисток помещения заметали мусор, в том числе битую посуду. Кроме того, нары и пространство рядом с ними являлись территорией наиболее интенсивной хозяйственно-

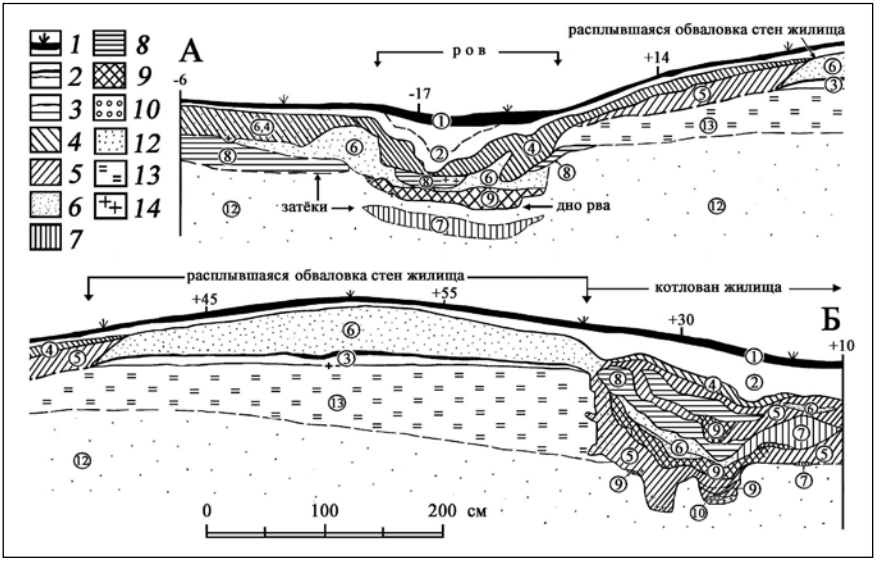
Ил. 7. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Раскоп 2000 г. Остатки нар у северной стенки котлована жилища (уч. Б—Е/7—8). Съёмка В.А. Борзунова и А.А. Погодина.
Условные обозначения — см. ил. 9

бытовой деятельности в пределах жилища. Песчаная платформа по краям котлована использовалась для хранения хозяйственного инвентаря, посуды и других предметов. Наибольшая концентрация артефактов отмечена в северо-восточном углу помещения, представлявшем особую хозяйственную зону, по-видимому, максимально удаленную от входа в жилище. В центре котлована находки редки.

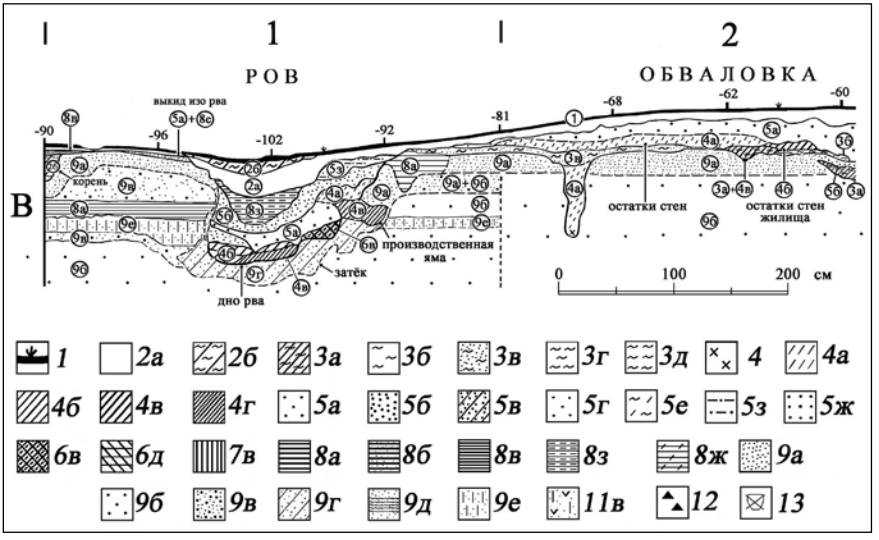
Конструкция жилища. Постройка реконструируется как бревенчатая, каркасно-столбовой конструкции, в плане прямоугольная (24х18—20 м). По форме она близка высокой усечённой пирамиде со скруглёнными углами. Стены жилища наклонные, составлены из брёвен и жердей. Их основание было установлено за пределами котлована. Верхней частью стены опирались на внешний край деревянных рам, а те опирались на вертикальные столбы, установленные по краям и в центральной части котлована. Те же рамы, покрытые жердями, тонкими колотыми плахами, ветками, корой, полотнищами бересты, а сверху — мхом, гумусом и песком, составляли крышу (перекрытие) постройки. Она была плоская или, скорее всего, очень низкая двускатная, наподобие тех, что встречаются у традиционных хантыйских наземных жилищ («бревенчатые юрты») и надмогильных сооружений (деревянные «домовины»). Основание стен с обеих сторон было укреплено песчаной насыпью, а снаружи, возможно, ещё и брёвнами, уложенными горизонтально в одну линию.

В заполнении расплывшегося вала обнаружены ямки от столбов и углистые слои — остатки сгоревших бревенчатых конструкций. Линия стен дома проходила по оси вала на удалении 1,2—2,5 м от края котлована. При раскопках основание стен фиксировалось в виде углистой полосы шириной от 0,4 до 2,5 м, толщиной 0,05—0,23 м, залегавшей в среднем и нижнем горизонтах светло-жёлтой песчаной насыпи (ил. 4). По мере приближения к основанию вала интенсивность окраски углистой полосы нарастала — от светло-серых, бело-серых и серых тонов до тёмно-серых и чёрных. Основание стен не было углублено в грунт, о чем свидетельствуют отсутствие характерной канавки под валом и практически не нарушенный горизонт древней почвы (ил. 8—11). В древности общая ширина обваловки стен, по-видимому, достигала 3,0—4,5 м, ширина внешней «завалинки» — 2,0 м, а высота последней — до 1,0 м. Об этом косвенно свидетельствует приходящийся на 80—88 м периметра стен постройки объём грунта, вынутого из котлована (96—120 куб. м), оборонительного рва и мелкой (0,3 м) канавки шириной 1,5—1,7 м с северной стороны вала.

Ещё одним элементом в системе остатков, характеризующих общую конструкцию постройки, является серия из 19 округлых ямок, часть которых могла остаться от столбов каркаса жилища. Они расположены в котловане жилища на удалении до 2,5 м от его стенок. Их размеры варьировались от 10 до 25 см в диаметре и от 4 до 35 см по глубине. Для сравнения, на «заплечиках» котлована было зафиксировано 30 ямок, а в пределах всего раскопа — более 90 углублений искусственного и естественного происхождения. С учётом создания воздушной тяги для очагов, максимального прогрева помещения в зимний период и элементарных требований пожарной безопасности высота несущих столбов и всего жилища от дна котлована была около 3,5 м, а от

Ил. 8. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Зачистка № 3 (обрыва террасы) 1994 г.: разрез рва, обваловки стен и юго-западного угла котлована жилища со сгоревшими нарами. Съёмка В.А. Борзунова.
Условные обозначения: 1 — лесная подстилка (хвойный опад, мох, гумус); 2 — верхние чёрный и пепельно-серый подзолы; 3 — погребённый подзол (древняя почва); 4 — светло-коричневые, ржавые и бурые ортзанды; 5 — жёлтый переотложенный песок; 6 — светло-жёлтый переотложенный песок; 7 — жёлто-серый углистый песок; 8 — серый и светло-серый углистые пески; 9 — темно-серый и чёрный углистые пески; 10 — розоватый охристый песок; 12 — материковый белый песок; 13 — материковый жёлтый песок; 14 — угли (пропуски в нумерации слоёв обусловлены единой схемой условных обозначений стратиграфии в отчёте о полевых работах, откуда скопирована данная иллюстрация)

Ил. 9. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Раскоп 2000 г. Разрез рва и обваловки стен жилища (западная стенка уч. В/1–2). Съёмка В.А. Борзунова.

Условные обозначения к ил. 5–7, 9–11: 1 — лесная подстилка (хвойный опад, мох, гумус); 2а — верхние пепельно-серый и белый подзолы; 2б — верхний чёрный углистый подзол; 3а — погребённый серый и тёмно-серый подзолы; 3б — погребённые светло- и бело-серый подзолы; 3в — погребённый жёлто-серый подзол; 3г — погребённые белый и ярко-белый подзолы; 3д — погребённые светло-жёлтый и бело-жёлтые подзолы; 4 — угли; 4а — светло-серый и бело-серый углистый песок; 4б — серо-жёлтый и серый углистые пески; 4в — тёмно-серый углистый песок; 4г — чёрный углистый песок; 5а — переотложенный светло-жёлтый песок; 5б — переотложенные жёлтый и тёмно-жёлтые пески; 5в — тёмно-жёлтый песок; 5г — бело-жёлтый песок; 5е — серовато-жёлтый с углистыми включениями песок; 5ж — мелкозернистый белый песок; 5з — жёлтый с коричневым оттенком песок; 6в — буро-серая супесь; 6д — буро-болотный песок; 7в — прокалённый оранжево-розовый песок; 8а — светло-коричневый ортзанд; 8б — коричнево-ржавый ортзанд; 8в — тёмно-жёлтый и оранжево-жёлтый ортзанд; 8ж — серо-бежевый ортзанд; 8з — кремовый ортзанд; 9а — материковый тёмно-жёлтый песок; 9б — материковые белый и светло-жёлтый пески; 9в — материковые светлый серо-жёлтый и бело-серый пески; 9г — серо-жёлтый иллювиальный песок; 9д — материковый яично-жёлтый слоистый песок; 9е — материковый кремово-жёлтый песок; 11в — розово-жёлтый и красно-жёлтый пески; 12 — керамика эпохи бронзы; 13 — раздавленный сосуд эпохи бронзы (пропуски в нумерации слоёв обусловлены единой схемой условных обозначений стратиграфии в отчёте о полевых работах, откуда скопирована данная иллюстрация)

окружающей поверхности — порядка 2,5 м. При этом угол наклона стен мог быть от 45 до 65 градусов.

Вход в жилище на раскопанных участках не обнаружен. Вероятно, он находился с южной стороны постройки, разрушенной рекой.

Система обороны. С южной стороны поселение было защищено прямым или дуговидным в плане и трапециевидным в сечении рвом с уплощенным дном (ил. 2—5, 8—10, 16, 17). Его ширина на сохранившемся отрезке составляет 2,0 м, глубина — 1,0—1,2 м. В отличие от рвов других мысовых укреплённых жилищ эпохи бронзы (например, расположенных по соседству поселений Быстрый Кульёган 2 и Быстрый Кульёган 40 с прямыми поперечными рвами — ил. 26), в данном случае представляемый элемент фортификации не пересекал весь мыс. Между западным концом рва и бровкой террасы строители оставили перемычку шириной 3—4 м. Предположительно — здесь находился вход на площадку поселения, оформленный воротами, а вся постройка была обнесена забором типа заплота или тургэ (бревенчатая стена с опорой на растущие деревья). От него на западном склоне мыса сохранились различной глубины редкие столбовые ямки. Без такой оборонительной стены сооружение рва (тем более незамкнутого) было бессмысленно: низкие берега реки не являлись серьёзной преградой для противника.

Северо-западный склон мыса в древности был эскарпирован, т. е. подрезан под углом не менее 45 градусов — для усиления его защитных свойств и создания дополнительной, уже искусственной, преграды со стороны старого русла реки. С северной стороны жилища рва не было. В этом месте вдоль насыпи прослеживалась ранее упоминавшаяся широкая и мелкая канавка, которая образовалась вследствие выемки грунта для укрепления основания стен (ил. 4).

Со временем оборонительный ров частично заплыл, и в нём (на уч. Б—В/1) была выкопана подпрямоугольная яма с уплощенным дном размерами 1,12х0,50—0,76 м и глубиной 0,30—0,35 м (ил. 5—*В*). Основное её заполнение — чёрная углистая супесь, в которой найдено два десятка черепков эпохи бронзы. Над ямой залегали углистые супеси, вымытые из обваловки стен жилища, а также светлый песок, обрушившийся со стенок рва. Судя по стратиграфии (ил. 9), данное углубление появилось ближе к концу функционирования посёлка. Скорее всего, это остатки какого-то *объекта производственного назначения*, чем обыкновенная яма для мусора.

Находки

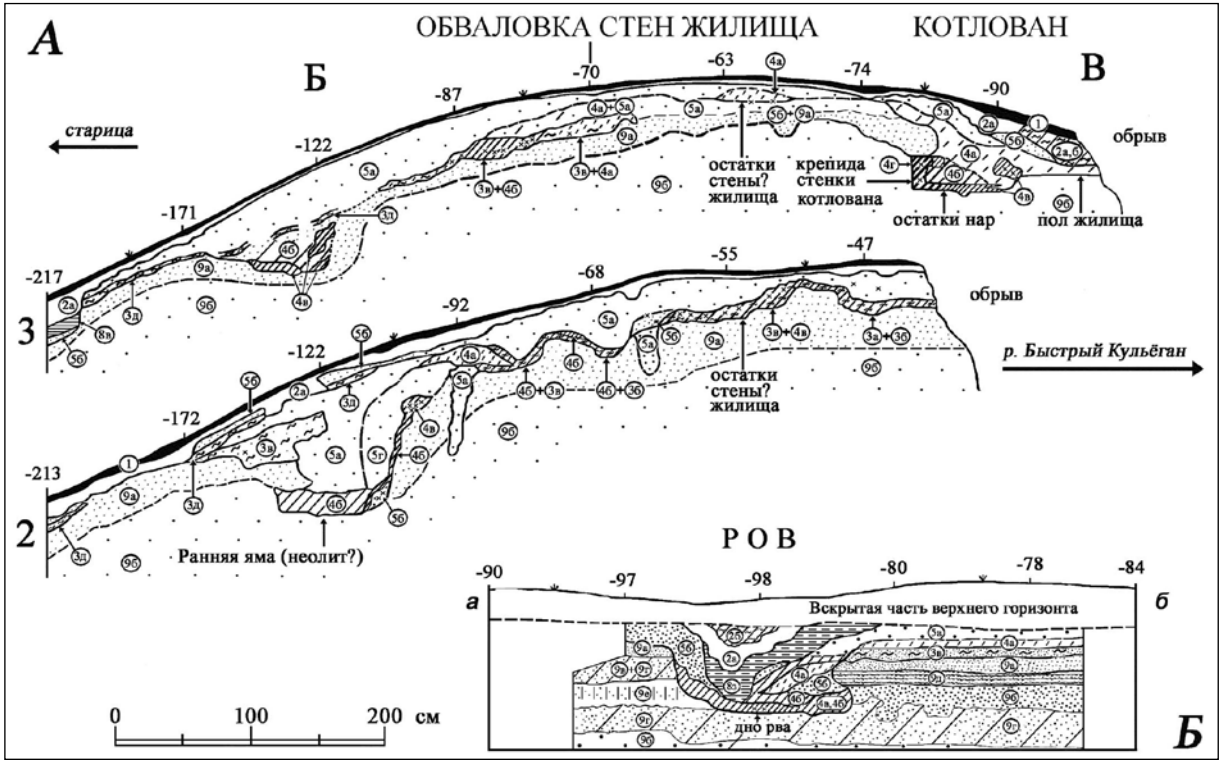
Керамика

Посуда представлена обломками (около 1640 ед.) минимум от 25 сосудов (ил. 20—24). Выборка, быть может, и небольшая, но вполне достаточная для целей общей характеристики и анализа кульёганского комплекса.

Исходным сырьём для изготовления посуды служила ожелезнённая глина с включением песчаных конкреций. Формовочная масса неотлежавшаяся, нерегидрированная, содержит вкрапления сухой глины. По-видимому, полного растворения глины при подготовке теста не происходило, т. е. имела место короткая выдержка формовочной массы. В качестве искусственной примеси к глине добавляли крупный некалиброванный шамот в объёме до 40—50%. Цель такой операции — предотвращение растрескивания керамики при обжиге. Кроме того, в глине присутствовала выгорающая органическая добавка, вид которой определить трудно. По крайней мере, у трёх сосудов в глиняном тесте отмечена примесь частиц охры.

Сосуды формовались в основном из жгутов диаметром 1,8—2,2 см. В нескольких случаях зафиксирован метод налепа нешироких (2,0—2,5 см) лент. Расформованность жгутов слабая. Из этого следует, что доминировала так называемая скульптурная лепка, а не выдавливание. Днища плоские, также жгутовой формовки. К стенкам они крепились в последнюю очередь, на это указывают особенности спаев и трещин в соединительной зоне, а также характер разрушения сосудов — «выпадения» днищ. Венчик специально не обрабатывался, к моменту окончания формовочных операций он уже хорошо подсыхал. Глиняные жгуты часто распадались по спаям, что свидетельствует о пересушенности самих спаев, длительности и постепенном характере формовки, а также указывает на особую — тугую — формовочную массу.

Обработка поверхности сосуда грубая, явно поспешная, соответствующая массовому производству керамики для хозяйственных нужд населения посёлка. Выполнялась такая операция твёрдым орудием с зубчатым рабочим краем — скорее всего, гребенчатым штампом. Как правило, на внутренней стороне черепков и, изредка, на внешней присутствуют характерные «расчёсы» — следы затирки поверхности таким инструментом. При этом горизонтальные штриховые следы преобладают. Перед обжигом сосуды не подвергались дополнительной влажной обработке. Обжиг — костровой, кратковременный, низкотемпературный (не более 800°). Черепки различных цветовых оттенков, но

Ил. 10. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Раскоп 2000 г. А — разрезы обваловки стен жилища и остатков сгоревших нар в котловане жилища (западные стенки уч. Б—В/2, Б—В/3); Б — профиль нижней части рва (уч. В/2). Съёмка В.А. Борзунова.

Условные обозначения — см. ил. 9

в основном серые, светло-серые и серо-коричневые. В целом качество продукции, произведённой кульёганскими гончарами, можно оценить как весьма невысокое.

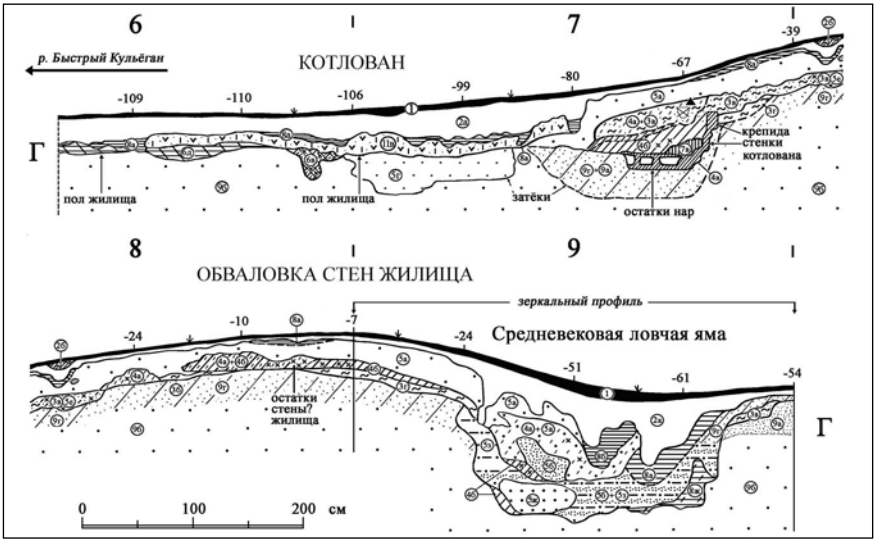
Керамика сильно фрагментирована. Судя по имеющимся обломкам, практически весь комплекс состоит из плоскодонных сосудов баночной формы. Среди них абсолютно доминируют ёмкости удлиненных пропорций, стенки которых в верхней части слегка наклонены внутрь или имеют профилировку, близкую вертикальной. Открытые банки редки, но и у них в приустьевой зоне наблюдается слабый загиб стенок внутрь (ил. 21—*4*). Напротив, у части закрытых банок края стенок слегка отогнуты наружу (ил. 20—*4*, 21—*1*, 23—*8*). Профилировка тулова плавная, зона наибольшего расширения приходится на верхнюю половину или середину сосуда, переход от стенок к днищу также плавный. Верхний край ёмкости оформлен в виде ровной (ил. 21—*1—4, 8*, 22—*5*, 23—*1, 2, 8* и др.) или пологоволнистой (ил. 20—*4, 5*, 22—*1, 6*) линии. Венчики плоские горизонтальные, изредка — плоские скошенные наружу (ил. 20—*4*, 22—*1*) или грибовидные, с нависающими над стенкой краями (ил. 22—*12*).

В коллекции представлены обломки сосудов средних и крупных размеров. В восьми случаях удалось измерить диаметр по венчику: у трёх ёмкостей он был в пределах 16,5—21,0 см, у пяти — 26,0—29,0 см и более. Диаметры донышек варьировали от 9 до 14 см. Высота единственного восстановленного сосуда — около 29,0 см при диаметре устья 27,0—28,0 см (ил. 20—*5*). Посуда, за очень редкими исключениями, толстостенная: по верху толщина стенок порядка 7—10 мм, в средней части — 6—9 мм, толщина донных лепёшек — 9—11 мм.

Боковая поверхность покрыта узорами у всех сосудов, днища орнаментированы у 90% банок, венчики — у 66%. Орнаментация сплошная, плотная, построена по горизонтально-зональному принципу.

Венчики обычно украшены наклонными отпечатками гребенчатого штампа (ил. 20—*2, 3*, 21—*1—3, 8*, 22—*3, 4, 12*) и только изредка — овальными вдавлениями (ил. 20—*1*, 22—*7*, 23—*2*). В случаях, когда глубокие оттиски располагались часто и близко друг к другу, край горловины приобретал зубчатый контур (ил. 21—*2, 4*, 22—*3, 7*, 23—*2, 6*).

Исчерпывающая характеристика декора, покрывавшего боковую поверхность сосудов, затруднена по причине малочисленности крупных обломков. С определённостью можно говорить об элементарности орнамента в нижней половине тулова и усложнённости композиций в его верхней части. Узоры в нижней зоне состоят из однообразно

Ил. 11. Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38. Раскоп 2000 г. Разрез обваловки стен жилища, остатков сгоревших нар в котловане жилища (западные стенки уч. Г/6—9) и средневековой ловчей ямы. 2000 г. Съёмка В.А. Борзунова.
Условные обозначения — см. ил. 9

Ил. 12. Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38. Общий вид. Сн. с юго-запада (со стороны старицы)

повторяющихся горизонтальных линий или рядов зубчатых оттисков – вертикальных или с наклоном вправо, иногда чередующихся друг с другом или с поясками ямочных вдавлений (ил. 20–*5*, 21–*8*, 22–*2, 9, 16*, 23–*10, 11, 13*). У ряда сосудов аналогичным образом украшена и верхняя половина (ил. 22–*1*); таких ёмкостей, примерно, около трети. Усложнение композиций в верхней части орнаментального поля достигалось путём включения в них элементов, нигде более не повторяющихся, а также применением разнообразных способов исполнения декора. У 60% сосудов здесь расположена оригинально оформленная полоса горизонтальных зигзагов – в количестве от одного до четырёх. Ломаные линии выполнены оттисками наклонно поставленного гребенчатого штампа (ил. 21–*1–3, 7*, 23–*6*), прочерчиванием (ил. 20–*3, 4*, 21–*4*), глубокими желобками (ил. 20–*5, 6*) и даже (на одном экземпляре) – узким формованным валиком (ил. 21–*8*). В одном случае встречен декор в виде двух горизонтальных «волнообразных» поясков, заполненных вертикальными оттисками близко поставленного гребенчатого штампа (ил. 20–*4*). Углы зигзагов почти всегда помечены ямочными вдавлениями, а на ряде банок (не менее 5 экз.) к ним «привешены» цепочки таких же вдавлений, прочерченные или гребенчатые отрезки, которые по вертикали опускаются до середины тулова (ил. 20–*5*, 16–*1, 4, 8*). Иногда зигзаговые линии обрамлены оттисками гребёнки или угловыми вдавлениями (ил. 21–*4, 8*).

Собственно геометрические фигуры занимают достаточно скромное место в кульёганском декоре: только на одной банке верхняя часть стенок украшена горизонтальным пояском ромбов (ил. 23–*1*). Их верхние и нижние углы также украшены неглубокими ямками, а под ромбами нанесена двойная зигзаговая линия и тоже с ямками в углах. Любопытно, как изображены эти фигуры, – они состоят из горизонтальных отпечатков короткого зубчатого штампа, нанесенных в шахматном порядке. Полоса, занимаемая ромбовидными фигурами и зигзагами в комбинации с ямками, в обрамлении и с разного рода «подвешенными» элементами, является в композициях центральной.

Зона под венчиком покрыта горизонтальными гребенчатыми линиями (ил. 20–*2*, 21–*1*, 22–*1, 3*, 23–*1*), рядами вертикальных или наклонных отпечатков зубчатого штампа (ил. 20–*5*, 22–*6–8, 12*, 23–*6*), а почти у половины ёмкостей – расположенными в шахматном порядке горизонтальными оттисками короткого гребенчатого штампа (ил. 20–*1, 4*, 21–*3, 4*, 23–*2–4, 8*). «Шахматное» заполнение приустьевой зоны с помощью специфического фигурного чекана можно рассматривать

Ил. 13. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Западная половина раскопа 2000 г. (на переднем плане — уч. А/1). Сн. с юга — юго-запада

Ил. 14. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Общий вид. Сн. с юга

в качестве одного из отличительных признаков керамики поселения Быстрый Кульёган 38.

Донная поверхность большинства сосудов украшена гребенчатым узором в виде радиально расходящихся из центра лучей (ил. 22—*14—16*, 23—*12*). У некоторых экземпляров на днище нанесены параллельные ряды гребенчатых отпечатков (ил. 20—*5*).

Среди разных способов нанесения декора господствует гребенчатая техника. Это заключение справедливо относительно керамического комплекса в целом и каждого сосуда в отдельности. Гребенчатые узоры выполнялись обычно штампованием, реже — прокатыванием. Только на одном сосуде отмечена шагающая гребёнка. Орнаментиры различались по длине, ширине, форме и количеству зубцов. В частности, на ряде обломков присутствуют отпечатки штампов с треугольной нарезкой зубцов (ил. 20—*5*, 22—*12*). В зависимости от угла наклона и глубины проникновения один и тот же инструмент оставлял разные оттиски.

На многих банках (около 70%) в состав орнамента включены ямочные вдавления — обычно неглубокие, округлые (реже — иных форм), не образующие на внутренней стороне ёмкостей «жемчужин». Расставленные на равном расстоянии друг от друга или попарно, сгруппированные в горизонтальные пояски, они выполняли функцию разделительных элементов, но в некоторых композициях им отводилась явно декоративная роль (ил. 20—*4—6*, 21—*1, 3, 4, 7, 8*, 23—*1, 6, 9*). Ямочные мотивы более характерны для узоров, расположенных в верхней половине сосудов. Только в приустьевой зоне размещались зигзаги и горизонтальные линии, выполненные в желобчатой технике (*5* сосудов) или прочерчиванием (*3* сосуда) (ил. 20—*1, 4—6*, 21—*4*). В коллекции есть, по крайней мере, одна банка с узким формованным валиком (ил. 21—*8*).

На стенках пяти ёмкостей изнутри и снаружи, как правило в зоне под венчиком, отмечены следы нагара. На одном экземпляре по обеим сторонам трещины зафиксированы высверленные сквозные отверстия (ил. 20—*5*) — очевидное свидетельство ремонта посуды.

Изделия. Обломки сосудов — обычные бесформенные, иногда дополнительно обработанные, геометрических форм — использовались в качестве орудий для каких-то хозяйственных и бытовых нужд. В коллекции имеется несколько черепков с характерными следами в виде затёртости и заглаженности на одном из краёв. Возможно, это скребки по коже, шпатели по глине (лощила для обработки глиняной посуды в процессе её производства) или абразивы иного назначения. Подобные

Ил. 15. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Остатки рва в современном рельефе. Сн. с севера

Ил. 16. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Отрезок оборонительного рва эпохи бронзы (уч. В/1). Сн. с юга — юго-востока

предметы известны практически на всех кульёганских памятниках. Об использовании некоторых сосудов в бронзолитейном производстве будет сказано ниже.

Каменный инвентарь. Подборка предметов из камня, обнаруженных в раскопанной части укреплённого жилища, крайне скудна. Она включает:

— две абразивные плитки со слегка вогнутой рабочей поверхностью;

— подтреугольный скол (41х17х3 мм) с абразивной плитки (ил. 25—*4*);

— изделие из куска лимонита размером 35х20х16 мм, на плоских гранях которого прослеживаются следы пришлифовки (ил. 21—*6*; 25—*7*);

— подвеску из плитки чёрного сланца — сегментовидной формы (52х23х7 мм) с отверстием для подвешивания и следами пиления (ил. 21—*5*; 25—*9*);

— нижнюю часть трапециевидной (?) шлифованной подвески из серой сланцевой плитки (25х24х5 мм) (ил. 25—*8*);

— до десятка обыкновенных расколотых галек (размерами от 20х19х9 до 43х31х21 мм) без следов обработки и использования, явно принесенных откуда-то в жилище.

Также под обрывом найдено:

— несколько подобных галек;

— обломок ещё одной абразивной плитки;

— орудие размерами 73х66х43 мм, похожее на молоток среднего действия[17], со следами забитости на боковых гранях и двумя пришлифованными поверхностями (ил. 21—*6*).

Принадлежность данных каменных предметов к комплексу находок бронзового века сомнений не вызывает.

Не имея даже приблизительного представления о количестве (и, разумеется, составе) изделий из камня, находившихся в размытой части постройки, тем не менее есть основание полагать, что их было немного. Это суждение основывается, во-первых, на аналогиях (поселения Чернореченское I, Барсова Гора II/19б, Барсова Гора II/22, Малая Моховая I, Щетнмато-Лор, Коим 1 и др.) и, во-вторых, на фактах использования металлических орудий и освоения металлообрабатывающего производства населением Сургутского Приобья и верховий р. Пура в начале бронзового века. В поддержку сказанного свидетельствую следующие находки:

— обломки тиглей для расплавки цветного металла, глиняное сопло и обрезок бронзового изделия — на поселении Барсова Гора II/19б[18];

— капля цветного металла и оселки для заточки металлических предметов — на памятнике Барсова Гора II/22[19];

— слиточек меди или бронзы и фрагмент глиняного стержня (сердечник составной литейной формы?) — на поселении Щетнмато-Лор[20];

Ил. 17. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Разрез оборонительного рва эпохи бронзы (западная стенка уч. В/1). Сн. с юго-востока

Ил. 18. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38**. Остатки обваловки стен, сгоревших нар и крепиды стенки котлована жилища эпохи бронзы (уч. В/4). Сн. с юго-запада

— мелкие части толстостенных тиглей и основание рюмковидного сосудика (льячка?) — на Чернореченском I поселении[21];

— части массивной двухсторонней глиняной литейной формы — на поселении Балинское 1[22].

Следы металлопроизводства. К сожалению, на исследованном нами памятнике не обнаружено изделий из меди или бронзы, но есть крупный выпуклый черепок с типичным для кульёганской керамики орнаментом на внешней стороне и сильно ошлакованной внутренней поверхностью. Он явно указывает на плавку в сосуде цветного металла. Ошлакованные обломки стенок и днищ кульёганских банок, вторично использовавшихся с той же целью, найдены также на поселениях Чернореченское I[23] и Щетнмато-Лор[24]. Для кузнечной обработки металла и заточки лезвий металлических орудий на поселении Быстрый Кульёган 38 могли применяться упомянутые выше каменные абразивы и молоток.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

Планиграфия слоёв, объектов и находок

Следы небольшого поселения каменного века, обозначенного как стоянка Быстрый Кульёган 38А, обнаружены на ряде участков мыса, в том числе под остатками жилища эпохи бронзы. Картографирование 108 обломков неолитической посуды выявило наличие трёх зон её распространения.

Северо-западная зона (уч. Б—В/8—9) — средняя по размерам, наиболее насыщенная находками: на площади 7х7 м найдено 88 фрагментов неолитических сосудов. Здесь же зафиксированы бесспорные остатки неолитического слоя.

Юго-западная зона (уч. Б—В/2—5) — самая обширная (10х5,0—5,5 м), но с малым количеством материала: 11 фрагментов было обнаружено в раскопе 2000 г. и 1 обломок найден при зачистке обрыва берега в 1994 г. (в столбовой ямке, располагавшейся в котловане жилища).

Северо-восточная зона (уч. Д/7, Д—Е/8) — самая маленькая, с минимальным количеством находок: 8 черепков обнаружены в северо-восточном углу жилища эпохи бронзы, на площадке размерами 2,25х1,10 м, один обломок — в заполнении котлована данной постройки, в 2 м юго-западнее от основной группы находок.

Материалы каменного века — изделия из кварца и обломки тонкостенных неолитических сосудов быстринского типа — залегали in

situ в основании культурного горизонта, в слоях розово-жёлтого, розово-охристого и кремово-охристого песка мощностью 15—20 см, спускавшегося по склону и местами сохранившегося под расплывшейся обваловкой жилища эпохи бронзы. В переотложенном состоянии они зафиксированы в слоях иной цветности и состава — в обваловке стен жилища, на заплечиках котлована и в его заполнении.

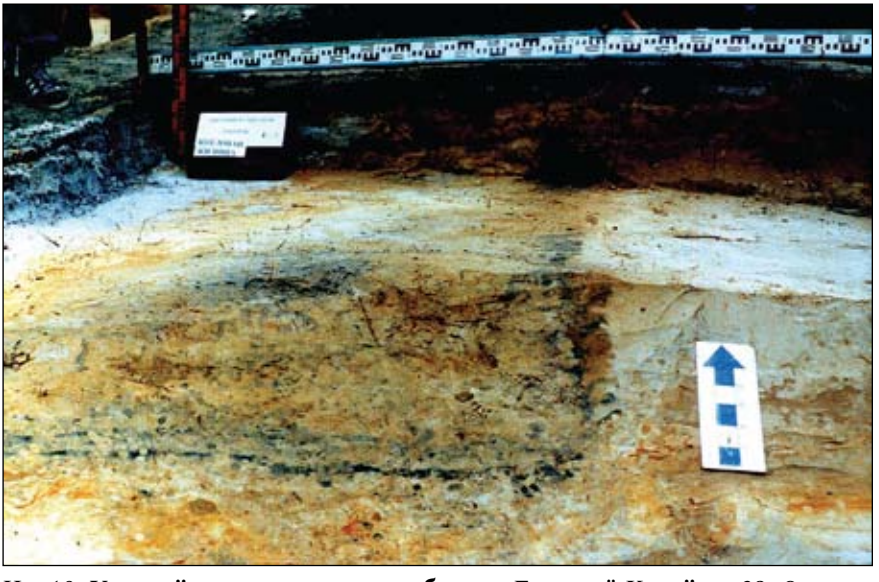
С известной осторожностью к неолитическому периоду можно отнести:

— не менее семи столбовых (?) ямок диаметром 15—34 см и глубиной от 7 до 40 см (№ 27, 30а, 57, 62—64 и др.);

— одну округлую и четыре подквадратные ямы хозяйственного или иного назначения размерами от 0,8—1,0х0,8 до 2,85х1,3 м и глубиной 0,26—1,00 м, открытые на западном склоне мыса (уч. Б/2—4, Б/9, Б—В/8);

— немногочисленные культурные остатки, зафиксированные в северо-восточной части раскопа (уч. Г—Д/8, Ж/7—8, Е/9), а также у западной стенки и в юго-западном углу котлована жилища (уч. В/3—5).

Слои и объекты неолитической стоянки были сильно повреждены в процессе строительства и функционирования укреплённого поселения эпохи бронзы. Судя по распространению неолитической керамики и немногочисленным ранним объектам, основной жилой зоной на мысу

Ил. 19. **Укреплённое жилище эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38.** Остатки сгоревших нар и крепиды стенки котлована жилища эпохи бронзы (уч. Е/7). План и профиль. Сн. с юга

в эпоху камня являлся его западный склон, обращённый к древнему руслу водотока. Некоторые неолитические объекты, включая места по обработке камня (так называемые «точки»), могли находиться на северо-восточном краю мыса и на его северной, ещё не до конца раскопанной оконечности[25]. Было данное поселение стационарным либо сезонным, пока говорить трудно. Малочисленный неолитический инвентарь и отсутствие на мысу чётко выраженных круглогодичных полуземлянок (как на расположенном всего лишь в 5 км севернее поселении Быстрый Кульёган 66[26]) свидетельствуют, скорее всего, в пользу второй версии. Возможно, в эпоху камня мыс периодически использовался только в тёплое время года (весной — осенью), в том числе во время «путин». Помимо рыбной ловли, население посёлка (или нескольких сменявших друг друга сезонных стоянок) занималось обработкой камня и, возможно, керамическим производством.

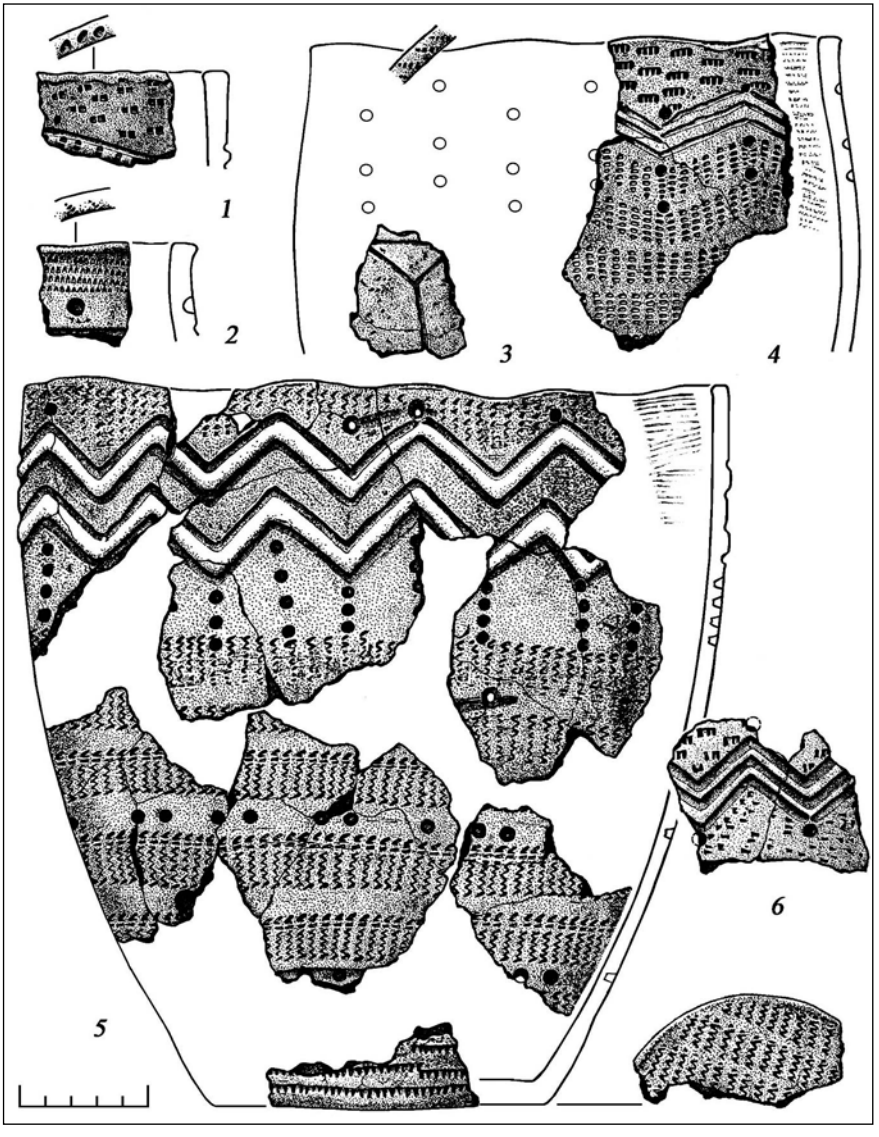
Находки

Керамика. Комплекс представлен 108 фрагментами, из которых проанализирована выборка из 34 крупных и средних по величине обломков. Сосуды, вероятно, полуяйцевидной формы с прямыми или слегка наклонёнными внутрь ёмкости тонкими (3—5 мм) стенками. Венчики (2 ед.) — округлые, слегка отогнутые (ил. 24—*1, 2*). Диаметр ёмкостей по устью — не более 25 см. Обломков днищ выделить не удалось. Части стенок с венчиками происходят не менее чем от двух сосудов, хотя в действительности их было значительно больше.

Сосуды конструировались из жгутов глины диаметром 7—8 мм с последовательной их примазкой друг к другу. Обязательным элементом технологии была формообразующая выбивка с использованием наковаленки, например гальки с плоской или слегка выпуклой поверхностью. В результате выбивки жгуты расформовывались, толщина стенок сосудов уменьшалась, однако устьевая часть ёмкостей такой процедуре практически не подвергалась. Заготовку каждого сосуда лепили без длительных перерывов, в результате чего края спаев не успевали подсыхать и оставались пластичными. Поверхность сосуда обрабатывали тщательно, но без излишнего усердия. Следы грубой обработки или применения шпателя отсутствуют; также не заметно следов лощения по влажной поверхности. Грубые примеси в глиняном тесте сосудов визуально не прослеживаются: возможно, в качестве формовочной массы использовалась глина без искусственных примесей либо с мельчайшими включениями песка. Обжиг сосудов, по-видимому,

костровый. Керамика — светло-коричневого цвета; тёмные прослойки в изломах черепков отсутствуют.

Все найденные черепки орнаментированы. Довольно разрежённые узоры покрывали, очевидно, всю поверхность сосуда, включая венчик.

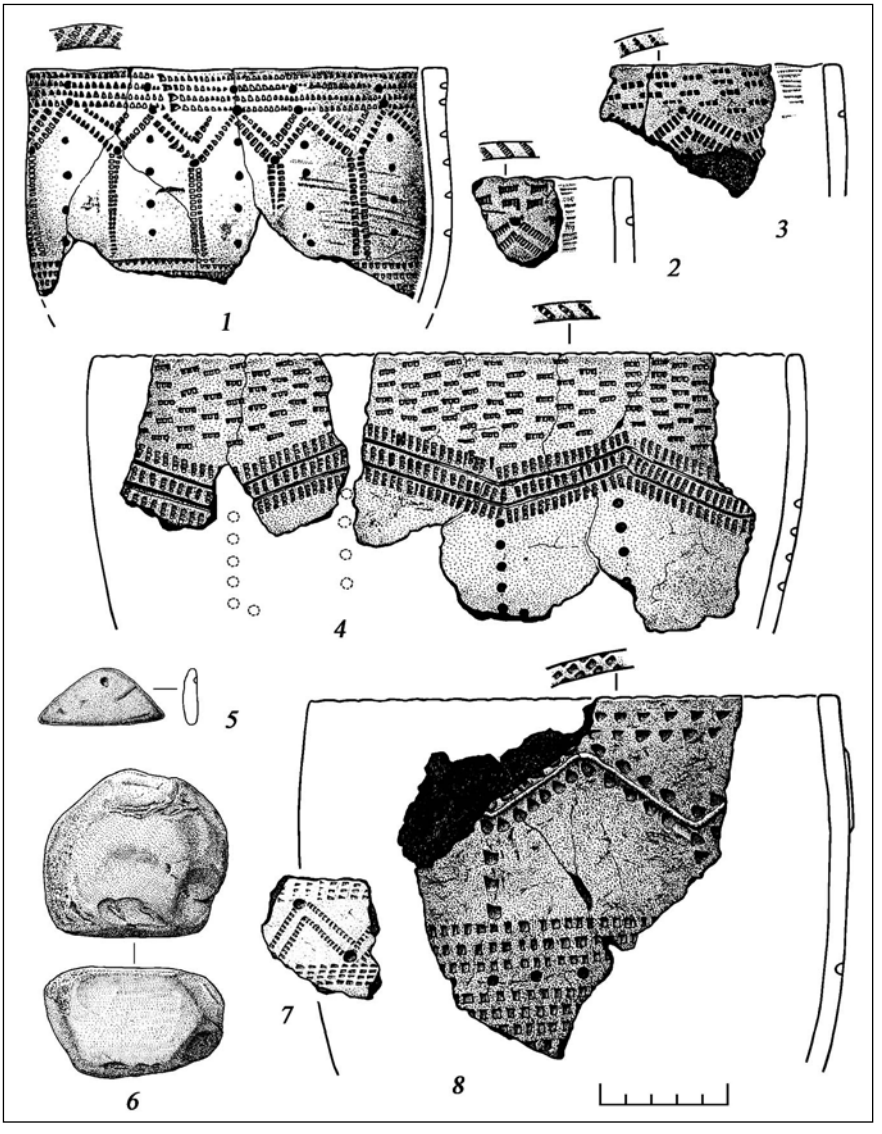
Ил. 20. **Укреплённое жилище Быстрый Кульёган 38.** Керамика эпохи бронзы кульёганского типа (1—6)

Верхний край устья (срез венчика или просто венчик) украшен косыми насечками. Характерным элементом декора являлся поясок неглубоких округлых ямок у верхнего края ёмкости, в 2,5—3,0 см от венчика. Из 34 рассмотренных обломков стенок 25 экз. (около 73,5 %) имеют узоры, выполненные прочерченной техникой. Остальные 9 фрагментов распадаются на три равные группы с отступающе-накольчатой, шагающей и прочерченно-шагающей орнаментацией (ил. 24).

Для нанесения орнаментов применялись: тонкая заострённая палочка, палочка с округлым концом, лопаточка, различные гребенчатые штампы с мелкими зубцами. Палочками пользовались для нанесения наколов и ямок, а также выполняли узоры в технике прочерчивания и отступания. Лопаточкой наносили насечки, прочерченные орнаменты и зигзаги. Гребенчатыми чеканами работали в технике прочерчивания, отступания, шагания и при штамповке длинных полос. В композициях преобладали волнистые и прямые линии, выстроенные горизонтально или под наклоном. Зигзаги редки. Меньшую группу составляли «паркетные узоры»: взаимопроникающие зоны, разделённые вертикальными и, возможно, наклонными линиями, а также заштрихованные под разными углами треугольники.

Комплекс ранней посуды поселения Быстрый Кульёган 38 малочисленный. Тем не менее он однороден и в какой-то степени оригинален. По большей части характеристик неолитическая посуда этого памятника соответствует керамике быстринского типа Сургутского Приобья. По сведениям автора раскопок, основное поселение с посудой данного типа — Быстрый Кульёган 66 — имеет надежную поздненеолитическую датировку, основанную на серии из шести радиоуглеродных дат: кон. V — нач. IV тыс. до н. э.[27] Пробы угля взяты из обоих котлованов двухкамерной постройки и окружающего её рва[28]. В то же время большинство калиброванных дат быстринской культуры лежит в диапазоне сер. VI — втор. пол. V тыс. до н. э.[29] Керамика стоянки Быстрый Кульёган 38А отличается по некоторым признакам от обобщённой характеристики посуды быстринского типа, составленной на основании анализа материалов из трёх стационарно исследовавшихся памятников — поселения Быстрый Кульёган 66, селищ Чёрное 3 и Барсова Гора II/38[30]. Например, у сосудов с представляемой стоянки в глиняном тесте отсутствуют искусственные примеси шамота, охристой крошки и органики, нет керамики с залощённой поверхностью и косым срезом края устья внутрь ёмкости, но венчик слегка выделен, не орнаментирована внутренняя сторона под венчиком и обязательно присутствует

поясок округлых ямок на внешней поверхности стенок под венчиком. Днища у сосудов быстринского типа, найденных на других памятниках, имеют характерный «сосцевидный» шип, а на верхнем срезе некоторых экземпляров присутствуют треугольные выступы — «ушки». Вряд ли

Ил. 21. **Укреплённое жилище Быстрый Кульёган 38.** Керамика эпохи бронзы кульёганского типа (1—4,7, 8) и предметы из камня (5, 6)

эти признаки носят локальный характер: памятники Быстрый Кульёган 38 и Быстрый Кульёган 66 разделены всего несколькими километрами. По-видимому, некоторые из этих различий не случайны и объясняются разной хронологией памятников. Можно предположить, что керамический комплекс нашей стоянки более поздний, по сравнению с посудой ранее упоминавшихся поселений быстринского типа.

Каменный инвентарь. С неолитической стоянкой связано 13 предметов из кварца. Техника расщепления кварцевых галек основана на ударе и контрударе. Ниже приведена краткая характеристика артефактов.

Нуклевидный кусок (54х37х32 мм), на поверхности которого прослеживаются негативы от снятия коротких широких отщепов. В качестве ударных площадок использовались поочерёдно, как минимум, четыре плоскости камня (ил. 25—*6*).

Нуклеус — подтрапециевидный (37х14х13 мм), характеризующий расщепление в технике контрударного скола. Поверхность расщепления — вся окружность камня. Ударная площадка покрыта острыми заломами. Судя по негативам, снимались заготовки удлиненных пластинчатых очертаний (ил. 25—*2*).

Нуклеус — кварцевый, из подтреугольной гальки (29х18х9 мм). Контрударное снятие приходилось на конец заготовки. Предмет находился на начальной стадии расщепления (ил. 25—*1*).

Скребок для обработки шкур — овально-подпрямоугольной формы (28х19х8 мм), изготовлен из отщепа техникой контрударного снятия. Лезвия, расположенные по периметру орудия, оформлены крупной ретушью (ил. 25—*3*).

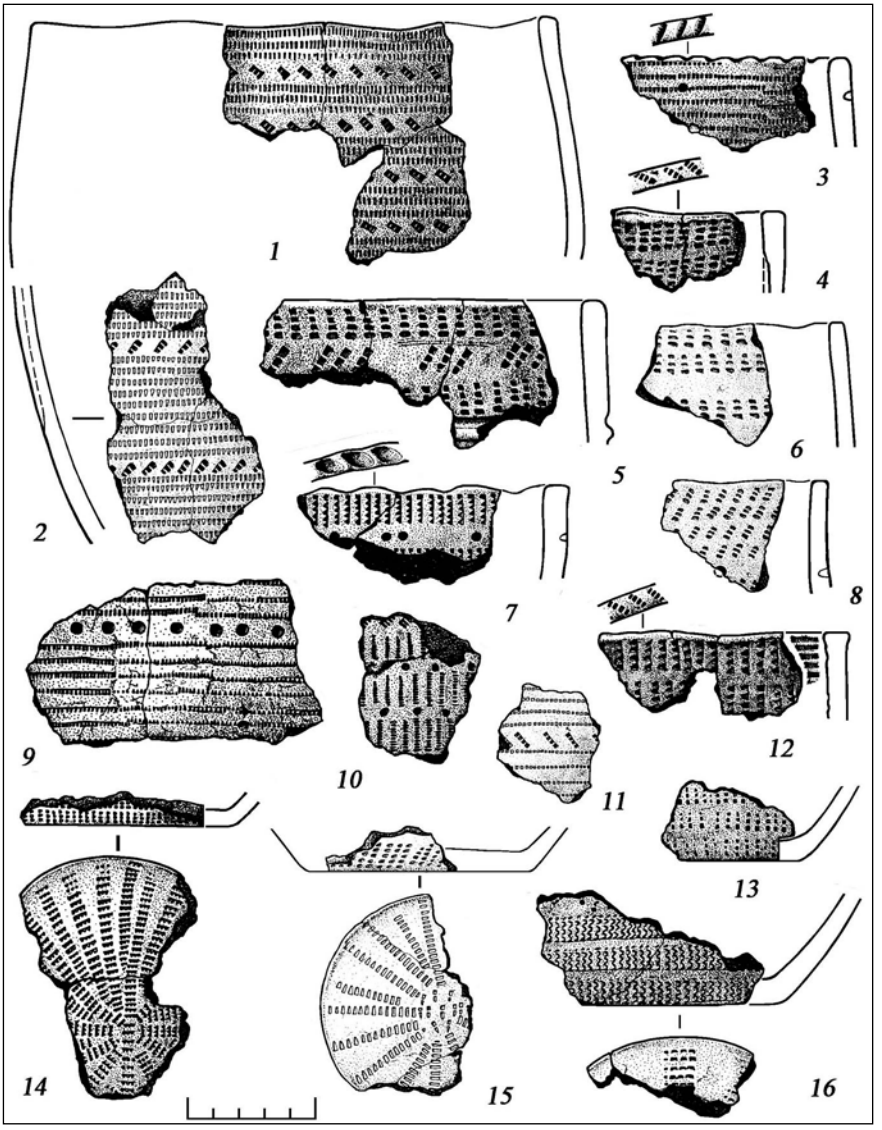
Наковаленка — кварцевая галька овально-прямоугольной в плане формы и треугольного сечения (51х35х32 мм). На ней фиксируются, как минимум, три зоны сработанности: одна — на широкой плоскости, две — на одном из краёв. Они имеют вид обширных аморфных либо небольших округлых площадок с характерными выбоинами (ил. 25—*5*).

Отщепы (8 экз.) — мелкие со следами желвачной корки.

ПРОМЫСЛОВЫЕ ОБЪЕКТЫ

На северной периферии раскопа обнаружены две большие ямы практически с отвесными стенками и горизонтальными уплощенными днищами. В верхней части углубления — овальные, в нижней — подпрямоугольные.

Первая яма в рельефе не фиксировалась (уч. Б—В/9). Она была выкопана в «догородищенский» период (неолит — ранняя бронза), прорезала неолитический слой и была перекрыта расплывшимся валом жилища эпохи бронзы. Её глубина — 1,0 м, размеры в верхней части — 2,7х2,0 м, на дне — 1,7х1,7 м.

Ил. 22. **Укреплённое жилище Быстрый Кульёган 38.** Керамика эпохи бронзы кульёганского типа (1—16)

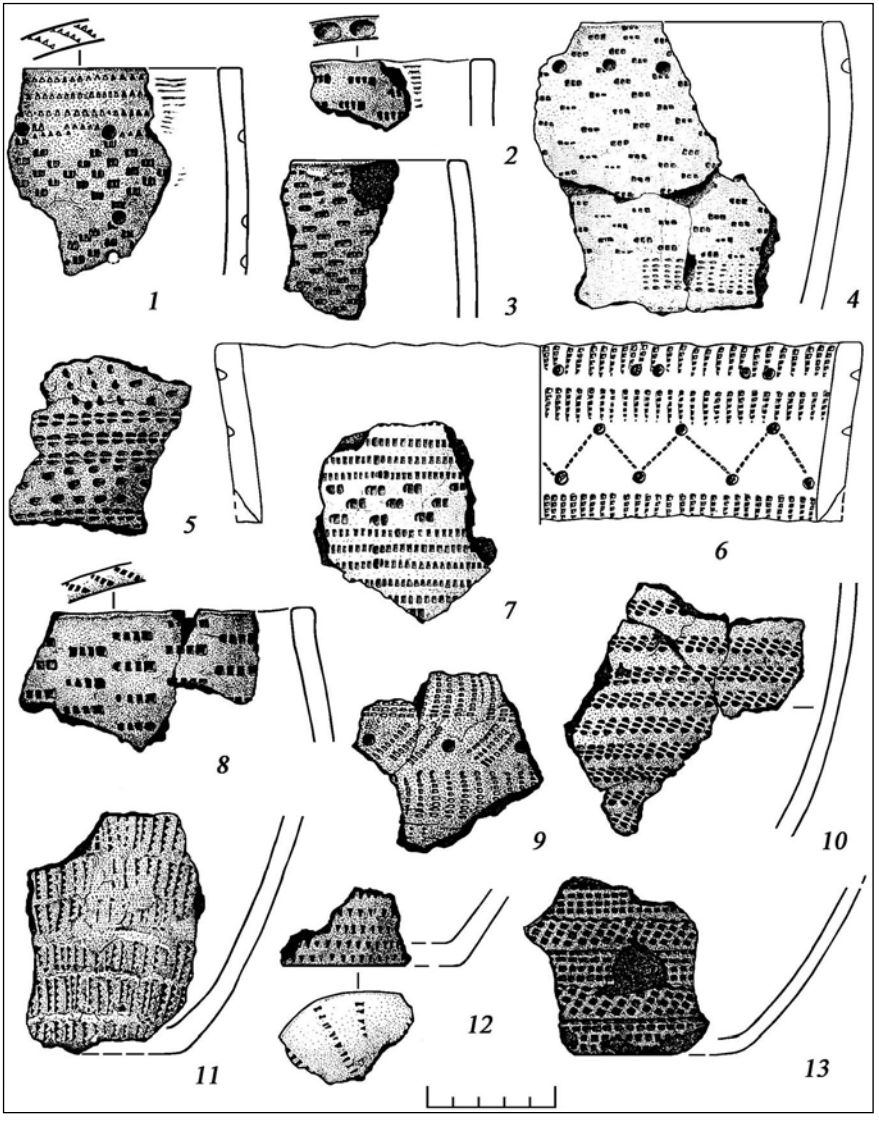
Вторая яма располагалась поблизости и прослеживалась на поверхности с внешней стороны вала (уч. В—Г/9). Судя по стратиграфии, она появилась в эпоху Средневековья. Её глубина — 0,9—1,2 м, первоначальные размеры на поверхности — около 3,0—3,6х2,4 м, у дна — 2,6х1,8 м.

В заполнении ям залегали светло-жёлтые переотложенные пески и углистые супеси — остатки обваловки и стен сгоревшего жилища, а также, возможно, жердей, укреплявших стенки углублений (ил. 2, 3, 11). Единичные обломки посуды, обнаруженные в ямах, попали из слоёв разрушенных поселений и не имеют к данным углублениям прямого отношения. Напомним, что близкое по размерам и форме углубление было зафиксировано в 1994 г. в северо-восточном углу обваловки (ил. 2). К началу раскопок оно исчезло вместе с прилегающим участком вала в результате эрозии края мыса. Охарактеризованные выше объекты представляли собой ямы-ловушки, сооружённые древними и средневековыми охотниками на звериной тропе, ведущей через мыс к водопою. В таёжном Приобье таких углублений — сотни.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Укреплённые жилища являются одним из наиболее оригинальных и древнейших типов укреплённых поселений и строений — предшественников городищ, протогородов, городов, крепостей, замковой и части культовой архитектуры. До недавнего времени считалось, что они были распространены только в узкой полосе Старого Света — между 20 и 45 градусами с. ш. — от Балеарских островов до Китая, как исключение — в отдельных районах Северной Америки и на юге Африки. Первыми строителями укреплённых жилищ были древнейшие земледельцы-скотоводы IX/VIII — IV тыс. до н. э., а также находившиеся под их непосредственным влиянием коллективы с комплексным хозяйством, сочетавшим производящие и присваивающие отрасли. В Евразии укреплённые поселения-жилища в большом количестве продолжали сооружаться в эпоху бронзы и раннем железном веке. Часть таких построек, их модификаций (*би-хайв, броч, димту, дун, дурга, нурага, рат, талайот, торре, зимбабве, пуэбло* и др.) и дериватов (*донжон, кампанилла, вежа, пагода* и т. д.), главным образом, каменных и глинобитных башенных сооружений, функционировала вплоть до позднего Средневековья и даже встречается в современном мире[31].

Сейчас на территории Евразии выделен ещё один, самый северный, ареал распространения таких построек — таёжные области Западной Сибири и Зауралья, расположенные между 56 и 64 градусами с. ш. Урало-западносибирские укреплённые жилища отличает деревоземляная архитектура, а также то, что впервые в мировой практике

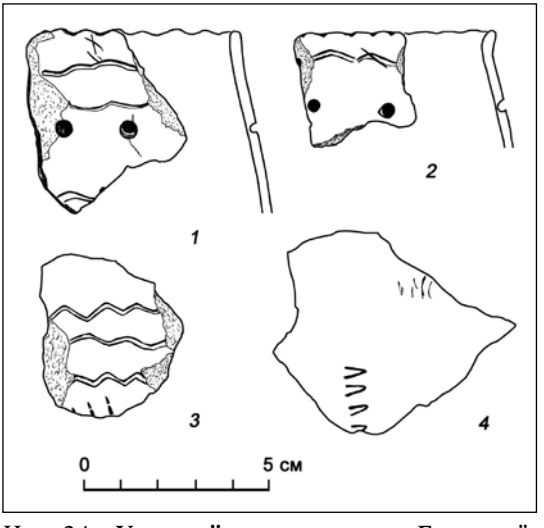

Ил. 23. **Укреплённое жилище Быстрый Кульёган 38.** Керамика эпохи бронзы кульёганского типа (1—13)

создателями оборонительных сооружений стали первобытные общества с присваивающими отраслями экономики (рыболовство, охота, собирательство) — далекие предки современных манси, ханты, ненцев, кетов и других коренных народов указанных регионов.

Укреплённые жилища Севера Евразии довольно разнообразны. Они представлены двумя основными вариантами — 1) обычное жилище в центре двора, окружённое оборонительной стеной и рвом («малое городище»); 2) оконтуренное валом и рвом большое одиночное жилище, высокие внешние стены которого одновременно выполняли оборонительную роль («дом-крепость»), — а также несколькими разновидностями[32].

Самые ранние образцы укреплений первого варианта появляются в Западной Сибири и Зауралье в неолите, в VI — IV тыс. до н. э.: Амня I (1-я площадка), Большая Умытья 9 (постройка № 1), Микишкино 5, возможно, Имнъёган 2.1 (1-я площадка)[33]. Затем они исчезают до начала железного века (городище Андреевское Озеро № 5[34]). Первое массовое строительство жилищ-«крепостей» второго варианта на севере Западной Сибири приходится на перв. пол. II тыс. до н. э., когда в таёжном Приобье началось изготовление собственных бронзовых орудий и оружия из привозного сырья. В соответствии с региональной периодизацией данный хронологический интервал соответствует периоду средней или даже ранней бронзы; согласно общей периодизации бронзового века Евразии, это — «эпоха» поздней бронзы[35]. Большие одиночные полуземлянки и поселения с крупными жилищами распространены в разных районах таёжного Приобья с неолита и энеолита. Непосредственными предшественниками укреплённых домов второго варианта являются большие одиночные полуземлянки эпохи неолита, окружённые цепочкой

Ил. 24. **Укреплённое жилище Быстрый Кульёган 38.** Керамика эпохи неолита быстринского типа (1—4)

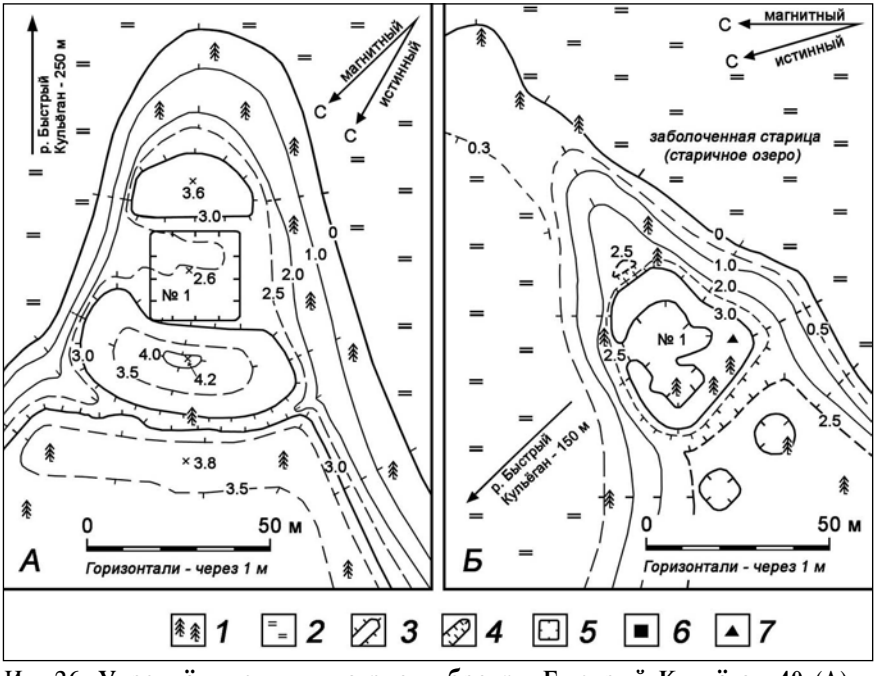
Ил. 25. **Укреплённое жилище Быстрый Кульёган 38.** Изделия из камня и отходы камнеобработки. 1–3, 5, 6 – неолит, 4, 7–9 – эпоха бронзы

дренажных ям и канав, из которых первоначально брался грунт для обваловки стен жилищ: поселения Быстрый Кульёган 66 в Сургутском Приобье[36] и Усть-Тара XXVIII в Среднем Прииртышье[37]. В эпоху бронзы одиночные дома-крепости второго варианта дополняются оборонительной стеной и превращаются в своеобразный переходный («комбинированный») вариант укреплённого жилища. Поселение Быстрый Кульёган 38, наряду с большим объектом эпохи бронзы Барсова Гора II/22[38], относится к укреплениям данного типа. Традиция сооружения таких объектов продолжилась на рубеже бронзового и железного веков, затем — в начале эпохи железа, при строительстве, соответственно, первых гамаюнских укреплённых жилищ (Туманское нижнее)[39] и малых кулайских «крепостей» (городища Моховая 20 и Моховая 25)[40].

Синхронные описываемому памятнику поселения-жилища Сургутского Приобья располагались обычно на высоких местах — мысах коренных берегов (Быстрый Кульёган 2, Быстрый Кульёган 40, Барсова Гора II/37 — объект 1, Имнъёган 2.1 — объект 1, Имнъёган 2.2 — объект 8), мысовидных выступах (Быстрый Кульёган 73, Барсова Гора II/22), у крёв береговых террас (Быстрый Кульёган 44, Быстрый Кульёган 100, Быстрый Кульёган 105, Моховая 8), реже — на низких мысках близ ручьёв в глубине берега (Быстрый Кульёган 77)[41]. С напольной стороны эти объекты ограждены сплошными или прерывистыми рвами, при этом к жилищу можно было подойти по перекидному мостку или земляной перемычке. У отдельных посёлков ров прослеживался как у основания, так и на стрелке мыса (Быстрый Кульёган 2, Быстрый Кульёган 40) (ил. 26). Мысовое укрепление Быстрый Кульёган 73 было ограничено двумя кольцевыми валами и рвами, а поселение Моховая 8 представляло собой два окружённых рвами смежных объекта (в плане наподобие цифры «8»), одно из которых примыкало к краю террасы, а второе находилось в глубине берега. Размеры укреплений, судя по внешним признакам, варьировали от 230 до 1500 кв. м, а самих жилищ — от 125 до 660 кв. м. Основные элементы укреплённых жилищ второго варианта внешне стандартны: прямоугольный жилой котлован, окружённый песчаной обваловкой и частично — рвом. Вместе с тем конструкция стен жилищ и деталей их интерьеров могла различаться. Так, у большой постройки поселения Барсова Гора II/22 стена могла быть двухрядной, вертикальной конструкции; её внешний пояс был установлен в глубокую траншею и представлял собой частокол или заплот, присыпанный с обеих сторон мощным валом. Один из входов

находился в северном скруглённом углу жилища. При этом нары-лежанки были оборудованы не в котловане, а на возвышении вокруг него[42].

Конструкция данных построек и находки из них свидетельствуют о том, что это были мощные укреплённые комплексы, своеобразные малые первобытные «крепости», использовавшиеся как круглогодичные жилые, хозяйственные и производственные помещения. Они же, по-видимому, являлись социальными центрами общин и объединений более высокого уровня. Выступали они или нет в качестве убежищ для окрестного населения в моменты наиболее острых военных конфликтов, пока сказать трудно. Свободная от леса территория вокруг укреплённого дома в тёплое время года могла использоваться как хозяйственно-производственная площадка. Однако малые жилища на ней не возводились. Население тайги занималось охотой, рыболовством, собирательством, домашними производствами и другими

Ил. 26. **Укреплённые жилища эпохи бронзы Быстрый Кульёган 40** (А) и **Быстрый Кульёган 2** (Б). Планы памятников. Съёмка В.А. Борзунова 2000 г. *Условные обозначения:* 1 — сосны; 2 — заболоченная пойма; 3 — вал, обваловка стен жилища; 4 — ров; 5 — котлован жилища; 6 — шурф; 7 — керамика

видами деятельности. В кульёганских посёлках, расположенных близ Оби (Барсова Гора II/22, Коим 1), обнаружено большое количество грузил от рыболовных сетей[43]. На поселениях Чернореченское I, Малая Моховая I и Быстрый Кульёган 38 таковых нет. Можно предположить, что рыболовство на протоках Оби было преимущественно сетевым, а на малых реках и ручьях — запорным, с помощью специальных устройств в виде заборов-частоколов и плетёных «морд»-ловушек.

Укреплённые жилища эпохи бронзы на Быстром Кульёгане концентрируются двумя группами, разделёнными промежутком в 6—7 км. Расстояние между крайними памятниками — около 15 км, между домами в группах — от 0,3 до 5,0 км. Если предположить, что древности кульёганского типа существовали не менее трёх веков, то одновременно в среднем и нижнем течении реки могли функционировать два или, от силы, три укрепления.

Массовое распространение укреплённых жилищ второго типа в начале бронзового века в приобской тайге отмечает не просто очередной этап военной напряженности и междоусобных войн, вызванных ростом населения. По всей вероятности, в это время заканчивается эпоха первичного заселения Севера Западной Сибири (мезолит — энеолит) и происходит демографический взрыв, обусловленный явным прогрессом присваивающего хозяйства. В конечном счёте, ситуация относительного перенаселения в лесном Приобье привела к первому — после эпохи камня — масштабному разделу (местами переделу) промысловых угодий и началу широкого освоения глубинных территорий тайги, удалённых от крупных водных артерий. Этот процесс прекрасно иллюстрируют памятники на р. Быстрый Кульёган. Непосредственной предпосылкой данных изменений, как мы допускаем, стало очередное потепление климата, предопределившее увеличение ресурсных возможностей северных районов Западной Сибири, а также вызвавшее массовые миграции в евразийской степи, лесостепи и отчасти в лесные области. В лесостепи и на южной кромке леса с приходом скотоводческого населения с юго-запада, юга и юго-востока сформировалась особая буферная культурно-хозяйственная зона, населённая племенами с комплексной экономикой. Миграции скотоводов сопровождались распространением металлообработки на севере Евразии, включая таёжные районы Урала и Западной Сибири.

Однодворные укреплённые посёлки самой различной планировки и оборонной архитектуры появляются в это время на большей части западносибирского Севера — в Нижнем и Среднем Приобье, Обь-

Иртышском междуречье, на Конде и в верховьях Пура. Единичные укрепления близкого типа известны в прииртышской лесостепи — у носителей сейминско-турбинских традиций (поселение кротовской культуры Инберень X[44]). Вполне вероятно, что именно через прииртышское кротовское население путём многоступенчатых обменных операций из Казахстана, с Алтая и других территорий поступал в приобскую тайгу первый цветной металл. Напомним, что скотоводы Прииртышья генетически и, возможно, экономически были связаны с племенами Верхнего Приобья, производившими и экспортировавшими цветной металл (елунинская и другие культуры). Кроме того, они контролировали одну из самых крупных водных коммуникаций Западной Сибири, пересекавшую степь, лесостепь и южную тайгу, обитали в непосредственной близости от таёжного Обь-Иртышья и сравнительно недалеко от центра западносибирской тайги, каковым являлось Среднее Приобье. Экономическим и социальным изменениям в жизни лесных сообществ могло способствовать воздействие со стороны сейминско-турбинских популяций, мигрировавших с юго-востока Западной Сибири на запад и северо-запад[45]. Надо полагать, металлические орудия значительно повысили производительность труда лесных коллективов в разных сферах деятельности, включая домостроительство и оборонное зодчество. На смену каменному топору пришёл небольшой, но более лёгкий, крепкий и практичный бронзовый кельт. Это был один из многих факторов, вызвавших волну строительства мощных бревенчатых «крепостных» построек в тайге.

Что же касается судьбы поселения-жилища Быстрый Кульёган 38, то оно, по-видимому, погибло в результате пожара и на этом месте больше не восстанавливалось. На пепелище, кроме битой посуды и единичных изделий из камня, не найдено никаких выразительных предметов. По всей вероятности, жители сгоревшего посёлка построили новое укрепление где-то поблизости. Не исключено, что его остатками является расположенное в 300 м к северо-западу от данного места укреплённое жилище Быстрый Кульёган 40 со сходной архитектурой (ил. 26—*Б*) и керамикой.

Укреплённое жилище Быстрый Кульёган 38 являлось первым почти полностью исследованным объектом эпохи бронзы из числа поселений подобного рода, известных в Сургутском Приобье. Сейчас таких памятников уже два, включая упомянутое выше поселение Барсова Гора II/22 на коренном берегу р. Оби. Ещё одно укреплённое жилище с кульёганской керамикой — Щетнмато-Лор — раскопано в бассейне р.

Пур[46], а два подобных памятника с посудой полымьятского типа эпохи бронзы, близкой кульёганской, вскрыты на р. Конде — Волвонча I (поздний этап)[47] и Пашкин Бор I[48].

Быстрый Кульёган 38 — это практически закрытый и чистый, т. е. не содержащий инокультурных примесей, археологический комплекс и к тому же достаточно представительный. Считаем, что он вполне может претендовать на статус опорного или реперного памятника, отражающего некоторые особенности культуры местного населения в один из периодов бронзового века. Разумеется, основываясь на материалах только одного памятника, пусть и опорного, и игнорируя другие в той или иной мере близкие стационарные и сезонные поселения, невозможно получить полную картину. Какие поселения имеются в виду? Таковых, если обратиться к материалам последних лет, оказывается довольно много, и некоторые из них выше уже упомянуты. В числе сопоставимых с Быстрым Кульёганом 38 (прежде всего, по керамике) и, более того, непосредственно относящихся, по мнению ряда авторов, к древностям кульёганского типа, называются поселения Чернореченское I[49], Малая Моховая I[50], Щетнмато-Лор[51], Коим 1[52], Барсова Гора II/19б[53], Барсова Гора II/22[54], Барсова Гора II/8в, Барсова Гора II/9в, Барсова Гора II/36 и др.[55], а также Балинское 1[56]. Приведенный список можно дополнить серией поселений, в том числе укреплённых, выявленных при обследовании рек Быстрый Кульёган, Серебрянка и Моховая (ил. 1). Складывается впечатление, что этот этап или период бронзового века, представленный в Сургутском Приобье и на юге Надым-Пуровской низменности перечисленными памятниками, имеет достаточную источниковую базу для определения положения кульёганских древностей в культурно-хронологической шкале таёжного Приобья.

Детальный сравнительный анализ памятников кульёганского типа и найденных на них материалов ещё предстоит провести, но уже сейчас можно обозначить некоторые позиции относительно их хронологии и керамических комплексов. На территории укреплённого жилища Барсова Гора II/22 и предшествующего ему селища найдено 1875 ед. обломков минимум от 164 ёмкостей[57], на поселении Коим 1 — обломки не менее 52 банок[58]. Три стационарно исследовавшихся кульёганских объекта представлены сопоставимыми по объёму керамическими комплексами: укреплённое жилище Быстрый Кульёган 38 (ок. 1640 фрагментов минимум от 25 сосудов)[59], поселение (укреплённое жилище) Щетнмато-Лор (обломки около 30 сосудов)[60], поселение Барсова Гора

II/19б (не менее 19 ёмкостей)[61]. Остальные коллекции относительно малочисленные: поселения Малая Моховая I (86 черепков от 12—15 сосудов)[62], Чернореченское I (жилище № 1 — 135 фрагментов от 7—8 сосудов, жилище № 15 — 100 фрагментов от 5—6 сосудов)[63], Барсова Гора II/9в (обломки около 20 сосудов из жилищ 7, 10, 12, 14)[64]. Керамика большинства этих комплексов стандартна по форме и декору. Наибольшим разнообразием элементов орнамента отличается, как и следовало ожидать, посуда памятника с самым большим количеством находок — Барсова Гора II/22. Кроме того, в составе его коллекции встречаются сосуды с орнаментом, характерным для ранних эпох: горизонтальные прочерченные линии, небрежно выполненные гребёнкой тупоугольные многорядные зигзаги, пояски многорядной вертикальной и горизонтальной ёлочки из оттисков гладких штампов, разделённые узкими концентрическими линиями и т. д.[65] По совокупности и соотношению элементов орнамента посуда укреплённого жилища Быстрый Кульёган 38, помимо основной группы керамики памятника Барсова Гора II/22, очень близка керамике Щетнмато-Лора, Малой Моховой I и Чернореченского I. В то же время все эти комплексы несколько отличаются от посуды поселения Барсова Гора II/19б — возможно, более поздней[64]. Она характеризуется более простым гребенчато-ямочным декором, покрывающим всю поверхность баночного сосуда, включая венчик и дно; частым использованием ямочных вдавлений, каннелюров и глубоких волнисто-прочерченных линий; разнообразием венчиков, в том числе округлых, плоских с закраиной и скошенных внутрь ёмкости; наличием оригинальной банки с защипами под устьем и разреженным волнисто-прочерченным орнаментом[67]. В целом определённые различия наблюдаются в орнаментации керамики из укреплённых жилищ и поселений и керамики из обычных полуземлянок (при явном сходстве технологии изготовления кульёганской посуды на всех территориях). Узоры на посуде укрёпленных объектов сложнее, в том числе за счёт геометрических мотивов (различные зигзаги, ромбы с точками в центре, удлинённые соты и т. д.). На сосудах, найденных на селищах (Барсова Гора II/19б, Барсова Гора II/9в, Барсова Гора II/8в и др.), характерно использование волны вместо зигзага, выше доля различных желобков и ямочных вдавлений[68]. Всё это, наряду с первыми результатами радиоуглеродных анализов, может послужить основой для разработки периодизации памятников кульёганского типа.

Что же касается хронологии поселения Быстрый Кульёган 38, то наше предложение об отнесении этого памятника к периоду ранней

бронзы, точнее к перв. пол. или, скорее, к перв. трети II тыс. до н.э. (в системе традиционных дат), остаётся в силе. Первые результаты радиоуглеродных тестов, полученные из Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) для укреплённого жилища Барсова Гора II/22, сходного по керамическому комплексу, но отличному по архитектуре, соответствуют кон. III – нач. II тыс. до н. э. Три образца угля, происходящие из заполнения вала укреплённого жилища Барсова Гора II/22 близ п. Барсово у западной окраины г. Сургута, а также из слоя раннего селища с кульёганской посудой данного памятника (раскопки под руководством В.А. Борзунова 2007–2008 гг.), датируются эпохой бронзы (ЛЕ–8554: 4620±100 л. н.; ЛЕ–8553: 3780±120 л.н.; ЛЕ–8561: 3480±160 л. н.), приблизительно в интервале от 2700 до 1320 гг. до н. э. Сходные даты и близкий хронологический интервал (2570–1740 гг. до н. э.) были установлены по углю из жилищ кульёганского поселения Чернореченское I (раскопки Л.Л. Косинской 1993–1994 гг.), расположенного на северной окраине г. Сургута (ЛЕ–5339: 4500±70 л. н.; ЛЕ–5334: 3830±40; ЛЕ–5333: 3760±20 л. н.). В эти интервалы вписываются две датировки, полученные по углю из кульёганских объектов поселения Барсова Гора II/19б (раскопки Е.Н. Дубовцевой 2008 г.): ок. 1800 – 1490 гг. до н. э. (ЛЕ–8591: 3610±190 л. н.; ЛЕ–8545: 3590±100 л. н.)[69]. Расхождения в хронологии древних памятников Сургутского Приобья, установленной разными методами, очевидны. Общеизвестно, что они имеют не узколокальный или региональный, а глобальный характер.

В связи с анализом поселения Быстрый Кульёган 38 следует упомянуть ещё один исследованный памятник эпохи бронзы в Среднем Приобье – поселение Балинское 1 в окрестностях с. Селиярово Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры. Хронологически оно близко кульёганским объектам. Для данного поселения получена некалиброванная радиоуглеродная дата: 3920±70 л. н. (ЛУ–5133)[70]. Между тем, судя по опубликованным материалам[71], керамика большого одиночного неукреплённого Балинского 1 жилища отличается от кульёганской, и данный памятник относится, по-видимому, к иному культурному типу начала бронзового века в рамках общности гребенчато-ямочной керамики таёжной зоны Западной Сибири.

В данной публикации не ставилась задача представить развёрнутую характеристику кульёганских древностей и провести детальный сравнительный анализ материалов укреплённого жилища Быстрый Кульёган 38 с остальными кульёганскими памятниками. Тем не менее в совокупности с уже имеющимися данными раскопанный объект

углубил знания о локальном своеобразии кульёганских комплексов, а результаты анализов угля, собранного при исследовании других кульёганских поселений, позволили установить относительную и абсолютную хронологию этого культурного типа.

Выводы

1. В региональной периодизационной схеме Быстрый Кульёган 38 — это поселение раннего этапа бронзового века.

2. В соответствии с общей периодизацией эпохи раннего металла Евразии это памятник периода становления Евразийской металлургической провинции в азиатской зоне (ПБВ—I)[72].

3. Время существования укреплённого поселения-жилища Быстрый Кульёган 38 определяется в рамках перв. пол. или, скорее, перв. трети II тыс. до н. э.

4. Быстрый Кульёган 38 является эпонимным для памятников (и, безусловно, керамики) кульёганского культурного типа, входящих — на правах локального образования — в культурно-историческую общность гребенчато-ямочной керамики таёжной зоны Западной Сибири.

P.S. 23 декабря 2008 г., в период завершения работы над первым вариантом статьи, этот мир покинул талантливый учёный, наш соавтор и давний друг ИГОРЬ ГЕННАДЬЕВИЧ ГЛУШКОВ[73].

В.А. Борзунов, В.И. Стефанов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Борзунов В.А., Ковригин А.А., Погодин А.А. Сергеев А.С., Стефанов В.И.** Разведка в зонах нефтепромыслов Сургутского района // Археологические открытия 1995 г. — М.: Наука, 1996. — С. 317—320; **Борзунов В.А.** Путешествие в Древнюю Югру // Югра. — Ханты-Мансийск, 1997. — № 5. — С. 20—22; № 6. — С. 20—22; № 7. — С. 24—26; **Стефанова Н.К., Борзунов В.А.** Археология таёжного Обь-Иртышья: (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — С. 60—70; **Стефанов В.И.** Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: Изд-во МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. — С. 97—112; **Козеко О.Е.** Разведки в Тюменской области // Археологические открытия 2003 г. — М.: Наука, 2004. — С. 416—418.

[2] **Борзунов В.А.** Укреплённые жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. — С. 19—24; **Борзунов В.А.** Самый северный на земном шаре ареал распространения укреплённых жилищ // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Уфа: Восточный университет, 1996. — Ч. II. — С. 21—23; **Борзунов В.А.** К вопросу о генезисе и функции урало-

сибирских укреплённых жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. — Томск: Изд-во ТГУСУР, 1997. — С. 224—236; **Борзунов В.А.** Новый ареал укреплённых жилищ на севере Евразии // Рос. археология. — М.: Наука, 1999. — № 4. — С. 5—23.

[3] **Косинская Л.Л.** Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. — С. 87—100; **Косинская Л.Л.** Археологические памятники севера Западной Сибири: Учеб. пособ. — Сургут: ИИЦ СурГУ, 1998. — Рис. 2, 10.

[4] **Борзунов В.А., Погодин А.А.** Раскопки укреплённого жилища Быстрый Кульёган 38 // Археологические открытия 2000 г. — М.: Наука, 2001. — С. 206—207.

[5] **Чемякин Ю.П.** Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 198—213.

[6] **Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки объектов кульёганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 221—240.

[7] **Борзунов В.А., Дубовцева Е.Н., Косинская Л.Л., Юдина Е.А.** Охранные раскопки укреплённого жилища и селище Барсова Гора II/22 в окрестностях г. Сургута // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ КоЛеСо, 2008. — Вып. 6. — С. 120—123; **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007—2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 184—220.

[8] **Стефанов В.И.** Новые материалы по бронзовому веку... — С. 416—418.

[9] **Сергеев А.С., Погодин А.А.** Культурно-хронологические комплексы поселения Коим 1 // Барсова Гора: Древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 170—194.

[10] **Косинская Л.Л.** Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990—1998 годов) // Научный вестник. — Салехард: Изд-во «Красный Север», 2000. — Вып. 3. — С. 14—19.

[11] **Дмитриева Т.Н.** Топонимическая картина территории проживания ханты // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Мат-лы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — С. 122.

[12] **Погодин А.А.** Отчёт об археологической разведке в Сургутском и Берёзовском районах Ханты-Мансийского АО. — Екатеринбург, 1995. — Т. I. Отчёт об археологических исследованиях в зоне Быстринского месторождения нефти в Сургутском районе Ханты-Мансийского АО в 1994 г. — Архивы ИА РАН. (Р-1. № 19011) и КА УрГУ (Ф. II. — Д. 565). — С. 48—52; **Борзунов В.А., Ковригин А.А., Погодин А.А. Сергеев А.С., Стефанов В.И.** Разведка в зонах нефтепромыслов ... — С. 317—320.

[13] **Борзунов В.А., Погодин А.А.** Раскопки укреплённого жилища ...

[14] **Борзунов В.А.** Отчёт о раскопках в 2000 г. укреплённого поселения-жилища Быстрый Кульёган 38 на р. Быстрый Кульёган в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа. — Екатеринбург, 2001. — Т. I, II. — Архив КА УрГУ. — Ф. II. — Д. 615, 615а.

[15] Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Колл. монография; Под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. — 192 с.

[16] Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 57.

[17] **Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф.** Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы: (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. — Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1988. — С. 63.

[18] **Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки объектов кульёганского типа... — С. 231—232.

[19] **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 197, 199. Ил. 26—*1, 3*.

[20] **Косинская Л.Л.** Археологические памятники бассейна реки Пур... — С. 18. Рис. 4—*8*, 5—*20*.

[21] **Косинская Л.Л.** Чернореченское I... — С. 100. Рис. 4—*4*.

[22] **Баранов М.Ю.** Комплекс археологических памятников бронзового века на р. Балинская в Среднем Приобье и его культурно-хозяйственная интерпретация: (по материалам археологических исследований поселений Балинское 1, 3, 8, 10) // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всероссийского археологического съезда (23—28 октября 2006 г., Новосибирск). — Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. — С. 345.

[23] **Косинская Л.Л.** Чернореченское I... — С. 100. Рис. 5—*1*.

[24] **Косинская Л.Л.** Археологические памятники бассейна реки Пур... — С. 18.

[25] Исследование северной части мыса предпринято экспедицией Сургутского педуниверситета в 2002 г. Наряду с кульёганской посудой здесь были обнаружены неолитические материалы. — См.: **Панов А.С.** О работе Службы главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия в 2002 г. в Сургутском и Нефтеюганском районах // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — Вып. 1. — С. 299—300. Ил. 1.

[26] **Косинская Л.Л.** Жилища поселения Быстрый Кульёган 66 // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. — Сургут: Диорит, 2004. — С. 226—241; Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 8—11, 32—39. Рис. 4, 61.

[27] 5930±90, 5910±130, 5725±70, 5560±100, 5780±130, 6150±210 л.н. (шифры образцов, соответственно: ЛЕ—5335, ЛЕ—5336, ЛЕ—5337, ЛЕ—5690, ЛЕ—5689, ЛЕ—5680).

[28] **Косинская Л.Л.** О некоторых традициях домостроительства на севере Западной Сибири // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Оренбург: Изд-во ООО «Оренбургская губерния», 2000. — С. 46; **Косинская Л.Л.** Работы Северотаёжной экспедиции Уральского ГУ на севере Тюменской области // Археологические открытия 2001 г. — М.: Наука, 2002. — С. 433; **Косинская Л.Л.** Жилища поселения Быстрый Кульёган 66 // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. — Сургут: Диорит, 2004. — С. 226; **Косинская Л.Л., Чемякин Ю.П., Зайцева Г.И.** Радиоуглеродные даты с археологических памятников из окрестностей Сургута // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. — С. 141—142.

[29] Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 61.

[30] **Косинская Л.Л.** Поселение Барсова Гора II/8 и проблема выделения неолитических культур таёжного Приобья // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. — С. 80; **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землеполь-

зования хантов: (Мат-лы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — С. 11, 12, 15. Рис. 2; Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 13—19. Рис. 9—38.

[31] Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е. Андреевского (буквы А — В), К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского (буквы Б — Я). — СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон, 1890—1907. — Т. XXV. — С. 854; **Кунов Г., Левин-Дорш Г.** Очерки по истории первобытной культуры / Пер., предисл. и доп. статьи С.З. Каценбогена. — Минск: Белтрестпечать, 1923. — Ч. 1. — С. 54—55; **Левин-Дорш Г.** Техника добывания огня и постройки жилищ // Кунов Г., Левин-Дорш Г. Очерки по истории первобытной культуры... — Ч. 2. — С. XXXIII; **Крачковская В.А.** Жилище в Хадрамауте // Сов. этнография. — М.: Наука, 1947. — № 2. — С. 170—175; **Никольская З.А.** Из истории аварского жилища // Сов. этнография. — М.: Наука,1947. — № 2. — С. 155—166; **Першиц А.И.** Арабы Йеменской Республики // Сов. этнография. — М.: Наука, 1963. — № 3. — С. 137—147; Всеобщая история архитектуры: В 12 т. — 2-е изд., испр. и доп. — Л.; М.: Стройиздат, 1966. — Т. 3: Архитектура Восточной Европы. Средние века. — С. 493; Всеобщая история архитектуры: В 12 т. — 2-е изд., испр. и доп. — Л.; М.: Стройиздат, 1970. — Т. 1: Архитектура Древнего мира. — С. 169; **Монгайт А.Л.** Археология Западной Европы: Бронзовый и железный века. — М.: Наука, 1974. — С. 13—14; **Джандиери М.И., Лежава Г.И.** Народная башенная архитектура. — М.: Наука, 1976; **Берзина С.Я.** Археологические памятники как источник по истории Африки // Источниковедение африканской истории. — М.: Наука. ГРВЛ, 1977. — С. 36—66; Сов. энциклопедический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1980. — С. 1096; **Джандиери М.И.** Древнее башенное оборонное жилище // Вестник древней истории. — М.: Наука, 1981. — № 2. — С. 118—155; **Мелларт Дж.** Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Пер. с англ. и комм. Е.В. Антоновой. Предисл. Н.Я. Мерперта. — М.: Наука, ГРВЛ,1982. — С. 35—38, 55—56; Этнография: Учебник / Под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. — М.: Высшая школа, 1982. — С. 70, 71, 183, 201, 265, 266; **Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.** Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. — М.: Наука, 1984. — С. 52—56, 62—63; **Фейган Б.** Руины Великого Зимбабве // Курьер Юнеско. — М., 1984. — Июнь. — С. 8—11; Археология Зарубежной Азии / Г.М. Бонгард-Левин, Д.В. Деопик, А.П. Деревянко, С.Р. Кучера, В.М. Массон. — М.: Высшая школа, 1986. — С. 29—31; **Пиляцкин Б.А.** Легендарная птица Зимбабве. — М.: Изд-во «Мысль», 1986; **Дэвидсон Б.** Новое открытие древней Африки / Пер. с англ.: М.К. Зенович; ред. и предисл.: И.И. Потехин. — М: Наука, ГРВЛ, 1962; **Краснопевцева Т.И.** Зимбабве: Прошлое и настоящее. — М.: Наука, 1988; **Андреев Ю.В.** Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. — Л.: Наука, ЛО, 1989. — С. 58—61. Рис. 7, 8; **Массон В.М.** Первые цивилизации. — Л.: Наука, ЛО, 1989. — С. 34; **Брей У., Трамп Д.** Археологический словарь / Пер. с англ. с доп. — М.: Изд-во «Прогресс», 1990. — С. 40, 79, 123, 177, 239, 249; Le Grand Atlas de l'archйologie / dir. du Chr. Scarre. — Paris, 1990. — P. 283.

[32] **Борзунов В.А.** К вопросу о генезисе и функции ... — С. 224—236; **Борзунов В.А.** Новый ареал укреплённых жилищ... — С. 5—23; **Шатунов Н.В.** Укреплённое жилище // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2005. — Т. 4 (дополнительный): А—Я. — С. 321.

[33] **Морозов В.М., Стефанов В.И.** Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. — Вып. 21. — С. 143—169; **Борзунов В.А.** Укреплённые поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов

Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. I. — С. 207—208. Рис. 11—*1*; **Борзунов В.А.** Укреплённые жилища... — С. 20. Рис. 1—*1*; **Борзунов В.А.** Новый ареал укреплённых жилищ... — Рис. 5—*1*; **Стефанов В.И., Борзунов В.А.** Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 гг.) // Барсова Гора: Древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 93—111; **Погодин А.А.** Поселение Большая Умытья 9: результаты полевых исследований 2007—2008 гг. в Советском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 146—149, 157—160. Ил. 5; **Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.** Река Аган и её обитатели. — Екатеринбург; Нижневартовск: Изд-во УрО РАН; Студия «Графо», 2006. — С. 46—47; **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: Древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 112—113, 117—121.

[34] **Борзунов В.А.** Зауралье на рубеже бронзового и железного веков: (гамаюнская культура). — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. — С. 37. Рис. 5—*7*; **Борзунов В.А.** Новый ареал укреплённых жилищ... — Рис. 5—*2*.

[35] **Черных Е.Н.** Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Сов. археология. — М., 1978. — № 4. — С. 53—82; **Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М.: Наука, 1989; **Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В.** Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Тез. докл. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. — С. 34—37.

[36] **Косинская Л.Л.** О схемах развития северного неолита // Обские угры. Тобольск; Омск: Изд-во ОГПИ, 1999. — С. 38; **Косинская Л.Л.** О некоторых традициях домостроительства на севере Западной Сибири // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. — Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. — С. 46; Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 68.

[37] **Горбунова Т.А., Толпеко И.В.** Раскопки в Усть-Тарском археологическом микрорайоне // Археологические открытия 2001 года. — М.: Наука, 2002. — С. 405—406.

[38] **Борзунов В.А., Дубовцева Е.Н., Косинская Л.Л., Юдина Е.А.** Охранные раскопки ... — С. 120—123; **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора II/22 ... — С. 184—220.

[39] **Борзунов В.А., Липский В.И.** Туманские укреплённые поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. — С. 94. Рис. 1; **Борзунов В.А.** Зауралье на рубеже... — С. 37. Рис. 4—*Б*; **Борзунов В.А.** Новый ареал укреплённых жилищ ... — Рис. 3.

[40] **Борзунов В.А.** Укреплённые жилища... — С. 20. Рис. 1—*13, 14*; **Борзунов В.А.** Новый ареал укреплённых жилищ ... — Рис. 8; 9—*Б*.

[41] **Борзунов В.А.** Укреплённые жилища... — С. 20—21. Рис. 1—*4—10*; **Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.** Река Аган и её обитатели... — С. 46.

[42] **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 184—196.

[43] См.: **Сергеев А.С., Погодин А.А.** Культурно-хронологические комплексы... — С. 181, 186. Рис. 14, 15, 16—*1, 3*, 18; **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 201. Ил. 26—*4, 5, 8—37*.

[44] **Стефанова Н.К.** Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек. — Новосибирск: Наука, СО, 1985. — С. 54—62.

[45] **Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия... — С. 271—277.

[46] **Косинская Л.Л.** Археологические памятники бассейна реки Пур... — С. 14—19.

[47] **Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К.** Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. — С. 54—67.

[48] **Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф.** Поселение бронзового века на р. Конде // Сов. археология. — М.: Наука, 1988. — № 3. — С. 161—174.

[49] **Косинская Л.Л.** Чернореченское I... — С. 87—100; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья: Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 42—46.

[50] **Стефанов В.И.** Новые материалы по бронзовому веку... — С. 97—112.

[51] **Косинская Л.Л.** Археологические памятники бассейна реки Пур... — С. 14.

[52] **Сергеев А.С., Погодин А.А.** Культурно-хронологические комплексы... — С. 170—194.

[53] **Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки объектов кульёганского типа... — С. 221—240.

[54] **Борзунов В.А., Дубовцева Е.Н., Косинская Л.Л., Юдина Е.А.** Охранные раскопки ... — С. 120—123; **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 184—220.

[55] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история... — С. 28—30; **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: Археологическая карта. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. — С. 178; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора... — С. 42—46.

[56] **Баранов М.Ю.** Комплекс археологических памятников... — С. 343—346.

[57] **Борзунов В.А.** Отчёт о научно-исследовательской работе «Археологические аварийные раскопки поселения Барсова Гора II/22» в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра в 2007 г. — Екатеринбург, 2007. — Т. I: Укреплённое жилище (Госконтракт № 571). — Архив КА УрГУ. — Ф. II. Д. 672. С. 62—67; **Борзунов В.А.** Отчёт о научно-исследовательской работе «Археологические аварийные раскопки поселения Барсова Гора II/22» в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра в 2007 г. — Екатеринбург, 2007. — Т. II: Селище (Госконтракт № 410). — Архив КА УрГУ. — Ф. II. Д. 674. С. 41—43; **Борзунов В.А.** Отчёт об археологических аварийных раскопках укреплённого жилища Барсова Гора II/22 в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра в 2008 г. (Государственный контракт № 07/08.078). Раскоп 2 — Екатеринбург, 2009. — Архив КА УрГУ. — Ф. II. Д. 683. — С. 63, 68; **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В.** Отчёт по теме «Комплексные научно-исследовательские работы на территории урочища Барсова Гора — городища Барсов Городок II/15, поселения Барсова Гора» в 2008 г. (Госконтракт № 07/08.078). — Т. 2: Поселение (укреплённое жилище и селище) Барсова Гора II/22. Раскоп 3. — Архив КА УрГУ. — Ф. II. Д. 692. С. 54, 56; **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 197, 199, 201.

[58] **Сергеев А.С., Погодин А.А.** Культурно-хронологические комплексы... — С. 179. Рис. 9—13.

[59] **Борзунов В.А.** Отчет о раскопках в 2000 г. укреплённого поселения-жилища... — С. 76.

[60] **Косинская Л.Л.** Археологические памятники бассейна реки Пур... — С. 18.

[61] **Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки объектов кульёганского типа... — С. 229.

[62] **Стефанов В.И.** Новые материалы по бронзовому веку... — С. 103.

[63] **Косинская Л.Л.** Чернореченское I... — С. 95, 96, 98.

[64] **Чемякин Ю.П.** Охранные раскопки на поселении... — С. 199, 203, 212—213. Ил. 2, 16.

[65] **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 201. Ил. 16—*1—6*.

[66] **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 217.

[67] **Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки объектов кульёганского типа... — С. 229—231. Ил. 6.

[68] **Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки объектов кульёганского типа... — С. 238.

[69] **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 217; **Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки объектов кульёганского типа... — С. 238—239. Ил. 6.

[70] **Баранов М.Ю.** Комплекс археологических памятников... — С. 346.

[71] **Баранов М.Ю.** Комплекс археологических памятников... — С. 343, 345. Рис. 2.

[72] **Черных Е.Н.** Металлургические провинции и периодизация... — М., 1978. — № 4. — С. 53—82.

[73] «Только старых растеряли друзей...» (Памяти Игоря Геннадьевича Глушкова. 1958—2008) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 372—381.

Консервация и реставрация археологических кожаных предметов из могильника Горноправдинского (ХМАО – Югра)

О.Л. Швец
г. Новосибирск
Учреждение РАН «Институт археологии
и этнографии Сибирского отделения РАН»

Могильник Горноправдинский, обнаруженный в 2005 г., расположен на юге Ханты-Мансийского р-на ХМАО – Югры, в черте п. Горноправдинского. Указанный населённый пункт, образованный в 1972 г., находится на высоком берегу р. Иртыша (ил. 1). По-видимому, ко времени образования нового населённого пункта информация о нахождении здесь могильника была уже утрачена. С появлением посёлка на этом прибрежном участке стояли жилые дома, пролегала грунтовая дорога, колеи которой регулярно засыпались мусором. Сегодня получилось так, что захоронения оказались в исторической части посёлка, занятой частными постройками (многие заброшены). Необходимо указать, что в момент образования некрополя эта территория не имела непосредственного соприкосновения с руслом Иртыша – за годы существования Горноправдинского эрозия иртышского берега обрушила не одну жилую улицу.

В последние годы в связи с активным процессом разрушения берега памятник фиксируется только в профиле разрушающейся береговой линии. В связи с этим и возник вопрос о проведении противоаварийных археологических раскопок, которые были организованы отрядом АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» под руководством Е.А. Зайцевой. В полевом сезоне 2007 г. был заложен раскоп, ориентированный вдоль береговой линии р. Иртыша[1].

После осмотра берегового обрыва и сборов с поверхности был зафиксирован выход деревянной колоды хорошей сохранности, над которой был разбит шурф. После снятия верхних слоев, отражающих время существования современного поселка, на глубине 60–70 см началась мерзлота и обозначились контуры могильной ямы. Выборка заполнения ямы, представленного жёлто-коричневым суглинком. велась

Ил. 1. **Могильник Горноправдинский.** Общий вид. Сн. с р. Иртыша

Ил. 2. **Могильник Горноправдинский.** Погребение после вскрытия гроба-колоды. Общий вид. Сн. с северо-востока

Ил. 3. **Могильник Горноправдинский.** Погребение после вскрытия гроба-колоды. Сапоги. Сн. с северо-востока

постепенно, после оттаивания мерзлоты. После разбора заполнения ямы, на глубине – 208 см от дневной поверхности была зафиксирована деревянная колода, выполненная из цельного ствола хвойного дерева.

После снятия крышки было обнаружено захоронение мужчины, предварительно датированное XVIII–XIX вв. Установлено, что при положении в гроб верхняя часть тела умершего была покрыта тканью красного цвета, а нижняя – тёмно-коричневого (ил. 2). Ноги были обуты в кожаные сапоги (ил. 3).

Первичная обработка сапог была проведена в полевых условиях. Каждая деталь прошла поверхностную сухую чистку кистью от загрязнений глиной, листьями, фрагментами ткани с внешней стороны и остатками легко крошащихся костей человека изнутри. Затем все детали были подсушены, завёрнуты в пищевую плёнку и упакованы в индивидуальные коробки. После завершения полевого сезона сапоги были переданы на реставрацию в сектор музейных технологий и реставрации Института археологии и этнографии СО РАН в г. Новосибирске.

За период временного хранения и транспортировки кожа сапог досохла, стала жёсткой и ломкой. До начала работ в связи с утратой нитей в соединительных швах каждый сапог представлял собой набор разрозненных деталей: голенище (ил. 4, 5), вставки в голенище, кожаные полосы–прошвы из швов голенища (ил. 6, 7), петли (ил. 8), нижняя часть (ил. 9, 10, 11, 12). На всех поверхностях деталей, помимо следов глины и ткани, проявилась плесень, а внутренние поверхности были покрыты глиной и остатками тлена мягких тканей человека. Детали были деформированы и смяты, наблюдались растрескивания и разрывы прошв и кожи

Ил. 4. **Могильник Горноправдинский.** Голенище правого сапога до реставрации

Ил. 5. **Могильник Горноправдинский.** Голенище левого сапога до реставрации

Ил. 6. **Могильник Горноправдинский.** Вставка и кожаные прошвы правого сапога до реставрации

Ил. 7. **Могильник Горноправдинский.** Вставка и кожаные прошвы левого сапога до реставрации

на голенищах. На левом сапоге сохранились фрагменты нитяной обвязки сапога. При визуальном осмотре был сделан первоначальный вывод о том, что все детали сапог выполнены из толстой однослойной кожи.

Перед началом лабораторных реставрационных работ для проведения фотофиксации детали сапог прошли антимикробную обработку 3% раствором антисептика превентол (Preventol R80) фирмы Байер. Водно-спиртовый раствор наносился пульверизатором на все поверхности деталей.

Ил. 8. **Могильник Горноправдинский.** Петли с голенищ сапог до реставрации

Ил. 9. **Могильник Горноправдинский.** Низ правого сапога до реставрации

Ил. 10. **Могильник Горноправдинский.** Подошва правого сапога до реставрации

Подбор способа удаления загрязнений, расправления и пластификации был проведён на фрагменте кожаного ремешка, найденного в одном из погребений раскопа (ил. 13). Сухая чистка кистями разной жёсткости и бамбуковыми стеками не дала желаемого результата. При поэтапном увлажнении глины пульверизатором глина либо оставалась тонким слоем на поверхности кожи, либо удалялась полностью, но с фрагментами разрушенной кожи. Традиционная методика мытья погружением в воду или в раствор (спирт, вода, глицерин) для одновременного удаления загрязнений и пластификации также не дала желаемых результатов. Разноскоростной набор воды (медленный глиной и быстрый кожей) привёл к расслоению и расползанию контрольного фрагмента. При попытке осторожного расправления кожа рвалась. В связи с этим встал вопрос о поисках щадящих методов

Ил. 11. **Могильник Горноправдинский.** Низ левого сапога до реставрации

Ил. 12. **Могильник Горноправдинский.** Подошва левого сапога до реставрации

одновременной очистки и пластификации кожи с последующей её консервацией.

После обзора литературы[2] и консультаций со специалистами[3] было принято решение провести пробную очистку и пластификацию кожи с применением полиэтиленгликоля (далее — ПЭГ) различных молекулярных масс на втором фрагменте кожаного ремешка. Полученные положительные результаты по удалению загрязнений, расправлению и пластификации второго фрагмента (ил. 14) и определили методику консервационных работ.

Методика консервационных работ по сохранению кожаных сапог включала в себя следующие этапы:

— подготовка (отмывка),
— пропитка консервантами (укрепление и закрепление),
— сушка путём вымораживания,
— реконструкция.

Подготовка (отмывка). После механического снятия легко удаляемых загрязнений с поверхностей кожи кистью каждая деталь на сетке была полностью погружена в кювету с раствором. Раствор состоял

Ил. 13. **Могильник Горноправдинский.** Кожаный ремешок до реставрации

Ил. 14. **Могильник Горноправдинский.** Кожаный ремешок после реставрации

из дистиллированной воды (50%), спирта (40%), низкомолекулярного ПЭГ–400 (5%) и антисептика (5%). Осторожное мытьё кистями разной жёсткости с последующим споласкиванием их под проточной дистиллированной водой проводилось для удаления загрязнений и сохранения целостности поверхностей и формы каждой детали.

В 5% водном растворе ПЭГ–400 каждая деталь, в зависимости от скорости растворения и удаления загрязнений, находилась различное время и приобрела первичное размягчение и пластификацию. В результате мытья и частичного расправления голенищ выяснилось, что они выполнены из двух проклеенных между собой слоёв тонкой кожи. В верхней части правого сапога зафиксирована утрата фрагмента голенища. Вставка в голенища и перед выполнены из толстой однослойной кожи. Низ левого сапога разобрался на пять составных частей: перед, задник, подошва, каблук и заплатка на каблук; низ правого – на четыре части. Подошвы состояли из двух проклеенных между собой слоёв – подошвы и подложки. Внутри правого сапога на подложке находилась травяная стелька с фрагментами красной ткани (ил. 15).

Укрепление. Для постепенного укрепления микроструктуры кожи, которая после мытья приобрела водонасыщенность, консервация проводилась в пропиточной ванне путём погружения. Голенище и части низа сапог на нейтральной по цвету синтетической сетке поместили в ванну в 20% водный раствор ПЭГ–400 при комнатной температуре. Во избежание возникновения плесени в раствор также был добавлен

Ил. 15. **Могильник Горноправдинский.** Травяная стелька из правого сапога до реставрации

антисептик. Чтобы довести изначальный раствор до 50% насыщенности, в него постепенно (ежедневно) при перемешивании вливалась суточная норма ПЭГ–400. Суточная норма, а также время доведения раствора до 50% и нахождение в нём деталей определялись объёмом ванны. Укрепление завершилось тогда, когда концентрация водного раствора ПЭГ–400 достигла 50%, – через 6 недель.

Закрепление. Проводилось двумя водными растворами ПЭГ–400 и ПЭГ–1500. Когда концентрация водного раствора ПЭГ–400 достигла 50%, началось введение в имеющийся раствор ПЭГ–1500, конечная концентрация которого при постепенном введении должна была составить 10%. В течение всего времени укрепления и закрепления в растворе из двух консервантов детали сапог без выемки из раствора расправлялись движениями, не травмирующими кожу. Контроль концентрации растворов проводился весовым методом. Закрепление продлилось 3 недели. После завершения процесса пропитки, который занял 9 недель, детали сапог были изъяты из раствора.

Сушка. Завершающим этапом консервации кожи стала сушка вымораживанием в специальной морозильной камере с одновременным нанесением жирующей смазки.

После удаления ватными дисками остатков загрязнений и излишков раствора детали сапог – каждая индивидуально в крафтовом пакете – были помещены в морозильную камеру для сушки путём вымораживания при температуре минус 4–7°С. После первой недели вымораживания для контроля процесса сушки, смены намокших пакетов и

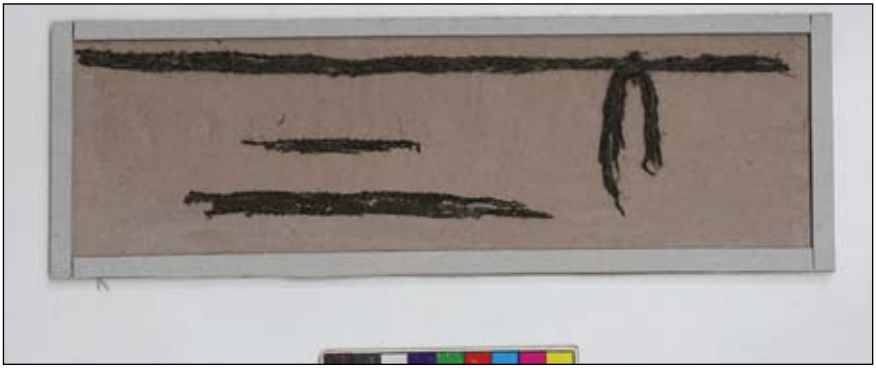
Ил. 16. **Могильник Горноправдинский.** Травяная стелька из правого сапога после реставрации

продолжения аккуратного расправления заломов кожи фрагменты были вынуты из морозильной камеры. После перемещения в сухие пакеты они были возвращены в морозильную камеру. Кистевое нанесение на внутренние поверхности жирующей смазки (ланолин 55%, вазелиновое масло 40%, пчелиный воск 5%) началось на третьей неделе сушки. Указанные действия проводились каждую неделю на протяжении всего срока сушки вымораживанием в течение 8 недель.

После завершения процесса сушки голенища были уложены между слоями фильтровальной бумаги под лёгкий и мягкий песочный пресс для окончательного расправления заломов и смятостей. Для сохранения формы нижних частей сапог низы собрали и зафиксировали микалентными лентами с последующим заполнением объёма смятой микалентной бумагой.

Ил. 17. **Могильник Горноправдинский.** Обвязка до реставрации

Ил. 18. **Могильник Горноправдинский.** Обвязка после реставрации

Реконструкция. В результате проведённых мероприятий по консервации кожа сапог приобрела определённую пластичность, которая позволила устранить имеющиеся деформации. Для сохранения равномерной толщины голенищ в местах укрепления разрывов и смятости кожи использовался тонкий тонированный натуральный газ, на который кистью наносился клей для кожи Acrylkleber 360 HV фирмы Lascaux. Этим же клеем зафиксированы отклеившиеся друг от друга края внутренних и внешних слоёв кожи голенищ, частично отошедшие края подложек к подошве и восполнение утраченного фрагмента на правом голенище из плотного окрашенного натурального газа. Все продублированные и проклеенные детали поместили под легкий пресс до полного высыхания клея.

После укрепления всех слабых мест детали обуви были соединены между собой нетонированной навощённой льняной нитью при помощи прямой и дугообразной иглы. Сборка началась с восстановления по сохранившимся проколам на голенищах обвязочных петель и сшивания потайным швом между собой прошв, вставки и голенища. Сшивание низа началось с присоединения каблука к подошве. Затем потайным швом перед и задник были присоединены к подошве. Завершающим стал внешний соединительный шов голенища с низом. Все утраченные швы восстановлены по имеющимся проколам от подлинных швов. Во избежание новых разрывов кожи в швах детали сшивались нетугим швом — стежком.

После завершения сшивания для сохранения формы уже целого предмета внутренняя часть каждого сапога была обложена микалентной бумагой и плотно заполнена этим же материалом, но в смятом состоянии. Завершающий этап жирования смазкой по всей лицевой поверхности проводился кистью в течение 4 недель. После месячного вылеживания фрагментарные излишки смазки были удалены.

При помощи водного раствора низкомолекулярного ПЭГ–400 (5%) были также очищены, расправлены и пластифицированы нитяная обвязка сапога и травяная стелька (ил. 16, 17, 18).

Таким образом, после проведения консервации полиэтиленгликолем различных молекулярных масс кожа археологических сапог приобрела определённую пластичность и прочность. Полученная пластичность и прочность кожи дали возможность соединить разрозненные детали сапог в единое целое. Сапоги вернули свою форму и приобрели экспозиционный вид (ил. 19). Восстановился цвет и фактура кожи. Результат, полученный в процессе работы с кожаными сапогами, можно считать

положительным. Методику консервации, применённую к найденным в зоне мерзлоты кожаным предметам, можно расценивать как щадящую и перспективную. Пластичность сохраняется на данный момент, и дальнейшие наблюдения за предметами позволят определить временной отрезок сохранения пластичности кожи.

Ил. 19. **Могильник Горноправдинский.** Сапоги после реставрации

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Зайцева Е.А.** Противоаварийные работы на могильнике Горноправдинский в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в полевом сезоне 2007 года (предварительные результаты) // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. — С. 51—58.

[2] **Крупа Т.Н.** Исследование археологической кожи из находок 2009 года на городище Сидак // Известия национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. общественных наук. — Алматы, 2010. — № 1 (274). — С. 211—214; **Насырова Н.Ш., Станюкович А.К.** Кожаные изделии из погребальных памятников русского Средневековья [Электронный ресурс] — Режим доступа: ollclubs.ru/forum; **Насырова Н.Ш., Станюкович А.К.** К методике консервации, реставрации и атрибуции кожаных изделий археологического происхождения [Электронный ресурс] — Режим доступа: ollclubs.ru/forum

[3] **Кундо Л.П., Ревуцкая Г.К.** Хранение, консервация и реставрация археологической древесины // Феномен алтайских мумий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. — С. 270—273; **Синицына Н.П.** Некоторые проблемы реставрации археологической кожи // Грабарёвские чтения. — М., 2005. — Вып. VI. — С. 118—128.

Священные места тотемных предков в орнитоморфном облике у обских угров

А.В. Бауло
г. Новосибирск
Учреждение РАН «Институт археологии
и этнографии Сибирского отделения РАН»

Почитание предка в облике птицы (орла, филина, чайки, трясогузки и пр.) достаточно часто встречается у хантов и манси. Лишь когда «кончилось время Крылатых богов, наступило время человека, время хантов»[1]. При этом, например, до настоящего времени сынские ханты при выяснении семейных или родственных отношений на вопрос «Из какой семьи человек?» отвечают: «Я человек из такого-то гнезда»[2]; в одной из священных песен казымских хантов жилище Пелымского Торума именуется «просторным счастливым гнездом»[3].

Согласно мифологии вогулов, для земных людей верховный бог определил «100 духов-покровителей, крыльями летающих»[4].

По материалам А. Каннисто, в нач. XX в. многие вогульские селения имели духов-покровителей в птичьем облике. Так, на Конде духом-покровителем Елышкиных юрт являлся *Товлынг-аньщюх* (Крылатый предок); местные жители считали его младшим сыном «обского князя» и полагали, что он поселился здесь после того, как был убит прежний дух-покровитель — Старик-филин. В это же время было известно место близ селения Нахрачи, которое вогулы называли «пустошью Крылатого старика». На р. Конде в д. Сотниково почитали «ширококлювого деда-ворона», в д. Лева — «птицу с пня», в д. Вурнпаул — лебедя, в д. Амин — орла, в д. Пеленкут — белую куропатку и дятла; на р. Лозьве в д. Заветной — филина; на р. Северной Сосьве в Пугорах — «Крылатого старика». На Северной Сосьве был известен и дух ветра *Холи-вот-ойка* (Восточного ветра мужчина), который выступал в образе филина[5].

В Сургутском округе на рубеже XIX—XX вв. в д. Панино духу-покровителю Старику-ворону приносили в жертву деревянное изображение птицы, завёрнутое в чёрную ткань; его укрепляли на вершине дерева головой на юг[6]; у демьянских остяков бронзовая фигурка

птицы служила «лошадью» вышестоящему божеству; К. Карьялайненом опубликована фотография отлитой из бронзы фигурки птицы из разрушенной избушки духов в юртах Сотниковых на Иртыше[7].

В 1930-х гг. в п. Аренья-пауль на р. Оби фигурки духов-покровителей манси в образе орла и филина были отлиты из металла[8]. По материалам В.Н. Чернецова, собранным в бассейне Северной Сосьвы в эти же годы, в Хангласам-пауле почитали ястреба, в Халпауле — филина, в Анеево и Алтатумпе — чайку, в Межи-пауле и Хурумпауле — филина, в Бедкаше — орла; одним из обликов *Мир-сусне-хума* выступал гусь[9]. Жители селения Пашторы на р. Оби считали своим предком *Йипи ики (ленгх лелхоп-йипи ики)* (Филина-старика) — старшего из братьев Крылатых *Пастэр* (*Товлынг пастыр сат отыр* — Семь крылатых богатырей Пастыр), проживавших в верховьях р. Ляпин[10]. Согласно рассказам сегодняшних обитателей посёлка, бог по имени *Пашт-ики* переселился сюда с Северной Сосьвы. *Пашт ики* представляют в виде филина, его называют *Кортань-ики* (Деревенский бог) или *Манквла* (Сова), *Манквл-эви* (Сова-женщина)[11]. По сведениям В.М. Кулемзина, *макла* (мышелов) — сакральное название совы или филина. Согласно мифологии хантов, это особая порода птиц, существующая для того, чтобы уничтожать злых духов, невидимых ночью[12]. Жители Паштор на сову не охотятся.

Изображение дочери *Тагт-котиль-ойки* (Старика середины Сосьвы), которую почитали манси на верхней Лозьве, упоминается в виде «золотой» фигурки коршуна. «Золотая» фигурка гуся обозначала священный облик сына *Эква-пыгрися* у манси в п. Няксимволь[13].

У юганских хантов в роли покровителей выступали сова (Бисаркины) и сорока (Нюгломкины). Место обитания дух-хозяина глухарей *Лукэт-эвут* располагается на берегу Оби около устья р. Салым. *Лукэт-эвут* представлялся в образе глухаря особо крупных размеров[14].

В качестве поселковых и семейных покровителей в бассейне Сыни сегодня почитают: казарку (малого гуся) (Еприны в п. Евригорт, Лонгортовы в п. Ямгорт), гагару (Лонгортовы в п. Мувгорт, Муркины в п. Овгорт), кукушку (Куртямовы в п. Вытвожгорт), чайку (Макаровы в п. Нимвожгорт, Рохтымовы в п. Овгорт), *Карды вореш* (Железного коршуна) (Талигины в п. Тильтим)[15]. Войкарские ханты Сэвли поклоняются *Тохтан ики* (Старику-гагаре). Его металлическое изображение хранится на святилище у юрт Нянь-горт[16].

Почитают птиц в качестве тотемных предков обские и нижнесосьвинские манси: Гришкины, Себуровы и Тавлатовы (орла), Курлины

и Ярлины (чайку), Лыпшиковы (филина), Яркины (филина, орла)[17]. В большинстве случаев дух-покровитель именуется общим термином *Товлынг ойка* (Крылатый мужчина)[18]. Одним из обликов Казымской богини является «с золотыми крыльями маленький селезень»[19].

Изображения птиц — тотемных предков встречаются на суконных жертвенных атрибутах (покрывалах, поясах и шлемах)[20]; часть фигур «птичьих» божеств передана с помощью русской игрушки или фарфоровых статуэток[21]. Имеющиеся на серебряных средневековых блюдах изображения птиц также опознаются как фамильные предки[22].

В районах проживания манси и хантов известно несколько святилищ, связанных с почитанием предка-покровителя в облике птицы.

Наиболее ранние известия о почитании божеств в птичьем облике и их святилищах принадлежат Г. Новицкому и относятся к нач. XVIII в. В «Остяцкой стране» почитались три первоначальных бога, среди которых был Медный Гусь — «боготворимый идол... изваян от меди в подобие гуся»; его святилище находилось в юртах Белогорских на Оби. Это был бог птиц водных: лебедей, гусей и пр. Сама фигура располагалась в «подобии гнезда», сооружённого из различных сукон, холста и кожи. Среди жертв, приносимых Медному Гусю, лучшей считалась лошадь[23].

В кон. XIX в. П.П. Инфантьеву рассказывали о священном месте кондинских вогулов недалеко от Оронтур-пауля. В культовом амбарчике стояло изображение духа-покровителя, а по обе стороны от него были расставлены по семь «медных лебедей» (с одной стороны самцы, с другой самки). Они считались покровителями птицеловства[24].

Наибольшее число священных мест предка-покровителя в образе птицы известно в бассейне Северной Сосьвы и её притока Ляпина. Основные материалы собраны в 1930-х гг. В.Н. Чернецовым и в 1980—1990-х гг. И.Н. Гемуевым, А.М. Сагалаевым, А.В. Бауло.

В верховьях Северной Сосьвы тотемом жителей Халпауля являлся *Йипыг-ойка* — филин, которого иногда называли *Тахт талях товлын ойка* (Верховьев Сосьвы крылатый старик). Недалеко от селения находилось семь берёз, растущих от одного корня; считалось, что на них сидели *Йипыг-ойка,* пять его братьев и *Товлын-ойка* (орёл). Изображение *Йипыг-ойки* представляло собой медную фигурку филина величиной около 7 см с распростёртыми крыльями, которая хранилась на культовом месте. Священное место *Йипыг ойки*, на котором В.Н. Чернецов побывал зимой 1935 г., находилось по дороге на Лопсию (левый приток Северной Сосьвы выше Халпауля) на берегу старицы. В

амбарчике на дне мешка, наполненного жертвенными платками, лежала фарфоровая фигурка совы — перечница фабрики М.С. Кузнецова, завёрнутая в белый платок с монетами в угловых узлах[25].

В среднем течении Северной Сосьвы бассейн её правого притока Ялбыньи считался территорией обитания *Тагт-котиль-торума (Тагт-котиль-ойки)* (Бога среднего течения Сосьвы) — одного из сыновей Верховного бога *Нуми-Торума.* Его представляли богатырём, имеющим образ «железного ястреба, серебряного ястреба»[26]. В среднем или верхнем течении Ялбыньи ещё в сер. XX в. располагалось святилище *Хортхан-ойки* (Ястреба-старика), оно принадлежало манси Мойборовым. Можно предполагать, что это было одно из названий святилища *Тагт-котиль-ойки*, который, как указывалось выше, имел образ «железного ястреба, серебряного ястреба». Сама фигурка птицы была выплавлена из серебряных монет. Серебряный ястреб имел в качестве атрибута саблю: «он на цепи, и сабля на спине приделана». Амбарчик *Хортхан-ойки* стоял на одной опоре. При открывании двери амбара «ястреб... начинает крутиться по солнцу. И народ в ту же сторону идёт. Он потихоньку крутится, и только семь раз. Потом остановится. Тогда жертву приносят — жеребёнка или телёнка»[27]. Фотография фигурки ястреба из белой бронзы (ломоватская культура, VIII в.), поверх которой надето несколько халатов, опубликована В.Н. Чернецовым[28].

На святилище *Халев-ойки* (Чайки-старика) ниже п. Анеево в нач. XX в. изображение божества было представлено серебряной фигуркой чайки, которая стояла на большом четырёхугольно затёсанном пне[29]. В 1986 г. святилище было посещено И.Н. Гемуевым. На поляне стоял столб, к которому была привязана 4-метровая жердь с надетой на заостренную верхушку берестяной «шапкой». На вершине жерди был вырублен силуэт парящей птицы с добычей в клюве. Поперёк поляны с интервалом в 3 м были уложены ошкуренные лесины с изображениями личин на обоих концах каждого бревна. Конёк культового амбарчика венчала голова глухаря. Внутри постройки хранилась деревянная фигура богатыря *Най-отыра*. Регулярные групповые посещения святилища совершались дважды в год — в начале лета (по большой воде) и в январе[30].

В бассейне Ляпина в нач. XX в. род Кукиных в Межи-пауле почитал своим предком *Месыг-пауль Товлынг-ойку* (Крылатого старика селения Межи) в облике орла. Иногда его называли «Старик-филин селения Межи», так как считалось, что он является сыном «Старика и старухи филинов из селения Хурумпауль», выходцами из которого

были и сами Кукины[31]; их родовая тамга изображала птичью лапу[32]. В 1985 г. святилище *Товлынг-ойки* было описано И.Н. Гемуевым и А.В. Бауло. В центре елового мандала в 10—12 м друг от друга лежали на земле три разрушенных временем амбарчика (ил. 1). В них сохранились скопление костей медведя, модели деревянных луков, деревянная «лошадь» (для сценок медвежьего праздника). В сундуке были обнаружены завернутые в жертвенное покрывало две антропоморфные фигуры — *Товлынг-ойки* и его жены *Товлынг-эквы* (ил. 2)[33].

И.Н. Гемуевым и А.М. Сагалаевым описаны святилища *Ворсик-ойки* (Трясогузки-старика) на берегу р. Маньи и «Старика и старухи филинов» около Хурумпауля (материалы 1984 г.)[34]. Мне удалось побывать на данных культовых местах в 2007 и 2010 гг.

Священное место *Ворсик-ойки* (Трясогузки-старика) — духа-покровителя жителей ныне не существующего селения Манья расположено в бассейне одноимённой реки — правого притока р. Ляпин. Хранителями места на протяжении XX в. были манси Пузины.

Ил. 1. Амбарчик *Товлынг-ойки*, разрушенный временем. 1985 г. Фото А.В. Бауло

Центральным объектом культового места был амбарчик (ил. 3, 4), в котором среди прочих атрибутов находились фигуры *Ворсик-ойки* и его жены. Основной персонаж был выполнен в виде деревянной антропоморфной фигурки, его грудь была закрыта куском металлической фольги, имитирующей кольчугу. *Ворсик-ойка* был изображен человеком, хотя осознавался как птица-человек. В амбарчике хранится и оружие божества: железный обоюдоострый меч (ил. 5), железная сабля, связка из трёх стрел и др. Меч (длина 69,5, максимальная ширина 10,5 см) не впервые встречается на обско-угорских святилищах. Близкий по форме и размерам образец с раздвоенной рукояткой был описан в культовом амбарчике салымских остяков на оз. Емин-тув (бассейн р. Салым)[35].

Кроме того, в амбарчике находились ритуальные лучки со стрелами. Их на святилища приносили отцы в связи с рождением сыновей. Лучки являли собой одновременно и подарки *Ворсик-ойке*, и просьбу принять новорожденных под своё покровительство[36].

Ил. 2. **Амбарчик *Товлынг-ойки.*** Фигуры *Товлынг-ойки* и его жены *Товлынг-эквы* на жертвенном покрывале. 1985 г. Фото А.В. Бауло

В 2007 г. вместе с жителями п. Ясунт мы посетили данное место. Выяснилось, что за время, прошедшее с посещения святилища И.Н. Гемуевым и А.М. Сагалаевым, в судьбе этого объекта произошли достаточно важные события. Прежде всего, сменились хозяева охотничьих угодий, на территории которых расположено культовое место: вместо Пузиных ими и, соответственно, хранителями места стали манси Тихоновы. В итоге на святилище нас вели и совершили обряд угощения божества братья Тихоновы, тогда как автор статьи и И. Пузин выступали в роли гостей. Во-вторых, духом-покровителем, обитающим здесь, был назван *Куль-отыр* (Князь Нижнего мира) — покровитель Тихоновых. Возможно,

Ил. 3. Амбарчик ***Ворсик-ойки.*** 1984 г. Фото А.М. Сагалаева

Ил. 4. Амбарчик *Ворсик-ойки.* 2007 г. Фото А.В. Бауло

что смене понятия о живущем здесь духе-покровителе способствовало то, что в 1984 г. фигура *Ворсик-ойки* была отдана упомянутым выше исследователям для передачи в музей.

Святилище *Йипыг-ойки* расположено на левом берегу р. Ляпин недалеко от с. Хурумпауль. Центральным объектом является сруб из толстых колотых плах. По краям южной и северной сторон сруба вырублено по два углубления, на них уложены деревянные Г-образные молоты. Сруб делали без крыши, «потому что в гнезде у филина крыши нет».

Изображение *Йипыг-ойки* находилось под грудой прикладов и представляло собою плоское деревянное изображение, в котором оказались совмещены черты человека и филина. Изображение *Йипыг-эквы* можно назвать антропоморфным с долей условности: на ударную часть молота были накручены куски ткани, рубашки, женские головные платки.

Между *Йипыг-ойкой* и *Йипыг-эквой*, а также по бокам от них стояли безымянные «сыновья». Они были привязаны к специально срубленным и укреплённым вертикально лесинам (кедровой и еловым). По другим сведениям, три фигуры на лесинах — это (слева направо): *Торум-ащань*, сын *Йипыг-ойки* и *Мир-сусне-хум*[37].

В 2010 г. мы посетили данное место с его хранителем Н.И., достаточно пожилым человеком. Это выразилось, в частности, в том, что после долгих уговоров сходить на святилище, многочисленных отказов в этом по разным причинам («далеко идти», «ноги не ходят», «поди, не пройдем по болоту»), он всё же согласился, сказав просто: «Пойду просить лёгкой смерти». Сопровождал нас на святилище младший брат хранителя П.И.

Необходимо отметить, что все действия на священном месте выполнял хранитель, его брат занимался только костром и чаем; фактически он ни разу не пересек линию костра и не подходил к срубу.

Дорога на священное место пересекает три маленьких болотца. Вступив на высокую гриву, где расположен сруб, по пути к нему

Ил. 5. Амбарчик ***Ворсик-ойки.*** Железный меч

Н.И. срубил три тонких деревца высотой около двух метров: ёлку, кедр и берёзу. Дошли до сруба. П.И. занялся костром, а Н.И. — священными изображениями. На срубе лежали две Г-образные жерди, на вертикальные концы которых были надеты рубахи (на *Йипыг-ойку*) и платки (на его жену). Платки и рубахи были подвязаны таким образом, чтобы подчеркнуть крупные головы фигур. К передней стенке сруба были привязаны три деревца (слева направо): ель, кедр и береза, к деревцам были, в свою очередь, подвязаны антропоморфные фигуры из платков: к ели — *Мир-сусне-хума* (Мир озирающего человека), к кедру — Верховного бога *Нуми-Торума*, к берёзке — его жены, богини *Калтась*. Заметим, что в 1984 г. три фигуры в основном ассоциировались с обликами сыновей Старика Филина либо с одним его сыном вкупе с *Мир-сусне-хумом* и *Торум-Щань* (одно из имён *Калтась*), а в 2010 г. они однозначно обозначали фигуры высшего пантеона.

Последовательность действий с фигурами на святилище была следующей. Сначала были демонтированы фигуры высших божеств — изображения сняты и уложены на землю, деревца отвязаны от стенки сруба и сложены в кучу таких же деревьев справа от сруба. Затем старик обтесал три новых деревца, подержал их над костром («очистил») и установил вертикально, привязав к стенке сруба. Поправил платки и рубашки на фигурах *Йипыг-ойки* и его жены. Надел поверх фигур высшего пантеона новые платки и привязал фигуры к деревцам. В итоге, если стоять лицом к срубу, фигуры расположились следующим образом (слева направо): *Мир-сусне-хум*, *Йипыг-ойка*, *Нуми-Торум*, *Йипыг-эква*, *Калтась* (ил. 6).

Тем временем П.И. приготовил чай. Небольшое угощение и рюмка водки были поставлены на доску около фигур, присутствующие молча обратились к божествам, трижды повернувшись вокруг себя «по солнцу».

Присутствие на одном святилище фигур разного ранга в принципе объяснимо — они связаны родством: *Нуми-Торум* — муж *Калтась* и отец *Мир-сусне-хума*; *Йипыг-эква* в местной традиции — дочь *Нуми-Торума*. В сказке «*Йипыг-ойка*», записанной в Хурумпауле, «Отец *Йипыг-ойки*... сам себя назвал *Мир-сусне-хумом*»[38].

Таким образом, за четверть века, прошедшую с предыдущего посещения святилища этнографами, произошло переосмысление образов ряда представленных здесь фигур. Возможно, это связано с угасанием традиции (население п. Хурумпауль резко сократилось, сегодня здесь обитаемы не более 5 домов; ходить на святилище практически некому;

колоритное женское место — *Эква-пурлахтын-ма* — заброшено), отсутствием стариков, сменой хранителей.

На берегах Малой Оби также известно несколько «птичьих» святилищ. Священное место манси Яркиных находится недалеко от п. Верхние Нарыкары, оно посвящено почитанию *Товлынг-ойки* (Крылатого старика). *Товлынг-ойка* «сделан был как птица, а одет как человек»[39].

Святилище Белого орла (хранители — ханты Носкины) располагается на узкой гриве в 1,5 км от берега протоки Васьремпосл (междуречье Малой и Большой Оби, Шурышкарский р-н ЯНАО) за п. Старый Овагорт. Посёлок давно заброшен, сохраняется лишь один разрушенный временем дом.

На небольшой поляне среди берёзового леса на четырёх опорах установлен амбарчик, выполненный из досок (ил. 7). Крыша ранее была накрыта берестяными тисками, сегодня сохранились лишь их фрагменты. Еще в 2000 г., по рассказам местных жителей, на расстоянии 15—20 м перед амбарчиком в лесу были установлены два

Ил. 6. **Святилище *Йипыг-ойки.*** Фигуры божеств (слева направо): *Мир-суснехум, Йипыг-ойка, Нуми-Торум, Йипыг-эква, Калтась.* 2010 г. Фото А.В. Бауло

«охранника»: фигуры были выполнены из дерева и одеты в малицы, одна изображала мужчину, другая — женщину. Поскольку место здесь низкое, изваяния, видимо, унесло весенней водой.

В трёх метрах перед амбарчиком расположено кострище. Огонь должен гореть всё время, пока люди находятся на святом месте. Рядом с костром растёт береза, к стволу которой привязывают жертвенное животное. Вокруг ствола обвязаны верёвки, на бересте видны следы крови.

За амбарчиком слева стоит берёза, в ствол которой воткнуты ножи. Дерево уже трухлявое и сейчас в его ствол ножи не втыкают. Чуть дальше растёт другая берёза, в которую воткнуты два новых ножа. Ножи втыкают приходящие на святилище мужчины: тем самым они сообщают о рождении у них мальчиков (нож втыкают и в том случае, если мужчина пришёл первый раз после рождения мальчика, даже если после этого прошло уже несколько лет). В этом же случае в амбарчик кладут миниатюрные луки со стрелами, которыми буквально завалены два угла помещения. Здесь же хранятся модели лыж («чтобы парень хорошо на них ходил»), два деревянных колчана со стрелами, деревянное корыто, деревянные ложки и рюмки.

Ил. 7. **Амбарчик Белого орла.** 2001 г. Фото А.В. Бауло

Ил. 8. Средневековая бронзовая фигурка в головном уборе в виде птицы. Бассейн р. Северной Сосьвы

Внутри амбарчика не так давно находилась большая металлическая фигура орла с распахнутыми крыльями, но её забрали свои же Носкины во время вражды между братьями. Сейчас остаются только приношения — несколько тюков с платками. Во время церемонии часть платков кладут на крышу амбарчика.

Во время трапезы куски рыбы насадили на высокий прут и прислонили его к стене амбарчика — это была жертвенная пища для Орла.

***

Таким образом, «птичьи» святилища у манси и хантов продолжают сохранять свою актуальность и в нач. XXI в. Традиция почитания предка-покровителя в образе птицы, безусловно, уходит в глубокую древность. Так, на территории проживания манси и хантов нередко находят средневековые бронзовые отливки, изображающие антропоморфов в головных уборах в виде птиц (ил. 8).

Если в XVIII—XIX вв. образы покровителей на священных местах чаще были представлены в птичьей ипостаси (независимо от вида птицы манифестировалась крылатость божества, именуемого Крылатый старик), то на протяжении XX и в нач. XXI в. мы наблюдаем более частое присутствие птичьего предка в антропоморфном виде. По мнению И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева, возможно, налицо одна из стадий антропоморфизации древних зооморфных персонажей, полное абстрагирование от «птичьих» черт. Происходит своеобразная унификация персонажей пантеона: независимо от первоначальной сущности, в позднее время они, как правило, выступают в человеческом облике[40].

Произошло и некоторое снижение статуса «птичьих» божеств: если в нач. XVIII в. Медный Гусь был духом-покровителем регионального

ранга, то в последнее время птицы выступают как семейные или поселковые тотемные предки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Неттина-Лапина М.А.** Фольклор Тэк ёх. — СПб.: Алфавит, 1999. — С. 37.

[2] **Талигина Н.М.** Обряды жизненного цикла у сынских хантов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — С. 14—15.

[3] **Молданова Т.А.** Пелымский Торум — устроитель медвежьих игрищ. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2010. — С. 59.

[4] **Kannisto A.** Materialien zur Mythologie der Wogulen // Mйmoires de la sociйtй Finno-Ougrienne. — Helsinki, 1958. — Vol. 113. — S. 130.

[5] **Kannisto A.** Materialien zur Mythologie der Wogulen... — S. 92, 132, 168, 170, 177, 181, 188—189, 191, 225.

[6] **Карьялайнен К.Ф.** Религия югорских народов / Пер. с нем. и публикация Н.В. Лукиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. — Т. 2. — С. 155.

[7] **Карьялайнен К.Ф.** Религия югорских народов... — С. 23, 57.

[8] Источники по этнографии Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. — С. 232.

[9] Источники по этнографии Западной Сибири... — С. 151, 191, 192, 207, 215.

[10] **Чернецов В.Н.** Фратриальное устройство обско-югорского общества // Сов. этнография. — М.; Л., 1939. — № 2. — С. 27; Источники по этнографии Западной Сибири... — С. 239.

[11] **Бауло А.В.** Культовая атрибутика берёзовских хантов. — Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. — С. 55.

[12] Мифология хантов / Кулемзин В.М., Лукина Н.В., Молданов Т.А., Молданова Т.А. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — С. 138.

[13] **Ромбандеева Е.И.** История народа манси (вогулов) и его духовная культура. — Сургут: Северный дом, 1993. — С. 59, 68.

[14] **Зенько А.П.** Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. — Новосибирск: Наука, 1997. — С. 43, 55; **Мартынова Е.П.** Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Мат-лы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. — С. 85.

[15] Сынские ханты / Аксянова Г.А., Бауло А.В., Перевалова Е.В., Рутткаи Э., Соколова З.П., Солдатова Г.Е., Талигина Н.М., Тыликова Е.И., Фёдорова Н.В. — Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. — С. 145.

[16] **Перевалова Е.В.** Войны и миграции северных хантов (по материалам фольклора) // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург: Академкнига. — 2002. — № 8. — С. 48.

[17] Материалы 1930-х гг. В.Н. Чернецова и современные данные Р.К. Бардиной.

[18] **Бардина Р.К.** Обские и нижнесосьвинские манси: этносоциальная история в конце XVIII — начале XXI века. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. — С. 96.

[19] **Молданов Т.А., Молданова Т.А.** Боги земли казымской. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — С. 10.

[20] **Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. — Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. — 160 с.

[21] **Бауло А.В.** «Арлекин» — остяцкий идол // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск, 2009. — № 3. — С. 111—118.

[22] **Бауло А.В.** Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. — Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. — 160 с.

[23] **Новицкий Г.** Краткое описание о народе остяцком. — Новосибирск: Новосибгиз, 1941. — С. 60—61.

[24] **Инфантьев П.П.** Путешествие в страну вогулов. — СПб.: Издание Н.В. Ельманова, 1910. — С. 71.

[25] Источники по этнографии Западной Сибири... — С. 151, 191, 204—206, 216.

[26] **Гондатти Н.Л.** Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. — М.: [Тип. Потапова], 1888. — С. 22—25; **Ромбандеева Е.И.** История народа манси... С. 52.

[27] **Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 152—153.

[28] **Чернецов В.Н.** Фратриальное устройство обско-югорского общества ... — С. 26.

[29] **Kannisto A.** Materialien zur Mythologie der Wogulen... — S. 152.

[30] **Гемуев И.Н.** Святилище Халев-ойки // Мировоззрение финно-угорских народов. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 78—91.

[31] **Чернецов В.Н.** Фратриальное устройство обско-югорского общества ... — С. 25.

[32] **Чернецов В.Н.** К истории родового строя у обских угров // Сов. этнография. — М., 1947. — Т. 6—7. — С. 169.

[33] **Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилище Товлынг-ойки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы V годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. — Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. — Т. 3. — С. 356—360.

[34] **Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси. Культовые места XIX—начало XX в. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 8—25.

[35] **Шульц Л.** Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Зап. Тюменского общества науч. изучения местного края. — Тюмень: Гостипография, 1924. — Вып. 1. — С. 193.

[36] **Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси... — С. 16—25.

[37] **Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси... — С. 8—16.

[38] Мифы, предания, сказки хантов и манси / Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков; Сост., предисл., примеч. Н.В. Лукиной. — М.: Наука, 1990. — С. 460.

[39] **Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси... — С. 158.

[40] **Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси... — С. 19.

Сведения об антропоморфных изображениях на деревьях в Сургутском Приобье

А.А. Рудь
г. Сургут
ООО «Гиперборея»

В последнее время в литературе, касающейся этнографии коренного населения Западной Сибири, наблюдается всплеск интереса к изображениям, нанесённым на деревья. Значительную их часть исследователи соотносят с пиктографическим либо зачаточным идеографическим письмом обских угров, ритуальным действиями при добыче медведя (связанными, прежде всего, с представлениями о возрождении убитого зверя)[1].

Также издавна пристальное внимание сибиреведов привлекают антропоморфные личины, вырезанные или вырубленные на деревьях. Они зафиксированы практически на всей территории Западной Сибири: у хантов и ненцев р. Полуя[2], Сыни[3], Казыма[4], Салыма[5], Агана[6], Лямина[7]; у манси р. Северной Сосьвы[8]; у селькупов р. Таза[9]; у кетов[10]. Помимо этого неполного списка изображений, имеющих этническую или территориальную привязку, в научной литературе опубликованы иллюстрации антропоморфных личин без точного местоуказания в границах Северо-Западной Сибири[11]. Оставляя на будущее сравнительный анализ прагматических и художественных характеристик этих изображений, можно отметить, что все они имеют отношение к мировоззренческой и обрядово-ритуальной сферам традиционной культуры народов Западной Сибири.

Предлагаемая публикация посвящена антропоморфным изображениям на деревьях, сведения о которых были получены во время полевых работ 2002–2011 гг. в Сургутском Приобье и на прилегающих территориях. Источники можно разделить на три группы:

– антропоморфные личины духов-хозяев охотничьих урочищ, урманов, водоёмов, изготовленные местными жителями из числа малочисленных народов Севера и функционирующие как объекты культа;

– антропоморфные изображения на р. Тромъегане и Пиме, сделанные хантами с целью наведения порчи на своих недругов;

– изображения, вырубленные и вырезанные пришлым русскоязычным населением в подражание и в стиле традиционного изобразительного искусства народов Северо-Западной Сибири либо по каким-то другим причинам.

Антропоморфные изображения духов-хозяев

В эту группу вошли изображения духов-хозяев урочищ, обследованные в бассейнах р. Айпим, Малый Юган и Большой Юган.

Как правило, духи-хозяева конкретных территорий имеют свои собственные имена, которые будут обозначены ниже. Однако заметим, что в среде сургутских хантов, равно как и в научной литературе, духов-хозяев урочищ часто называют и обобщенным именем — *вонт лункэт* (таёжные духи)[12].

Два антропоморфных изображения были обследованы в правобережье среднего течении р. Айпим (правый приток р. Пим) во время экспедиции на стойбище ханта И.Г. Кантерова в феврале 2007 г. Они вырублены топором на южной стороне кедров на высоте около 1 м. У одного лицо обозначено в

Ил. 1. Святилище ***Вонт Лунк Эвихэн Кот Мых*** (Двух Дочерей Таёжного Хозяина Вместилище). Изображение 1. Сн. с юга. Фото автора

виде чашевидной выемки древесины. Рельефно проработан нос, рот и глаза выполнены в виде неглубоких горизонтальных зарубок (ил. 1). У второго изображения нос отсутствует, рот передан неглубокой горизонтальной зарубкой, глаза — прибитыми гвоздями монетами плохой сохранности диаметром около 2,5 см (вероятно, 5-копеечные советские монеты). На это изображение на уровне «груди» были привязаны два приклада жертвенной ткани синих и голубых оттенков (ил. 2). У обоих личин на уровне «плеч» в дерево вбиты деревянные палки, отображающие руки.

Ил. 2. Святилище ***Вонт Лунк Эвихэн Кот Мых*** (Двух Дочерей Таёжного Хозяина Вместилище). Изображение 2. Снято с юга. Фото автора

По сведениям нашего информатора и автора изображений И.Г. Кантерова, личины являются изображением *Вонт лунк эвихэн* (Двух дочерей таёжного хозяина) и включены в состав святилища *Вонт Лунк Эвихэн Кот Мых* (Двух Дочерей Таёжного Хозяина Вместилище[13]). Святилище действующее, функционирует как семейное культовое место Кантеровых с посл. четв. XX в. На территории святилища, помимо деревьев с антропоморфными образами, зафиксировано несколько кедров, из стволов которых выбирали сколы для изготовления индивидуальных культовых изобра-

Ил. 3. Почитаемое место ***Атым Ньотэн Яхкэн*** (С Плохим Носом Двое Людей). Изображение. Сн. с северо-запада. Фото автора

жений *Вонт лунк эвихэн*. Рядом находится ритуальная площадка и костровище. По информации И.Г. Кантерова, «Две дочери таёжного хозяина» являются духами-хранителями прилегающих территорий. Их имена обязательно произносятся во время молитвы, посвящённые им обряды молений и жертвоприношений на священном месте регулярны. Здесь же на деревья вывешивают приклады жертвенной ткани, головы и шкуры пожертвованных для *Вонт лунк эвихэн* оленей.

Следующая антропоморфная личина была обследована в бассейне р. Малого Югана, в междуречье его правых притоков Сэккынгъяха (Асигипъях) и Тынкильяха при посещении охотничьих угодий жителей юрт Киняминых в марте 2009 г. Она вырублена топором на северо-западной стороне кедра на высоте около 1 м. Рельефно изображён нос, глаза и рот обозначены горизонтальными углублёнными зарубками (ил. 3). Изображение обращено лицом к старой охотничьей дороге, которой до сих пор пользуются Кинямины.

По сведению Е.П. Кинямина, указанная личина является изображением духов-хозяев урмана — *Атым Ньотэн Яхкэн* (С Плохим Носом Двое Людей). Вырубал личину отец информатора П.Е. Кинямин в 1970-х гг. Информатор сообщил также, что ранее по соседству находилось ещё одно дерево с личиной, однако его поиски в зимнее время успехом не увенчались. Также не удалось выяснить, существовали эти личины параллельно или последовательно. Заметим, что в название почитаемого места включено числительное *яхкэн* (двое людей), что косвенно может указывать на наличие в прошлом всё же двух персонажей.

О функциях изображённых на дереве личин Е.П. Кинямин сообщает следующее: *«Это хозяева здешнего урмана. Мы всегда ему прикладываем ко рту* чакэм пулы *(табак). Когда проезжаешь, минутка свободного времени есть, останавливаешься здесь отдохнуть, покурить. И его обязательно табаком угощаешь»*[14].

Сведения об антропоморфных личинах в районе д. Тайлакова в правобережье нижнего течения р. Ингльпеу (левый приток р. Большого Югана) были получены от В.Н. Лянтина в июне 2009 г. и сразу же проверены на месте автором статьи[15]. Как сообщил указанный информатор, эти личины являются изображением духов-хозяев р. Ингльпеу (хант. *Энтль пеу* — Большой ручей) и именуются *Юр Имихэн-Икихэн* (Подводные Жуки Жена с Мужем) (ил. 4).

Личины вырублены на двух рядом стоящих кедрах на высоте около 1 м и ориентированы на северо-запад, к р. Ингльпеу. Иконографически они однотипны: лицо обозначено сферической выемкой, нос выступает

Ил. 4. Почитаемое место ***Юр Имихэн-Икихэн*** (Подводные Жуки Жена С Мужем). Сн. с северо-запада. Фото автора

Ил. 5. Почитаемое место ***Юр Имихэн-Икихэн*** (Подводные Жуки Жена С Мужем). Изображение «хозяйки» ***Юр Ими.*** Сн. с северо-запада. Фото автора

рельефно, рот передан горизонтальной зарубкой, глаза — ромбовидными зарубками. У одного изображения отсутствует часть носа, а на лице фиксируются следы дроби. Информатор пояснил, что целая личина является изображением «хозяйки» *Юр Ими* (ил. 5), частично повреждённая личина — изображением «хозяина» — *Юр Ики* (ил. 6). Автор изображений не известен.

По рассказу В.Н. Лянтина удалось установить детали частичной утраты мужского изображения: *«Это было в 1960-х гг. В этих местах охотился Ефим Петрович Когончин. Он себя чувствовал типа как шаманом над лесными духами. Психоватый старик был. А он на этом дереве белку нашёл. Вокруг крутился, крутился и топором стукал по дереву. Белка у него запряталась. А потом увидел лицо на дереве с испугу или от психу рубанул топором его – обезобразил нос. После этого случая этот мыс стали называть* Ньот чоп Ики мэхи *(С Отрубленным Носом Дядька мыс)... А потом ещё здесь отметился Василий Николаевич Цынганин. Он тут тоже на белок охотился. Увидел эти изображения духов... и дробью всё изрикошетил зачем-то»*[16].

Ил. 6. Почитаемое место ***Юр Имихэн-Икихэн*** (Подводные Жуки Жена с Мужем). Изображение «хозяина» ***Юр Ики***. Сн. с северо-запада. Фото автора

Сведения о том, что духи-хозяева р. Ингльпеу «не отдавали» добычу охотников, не единичны: «*Эти лица на дереве вправду старинные. Моя жена рассказывала, что их видел её отчим – Филипп Николаевич Когончин. Он в этом месте охотился однажды. И подстрелил на одном из этих кедров белку. Подошёл, вокруг кедра обошёл – белки нигде нет. Он видел, как она упала, а подошёл – ну, нигде нет её. Это они забрали...*» (Ф.А. Лянтин)[17].

По информации В.Н. Лянтина, раньше при случайном появлении около изображений духов-хозяев *Юр Имихэн-Икихэн* охотники могли пожертвовать им дробь, табак, деньги. Их же призывали во время зимнего топтания реки: «*Эту речку раньше топтали зимой. В первый день приглушают речку снегом, чтобы рыба подошла. Когда чай варят первый раз. На чай их приглашают: «Вот, мол, хозяева, подходите к нам, чай попьём вместе. Помогите нам. На удачу. На рыбу...». Снегом плотину наваливают, утаптывают...*»[18].

В июне 2009 г. от В.И. Усанова была получена информация о существовании подобных изображений духов-хозяев в районе д. Таурово в верхнем течении р. Ай йылпэ (Малый живун) – левом притоке р. Большого Югана: «*По речке Ай йылпэ, в вершине кедр стоит. И там отпечатаны (вырублены. – Р.А.) два лица...старинные. Ну, чисто человеческие два лица. Называется место* Ранк кохэн *(Дерущиеся два мужика)... Вот идёшь – охотник... Остановишься около них. Сигаретку, раз... закурил – им дал и себе. Покурил, постоял – вот и вся молитва. Они поклон просят. Платок [на них] можно повязать, материал можно повязать. Об этом история есть. Это в наше время было. Один охотник из Тауровых пошёл туда в урман... и не дал им ничего. Охотничал-охотничал – ничего не может добыть. Пришёл в то место – и ударил по морде этих* Ранк кохэн. *Этот охотник ударил дерево, а там изображение старинное, вырезанное как бы огнём... И пошёл домой. А до дома еле дошёл – у него вся морда распухла. Изображение-то было на бога..., а человек взял и ударил это изображение. А им, видать, не понравилось*»[19]. К сожалению, из-за удалённости и труднодоступности этого места проверить приведённую устную информацию не удалось.

Нужно отметить несколько характерных черт описанных изображений духов-хозяев. Как правило, их два – в вышеперечисленных случаях это «две дочери», «двое людей», «муж с женой» либо «два мужчины». Заметная черта юганских духов-хозяев – «своенравность» в общении с охотниками, отражённая в рассказах-быличках. В противоположность

божествам-покровителям хантыйских юрт, культовые лабазы которых до сих пор есть практически возле каждого населённого пункта юганских хантов, изображения духов-хозяев приурочены к промысловым таёжным угодьям, находящимся нередко на значительном удалении от русел основных водотоков. Так, пока нет никакой информации о нахождении подобных изображений около старинных хантыйских дорог вдоль русел Большого Югана и Малого Югана.

Примечательно, что большинство сегодняшних юганских хантов не знает о личинах духов-хозяев. Все известные изображения были сделаны в XX в., поэтому информацией о них владеют только охотники преклонного возраста: *«Раньше на Югане изображения духов-хозяев делали на деревьях в урманах, таёжных речках, на богатых уриях*[20]*. Потому что они – хозяева, владельцы угодий. Это и есть изображения* вонт лункэт *(лесных хозяев). Считается, что они через это дерево будут принимать дары у охотников. Вот такие раньше делали изображения. Ну, сейчас, по-моему, никто уже не делает...»* (В.Н. Лянтин)[21].

Реалии сегодняшних дней таковы, что носителей традиционной культуры, идущих на поклон к хозяевам урманов, с каждым днём становится всё меньше. Однако для них, сохранивших верность язычеству, эти изображения до сих пор являются значимыми.

Не определён пока и ареал бытования изображений духов-хозяев. На р. Югане они зафиксированы в нескольких экземплярах, на р. Пиме – единожды, на р. Тромъёгане и Лямине – ни разу.

Антропоморфные изображения вредоносной магии

В разные годы на правобережье Сургутского Приобья (р. Тромъёгане и Пиме) была зафиксирована информация об антропоморфных изображениях, которые вырезались хантами на деревьях с целью наслать порчу на других хантов – своих врагов. На р. Тромъёгане такие изображения называют *улып*, на р. Пиме – *утып*. К сожалению, ни одно из них зафиксировать и обследовать не удалось, поэтому нижеприведённая информация изложена только по устным сведениям.

В старину изображения *улып/утып* делали шаманы либо люди, обладающие магическими способностями.

Внешне эти творения были похожи на личины духов-хозяев, речь о которых шла выше. Вот как их описывает В.А. Покачева с верховьев р. Тромъёгана: *«Лицо* улып *(нехорошего идола) вырубают топором*

или кровью рисуют на дереве. Их делают с нехорошей мыслью, чтобы навредить другому человеку. В таком месте никто не молится, прикладов, жертвоприношений и обрядов не делают»[22].

Подобные же сведения об изображениях *утып* были записаны от А.Ф. Кантеровой на Пиме: *«Если на дереве делают так, то это плохая примета. Это* утэп *говорят. Ну, это, как говорится, на человека зло делают. Вырубают на дереве какое-то лицо, но не лицо бога* (лунк). *А это дьявольское лицо делают* – ит канлэх от *(злой дух, дьявол). Он другому человеку болезни и несчастья приносит. Вот у нас... я слышала по Пиму, сколько находили таких вот... на родовых землях, на их участке земли находили – все люди погибали. От рода как корни отрубали. Там в роду отцы, матери умирали... дети оставались сиротки. У Итыковых в вершине реки Тувтэн яун*[23] *такой находили на дереве... Их Итыковых два брата было. Они оба умерли. У одного сын был, тоже умер. У второго Итыкова, младшего, было пять детей – дети все ушли с этого места. Два сына было – все оттуда ушли. Они не вернулись на это место совсем. Это кто зло держал – тот и сделал. Весь род так ушёл... Такое шаманы делали, в основном. Простые люди не делали. Есть плохие шаманы, а есть добрые шаманы. Добрый шаман так не делает»*[24].

Представления коренных обитателей берегов р. Тромъёгана, Пима и Лямина на правобережье Сургутского Приобья о зловредной роли магических изображений *улып* настолько сильны и устойчивы, что они по сей день с недоверием относятся к сведениям о существовании у своих соседей – юганских хантов – благожелательного содержания вырезанных на деревьях личин духов-хозяев угодий: *«Не знаю. У нас такого нет. Это, может, в других районах так делают на бога... У нас так нельзя ... Если вот такое сделали на дереве, такой рисунок – это кому-то порчу большую сделали»* (А.Ф. Кантерова)[25].

В ходе полевых работ 2003 и 2006 гг. в нижнем течении р. Лямин Третий была осмотрена большая группа затёсов на деревьях, сделанных лесными ненцами[26] не позднее нач. – сер. XX в. Пимский хант информатор Н.В. Вандымов, переехавший на эту территорию около 20 лет назад с р. Котингтур (левый приток р. Пима), не смог объяснить предназначение затёсов и расшифровать их символику. Несмотря на отсутствие на них антропоморфных сюжетов, он однозначно выразил своё негативное к этому явлению отношение: *«Старые люди говорили, что нельзя так делать – изображения на дереве. Такое делают, чтобы человеку плохо сделать. А сами – вон сколько наделали их»*[27].

Ближайшие известные нам аналогии антропоморфных изображений, сделанных с целью наведения порчи, находятся на р. Тукан (бассейн р. Салыма). По свидетельству юганских хантов, проживающих сейчас в этом районе, изображения были сделаны тунгусом Вынья в 1920-х гг. *«чтобы наслать порчу на салымских [хантов], которые его обидели...»*[28].

Интересно, что у сургутских хантов этим же термином (*улып*) называется одна из человеческих душ. Вот что об этом сообщает А.С. Песикова: *«Чтобы существовать в разных мирах, у человека есть несколько душ: у мужчины – пять, у женщины – четыре... После физической смерти человека... в сферу действия богини Земли улетает душа улып (перевод – «вид, образ, обличье»)... Душа улып может вылететь из тела хозяина от сильного психологического стресса (испуга, волнения, нервного шока) или покидает больное тело, не хочет находиться в теле старого человека. Эту душу человек может вернуть себе сам усилием воли, лечением своих болячек»*[29]. Исходя из этой информации, можно предположить, что магические действия с использованием антропоморфной личины на дереве были адресованы конкретной человеческой душе – *улып*.

Антропоморфные изображения вне пределов традиционной культуры

Помимо рассмотренных выше образцов антропоморфной пластики на деревьях, так или иначе связанных с языческими верованиями и ритуальной практикой малочисленных народов Севера, нередко приходится сталкиваться с изделиями, стилизованными под эти образцы пришлым населением. Мотивация в таких случаях каждый раз разная: от подражания этнографической экзотике любителями активного отдыха до студенческих ритуалов «посвящения в археологи» во время летних практик. Из-за нередкого внешнего сходства этих двух разных по истокам, назначению и содержанию групп антропоморфной деревянной пластики изображения-стилизации тоже необходимо фиксировать, в том числе, по возможности, обстоятельства их возникновения.

В ходе полевых работ подобные изображения были обнаружены дважды – в верхнем течении правобережья р. Тромъёган и в среднем течении р. Демьянки.

Первое из указанных было осмотрено в июле 2003 г. в сопровождении проводников-хантов А.Т. Сопочина и Ю.А. Сопочина. По их сведениям, «лицо» было сделано в кон. 1970-х – нач. 1980-х гг.

топографами, устанавливавшими рядом пункт триангуляции (ил. 7). Интересно, что часть изображения уничтожена путевой затёской, которую сделали в прошлом наши проводники.

Второе изображение было осмотрено в 2005 г. Оно находится на левом берегу р. Демьянки, ниже устья р. Уима (ил. 8). Тюменский исследователь В.Н. Адаев сообщил по этому поводу, что «идол» был сделан в 1970-х гг. жителем п. Калемьяга, русским переселенцем Алексеем Васильевичем(?) Подхомутниковым: «Подхомутников ради смеха сделал на берегу ниже Трамбала деревянного ханта. На него ещё куртку и кепку одевали — издали вообще похож. Некоторые мимо едут, обманывались — думали, человек стоит»[30].

* * *

Таким образом, первые две группы рассмотренных антропоморфных изображений на деревьях связаны с аборигенным населением Сургутского Приобья. Главная их функция — обрядово-ритуальная. Отметим, что антропоморфная скульптура, выполненная в металле и керамике,

Ил. 7. Правобережье верхнего течения р. Тромъёган. Изображение, сделанное топографами. Сн. с юга. Фото автора

известна в Сургутском Приобье с раннего железного века[31]. Отсутствие деревянных антропоморфных «идолов» в археологических коллекциях из Сургутского Приобья, вероятнее всего, связано с недолговечностью и плохой сохранностью материала изготовления. Если же говорить о глобальной территории Зауралья и Западной Сибири, то наиболее древней находкой антропоморфного деревянного изображения, имеющего возраст около 9000 лет, является Большой Шигирский идол[32].

В завершение нужно отметить ещё одну функцию, характерную для большинства вышеописанных антропоморфных изображений – как культовых, так и суррогатных. Параллельно со своим основным назначением большинство этих изображений для людей разных культур и мировоззрений, объединённых лишь территорией совместного про-

Ил. 8. Левобережье среднего течения р. Демьянки. Изображение, сделанное А. Подхомутниковым. Сн. с северо-востока. Фото С.А. Мызникова

живания, они выполняли и продолжают выполнять функции маркеров таёжного и временного пространств.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Сенкевич-Гудкова В.В.** К вопросу о пиктографическом письме у казымских хантов // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. — М.: Наука, 1949. — Т. XI. — С. 174; **Чернецов В.Н.** Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. — М., 1964. — Вып. 4—12. — С. 27; **Симченко Ю.Б.** Тамги народов Сибири XVII в. — М.: Наука, 1965. — С. 39—40, 166—167; Очерки истории Югры. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 2000. — С. 53—72; Салымский край. — Екатеринбург: Тезис, 2000. — С. 245, 249; **Чемякин Ю.П.** Городище Сартым-Урий XVIII: предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — Вып. 1. — С. 73—75; **Матюков А.К.** К пиктографии обских угров (по результатам полевых исследований 2000—2001 гг.) // Современное состояние и перспективы развития этнографических музеев Ханты-Мансийского автономного округа в новом тысячелетии. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2003. — С.81—88; **Рудь А.А.** Сведения о медвежьем промысле в Сургутском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. — Вып. 4. — С. 105—107; **Яковлев Я.А., Кондрашёв А.Н.** Первое обследование объектов историко-культурного наследия в бассейне р. Назыма // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2007. — Вып. 4. — С. 75—78.

[2] Зелёный яр: Археологический комплекс эпохи Средневековья в Северном Приобье / Кол. авт. Под ред. Н.В. Фёдоровой. — Екатеринбург; Салехард: Изд-во УрО РАН, 2006. — Вкл. между с. 336 и 337 («Самоедский шайтан, высечено на стволе лиственницы...»).

[3] Сынские ханты / Кол. авт. — Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005 г. — С. 140, 170.

[4] Очерки истории Югры... — С. 57—58;

[5] **Сумин В.В.** Антропоморфные личины на деревьях в бассейне р. Тукан // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — С. 64—70.

[6] **Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.** Река Аган и её обитатели. — Екатеринбург; Нижневартовск, 2006. — С. 317.

[7] **Кондрашёв А.Н., Морозов В.М.** Археологическая разведка на р. Лямине в районе п. Горного в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. — Томск; Ханты-Мансийск, Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 419—420.

[8] **Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. — Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. — С. 45 (рис. 21), 94—96 (рис. 55); **Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси. Культовые места (XIX—XX вв.) — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 92—94. Рис. 86.

[9] **Белич Иг.В., Белич Ир.В.** К вопросу о культовых местах тазовских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии ИПОС РАН. — Тюмень, 1997. —

Вып. 1. — С. 101—105; **Гемуев И.Н.** Семья у селькупов (XIX — начало XX в.). — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 108—109.

[10] **Алексеенко Е.А.** Кеты. Историко-этнографические очерки — Л.: Наука, 1967. — Рис. 24.

[11] **Зенько А.П.** Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: структура и вариативность. — Новосибирск: Наука, 1997. — С. 34. Рис. 6.; Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 1. — С. 103 (шмуцтитул).

[12] **Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. — С. 126—127; Мифология хантов / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданов, Т.А. Моданова; Науч. ред. В.В. Напольских. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 165—166.

[13] Хантыйская лексема *Кот Мых*, входящая в состав наименований многих культовых объектов, имеет дословный перевод «Дом-Земля». Однако её смысловое значения необходимо толковать как «Вместилище / место ауры божества».

[14] **Рудь А.А.** Полевые материалы (расшифровка видеозаписи). Март 2009 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

[15] **Рудь А.А.** Отчёт о НИР: Рекогносцировочные археолого-этнографические исследования, проведённые на территории Тайлаковского месторождения в июне 2009 г. № 01-2010. — Ханты-Мансийск, 2010. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Д. 490. С. 30—31.

[16] **Рудь А.А.** Полевые материалы (расшифровка видеозаписи). Июнь 2009 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

[17] **Рудь А.А.** Полевые материалы. Июнь 2009 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 17.

[18] **Рудь А.А.** Полевые материалы (расшифровка видеозаписи). Июнь 2009 г. ...

[19] **Рудь А.А.** Полевые материалы (расшифровка аудиозаписи № 220330). Июнь 2009 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

[20] Протоках.

[21] **Рудь А.А.** Полевые материалы (расшифровка видеозаписи). Июнь 2009 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

[22] **Рудь А.А.** Полевые материалы. Март 2003 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 50.

[23] На картах значится — р. Тутлеймъяун (левый приток р. Пима).

[24] **Рудь А.А.** Полевые материалы (расшифровка аудиозаписи № 220573). Март 2011 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

[25] **Рудь А.А.** Полевые материалы (расшифровка аудиозаписи № 220573)...

[26] Сведения И.Д. Кечимова.

[27] **Рудь А.А.** Полевые материалы. Июнь 2006 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 29.

[28] **Сумин В.В.** Антропоморфные личины на деревьях в бассейне р. Тукан... — С. 65.

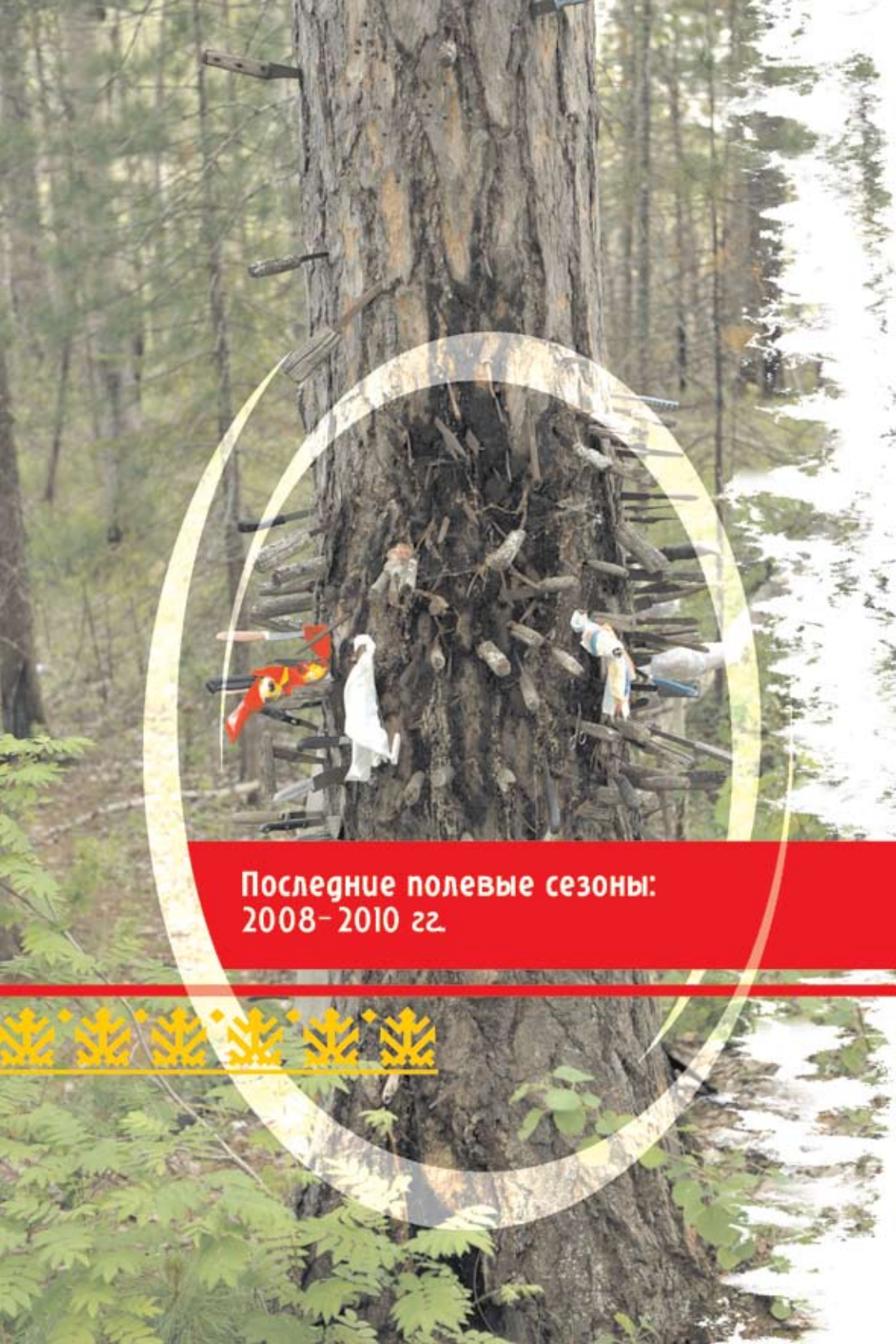
[29] **Песикова А.С.** Взгляд изнутри культуры. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. — С. 34, 38.

[30] **Адаев В.Н.** Полевые материалы «Демьянка—2004», «Демьянка—2005». — Личный архив В.Н. Адаева (г. Тюмень).

[31] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 2002. — 2-е изд. — С. 7—74.

[32] **Чаиркина Н.М.** История открытия и исследования торфяниковых памятников Зауралья // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 2010. — № 2. — С. 102—120.

Последние полевые сезоны: 2008–2010 гг.

Объекты археологического наследия федерального значения на территории ХМАО – Югры: меры по государственной охране в 2010 году

Я.А. Яковлев
г. Ханты-Мансийск
Служба государственной охраны
объектов культурного наследия ХМАО – Югры

В 2010 г. в ходе осуществления переданных органам государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий Российской Федерации по государственной охране объектов культурного наследия федерального значения Службой государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры были проведены инвентаризационные мероприятия на трёх объектах археологии федерального значения – стоянке Чэс-Тый-Яг, городище Чэс-Тый-Яг и городище Сартынья I*.

Работы проходили в три этапа:

– **камеральный:** сбор информации по указанным объектам археологического наследия, анализ полученной информации и подготовка проекта организации археологических работ;

– **полевой:** натурное экспертное обследование памятников, определение их сохранности, проведение топогеодезических и фотографических работ;

– **документационный:** картосоставительные работы по объектам землеустройства и подготовка документов по государственной охране объектов культурного наследия федерального значения («Акт технического состояния объекта археологического наследия», «Акт установления границ территории памятника» с приложением их текстового описания, «Карта-план объекта землеустройства», «Учётная карта объекта, представляющего собой историко-культурную ценность», «Паспорт недвижимого памятника истории и культуры», «Таблица координат поворотных точек и карты-схемы»).

В работах приняли участие работники службы (Я.А. Яковлев, Д.О. Стародумов, А.Н. Кондрашёв). Техническое сопровождение топогеодезических и картосоставительных работ было предоставлено специалистами ООО «Ингеотех» из г. Томска (А.В. Колыхалов, А.А. Скугарев).

* Названия памятников приведены в тех формах, в которых они вошли в нормативные акты республиканского (ныне федерального) уровня. В научной археологической литературе они известны и под другими названиями. Объяснения даны далее по тексту публикации.

Финансирование работ осуществлялось в форме субвенции из федерального бюджета.

Результаты полевого обследования трёх объектов археологического наследия федерального значения — подробные описания, инструментальные планы, фотографии — и стали предметом изложения в предлагаемой статье.

Стоянка Чэс-Тый-Яг
(поселение Чэс-Тый-Яг, Саранпаульская стоянка)

Согласно административному делению, памятник находится на территории ХМАО — Югры, в 2,83 км к востоку — северо-востоку от

Ил. 1. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** План В.Н. Чернецова, 1933—1935 гг. *Взято из:* ***Чернецов В.Н.*** *Древняя история Нижнего Приобья // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. – М., 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 12. Рис. 1*

с. Саранпауль Берёзовского р-на. Гидрографически это место сопряжено с заболоченной поймой левобережья р. Ляпина (левого притока р. Северной Сосьвы на Нижнеобье) в 2,5–2,7 км к северо-востоку от современного русла. Поселение занимает южный мыс останца надпойменной террасы высотой над уровнем окружающих болот от 3 до 5 м (ил. 4, 5). Для закреплённого за этим мысом зырянского топонима *Чэстый-яг* в литературе предложено несколько переводов – «Слопцовый бор»[1] и «Тетеревиное место»[2] (ил. 6).

Памятник открыт в 1933 г. геологом С.Г. Бочем, который назвал его *Саранпаульской стоянкой*[3] и заложил траншею в крайней к вершине мыса западине.

Одновременно, в 1933 и 1935 гг. разведочные работы в этом же районе проводил археолог В.Н.Чернецов[4]. Он переименовал памятник в *стоянку Чэс-Тый-Яг*, снял его первый глазомерный план (ил. 1), провёл шурфовку жилищных объектов, а впоследствии ввёл весь полученный материал в научный оборот[5].

Под этим же названием – *стоянка Чэс-Тый-Яг* – в 1953 г. памятник был опубликован в итоговой по тем временам сводке археологического наследия Среднего и Нижнего Приобья И.А. Талицкой[6], а в 1960 г. внесён в госсписок объектов культурного наследия[7].

В 1960 г. памятник под названием «стоянка Чэс-Тый-Яг» был внесён в список памятников истории и культуры РСФСР, получив тем самым, согласно современной нормативно-правовой базе, статус объекта культурного наследия федерального значения со всеми вытекающими отсюда требованиями по государственной охране и использованию[8].

В 1968 г. памятник был обследован В.Ф. Старковым. Исследователь снял второй (на этот раз, полуинструментальный) план поселения, на который нанёс 18 земляночных западин (ил. 2), и заложил в крупной примысовой западине с западной стороны две взаимно перпендикулярные траншеи[9].

В 1983 г., 1985–1987, 1989, 1997, 2003 гг. на памятнике были проведены крупные стационарные работы томским археологом Е.А. Васильевым*. В раскопе совокупной площадью 1324 кв. м им были вскрыты котлованы пяти жилищ и двух не выраженных в современном рельефе небольших построек (ил. 4), собрана репрезентативная коллекция керамики и каменного инвентаря[10]. Серией научных публикаций[11] и устных выступлений[12] на научных форумах эти материалы частично

* Благодарю Е.А. Васильева за своевременную помощь архивными материалами с информацией о своих раскопках при работе над планом стоянки Чэс-Тый-Яг.

введены в научный оборот. Е.А. Васильев установил позднеолитическую датировку памятника в пределах кон. IV — нач. III тыс. до н. э. и обосновал гипотезу о южных корнях культуры Чэс-Тый-Яга.

В 2003 г. на средства окружной программы «Культура Югры» обследование поселения продолжил научный сотрудник Угорского научно-исследовательского центра Уральского госуниверситета Е.А. Жирных. Был снят третий (глазомерный) план памятника (ил. 3), осуществлён сбор подъёмного материала[13]. К сожалению, исследователь, не имея на месте своих полевых работ чертежей и планов проведённых прежде раскопочных работ, не смог разобраться в современном рельефе участка и отличить антропогенные элементы археологического памятника от деформированного и успевшего покрыться лесом некультивированного участка раскопочных работ. Конечно, это значительно снизило качество его плана.

Площадь памятника — 1,314 га.

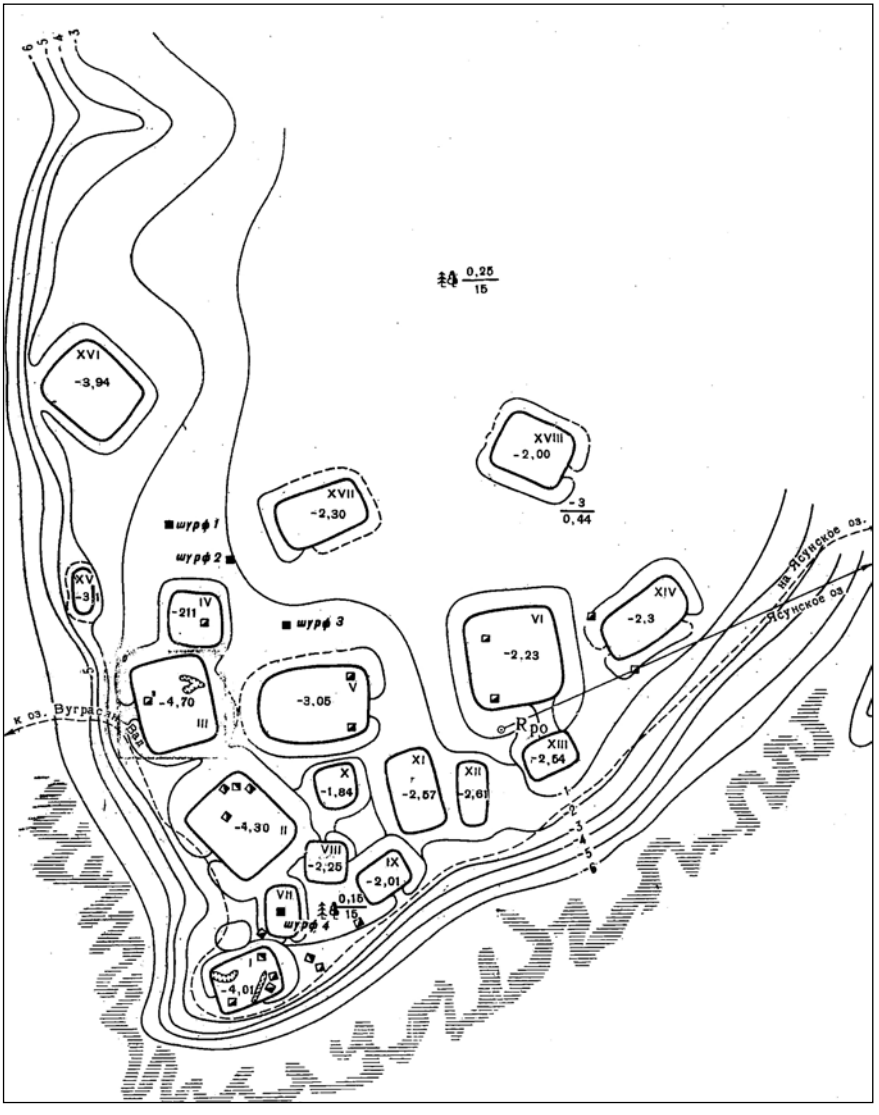
Закономерности в планировке поселения нет.

Нет и явной определённости в ориентации западин, за исключением, быть может, естественного стремления строителей расположить стены прибрежных построек вдоль края террасы.

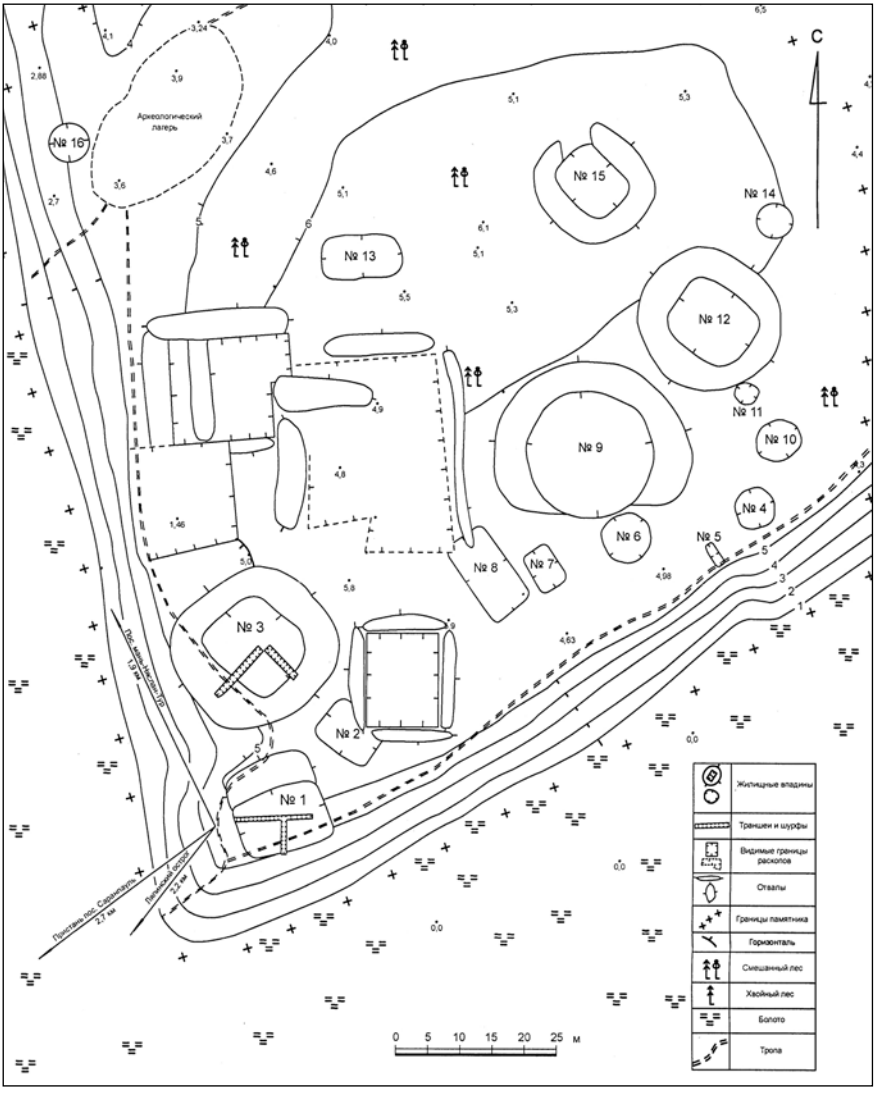
Форма археологизированных котлованов впущенных в грунт построек, некогда имевших, безусловно, прямоугольную форму, в настоящее время варьирует от подпрямогольника с разной степенью заоваленности углов до вытянутого овала.

Уникальными и, одновременно, сложными для исследования поселения Чэс-Тый-Яг являются количественные характеристики западин — их число, размеры, площадь и глубина. На это указывают практически все археологи, которые так или иначе обращались к материалам памятника. Например, Е.А. Васильев писал: «По этим параметрам памятник не вписывается в привычные представления о характере неолитических поселений в высоких широтах Северо-Западной Сибири и не находит близких аналогов во всём ареале культур новокаменного века за пределами земледельческо-скотоводческой ойкумены»[14].

Если говорить о числе западин, то оно исследователями определялось по-разному. В.Н.Чернецов в тексте говорит о «более 17», но на свой план нанёс именно 17 (ил. 1)[15]. В.Ф. Старков и работавший по снятому им плану Е.А. Васильев остановились на цифре 18[16] (ил. 2). Открыватель памятника С.Г. Боч, в отличие от В.Н. Чернецова, указал не нижний, а верхний предел числа объектов — «до 20»[17]. Е.А. Жирных выделил в современном рельефе 16 западин, отмечая, что ещё пять к

Ил. 2. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** План В.Ф. Старкова, 1968 г. *Взято из:* ***Старков В.Ф.*** *Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – С. 73. Рис. 6*

Ил. 3. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** План Е.А. Жирныха, 2003. *Взято из:* ***Жирных Е.А.*** *Археологическая разведка в Берёзовском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области в 2003 г. – Екатеринбург, 2004. – Рис. 24*

началу его работ были уже раскопаны, то есть всего он насчитал 21 объект[18]. При этом часть зафиксированных на его плане искусственных западин даже по визуальным признакам в современном рельефе трудно отнести именно к археологизированным постройкам (ил. 3). Работами 2010 г. зафиксировано на плане 15 разноразмерных западин, приуроченных к мысу и предположительно трактованных как остатки археологизированных построек (ил. 4). Стало быть, с учётом пяти уже раскопанных землянок первоначальное число таких объектов можно определить в 20. Кроме того, несколько небольших углублений более-менее правильных очертаний в глубине террасы, территориально выпадающих из площадки расположения крупных западин, но визуально схожих с более мелкими, остались не атрибутированными в части их искусственного или естественного происхождения.

Не сходятся мнения исследователей, работавших на памятнике, и в вопросе метрических характеристик западин, поскольку ими использовались разные методики определения границ этих объектов. С.Г. Боч указывал «размеры объектов от 9х9 до 25х25 м при глубине от 0,5 до 2,5 м»[19]. В.Н. Чернецов писал, что размеры большинства западин укладывались в параметры от 9х9 до 20х20 м, но две из них при размерах 22х27 и 25х26 м могли достигать площади 600 кв. м. При этом их глубина достигала 3–4 м[20]. В.Ф. Старков в одной публикации написал, что площади котлованов археологизированных построек колеблются от 27 до 272 кв. м (при глубине от 0,68 до 2,54 м)[21], в другой – от 56 до 305 кв. м[22]. По Е.А. Жирных, размеры выделенных им западин варьируют в своих параметрах от 1,0х3,0 м до 10,0х14,5 м[23].

Работами 2010 г. по метрическому критерию западины были разбиты на две группы – крупные (более 100 кв. м) и мелкие (менее 100 кв. м).

Треть объектов имела оконтуривающую на уровне современного рельефа сильно расплывшуюся обваловку, сформированную выброшенным из котлована грунтом и остатками кровельной засыпки.

Около двух западин зафиксированы ямы, происхождение которых, скорее всего, связано с выемкой грунта при сооружении построек.

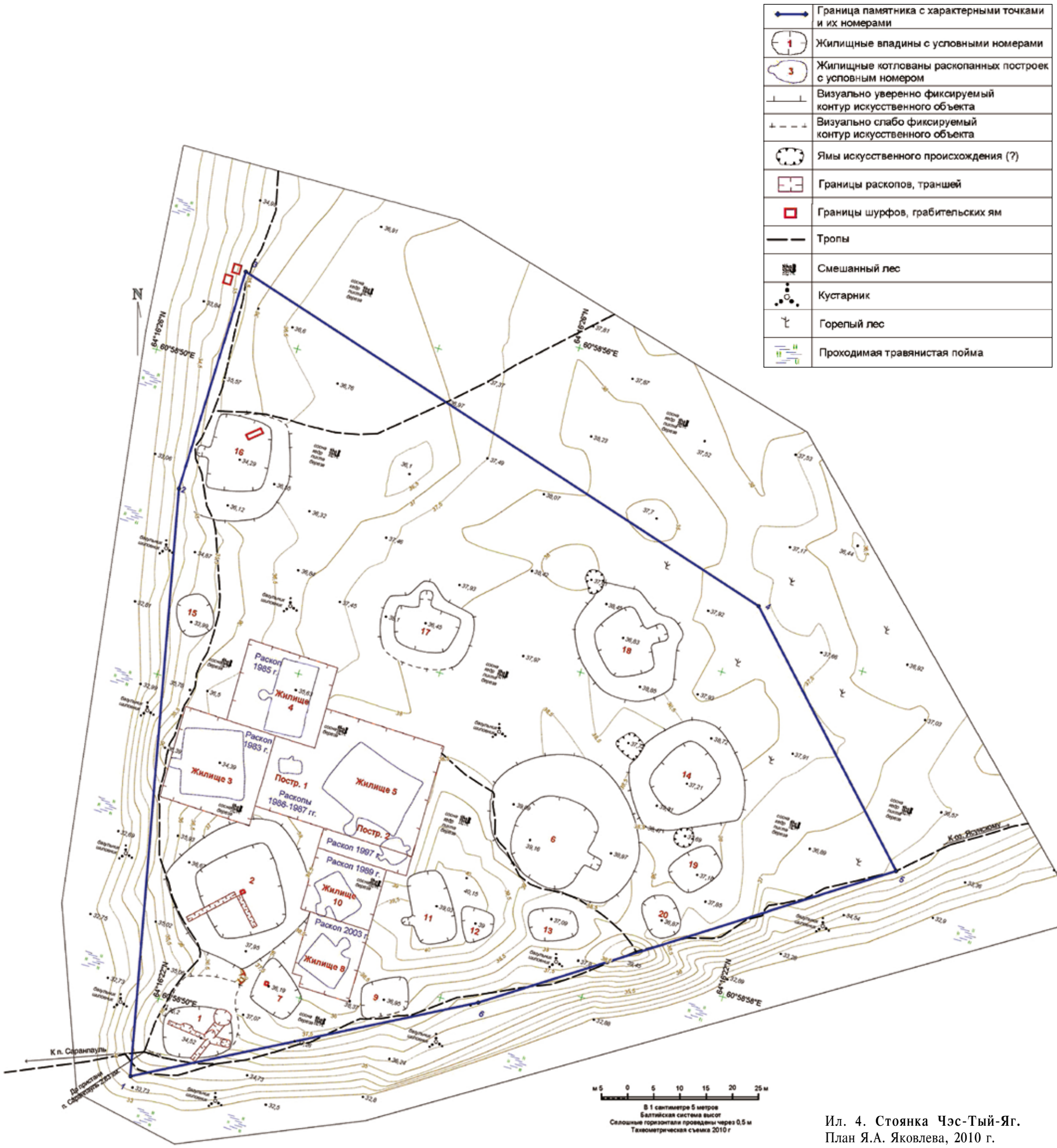
Объект 14:

– северо-западная яма: форма – овальная, диаметры – 4,2 и 4,7 м, глубина – 0,4–0,7 м;

– юго-восточная яма: форма – округлая, диаметр – 3,8 м, глубина – 0,3–0,5 м.

Объект 18:

– яма: форма – подовальная, диаметры –3,5 и 4,6 м, глубина – 0,2–0,4 м.

Ил. 4. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.**
План Я.А. Яковлева, 2010 г.

Это вклейка (2 фальца, вклеивается по верхнему левому углу) после стр. 362.

В качестве характеристики раскопанных построек Чэс-Тый-Яга и сформулированных на её основе социодемографических и этнокультурных выводов можно привести пространную цитату из обобщающей монографии о западносибирском домостроении: «Пять исследованных построек относились к одному посёлку и представляли однотипные подпрямоугольные землянки срубной конструкции с однотипным интерьером. Площадь их колебалась в широких пределах: 50, 100, 160, 200, 230 кв. м. В.Ф. Старков отмечает у построек котлованы глубиной до 231 см, центральный столб, углубленный на 1,5 м, и переплетающиеся лаги, являющиеся, вероятно, основой деревянного пола. Вдоль стен располагались земляные нары, покрытые тонким слоем охры, а поверх неё — деревянными плахами. На дне присутствует подсыпка охры. Жилища такого типа являлись местом обитания общины, насчитывающей от 15 до 75 человек, это не противоречит количественному составу наблюдаемых этнографами общин в обществах с присваивающей экономикой. Общее число жителей посёлка по минимальным расчётам достигало 250 чел. Отдельные параллели чэстыйягским землянкам среди жилищ юга Западной Сибири и Приаралья позволяют Е.А. Васильеву рассматривать их как следствие далёкой миграции, обусловившей степень социальной консолидации переселенцев»[24].

К этому можно добавить ещё несколько характеристик. Есть следы ремонта и, предположительно, перестройки строений. Жилища отапливались открытыми очагами. Одна из построек имела оригинальный вход в виде двух узких проходов, начинавшихся в центральной части землянки и выходивших в общий тамбур. Кровля — там, где её удалось проследить, — представлена несущими балками и поперечными плашками, покрытыми сверху берёстой с последующей фиксацией песком и дёрном[25].

Сгоревшие детали деревянных частей раскопанных строений делают достаточно убедительной версию Е.А. Васильева о гибели поселения в результате пожара[26].

Состав находок. Подавляющее большинство — фрагменты обожжённой глиняной посуды, преимущественно яйцевидных сосудов. Каменная индустрия представлена орудиями и их обломками, заготовками, отходами камнеобработки. Среди орудий преобладают ретушированные скребки из отщепов, шлифованные наконечники стрел.

По общему мнению исследователей, Чэс-Тый-Яг — однослойный неолитический памятник. Е.А. Васильев относит его к периоду позднего неолита (кон. IV — нач. III тыс. до н. э.)[27].

Таблица 1

Поселение Чэс-Тый-Яг. Визуально выраженные в рельефе объекты. Метрические характеристики

№	Котлован археологизированной постройки			Обваловка	
	Размер (м)	**Глубина от совр. дневного уровня** (м)	**Предвходовый тамбур** (м)	**Ширина** (м)	**Высота** (м)
Крупные					
1 (ил. 7)	9,7x13,2	1,5–1,7	–	≈5,9	≈0,1
2	15,3x16,1	1,0–2,0	–	4,6–5,3	0,1–0,9
3	*Раскопано в 1983 г.*				
4	*Раскопано в 1985 г.*				
5	*Раскопано в 1986–1987 гг.*				
6 (ил. 9)	14,8x17,1	0,9–1,4	2,2x3,1	7,2–9,5	0,6–1,3
11 (ил. 10)	8,1x13,7	0,9–1,3	1,5x2,1	–	–
14	11,0x13,0	0,6–1,5	–	4,2–6,2	0,5–1,0
16 (ил. 12)	11,5x14,0	0,6–1,1	2,0x2,2	3,3–5,8	0,1–0,6
18	9,6x12,3	1,6–2,0	3,2x3,5	2,9–5,1	≈0,4
Мелкие					
7	≈8,1x9,4	1,3–1,4	–	–	–
8	*Раскопано в 2003 г.*				
9	6,9x9,1	0,7–1,6	–	–	–
10	*Раскопано в 1989 г.*				
12	5,9x5,9	0,9–1,0	–	–	–
13 (ил. 11)	6,2x9,2	1,0–1,1	–	–	–
15	6,8x7,9	0,5–1,6	–	–	–
17 (ил. 14)	8,1x11,8	≈1,5	2,3x3,2	1,8–3,2	0,3
19	7,1x9,6	≈1,1	–	–	–
20	6,6x8,3	0,4–0,9	–	–	–

Он же пишет о «феномене Чэс-Тый-Яга как уникального целостного поселенческого комплекса. Конструктивные особенности построек, материальная культура, стратиграфические наблюдения однозначно подтверждают принадлежность всех исследованных сооружений к одному посёлку»[28].

Однако необходимо учитывать, что при раскопках 1983 г., помимо массива неолитических материалов, были обнаружены и единичные находки эпохи железа. Это обстоятельство при удобстве участка для человеческого местообитания и наличии неатрибутированных западин внутри берега не исключает в будущем открытие здесь поселения железного века.

Ил. 5. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Общий вид. Сн. с юго-запада (из поймы)

Ил. 6. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Слопец на юго-восточном склоне мыса. Сн. с юго-востока

Ил. 7. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Объект 1. Общий вид. Сн. с юго-запада

Ил. 8. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Объект 1. Старая исследовательская траншея. А — южная оконечность, сн. с северо-востока; Б — восточная оконечность, сн. с запада

Ил. 9. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Объект 6. Общий вид. Сн. с запада

Ил. 10. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Объект 11. Общий вид. Сн. с юга

Ил. 11. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Объект 13. Общий вид. Сн. с северо-востока

Ил. 12. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Объект 16. Общий вид. Сн. с северо-востока

Ил. 13. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Объект 16. Старая исследовательская траншея. Общий вид. Сн. с юго-запада

Ил. 14. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Объект 17. Общий вид. Сн. с северо-востока

Ил. 15. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Кромка незасыпанного раскопа 1985 г. Северная граница. Сн. с юго-востока

Во время обследования 2010 г. площадь поселения была занята: на верхнем уровне — молодым тонкомерным сосняком с примесью берёзы, кедра и пихты; на среднем — багульником и редким шиповником; на нижнем — брусничником и зеленомошником. На кромке и склоне террасы шиповник произрастал активнее. После недавнего пожара, краем захватившего и мыс, старые сосны были спилены и вывезены, поэтому на площади памятника стояли обгорелые пни.

Сохранность памятника плохая. Обусловлено это тем обстоятельством, что никто из исследователей, работавших на памятнике, не провёл полного комплекса работ по рекультивации вскрытого участка. Две перекрёстные траншеи В.Н. Чернецова или В.Ф. Старкова в объекте 1 позже на отдельных участках были расширены и углублены, отчего сейчас они при длине 11,3 и 12,5 м имеют ширину от 0,7 до 1,8 м, составляя в совокупности 32,1 кв. м (ил. 8). Ещё две траншеи (0,9х6,7 м, 1,0х10,3 м) и шурф (0,6х0,8 м) в соседней западине 2 разрушили культурный слой на площади 16,8 кв. м. Траншея в объекте 16 имеет размеры 1,0х3,0 м и площадь разрушения 3,0 кв. м (ил. 13). Плюс к тому на площади памятника — как в объектах, так и вне

Ил. 16. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Незасыпанный раскоп 1986—1987 гг. Отвалы. Сн. с юго-востока

их — фиксируется ещё не менее десятка шурфов. Такими зондажно-разведочными земляными работами было вскрыто не менее 55 кв. м.

Ещё больший урон сохранности объекта нанесли стационарные раскопки общей площадью 1324 кв. м. Работы по «рекультивации» раскопов ограничились лишь присыпкой стен. За прошедшие 15—25 лет песчаная присыпка оползла, обнажив верхний уровень стен бывших раскопов (ил. 15). Оползли и неубранные отвалы по контуру бывших раскопов, которые к тому же поросли молодыми сосновыми и берёзовыми деревьями (ил. 16). В результате произошла маскировка нового рельефа участка на месте проведения раскопок, и в настоящее время практически невозможно неубранные отвалы отличить от обваловки невскрытых объектов, а углубления на месте раскопов — от археологических западин. К этому можно лишь добавить, что в настоящее время перепад между вершиной отвала и дном раскопа достигает местами 3,1 м (раскоп 1985 г.) и даже 4,0 м (раскоп 1983 г.) (ил. 17).

Неубранными отвалами из археологического раскопа частично перекрыт северо-восточный сектор объекта 7, что сделало невозможным определение его контуров и размеров в современном рельефе.

Ил. 17. **Стоянка Чэс-Тый-Яг.** Незасыпанный раскоп 1986—1987 гг. Глубина. Сн. с юго-востока

Указанные факты отрицательного антропогенного воздействия не только нарушают эстетику объекта археологического наследия и ландшафта в целом, но и ведут к прямому разрушению культурного слоя, обнажённого стенками раскопа, траншей и шурфов — выветриванию, размыванию дождевыми и талыми водами, осыпанию.

Городище Чэс-Тый-Яг (городище Мань-Няслан-Тур, городище Саранпаульское 2, поселение Вуграсян-Вад)

Топонимика объекта археологического наследия — и собственное имя, и номенклатурный термин — имеет достаточно долгую и запутанную историю, вызванную процедурой открытия и исследования его носителя.

Памятник был открыт в 1935 г. В.Н. Чернецовым, который изначально наименовал его *«городище на берегу озера Мань-Няслан-Тур»*[29]. Однако работавший в том же районе и знакомый с работами В.Н. Чернецова геолог С.Г. Боч при публикации в 1937 г. археологических материалов из бассейна р. Северной Сосьвы не использовал название памятника, данное первооткрывателем, а указал описательно: «...Против села Саранпауль... по берегу старицы В.Н. Чернецовым обнаружено городище...»[30]. И сразу же следом, в одну строку, только через пробел — уже о другом памятнике: «Поселения на Чэс-Тый-Яг относятся...». При невнимательном чтении этого плохо отредактированного текста даже у специалиста возникает ощущение, что речь в абзаце идёт об одном и том же памятнике. Что уж говорить о малоопытном в освоении специальной археологической литературы провинциальным ханты-мансийским чиновнике образца 1960 г.? Он-то вслед за автором неудачного в стилистическом отношении текста и стал причиной недоразумения: два упомянутых подряд памятника (*городище* Мань-Няслан-Тур и представленная выше стоянка *Чэс-Тый-Яг*) слились в один — *городище Чэс-Тый-Яг*.

Кроме того, и сам В.Н. Чернецов не был последователен в использовании археологической топонимики, называя, например, Чэс-Тый-Яг то стоянкой[31], то поселением[32], то городищем[33].

В результате такого небрежения номенклатурой археологических памятников в 1960 г. в республиканский госсписок были внесены два объекта культурного наследия с одинаковым названием — «стоянка Чэс-Тый-Яг» и «городище Чэс-Тый-Яг»[34]. Если первое из них соответствует реальному объекту культурного наследия, то памятника с

номенклатурой *«городище Чэс-Тый-Яг»* в Ханты-Мансийском автономном округе не было и нет. Адресно этой позиции указанного госсписка соответствует только *селище Мань-Няслан-Тур*.

Впрочем, история наименований и переименований памятника, как и определений его номенклатуры, на этом не закончилась. В вышедшей в 1953 г. итоговой по тем временам сводке археологического наследия Среднего и Нижнего Приобья он обозначен по-прежнему городищем, но уже с топонимом *«Саранпаульское 2»* [35].

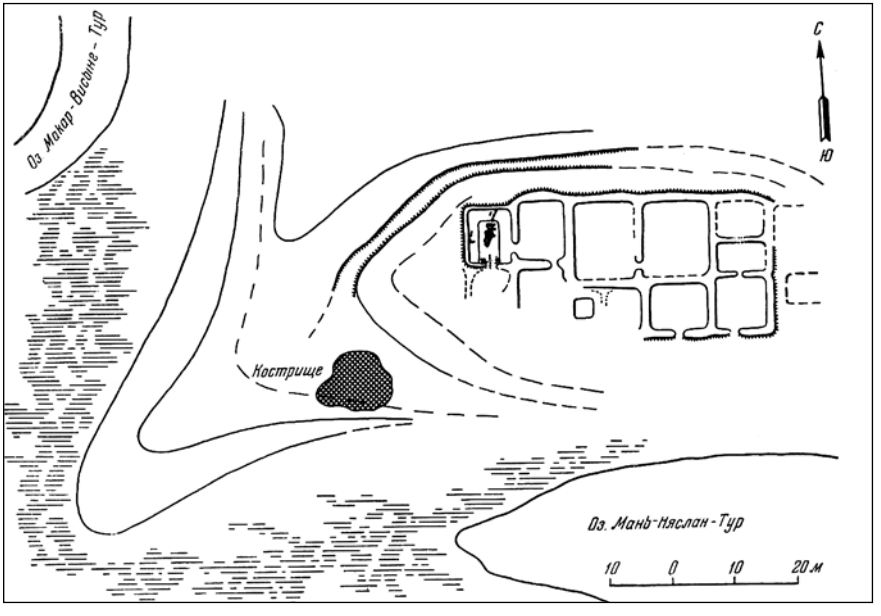
Через 4 года в хрестоматийной для западносибирского Средневековья работе В.Н. Чернецова памятник назван *городищем Мань-Няслан-Тур*. Из описания и плана (ил. 18) явствует, что автором были проведены траншейные раскопки (скорее всего, в крайней с запада жилищной западине). Полученный в ходе этих работ материал (фрагменты гончарной и лепной кухонной керамики и литейной керамики; ключ от замка, обломки ножей и наконечников стрел из железа; изделия из кости) позволил В.Н. Чернецову датировать памятник кинтусовским этапом (XIII в.)[36]. При этом было упомянуто о находке «одного черепка сосуда, который можно сопоставить с посудой третьего карымского типа» (сер. I тыс.).

Озеро, к берегу которого приурочен памятник, расположено на территории совместного проживания мансийского и зырянского населения, и каждое из них дало водоёму своё название: манси — *Мань-Няслан-тур*, зыряне — *Вуграсян-Вад*. Мансийский гидроним *Мань-няслан-тур* переводится как «Маленькое Озеро Для Рыбалки Удочкой» (*мань* — «малый», *тур* — «озеро»[37], *наслан* — «рыбалка удочкой»[38]). В.Н. Чернецов в силу своего интереса к этнографии и языку манси предпочёл назвать памятник именно по мансийскому гидрониму. Однако на более поздние карты этой территории водоём вошёл с зырянским вариантом названия — *Вуграсян-Вад*, причём с добавлением *«Малый»* для различения с аналогичным названием Большой Вуграсян-Вад для более крупного озера, расположенного совсем рядом с западной стороны. Это способствовало тому, что со временем мансийский вариант исчез из языковой практики. Потому московский археолог В.Ф. Старков, обследовавший памятник в 1968 г., по аналогии с изменением названия озера переименовал и расположенный на его берегу археологический памятник — в его публикациях последний назван уже *Вуграсян-Вад*. Причём изменения коснулись не только собственно топонима этого объекта, но и его номенклатурного термина: если в написанной сразу после полевых работ заметке он употреблён в нейтральной форме

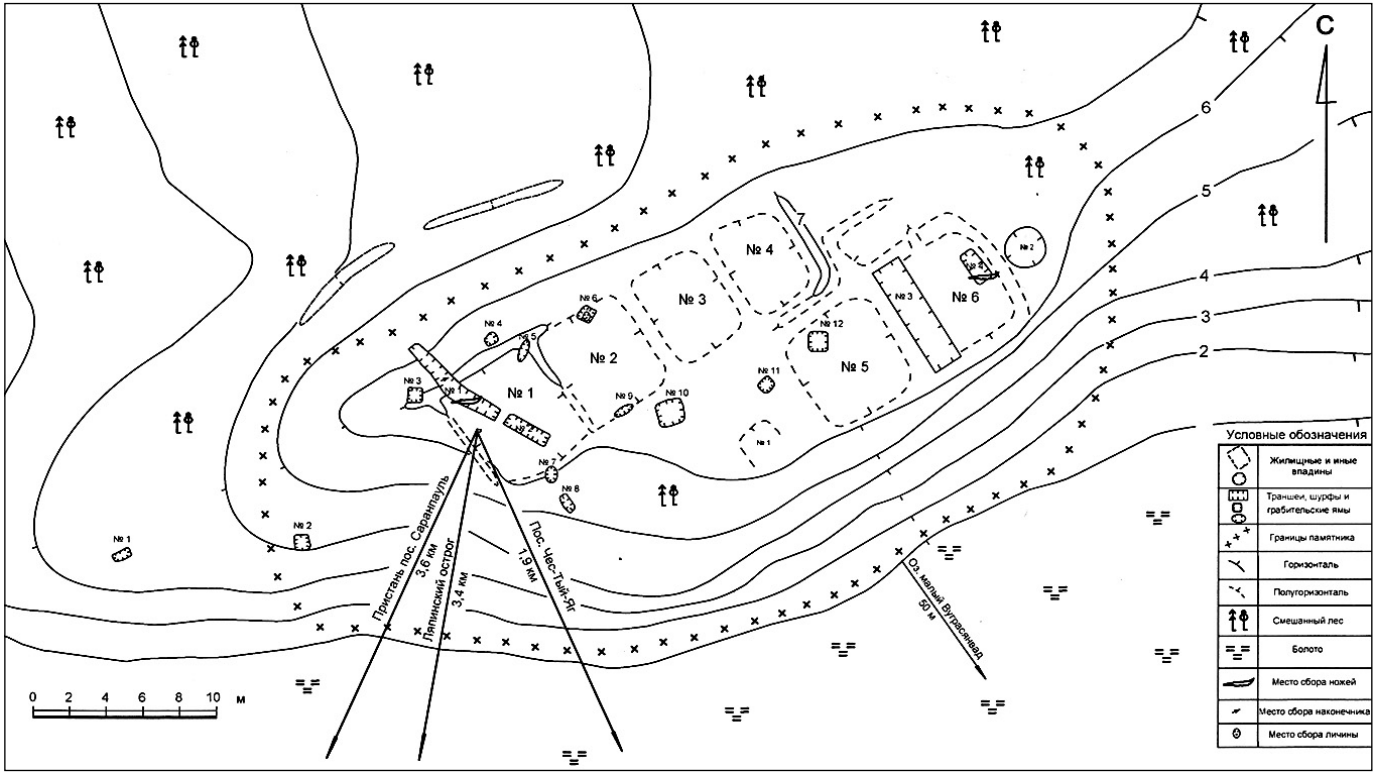
«памятник»[39], то в более поздней статье уже конкретизирован до «поселения»[40] (у В.Н. Чернецова везде — «городище»).

«Исследования одной из землянок», как пишет в своей публикации В.Ф. Старков, в действительности оказались закладкой двух траншей общей площадью 12 кв. м в крайней на северо-восток западине, причём одной из них была полностью вскрыта длинная стенка котлована впущенной в грунт постройки (ил. 21, 29, 30). Были обнаружены «остатки двух очагов, скопление костей животных и несколько изделий из железа и камня»[41].

Шурфы закладывались и вне сохранившейся поселенческой площадки. Иначе В.Ф. Старков не обнаружил бы на границе распашки и подножия возвышения, на котором сохранились жилищные объекты, остатки жертвенного комплекса раннего железного века — 92 образца художественной зооморфной металлопластики (90 экз. — плоские односторонние, 2 экз. — объёмно-полые) с привязанными к ним обломками металлических бляшек, а также отдельные фрагменты керамики. Находки были сосредоточены на площади около 1 кв. м и, соседствуя

Ил. 18. **Городище Мань-Няслан-Тур.** План В.Н. Чернецова. *Взято из:* ***Чернецов В.Н.*** *Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – № 58: Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. – С. 230. Рис. 21*

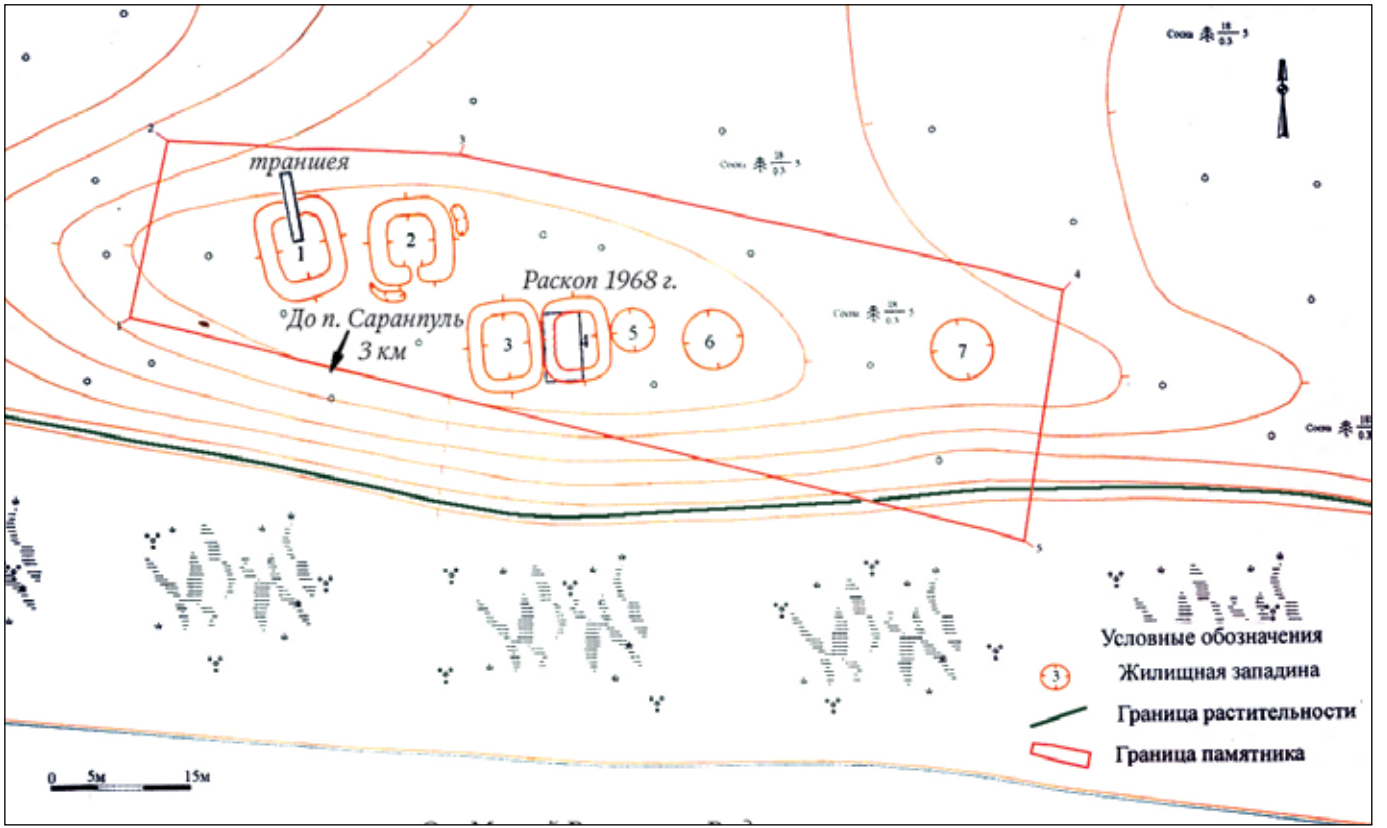
Ил. 19. **Поселение Мань-Няслан-Тур.** План Е.А. Жирных, 2003. *Взято из:* ***Жирных Е.А.*** *Археологическая разведка в Берёзовском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области в 2003 г. – Екатеринбург, 2004. – Рис. 26*

лишь с остатками кострища, не сопровождались признаками культурного слоя[42]. Эти обстоятельства, как и некоторые другие признаки (сюжетно-стилевые и производственно-технологические характеристики художественных поделок, перевязь шнурами из собачьей шерсти и др.), дают достаточно оснований отнести находки к атрибутам ритуальной прагматики, а задокументированный ими объект — к категории культовых мест кулайского времени. В современной археологии этот объект известен достаточно широко[43].

В 2003 г. на средства окружной программы «Культура Югры» обследование памятника продолжил научный сотрудник Угорского научно-исследовательского центра Уральского госуниверситета Е.А. Жирных. Им был снят второй (после В.Н. Чернецова) глазомерный план памятника — достаточно точный (ил. 19). При этом было сделано окончательное заключение об отсутствии элементов фортификации, а отмеченная на плане В.Н. Чернецова в качестве остатков «слабо заметного рва» пара небольших ложбинок на северо-западе общей длиной около 14,5 м при ширине 0,4—0,6 м признана «естественной промоиной». Результатом стала замена номенклатурного термина в названии памятника с «городища» на «поселение», хотя собственно топоним в документации Е.А. Жирныха остался в изначальном «чернецовском» варианте — *Мань-Няслан-Тур*. В осыпях незасыпанных траншей и шурфов, заложенных внутри жилищных западин, исследователь собрал подъёмный материал: в крайнем с юго-запада объекте — нож и наконечник стрелы самострела из железа, в соседнем — антропоморфную личину из бронзы, в крайнем с северо-востока — ещё один железный нож[44]. Набор исключительно металлических предметов вместо доминирующей при сборе подъёмного материала керамики и отсутствие значительных обнажений культурного слоя на памятнике заставляют подозревать использование при этих работах металлодетектора.

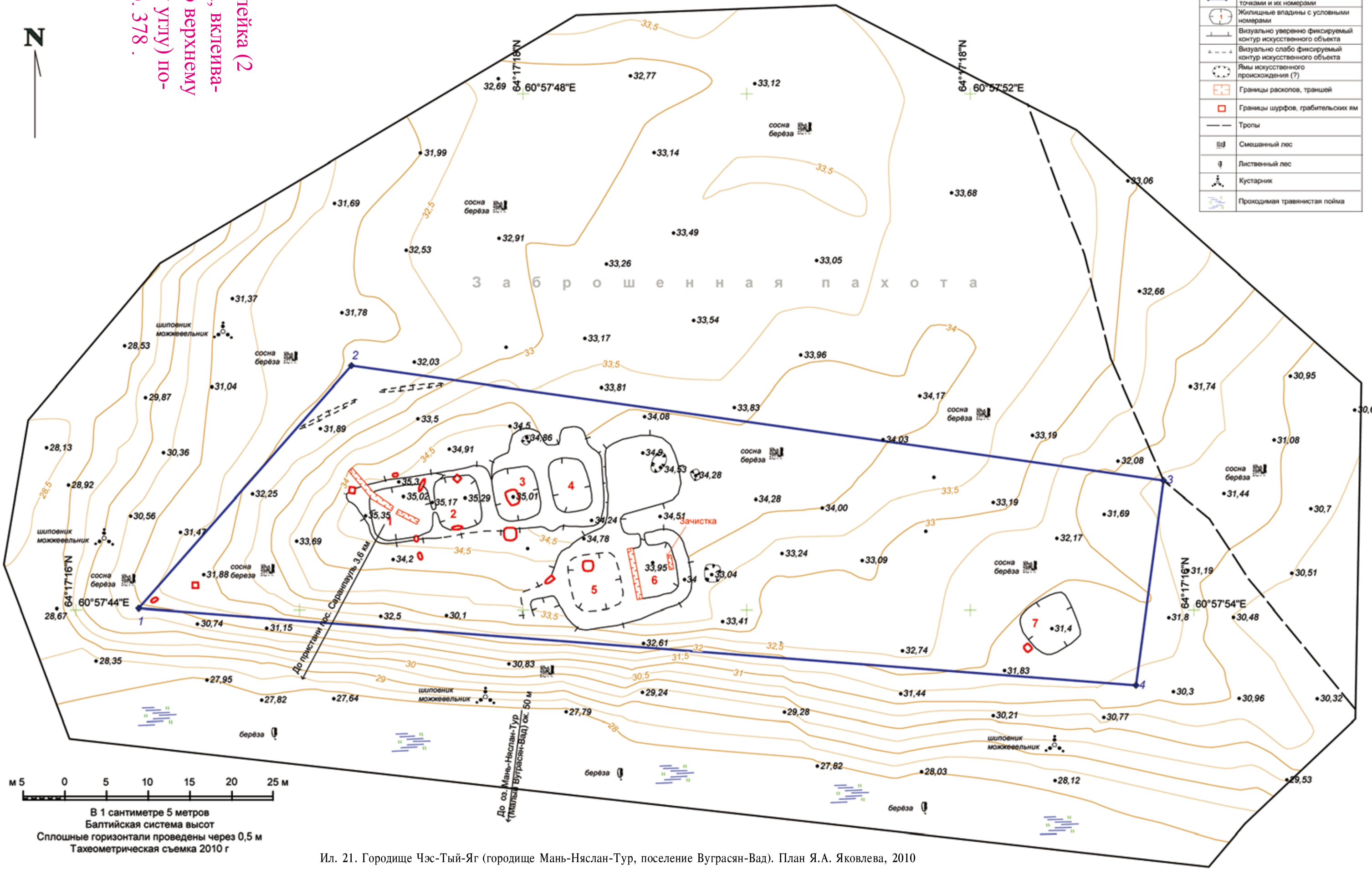
В том же 2003 г. с целью установления границ и оформления документации для охраны объекта культурного наследия федерального значения на селище побывал ханты-мансийский археолог С.А. Терёхин. Он тоже снял свой глазомерный план, который, однако, оказался менее достоверным и значительно отличался от двух других планов расположением объектов (ил. 20)[45]. Этот исследователь предпочёл пользоваться названием, предложенным В.Ф. Старковым, — *поселение Вуграсян-Вад*.

Согласно административному делению, памятник находится на территории ХМАО — Югры, примерно в 3,6 км к северу — северо-востоку от с. Саранпауль Берёзовского р-на. Гидрографически это место со-

Ил. 20. **Поселение Вуграсян-Вад.** План С.А. Терёхина, 2003. *Взято из:* ***Терёхин С.А.*** *Отчёт об археологических изысканиях в Берёзовском, Нижневартовском, Советском и Ханты-Мансийском районах Ханты-Мансийского автономного округа в 2003 году. – Ханты-Мансийск, 2004. – Прил. 14*

Это вклейка (2 фальца, вклеивается по верхнему левому углу) после стр. 378 .

Ил. 21. Городище Чэс-Тый-Яг (городище Мань-Няслан-Тур, поселение Вуграсян-Вад). План Я.А. Яковлева, 2010

пряжено с приустьевым участком р. Хулги — левого истока р. Ляпин, который, в свою очередь, является притоком р. Северной Сосьвы на Нижнеобье. Здесь, на заболоченном, изрезанном старичными озёрами левобережье р. Хулги, примерно в 0,9—1,0 км от современного русла водотока расположено оз. Малый Вуграсян-Вад. Оно имеет форму серпа, один конец которого развёрнут на северо-запад, второй — на юг (ил. 22). Северо-западным берегом этого водоёма является склон расположенного здесь останца (ил. 23).

Памятник приурочен к мысу останца, выступающему к западу (ил. 21). Вписанная в мыс жилая площадка, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад, вытянута примерно на 120 м вдоль южного отрезка останца и на 30 м вдоль западного, достигая размеров 0,307 га. На ней в современном рельефе визуально фиксируются западины — археологизированные постройки полуземляночного типа. Основанием для их выделения является валик по контуру стен бывшей постройки — значительно утративший чёткость формы, но всё же достаточно зримый. В.Ф. Старков насчитал 4 объекта со средней площадью

Ил. 22. **Городище Чэс-Тый-Яг** (городище Мань-Няслан-Тур, поселение Вуграсян-Вад). Западный берег оз. Мань-Няслан-Тур (Вуграсян-Вад) в месте расположения памятника. Сн. с юго-запада

Ил. 23. **Городище Чэс-Тый-Яг** (городище Мань-Няслан-Тур, поселение Вуграсян-Вад). Юго-восточный склон останца в месте расположения памятника. Сн. с юго-востока (со стороны озера)

50 кв. м[46], Е.А. Жирных — 6[47], С.А. Терёхин — 7, В.Н. Чернецов — 8[48]. Если говорить о западинах на ограниченной площадке вершины берегового возвышения, то при обследовании 2010 г. их определено 7. Однако ещё один объект — менее чётко выраженный в современном рельефе и лишённый обваловки по периметру — выявлен в 40 м к северо-востоку от основной группы далее по южному крылу мыса, уже на понижении берега. Кстати сказать, на плане В.Н. Чернецова в этом направлении пунктиром тоже отображено некое подобие ещё одного искусственного объекта (ил. 18)[49]. Возможно, эта западина относится к другому хронологическому периоду, нежели основная группа, коль находки дают основание поместить памятник в широкие временные рамки от раннего железного века до развитого Средневековья.

Главной отличительной чертой планиграфии основной части селища является правильная организация построек в пространстве.

Во-первых, западины имеют двухлинейную планировку — уличную или рядовую (невыраженность «входов-выходов» построек не позволяет определить более точно). Прибрежная линия составлена тремя западинами, юго-западная из которых примерно наполовину разрушена

Ил. 24. **Городище Чэс-Тый-Яг** (городище Мань-Няслан-Тур, поселение Вуграсян-Вад). Объект 1. Общий вид. Сн. с юго-востока

береговой осыпью. Параллельная линия, сдвинутая вглубь берега, представлена четырьмя объектами.

Во-вторых, все западины имеют одинаковую ориентацию — по линии северо-запад — юго-восток, перпендикулярно южной кромке останца.

Ещё одной оригинальной планиграфической характеристикой является очень высокая плотность объектов. Постройки были возведены с интервалом 1—2 м между стенами. Сейчас это пространство занято расплывшимися валиками, сформированными выбросом грунта из котлованов построек (скорее всего, опосредованно — уже в виде утеплителя, сползшего со стен и кровли разрушавшихся построек).

Такая ситуация подвела В.Н. Чернецова к мысли, что «всё городище, подобно мексиканским пуэбло, представляется как бы одним помещением, состоящим из большого количества комнат»[50]. Эту же мысль он повторил и позже: «...громадное жилище прямоугольной формы, состоящее из соединённых между собой землянок. Общая площадь многокомнатного жилья — около 600 кв. м, количество землянок или комнат — не менее 11—12. Этот своеобразный тип жилища-селения ни разу не встречен нами в более ранних памятниках и характерен, очевидно, лишь для поселений конца I тысячелетия н. э.»[51].

Ил. 25. **Городище Чэс-Тый-Яг** (городище Мань-Няслан-Тур, поселение Вуграсян-Вад). Объект 1. Обваловка. Сн. с северо-запада

Гипотетическую реконструкцию В.Н. Чернецова не подтверждают, прежде всего, валики по периметру западин, которые однозначно указывают на изолированность не помещений, а именно построек. Даже если предположить, что отдельные строения могли иметь общую кровлю (хотя для такой гипотезы нет никаких реальных оснований), то называть комплекс единой постройкой всё равно нельзя.

Постройки были не только одинаковы по ориентации и подпрямоугольной форме, но и имели достаточно близкие метрические характеристики. Сегодня размеры западин составляют от 4,6х6,4 (29,44 кв. м) до 6,3х7,3 м (45,99 кв. м). Глубина относительно околожилищного пространства составляет около 0,5 м.

Таблица 2

Селище Мань-Няслан-Тур. Визуально выраженные в рельефе объекты. Метрические характеристики

№	Размер сторон (м)
1 (ил. 24)	6,3х7,3
2	5,5х6,3
3	5,4х6,3
4	4,6х6,4
5	6,0х6,9
6 (ил. 29)	5,4х6,2
7	6,3х6,4

Значительно оплывшая и не везде чётко фиксируемая обваловка достигает ширины от 0,4 до 1,2 м (средняя 0,7 м) при высоте 0,3–0,5 м. Её внешняя граница заметна гораздо лучше, чем внутренняя (ил. 25, 27).

В 2010 г. зачистка стенки старого шурфа в крайней на северо-восток западине прибрежной линии показала следующую стратиграфию (ил. 31):

– от линии современной дневной поверхности до глубины 32 см – мешанина из чёрного, тёмно-серого и серого песка с включением мелкоуглистых прослоек в 1 см и небольших линз прокала от неоднократных лесных пожаров;

– от средней отметки 32 см до глубины 35 см от линии современного горизонта – линза жёлтого материкового песка (скорее всего, результат обрушения стенок котлована во время археологизации постройки);

– от средней отметки 35 см до глубины 64 см от линии современного горизонта – жёлтый и тёмно-жёлтый песок (заполнение котлована постройки);

– от средней отметки 64 см до глубины 66 см – прослойка тёмно-серого слегка гумусированного песка (так называемая «линия пола» впущенной в грунт постройки);

– ниже 66 см – чистый жёлтый песок (материк).

Ил. 26. **Городище Чэс-Тый-Яг** (городище Мань-Няслан-Тур, поселение Вуграсян-Вад). Объект 1. Траншея. Сн. с юго-востока

Ил. 27. **Городище Чэс-Тый-Яг** (городище Мань-Няслан-Тур, поселение Вуграсян-Вад). Объекты 5 и 6. Обваловка (на заднем плане, за шурфом). Сн. с юго-запада

Ил. 28. **Городище Чэс-Тый-Яг** (городище Мань-Няслан-Тур, поселение Вуграсян-Вад). Объект 5. Разведочный шурф. Сн. с юга

Ил. 29. **Городище Чэс-Тый-Яг** (городище Мань-Няслан-Тур, поселение Вуграсян-Вад). Объект 6. Общий вид. Сн. с юго-востока

Сильно пересечённый микрорельеф, присущий тайге, не позволяет однозначно разделить имеющиеся углубления на искусственные и естественные. Со значительной долей уверенности к первым можно отнести 4 ямы:

— около северной границы памятника, к северу от объектов 3 и 4: форма — овальная, диаметры — 1,0 и 1,2 м, глубина — 0,3 м;

— около северной границы памятника, к северу от объекта 6 и к востоку от объекта 4: форма — овальная, диаметры — 1,6 и 2,6 м, глубина — 0,1 м;

— около северной границы памятника, к северо-востоку от объекта 6 и к востоку от объекта 4: форма — овальная, диаметры — 1,0 и 1,3 м, глубина — 0,2 м;

— к востоку от объекта 6: форма — овальная, диаметры — 1,9 и 2,2 м, глубина — 0,3 м.

Датировка памятника — ранний железный век, развитое Средневековье.

Площадь памятника, как и вся поверхность останца, занята молодым смешанным мелколиственно-хвойным лесом с преобладанием хвойных (сосна, изредка кедр) пород. Из кустарников произрастают шиповник, можжевельник и, намного реже, багульник. Лесная подстилка представлена брусничником и зеленомошником с небольшими очагами ягеля. У подножия останца, в подболоченной пойме, наоборот, доминируют берёза и багульник. Нижний ярус образует типичная пойменная растительность с преобладанием осоки, мхов и лишайников.

Сохранности памятника нанесён уже немалый урон.

Во-первых, теперь неизвестно, насколько он был распространён в северном направлении, спускались ли культурные напластования и объекты на более низкий уровень, а если спускались, то насколько? Всё подножие береговой возвышенности с внутренней стороны в колхозные времена 1940—1980-х гг. (по словам старожилов с. Саранпауль) были распаханы. Около трёх десятков лет назад пашню забросили, однако и сейчас о её былом наличии говорят и более разреженный молодой лес, и снивелированная поверхность микрорельефа. Именно на краю распашки, у подножия возвышения В.Ф. Старковым и был раскопан культовый комплекс с обилием художественной металлопластики. Это дало исследователю основание написать, что «большая часть памятника была распахана»[52], однако достаточных оснований для такого вывода не было и нет.

Во-вторых, разрушения коснулись и самих объектов, целостность которых нарушена четырьмя незасыпанными траншеями В.Н. Чернецова и В.Ф. Старкова и 12 разноразмерными шурфами и ямами — по

Ил. 30. **Городище Чэс-Тый-Яг** (городище Мань-Няслан-Тур, поселение Вуграсян-Вад). Объект 6. Старая исследовательская траншея. Общий вид. Сн. с юго-востока

сути грабительскими. Осыпанием стенок последних продолжается разрушение культурного слоя (прежде всего, заполнение котлованов объектов).

Размеры траншей (м): 1,0х6,0 (ил. 26); 0,8х2,6; 1,8х6,4 (ил. 30); 1,0х2,0. Площадь разрушения раскопочными траншеями – 13,6 кв. м.

Размеры ям и шурфов (м): 0,6х1,0; 0,8х0,8; 0,8х0,8; 0,4х0,4; 0,4х1,4; 0,8х0,8; 0,6х0,8; 0,4х1,0; 0,4х1,2 (ил. 29); 1,4х1,4; 0,8х0,8; 1,0х1,0 (ил. 27, 28). Площадь разрушения разведочными шурфами и грабительскими ямами – 8,18 кв. м.

Общая площадь разрушения – ок. 22 кв. м.

Находки из жилищ на возвышенной площадке, опубликованные В.Н. Чернецовым[53] и представленные в отчёте Е.А. Жирныха[54], однозначно датируют этот комплекс развитым Средневековьем. Однако оговорка В.Н. Чернецова о найденном им фрагменте карымской керамики и раскопки В.Ф. Старковым культового места с кулайской металлопластикой дают возможность говорить об освоенности этой территории как минимум с начальных этапов раннего железного века.

Ил. 31. **Городище Чэс-Тый-Яг** (городище Мань-Няслан-Тур, поселение Вуграсян-Вад). Объект 6. Зачистка стратиграфии на стенке старого исследовательского шурфа. Сн. с северо-востока

Городище Сартынья 1
(Сартыньинская стоянка 1, поселение Сартынья 1)

По административно-территориальной схеме ХМАО — Югры, памятник расположен примерно в 0,5 км к северо-западу от п. Сартынья[55] Берёзовского р-на, крайним к указанному населённому пункту в группе объектов археологического наследия с одноименным названием *«Сартынья» (I, II, III и т. д.)*. Гидрографически это соответствует среднему отрезку р. Северной Сосьвы — левого притока р. Оби в её нижнем течении. Скопление разновременных поселений на ограниченной площади вдоль кромки левой террасы р. Северной Сосьвы вполне закономерно, поскольку они приурочены к устью р. Сартынья (левого северососьвинского притока) сразу же вниз по течению. Такие участки были и остаются максимально продуктивными для запорного рыболовства.

Многослойный памятник открыт в 1931 г. В.Н.Чернецовым[56]. Однако он лишь указал, что «на левом берегу р. Северной Сосьвы, между с. Сортынья и устьем р. Sortən-jā... разведкой установлено... шесть городищ на протяжении 5 км»[57], и чрезвычайно скупо обнародовал данные о точном местонахождении памятников и их пообъектном составе. Практически археологи, работавшие здесь позже, вынуждены были руководствоваться единственным замечанием предшественника: крайнее в группе археологических памятников городище расположено в двух верстах выше по течению от п. Сартынья и называется *Сартынья 1*. Также В.Н. Чернецов снял глазомерный план городища (ил. 32) и ввёл материалы в научный оборот[58]. На основании сборов керамики и каменного инвентаря он атрибутировал памятник как позднеолитическую стоянку, перекрытую слоем городища раннего железного века[59].

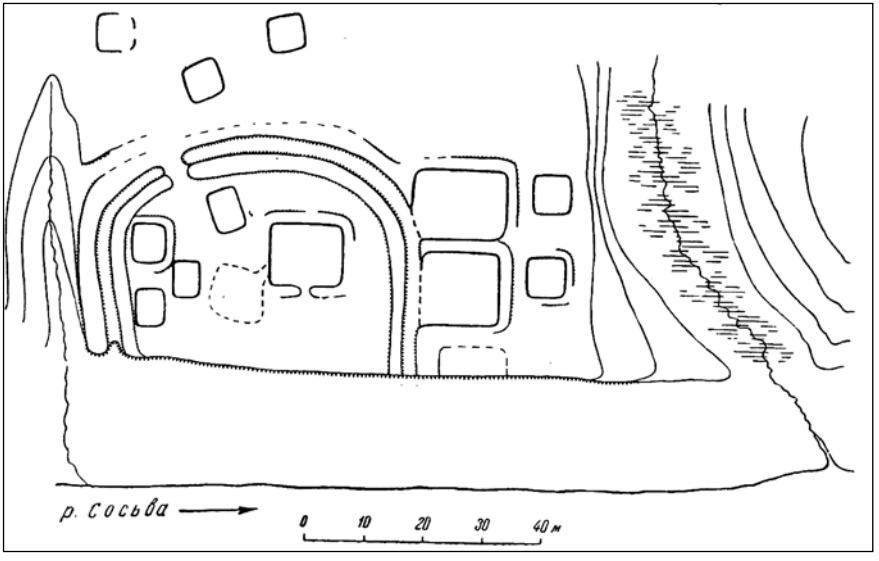
В 1933 г. памятник был осмотрен геологом С.Г. Бочем, который назвал его *Сартыньинской стоянкой* и упомянул в своей публикации[60].

Через 20 лет, в 1953 г. этот памятник под названием *городище Сартынья 1* вошёл в итоговую по тем временам сводку археологического наследия Среднего и Нижнего Приобья И.А. Талицкой[61], а в 1974 г. внесён в госсписок объектов культурного наследия республиканского значения[62].

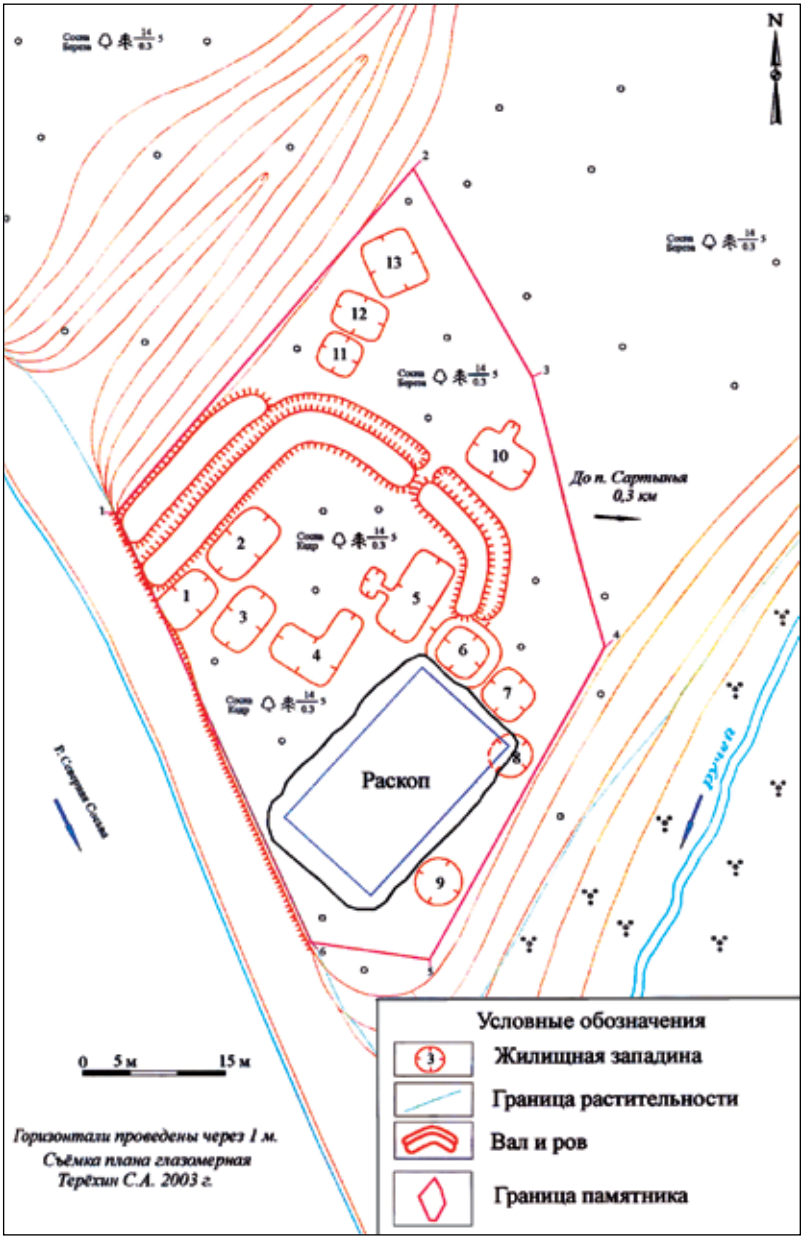
В 1979 г. новое разведочное обследование группы археологических памятников около п. Сартыньи было осуществлено томским археологом Е.А. Васильевым[63]. В том и последующем годах на описываемом

памятнике им были проведены и стационарные работы[64]. Исходя из своего научного интереса к поселенческим слоям от позднего неолита — энеолита до развитой бронзы, а не к материалам городища железного века, он использовал иной номенклатурный термин при прежнем топониме — *поселение Сартынья I*. За два полевых сезона исследователь вскрыл прямоугольный раскоп размером 14х24 м (площадь 336 кв. м) к юго-востоку от городища, возможно, захватив и расположенный здесь отрезок фортификационной линии. В раскоп вошли остатки трёх жилищных построек (одна из них имела площадь около 145 кв. м и глубину до 1,5 м), а также несколько более мелких объектов. В ходе раскопок была установлена мощность культурного слоя — от 0,5—0,6 м в центре западины до 1,0—1,2 м около её стен. Сформирована коллекция, насчитывающая более 1,5 тыс. предметов.

Ещё одним результатом работ Е.А. Васильева стало уточнение дат памятника, предложенных В.Н. Чернецовым. Во-первых, помимо подтверждения неолитической принадлежности некоторой части материалов, были выявлены находки эпохи раннего металла (энеолит, ранняя и развитая бронза). Во-вторых, была омоложена дата городища — от раннего железного века до раннего Средневековья.

Ил. 32. **Городище Сартынья I.** План В.Н. Чернецова. *Взято из:* ***Чернецов В.Н.*** *Древняя история Нижнего Приобья // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. – М., 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 65. Рис. 5*

Ил. 33. **Городище Сартынья I.** План С.А. Терёхина, 2003. *Взято из:* ***Терёхин С.А.*** *Отчёт об археологических изысканиях в Берёзовском, Нижневартовском, Советском и Ханты-Мансийском районах Ханты-Мансийского автономного округа в 2003 году. – Ханты-Мансийск, 2004. – Прил. 26*

В качестве одного из опорных энеолитических памятников поселение Сартынья 1 прочно вошло в археологию Северо-Западной Сибири[65].

А для эпохи раннего бронзового века оно стало эталонным для выделения археологической культуры, которую Е.А. Васильев назвал сартыньинской[66].

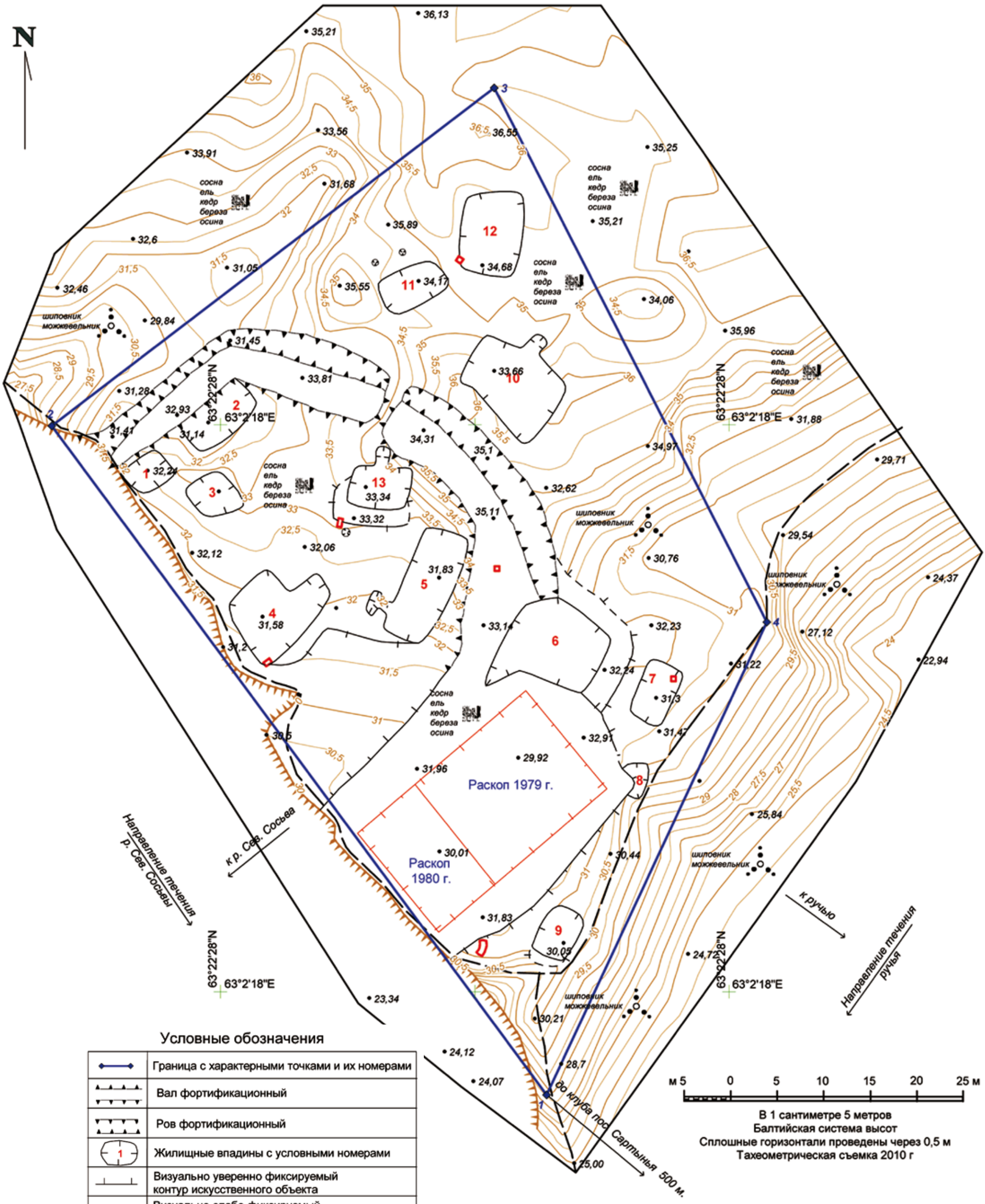
В 2003 г. с целью установления границ и оформления документации для охраны объекта культурного наследия на памятнике работал ханты-мансийский археолог С.А. Терёхин. Он сделал описание, снял полуинструментальный план (ил. 33), определил координаты характерных точек границы объекта культурного наследия[67]. Этот же исследователь счёл возможным переименовать археологические памятники сартыньинской группы в части цифровых индексов, оставив, правда, за описываемым объектом изначальное название *«городище Сартынья 1»*.

Городище привязано к отрезку левой террасы р. Северной Сосьвы длиной 90 м, высотой от подошвы 6—7 м и почти отвесным абрисом склона (ил. 34, 35). С северо-запада и юго-востока этот отрезок ограничен логами, промытыми безымянными ручьями, впадающими в р. Северную Сосьву. Борта этих логов тоже достаточно круты, превышение вершины террасы над днищами логов составляет примерно 5—6 м.

Несмотря на приуроченность городища к мысовому участку берега, его строители при выборе модели фортификации отказались от так называемого мысового типа, при котором защитная линия представляет всего лишь выгнутую наружу дугу, смыкающуюся с краями мыса. Предпочтение было отдано «подковообразному типу», при котором полукольцо линии фортификации сопряжено с одной линией мыса. Последний тип устройства фортификации характерен всё же не для мысовых, а для прямых участков берега.

Площадь памятника — 0,421 га.

Согласно плану В.Н. Чернецова, полуовал фортификационной линии из внешнего рва и внутреннего вала примыкал к обрыву речного берега, ориентированному здесь по линии северо-запад — юго-восток (ил 32). Северо-западный (прибрежный выше по течению) отрезок этой линии имел протяжённость 17,6 м (ил. 38), северо-восточный (напольный) — 49,1 м, юго-восточный (прибрежный ниже по течению) — 36,0 м (ил. 39). Общая протяжённость — 102,7 м. В настоящее время юго-восточный отрезок этой линии отсутствует, он либо раскопан, либо завален отвалами в ходе археологических раскопок. Отображённый

Ил. 34. **Городище Сартынья I.** План Я.А. Яковлева, 2010

Это вклейка (2 фальца, вклеивается по верхнему левому углу) после стр. 392 .

Ил. 35. **Городище Сартынья 1.** Общий вид. Сн. с юго-запада

Ил. 36. **Городище Сартынья 1.** Северо-восточный отрезок фортификационной линии. Сн. с северо-запада

на планах В.Н. Чернецова и С.А. Терёхина (ил. 33) дополнительный 20-метровый вал снаружи от рва на северо-западном отрезке фортификационной линии вряд ли существовал в реальности. Во-первых,

Ил. 37. **Городище Сартынья 1.** Северо-западный отрезок фортификационной линии. Сн. с северо-востока

крайне сомнительна его фортификационная ценность на кромке крутого борта лога. Во-вторых, этот элемент рельефа не имеет таких же правильных контуров, как вал с противоположной стороны рва. Скорее всего, причиной такого заключения исследователей стал пересечённый микрорельеф, характерный для северотаёжного ландшафта, и, быть может, какая-то часть грунта из рва, выброшенная здесь почему-то наружу, а не в сторону защищаемой площадки.

Если не обращать внимания на несколько ям и шурфов, то элементы фортификации сохранились относительно неплохо и в состоянии предоставить объективные метрические признаки: ров — ширина от 1,4 до 3,8 м (среднее 2,3 м), глубина относительно напольного пространства от 0,3 до 0,9 м (среднее 0,5 м) (ил. 36—39); вал — ширина от 1,9 до 5,3 м (среднее 3,7 м), высота над уровнем закрытой площадки от 0,3 до 1,0 м (средняя 0,6 м) (ил. 40).

Сообщение закрытой площадки с внешним пространством осуществлялось через разрыв оборонительной линии, сооружённый в

Ил. 38. **Городище Сартынья 1.** Северо-западный участок городища с отрезком фортификационной линии и объектом № 2. Сн. с северо-востока

Ил. 39. **Городище Сартынья 1.** Юго-восточный отрезок фортификационной линии. На переднем плане — шурф. Сн. с юга (от объекта 6)

северо-восточном (напольном) отрезке. В настоящее время разрыв рва достигает всего 2,0 м, а вала и вовсе только 1,3 м (ил. 41).

Помимо линии обороны, ещё одним элементом планиграфии памятника являются жилищные западины. Необходимо сразу оговориться, что их визуальные признаки в современном пересечённом микрорельефе очень невыразительны. Неудивительно поэтому, что среди исследователей, работавших на памятнике, нет единства по этому поводу. На плане В.Н. Чернецова отмечено 14 западин: 6 — на закрытой площадке, 8 — за линией обороны. При этом 2 западины обозначены контурно, то есть предположительно (ил. 32)[68]. С.А. Терёхин зафиксировал 13 западин: 5 — на внутренней площадке, 8 — за линией обороны (ил. 33)[69]. Я.А. Яковлев — тоже 13: 6 — на территории городища, 7 — на напольном участке (ил. 34). С учётом визуально выраженной западины, раскопанной Е.А. Васильевым, общее число объектов во всех случаях достигает 14, но их планиграфические решения каждый исследователь увидел по-своему. Например, очень аморфное углубление с несколькими уровнями дна, которое на плане 2003 г. представлено как объекты 11 и 12, в 2010 г. атрибутировано как единый объект 12, при этом безусловных оснований отнести это углубление к искусственным сооружениям нет. Это же замечание можно отнести и к соседней западине (на плане 2003 г. — № 13, на плане 2010 г. — № 12), дно которой испещрено ямами от выворотней.

Особняком стоит план Е.А. Васильева, который счёл возможным нанести только 8 западин (2 — внутри укреплений, 6 — вне укреплений)[70].

Определённой закономерности в планировке строительных объектов проследить не удалось.

Нет и явной определённости в ориентации западин. Можно лишь предположительно говорить, что постройки стремились возвести параллельно доминирующим линейным объектам — кромке террасы и линии фортификации.

Форма археологизированных котлованов впущенных в грунт построек, некогда имевших безусловно прямоугольную форму, в настоящее время варьирует от подпрямогольника с разной степенью заоваленности углов до вытянутого овала.

Не всегда совпадают мнения исследователей и в метрических характеристиках западин. Например, В.Н. Чернецов определял площадь «землянок, относящихся к эпохе городища» от 80 до 150 кв. м[71], а С.А. Терёхин — только от 20 до 50 кв. м[72].

Ил. 40. **Городище Сартынья 1.** Северо-восточный отрезок вала. Сн. с юго-востока

Ил. 41. **Городище Сартынья 1.** Коммуникационный разрыв в северо-восточном (напольном) отрезке оборонительной линии. Сн. с севера

Ил. 42. **Городище Сартынья 1.** Объект 2. Сн. с северо-востока

Ил. 43. **Городище Сартынья 1.** Объект 10. Сн. с юго-востока

В табл. 3 приведены показатели, снятые при обследовании в 2010 г.

Таблица 3

Городище Сартынья 1.
Визуально выраженные в рельефе объекты.
Метрические характеристики

№	Котлован археологизированной постройки			Обваловка	
	Размер (м)	**Глубина от совр. дневного уровня** (м)	**Предвходовый тамбур** (м)	**Ширина** (м)	**Высота** (м)
1	3,9x4,4	0,4–0,8	–	–	–
2 (ил. 42)	4,5x8,5	0,5–0,6	–	–	–
3	4,8x4,8	0,1–0,5	–	–	–
4	6,9x8,4	0,1–0,8	3,3x3,6	–	–
5	5,4x12,7	0,3 (в южн. части), до 1,0 (в сев. части)	1,1x2,6 (тамбур), 1,0x1,3 (коридор)	–	–
6	8,3x10,7	0,6	–	2,6–4,5	0,4
7	4,2x6,8	0,6	–	–	–
8	3,0x4,0	0,2	–	–	–
9	4,2x5,8	0,1	–	–	–
10 (ил. 43)	7,7x11,0	0,4–1,2	1,7x2,2	–	–
11	4,3x7,3	0,2–0,6	–	–	–
12	6,8x9,1	0,5	–	–	–
13	4,6x6,6	0,3–0,7	1,4x2,3	2,0	0,1

Четыре постройки обнаруживают следы углубленных в грунт предвходовых тамбуров — одного из механизмов теплосбережения. Они представляют три варианта сопряжения с основной постройкой:

— № 4 — широкий и длинный тамбур, имеющий общую стену с основной постройкой и ориентированный в противоположную от берега сторону, по направлению к коммуникативному разрыву в линии фортификации;

— № 5 — дополнительная небольшая камера, соединённая переходом с основной камерой недалеко от угла последней и ориентированная в сторону коммуникативного разрыва в линии обороны;

— № 13 и 10 — коридорообразная выемка в срединной части стены основной постройки; у жилища на закрытой площадке городища она ориентирована к коммуникативному разрыву в линии рва и вала, у жилища вне линии обороны — в напольную сторону.

Только у двух объектов (№ 6 и 13) сохранились остатки обваловки по периметру, сформированной выброшенным из котлована грунтом и обрушившимся со стен и кровли дерновым утеплителем.

Среди множества углублений таёжного микрорельефа три ямы можно предположительно отнести к искусственным и связать их происхождение с выемкой грунта при сооружении построек.

Объект 11:

– вдоль длинной стороны – 2 ямы: форма – округлая, диаметр – 0,7 м, глубина – 0,3 м.

Объект 13:

– недалеко от угла снаружи от обваловки: форма – округлая, диаметр – 0,9 м, глубина – 0,3 м.

Датировка памятника – поздний неолит, энеолит, бронзовый век, раннее Средневековье (зеленогорский этап)[73].

Во время обследования 2010 г. площадь памятника была занята: на верхнем уровне – сосной и елью с примесью кедра и мелколиственных (берёза, осина) деревьев; на среднем – шиповником и можжевельником; на нижнем – брусничником, осокой, мхом-сфагнумом и очаговыми колониями ягеля.

Терраса сложена песком с включением окатанных пород.

Сохранность памятника неудовлетворительная.

К числу естественных разрушений относится, прежде всего, размывание и оползание террасы р. Северной Сосьвы, которые ведут к постепенному сокращению площади культурных напластований со стороны юго-западной границы. Здесь почти на отвесном склоне берега

Ил. 44. **Городище Сартынья 1.** Незасыпанный раскоп 1979–1980 гг. Сн. с юго-востока

и у его подножия фиксируются многочисленные фрагменты керамики, разрушенный культурный слой[74]. Вносит свою лепту в ухудшение состояния культурных отложений и постоянный разрушительный фактор для объектов археологии, расположенных в лесной зоне, — выворотни деревьев.

Антропогенные разрушения вызваны исследовательскими и грабительскими раскопками. Большинство археологизированных построек, ров, вал и просто участки памятника без выраженных в современном рельефе археологических объектов несут незасыпанные ямы и шурфы. Однако ещё более серьёзный урон сохранности памятника нанесли археологические раскопки. Во-первых, работы по «рекультивации» раскопа общей площадью 336 кв. м ограничились только присыпкой стен. За три прошедших после раскопок десятилетия песчаная присыпка стен оползла, обнажив верхний уровень стен бывшего раскопа. В настоящее время перепад между вершиной отвала и дном раскопа достигает местами от 1,8 до 2,2 м, а высота отвала от подошвы колеблется в пределах 0,6—1,1 м (ил. 44). Такое положение дел ведёт к прямому разрушению культурного слоя, обнажённого стенками раскопа — выветриванию, размыванию дождевыми и талыми водами, осыпанию. Во-вторых, отвалами засыпанны некоторые объекты памятника — южный отрезок фортификационной линии из вала и рва (если, конечно, он вообще не был вскрыт при раскопках), западина 8 (примерно наполовину своей площади).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М., 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 12. Надо сказать, что слопцы (охотничьи ловушки давящего типа) устанавливались на этом месте до самого последнего времени, их остатки на склонах останца зафиксированы во время полевых работ на памятнике даже в 2010 г.

[2] **Боч С.Г.** Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. — М.; Л., 1937. — Т. 5. — С. 150.

[3] **Боч С.Г.** Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды... — С. 150—153, 155, 162, 163.

[4] **Чернецов В.Н.** Командировка в Берёзовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.) // Советская археология. — М.; Л., 1937. — Вып. III. — С. 254—256; То же // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 507—512.

[5] **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья... — С. 12—14, 37. Рис. 1.

[6] **Талицкая И.А.** Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М., 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 265. № 142.

[7] Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Приложение № 1 «Список памятников археологии, подлежащих охране как памятники государственного значения» Ханты-Мансийский национальный округ.

[8] Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Приложение № 1: Список памятников археологии, подлежащих охране как памятники государственного значения. Ханты-Мансийский национальный округ.

[9] **Старков В.Ф.** Работы Западносибирского отряда МГУ // Археологические открытия 1968 года. — М., 1969. — С. 194—195; **Старков В.Ф.** Неолитические памятники Нижнего Приобья // Памятники древнейшей истории Евразии. — М., 1975. — С. 151—153. Рис. 6; **Старков В.Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. — М.: Наука, 1980. — С. 73—74.

[10] **Васильев Е.А.** Отчёт о полевых работах Северотаёжного отряда Археологической экспедиции Томского государственного университета в 1983 г. — Томск, 1985. — Архивы Ин-та археологии РАН и Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета (Д. 1222). — С. 2—18; **Васильев Е.А.** Отчёт о полевых работах Северотаёжного отряда Археологической экспедиции Томского государственного университета в 1985 г. — Томск, 1986. — Архивы Ин-та археологии РАН и Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета (Д. 963). — С. 2—21; **Васильев Е.А.** Отчёт о полевых работах Северотаёжного отряда Археологической экспедиции Томского государственного университета в 1986—1987 гг. — Томск, 1989. — Архивы Ин-та археологии РАН и Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета (Д. 1220). — 32 с.; **Васильев Е.А.** Отчёт о полевых работах в Берёзовском и Октябрьском районах Ханты-Мансийского автономного округа летом 1997 г. — Томск, 2001. — Архивы Ин-та археологии РАН и Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) (без №). — С. 39—45.

[11] **Васильев Е.А.** Поздний неолит Нижнего Приобья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. — М., 1987. — С. 59—60; **Васильев Е.А.** Раскопки поселения Чэс-Тый-Яг // Археологические открытия 1985 года. — М., 1987. — С. 228—229; **Васильев Е.А.** Проблемы реконструкции социальных отношений древних обществ таёжной полосы Западной Сибири (неолитическая эпоха) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск, 1990. — С. 40—41; **Васильев Е.А.** Чэс-Тый-Яг // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа — Тюмень, 2000. — Т. 3. — С. 321; **Васильев Е.А.** Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2004. — Вып. 2. — С. 296—301; **Виноградов А.С.** Неолитическое поселение Чэс-Тый-Яг — проблемы хронологии и культурной принадлежности // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времён до современности): Мат-лы XLIV региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. — Кемерово, 2004. — С. 69—71; **Виноградов А.С.** Реконструкция жилища неолитического поселения Чэс-Тый-Яг // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVI региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. — Красноярск, 2006. — Т.1. — С. 21—24; **Виноградов А.С.** Керамика неолитического поселения Чэс-Тый-Яг (культурно-хронологический аспект) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVII

региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 2007. — С. 52—53; **Матющенко В.И., Чемякин Ю.П., Борзунов В.А.** Поселения и жилища Западной Сибири эпох мезолита, неолита и времени перехода к эпохе бронзы // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. 1. — С. 96.

[12] **Виноградов А.С.** Социодемографический анализ неолитического поселения Чэс-Тый-Яг // Программа XLVIII региональной археолого-этнографической студенческой конференции «Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций» (Барнаул, 21—24 апреля 2008 г.). — Барнаул, 2008. — С. 10; **Коробова О.А.** Эстетика и технология древнего орнамента (по материалам поселения Чэс-Тый-Яг) // Программа XLVIII региональной археолого-этнографической студенческой конференции «Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций» (Барнаул, 21—24 апреля 2008 г.). — Барнаул, 2008. — С. 10.

[13] **Жирных Е.А.** Археологическая разведка в Берёзовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Тюменской области в 2003 г. — Екатеринбург, 2004. — Архивы Ин-та археологии РАН, АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия» (№ 4712). — С. 3, 14—16; **Жирных Е.А.** Археологические обследования в окрестностях Саранпауля // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2004. — Вып. 2. — С. 382—385.

[14] **Васильев Е.А.** Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале... — С. 296.

[15] **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья... — С. 12. Рис. 1.

[16] **Старков В.Ф.** Неолитические памятники Нижнего Приобья... — Рис. 6; **Василь-ев Е.А.** Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале... — С. 296.

[17] **Боч С.Г.** Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды... — С. 150.

[18] **Жирных Е.А.** Археологическая разведка в Берёзовском районе... — С. 15. Рис. 22—23.

[19] **Боч С.Г.** Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды... — С. 150.

[20] **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья... — С. 12—13, 61.

[21] **Старков В.Ф.** Неолитические памятники Нижнего Приобья... — С. 152.

[22] **Старков В.Ф.** Работы Западносибирского отряда МГУ...

[23] **Жирных Е.А.** Археологическая разведка в Берёзовском районе... — Рис. 14—15.

[24] **Матющенко В.И., Чемякин Ю.П., Борзунов В.А.** Поселения и жилища Западной Сибири эпох мезолита, неолита и времени перехода к эпохе бронзы... — С. 96.

[25] **Васильев Е.А.** Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале... — С. 297—298.

[26] **Васильев Е.А.** Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале... — С. 299.

[27] **Васильев Е.А.** Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале... — С. 299, 301.

[28] **Васильев Е.А.** Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале... — С. 299.

[29] **Чернецов В.Н.** Командировка в Берёзовский район Остяко-Вогульского округа... — С. 254; То же // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого... — С. 507.

[30] **Боч С.Г.** Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды... — С. 162.

[31] **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья... — С. 12.

[32] **Чернецов В.Н.** Командировка в Берёзовский район Остяко-Вогульского округа... — С. 254; То же // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого... — С. 507.

[33] **Чернецов В.Н.** Командировка в Берёзовский район Остяко-Вогульского округа... — С. 254; То же // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого... — С. 507.

[34] Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Приложение № 1: Список памятников археологии, подлежащих охране как памятники государственного значения. Ханты-Мансийский национальный округ.

[35] **Талицкая И.А.** Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья... — С. 265. № 143.

[36] **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — № 58: Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. — С. 139, 230—232. Рис. 1, 21. Табл. XLVI.

[37] **Матвеев А.К.** Географические названия Тюменского Севера. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. — С. 71.

[38] Перевод местных жителей манси.

[39] **Старков В.Ф.** Работы Западносибирского отряда МГУ // Археологические открытия 1968 года. — М., 1969. — С. 195—196.

[40] **Старков В.Ф.** Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М.: Наука, 1973. — С. 208—219.

[41] **Старков В.Ф.** Отчёт о работах Западно-Сибирского археологического отряда в 1968 г. — М., 1970. — Архив Ин-та археологии РАН. — Оп. Р-1. Д. 4174; **Старков В.Ф.** Работы Западносибирского отряда МГУ... — С. 195.

[42] **Старков В.Ф.** Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье...

[43] **Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 166—168; **Новиков А.В.** Канисовые в изобразительном искусстве древнего населения таёжной зоны Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат-лы междунар. симпозиума. — Новосибирск, 1998. — Т. 1. — С. 461—469; **Могильников В.А.** Предметы бронзового литья с городища Старый Погост // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 2001. — Вып. 3. — С. 119; **Яковлев Я.А.** Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — С. 217—218; **Терёхин С.А.** Экспериментальные исследования в области древней цветной металлообработки (по материалам кулайской культуры. Васюганский этап) // Вестник Томского государственного университета. — Томск, 2009. — № 329. — С. 109; И др.

[44] **Жирных Е.А.** Археологическая разведка в Берёзовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Тюменской области в 2003 г... — С. 3—4, 16—21; **Жирных Е.А.** Археологические обследования в окрестностях Саранпауля... — С. 382—385.

[45] **Терёхин С.А.** Отчёт об археологических изысканиях в Берёзовском, Нижневартовском, Советском и Ханты-Мансийском районах Ханты-Мансийского автономного округа в 2003 году. — Ханты-Мансийск, 2004. — Архив АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия» (№ 4688). — С. 23—25. Прил. 14—15.

[46] **Старков В.Ф.** Работы Западносибирского отряда МГУ... — С. 195.

[47] **Жирных Е.А.** Археологическая разведка в Берёзовском районе... — С. 21. Рис. 26.

[48] **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры... — С. 230. Рис. 21.

[49] **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры... — С. 230. Рис. 21.

[50] **Чернецов В.Н.** Командировка в Берёзовский район Остяко-Вогульского округа... — С. 255; То же // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого... — С. 509.

[51] **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры... — С. 230.

[52] **Старков В.Ф.** Работы Западносибирского отряда МГУ... — С. 195.

[53] **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры... — С. 231—232. Табл. XLVI.

[54] **Жирных Е.А.** Археологическая разведка в Берёзовском районе... — С. 20. Рис. 28.

[55] Неустойчивая форма русской огласовки мансийского топонима привела к тому, что в разных источниках (включая географические карты и научные публикации) он используется и как *Сартынья*, и как *Сортынья*. Этимология: *Сортынг я* — Щучья река (*сорт* — щука, *сортынг* — щучий). **Матвеев А.К.** Географические названия Тюменского Севера... — С. 112

[56] **Чернецов В.Н.** Северная Сосьва. 1931 г. Дневник // Источники по этнографии Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. — С. 137.

[57] **Чернецов В.Н.** Командировка в Берёзовский район Остяко-Вогульского округа... — С. 254; То же // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого... — С. 507.

[58] **Чернецов В.Н.** Командировка в Берёзовский район...; **Чернецов В.Н.** Очерк этногенеза обских югров // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. — М.; Л., 1941. — Вып. IX. — С. 19; **Чернецов В.Н.** Зелёная горка близ Салехарда // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. — М.; Л., 1949. — Вып. XXV. — С. 70.

[59] **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья... — С. 14, 18, 63—65. Рис. 2, 4, 5. Табл. IV—*7, 9*; *11—14*; V—*1—9*; XX; XXI—*1—13*.

[60] **Боч С.Г.** Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды... — С. 151, 162. Табл. III—*1—4*.

[61] **Талицкая И.А.** Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья... — С. 264. № 135.

[62] Постановление Совета Министров РСФСР от 04.12.1974. № 624 «О дополнении и частичном изменении Постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Приложение № 1: Перечень памятников культуры, включаемых в список памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения.

[63] **Васильев Е.А.** Отчёт о полевых работах Северотаёжного археологического отряда летом 1979 г. — Томск, 1980. — Архивы Ин-та археологии РАН и Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета (Д. 809). — С. 28—31.

[64] **Васильев Е.А.** Отчёт о полевых работах Северотаёжного археологического отряда летом 1979 г... .— С. 1—27; **Васильев Е.А.** Отчёт о полевых работах Северотаёжного

археологического отряда летом 1980 г. — Томск, 1980. — Архивы Ин-та археологии РАН и Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета (Д. 837). — С. 1—23.

[65] **Кокшаров С.Ф.** Памятники энеолита Севера Западной Сибири. — Екатеринбург, 2009. — С. 143—144.

[66] **Васильев Е.А.** Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. — С. 40—62; **Васильев Е.А.** Ладьевидные сосуды эпохи ранней бронзы из Нижнего Приобья // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. — С. 5—17; **Васильев Е.А.** Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаёжного Приобья: Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1989. — С. 9—10; **Васильев Е.А.** Сартыньинская культура // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. — Тюмень, 2000. — Т. III. — С. 69—70; **Косарев М.Ф.** Первый период развитого бронзового века Западной Сибири // Археология СССР: В 20 т. — М., 1987. — Том: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — С. 269—270; **Матющенко В.И.** Поселения и жилища раннего и развитого бронзового века. Ранняя и развитая бронза таёжной полосы Западной Сибири // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. 1. — С. 130; **Морозов В.М.** Поселения и постройки в эпоху Средневековья. Раннее Средневековье. Поселения и жилища Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. 1. — С. 369.

[67] **Терёхин С.А.** Отчёт об археологических изысканиях в Берёзовском, Нижневартовском, Советском и Ханты-Мансийском районах... — С. 30—33. Прил. 26, 27.

[68] **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья... — Рис. 5.

[69] **Терёхин С.А.** Отчёт об археологических изысканиях в Берёзовском, Нижневартовском, Советском и Ханты-Мансийском районах... — Прил. 26.

[70] **Васильев Е.А.** Отчёт о полевых работах Северотаёжного археологического отряда летом 1979 г... — С. 4. Рис. 2.

[71] **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья... — С. 64.

[72] **Терёхин С.А.** Отчёт об археологических изысканиях... — С. 31—32.

[73] **Могильников В.А.** Сартынья // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. — Тюмень, 2000. — Т. III. — С. 70—71.

[74] Сборы 2010 г. переданы на хранение в Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск). Акт приёма на постоянное хранение № 39 от 27.12.2010.

Мониторинг состояния и установление границ памятников археологии в Югре (проблемы, опыт и результаты работ в окрестностях д. Согом в 2010 г.)

А.В. Кениг, Т.Н. Собольникова, Е.А. Зайцева
г. Ханты-Мансийск
АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»

В Российской Федерации на сегодняшний день отсутствует нормативно-правовая и методическая база порядка проведения мониторинга объектов культурного наследия, отвечающая современным требованиям. На федеральном уровне проведение мониторинга объектов культурного наследия продекларировано в п. 6 ст. 20 Федерального закона № 73-ФЗ от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Из двух подзаконных актов, определяющих основные принципы и требования к составу работ по мониторингу объектов культурного наследия[1], один утратил силу, второй принят до вступления в действие вышеуказанного федерального закона.

Попытки регулирования данного вида деятельности на региональном уровне, безусловно, имеют положительный результат. Однако памятники археологии, в соответствии с действующим законодательством, являются памятниками федерального значения. Следовательно, порядок проведения данных мероприятий, требования к составу информации и документации должны определяться на федеральном уровне.

Другая проблема связанна с установлением границ памятников археологии. В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 25.06.2002. № 73-ФЗ и ст. 99 Земельного кодекса Российской Федерации, земельные участки в границах территорий объектов культурного наследия относятся к землям историко-культурного назначения. Земельные участки, занятые объектами археологического наследия, относятся к категории особо охраняемых земель, ограничиваются в обороте и в правах землепользования, не могут предоставляться в частную собственность и используются только с наложенными на них обременениями и ограничениями. Однако при этом следует понимать, что границы земельных участков, занятых объектами археологического

наследия, должны быть установлены и закреплены в соответствии с государственными требованиями к землеустройству, межеванию и кадастровому учёту. В противном случае правовой статус данной категории земельных участков и расположенных в их границах объектов археологии остаётся неопределённым.

На сегодняшний день в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре подавляющее большинство выявленных и поставленных на учёт памятников археологии не имеют инструментальных топографических планов и закреплённых координат границ земельных участков, соответствующих требованиям современного законодательства. Поэтому формально все эти памятники находятся под угрозой уничтожения.

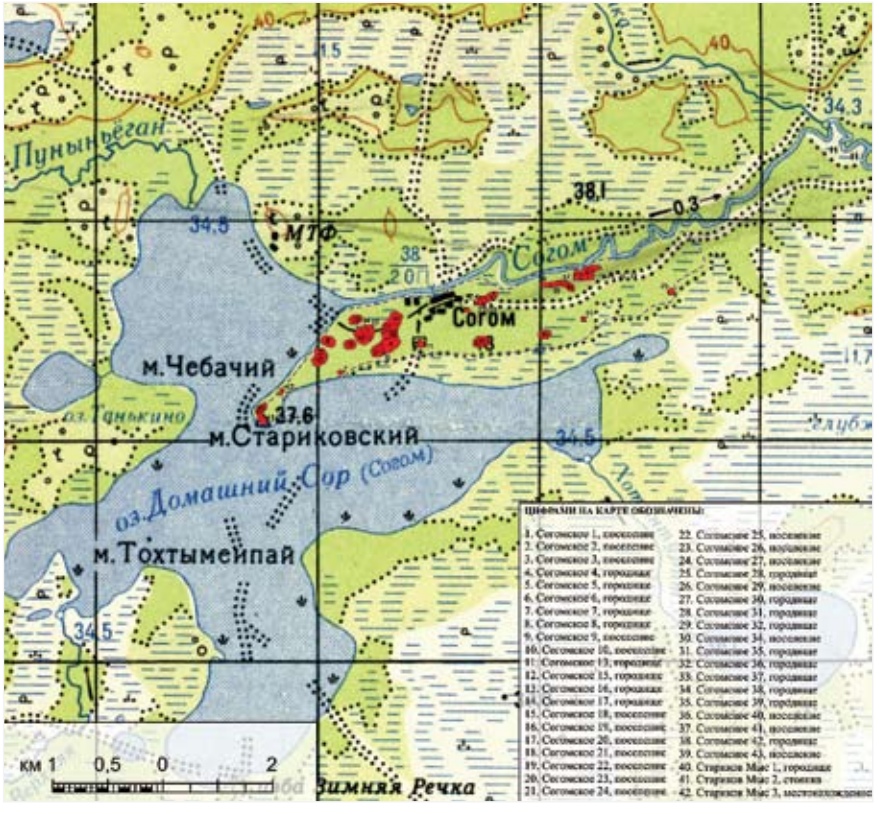
В полевом сезоне 2010 г. сотрудниками АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» проводились работы по мониторингу состояния и установлению границ памятников в окрестностях д. Согом Ханты-Мансийского р-на.

В археологическом плане территория сельского поселения Согом изучена крайне неравномерно[2]. На сегодняшний день здесь выявлен достаточно крупный археологический комплекс, включающий более 150 памятников, расположенных по берегам обширной акватории оз. Домашний Сор. Такая высокая концентрация объектов археологии на локальной территории объясняется разносторонним сочетанием природных компонентов, которые в сумме позволяли успешно функционировать присваивающему типу хозяйства на протяжении нескольких тысячелетий. Бассейн р. Согом включает в себя не только большое количество памятников археологии, но и ареал обитания одной из групп коренного населения — нижнеиртышских хантов. По письменным данным XIX в., на этой территории располагались Согомские (Дальносогомские) юрты[3]. Современное население д. Согом сохранило многие традиционные навыки хозяйствования, особенно использование приспособлений для пассивных форм рыболовства (запоры) и охоты на боровую дичь (слопцы). Определённая преемственность наблюдается и в почитании святых мест, например святилища «Старик», расположенного на территории городища Стариков Мыс.

В связи с тем, что практически треть памятников Согомского археологического микрорайона находится в границах территории МО «Сельское поселение Согом», работы 2010 г. были сосредоточены, собственно, на территории населённого пункта, где, разумеется, антропогенное воздействие достаточно сильно (ил. 1). В ходе проведённого мониторинга состояния и установления границ было обследовано 39

памятников археологии: 19 городищ, 18 поселений, 1 стоянка и 1 местонахождение. Большинство памятников, за исключением городища Стариков Мыс 1, было открыто в 1989 и 1992 гг. экспедициями Тобольского пединститута и Уральского госуниверситета[4]. В ходе наших работ было обнаружено ещё 3 памятника (поселения Согомское 41 и Согомское 43, городище Согомское 42).

Особенностью исследуемых памятников является их расположение компактными группами на небольших гривках или мысовых участках берега р. Согом и оз. Домашний Сор (ил. 2). Одна группа расположена на территории бывшего склада ГСМ (ил. 3), вторая — вдоль аэродромного поля, третья — у заброшенной зверофермы. Площадь, геоморфология, микрорельеф и сохранность обследованных памятников достаточно разнообразны (табл. 1). К примеру, некоторые памятники

Ил. 1. Местонахождение археологических памятников в окрестностях д. Согом, обследованных АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» в 2010 г.

представлены одиночными впадинами (поселения Согомское 7, Согомское 18, Согомское 24 и Согомское 29). Другие включают в себя 2–3 постройки (поселения Согомское 3, Согомское 9, Согомское 20, Согомское 21, Согомское 25, Согомское 26, Согомское 34), реже – 4 объекта (поселения Согомское 19 и Согомское 27).

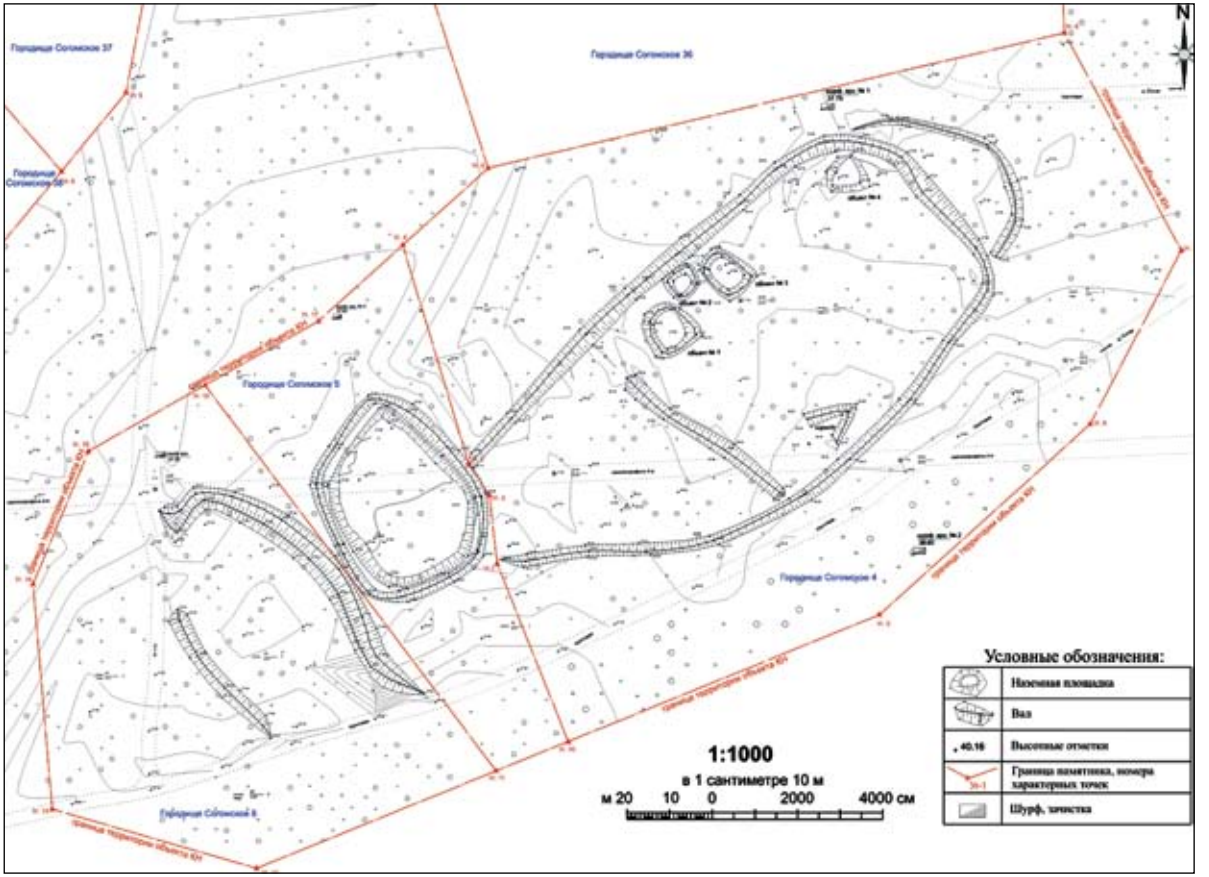
Среди городищ выделяется группа со сходными характеристиками и параметрами. Это, как правило, небольшие ровные площадки, окружённые слабовыраженным рвом и валом (Согомское 17, Согомское 30, Согомское 31 и др.). Однако другие городища существенно отличаются по своим характеристикам и параметрам. Так, городище Согомское 37 представляет собой относительно большую площадку подовальной формы, окружённую мощной системой оборонительных сооружений из трёх валов и двух рвов. Городище Согомское 4 – трёхплощадочное, на каждой закрытой площадке зафиксированы сооружения в виде наземных площадок и впадин.

Для 36 из 39 памятников археологии установлено техническое состояние:

– 12 объектов археологического наследия (30,8 %) – «хорошее»;
– 10 объектов археологического наследия (25,6 %) – «среднее»;
– 14 объектов археологического наследия (35,9 %) – «аварийное».

Основной причиной разрушения культурного слоя объектов является антропогенный фактор. Наибольший урон нанесён памятникам, которые попали в зону жилой или хозяйственной застройки. Так, поселения Согомское 23, Согомское 24 и Согомское 25 были нарушены в ходе эксплуатации автодороги и строительства склада ГСМ; городища Согомское 2, Согомское 30, Согомское 31, Согомское 32 и поселение Согомское 1 оказались в зоне строительства и эксплуатации аэродромного поля; на поселении Согомское 7 было обустроено место отдыха. Культурный слой городища Стариков Мыс 1 и стоянки Стариков Мыс 2 разрушаются вследствие естественных факторов – размыва береговой линии оз. Домашний Сор.

Кроме того, в ходе мониторинга установлен факт полного разрушения двух памятников – поселения Согомское 22 и местонахождения Согомское 33. Первый из них располагался в непосредственной близости от склада ГСМ, второй – на территории жилой застройки. Ещё на момент их открытия в 1992 г. В.М. Морозовым фиксировались значительные нарушения культурного слоя. По сборам с поверхности указанный исследователь датировал памятники эпохой бронзы[5]. При проведении мониторинга в 2010 г. визуально выраженных признаков

Ил. 2. Топографические планы городищ Согомское 4, Согомское 5 и Согомское 6, расположенных в окрестностях д. Согом Ханты-Мансийского р-на ХМАО — Югры

древних сооружений не обнаружено, культурный слой при шурфовке не выявлен. Поскольку установлена полная утрата предмета охраны данных объектов археологического наследия, составлены акты их технического состояния с рекомендацией о снятии этих памятников с учёта.

В ходе исследований 2010 г. были получены новые данные, позволяющие уточнить и дополнить сведения как по отдельным памятникам, исследованным ранее, так и по культурно-хронологической схеме развития района. Например, В.М. Морозов датировал городище Согомское 10 по обнаруженной им керамике лозьвинского типа эпохой поздней бронзы[6]. А по результатам шурфовки 2010 г. была получена коллекция керамики, орнаментированная в стиле гребенчатого геометризма и характерная для северных районов Западной Сибири в эпоху раннего металла (рубеж III — нач. II тыс. до н. э.).

В целом комплекс памятников, расположенных на территории д. Согом, датируется в широком культурно-хронологическом диапазоне. К эпохе раннего неолита отнесено время существования поселения Согомское 43. В заложенном здесь шурфе был обнаружен сосуд полуяйцевидной формы с выступами-«ушками» по венчику, декорированный прочерчено-волнистыми узорами (ил. 4). Он имеет значительное сходство с керамикой быстринской неолитической культуры Сургутского Приобья (поселения Быстрый Кульёган 66, Барсова Гора II/8 и др.)[7].

Городище Согомское 10, поселения Согомское 23 и Согомское 26 датированы эпохой ранней бронзы. На последнем поселении были обнаружены фрагменты так называемой текстильной керамики, характерной для памятников лесостепи (одино-крохалевская традиция). В пределах региона данный тип керамики встречен на единичных памятниках в нижнем и среднем течении р. Конды (поселения Чилимка IV, Чилимка X, Кама II, Волвонча I), в Сургутском Приобье (городище Барсов Городок I /3)[8].

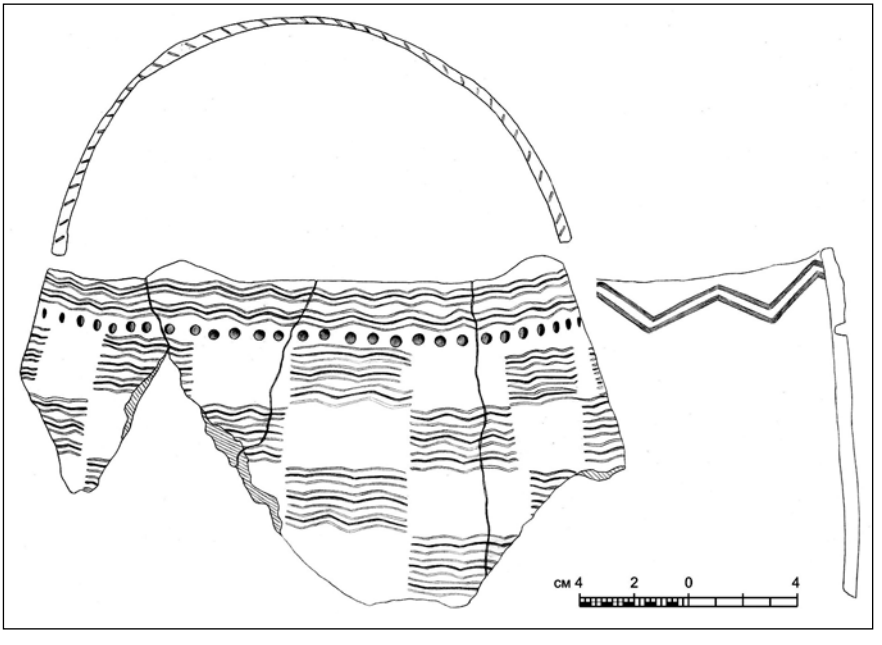
С эпохой поздней бронзы (гребенчато-ямочной общностью) соотносится время существования поселений Согомское 19 и Согомское 23.

К раннему железному веку отнесена большая часть памятников. В частности, городища Согомское 4, Согомское 5 и Согомское 6 датированы кулайской культурой (IV—III вв. до н. э. — III в.)[9]; городище Согомское 13 — белоярской культурой (VIII—VII — IV—III вв. до н. э.)[10] и другие.

В рамках эпохи Средневековья датированы городище Стариков Мыс 1, Согомское 15, Согомское 16, Согомское 17; поселения Согомское 1, Согомское 3, Согомское 7.

Ил. 3. Расположение комплекса памятников археологии в д. Согом. Снято с востока

Ил. 4. Поселение Согомское 43. Фрагмент сосуда раннего неолита

Обследование технического состояния и установление границ 39 памятников археологии, расположенных в д. Согом, позволяют подвести некоторые итоги и отметить следующее. Одним из наиболее проблемных этапов работы оказалось установление границ территории объектов археологического наследия, поскольку на сегодняшний день отсутствуют чёткие критерии в определении границы археологического памятника и, как следствие, его территории.

Несмотря на то, что в качестве основных критериев для установления границ были выбраны такие параметры памятников, как рельефные особенности археологизированных объектов и распространение культурного слоя, зачастую их применение было затруднительно по нескольким причинам.

Во-первых, природно-географические изменения, происходившие в период голоцена на данной территории, существенно повлияли на процессы археологизации объектов человеческой деятельности в прошлом и определили специфику памятников археологии в настоящем. Кроме этого, данный процесс нельзя считать законченным, поэтому многие рельефные особенности, фиксируемые еще в кон. 1980 — нач. 1990-х гг., не прослеживаются на поверхности сегодня. К примеру, на городище Согомское 4 в 1992 г. В.М. Морозовым было зафиксировано 17 впадин различных форм и размеров. А в 2010 г. на площадке было зафиксировано только 4 объекта.

Во-вторых, многие памятники расположены очень близко друг к другу. В некоторых случаях расстояние между ними не превышает 1 м (городища Согомское 5 и Согомское 6) (ил. 2). Поэтому приходилось проводить границы по археологизированным сооружениям (рвам, валам) — будучи одним объектом в современном рельефе, они значатся отдельными памятники в учётных документах.

Таким образом, в связи с отсутствием нормативных, инструктивных и методических документов, определяющих порядок проведения мониторинга и требования к составу и оформлению итоговой документации, работы зачастую выполнялись интуитивно, исходя из опыта проводимых ранее археологических изысканий. Тем не менее полученные результаты позволяют сегодня не только учесть ошибки и недочёты, извлечь положительный опыт, но, что самое главное, перевести памятники археологии на качественно новый уровень учёта и охраны. Для совершенствования данного вида работ, как залога обеспечения в дальнейшем сохранности памятников археологии, на наш взгляд, необходимы следующие меры:

– разработка нормативно-правовой и методической базы, регламентирующей механизм проведения мониторинга состояния памятников археологии и установления их границ;

– разработка документов инструктивного характера, определяющих терминологическую основу данного вида работ и основные критерии определения границ памятников с учётом региональной специфики топографии, геоморфологии и микрорельефа памятников археологии;

– более широкое использование в охране объектов археологического наследия такого юридического понятия, как «достопримечательное место». Это позволит более оперативно решать вопросы охраны историко-культурных территорий, характеризуемых высокой концентрацией археологических памятников разных эпох, сохранением элементов традиционной культуры в неразрывной связи природного и культурного ландшафтов.

Таблица

Общая характеристика памятников археологии, расположенных в границах МО «Сельское поселение Согом» Ханты-Мансийского р-на ХМАО – Югры, обследованных в 2010 г.

№	Наименование	Привязка	Площадь памятника [разрушения] (га)	Состояние	Датировка
1	2	3	4	5	6
1	Согомское 1 поселение / Аэродром 1 городище[11]	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 60 м к Ю от вертолётной площадки д. Согом	0,385 [0,280]	Аварийное	Ран. железн. век – ран. Средневек. (нач. I тыс. н. э. – VI – нач. VII в.)
2	Согомское 2 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 183 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом. Сев. граница памятника проходит вдоль ул. Набережная у д. 32	0,222 [0,163]	Аварийное	Ран. железн. век
3	Согомское 3 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 310 м к ЮЗ от вертолётной площадки, в 2118 м к СВ от зап. оконечности мыса Стариковского	0,194 [-]	Аварийное	Средневек. (зеленогорский этап, VI – нач. VII в.)
4	Согомское 4 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 1060 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	1,885 [0,104]	Среднее	Ран. железн. век
5	Согомское 5 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 1157 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	0,413 [0,027]	Среднее	Ран. железн. век
6	Согомское 6 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 1200 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	0,745 [0,79]	Среднее	Ран. железн. век

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6
7	Согомское 7 поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1583 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом.	0,199 [0,123]	Аварийное	Средневек. (сер. I тыс.)
8	Согомское 8 городище	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор (в сев.-вост. его части), с прав. стороны от устья р. Согом (лев. приток р. Иртыш), в 1583 м к ЮЗ3 от вертолётной площадки д. Согом	1,124 [0]	Хорошее	Бронзов. век, ран. железн. век
9	Согомское 9 поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1684 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	0,659 [0,045]	Хорошее	Энеолит – бронзов. век
10	Согомское 10 городище	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1733 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	1,142 [0]	Хорошее	Бронзов. век (рубеж III – нач. I тыс. до н. э.)
11	Согомское 13 городище	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 829 м к ЮВ от вертолётной площадки д. Согом	0,391 [0,391]	Разрушен	Ран. железн. век (белоярская культура)
12	Согомское 15 городище	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 502 м к Ю от вертолётной площадки д. Согом	0,698 [0,164]	Среднее	Ран. железн. век – Средневек.
13	Согомское 16 городище / Аэродром 2 городище[12]	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 479 м к Ю от вертолётной площадки д. Согом	0,562 [0,067]	Среднее	Ран. железн. век – Средневек.
14	Согомское 17 городище	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 619 м к ЮВ от вертолётной площадки д. Согом	0,766 [0,037]	Среднее	Ран. железн. век – Средневек.
15	Согомское 18 поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 619 м к ЮВ от вертолётной площадки д. Согом	0,195 [0]	Хорошее	Бронзов. век – ран. железн. век
16	Согомское 19 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 677 м к В от вертолётной площадки д. Согом	0,498 [0,078]	Аварийное	Поздн. бронзов. век – ран. железн. век (кон. II тыс. до н. э. – нач. I тыс.)
17	Согомское 20 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 188 м к ЮЗ от склада ГСМ, в 644 м к В от вертолётной площадки д. Согом	0,256 [0]	Хорошее	Бронзов. век (кон. III – II тыс. до н. э.)
18	Согомское 21 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 244 м к ЮЗ от склада ГСМ, в 582 м к В от вертолётной площадки д. Согом	0,491 [0]	Хорошее	Бронзов. век (кон. III – II тыс. до н. э.)

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6
19	Согомское 22 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), примыкало к зап. стороне склада ГСМ д. Согом	0,207 [0,207]	Разрушен	–
20	Согомское 23 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), примыкает к южн. стороне склада ГСМ д. Согом	0,258 [0,107]	Аварийное	Бронзов. век – ран. железн. век (II тыс. до н. э. – нач. I тыс.)
21	Согомское 24 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 76 м к ЮЮВ от склада ГСМ д. Согом	0,356 [0]	Хорошее	Бронзов. век – ран. железн. век (II тыс. до н. э. – нач. I тыс.)
22	Согомское 25 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 62 м к В от склада ГСМ д. Согом	0,141 [0, 000249]	Аварийное	Энеолит – бронзов. век (втор. пол. III – II тыс. до н. э.)
23	Согомское 26 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 91 м к В от склада ГСМ д. Согом	0,205 [0]	Хорошее	Энеолит – бронзов. век (втор. пол. III – II тыс. до н. э.)
24	Согомское 27 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 127 м к В от склада ГСМ д. Согом	0,357 [0]	Хорошее	Энеолит – бронзов. век (втор. пол. III – II тыс. до н. э.)
25	Согомское 28 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 0,85 км к ВЮВ от склада ГСМ, в 1,603 км к В от вертолётной площадки д. Согом	0,296 [0]	Хорошее	Ран. железн. век (посл. треть I тыс. до н. э.)
26	Согомское 29 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 86 м к ЮЮЗ от склада ГСМ д. Согом	0,346 [0]	Хорошее	Бронзов. век (кон. III – II тыс. до н. э.)
27	Согомское 30 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 91 м к ЮЗ от вертол¸тной площадки д. Согом	0,328 [0,118]	Аварийное	Ран. железн. век (посл. треть I тыс. до н. э.)
28	Согомское 31 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 131 м к ЮЗ от вертол¸тной площадки д. Согом	0,248 [0, 107]	Аварийное	Ран. железн. век
29	Согомское 32 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 180 м к ЮЗ от вертол¸тной площадки д. Согом	0,309 [0,130]	Аварийное	Ран. железн. век
30	Согомское 33 местонахождение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 400 м к ЮЗ от вертол¸тной площадки, на пересечении ул. Новая и Набережная д. Согом	0 [0]	Разрушено	–
31	Согомское 34 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 937 м к ЮЗ от вертол¸тной площадки д. Согом	1,361 [0,186]	Среднее	Ран. железн. век

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
32	Согомское 35 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 1186 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	0,668 [0,055]	Среднее	Ран. железн. век
33	Согомское 36 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 1276 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	0,607 [0,051]	Среднее	Ран. железн. век
34	Согомское 37 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 1235 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	1,229 [0,054]	Среднее	Ран. железн. век
35	Согомское 38 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 1020 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	0,927 [0,127]	Аварийное	Ран. железн. век
36	Согомское 39 городище	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 1040 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	0,917 [0,023]	Аварийное	Ран. железн. век
37	Согомское 40 поселение	Прав. берег р. Согом (лев. приток р. Иртыша), в 361 м к ЮЗ от склада ГСМ, в 455 м к В от вертолётной площадки д. Согом	0,391 [0]	Хорошее	Бронзов. век (кон. III – II тыс. до н. э.)
38	Стариков Мыс городище / Стариков Мыс 1 городище[13]	Сев.-зап. оконечность мыса Стариковского, выступающего в оз. Домашний Сор с вост. стороны, в 2376 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	0,669 [0,195]	Аварийное	Неолит – бронзов. век (кон. IV – нач. I тыс. до н. э.); ран. Средневек. (карымский этап IV – нач. VI в.; кучиминский этап IX–X вв.); поздн. Средневек. (кинтусовский этап, кон. IX – нач. XIII в.; время «городков», XVI–XVII в.); Новое и Новейшее время (XIX–XX вв.)
39	Стариков Мыс 2 стоянка	Зап. оконечность мыса Стариковского, выступающего в оз. Домашний Сор с вост. стороны, в 2418 м к ЮЗ от вертолётной площадки д. Согом	0,661 [0,153]	Аварийное	Энеолит – ран. бронзов. век (кон. III – перв. пол. II тыс. до н. э.)

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Приказ Министерства культуры Российской Федерации «Об утверждении Порядка проведения общероссийского мониторинга состояния и использования памятников истории и культуры» от 28.05.2002.; «Положение об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов музейного

фонда Российской Федерации, документов библиотечных фондов, архивного фонда Российской Федерации, а также кинофонда» от 05.07.2001.

[2] **Пермяков В.А.** История изучения археологических памятников в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 241—248.

[3] **Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. — М., 1960. — Т. 55. — С. 56;

[4] **Пермяков В.А.** История изучения археологических памятников в окрестностях п. Согом... — С. 243.

[5] **Морозов В.М.** Отчёт о разведочных исследованиях в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области летом 1992 г. — Екатеринбург, 1993. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 4858. Д. 3. С. 60, 67—69.

[6] **Морозов В.М.** Отчёт о разведочных исследованиях в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах... — С. 52—53.

[7] **Косинская Л.Л.** Памятники быстринского типа в Сургутском Приобье (эпоха неолита) // Материалы по археологии Обь-Иртышья: Сб. науч. тр. — Сургут: РИО СургПИ, 2001. — С. 14.

[8] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С 38—39; **Глушков И.Г.** Культурно-хронологическая колонка памятников неолита и бронзового века Чилимского микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Тез. докл. Всерос. науч. конф. 22—24 ноября 1994 г. — Омск, 1994. — С. 27.

[9] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 2002. — 2-е изд., испр. и доп. — С. 40.

[10] **Кениг А.В.** Отчёт о НИР: Археологические раскопки городища Согомское 13 в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2010 г. (В печ.); **Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.** Ранний железный век таёжного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24—30 сентября 2006., г. Ханты-Мансийск — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. — С. 80; **Чемякин Ю.П.** Барсов Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья: Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 72.

[11] Памятник был открыт дважды разными исследователями (в 1989 г. — Н. Ю. Паршуковой из Тобольского госпединститута, в 1992 г. — В. М. Морозовым из Уральского государственного университета) и получил два разных названия (городище Аэродром 1 и поселение Согомское 1).

[12] Памятник был открыт дважды разными исследователями (в 1989 г. — Н. Ю. Паршуковой из Тобольского госпединститута, в 1992 г. — В. М. Морозовым из Уральского государственного университета) и получил два разных названия (городище Аэродром 2 и городище Согомское XVI).

[13] Памятник был открыт трижды разными исследователями (в 1963 г. — З.П. Соколовой из Института этнографии АН СССР, в 1965 г. — Л.Г. Шориковой из Уральского государственного университета, в 1992 г. — В. М. Морозовым из того же университета) и получил два разных названия (городище Стариков Мыс и городище Стариков Мыс 1).

Итоги мониторинга и установления границ археологических памятников на территории г. Сургута, г. Когалыма и пгт. Октябрьское в ХМАО – Югре

А.В. Кениг, В.А. Пермяков
г. Ханты-Мансийск
АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»

В 2010 г. сотрудниками АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» выполнялись работы по мониторингу состояния и установлению границ археологических памятников, расположенных на территории МО «г. Сургут», «г. Когалым» и «пгт. Октябрьское» (ил. 1, 11, 17).

Эти работы осуществлялись в два этапа:

1) камеральный: сбор и анализ архивной информации, литературных источников по объектам археологического наследия;

2) полевой: непосредственное визуальное обследование территории объектов, тахеометрическая съёмка, фотофиксация памятников, закладка шурфов и зачистка обнажений слоя с целью уточнения границ памятников.

Границы памятников определялись на основе анализа ландшафтной ситуации, визуальных признаков, с учётом результатов проведенных ранее археологических работ на памятниках, по характерным элементам рельефа, а также посредством шурфовки, проводимой для выявления культурного слоя.

Опыт этноархеологических исследований в таёжной зоне Западной Сибири свидетельствует, что распространение культурных остатков жизнедеятельности человека вокруг жилых и производственных сооружений традиционных культур составляет в среднем 25 м[1]. Исходя из этого, при определении границ памятников археологии. кроме естественных рубежей, в качестве условного критерия, использовалось расстояние 25 м от визуально выраженных в рельефе остатков древних сооружений (впадин, обваловок, валов, наземных площадок и т. д.). Координаты характерных точек границ памятников археологии определялись по угловым реперам в системе координат WGS-84.

Инженерно-геодезические измерения и съёмка топографических планов памятников археологии проводились тахеометром «TOPCON» (Япония). Тахеометрическая съёмка выполнялась с пунктов (точек) съёмочного

обоснования. Камеральная обработка полевых измерений выполнена в программном комплексе «CREDO». На основании полевых и камеральных работ были созданы цифровые планы в масштабе 1:1000 и 1:500[2].

Съёмка и оформление планов осуществлялись в соответствии со следующими инструктивными документами:

— «Инструкция по топографической съёмке в масштабах 1:5000, 1:2000, 1:1000 и 1:500. ГКИНП-02-033-82» (утверждена ГУГК 05.10.79; введена в действие с 01.01.83 с поправками, утверждёнными ГУГК 09.09.82 — Приказ N 436п). — М.: Недра, 1982 (сфера действия общеобязательная);

— «Инструкция по развитию съёмочного обоснования и съёмке ситуации и рельефа с применением глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и GPS» (утв. Роскартографией 18.01.02). — М.: ЦНИИГАиК, 2002.

Мощность культурного слоя на выявленных объектах определялась путём зачистки обнажений и шурфовки. Их профили и планиграфия культурных слоёв с отображением находок составлялись в масштабе 1:20. В случае, если культурный слой в шурфе не обнаруживался, планиграфия шурфа не отражалась, а стратиграфия фиксировалась по одной стенке.

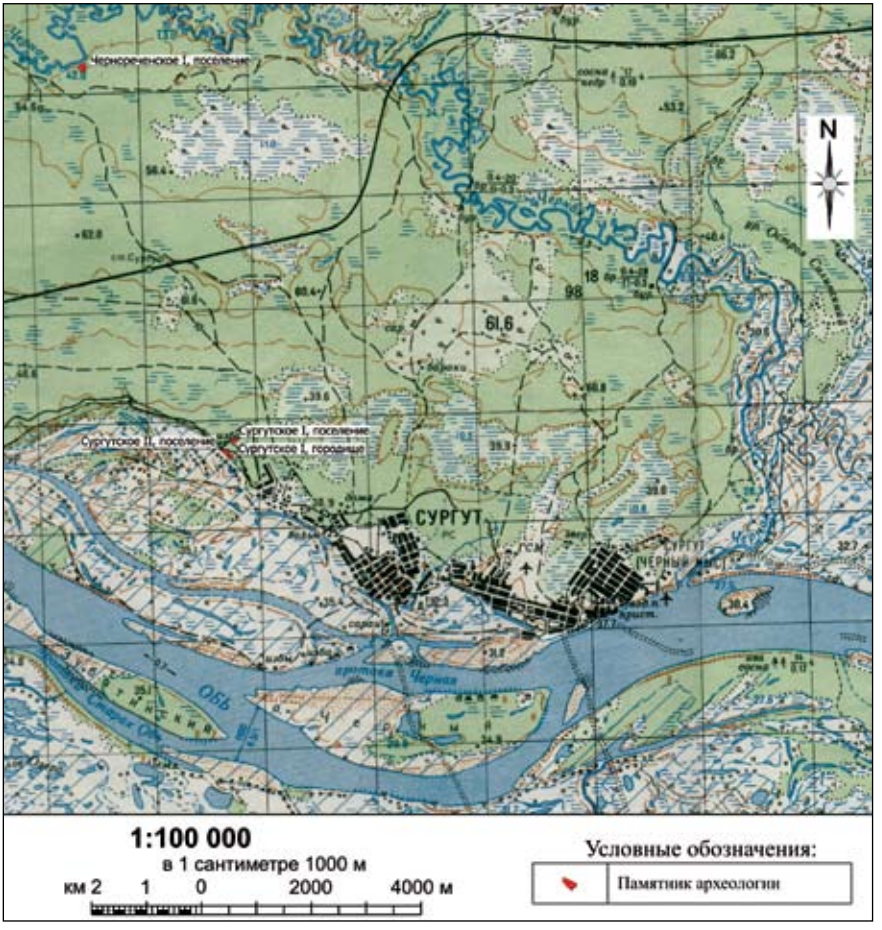
Городище Сургутское I

Объект культурного наследия регионального значения — № 718 по Государственному списку недвижимых памятников истории и культуры значения Ханты-Мансийского автономного округа (с изменениями на 17 июня 1997 г.) в разделе «Сургутский район», утверждённому Постановлением губернатора ХМАО от 04.03.1997. № 89.

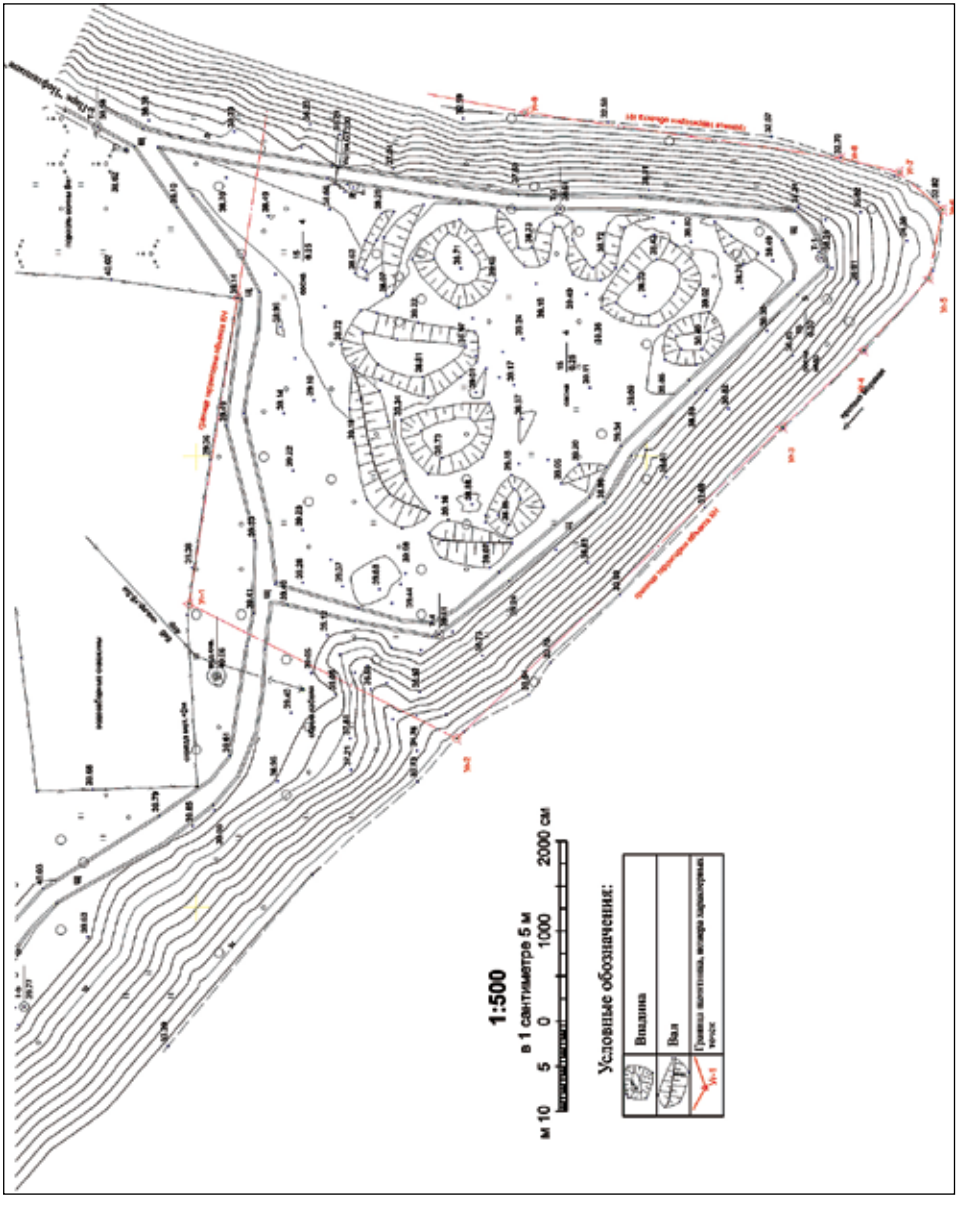
Памятник расположен в г. Сургуте, на территории городского парка Нефтяников, в 160 м к югу — юго-западу от моста через ручей Кедровый и в 130 м в том же направлении от водозаборной станции «Кедровый Лог», в 160 м к югу — юго-востоку от комплекса цеха космической связи «Орбита», на стрелке мыса надпойменной террасы, образованной слиянием ручья Кедрового с обской протокой Боровой (ил. 1—3).

История исследования. Памятник был открыт в 1978 г. Л.А. Осоткиной в ходе археологической разведки. В научном отчёте он получил название «городище Орбита». Снятый тогда план отразил городище округлой формы в кольце оборонительной системы из вала и рва, на закрытой площадке сосредоточены 10 впадин. Здесь же отражены и разрушения: 3 впадины частично разрушены оползающим берегом протоки Боровой, на территории примерно в 70 кв. м строительными работами нарушен культурный слой[3].

В 1993 г. исследования на памятнике были продолжены сотрудниками ПНИАЛ Уральского государственного университета им. А.М. Горького под руководством А.П. Зыкова. Был снят более подробный план, на котором на внутренней площадке городища зафиксировано 11 жилых впадин и 1 наземная площадка в центре, к западу от фортификационных сооружений — ещё 2 жилые впадины. Констатирован интенсивный характер разрушения городища: полное уничтожение восточной части оборонительной системы; частичное разрушение 4 впадин (№ I, IX—XI) оползанием берега; полное уничтожение 1 впадины (№ IV) и частичное разрушение 2 впадин (№ XI—XII) строительными работами.

Ил. 1. Карта-схема расположения археологических памятников в районе г. Сургута

Ил. 2. Городище Сургутское I. План

Ил. 3. **Городище Сургутское I.** Общий вид на территорию памятника и ограждение вдоль террасы. Сн. с юга

Ил. 4. **Городище Сургутское I.** Общий вид на фортификацию памятника. Сн. с северо-востока

Тогда же на двух участках городища, подверженных разрушениям, были проведены раскопки общей площадью 490,5 кв. м. Мощность культурного слоя достигала 140 см. Полученные материалы позволили датировать памятник начальным периодом зеленогорского этапа (IV—VI вв.) Обь-Иртышской культурно-исторической общности. По материалам проведенных исследований А.П. Зыковым была разработана концепция реконструкции и музеефикации городища[4].

На момент мониторинга 2010 г. на памятнике визуально фиксировались (ил. 4):

— в северной части городища — фрагменты фортификационных сооружений: вал (ширина от 1,0 до 2,0 м, высота 0,2—0,3 м) и ров (ширина 1,2—1,8 м, глубина 0,1—0,2 м);

— археологизированные остатки древних сооружений: 6 впадин на площадке (№ 1, 3, 5—8), три из которых (№ 1, 6, 7) частично разрушены оползающим берегом; 1 впадина (№ 10) за пределами фортификации. Размеры впадин достаточно разнообразны: № 1 (сохранившаяся часть) — 2,5х5,0 м; № 3 — 7,0х9,0 м при глубине 0,5 м; № 5 — 6,5х8,5 м при глубине 0,6 м; № 6 (сохранившаяся часть) — 6,0х6,0 м; № 7 (сохранившаяся часть) — 7,0х5,0 м; № 8 — 7,5х10,0 м при глубине 0,5 м; № 9 — 5,0х6,5 м при глубине 0,5 м; № 10 — 4,0х5,0 м при глубине 0,15 м;

— хорошо задернованные места разрушения культурного слоя: строительный котлован и 2 раскопа 1993 г.

Общая площадь памятника составляет 0,38495 га.

Граница территории объекта археологического наследия определена по 11 характерным точкам (ил. 2). В основном она проходит по естественному рубежу (подножию террасы), а в северной части памятника — по условному рубежу (на расстоянии до 25 м от визуально выраженных археологизированных объектов).

Поскольку городище находится на территории городского парка, оно подвергается антропогенному воздействию. В результате обустройства мест для пикников вытаптывается верхний дерновый слой. Естественные факторы разрушения памятника в форме оползания берега устранены рекультивацией склона.

В ходе мониторинга 2010 г. закладка шурфов в целях определения границы памятника не производилась, поскольку наличие и распространение культурного слоя были определены раскопками 1993 г. Состояние памятника оценено как среднее.

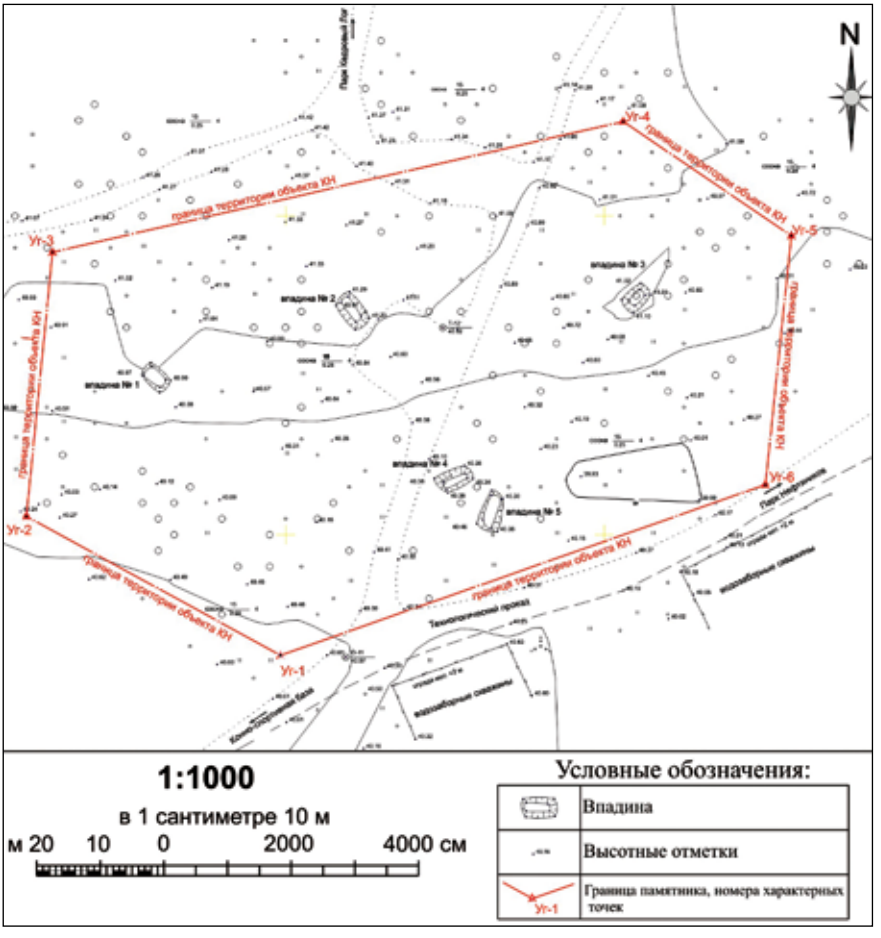
Поселение Сургутское I

Объект культурного наследия регионального значения — № 719 по Государственному списку недвижимых памятников истории и культуры

значения Ханты-Мансийского автономного округа (с изменениями на 17 июня 1997 г.) в разделе «Сургутский район», утверждённому Постановлением губернатора ХМАО от 04.03.1997. № 89.

Памятник расположен в г. Сургуте, на территории городского парка Нефтяников, в 30—120 м северо-восточнее комплекса цеха космической связи «Орбита», на правом берегу протоки Боровой (ил. 1, 5).

История исследования. Памятник открыт в 1993 г. в ходе проведения сотрудниками ПНИАЛ Уральского государственного университета им. А.М. Горького под руководством А.П. Зыкова исследовательских работ на городище Сургутское[5]. Датирован поздним Средневековьем — Новым временем.

Ил. 5. Поселение Сургутское I. План

Ил. 6. Поселение Сургутское I. Впадина № 4. Мусор в археологическом объекте. Сн. с юга

В 2010 г. установлено, что на памятнике фиксируются остатки 5 древних сооружений — впадины подпрямоугольной формы: № 1 — 5,0х3,0 м, № 2 — 6,0х3,0 м; № 3 — 5,0х3,0 м; № 4 — 5,0х3,0 м (ил. 6), № 5 — 6,0х3,0 м. Расстояние между ними составляет от 20 до 40 м (кроме впадин № 4 и 5 с интервалом 4 м).

Общая площадь памятника — 0,70900215 га.

Граница территории объекта археологического наследия определена по 6 характерным точкам (ил. 5). Преимущественно она проведена по условным рубежам (на удалении до 25 м от визуально выраженных археологизированных объектов), а в южной части — по линии технологического проезда к станции космической связи «Орбита».

Поскольку поселение расположено в парковой зоне города его территория подвергается антропогенному воздействию: интенсивно вытаптывается поверхностный слой, сваливается мусор от пикников внутрь впадин и т. д. Состояние памятника оценено как среднее.

Поселение Сургутское II

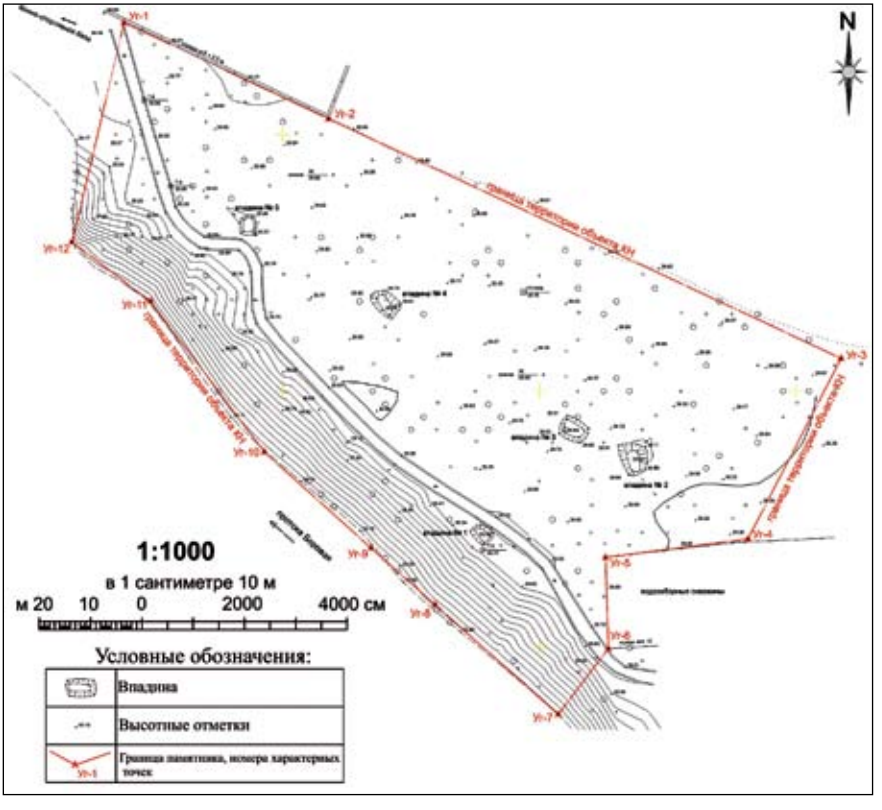
Объект культурного наследия регионального значения — № 720 по Государственному списку недвижимых памятников истории и культуры значения Ханты-Мансийского автономного округа (с изменениями на

17 июня 1997 г.) в разделе «Сургутский район», утверждённому Постановлением губернатора ХМАО от 04.03.1997. № 89.

Расположен в г. Сургуте, на территории городского парка Нефтяников, в 20—100 м юго-восточнее цеха космической связи «Орбита», на правом берегу протоки Боровой (ил. 1, 7).

История исследования. Памятник был открыт в 1993 г. в ходе проведения сотрудниками ПНИАЛ Уральского государственного университета им. А.М. Горького под руководством А.П. Зыкова раскопок городища Сургутское I и предварительно датирован эпохой Средневековья[6].

На момент проведения мониторинга в 2010 г. на памятнике визуально фиксировались остатки 5 древних сооружений, выраженных в современном рельефе впадинами подпрямоугольной формы. Впадина № 1 размерами 4,0х3,0 м располагается на самом краю террасы в 27 м юго-восточнее впадин № 2 и 3. Впадины № 2—5 ориентированы по

Ил. 7. Поселение Сургутское II. План

одной линии в направлении юго-восток — северо-запад вдоль берега на удалении от 7 м (№ 5) до 27 м (№ 2) от кромки. Объекты имеют следующие параметры: № 2 — 5,0х7,0 м, № 3 — 6,0х4,5 м, № 4 — 6,0х4,0 м, № 5 — 4,0х3,0 м. Интервал между впадинами — от 6 м (№ 2 и 3) до 38 м (№ 3 и 4).

Общая площадь памятника составляет 0,92700556 га.

Граница территории объекта археологического наследия определена по 12 характерным точкам (ил. 7). В северной и восточной частях памятника она проводилась по условным рубежам (25 м от визуально выраженных археологизированных объектов), в юго-западной и западной — по естественному рубежу (подножию террасы), в юго-восточной — по ограждению водозаборных скважин.

Как и оба памятника, представленных выше, поселение Сургутское 2 находится на территории городского парка со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для его сохранности. В целом его состояние можно оценить как хорошее.

Поселение Чернореченское I

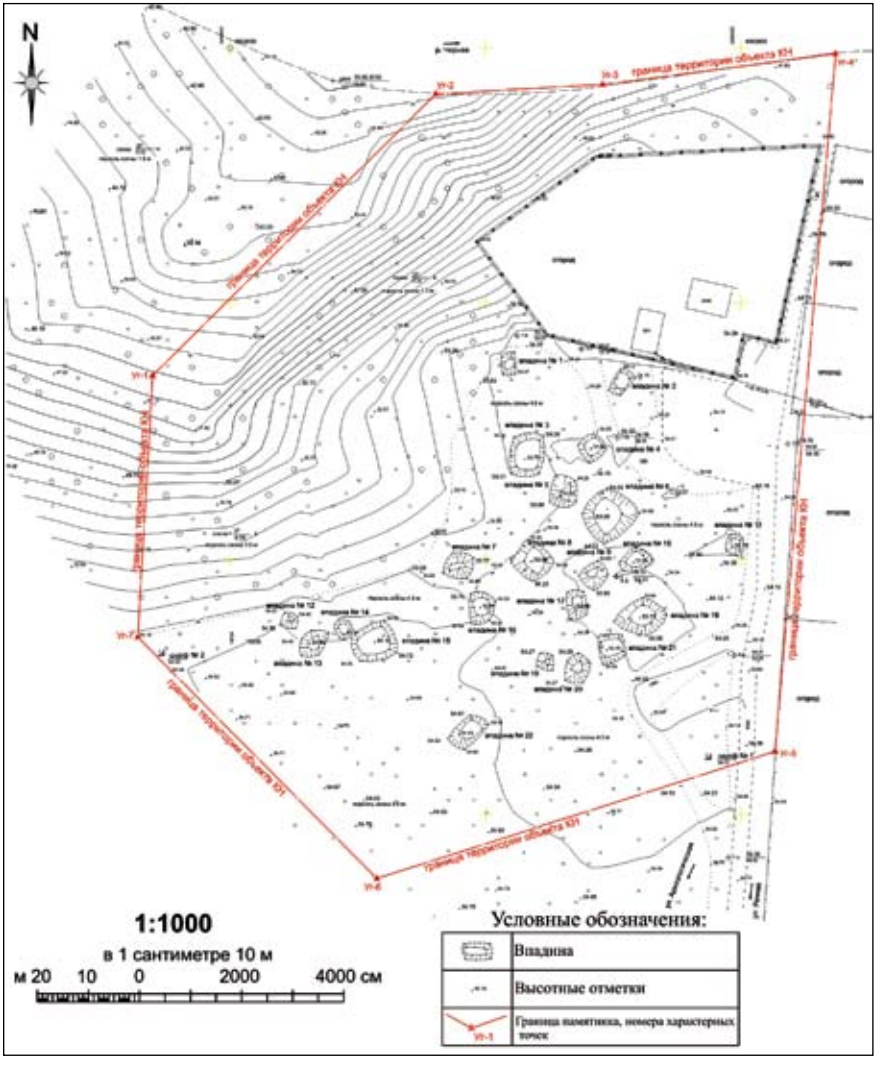
Объект культурного наследия регионального значения — № 725 по Государственному списку недвижимых памятников истории и культуры значения Ханты-Мансийского автономного округа (с изменениями на 17 июня 1997 г.) в разделе «Сургутский район», утверждённому Постановлением губернатора ХМАО от 04.03.1997. № 89.

Памятник приурочен к правому берегу р. Чёрной, к участку в 4 км к северу — северо-западу от железнодорожного вокзала г. Сургута, на территории садоводческого товарищества «Газовик 2» (ОАО «Сургуттрансгаз»), в 68 м северо-западнее перекрестка ул. Археологической и Речной (ил. 1, 8).

История исследования. Поселение было выявлено в 1992 г. с.н.с. Сургутского краеведческого музея М.Ю. Селяниной. В 1993—1994 гг. по договору между Управлением культуры при администрации г. Сургута и ПНИАЛ Уральского государственного университета им. А.М. Горького отрядом под руководством Л.Л. Косинской был снят инструментальный топографический план памятника. На участках, наиболее подверженных разрушениям, были проведены спасательные раскопки общей площадью 316 кв. м[7]. Мощность культурного слоя в раскопах составляла от 30 до 80 см. Полученные в ходе этих работ материалы (керамика, каменный инвентарь) позволили датировать памятник эпохой ранней бронзы (втор. четв. — сер. II тыс. до н. э.).

Керамический комплекс соотносится с общностью гребенчато-ямочной керамики (кульеганский тип). Для поселения Чернореченского I было получено 3 радиоуглеродные даты (3760±20, 3830±40, 4500±70 BP)[8].

При проведении мониторинга в 2010 г. на памятнике по визуальным признакам были зафиксированы остатки древних сооружений – 22 впадины различных форм (подпрямоугольные, подквадратные, подовальные) и размеров (от 3,0х4,0 до 9,0х10,0 м) (ил. 9).

Ил. 8. Поселение Чернореченское I. План

Ил. 9. **Поселение Чернореченское I.** Впадина № 2. Дачный участок. Сн. с запада

Ил. 10. **Поселение Чернореченское I.** Общий вид. Сн. с юга — юго-востока

Общая площадь памятника составляет 1,6299279 га.

Граница территории объекта археологического наследия определена по 7 характерным точкам. В южной части памятника она проводилась по условным рубежам (25 м от визуально выраженных археологизированных объектов), в западной и северной частях — по естественному рубежу (логу до подножия террасы р. Чёрной), в восточной части — по границе ул. Речной. В территорию объекта культурного наследия был включён участок садоводческого товарищества «Газовик 2», поскольку по планам 1993 г. на его территории также фиксировались остатки древних сооружений.

Поверхность памятника подвергается сильному антропогенному воздействию (ил. 10). В настоящее время 3496 кв. м (21,44 %) территории поселения разрушено и занято садоводческим товариществом «Газовик 2» и ул. Речной. Техническое состояние памятника оценено как аварийное.

Поселение Когалымское 1/1

Объект культурного наследия регионального значения — № 328 по Государственному списку недвижимых памятников истории и культуры значения Ханты-Мансийского автономного округа (с изменениями на 17 июня 1997 г.) в разделе «Сургутский район», утверждённому Постановлением губернатора ХМАО от 04.03.1997. № 89.

Расположен в г. Когалыме, в 0,2 км к северу — северо-востоку от перекрёстка ул. Прибалтийской и Дружбы народов. Топографически памятник приурочен к краю правой террасы р. Ингуягун (ил. 11).

История исследования. Поселение Когалымское 1/1 открыто в 1992 г. в ходе археологической разведки в зоне действия производственного объединения «Когалымнефтегаз», проведённой сотрудниками ПНИАЛ Уральского государственного университета им. А.М. Горького под руководством Л.Л. Косинской. Тогда в черте г. Когалыма были выявлены 3 поселения, располагающиеся вдоль правой террасы р. Ингуягун

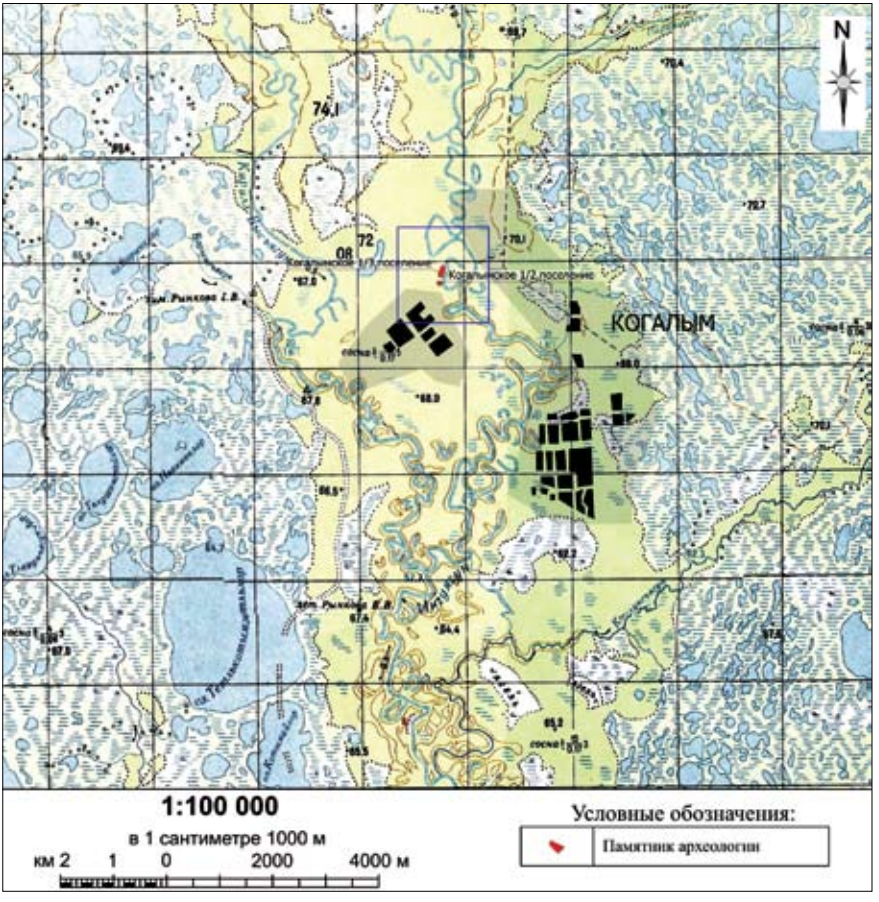
Согласно снятому тогда глазомерному плану, на поселении Когалымское 1/1 фиксировались остатки двух сооружений в 10 м друг от друга:

— впадина № 1: форма — овальная, ориентация — по линии юго-восток — северо-запад, размеры по внешнему краю вала — 10,3х8,8 м, ширина обваловки — 1,7—2,5 м, высота обваловки — 0,1 м, по внешнему периметру 5 небольших ямок;

— впадина № 2: форма — овальная, ориентация — с запада — северо-запада на восток — юго-восток, размеры — 8,7х5,5 м, ширина обваловки — 1,5—3,5 м, высота обваловки — 0,15, с западной стороны 3 внешние ямки.

По характеру сооружений (наземных площадок) памятник предварительно был датирован ранним железным веком (I тыс. до н. э. — нач. н. э.)[9].

В ходе мониторинга 2010 г. памятник не обнаружен. В 1993 г. Л.Л. Косинская отмечала, что поселение вплотную примыкает к северной границе площадки зимнего стадиона, располагается на территории городской зоны отдыха и потому подвергается сильному антропогенному воздействию (выкапывание ям для костров и мусора, уничтожение поверхностного слоя автотранспортом и вытаптыванием). В настоящее время зимнего стадиона нет, эта территория заросла молодым сосняком. Скорее всего, памятник был уничтожен в ходе эксплуатации зимнего стадиона и парковой зоны.

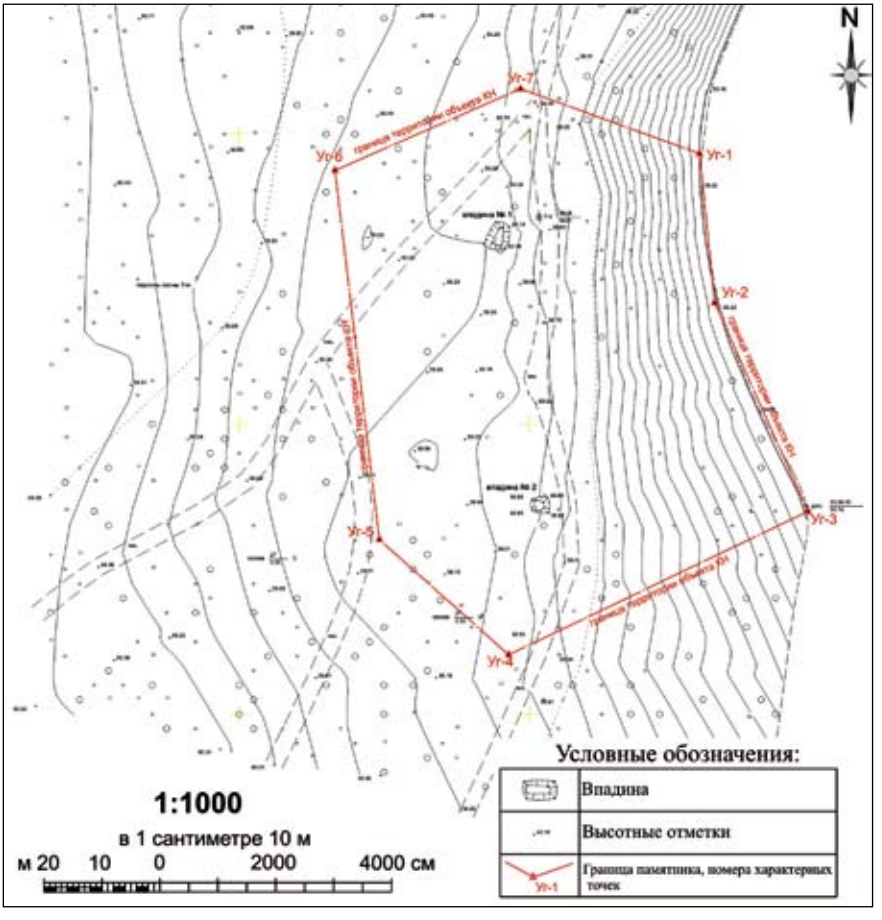
Ил. 11. Карта-схема расположения археологических памятников в районе г. Когалыме

Поселение Когалымское 1/2

Объект культурного наследия регионального значения — № 329 по Государственному списку недвижимых памятников истории и культуры значения Ханты-Мансийского автономного округа (с изменениями на 17 июня 1997 г.) в разделе «Сургутский район», утверждённому Постановлением губернатора ХМАО от 04.03.1997. № 89.

Памятник находится в г. Когалыме, в 0,4 км к северу — северо-востоку от перекрёстка ул. Прибалтийской и Дружбы народов, на краю правой террасы р. Ингуягун (ил. 11, 12).

История исследования. Поселение Когалымское 1/2 открыто при тех же обстоятельствах, что и поселение Когалымское 1/1.

Ил. 12. **Поселение Когалымское 1/2.** План

На глазомерном плане первооткрывателя памятника Л.Л. Косинской нанесены остатки 5 сооружений разного типа – 3 впадины с валообразной насыпью по внешнему краю и 2 слегка приподнятые над окружающей поверхностью площадки с внешними ямами по периметру. По наличию последних объектов, характерных для раннего железного века, памятник датирован I тыс. до н. э. – нач. н. э. В отчёте высказано предположение о разновременности их бытования[10].

В ходе мониторинга 2010 г. на удалении 42 м друг от друга выявлены 2 впадины (№ 1 и 3 по плану 1992 г.):

– впадина № 1: форма – подпрямоугольная, размеры – 5,0х4,0 м, глубина – 0,15 м (ил. 13);

– впадина № 2: форма – округлая, диаметр – 3,0 м, глубина – 0, 2 м.

Остальные объекты (наземные сооружения № 4 и 5, впадина № 2), выявленные в 1992 г., сегодня визуально не фиксируются.

Общая площадь территории поселения Когалымское 1/2 составляет 0,53590898 га.

Граница территории объекта археологического наследия определена по 7 характерным точкам (ил. 12). В западной части поселения граница проводилась по условным рубежам (на расстоянии 25 м от визуально выраженных археологизированных объектов), в восточной – по естественному рубежу (подножию террасы).

Ил. 13. **Поселение Когалымское 1/2.** Западина № 1. Сн. с юго-востока

В связи с расположением памятника на территории городской зоны отдыха его поверхность подвергается сильному антропогенному воздействию — движение автотранспорта, вытаптывание дернового слоя и т. д. Состояние поселения — среднее.

Поселение Когалымское 1/3

Объект культурного наследия регионального значения — № 330 по Государственному списку недвижимых памятников истории и культуры значения Ханты-Мансийского автономного округа (с изменениями на 17 июня 1997 г.) в разделе «Сургутский район», утверждённому Постановлением губернатора ХМАО от 04.03.1997. № 89.

Памятник находится в г. Когалыме, в 0,47 км к северу — северо-востоку от перекрёстка ул. Прибалтийской и Дружбы народов, на кромке правой террасы р. Ингуягун (ил. 11, 14).

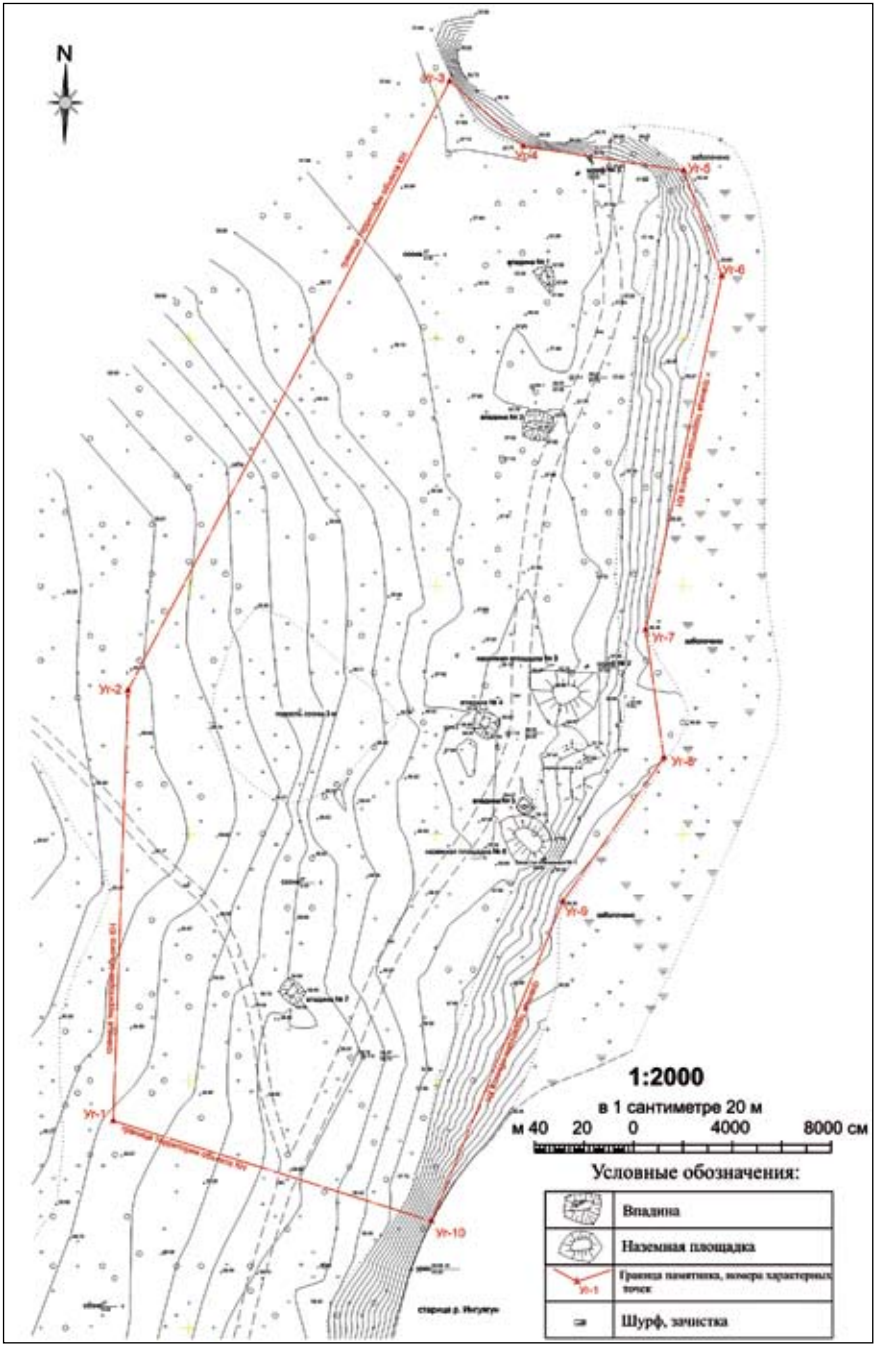
История исследования. Поселение Когалымское 1/3 открыто вместе с поселениями Когалымское 1/1 и Когалымское 1/2 в 1992 г. Тогда на поверхности были зафиксированы остатки 7 сооружений — 3 впадины и 4 площадки от наземных построек. Л.Л. Косинской был снят глазомерный план памятника, сделано его описание (состояние было признано неудовлетворительным после разъездов от тяжёлой техники и эрозии берега) и собраны фрагменты керамики сер. — втор. пол. I тыс. до н. э. (соотнесены с калинкинской культурой). Планиграфия поселения позволила Л.Л. Косинской сделать заключение о разновременности составляющих его объектов[11].

В 2010 г. на поселении визуально зафиксированы остатки 7 древних сооружений разного типа, расположенных на одной полосе вдоль берега:

— объект № 1 (впадина): форма — подовальная, размеры — 10,0х6,0 м;
— объект № 2 (впадина): форма — подквадратная, размеры — 12,0х12,0 м;
— объект № 3 (наземная площадка): форма — подовальная, размеры — 10,0х6,0 м (ил. 15);
— объект № 4 (впадина): размеры — 10,0х10,0 м (ил. 16);
— объект № 5 (впадина): форма — подквадратная, размеры — 6,5х5,5 м;
— объект № 6 (наземная площадка): форма — подовальная, размеры — 12,0х6,0 м;
— объект № 7 (впадина): форма — подквадратная, размеры — 10,0х8,0 м.

Общая площадь территории поселения Когалымское 1/3 составляет 1,7938551 га.

Граница территории объекта археологического наследия определена по 10 характерным точкам (ил. 14). В западной части поселения она

Ил. 14. **Поселение Когалымское 1/3.** План

Ил. 15. **Поселение Когалымское 1/3.** Объект № 3 (наземная площадка). Сн. с севера

Ил. 16. **Поселение Когалымское 1/3.** Объект № 4 (впадина). Сн. с запада

проводилась по условным рубежам (в 25 м от визуально выраженных археологизированных объектов), в восточной — по естественному рубежу (подножию террасы).

Для определения границ памятника были заложены 2 шурфа (у наземной площадки № 3 и в северной части памятника между поворотными точками 4 и 5) и сделана 1 зачистка обнажения (на краю наземной площадки № 6). В одном шурфе был выявлен культурный слой с содержанием керамической крошки, два других стратиграфических профиля в отношении культурных отложений оказались нейтральными.

В связи с тем, что памятник расположен на территории городской зоны отдыха, его поверхность активно разрушается. Помимо антропогенного фактора, присутствует и естественный — объект № 6, расположенный у кромки террасы, уничтожается в ходе оползания берега. Состояние памятника — аварийное.

Городище Октябрьское

Выявленный объект археологического наследия — № 1646 по Списку вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (утверждён приказом директора Департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа № 348/01-14 от 26 июня 2002 г.).

Памятник находится на правом берегу р. Оби, в черте пгт. Октябрьское, в 0,64 км восточнее пристани и в 0,13 км к югу — юго-востоку от восточной части пешеходного моста (ил. 17, 18).

История исследования. Памятник открыт в 1980 г. Е.А. Курлаевым и обозначен им в отчёте как «городище у посёлка Октябрьский». На глазомерном плане зафиксирована двойная система укреплений — два вала и два рва. Фрагменты керамики, собранные на кромке берега, позволили предварительно датировать памятник втор. пол. I тыс. (зеленогорский этап).

В 1982 г. памятник повторно осмотрен сотрудником ПНИАЛ Уральского госуниверситета им. А.М. Горького В.М. Морозовым в рамках обследования трассы газопровода «Уренгой — Новопсков» и назван «городище Октябрьское 1». На этот раз сборы керамики позволили выявить два периода обитания городища — ранний железный век и раннее Средневековье.

В 1999 г. ещё одним сотрудником ПНИАЛ Уральского госуниверситета им. А.М. Горького — А. П. Зыковым — в рамках работы над

проектом «Древние городки югорской земли» был снят инструментальный план городища. На этот раз в обнажении обрыва берега был прослежен культурный слой мощностью 20—30 см с углистой прослойкой в 5—10 см в верхнем горизонте. Характер площадки и оборонительных сооружений позволили отнести городище к эпохе позднего Средневековья. Сопоставив археологические данные с русскими письменными источниками XVI—XVIII вв., А.П. Зыков предположил, что городище Октябрьское можно идентифицировать как остатки Кодского городка — резиденции князей Алачевых.

При проведении мониторинга в 2010 г. были зафиксированы фрагменты системы укреплений (ров — вал — ров — вал), прикрывающие площадку городища с севера, на самом краю мыса (ил. 19, 20). Параметры фортификационных сооружений в современном рельефе (начиная от площадки городища):

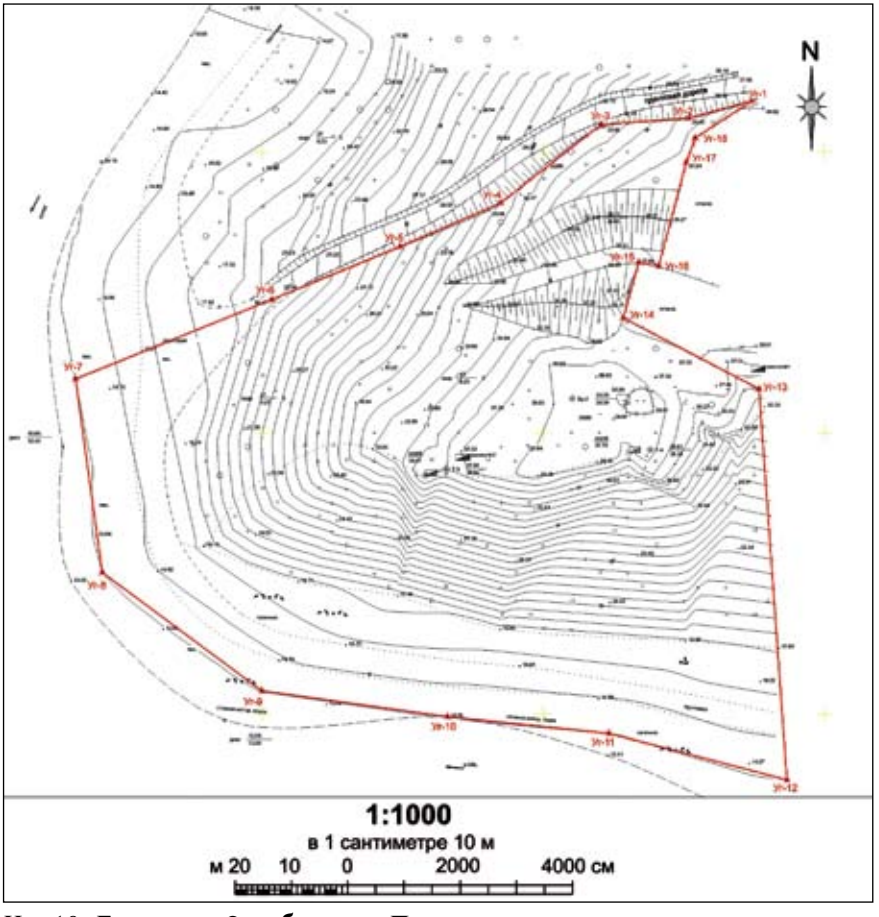

Ил. 17. Карта-схема расположения городища Октябрьское

– ров: длина – 26,0 м, ширина – 2,0–3,0 м, глубина – 1,2–1,5 м;
– вал: длина – 30,0 м, ширина – 4,0–5,0 м, высота – 1,0–1,2 м;
– ров: длина – 40,0 м, ширина – 4,0 м, глубина – 0,5–0,9 м;
– вал: длина – 41,0 м, ширина – 4,0–6,0 м, высота – 1,3–1,6 м.

Граница территории памятника определена по 18 характерным точкам, исходя из анализа ландшафтной ситуации, визуальных признаков, стратиграфии на зачистках обнажений, ранее проведенных исследований (ил. 18).

Поверхность памятника подвергается сильному разрушению, в первую очередь антропогенному. В его северо-восточной части располагается несанкционированное придомовое хозяйство, вследствие чего значительная площадь перепахана и постоянно подвержена

Ил. 18. **Городище Октябрьское.** План

механическому воздействию. Не занятая огородами территория памятника также разрушается — вытаптывается отдыхающими. На памятнике оставлены и следы преднамеренных раскопок — два шурфа около разрушающейся кромки памятника и траншея (ширина — ок. 1 м, длина — ок. 5 м, глубина — 0,3 м) в северо-восточной части

Ил. 19. **Городище Октябрьское.** Фортификация. Сн. с юго-востока

Ил. 20. **Городище Октябрьское.** Защищённая площадка. Сн. с востока

закрытой площадки. Вносят свою лепту в разрушительные процессы и естественные факторы — эрозия южного и юго-западного склонов мыса на протяжении ок. 80 м.

Общая площадь разрушений составляет 0,7163 га при площади памятника 0,93949434 га. Поэтому состояние памятника оценено как аварийное.

* * *

Таким образом, в результате проведенного мониторинга состояния и установлению границ памятников археологии на территории Сургутского р-на ХМАО — Югры и в пгт. Октябрьское были получены следующие результаты.

1. Установлен факт уничтожения поселения Когалымское 1/1. Вероятнее всего, памятник был уничтожен в ходе эксплуатации зимнего стадиона и парковой зоны г. Когалыма.
2. Определены границы территорий 7 памятников археологии: городищ Сургутское I и Октябрьское, поселений Сургутское I, Сургутское II, Чернореченское I, Когалымское 1/2 и Когалымское 1/3.
3. Подготовлены акты технического состояния на 8 памятников археологии, в том числе на разрушенное поселение Когалымское 1/1.
4. Подготовлены акты установления границ территории 7 памятников археологии: городищ Сургутское I и Октябрьское, поселений Сургутское I, Сургутское II, Чернореченское I, Когалымское 1/2 и Когалымское 1/3.

В целях обеспечения сохранности объектов археологического наследия, расположенных на территории населённых пунктов, рекомендовано:

1. Установить информационные надписи о наличии объектов культурного наследия на 7 памятниках: городищах Сургутском I и Октябрьском, поселениях Сургутском I, Сургутском II, Чернореченском I, Когалымском 1/2 и Когалымском 1/3.
2. Заключить охранное обязательство с департаментом культуры, молодёжной политики и спорта администрации г. Сургута на 4 памятника археологии: городище Сургутское I и поселения Сургутское I, Сургутское II и Чернореченское I.
3. Заключить охранное обязательство с собственником или пользователем земельного участка в месте расположения городища Октябрьское и поселений Когалымское 1/2, Когалымское 1/3.
4. В качестве исключительной меры по обеспечению сохранности объекта археологического наследия провести археологические полевые работы на поселении Чернореченском I и городище Октябрьском.
5. Снять с государственного учёта поселение Когалымское 1/1.

Таблица

Общая характеристика памятников археологии, расположенных в г. Сургуте, г. Когалыме и пгт. Октябрьском ХМАО – Югры по результатам обследования в 2010 г.

№	Наименование	Привязка	Площадь памятника [разрушения] (га)	Состояние	Датировка
1	Сургутское I городище	Прав. берег протоки Боровой, г. Сургут, территория городского парка Нефтяников, в 130 м к ЮЮЗ от водозаборной станции «Кедровый Лог»	0,385 [0]	Среднее	Ранний железный век – Средневековье (зеленогорский этап, VI – нач. VII в.)
2	Сургутское I поселение	Прав. берег протоки Боровой, г. Сургут, территория городского парка Нефтяников, в 30–120 м к СВ от комплекса цеха космической связи «Орбита»	0,709 [0,063]	Среднее	Позднее Средневековье – Новое время
3	Сургутское II поселение	Прав. берег протоки Боровой, г. Сургут, территория городского парка Нефтяников, в 20–100 м к ЮВ от цеха космической связи «Орбита»	0,927 [0]	Хорошее	Средневековье
4	Чернореченское I поселение	Прав. берег р. Чёрной, в 4 км к ССЗ от ж/д вокзала г. Сургута, территория садоводческого товарищества «Газовик 2» (ОАО «Сургуттрансгаз»), в 68 м к СЗ от перекрёстка ул. Археологической и Речной	1,629 [0,350]	Аварийное	Бронзов. век (втор. четв. – сер. II тыс. до н. э.)
5	Когалымское 1/1 поселение	Край правой террасы р. Ингуягун, в г. Когалыме, в 0,2 км к ССВ от перекрёстка ул. Прибалтийской и Дружбы Народов	–	Разрушено	?
6	Когалымское 1/2 поселение	Край правой террасы р. Ингуягун, в г. Когалыме, в 0,4 км к ССВ от перекрёстка ул. Прибалтийской и Дружбы народов	0,536 [0,0434]	Среднее	Ранний железный век (I тыс. до н. э. – нач. н. э.)
7	Когалымское 1/3 поселение	Край правой террасы р. Ингуягун, в г. Когалыме, в 0,4 км к ССВ от границы зимнего стадиона и в 0,47 км в том же направлении от перекрёстка ул. Прибалтийской и Дружбы народов	1,794 [0,098]	Аварийное	
8	Октябрьское городище	Прав. берег р. Оби, в пгт. Октябрьском, в 0,64 км к В от пристани, в 0,13 км к ЮЮВ от восточной части пешеходного моста	0,9395 [0,7163]	Аварийное	Средневековье

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Кениг А.В.** Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). — Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010 — С. 54—56.

[2] **Сутула В.В.** Технический отчёт по изыскательским работам «Инструментальная топографическая съёмка и закрепление границ территории археологических памятников». — Сургут, 2010. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» — Инв. № 6356. Д. 1381.

[3] **Осоткина Л.А.** Отчёт о разведке на окраине г. Сургута Тюменской области, проведенной в 1978 г. — Свердловск, 1979. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» — №:6279. — Д. 144. — С. 21—22.

[4] **Зыков А.П.** Отчёт о работах по теме «Археологическая концепция реконструкции и музеефикации Сургутского I городища («Орбита»)» (хоздоговор № 397). — Екатеринбург, 1993. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» — Инв. №:6354. Д. 176. — С. 2—4.

[5] **Шатунов Н.В.** Отчёт об археологической разведке в Сургутском районе ХМАО в 1998 году. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» — Инв. № 1190. Д. 775. — С. 17.

[6] **Шатунов Н.В.** Отчёт об археологической разведке в Сургутском районе ХМАО в 1998 году... — С. 17.

[7] **Косинская Л.Л.** Отчёт о раскопках поселения Чернореченское I в г. Сургуте в 1993 г. — Екатеринбург, 1993. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» — Инв. № 1245. Д. 81. — С. 4—5; **Косинская Л.Л.** Отчёт о раскопках поселения Чернореченское I в г. Сургуте в 1994 г. — Екатеринбург, 1995. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» — Инв. № 6346. Д.168. — С. 3—4.

[8] **Косинская Л.Л.** Отчёт о раскопках поселения Чернореченское I в г. Сургуте в 1993 г...

[9] **Косинская Л.Л.** Отчёт об археологической разведке в Сургутском районе Тюменской области в 1992 г. — Екатеринбург, 1993. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» — Инв. № 1260. Д. 82. — С. 43—44.

[10] **Косинская Л.Л.** Отчёт об археологической разведке в Сургутском районе Тюменской области в 1992 г... — С. 44—45.

[11] **Косинская Л.Л.** Отчёт об археологической разведке в Сургутском районе Тюменской области в 1992 г... — С. С. 45—46.

Раскопки селища Нёх-Урий 3.1 в Нижневартовском районе ХМАО – Югры

Е.Н. Данилова
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»

В 2007 г. экспедицией ООО «НПО «Северная археология – 1» проводились спасательные археологические полевые работы на разрушаемой части селища Нёх-Урий 3.1, расположенного в окрестностях г. Покачи Нижневартовского р-на ХМАО – Югры (среднее течение р. Аган). Работы проводились в рамках программы «Обеспечение сохранности объектов культурного наследия в зоне существующих хозяйственных объектов ТПП «Покачевнефтегаз» ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь»[1]. Раскопом площадью 116,5 кв. м была исследована часть постройки каменного века.

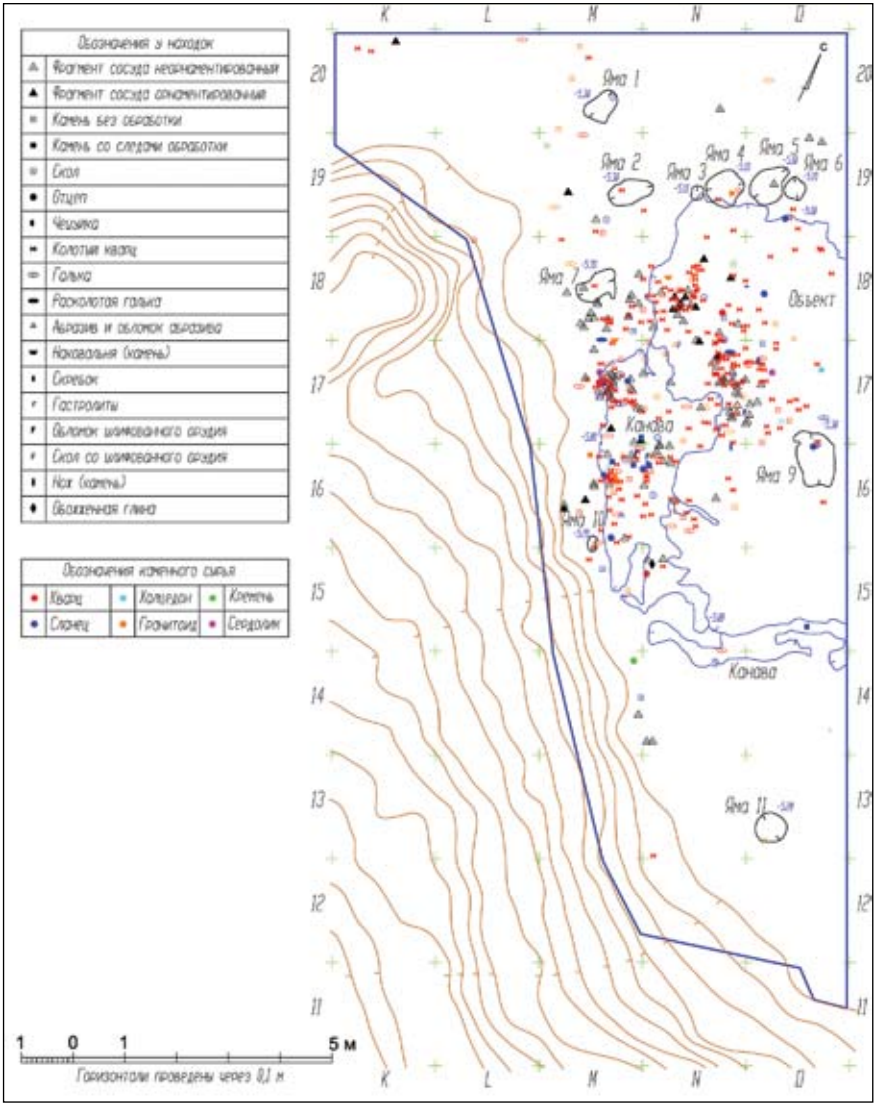
Каменный век является наименее изученным периодом в древней истории аганского региона. По материалам археологических разведок материалы этой эпохи представлены лишь на шести селищах (Энтль–Пеу, Пуралнъёган 2, Нёх-Урий 1, Нёх-Урий 3.1, Нёх-Урий 3.2, Имнъёган 2.2) и одном городище (Имнъёган 2.1)[2]. Из них раскопки были проведены только на трёх селищах (Нёх-Урий 1, Нёх-Урий 3.1, Нёх-Урий 3.2)[3]. Селища Нёх-Урий 1 и Нёх-Урий 3.1 являются единым поселением, центральная часть которого уничтожена дорогой. Неолитический слой селища Нёх-Урий 1 перекрыт поздними культурными горизонтами, в то время как материал, полученный при раскопках селища Нёх-Урий 3.1, является однородным по своему происхождению и, следовательно, более простым в анализе.

Изучаемый памятник открыт в 2004 г.[4]

Он находится на песчаной гриве (останце коренной террасы) высотой до 2,5 м, расположенной в долине правого берега р. Аган, в 3,5 км к северо-востоку от современного русла. На его территории находятся куст скважин № 77 Покачевского месторождения нефти и отрезок нефтепровода. Большая часть площади памятника изрыта и занята очагами сосново-берёзового мелколесья, на сохранившихся участках крупноствольная растительность представлена сосновым лесом с лишайниковым напочвенным покровом.

Раскоп

Раскоп был заложен вдоль проектируемого нефтесбора. Практически вся его поверхность была деформирована, лишь с северо-восточной стороны сохранилась задернованная полоса шириной до 1,5 м.

Ил. 1. **Селище Нёх-Урий 3.1.** Раскоп 2007 г. Сводный план объектов и находок

Объекты

Постройка. На участках N-O/15-19 раскопа были выявлены остатки постройки.

На поверхности они не фиксировались, а были представлены в виде большого пятна культурного слоя, отделённого от материка широкой канавкой и несколькими внешними ямами. Заполнение объекта — коричнево-жёлтый неоднородный песок с серыми пятнами.

Первоначально слой, отнесённый к заполнению этого объекта, проступил отдельными пятнами под белым и светло-серым оподзоленным песком. На глубине 25 см от современной поверхности удалось зафиксировать границы объекта, причем выяснилось, что его восточная граница не отделилась от стенки раскопа (ил. 1). Таким образом, раскопом оказалась затронута лишь часть обнаруженного объекта, которая на этом уровне имела параметры 8,14х3,9 м. Через 10 см размеры пятна значительно сократились, а его заполнение полностью отделилось от окружающего материка. Здесь, в самой углубленной части объекта была сосредоточена основная масса обнаруженных артефактов.

Пол постройки фиксировался по слою жёлтого песка, насыщенного охрой. Он был отмечен на северном профиле бровки по линии 16, где достигал средней мощности 2—5 см. В плане слой пола фиксировался отдельными пятнами.

В южной части с внешней стороны к объекту с юго-западной и юго-восточной сторон примыкала канава шириной до 1,4 м (ил. 1). Она была заполнена перемешанной коричневой супесью (в центральной части — с прослойками серой перемешанной супеси, насыщенной углем).

О типе постройки и её размерах судить достаточно сложно, поскольку раскопом она затронута лишь частично. Можно лишь отметить её особенность — посыпку пола охрой. Это является характерным для жилищ эпохи камня на сопредельных территориях[5].

Два образца угля были датированы с помощью радиоуглеродного метода: 4960±115 лет (СОАН-6950) и 4700±120 лет (СОАН-6951). Калиброванные даты: 4050—3500 гг. до н. э. и 3750—3050 гг. до н. э. соответственно. Таким образом, отрезок времени с 3750 г. до н. э. по 3500 г. до н. э. (втор. четв. IV тыс. до н. э.) является наиболее вероятным периодом сооружения и функционирования данной постройки.

Ямы. Помимо остатков постройки, на площади раскопа было зафиксировано 11 ям (ил. 1). Девять из них (1—7, 10—11) были расположены с внешней стороны объекта, с которым, судя по обнаруженным

в них находкам или характеру заполнения, и соотносились. Одна яма (8) была оставлена выворотнем, нарушившим слой постройки. Ещё одна (9), обнаруженная под заполнением объекта, имеет более раннее происхождение, каких-либо артефактов в ней не обнаружено.

За пределами обнаруженного объекта на верхних уровнях фиксации отмечены отдельные пятна культурного слоя с единичными находками; на участках N-O/19-20 был зафиксирован выворотень с линзами культурного слоя.

Материал

В ходе работ была собрана коллекция, насчитывающая 689 предметов[6]. Это фрагменты керамических сосудов, каменные орудия, сколы, отщепы, камни без видимых следов обработки или сработанности. Часть находок залегала в переотложенных и деформированных слоях, но большинство было сконцентрировано в центральной непотревоженной части раскопа, где были отмечены остатки объекта.

Керамическая посуда представлена примерно 200 фрагментами, из них 13 — от венчиков. Все они имеют светло-коричневый или коричневый цвет, на некоторых видны тёмные пятна нагара. В качестве искусственных примесей визуально фиксируются шамот, песок, крупная дресва, мелкие каменные сколы, в некоторых случаях — охра. Толщина черепков варьирует от 0,4 см до 1,15 см. Поверхность шероховатая; с внешней и с внутренней сторон видны многочисленные трещины и отслоения.

По венчикам в коллекции насчитывается не менее 7 сосудов (ил. 2). Все венчики слабо профилированные. Шесть из них имеют округлый срез, один — прямой. Последний украшен наклонными оттисками гладкого штампа (ил. 2 — *7*). У трёх сосудов удалось реконструировать диаметр устья.

Сосуд с диаметром 24 см имеет прямой венчик. В его приустьевой зоне видны два неглубоких округлых накола диаметром 3,0—3,5 мм, сделанные инструментом с притупленным концом (ил. 2 — *3*).

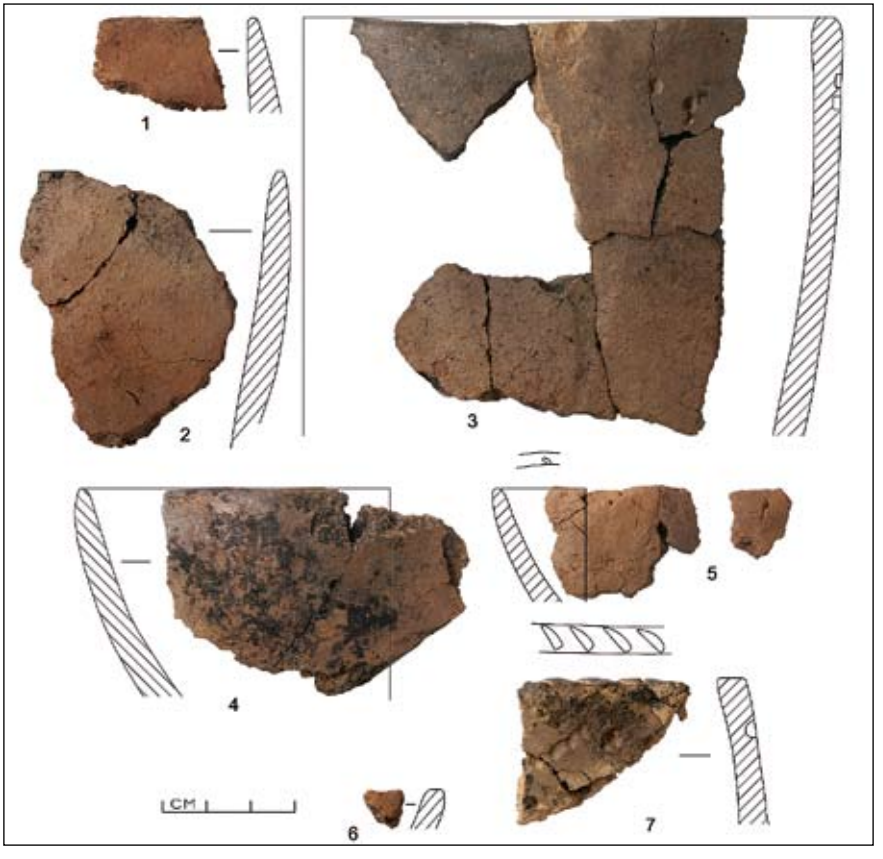
Другой сосуд имеет диаметр 14,0 см (ил. 2 — *4*).

Самый маленький сосуд диаметром 4,0—5,0 см имеет форму чаши, его высота около 3 см; на закруглённом срезе венчика этого сосуда видны отдельные наколы (ил. 2 — *5*).

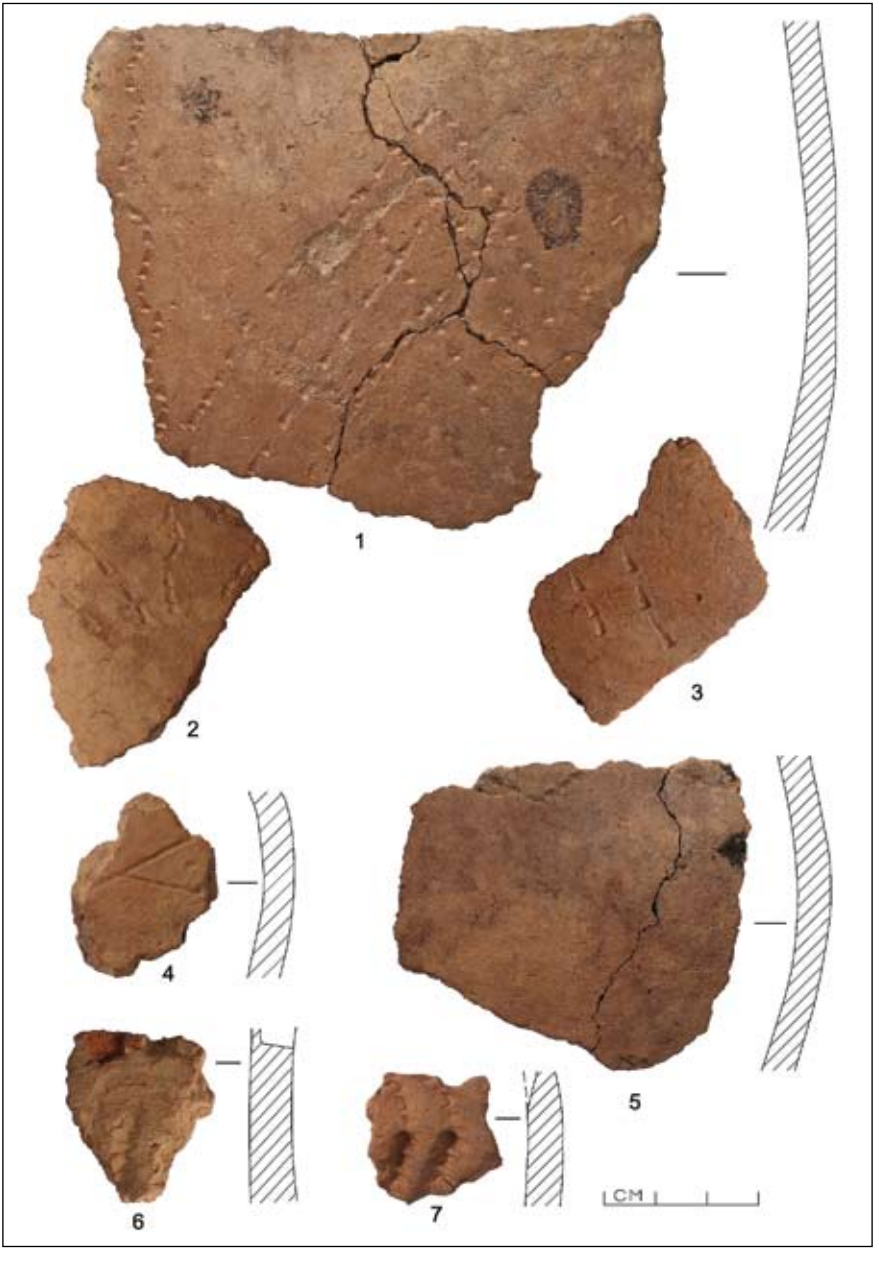
Все остальные фрагменты не удалось сопоставить с каким-либо конкретным венчиком. Большинство из них неорнаментированные, элементы декора присутствуют только на 18 обломках.

На крупных фрагментах одного сосуда из заполнения объекта удалось проследить орнаментальную композицию, выполненную приострённым инструментом в отступающее-накольчатой технике. Композиция состоит из вертикальной волнистой линии и шеврона, выполненного прямыми параллельными линиями по три с каждой стороны и пересекающимися у вершины (ил. 3 — *1–3*).

На остальных орнаментированных черепках видны лишь отдельные элементы декора в виде наколов (ил. 3 — *6*), оттисков крупной «шагающей гребёнки» (ил. 3 — *7*) и отдельных вдавлений массивного гребенчатого штампа (ил. 3 — *6*), отрезков тонких линий, выполненных в отступающе-накольчатой технике (ил. 3 — *5*), и прямых пересекающихся прочерченных линий (ил. 3 — *4*).

Ил. 2. **Селище Нёх-Урий 3.1.** Раскоп 2007 г. Фрагменты керамических сосудов эпохи неолита

Ил. 3. **Селище Нёх-Урий 3.1.** Раскоп 2007 г. Фрагменты керамических сосудов эпохи неолита

В целом можно говорить о культурно-хронологическом единстве керамического материала. По принципу построения орнаментальной композиции (параллельные линии, подтреугольные фигуры, разреженная орнаментация) и технике декорирования он напоминает посуду с других археологических памятников в бассейне р. Аган. Так, подобная керамика была найдена при раскопках селищ Нёх-Урий 1 и Нёх-Урий 3.2 и датирована в пределах IV—III тыс. до н. э.[7]

В пределах среднеобского региона описываемая коллекция ближе всего барсовогорскому типу керамики, для которого характерно устойчивое сочетание трёх технических приёмов украшения сосудов: прочерчивание, отступающе-накольчатая техника и шагание. На основании количественного соотношения данных приёмов, орнаментальных композиций и форм сосудов Ю.П. Чемякиным выделены три хронологические стадии бытования барсовогорской керамики в каменном веке[8]. В нашем случае из-за малочисленности и сильной фрагментации керамики соотнести полученную коллекцию с какой-то конкретной стадией затруднительно[9]. Однако, если принять во внимание полученную радиоуглеродную дату памятника (втор. четв. IV тыс. до н. э.), то с известной осторожностью новые находки можно соотнести с первой стадией «барсовогорского типа памятников», которая датируется средним неолитом (IV тыс. до н. э.).

Коллекция **каменного инвентаря** насчитывает 481 предмет (табл.). Из них 22 находки отнесены к орудийному комплексу: абразивы и обломки абразивов (8 шт.), наковальни (2 шт.), скребок (1 шт.), обломки шлифованных орудий (4 шт.), сколы со шлифованных орудий (2 шт.), нож (1 шт.) и тёсла (4 шт.).

Среди *абразивов* выделяются два наиболее массивных из гранитоидной породы. Один из них имеет размеры 8,2х7,3х2,5 см. Он сделан из гальки и, скорее всего, первоначально служил отбойником или молотом. Об этом свидетельствуют следы забитости на торцевой стороне предмета. В результате такого использования галька раскололась вдоль. Таким образом, сохранилась одна рабочая поверхность абразива (ил. 4 — *1*). Размеры второго крупного абразива составляют 8,5х6,5х4,7 см. Он также сделан из гальки и имеет одну рабочую поверхность, на которой образовался неглубокий кювет (ил. 4 — *2*).

В коллекции присутствуют две *наковальни*. Одна из них сделана из овальной гранитоидной гальки серого цвета. Размеры изделия составляют 6,7х6,3х3,4 см. С двух противоположных сторон видны округлые углубления диаметром 2,5—3,0 см и глубиной 0,25—0,55 см

Таблица

Селище Нёх-Урий 3.1. Раскопки 2007 г.
Сырьевой состав каменного инвентаря

Наименование	Кварц	Сланец	Кремень	Халцедон	Гранитоид	Сердолик	Итого
Колотый кварц	321	-	-	-	-	-	321
Отщепы	5	6	1	-	1	2	15
Сколы	-	12	3	1	9	-	25
Чешуйки	-	1	-	-	-	-	1
Камни без видимых следов обработки или сработанности	22	10	2	1	19	-	54
Камни со сколами или следами шлифования	-	8	-	1	4	-	13
Гальки	22	2	-	-	4	-	28
Расколотые гальки	-	2	-	-	-	-	2
Абразивы и обломки абразивов	-	1	-	-	7	-	8
Наковальни	-	-	-	-	2	-	2
Скребки	1	-	-	-	-	-	1
Обломки шлифованных орудий	-	4	-	-	-	-	4
Сколы со шлифованных орудий	-	2	-	-	-	-	2
Ножи	-	1	-	-	-	-	1
Тесла	-	4	-	-	-	-	4
Итого	371	53	6	3	46	2	**481**

(ил. 4 — *3*). Вторая наковальня также имеет две рабочие поверхности, расположенные практически под прямым углом друг к другу. Глубина кюветов не превышает 0,15 см. Размеры всего изделия составляют 8,6х6,8х5,6 м (ил. 4 — *4*).

Единственный *скребок*, найденный в раскопе, сделан из кварцевого отщепа. Его размеры — 1,6х1,4х0,6 см. Округлое лезвие орудия оформлено крутой ретушью (ил. 5 — *1*).

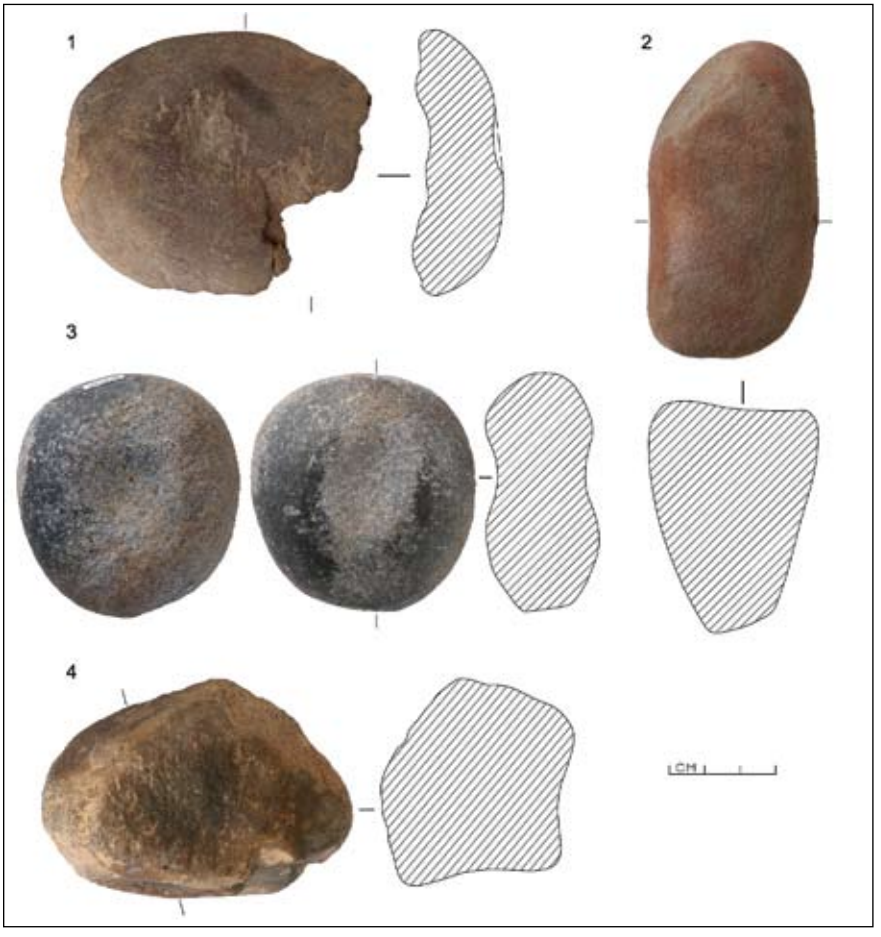
Особое место в коллекции занимает *нож* из серого сланца размерами 10,4х2,8х0,8 см. Оригинальная зашлифованная поверхность ножа сохранилась лишь небольшими фрагментами и покрыта светло-коричневой патиной. Обух ножа прямой, лезвие — дугообразное. В сечении изделие клиновидное (ил. 5 — *2*).

Среди шлифованных орудий в коллекции присутствуют четыре миниатюрных *тесла* из сланцевой породы. Одно из них размерами 3,00х2,23х0,72 см трапециевидной формы, поверхность в нескольких

местах сколота. Лезвие тесла прямое, с одной стороны оформленное неострым ребром. Поверхность орудия тщательно зашлифована (ил. 5 — *3*).

Второе тесло размерами 2,62х2,41х0,59 см изготовлено на сколе со шлифованного орудия. Оно трапециевидной формы с прямым лезвием. В поперечном сечении изделие почти прямоугольное. Со стороны скола орудие лишь слегка подшлифовано по лезвию, а вот противоположная сторона зашлифована полностью. На лезвии имеются следы сработанности, на обухе видны крупные сколы (ил. 5 — *4*).

Третье тесло размерами 3,96х1,09х0,64 см сделано из более крупного расколовшегося шлифованного орудия. Тесло удлиненное, с одной

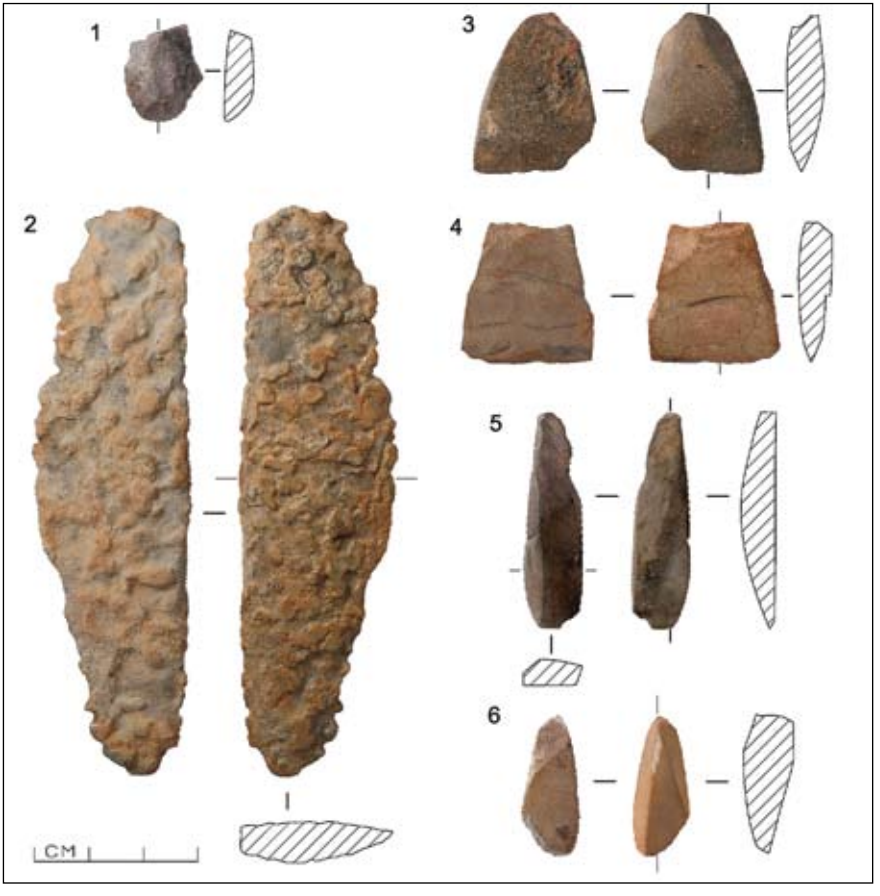

Ил. 4. **Селище Нёх-Урий 3.1.** Раскоп 2007 г. Каменный инвентарь: 1—2 — абразивы; 3—4 — наковальни. 1—4 — *гранитоид*

стороны имеет два чётко выраженных продольных ребра. С расколотой стороны орудие подработано только у лезвия. Лезвие слегка закруглено, частично сколото (ил. 5 — *5*).

Четвёртое тесло сделано на сколе со шлифованного орудия, имеющего как минимум две острые грани. Размеры орудия составляют 2,59x1,03x0,88 см. Сколотая сторона была тщательно зашлифована. Рабочий край скошенный, покрытый многочисленными мелкими сколами, образовавшимися в процессе использования предмета (ил. 5 — *6*).

Статистический анализ каменного инвентаря показал, что преобладающим сырьём при изготовлении орудий, составивших коллекцию, был кварц (табл. 1). При этом находки из этого минерала представлены

Ил. 5. **Селище Нёх-Урий 3.1.** Раскоп 2007 г. Каменный инвентарь: 1 — скребок; 2 — нож; 3—6 — тёсла. 1 — *кварц*; 2—6 — *сланец*

одним скребком, сколами и отходами производства, на которых видны галечные корки, что говорит о местном происхождении сырья и обработке его непосредственно на исследуемом памятнике. Все найденные орудия, за исключением кварцевого скребка, сделаны из сланца или гранитоида. Причем гранитоид был предпочтителен при изготовлении абразивов и наковален, сланец же использовался чаще для шлифованных орудий. Судя по единичности сланцевых отходов, можно сделать вывод, что орудия из этого сырья поступали уже в готовом виде. Близкая ситуация наблюдается и с гранитоидными породами.

Таким образом, в 2007 г. при раскопках аварийного участка селища Нёх-Урий 3.1 исследована часть постройки эпохи неолита. С помощью радиоуглеродного анализа удалось установить наиболее вероятную дату её существования — 3750—3500 гг. до н. э. (втор. четв. IV тыс. до н. э). Обнаруженная керамика позволяет полагать её культурную близость материалам первой стадии «барсовогорского типа».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О программе см.: **А.Н. Кондрашёв, Я.А. Яковлев, А.С. Дозморов.** О долгосрочных программах сохранения объектов археологического наследия, расположенных в зонах хозяйственной деятельности, как одной из форм культуросберегающей деятельности в ХМАО — Югре // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск: Ханты-Мансийск: Изд-во том. ун-та, 2010. — Вып. 8. С. 4—20

[2] **Перевалова Е. В., Карачаров К. Г.** Река Аган и ее обитатели. — Екатеринбург; Нижневартовск, 2006. — С. 46; **Карачаров К.Г.** Отчёт о НИР: Археологическое обследование среднего течения р. Аган в Нижневартовском районе ХМАО в 2001 г. — Нефтеюганск, 2001. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1» (г. Нефтеюганск ХМАО — Югры). — Ф1/089. — С. 35—36, 74—79; **Карачаров К.Г.** Отчёт о НИР: Археологическое обследование среднего и верхнего течения р. Аган в Нижневартовском районе ХМАО в 2002 г. — Нефтеюганск, 2003. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1» (г. Нефтеюганск ХМАО — Югры). — Ф. 1/126. — С. 96—98.

[3] **Носкова Л.В.** Археологические раскопки аварийных участков селища Нёх-Урий 1 и комплекса Нёх-Урий 3 в Нижневартовском районе ХМАО — Югры в 2006 г.: В 4 кн. — Нефтеюганск, 2007. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1» (г. Нефтеюганск ХМАО — Югры). — Ф. 1/206—209.

[4] **Носкова Л.В.** Отчёт о НИР: Археологическое обследование участков Кечимовского, Нонг-Ёганского, Северо-Покачевского и Покачевского месторождений нефти в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО в 2004 г. — Нефтеюганск, 2005. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1» (г. Нефтеюганск ХМАО — Югры). — Ф. 1/169. —С. 44—45. Рис. 57—61.

[5] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 11, 16, 20, 23.

[6] Материал обработан Л.В. Карачаровой.

[7] **Носкова Л.В.** Археологические раскопки аварийных участков... — Кн. 1. — С. 53, 91; Кн. 2. — С. 94. Рис. 129 — *1–2*; Кн. 4. — С. 63. Рис. 375.

[8] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 15—16.

[9] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 116—117. Рис. 10—11; С. 120—121. Рис. 14—15; С. 126. Рис. 20.

Селище Савкинская Речка 1 – памятник эпохи бронзы в низовьях р. Ваха

С.А. Мызников
ООО «НПО «Северная археология – 1»

В июле – августе 2010 г. экспедицией ООО «НПО «Северная археология – 1» проводились спасательные полевые работы на объекте археологического наследия селище Савкинская Речка 1. Общая площадь раскопа составила 408 кв. м.

Селище Савкинская Речка 1 находится в Нижневартовском р-не ХМАО – Югры, в 5,3 км к юго-востоку от пгт. Излучинска, на левобережной коренной террасе р. Ваха, в 15 км к северу – северо-востоку от устья этого крупного водотока и в 0,13 км к востоку от русла его протоки под названием Савкинская речка. Памятник был выявлен в результате обследования земельного участка под строительство на газопроводе «Нижневартовский газоперерабатывающий завод (НГПЗ) – Парабель»[1]. Он находится на краю коренной террасы, обращённой на юго-запад, к протекающей в пойме Савкинской речке. В настоящее время поверхность террасы занята густым молодым сосново-берёзовым лесом, а пойма – густыми зарослями ивы. В месте расположения памятника по линии восток – запад проходят трассы трубопроводов, при строительстве которых коренной берег был частично разрушен. Состояние памятника к началу раскопок оценивалось как аварийное.

Селище состоит из одной впадины в виде заоваленного прямоугольника размерами 4х5 м и глубиной 0,35 м, ориентированной длинной осью с севера – северо-востока на юг – юго-запад. По внешнему контуру она окружена обваловкой шириной до 1 м и высотой 0,3 м. Площадь памятника задернована, занята брусничником в нижнем ярусе и сосной в верхнем. Южный угол объекта был засыпан отвалом от эскарпирования террасы во время строительства газопровода. В южной части западины и на прилегающей территории отмечены следы тяжёлой гусеничной техники.

В процессе раскопок были выявлены остатки углубленной постройки, сопровождавшие её внешние ямы и околожилищное пространство. На верхних уровнях (9,00–8,40 м от условного «0») были зафиксированы

очертания обваловки. Контур котлована постройки определился на уровне 8,10—7,80 м от условного «0». На фоне светло-коричневого материкового песка очертания котлована проявились в виде слоя тёмно-коричневого с угольками песка.

Котлован постройки имел подпрямоугольную форму размерами 6,4—6,9х6,4—6,6 м. С юго-запада, со стороны поймы был обнаружен предполагаемый выход из постройки в виде «выступа» жёлто-коричневого слоя 4,2х1,8 м. Ниже, на уровне 7,70—7,40 м от условного «0» были зафиксированы придонные слои котлована: а) коричневый песок с угольками, б) бурый очажный песок, в) серо-коричневый песок.

Очаг располагался в центральной части постройки и имел аморфные очертания.

В южной части котлована зафиксированы 3 крупные ямы и около десятка мелких «столбовых» ямок.

Наибольшая концентрация находок отмечена в 1,5 м северо-западнее котлована и в придонной части котлована вокруг очага. Всего было обнаружено 339 находок. Подавляющее их большинство — фрагменты глиняных сосудов, в том числе в форме 11 скоплений и 5 развалов сосудов.

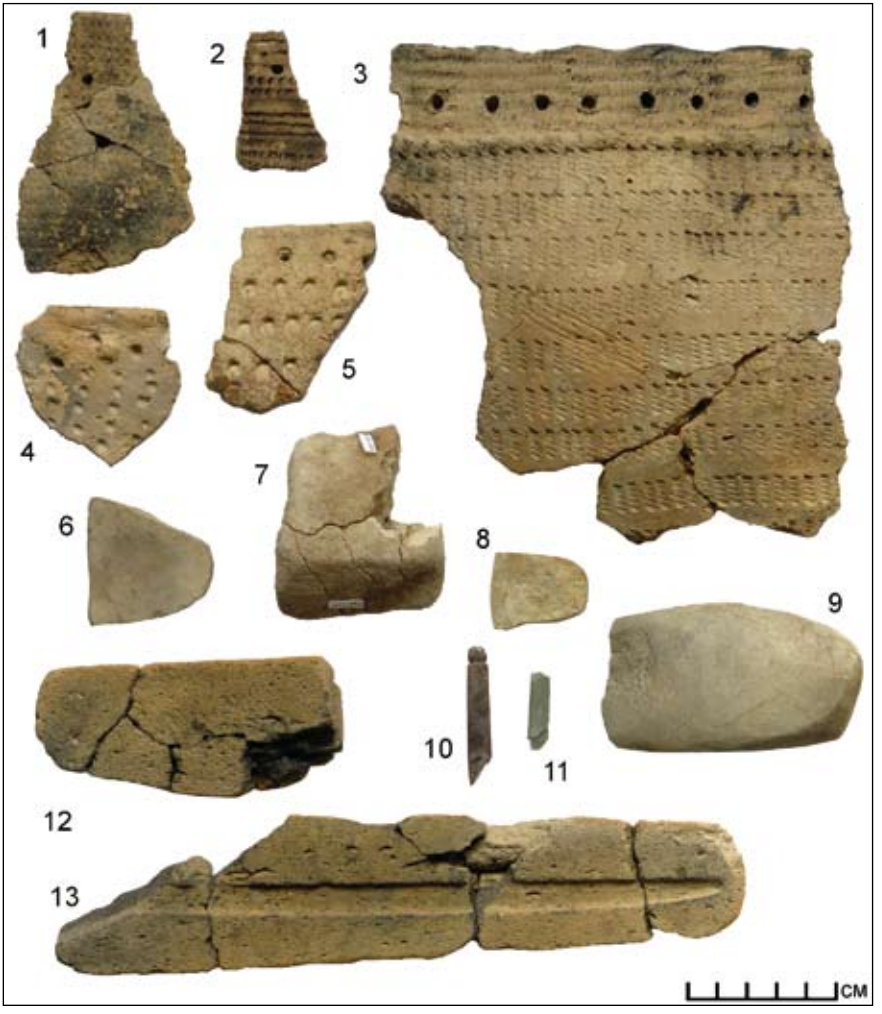
Форма сосудов — чуть прикрытая. В глиняном тесте присутствует примесь шамота и органики. Черепки толщиной 6—9 мм, по большей части серо-коричневого цвета, на изломе тёмные (ил. 1—*1—5*). На некоторых — следы нагара с внешней стороны. Качество обжига большинства сосудов — хорошее и удовлетворительное, но некоторые черепки расслаиваются. Венчики почти прямые. Их срез, как правило, декорирован оттисками широкого штампа. Верхний ярус орнаментального поля занимают вдавления наклонно поставленного штампа. Преобладают такие элементы, как отпечатки гребенчатого штампа, ямки, жемчужины, глубокие вдавления края лопаточки, подковообразные оттиски костяного штампа. На одном из сосудов венчик отделён от тулова карнизиком (ил. 1—*3*).

Также в заполнении котлована жилища были найдены фрагменты двух литейных форм. Одна из них оказалась представленной створками формы для отливки, предположительно, наконечника (или ножа?) с параметрами 19,5(?)х1,0х0,2 см. Литейная форма обнаружена между северо-восточной стенкой котлована постройки и очагом, она была фрагментирована корнями деревьев. Нижняя створка размерами 22,4х4,9х3,0 см почти полностью реставрирована (ил. 1—*13*). Верхняя створка сохранилась хуже (ил. 1—*12*). Сохранность ещё одной литейной формы плохая, она рассыпается.

При раскопках было найдено 36 каменных артефактов.

Отшлифованный топор подпрямоугольной формы, размерами 8,4х5,1х2,4 см из серо-зелёного плотного камня (ил. 1—*9*). На его поверхности имеются повреждения в виде сколов.

Тесло трапециевидной формы размерами 3,3х2,6х0,7 см из плотной серо-белой известняковой породы (ил. 1—*8*). В профиле оно скошено. Поверхность, за исключением одной плоскости, тщательно отшлифована.

Ил. 1. **Селище Савкинская Речка 1.** Находки. 1—5 — фрагменты сосудов; 6 — шлифовальник; 7 — фрагмент «утюжка»(?); 8 — тесло; 9 — топор; 10—11 — стержни; 12—13 — фрагменты литейной формы. 1—5, 12—13 — *керамика*; 6—11 — *камень*

Стержни. Два экземпляра, оба — в обломках. Первый: сохранившиеся размеры — 45х8х8 мм, материал — тёмно-красный камень, состояние — излом с одного края и сохранившаяся «шишечка» — с другого (ил. 1—*10*). Второй: сохранившиеся размеры — 22х7х5 мм, материал — зелёный камень, состояние — обломано с обоих концов; на одной из граней имеются царапины в виде знак «Р» (ил. 1—*11*).

Шлифовальные камни. Два экземпляра. Один — крупный, подпрямоугольной формы, размером 18,2х6,9х5,2 см, изготовлен из серого плотного камня. Второй — небольшой, размерами 4,4х4,3х0,5 см, изготовлен из каменной плитки трапециевидной формы (ил. 1—*6*), на одной стороне имеется округлое еле заметное углубление примерно 2,3 см в диаметре, образовавшееся в результате использования.

Обломки двух камней. Несут следы сильного нагрева, под воздействием которого они, по-видимому, и раскололись. Один из них — серого цвета, аморфных очертаний, размер восстановленной части 8,1х5,3х6,1 см. Второй — серо-коричневого цвета, близок призме, размерами 6,3х5,1х3,2 см, в сечении напоминает трапецию. Одна из сторон камня — плоская, со следами затёртости (ил. 1—*7*). Последняя находка, возможно, имеет отношение к «утюжкам».

Кости животных. При промывке очажного слоя было найдено 8381 ед. кальцинированных костей животных. Подавляющее их большинство (8352 ед.) принадлежат рыбам, в том числе: щуке — 1055 ед., карповым — 57 ед., налиму — 44 ед. Остальные 7196 ед. костей не определены до вида. Незначительное количество костей принадлежало млекопитающим — 27 ед., в том числе: соболю — 15 ед., собаке — 1 ед. Не определены до вида — 11 ед. В остеологическую коллекцию также вошли 2 кости утки.

В результате спасательных археологических работ селище Савкинская Речка 1, датируемое бронзовым веком, было раскопано полностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Чибиряк В. Э.** Отчёт о НИР: Историко-культурные изыскания (натурное обследование) на земельных участках, испрашиваемых под объект «Газопровод «НГПЗ — Парабель»: переизоляция с заменой дефектных участков (34—39 км, основная, резервная нитки) в Нижневартовском районе ХМАО — Югры, проведённое в 2008 г. — Нефтеюганск, 2008. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1», № 320-НО.

Аварийно-спасательные раскопки поселения Кедровая 2 на Приобском месторождении в ХМАО – Югре в 2010 г.

И.С. Чарусова, М.Ю. Баранов
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»

В 2010 г. в правобережной части Приобского месторождения нефти в Ханты-Мансийском р-не ХМАО – Югры проведены научно-исследовательские работы по изучению поселения Кедровая 2. Памятник расположен на мысу левого берега р. Кедровой – правого притока обской протоки Лабытвор, на пересечении реки коридором коммуникаций. Общая площадь раскопа составила 1120 кв. м.

На оконечности мыса располагалось городище Кедровая 3 (форма – треугольная, ориентация – запад – восток, размерами – свыше 30х20 м, площадь – до 600 кв. м). Площадка городища, значительно размытая паводками, отделялась от напольной части рвом шириной до 2,5 м и глубиной до 0,5 м. Слабо прослеживались сильно оплывшие внутренний и внешний валы (ил. 1). На поверхности центральной площадки рельефно выражались котлованы археологизированных построек, обваловки и ямы не прослеживались. Аварийными раскопками 2009 г. городище было полностью исследовано. Полученный при этом материал относится к кулайской культуре раннего железного века (IV–III вв. до н. э. – III в.)[1].

К востоку от городища располагалось поселение Кедровая 2. Изучены остатки пяти разновременных поселенческих построек различных форм и размеров (ил. 1).

На краю коренной террасы находились две смыкавшиеся впадины объектов 1 и 2, имевшие общую обваловку. Общий размер этих объектов достигал 16,0х7,5 м. Оплывшие котлованы располагались в одну линию. С восточной стороны вдоль внешнего контура обваловок располагались две крупные вытянутые внешние ямы (ил. 1).

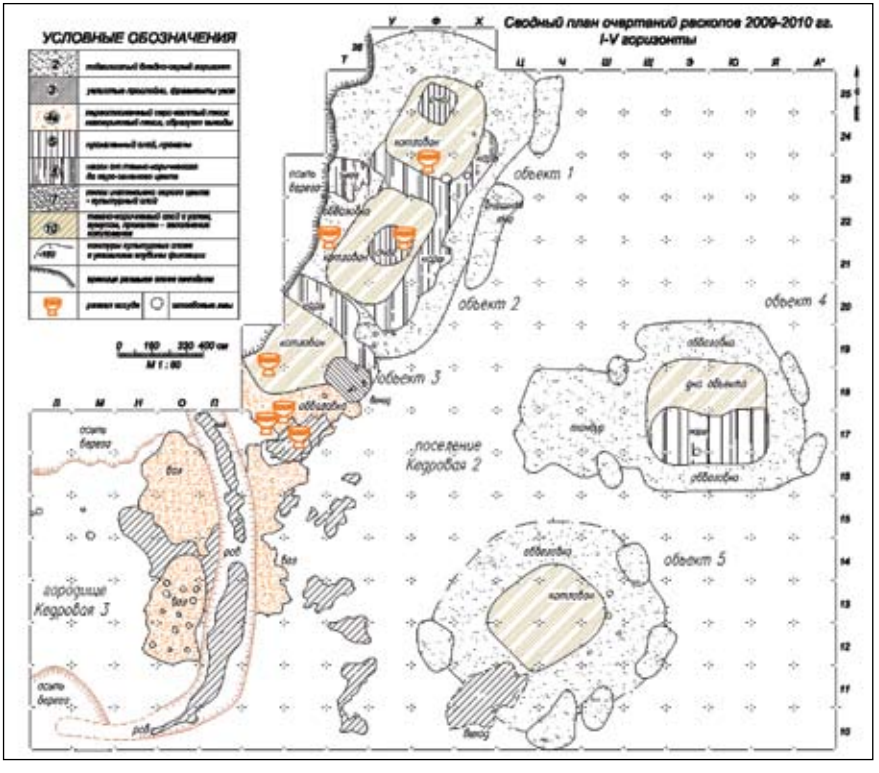
При раскопках выявлено, что котлованы объектов 1 и 2 были ориентированы по линии северо-восток – юго-запад, имели ровное дно и открытый очаг в центре. Размеры первого составляли 4,9х4,3 м, второго – 5,8х3,7 м. В обоих вдоль длинных восточных стен под

обваловкой были прослежены нары. Между котлованами указанных объектов располагался крытый переход и общий углубленный выход, направленный к западу (ил. 1).

С юго-западной стороны к обваловке объекта 2 примыкал объект 3. При раскопках выяснилось, что его котлован достигал параметров 3,6х3,5 м и глубины 0,2 м, был ориентирован по линии северо-запад — юго-восток, имел ровное дно и открытый очаг в центре. В его северной части фиксировались нары, в южной прослежен вход длиной до 1,8 м (ил. 1).

Представляется, что объекты 1—3 имели наклонные стены, что восстанавливается по расположению и разрезам столбовых ям. Возможно, они были собраны из мелких жердин на каркасе из несущих столбов, наклонных к центру постройки.

Исследованные постройки 1—3 имеют аналогии с сооружениями кулайского времени первой группы, которые характеризуются неглубоким

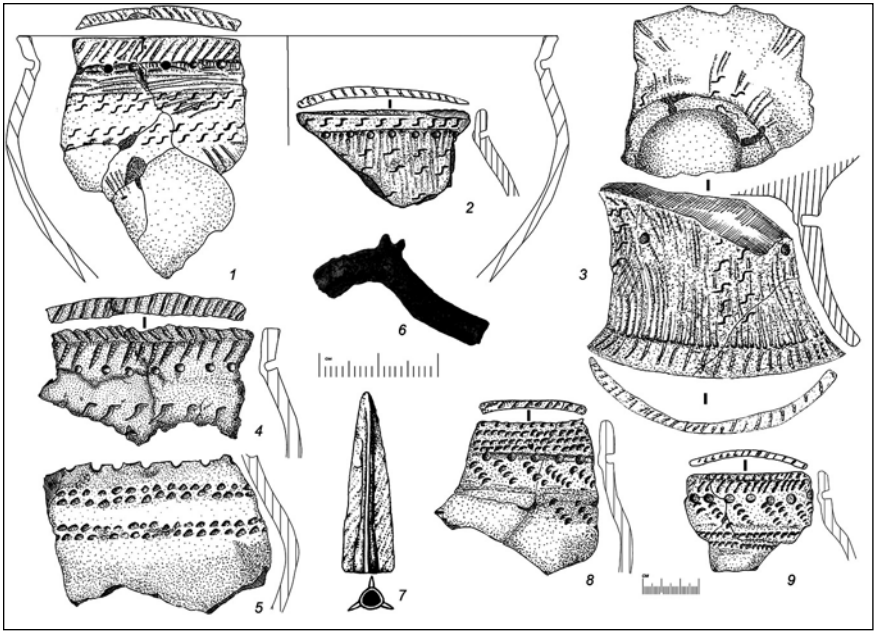
Ил. 1. **Поселение Кедровая 2.** Сводный план раскопов 2009—2010 гг.

(до 0,4 м) прямоугольным котлованом небольшой площади (ок. 20 кв. м) с очагом в центре, нарами вдоль стен и коридорообразным выходом (длина до 2,5 м)[2].

В комплексах указанных объектов выявлены материалы раннего этапа кулайской культуры (III в. до н. э. — I в.) (ил. 2—*1—3, 6, 7*). Вместе с тем орнамент некоторых сосудов имеет аналогии с поздними белоярскими комплексами (ил. 2—*4, 5*)[3]. Стратиграфические наблюдения также дают основания говорить об одновременности объектов 1—3.

Из объекта 3 получена радиоуглеродная дата (2100±150BP — SPb_336)[4], которая вполне согласуется с предложенной периодизацией.

Также исследованы остатки крупной наземной (не углубленной в грунт) постройки 4: размер с обваловкой — 8,0х7,0 м, размер центральной части — 3,6х3,5 м (ил. 1). Предположительно, вдоль южной длинной стены этого сооружения существовали нары. Источник отопле-

Ил. 2. **Поселение Кедровая 2.** Находки. Керамика кулайской культуры, I стадия: III—I вв. до н. э. (*1 — объект 1; 2, 3 — объект 3*); керамика кулайской культуры с чертами позднего этапа белоярской культуры (*4 — объект 2; 5 — объект 3*); зооморфное литье (*6 — объект 3*); бронзовый наконечник стрелы (*7 — объект 3*); керамика кучиминской культуры: кон. VII — нач. X вв. (*8, 9 — объект 5*)

ния не прослежен. С запада располагался привходовый тамбур. Вдоль коротких стен отмечены внешние ямы от выборки грунта при сооружении постройки. Каких-либо элементов конструкций не выявлено. На основании находки лезвия железного ножа время функционирования постройки возможно отнести к периоду позднего Средневековья.

В южной части раскопа располагалась впадина 5 с углубленным прямоугольным котлованом (размер — 3,4х3,4 м, глубина — до 0,3 м), окружённым обваловкой (ширина — до 3 м, высота — 0,2 м) и внешними ямами (ил. 1). Конструкция этого объекта не прослежена. В короткой юго-западной стене обнаружены остатки входа в сооружение. Отопительная система не выявлена. На дне объекта собрана керамика кучиминской культуры (кон. VII — нач. X вв.) (ил. 2—*8, 9*), хронология которой не противоречит полученной радиоуглеродной дате (1070±100ВР — SPb_342).

В прибрежной части памятника выявлены скопления керамики карымской культуры раннего Средневековья (IV — нач. VI в.). Они могут документировать эпизодические появления людей на раскопанной территории.

Таким образом, на левом берегу р. Кедровой оба объекта культурного наследия, попадавшие в створ проектируемой трассы (городище Кедровая 3, объекты поселения Кедровая 2), были исследованы. Ограничений при проведении строительства на исследованном участке в пределах отводимого коридора нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Баранов М.Ю.** Отчёт о НИР: Аварийные археологические раскопки городища Кедровая 3 в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры Тюменской области в 2009 г. — Нефтеюганск, 2010. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1» (г. Нефтеюганск ХМАО — Югры). — Ф. 327 (науч.).

[2] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья: Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 81—82.

[3] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора... — С. 81—82.

[4] Радиоуглеродное датирование выполнено в Изотопном центре кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Работы на селище Сартым-Урий 16 в окрестностях с. Угута Сургутского района ХМАО – Югры

Ю.П. Чемякин
г. Екатеринбург
Уральский государственный педагогический университет

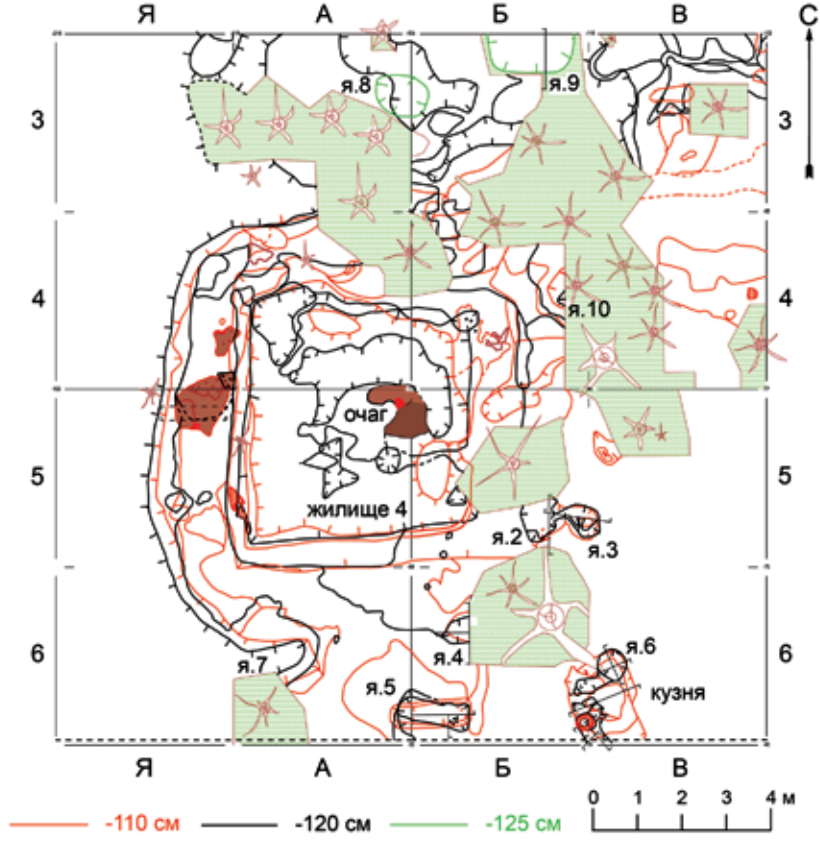
Летом 2010 г. Угутской археологической экспедицией Уральского государственного педагогического университета были продолжены охранные работы на селище Сартым-Урий 16 в районе с. Угута Сургутского р-на ХМАО – Югры. Памятник занимает относительно ровную площадку невысокого (не более 3 м) коренного берега одноименной старицы в правобережье р. Большого Югана. Его поверхность густо поросла багульником и брусничником, в древостое ель, пихта, сосна, реже берёза. По самой кромке берега проходит лесная тропа. Поселение, на котором к 2010 г. было выявлено 16 объектов, вытянуто вдоль береговой террасы с севера на юг на 100 м. Все объекты представляют собой впадины различных размеров и глубины, нередко окружённые обваловками и расположенные в два ряда. В четырёх впадинах находились реперы четырёх профилей под проектируемые нитки газопровода, строительство которого должно было начаться уже в 2007 г. Осенью 2010 г. на этой площади строителями был вырублен лес.

Раскопом 4 была накрыта впадина 4 на самом краю берега и межжилищное пространство к востоку от неё. В ходе работ выяснилось, что небольшое углубление, воспринятое как след от выворотня, осталось от древней кузницы. На месте ещё одного углубления, почти не читавшегося в рельефе, зафиксированы остатки наземной постройки (?). Таким образом, число выявленных объектов на памятнике достигло 18, а с учётом двуслойности некоторых из раскопанных – 21.

Объект 4 представлял собой подквадратную впадину с обваловкой общим размером 9,4х9,5 м. Размер собственно впадины 6,0х6,4 м, глубина 0,15–0,25 м от уровня окружающей поверхности. Высота обваловки до 0,30 м. В её восточной части фиксировался разрыв шириной 0,8 м. С южной стороны к обваловке примыкали три овальных углубления размерами 0,8х1,5; 1,2х1,3; 1,2х2,2 м и глубиной, соответственно,

0,10–0,15; 0,10–0,20; 0,20–0,30 м. Напротив юго-восточного угла наблюдалась овальная яма размерами 2,4х3,1 м, глубиной до 0,3 м, рядом с которой зафиксирован холмик. Она напоминала яму от упавшего дерева (выворотня). Северо-западный и северо-восточный углы обваловки частично повреждены поздними выворотнями, аналогичные разрушения фиксировались и в самой впадине, особенно в его северной половине.

Впадина осталась от подквадратного жилища. Его размер по предполагаемой линии стен составлял 6,6х6,8 м, чуть более длинной осью оно было ориентировано по линии север – юг (ил. 1–4). Центральная часть постройки была слегка (на 5–10 см) углублена, котлован имел

Ил. 1. **Селище Сартым-Урий 16.** Жилище 4 и кузница на глубинах –110, –120 и –125 см. План

Ил. 2. **Селище Сартым-Урий 16.** Жилище 4 на глубине –110 см. Общий вид. Сн. с юго-запада

Ил. 3. **Селище Сартым-Урий 16.** Жилище 4 на глубине –110 см. Выход. Сн. с севера–северо-востока

подтрапециевидную форму размерами 5,0х4,8–5,7 м (ил. 6). Его северо-восточный угол был углублен больше, чем остальная часть, и в этом понижении обнаружено скопление керамики. В центре котлована

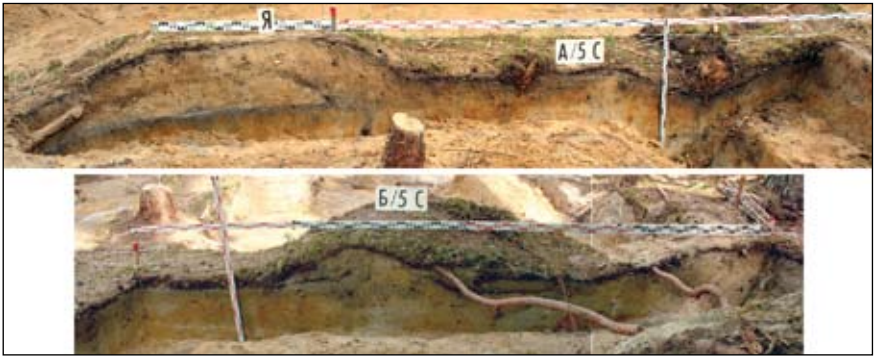

Ил. 4. Селище Сартым-Урий 16. Жилище 4 на глубине –120 см. Общий вид. Сн. с юго-запада

Ил. 5. Селище Сартым-Урий 16. Жилище 4. Разрез через выход из постройки на глубине –110 см (углубление 2). Сн. с востока

находился очаг, имевший, скорее всего, подпрямоугольную форму (он сильно повреждён выворотнями). Под линзой очажного слоя выявлены два углубления, заполненные этим же слоем. В основании слоя найдены два крупных камня, а в самом слое — фрагменты керамики и кальцинированные косточки животных. На неуглубленной части, видимо, находились нары и какие-то зоны хозяйственной деятельности. Об этом свидетельствует большое количество карымской керамики, найденной здесь, камни, а также линза очажного слоя у западной границы постройки (ещё один очаг?). Причём эта линза лежала не на погребённой почве, а на своеобразной песчаной подушке. В ней также найдены фрагменты керамики и кальцинированные кости. Рядом с

Ил. 6. Селище Сартым-Урий 16. Жилище 4. Западный профиль. Сн. с востока

Ил. 7. Селище Сартым-Урий 16. Жилище 4. Кузница. Разрез горна. Сн. с юго-востока

южной стеной найден небольшой железный нож (ил. 13—*1*). С внешней стороны жилище было присыпано песком, образовавшим впоследствии обваловку. Выход находился в юго-восточном углу котлована, с противоположной берегу стороны. На уровне пола он фиксировался как небольшой коридор шириной около 1,1 и длиной 0,7 м, но ниже превратился в овальное углубление размерами 0,74х1,0 и глубиной от 0,15—0,23 м со стороны жилища до 0,48 м с другой, то есть углубление понижалось в сторону, противоположную жилищу (ил. 5). На верхних горизонтах коридор-углубление соединялся с внешней подтреугольной ямой размерами 0,6х0,78 м и глубиной 0,45 м от уровня погребенной почвы (ил. 4), у восточного края которой на дне найден раздавленный карымский сосуд (ил. 12—*5*). Недалеко от этой ямы найден обломок железного наконечника стрелы типа срезня (ил. 13—*3*).

Кроме указанной, за пределами жилища обнаружено ещё несколько ям, в том числе содержавших карымскую керамику. Одна из них, имевшая в плане полукруг размерами 0,40х0,95 м, находилась в 0,5 м от северо-восточного угла жилища (из-за деревьев вскрыта частично). Глубина её — 0,48—0,53 см от уровня погребённой поверхности. Кроме керамики, в ней найдена ножка глиняного предмета, предположительно тигля (ил. 13—*7*).

Другая яма, также уходившая в корни сосны, располагалась в 2,6 м севернее постройки. Она имела овальную форму диаметрами примерно 0,8 и 1,2—1,4 м, глубину 0,5—0,6 м от уровня древней поверхности,

В 1,5 м к востоку — северо-востоку от неё из-за деревьев была вскрыта (также частично) яма протяжённостью более 1,4 и глубиной 0,54 м.

С юга почти примыкала к жилищу ещё одна яма шириной 0,9 и глубиной 0,60—65 м, она тоже была вскрыта лишь наполовину.

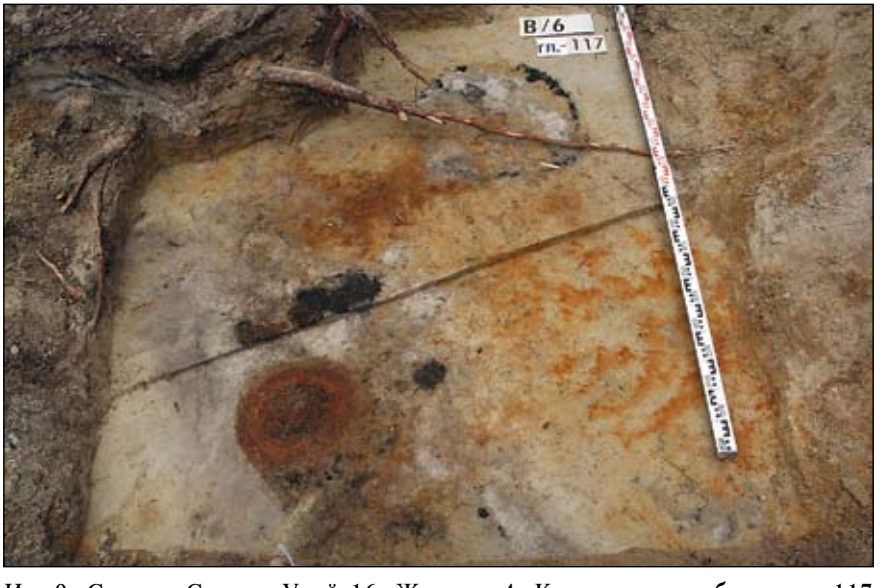
В 1,3 м южнее жилища (в 3 м южнее юго-восточного угла) находилась яма подпрямоугольной формы с закруглёнными с западной стороны углами, вытянутая по линии запад — восток. Её размеры 0,6х1,8 м, глубина — 0,4—0,5 м. На её краю была найдена капля бронзы, а в заполнении — обломки керамики.

Наконец, ещё одна частично вскрытая яма примыкала к обваловке археологизированой постройки напротив юго-западного угла. Её протяжённость — более 1,3 м, глубина от уровня древней поверхности — около 0,85 м, В заполнении обнаружена керамика.

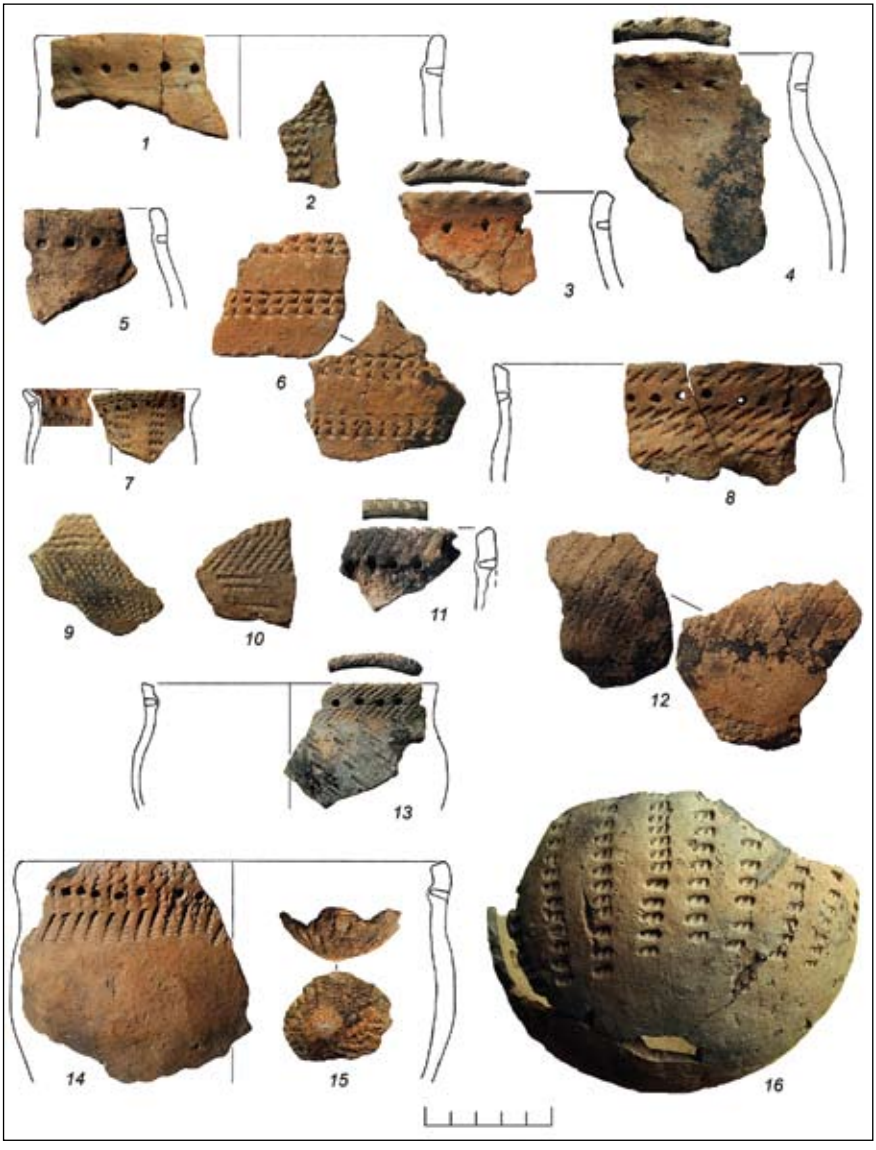
Яма в 3,2 м к юго-востоку от жилища, первоначально воспринятая как след выворотня, оказалась кузницей (постройка 17). Она пред-

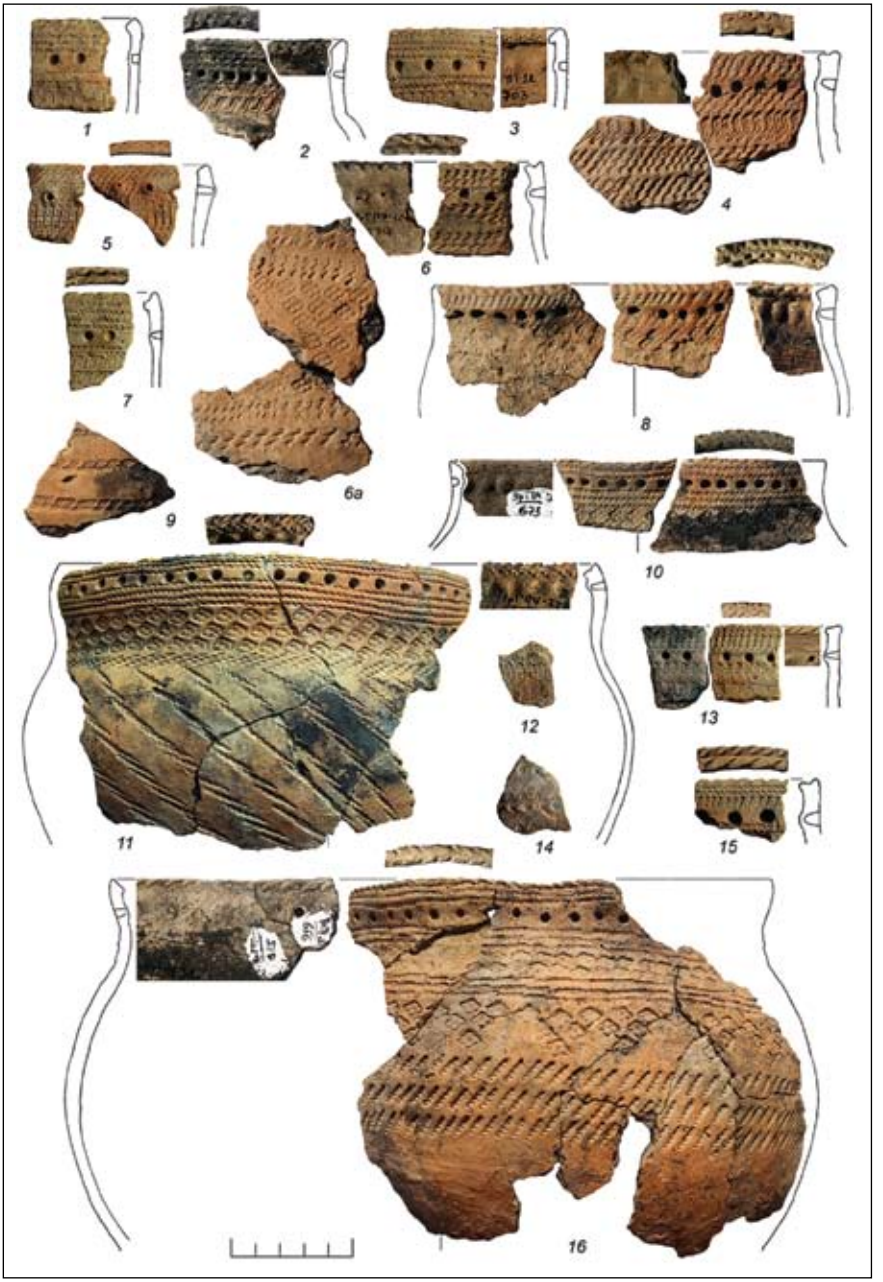
Ил. 8. Селище Сартым-Урий 16. Жилище 4. Кузница на глубине −110 см. Сн. с юга

Ил. 9. Селище Сартым-Урий 16. Жилище 4. Кузница на глубине от −117 до −120 см. Сн. с юга

Ил. 10. **Селище Сартым-Урий 16.** Карымская керамика с гребенчатым и мелкоструйчатым орнаментом (2, 4, 6—16) и без него (1, 3—5)

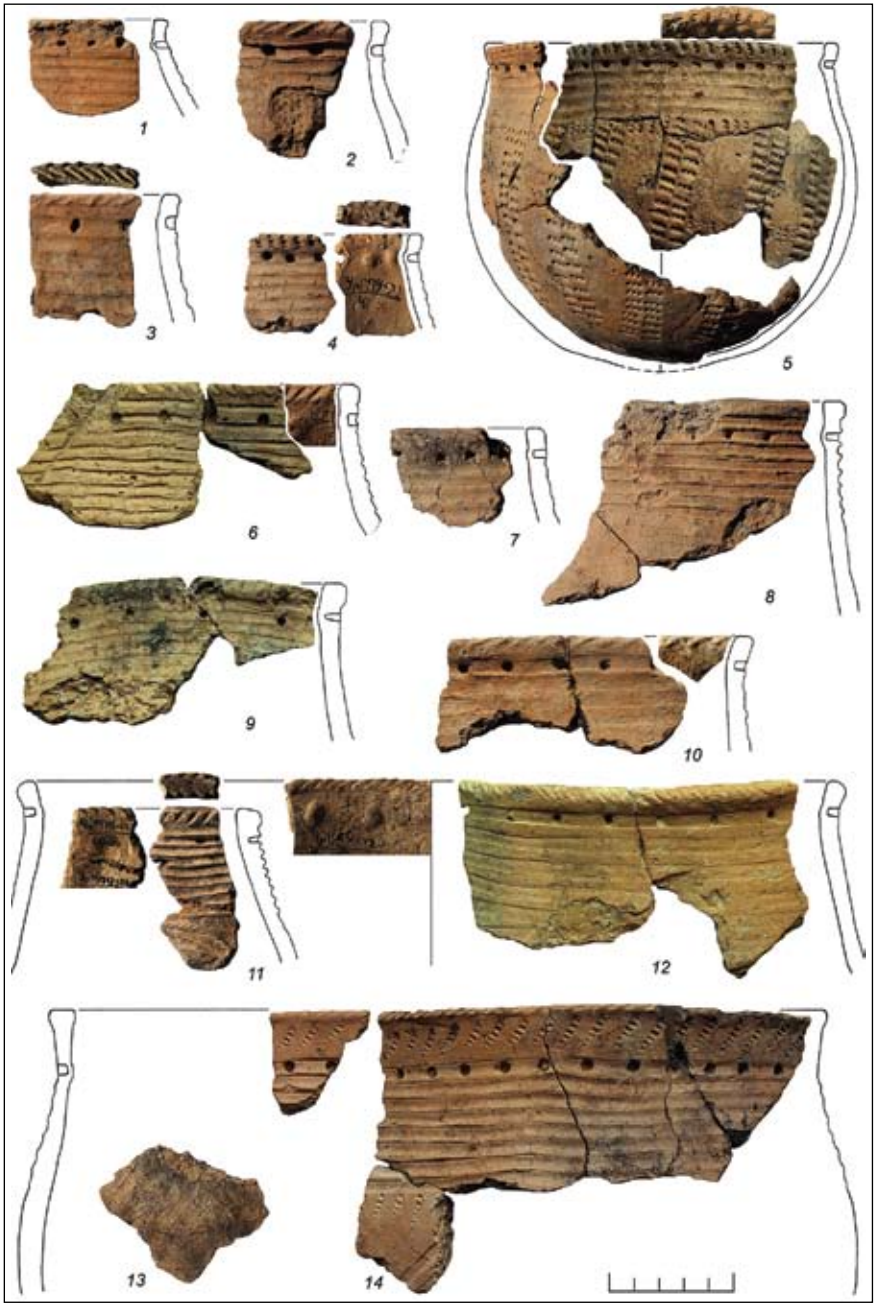
Ил. 11. **Селище Сартым-Урий 16.** Карымская керамика с фигурно-штампованным орнаментом: с оттисками глазчатых ромбов (6, 8, 10, 11, 16), с оттисками рамчатых штампов (1–5, 7, 9, 12–15)

ставляла собой слабо углубленную (не более чем на 0,15—0,17 м) прямоугольную постройку размерами 1,45х2,1 м, ориентированную по линии север—северо-запад — юг—юго-восток (ил. 8). С трёх сторон, кроме западной, она была оконтурена серо-жёлтым песком. В юго-западном секторе постройки у западной стены находился горн, остатки которого представляли собой яму диаметром 0,40 м и глубиной 0,15 м, заполненную прокаленным суглинком (ил. 7). Рядом с горном, ближе к центру объекта выявлена ямка от столба. Пол постройки имел легкий наклон к западной стене. В северо-восточном углу кузницы открыта яма диаметром 0,70 м и глубиной 0,16 м, заполненная в придонной части древесным углем (ил. 9). В ней найдена карымская керамика и шлаки. Обломки глиняной посуды, камни, обломок железного изделия, окалина и шлаки обнаружены и на полу кузницы. Уголь из ямы был взят на радиоуглеродный анализ. Судя по тому, что горн, а также яма с углем находились вплотную к стенам котлована, надо полагать, что стены наземной части постройки были на некотором удалении от стен углубленной части. Однако ни в плане, ни в профилях это не фиксировалось. Судя по косвенным признакам, деревянные стены находились всё же недалеко от границ котлована — в 10—20 см.

Керамический материал, найденный в жилище 4 и кузнице, позволяет отнести эти объекты к карымскому этапу обь-иртышской культурно-исторической общности. Интересно, что кузница, открытая на селище Сартым—Урий 16, — третья из открытых в комплексе карымских древностей на протоке Сартым-урий. То есть на каждом из исследованных памятников выявлено по одной металлообрабатывающей мастерской, причём все они конструктивно своеобразны.

Скопление карымской керамики обнаружено также в межжилищном пространстве у южной границы раскопа, между постройками 4 и 5 (раскопанной в 2008 г.), в яме подтрапециевидной формы размерами 0,60х0,95 м и глубиной 0,25—0,30 м, а также вокруг неё. В верхней части этой ямы обнаружен каменный абразив. Недалеко были найдены железные шило (ил. 13—*2*) и обломок какого-то предмета.

Рядом с этой ямой выявлена ещё одна, уходившая за пределы раскопа. Её ширина составляла около 1,0 м, глубина — 0,5—0,6 м. На уровне позднего заплыва в неё, на древней поверхности расчищен слой плохо обожжённой расслоившейся и раскрошившейся керамики, которую не удалось взять. Судя по некоторым фрагментам, она относилась к вожпайскому культурному типу. Таким образом, яма должна датироваться карымским временем.

Ил. 12. **Селище Сартым-Урий 16.** Карымская керамика с валиково-желобчатым орнаментом

У северной границы раскопа при выводе участков на один горизонт было зафиксировано легкое понижение в рельефе, воспринимавшееся как естественное. В 10—15 см от поверхности на его месте наблюдалось серо-жёлтое пятно подпрямоугольной формы, более светлое в середине. Размер его в пределах участка составлял 1,5х2,2 м, с его западной стороны фиксировались следы выворотней, разрушивших границу объекта; с северной стороны он уходил за пределы раскопа. Вокруг объекта материк представлял собой серо-жёлтый пестроцвет, сменявшийся ярко-жёлтым песком; внутри него по периметру выделялась более тёмная полоса шириной от 20 до 40 см. Ближе к юго-восточному углу объекта наблюдалось овально-подтреугольное пятно кирпичного цвета размерами 54х64 см — яма, которая через 5 см приобрела прямоугольную форму и сократилась в размерах до 17х24 см. Глубина её от уровня первой фиксации составляла 11 см. Следов самого объекта на этом уровне не наблюдалось. Не исключено, что это была практически наземная постройка. В северном профиле участка на месте понижения поверхности под подзолом фиксировался светлый коричнево-жёлтый слой, сменявшийся светлым серо-жёлтым

Ил. 13. **Селище Сартым-Урий 16.** Вещи и отходы металлопроизводства: 1 — нож; 2 — шило; 3 — наконечник стрелы; 4—6 — *шлаки.* 7 — обломок ножки от рюмковидного тигля (?); 8 — фрагмент; 1—3 — *железо;* 7, 8 — *керамика*

Ил. 14. **Селище Сартым-Урий 16.** Вожпайская керамика

(жёлто-серым) слоем с нечёткой нижней границей. С восточной стороны наблюдался небольшой уступ — котлован (?) глубиной до 15 см; с западной, как уже отмечалось, были выворотни. Объект получил номер 18, однако окончательно выяснить характер его происхождения можно будет лишь с расширением раскопа к северу.

Южнее и западнее вокруг объекта найдены несколько фрагментов керамики, в том числе вожпайского облика. Не исключено, что в этом месте были выявлены остатки практически наземной вожпайской постройки.

Основу коллекции из раскопок 2010 г. составляет керамика. Её можно разделить на две хронологические группы.

Одну составляют преимущественно горшковидные круглодонные сосуды, найденные в жилище 4, кузнице и окружавших их ямах (не менее 35—40 экз.). Различаются горшки с прямой, отогнутой наружу и дугообразно выгнутой шейками, у больших ёмкостей шейки нередко имеют наклон внутрь. Венчики их — скошенные внутрь или приостренные, у крупных сосудов с желобчатым орнаментом или неорнаментированные — преимущественно плоские. Стенки ёмкостей хорошо обработаны, заглажены либо мягким предметом, либо щепой. Орнамент, как правило, покрывает верхнюю треть или половину поверхности сосудов, редко спускаясь ниже. В верхней части нанесён разделительный поясок из ямочных вдавлений или, редко, жемчужин. По орнаментации выделяются несколько групп посуды:

— украшенные гребенчатыми или мелкоструйчатыми оттисками штампов (последние нередко наносились косо поставленным гребенчатым же штампом);

— фигурными штампами (в виде птички, змейки, рамчатыми, а также ромбическими с жемчужинами или с «глазками» внутри);

— с валиково-желобчатыми узорами;

— без орнамента.

Первые две группы близки по форме, сравнительно небольшие по размерам (диаметр 10—25 см, редко больше). В них наблюдается разнообразие форм шейки, преобладают приострённые и скошенные внутрь венчики, иногда украшенные изнутри косыми насечками или оттисками гребёнки. В глине горшков с гребенчатым и фигурно-штампованным орнаментом обычна примесь шамота. Бульшая часть сосудов украшена рядами горизонтальных поясков разнонаклонных оттисков гребенчатого или мелкоструйчатого штампов, а также штампов в виде птички, змейки или рамчатого (ил. 10, 11—*1–5, 7–9, 12–15*). Штампы отличались величиной и количеством зубцов.

Несколько ёмкостей украшены оттисками ромбических штампов (с жемчужинами внутри), сочетавшихся с гребенчатыми или мелкоструйчатыми (ил. 11 — *6, 8, 10, 11, 16*). Ромбы образовывали широкие сплошные полосы или ряды треугольников, обращённых вершинами вниз.

Сосуды, декорированные желобками (иногда в сочетании с оттисками гребенчатого штампа — ил. 12), составляли около трети коллекции. Они отличались крупными размерами (диаметр более 30 см), плоским венчиком, нередко украшенным с обеих сторон косыми насечками. Шейки этих ёмкостей часто были наклонены вовнутрь. Желобками выполнялись преимущественно широкие горизонтальные полосы на шейке и плечиках. Только на одном черепке сохранился фрагмент дуговидного (арочного?) узора, выполненного рубчатым валиком (ил. 12—*11*). Минимум четыре сосуда — без орнамента, с пояском ямок под венчиком (ил. 10—*1, 3—5*). В тесте двух последних групп в качестве примесей преобладает дресва.

Такие горшки по своей форме и орнаментации типичны для карымского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности[1].

В карымском жилище и рядом с ним найдены обломок ножки от рюмковидного тигля (?) (ил. 13—*7*), железные небольшой однолезвийный нож (ил. 13—*1*), шило (ил. 13—*2*), наконечник стрелы (ил. 13—*3*) и обломки каких-то изделий. В кузнице и в жилище 4 собрано немало шлаков (ил. 13—*4—6*). Кроме того, обнаружены крупные каменные предметы — наковаленки, шлифовальники, абразивы из булыжников. В очаге и в линзе очажного слоя в обваловке с западной стороны жилища 4 собраны кальцинированные кости животных, среди которых присутствуют образцы костей крупных млекопитающих (определён северный олень), соболя, белки, а также птицы и щуки[2].

Другая, малочисленная группа представлена обломками двух горшковидных сосудов с выделенной шейкой, найденных у северной границы раскопа 4 (возможно, угол наземной постройки 18?) и в верхних слоях межжилищного пространства в центре раскопа. Венчик одного из них округлый, неорнаментированный. Стенки ёмкостей заглажены, в одном случае плохо обожжены и частично выкрошены. В глине примесь шамота.

Орнамент покрывает верхнюю треть или половину поверхности. Горизонтальные линии разделяют орнаментальные полосы. Декор делится на зоны — ряды вертикальных и наклонных оттисков штампа под венчиком; линия глубоких наколов на шейке; полосы с мотивами

взаимопроникающих треугольников, горизонтальные ряды отступающих оттисков штампа на плечиках и в верхней части тулова (ил. 14). Подобная посуда характерна для вожпайских древностей начала кинтусовского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности [3].

Таким образом, на памятнике были изучены остатки трёх древних объектов, связанных с двумя хронологическими горизонтами. Один горизонт относится к карымскому этапу обь-иртышской культурно-исторической общности (нижнеобской археологической культуре, по А.П. Зыкову[4]; карымской археологической культуре, по К.Г. Карачарову[5]) — к IV — нач. VI в. С ним связаны жилище 4, кузница 17, многочисленные ямы и скопление керамики у южной границы раскопа на межжилищном пространстве. Другой горизонт — к вожпайской археологической культуре[6] или вожпайскому типу древностей начала кинтусовского этапа нижнеобской археологической культуры[7] — втор. пол. IX — X в. Этим временем датируется предполагаемая постройка 18 и слой в центре раскопа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург, 1991. — Вып. 20. — С. 131, 133. Рис. 2А; **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). — Екатеринбург, 1999. — С. 42, 43. Рис. 14.

[2] Определение выполнено старшим научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН, канд. биол. наук П.А. Косинцевым.

[3] **Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье в эпоху средневековья... — С. 137—139. Рис. 3А—*11—14*.

[4] **Зыков А. П.** Средневековье таёжной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24—30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. — С. 113—114.

[5] **Чемякин Ю. П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 2002. — 2-е изд., исправ. и доп. — С. 45—48.

[6] **Карачаров К.Г.** Вожпайская археологическая культура // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург: УрО РАН, 2006. — № 14: Мат-лы ко II Международному Северному археологическому конгрессу. Спец. вып. — С. 135—149.

[7] **Зыков А. П.** Средневековье таёжной зоны Северо-Западной Сибири... — С. 118—119.

О полевых археолого-этнографических работах в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2010 г.

А.А. Рудь
г. Сургут
ООО «Гиперборея»

В 2010 г. ООО «Гиперборея» были проведены археолого-этнографические работы на территории Явинлорского и Лянторского месторождений нефти, разрабатываемых НГДУ «Лянторнефть» ОАО «Сургутнефтегаз» в Сургутском р-не ХМАО – Югры. Археологические исследования были осуществлены в форме разведки на наиболее перспективных участках, приуроченных к хорошо дренированным коренным террасам р. Яумынъяун (левый приток р. Лямин), р. Пим, р. Рапъявин (правый приток р. Пим), р. Котингтур (левый приток р. Пим). Выбор этих районов был обусловлен несколькими факторами – и малоизученностью указанных водотоков в археологическом отношении, и совпадением с ареалом этнографических исследований местных хантов, в ходе которых из зоны исследовательского внимания не исключались и объекты археологии. Однако главнейшей причиной стала неблагополучная ситуация с процедурой перевода земель в хозяйственное освоение в стране и округе, а конкретно – отказ хозяйствующих субъектов от процедуры историко-культурных изысканий и выявления археологических и этнокультурных объектов на этапе оформления правоустанавливающих документов на земельные участки до проведения на них земляных работ. В таких условиях необходимо превентивное выявление объектов культурного наследия на территориях, пограничных с зоной хозяйствования и потенциально обречённых в эту зону влиться.

В результате работ обнаружено 19 новых памятников археологии: 1 городище *(Кор ох тов)*, 6 селищ *(Яумынъяун, Котингтур 4, Рапъявин 2, Рапъявин 5, Рапъявин 7, Усть-Рапъявин)* и 12 систем ловчих ям *(Котингтур 2, Котингтур 3, Микисанкилор, Рапъявин 1, Рапъявин 3, Рапъявин 4, Рапъявин 6, Рапъявин 8, Рапъявин 9; Рапъявин 10, Рапъявин 11, Рапъявин 12)*.

Ил. 1. **Селище Котингтур 4.** Вытоптанный почвенный покров. Сн. с юго-востока

Ил. 2. **Почитаемое место Кот Мых** в левобережье среднего течения р. Котингтур. Сн. с востока

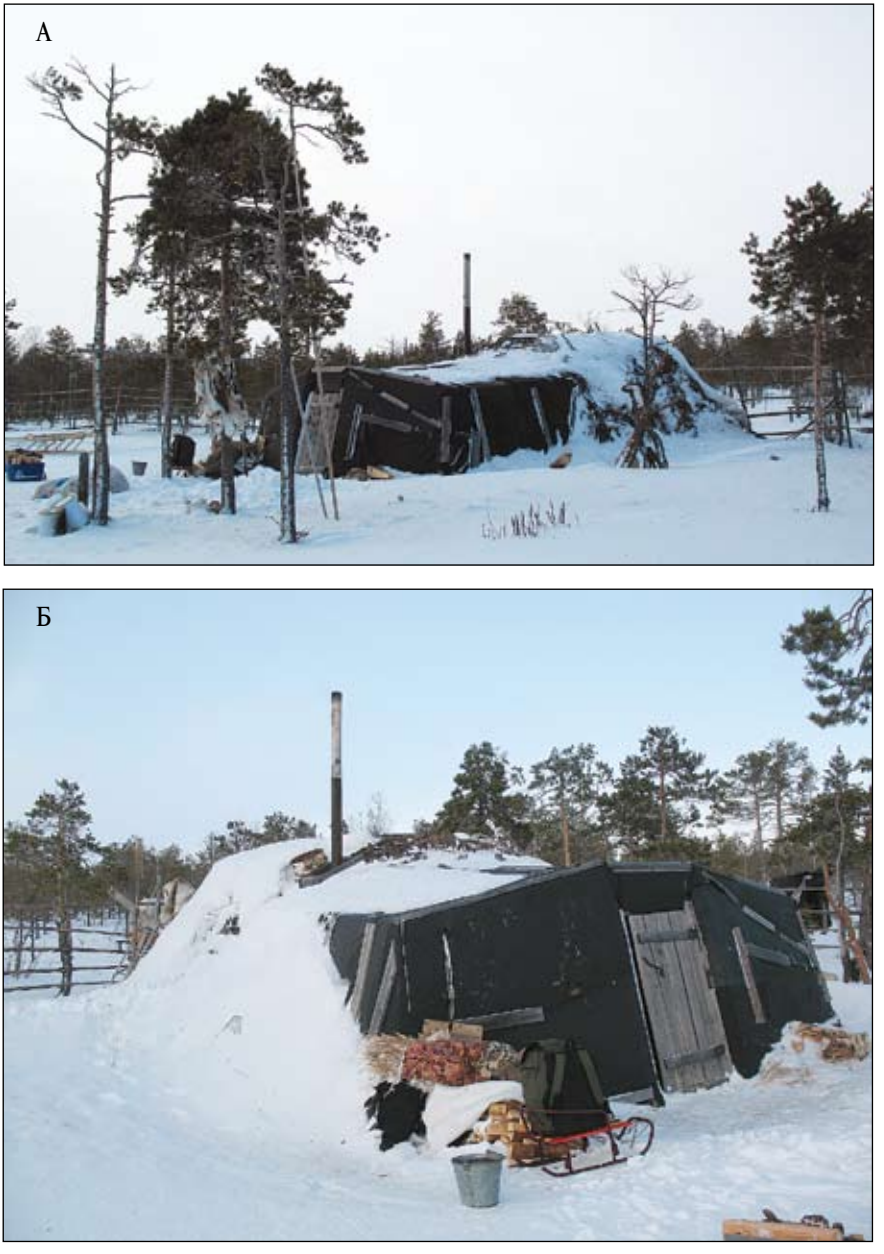
Общая протяжённость разведочных маршрутов в бассейне р. Котингтур составила около 20 км, в бассейне р. Рапъявин — около 10 км. Проведённые исследования продемонстрировали невысокую концентрацию археологических памятников в среднем течении р. Пим. То же самое можно сказать и о бассейне р. Лямин, где на протяжении 15 км в среднем течении р. Яумынъяун был выявлен всего один памятник (селище Яумынъяун).

Большинство обнаруженных поселений предварительно можно соотнести с археологизированными остатками поселенческих объектов либо промысловых комплексов (ловчих ям). Датирующего подъёмного материала не обнаружено. Необходимо отметить, что часть выявленных памятников подвержена незначительному антропогенному воздействию — вытоптан почвенный покров, зафиксированы следы автотранспорта (ил. 1).

Один из археологических объектов — селище Котингтур 4 — расположен на месте оставленного хантыйского святилища. По информации нашего проводника Е.А. Тайбиной, возвышенный участок коренной террасы р. Котингтур, на котором было обнаружено указанное селище,

Ил. 3. **Кладбище Тайбиных** в левобережье р. Котингтур. Сн. с севера — северо-запада

Ил. 4. **Зимнее стойбище** С.Т. Итыкова в левобережье верхнего течения р. Тутлеймъяун. «Моховой дом». А — сн. с юго-востока; Б — сн. с юга — юго-востока

Ил. 5. Воронка от давнего подземного взрыва сейсморазведки на левобережье нижнего течения р. Пим. Сн. с юга

Ил. 6. Углубление после изъятия грунта на левобережье р. Лимпас. Сн. с юга

раньше почитался проживавшими здесь сургутскими хантами и имел характерное для их сакральных объектов название — *Кот Мых*[1] (ил. 2). Однако последние 40 лет обрядов поклонения, угощения и жертвоприношения здесь уже не проводили, а имена божеств и название святилища забыты.

Помимо объектов археологического наследия, в ходе указанных полевых работ было обследовано 7 кладбищ пимских хантов (ил. 3). В результате были собраны сведения о персоналиях и времени погребений, выполнены фотографическая и глазомерная съёмка некрополей.

Ещё одним итогом летних полевых работ в бассейне р. Пим стало пополнение базы данных о местонахождениях одного из видов традиционных построек хантов, известных под названиями *чамэч кот* (моховой дом), *мых кот* (земляной дом)[2]. В 2010 г. было обнаружено и обследовано 6 ранее неизвестных «моховых домов». По сведениям информаторов, все они функционировали в XX в. Забегая вперёд, можно сказать, что в марте 2011 г. автором были проведены этнографические полевые работы в среднем течении р. Пим (р. Энтль-Юхлынгъявин) и в междуречье р. Пима и р. Тромъегана (р. Вынга, Якъяун, Тапъяун, Тутлеймъяун, Лархни, Ватьявин). В ходе этих исследований были получены новые сведения о местонахождении подобных построек и два из них даже осмотрены: один — в верхнем течении р. Тутлеймъяун (левый приток р. Пим) (ил. 4), второй — в верхнем течении р. Вынга. Есть основания констатировать, что традиция возведений этих архаичных построек у пимских хантов сохраняется и в настоящее время.

В заключение хотелось бы остановиться на теме «псевдоархеологических» объектов, которые нередко сначала появляются в научных отчётах о полевых археологических работах, а позже перекочёвывают из них в списки вновь выявленных объектов культурного наследия.

Помимо природных объектов, которые в ходе визуального осмотра территории иногда относят к объектам археологии (мерзлотных пучений, термокарстовых просадок грунта, выдувов, выворотней), плохо знающих местные условия полевиков нередко сбивают с толку и объекты искусственного происхождения — но не древние или средневековые, а нынешние. Иногда современное антропогенное воздействие на ландшафт оставляет следы, внешне трудноотличимые от остатков археологизированных поселений или ловчих ям.

Примером могут быть хотя бы старые воронки от подземных взрывов сейсморазведки 1960—1970-х гг., которые нам неоднократно приходилось встречать в ходе археолого-этнографических изысканий в

правобережье Сургутского Приобья. Эти воронки имеют все внешние признаки археологизированных объектов — ловчих ям и даже впущенных в грунт построек: воронкообразную форму, значительную глубину (до 2 м), большие размеры (до 6—7 м), нередко даже обваловку (ил. 5). Они хорошо задернованы и залесены. Даже количество и месторасположение этих воронок иногда даёт основание увидеть в них следы загонной либо пассивной охоты. При этом надо отметить: для того, чтобы доказать или опровергнуть археологическую природу таких объектов требуются раскопки значительной их части, что во время проведения разведочных работ не практикуется. В итоге в списках археологических памятников ХМАО — Югры значатся уже десятки «ловчих ям» и ежегодно к ним добавляются новые.

Другой частой причиной появления «псевдоархеологических» объектов является локальное изъятие грунта для хозяйственных и производственных нужд (ил. 6), развороты тяжёлой техники и другие техногенные воздействия на почву.

Ещё один интересный пример антропогенного воздействия был отмечен нами в 2010 г. у пимских хантов на р. Котингтур. Подростки-

Ил. 7. Следы многократного разворота мотоциклов на левобережье р. Котингтур. Сн. с юго-востока

ханты, проезжая по бору на мотоциклах от одного стойбища к другому, в определённом месте всегда делают «круг почета»[3]. Не исключено, что по истечении времени такой объект по внешним признакам может быть истолкован как «остатки лёгкой наземной постройки» (ил. 7).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Хантыйская лексема *Кот Мых*, входящая в состав наименований многих культовых объектов, имеет дословный перевод «Дом-Земля». Однако её смысловое значения необходимо толковать как «Вместилище / место ауры божества». Согласно традиционным представлениям сургутских ханты, женщинам запрещено подниматься на самую верхнюю часть культовых мест *Кот Мых*. Во время полевых работ нашим проводником Е.А. Тайбиной этот запрет был выполнен.

[2] Учёт этих объектов ведётся автором с 2002 г. См: **Рудь А.А.** Состояние историко-культурных ресурсов пимского края: вовлечение в социальную среду // Сб. докл. II науч.-практ. конф. «Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения». 29 октября – 2 ноября 2007 г., Ханты-Мансийск. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 80–84.

[3] Термин информатора Е.Т. Тайбина.

Церковная археология: раскопки на территории Свято-Троицкой церкви бывшего Кондинского монастыря в пгт. Октябрьском ХМАО – Югры в 2010 г.

М.Ю. Баранов, И.С. Чарусова
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение
«Северная археология – 1»

В 2010 г. в пгт. Октябрьский ХМАО – Югры, на территории бывшего Кондинского Свято-Троицкого монастыря отрядом НПО «Северная археология – 1» проведены археологические раскопки. Необходимость археологических работ была вызвана предполагаемыми реставрационными работами на Свято-Троицкой церкви и благоустройством прилегающей территории (ил.1, 5). Также ставилась и чисто научная задача – восполнить пробелы в информации об этапах застройки памятника, его планировке и перепланировке, хозяйственной и культовой деятельности.

Перед началом раскопочных работ был осуществлён снос двухэтажного здания пристроя 1960-х гг. и удалены напластования строительного мусора и многочисленные отсыпки XX в. Последнее позволило определить мощность и залегание слоёв, которые сформировались по периметру фундамента храма в ходе его разрушения в советское время и которые можно было бы снять с помощью техники без ущерба состоянию нижележащего исторически ценного культурного слоя.

Раскоп площадью 673 кв. м охватил основание разрушенной части храма: северный и южный приделы, трапезную, основание колокольни (ил. 2) и ризницу. В том числе: 304 кв. м – фундамент (ил. 3), 270 кв. м – траншеи по контуру здания, 45 кв. м – раскоп 1 в юго-западном секторе храма, 29,4 кв. м – раскоп 2 внутри ризницы и т.д.

Археологические работы подтвердили данные письменных источников о важнейших этапах строительства на монастырской территории:

1 – слой сер. – втор. пол. XX в. – разрушение западной части Троицкого храма, поздние подсыпки и планировка площади;

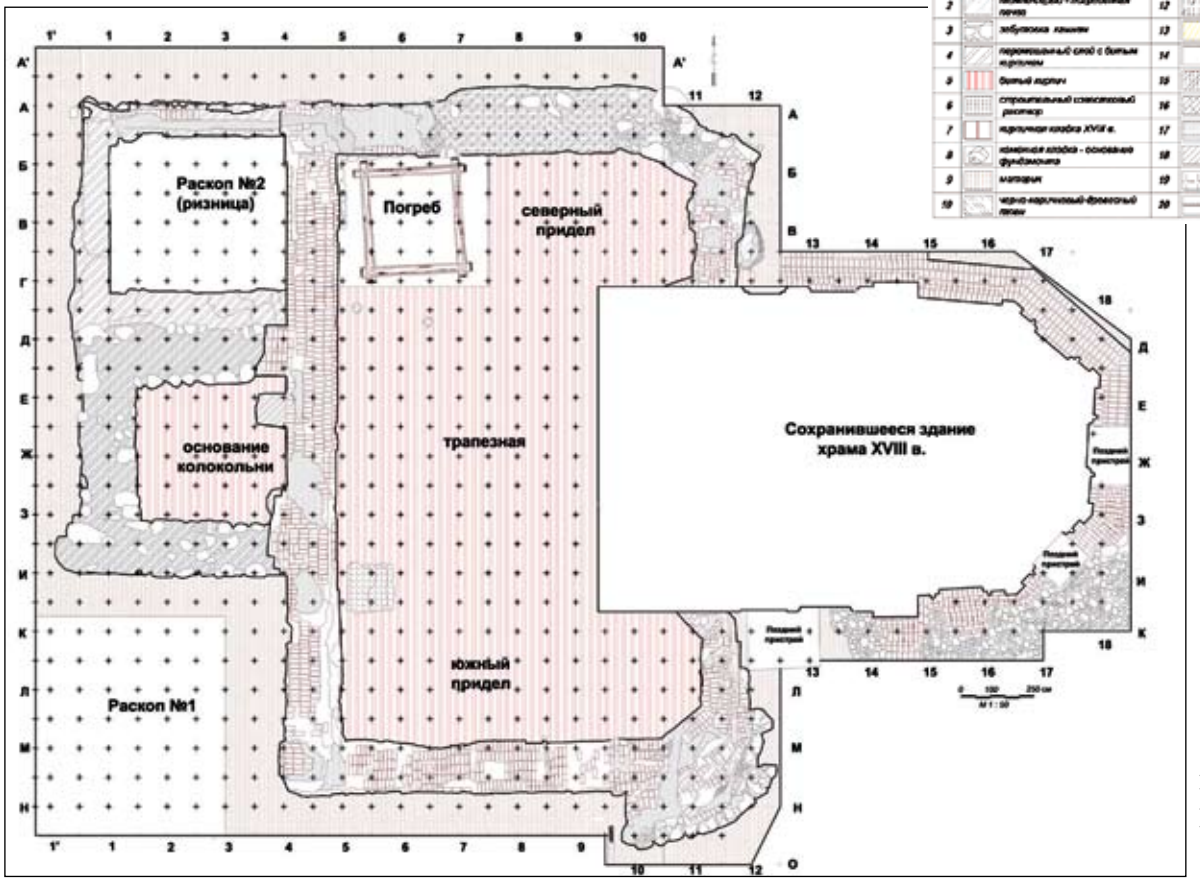
2 – слой втор. пол. XVIII в. – нач. XX в. – функционирование и перестройки храма;

Ил. 1. **Свято-Троицкая церковь.** Общий вид. Август 2010 г. Сн. с юга

Ил. 2. **Свято-Троицкая церковь.** Расчищенный фундамент колокольни в западном секторе храма. Сн. с юго-востока

Ил. 3. **Свято-Троицкая церковь.** План расчищенного фундамента

3 — слой перв. четв. XVIII в. — 1729—1765 гг. — строительство каменного Троицкого храма;

4 — слой трет. четв. XVII в. — 1668 г. — деревянное строительство церкви Благовещения Пресвятой Богородицы;

5 — слой нач. XVII в. — 1600—1602 гг. — деревянное строительство первых храмов (связан со строительством Троицкого храма и церкви Зосимы и Савватия).

В раскопе выявлены слои с обильным включением необожжённой глины и битого кирпича со следами известкового раствора, связанные со строительством каменного Троицкого храма — слой перв. пол. XVIII в. Наиболее представлены железные детали строительного крепежа храма, дверные и оконные петли, штыри и гвозди различного размера. Встречены орудия строителей храма: топор, ёмкости и совки для известкового раствора, кованые стержни. Найдены остатки церковного убранства и утвари: храмовый деревянный крест, язык колокола, небольшие детали иконостаса, бронзовый венец, использовавшийся при церемонии венчания, фрагменты служебной посуды.

Ниже залегает плотный слой щепы, связанный с деревянным строительством и функционированием Кодского монастыря XVII в.

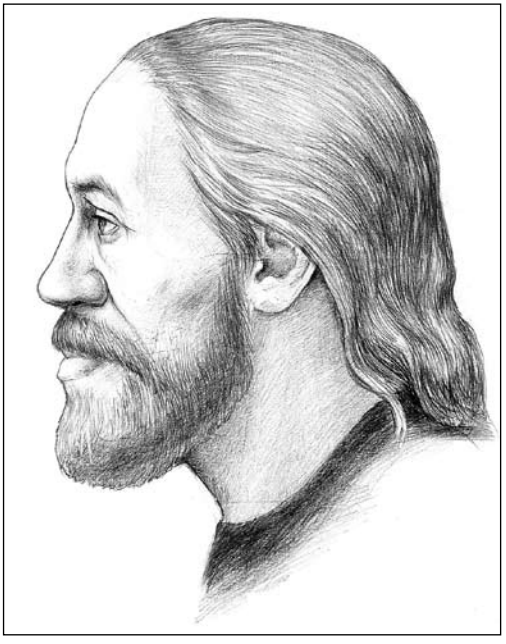
Установлено, что на этом месте до строительства первых деревянных храмов существовал более ранний аборигенный Кодский городок. Обнаружены остатки пяти жилых построек, три из которых соотносимы с хантыйскими домостроительными традициями, а две другие, вероятно, связаны с пришлым приуральским населением Кодского княжества.

Относительно расположения первой Троицкой церкви 1600 г. есть указание Г.Ф. Миллера: *«Кодцкой Трощкой монастырь ... имеет 2 деревянные церкви – Живоначальныя Трощы и Благовещения Богородицы. На месте первой, так как она старая, сейчас строится каменная двухалтарная церковь Живоначальныя Трощы и Знамения Богородицы»*[1].

На предполагаемое местоположение храма Благовещения Богородицы 1760 г. в какой-то мере могут указывать находки XVII в., выявленные к западу от каменной Троицкой церкви.

Обнаруженное в раскопе 1 основание заплотной ограды возможно соотнести с построенной в 1862 г. вокруг монастыря бревенчатой оградой с воротами.

Встречены находки четырёх хронологических периодов. К русскому слою, связанному с функционированием монастыря в XVIII—XIX вв., относятся фрагменты чернолощёной, красноглиняной и сероглиняной

Ил. 4. Один из настоятелей монастыря втор. пол. XVIII в. Реконструкция внешнего облика (автор Е.А. Алексеева)

гончарной керамики, кресальные кремни, железный нож, железный металлургический шлак, фрагменты ошлакованной глиняной обмазки, образцы болотной руды.

В слоях XVIII в. найдена многочисленная гончарная посуда (плоскодонная, морёная, тёмная), обломки слюдяных пластин от оконных вставок. Посуда XVII в. изготовлена без гончарного круга, грубая, с примесью слюды.

Более ранние находки — стенки лепных сосудов атлымской культуры эпохи бронзы (XVIII в. до н. э.), кулайской культуры раннего железного века (III в. до н. э. — III в.), карымской культуры раннего Средневековья (IIV—IV — нач. VI в.), каменные отщепы, абразивные плитки.

В ходе археологических работ справа от входа в колокольню обнаружены останки мужчины в возрасте 35—45 лет, похороненного по православному обряду. Сотрудниками Института проблем освоения Севера СО РАН Д.И. Ражевым и Е.А. Алексеевой проведена антропологическая экспертиза, выполнена реконструкция внешнего облика (ил. 4). Расовая характеристика — восточноевропейский тип северных европеоидов. Рост достигал 166 см, что являлось нормой для того времени. Ширина плеч большая — 40 см. Погребённый при жизни носил бороду. Похоронное облачение состояло из легкой нательной рубахи и

шерстяной рясы. Также сохранилась кожаная обувь, которую удалось реконструировать — туфли с язычком на низком деревянном каблуке (возможно, из Европейской России). Нательный крест не обнаружен. Инвентарь отсутствует. Гроб, сколоченный гвоздями из досок, сохранился плохо. По комплексу признаков погребённого возможно соотнести с одним из настоятелей монастыря втор. пол. XVIII в.

В центре северного придела выявлены остатки погреба кон. XIX в. — деревянный сруб с дощатым полом. В придонном заполнении собран многочисленный материал.

В южном приделе обнаружен фундамент печи кон. XIX в.

В подвальной части здания под бетонным полом кон. 1960-х гг. была выявлена полость. Проведенные раскопки на площади 12 кв. м позволили изучить остатки хозяйственной ямы XVIII в. В её заполнении встречены фрагменты гончарной керамики, железный нож, древесный мусор. Известно, что при функционировании храма подвал использовался как хранилище продовольственных запасов. О совершении захоронений источники не сообщают.

Получены две радиоуглеродные даты:

— проба 7 (SPb 327) (предположительно, строительные леса Свято-Троицкой каменной церкви) — 175±25, то есть: 2010 год −175 лет =1835 год;

Ил. 5. **Свято-Троицкая церковь.** Общий вид. Июнь 2011 г. Сн. с юго-запада

— проба 4 (SPb 332) (строительный горизонт, предположительно связан с разборкой церкви Благовещения Богородицы) — 250±25, то есть: 2010 год — 250 лет = 1735—1760 гг.

Обе даты хорошо соотносятся с данными письменных источников.

Другие даты получены из построек аборигенного городка, существовавшего до строительства деревянных и каменного храма:

— проба 5 (SPb 333) (постройка 2, раскоп 1, IV гор.) — 242±25BP, то есть 1743—1768 г.;

— проба 6 (SPb 328) (постройка 2, раскоп 1, V гор.) — 270±25BP, то есть 1715—1740 г.;

— проба 8 (SPb 334) (постройка 5, раскоп 2) — 250±25BP, то есть 1735—1760 г.

Три последние даты представляются значительно омоложенными.

Археологический культурный слой на месте Свято-Троицкой церкви в среднем достигает мощности 1,0—1,5 м. Такая мощность для городских центров может считаться незначительной. Это связано с тем, что здесь на протяжении XVII—XX вв. не было интенсивной строительной и хозяйственной деятельности, в результате которой могло бы происходить интенсивное накопление культурного слоя. Увеличение мощности отложений прослежено к западу от церкви, где предположительно располагались ранние храмы и более поздние монастырские постройки. Кроме того, мощность культурного слоя значительно возрастает к востоку в связи с былым расположением на данной территории монастырских служб и кладбища.

В результате раскопок установлено наличие мощных разновременных культурных отложений, относящихся к археологическим культурам эпохи бронзы — Средневековья, начальным периодам русской колонизации и истории Кодского монастыря. В дальнейшем необходимо провести разведочные работы по определению границ культурного слоя Кодского городка, выявлению местоположения первых храмов, исторической застройки села, получить яркие археологические коллекции. Данные работы позволят ввести культурный слой Кондинского Свято-Троицкого монастыря в число объектов культурного наследия и осуществить его постановку на государственный учет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Путевые описания. Путешествие от Сургута вниз по реке Оби до Березова. 1740 г. — РГАДА. — Ф. 199. Порт. 517. Ч. 2. Д. 7.

Библиографическое наследие

Царская грамота Берёзовским воеводам, о том, чтобы новокрещёные Остяки и Русские служилые люди у Берёзовских Остяков (язычников) не раскопывали могилы и не воровали зарытыя в оных вещи. 1610, Мая 25*

От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Берёзов город, воеводам нашим Степану Ивановичю Волынскому да Юрью Яковличю Стромилову. Били нам челом Берёзовского уезда Казымской Остяк Юванко Ладыкин да Ляпинской Остяк Кушкул Наев и во всех Казымских и Ляпинских Остяков место, Казымского Остяка на Тывру Сынякова да на Зырянина на Даншу Макарьева, да на Берёзовских новокрещена на Павлика Петрова сына Кулакова, да на казаков на Поспелка Иванова да на Михалка Иванова, а сказали: кладут де они дедов, отцов и матерей своих, и род, и племя в могилы, а с ними кладут животы их, серебряное всякое посудье и платье; и в прошлом во 116 году те Остяки и казаки, пришед к ним, могилы раскопали, и животы их поимали, и по их вере от шайтанов серебро отнимают и шайтанов грабят; а взяли де у них в Ляпинской земле у их молбища у шайтанов новокрещёной Павлик да казаки Поспелко и Михалко 30 чар серебряных болших, да 10 котлов медяных, всего на 100 рублёв, да иного де мелкого поклажея не помнят. Да Остяк де Тывра в прошлом во 113 году раскопал могилы в Самоядской земле и живот у них из могил поимал; и те де Самоядь приходили к ним в Казым и хотели на них бити челом воеводам о том своем поклаже, и которой у них Остяк Тывра поимал из могил; и они де Самояди платили за те их животы тридцать оленей; и они де Казымские и Ляпинские Остяки хотели на тех Остяков и на казаков на Тывру с товарыщи, которые воруют, шайтанов их грабят и могилы раскопывают, бити челом воеводам о сыску; и Берёзовской де толмач Богдашко Водолеев с ними в город не ходил, а тем вором норовит и с теми воры теми их животы делится; и они де от тех воров в конец погибли. И нам бы их пожаловать, велети им на тех воров дати управу, и впредь бы шайтанов их грабить и могил раскопывать не велети. И будет так, как нам Казымские и Ляпинские Остяки били челом, и

* Печ. по: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. — СПб., 1875. — Т. 2. — Стб. 214—216. № 91.

как к вам ся наша грамота придет, и вы б Остяка Тывру Сынякова, и Зырянина Даншу Макарьева, и новокрещена Павлика Кулакова, и Берёзовских казаков Поспелка да Михалка Ивановых велели поставить перед собою с Казымскими и с Ляпинскими Остяки с Юванком Ладыкиным да с Кушкулом Наевым с товарыщи с очей на очи, и их роспросили порознь, и сыскали всякими Русскими людьми и Остяки, чтоб сказали правду, по нашему крестному целованью, а Остяки по их вере по шерти: те Остяки Тывра с товарыщи и казаки шайтаны Остяцкие грабили ль, и могилы раскопывая животы их имали ль? и кто что имянем животы их взял? Да будет в роспросе те Остяки и казаки повинятся и в сыску всякие люди скажут, что у Казымских и у Ляпинских Остяков шайтанов грабили и могилы раскопая животы их поимали, и те Казымские и Ляпинские Остяки на Берёзов о том воеводам бити челом приезжали, а толмач Богдашко Водолеев с ними к воеводам о том не ходил и челобитья их про то не росказывал, — и вы б Казымским и Ляпинским Остяком с теми воры, по сыску, управу учинили, по нашему указу; а толмача Богдашка, за его воровство, велели бить перед ними батоги и от талмачества отставить, чтоб на то смотря неповадно было иным воровать. Да и вперед о том заказ велели б есте учинить крепкой, чтоб служивые и всякие люди и новокрещены у Остяков Берёзовского уезду шайтанов не грабили, и могил у мёртвых Остяков не раскопывали, и обиды Остяком никоторые не чинили. А будет они тою татбою и грабежем Остяка Тавру и новокрещена Павлика и казаков поклепали, и вы б новокрещена Павлика не жесточили; да о том отписали и сыск прислали к нам к Москве, и велели отписку и сыск отдать в Приказе Казанского Дворца. Писан на Москве, лета 7118 [1610], Майя в 25 день.

Западно-Сибирская экспедиция Российской Академии наук и Русского географического общества (Предварительное сообщение)*

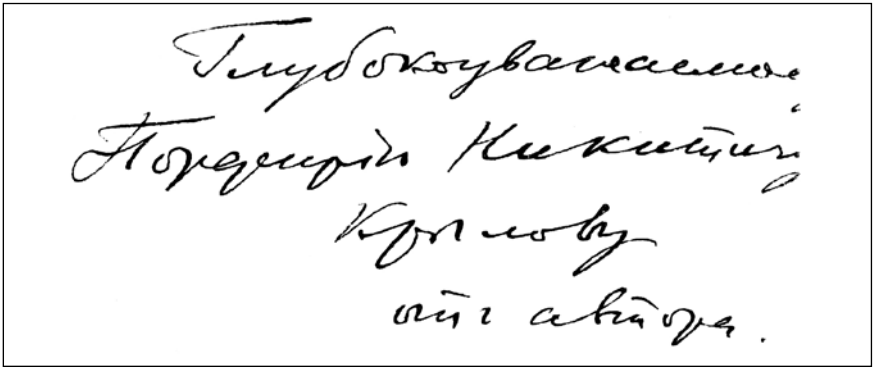
Б.Н. Городков

Север Западной Сибири до последних лет был наименее известной частью Азии. Мы очень мало знали о крупнейших артериях Обско-Тазовского водораздела и о самой Тазовской губе с её окрестностями. Геологическая история, почвы, растительность и животный мир были несколько изучены лишь поблизости от реки Оби. О туземном населении мы были достаточно осведомлены только для ближайших к Оби районов и для наиболее крупных её притоков. После 1913 г., когда вдоль р. Таза проехал зимой финский лингвист Кай Доннер[1], мы впервые получили достоверные сведения о населении Енисейско-Тазовского водораздела. До этого водораздельные пространства Севера Западной Сибири пересекались немногими путешественниками (Хондажевский в 1879 г.[2], де Доббелер в 1884 г.) в зимнее время и лишь по наезженным самоедским дорогам. Значительно лучше изучены окраины Обско-Тазовского водораздела, где неоднократно работали различные исследователи.

Особенно были ничтожны наши знания о бассейне реки Пура. Исключая низовья, на нём никогда не бывал ни один русский, даже самоеды-юраки, кочующие в зимнее время от Тазовской губы в Сургут, проходили стороной от этой огромной реки. Проникнуть вглубь Обско-Тазовского водораздела в летнее время считалось невозможным из-за сильной болотистости страны и из-за отсутствия там населения. Между тем полное представление о природе края можно получить лишь при летнем изучении его.

Опыт нескольких моих экспедиций по окраинам Обско-Тазовского водораздела показал, что сведения о непроходимости его преувеличены. Я поставил своей задачей осуществление летней экспедиции поперёк всего водораздела по рекам Агану и Пуру. Этот проект был представлен

* Печ. по: **Б.Н. Городков.** Западно-Сибирская экспедиция Российской Академии наук и Русского географического общества (Предварительное сообщение) // Природа. – М., 1924. – № 7–12 – Стб. 3–32.

Ил. 1. Автограф Б.Н. Городкова на отдельном оттиске публикуемой статьи П.Н. Крылову — профессору Томского университета (хранится в библиотеке гербария университета)

в Российскую Академию наук и в Русское географическое общество, которые одобрили его. Подготовка заняла более двух лет. Главные средства были получены из Уральского экономического совещания, Народного комиссариата просвещения и Народного комиссариата внешней торговли. Астрономические определения и съёмку реки Агана взял на себя Западно-Сибирский полевой округ Высшего геодезического управления, прикомандировавший к экспедиции инженера-геодезиста А.А. Фролова. Часть инструментов была предоставлена Корпусом военных топографов, Главной физической обсерваторией и др[угими] учреждениями. Необходимо отметить в высшей степени внимательное отношение к экспедиции различных административных и государственных торговых организаций Уральской области. Можно смело сказать, что без материального и административного содействия местных учреждений экспедиция не состоялась бы, так как из Москвы была получена очень небольшая сумма, не оправдавшая и половины затрат.

Из Ленинграда экспедиция выехала 23—25 мая 1923 г. Около трёх недель было затрачено на окончательное снаряжение и переезд до Сургута. В состав экспедиции входили, кроме уже упомянутого А.А. Фролова и меня (почвенно-ботанические исследования), студент Горного института В.И. Серпухов, приглашённый для производства маршрутной съёмки, и Р.П. Митусова, прикомандированная Русским музеем для антропологических и этнографических наблюдений среди остяков Агана.

В ночь на 13 июня мы высадились в г. Сургуте. Через несколько дней прибыл из Томска А.А. Фролов с инструментами. В течение недели

Ил. 2. «Схематическая карта Обско-Тазовского водораздела» (*по подлинник*у)

были наняты трое рабочих и переводчик А.И. Кайдалов, из бывших торговцев, прекрасно знающий остяцкий язык. Партия Фролова состояла из двух рабочих из арестного дома, участников крестьянского восстания 1921 г., и одного милиционера в качестве переводчика. Наша большая лодка отплыла от Сургутской пристани утром 21 июня; Фролов должен был задержаться в городе ещё недели две, чтобы произвести предварительные наблюдения.

Река Обь находилась в полном разливе (ил. 2). Её широкая долина представляла из себя море воды, над которым поднимались полузатопленные березняки и кустарники. Разлив благоприятствовал нам, так как мы могли плыть прямым путём, протоками и залитой долиной, минуя самую Обь и устье Агана. Некоторое затруднение представляли лишь обширные «сора» (залитые водой долинные болота и луга), где даже небольшой ветер разводил сильное волнение. Когда это было нужно, мы обходили их краем, прячась в кустарниках. Местами наша лодка подвигалась словно в алее среди залитых лесов. Не всегда было легко найти пристанище для обеда или ночлега. Кое-где с трудом пробирались среди груд плавника.

Вечером 26 июня из залитых долинных лесов и проток мы вышли в Аган. Это была довольно широкая река, окружённая сосновыми борами, елово-кедровыми и берёзовыми лесами. Берега ещё частично были залиты водой, но глубина её была незначительна. Находить твёрдую землю уже не представляло затруднений. К реке местами подходили невысокие песчаные яры, заросшие лишайниковыми борами. В низовьях попадались выходы валунных суглинков — отложений древнего ледника; на среднем течении они уже не обнажались из-под мощных песчаных флювиоглациальных наносов более позднего оледенения.

Лодка медленно поднималась вверх по течению. Великолепная погода, стоявшая непрерывно в продолжение двух недель, делала бы путешествие приятной прогулкой, если бы не огромное количество насекомых. Комары, мошки и овода не давали ни минуты покоя даже на открытой реке. На берегу они становились совершенно невыносимы. Единственным отдыхом было залезть на ночь в ситцевый полог. Лица моих спутников распухли от укусов. Комары держались до самой осени, их было меньше лишь в сухих борах и на мёрзлых болотах.

Залитые водой прибрежья не были пустынными. Ещё в долине Оби мы встречали избы остяков. По Агану летние юрты (селения) довольно часто попадались на береговых песках. В низовьях они ещё были залиты полой водой и стояли пустыми. Население жило в зимних и

весенних юртах в стороне от реки. Выше вода спала, и летние юрты были оживлены начинавшими свои рыбные промыслы туземцами.

Население реки Агана, кроме северных притоков его, состоит из остяков, общее число которых приближается к 250 чел. Они занимаются рыболовством, охотой и оленеводством. Некоторое подспорье даёт также сбор кедровых орехов и брусники. Большинство остяков имеет очень небольшое количество оленей, от 2 до 30, но в верховьях реки есть и богачи — Касымкины, насчитывающие, по рассказам, до 5000 голов. В прежние годы эти стада держались поблизости от Агана, но после Октябрьской революции их владельцы, напуганные репрессиями со стороны сургутских властей, ушли к северу и кочуют где-то между Пуром и Тазом, выходя на Турухан для торговли. В начале лета владельцы оленей пасут их на торфяниках, заполняющих водоразделы; когда же количество комара несколько уменьшится, олени отпускаются на свободу и бродят небольшими стадами вблизи реки до осени. С выпадением снега их собирают и пользуются в качестве ездового животного. Рыбной ловлей занимаются почти весь год. По спаде вод ставятся запоры с мордами на речках. В озёрах и заливах реки рыбу ловят сетями, а на деревянные крючки — щук. Большая часть рыбы (язь, окунь, щука, мохтик) добывается неводами. Зимой ставят подлёдные сети. Рыбу сушат про запас и затем продают её в Сургуте. В прежнее время улов часто забирался на месте торговцами, кредиторами остяков, ездившими на Аган.

Основная добыча пушного промысла — белка, которую стреляют из ружей (кремневых и пистонных). Иногда употребляют и луки. Добывают ловушками и капканами лисиц, ставят кулёмы на медведей. Из других зверей можно назвать ещё выдру, горностая, колонка, дикого оленя, росомаху. Осенью много попадает в слопцы лесной птицы (тетерев, глухарь). Летом бьют уток. Пушнина сбывается в Сургуте на ярмарке в начале января.

Вечером 6 июля прибыли в юрты Сартаковы. Здесь живут три семьи в небольших избушках, которые теперь были ещё пустыми. На третий день стали съезжаться туземцы на сход. Я созвал их для того, чтобы условиться относительно перехода на реку Пур. Прежде всего, прибыли остяки с верхнего и среднего течения Агана, а затем в маленьких долблёных из кедра лодочках приплыли лесные самоеды с рек Вар-яун и Каван-яун. Долго задерживаться не стали и тотчас же приступили к делу. Сперва переговоры были неудачны, так как туземцы заявили, что перейти на Пур в летнее время невозможно. Сведения, которые

я имел из литературы, о близости верховьев Агана и Пура оказались неверными. В набитой народом избушке я просидел с переводчиком до поздней ночи, пока сговорился с участниками схода. В конце концов, они согласились выставить за плату мукой 8 подвод с 25 оленями и 4 людьми — двумя остяками и двумя самоедами. Встреча была назначена через неделю на среднем течении реки Кавана, северного притока Агана. В качестве проводника до этого места направили хромого парня самоеда, но он сбежал, так как боялся русских, никогда их не видев раньше. Второй проводник, Яи Иуши, был более общительным. Он сопровождал нас в течение недели и оказал немало услуг. Объяснялись с ним мы при помощи немногих известных нам остяцких фраз.

12 июля наша лодка вошла в реку Каван. Эта узкая речка течёт среди сосновых боров, небольших кедровников и лиственничных лесов. Мы поднимались по ней два дня, когда кончился срок найма рабочих. Пришлось отпустить их вместе с проводником обратно в Сургут. С ними уехала на Аган и Митусова. Я и Серпухов остались на береговом песке в обществе проводника Яи Иуши. В нашем распоряжении был довольно значительный багаж, который никак не умещался в долблёной лодке, приобретённой на Агане. Пришлось часть вещей оставить на месте в надежде, что самоеды потом доставят их нам. Начался трудный подъём вверх по реке в перегруженной лодке. Серпухов тащил её бечевой и одновременно вёл съёмку.

Через три дня прибыли к стойбищу самоедов. Они приняли нас очень радушно и на другой день отправили с двумя проводниками дальше. В одном месте пришлось тащить лодку посуху, так как река была завалена деревьями. Наконец, 19 июля наши лодки остановились близ невысокого песчаного склона, за которым раскинулось обширное безлесное пространство. На нём росли лишь отдельные сосны и берёзы, а почва представляла почти голый песок, выбитый оленями. Вдали поднимались песчаные холмы. На одном из них стояли два амбарчика на ножках. Это было стойбище лесного самоеда Илеко Иуши, который в это время пас на болоте оленей.

В течение двух дней самоеды доставили нам оставшийся багаж, а затем прибыли и олени. Вечером 21 июля мы выступили в путь по направлению к северу. Этому предшествовали продолжительные споры с проводниками, старавшимися как-нибудь уменьшить груз. Действительно, олени имели очень заморенный вид: они линяли и не успели откормиться из-за комаров. Пришлось оставить весь запас муки. Всего пошло 8 подвод, запряжённых по три оленя. На каждые нарты (сани) положили всего

3—4 пуда; одна подвода была занята нашей лодкой. Туземцы взяли ещё для себя маленький облас (долблёная лодка). Все люди шли пешком. Серпухов вёл съёмку с помощью шагомера и компаса.

На другой день захворал олень. Так как он был безнадёжен, по мнению самоедов, его закололи и тотчас же съели частью в сыром виде, частью сварив. Наш транспорт потерял одну перевозочную единицу, и снова начались разговоры о необходимости бросить часть багажа. Пришлось оставить вторую лодку и кое-что из наших запасов. В дальнейшем мы подвигались без особенных приключений, делая от 7 до 15 км в день. На ночь останавливались обыкновенно у болота с лужами воды или на берегу какой-нибудь речки. Наш переход до верховьев Пура продолжался 10 дней, из которых один день мы давали отдых оленям.

Слабохолмистые пески с разреженными лишайниковыми борами тянулись почти непрерывно с севера на юг. Наш караван очень редко пересекал небольшие участки торфяников. Между тем по сторонам часто подходили массивы болот со многими озёрами. По-видимому, повышенные полосы песков на водоразделе располагаются в меридиональном направлении, параллельно правым притокам Агана. Часто встречались цепи более высоких холмов (до 10—20 м), вытянутых на северо-запад. Их вершины иногда лишены леса и покрыты сыпучим песком с котлами выдувания.

Водораздельные пространства, проходимые нами, казались пустыней по сравнению с речными долинами: почти не заметно птицы, лишь изредка попадается выводок тетеревов или взлетит глухарь, кое-где видны следы медведя. Местами мы долгое время шли тропинками, проложенными оленями. Следов человека почти не заметно. Только вдоль зимнего пути пуровских самоедов попадаются срубленные деревья, да в верховьях Кавана мы один раз встретили следы стоянки оленевода. Близ Пура появились в борах слопцы (ловушки на лесную птицу) и чумовища на месте пастьбы оленей. Значительно чаще встречались пожарища. В редких сосновых борах пожары не принесли большого вреда, уничтожив местами только лишайниковый покров. Сплошные гари, заваленные деревьями, были большой редкостью. Зато на болотах довольно часто попадались выгоревшие участки, вероятно, на местах летней пастьбы оленей. Наши проводники также обыкновенно зажигали сухой лишайниковый ковёр на болотах близ ночёвок, чтобы олени могли спасаться от комаров в дыму. Для этих дымокуров выбирались более сухие кочковатые участки, окружённые мокрыми низинами.

Р. Каван, верховьев которой мы достигли 25 июля, вытекает из небольших заболоченных озерков среди обширных горелых болот и лесных островов. Её русло, пока она ещё не размыла достаточно широкой долины, окружено узкой полосой высоких елово-кедровых зарослей. Стена их издали привлекает внимание путников среди почти безлесных или заросших мелкой рямовой сосной торфяников. То же самое следует сказать и про другие речки Обско-Тазовского водораздела.

На другой день начали переваливать самый водораздел. Болота верховьев Кавана сменились повышенными боровыми песками с многочисленной галькой и мелкими валунами. Доселе примесь каменистого материала в песках была весьма незначительна, теперь же буквально каждое обнажённое от растительности пятно под вывороченными корнями деревьев было усеяно галькой (преобладали обломки кварцита). Ни одного болотца, ни одной лужи, из которой можно было бы напиться, не встретилось на нашем пути на протяжении почти 15 км. По рассказам самоедов, эти сухие холмистые пески протянулись непрерывной полосой далеко к востоку по направлению р. Колик-ёгану (прит[ок] Ваха) и к западу до р. Торым-яун. К вечеру перед нами поднялась высокая цепь холмов (до 20—40 м), за ней местность круто понижалась. Эти высокие песчаные холмы с обильной галькой и мелкими валунами простираются приблизительно с запада на восток; они представляют из себя конечные морены позднейшего оледенения. Остатки более древнего ледника в виде сильно размытых валунных суглинков давно известны близ устья Иртыша. Такие же образования выходят вдоль левого берега средней Оби и на среднем течении р. Ваха. К северу они покрываются флювиоглациальными песками позднейшего оледенения.

Равнина сильно изменилась за водоразделом. Мы вступили в область обширных мелкобугристых торфяников, чередовавшихся с озёрами и островами сосновых лесов, разбросанных без всякого порядка. Вечная мерзлота в болотах находилась на глубине 40—60 см, исчезая в топких низинах. Местами олени и люди проваливались выше колен в полужидкую грязь топей, пробираясь среди лабиринта невысоких сливающихся бугров. Там, где мерзлота понижается, растёт угнетённая рямовая сосна, большая же часть болот безлесна и заросла багульником и оленьим мхом (Cladonia alpestris), за исключением топких низин, где из воды поднимаются кочки сфагнов, заросли торфяниковых осок, Menyanthes trifoliate и др.

Вскоре мы нашли на р. Шяатль-яга, приток Пура, и вдоль неё стали подвигаться к Пуру. 30 июля на горизонте появились с трёх сторон густые хвойные леса из кедра и ели, они росли по краю р. Шяатль-яга, Ету-яга и на самом Пуре. Мы были у цели своего путешествия.

Тотчас же двое проводников отправились разыскивать туземцев, живущих в верховьях Пура. Через два дня к нашей стоянке на болоте приплыли по речке шесть лесных самоедов из рода Пяк. Они были изумлены и напуганы неожиданным появлением русских там, где их ещё никогда не было. Один даже нарядился в старый солдатский мундир со светлыми пуговицами, остальные были в малицах, штанах и пимах из оленьей кожи. Наш несложный багаж не требовал долгих сборов. Вскоре всё было перенесено в привезённый с Агана облас и в связанные попарно миниатюрные кедровые лодочки туземцев. Распростились с подводчиками. Я и Серпухов отправились пешком в сопровождении одного самоеда к Пуру. К закату солнца, после трудной ходьбы по болотистым лесам долины Пура, мы вышли на берег реки. В этом месте Пур имел всего метр[ов] 80 ширины. Была уже поздняя ночь, когда мы расстались с нашими новыми знакомыми, условившись, что они повезут нас завтра вверх по Пуру до его верховьев. Сговориться было очень трудно, потому что мы знали всего несколько слов на их языке. В дальнейшем наши лингвистические познания немного увеличились, но всё-таки дальше самых необходимых фраз при съёмке, для приобретения пищи и т. п. мы не пошли.

На другой день я направился по тропинке в сторону от реки. Она привела на безлесную площадь по краю долины, за которой лежало обширное озеро, окружённое торфяными берегами. Почва была выбита оленями и представляла из себя сыпучий песок, кое-где подымались отдельные раскидистые сосны. На берегу озера стояли три амбарчика на ножках, а близ них ряды нарт. На краю долины Пура с моховым болотом и кедровыми лесами расположились четыре берестяных чума. Тут же поставлены вешала для сушки рыбы, огороженные жердями от оленей; к нартам привязаны собаки. Пяки встретили меня хорошо, угостили морошкой и показали своё несложное хозяйство.

Место, где я находился, представляет из себя летнее стойбище. Многочисленные старицы и озёра Пура поблизости привлекли самоедов своими рыбными богатствами. Они ловят рыбу мордами, перегораживая жердяными запорами речки, или неводят на песках Пура. Главную добычу составляют язь, окунь, мохтик (чебак) и щука. Последняя ловится ещё на жерлицы с деревянными крючками.

Однако главное занятие туземцев верховьев Пура не рыболовство, а оленеводство и охота. Основной промысловый зверь — белка, её бьют посредством ружей (преимущественно кремневых) и луков. Лисиц добывают капканами и ловушками (слопцами). Усердно охотятся также на диких оленей. Осенью слопцы в сосновых борах доставляют много лесной птицы. Пушнина сбывается на сургутской ярмарке.

Пяки считаются богатыми людьми, так как у них много оленей. Зимой и весной туземцы кочуют с ними по торфяным болотам в районе верховьев Пура. Летом, когда начнёт спадать комар, олени отпускаются на волю без всякого призора и бродят в ближайших окрестностях реки до осени. Во время своей поездки вверх по Пуру мы постоянно видели небольшие группы оленей на береговых песках. Прибрежные леса и долинные заросли вытоптаны ими настолько, что напоминают окрестности какого-нибудь селения в культурной части Сибири.

В отличие от остяков, лесные самоеды Кавана и Пура изб для жилья не строят, но пользуются лишь конусообразными чумами из жердей, покрытыми летом сшитой берестой, а зимой оленьими шкурами. Амбары на ножках, архитектура которых заимствована у остяков, ставятся самоедами лишь на Каване и в верховьях Пура. На нижнем Пуре имущество и запасы хранятся или на нартах, как у тундровых самоедов, или в больших берестяных коробах. Для передвижения пользуются нартами, причём ездят на оленях главным образом зимой по безлесным болотам и по проложенным с давних пор просекам в лесах. В одном месте на Верхнем Пуре я видел довольно наезженную дорогу с мостиком из жердей через речку. Она вела от летнего становища к месту неводьбы на Пуре. Для плавания по реке служат долблёные кедровые обласа, вмещающие от 1 до 3 человек. В верховьях Пура лодки особенно малы, ниже они делаются крупнее в связи с расширением реки.

4 августа с двумя молодыми самоедами мы начали подниматься на двух обласах вверх по Пуру, захватив с собой лишь небольшой багаж. Мы надеялись добраться до верховьев реки. Долинная растительность Пура сильно отличалась от Кавана. Между тем как там преобладали сосновые боры и лиственничные леса, а кедровники были редкостью, здесь, наоборот, кедр и ель господствовали. Огромные лиственницы высоко поднимались над лесами, а густые ивняки и березняки покрывали береговые пески. Прибрежные леса были наполнены кедровками, резкие крики которых будили нас с восходом солнца. Очень часто попадались гари, заваленные колодником. Местами река подмывала край

долины, и тогда к воде подступали обрывистые яры до 8 м высотой. Они всегда были сложены жёлтыми песками с галькой и мелкими валунами, лишь близ уровня воды выходили прослойки более глинистых песков. Яры зарастали лишайниковыми борами на подзолах, ничем не отличавшимися от водораздельных. Максимальную мощность песчаные подзолы имели на верхнем Агане и Каване; по мере движения к северу глубина оподзоленного горизонта уменьшалась. В небольшом расстоянии от берега сосновые леса обыкновенно сменялись торфяниками, а песчаные подзолы болотно-подзолистыми и торфянисто-болотными почвами, которые, в свою очередь, скоро уступали место мёрзлому торфу в 2—3 м глубиной.

На другой день мы наткнулись на первое препятствие: небольшой древесный завал на реке метр[ов] 100 в длину. Пришлось тащить лодки по берегу, прочищая путь в лесу. Река стала совсем узкой, всего метр[ов] 20—30, сильно завалена деревьями, так что подвигаться вперёд было трудно. Пройдя ещё два лома, мы остановились перед новыми завалами. По рассказам туземцев, далее река совершенно непроходима из-за этих ломов. Ничего не оставалось делать, как вернуться обратно, не дойдя до верховьев кил[ометров] 30—40.

Ещё одна причина мешала дальнейшему продвижению. Наши проводники взяли с собой очень мало пищи, а мы не могли кормить их из-за недостатков запаса. Несколько поддерживала лишь рыбная ловля на удочку, охота же на уток не давала много добычи. Недостаток продовольствия выяснился при самом начале нашего путешествия по Пуру, почему сразу же пришлось установить ограничительные нормы и более серьёзно подумать о рыбной ловле и охоте. К сожалению, рыба хорошо ловилась только на Верхнем Пуре, когда же река увеличилась, уженье оказывалось безрезультатным. То же самое было и с охотой. У туземцев также часто наблюдался недостаток в пище.

Обратный путь до нашей первой стоянки на Пуре занял всего полтора дня. 9 августа, в сопровождении четырёх самоедов, мы двинулись вниз по течению сильно извилистой реки. Довольно большой багаж был помещён в наш облас и в связанные попарно кедровые скорлупки туземцев. Несмотря на увеличившуюся реку, встретили ещё один большой лом, который с помощью самоедов довольно легко обошли узенькой протокой, также заваленной деревьями.

На следующий день остановились на невысоком песчаном яру, где находится летнее стойбище одного из наших спутников, в настоящее время безлюдное. Здесь мы должны были дожидаться новых прово-

дников. Одного из них мы уже видели близ устья р. Катучией-яга. Пяки отыскали его где-то в стороне от реки. Через два дня мы распростились с Пяками и отправились далее с новыми знакомыми из рода Нейвосята.

Чтобы не повторяться, опишу наш способ продвижения, который был одинаков на всём Пуре. Проводники обыкновенно сопровождали нас в течение нескольких дней, пока не доходили до места, где, по их сведениям, должны были быть люди. Сначала на береговых песках тщательно разыскивались следы человека или оленей, затем кто-нибудь из самоедов отправлялся в сторону от реки и через некоторое время приводил новых туземцев. Иногда такие поиски не увенчивались успехом, и мы отправлялись дальше. Удивлённым неожиданным появлением русских самоедам ничего не оставалось делать, как принять нас на своё попечение. Два, три дня проходили в сборах, и мы двигались дальше до новых людей. Стоянки не пропадали даром, так как мы вели в это время исследования, но иногда они были слишком продолжительны, что было для нас очень невыгодно из-за недостатка продовольствия. Мы могли бы двигаться быстрее самостоятельно и независимо от туземцев, но местные жители были необходимы нам: они сообщали названия многочисленных притоков Пура. Поэтому ради полноты съёмки приходилось мириться с проволочками.

Наши новые спутники сопровождали нас очень неохотно, так как в устьях р. Таай-яга среди туземцев ещё недавно свирепствовала оспа, от которой вымер один чум. 14 августа, после продолжительного плавания по большой протоке среди заливных лугов и березняков остановились на береговом песке. Вскоре были отысканы самоеды. Они поселились рядом с нами в небольшом шалаше из ветвей. Один из них ещё имел следы недавней оспы на руках и лице. Через три дня собрались новые проводники, приведшие с собой небольшую дощатую лодку. Она принадлежала вымершему чуму из рода Выла и была единственной достаточно крупной лодкой на всём верхнем и среднем Пуре. В неё с удобством поместился наш багаж, который уменьшался по мере того, как мы расплачивались с подводчиками (табаком, порохом, дробью и т. п.) и потребляли запасы. Выморочная лодка осталась в нашем распоряжении на всё время путешествия.

Пока мы подвигались вниз по течению, делая по 40—50 км в день, окрестности реки изменялись. Русло достигло 2 км ширины; оно разбилось на протоки, повсюду выступали обширные песчаные отмели с косами, далеко заходившими в воду. По берегам росли заливные леса из

ели, кедра и лиственницы, местами над хвойными преобладала берёза. Осина и пихта, ещё встречавшиеся в верхнем течении Пура, постепенно исчезли. Высокие яры с песчаными подзолами, довольно часто выходившие на берег, по-прежнему зарастали невысокими и редкими лишайниковыми борами. На этих ярах изредка виднелись остов чума, брошенные нарты или лисьи слопцы, но чем далее мы подвигались на север, тем реже попадались следы человека.

21 августа мы прошли мимо устья широкой реки. Она называется Большой Пур (*Нахлка Пётл* на языке туземцев), а та река, по которой мы доселе плыли, была лишь притоком её. Пустынные окрестности Б[ольшого] Пура мало отличались от Верхнего Пура *(Пётл)*, только река стала глубже и слабо уклонялась от северного направления; чаще русло её было разбито островами на протоки; расширились береговые пески, окаймлённые то заливными елово-кедровыми и лиственничными лесами, то ивняками и березняками. Часто попадались старые и молодые гари.

Близ устья большой реки Катвией-яга мы впервые встретили берестяные чумы рыболовов на береговом песке. Рыба ловилась плохо, так что туземцам, отправившимся с нами, пришлось заколоть двух оленей. Часть мяса мы обменяли у них на сахар, что было не лишним, так как наши запасы совершенно оскудели, а грибы и ягоды, которых росло множество в прибрежных лесах, были малопитательными при тяжёлой работе (мне приходилось грести во всё время путешествия по Пуру). Охота на диких оленей и лебедей, часто попадавшихся по пути, бывала всегда неудачной, так как сторожкие животные близко не подпускали. Туземцы с Катвией-яга оказались плохими проводниками, почему-то они не указывали нам притоков и не сообщали их названий. Это повторилось и со следующими подводчиками. Мы могли отметить на нашей карте лишь одну крупную реку, носящую также имя *Пётл* (Пур). Во время зимнего путешествия мы пересекли верховья этой реки близ оз. Пяку-то.

За названной рекой Б[ольшой] Пур ещё более увеличился, достигнув ширины в главном русле одного километра. Многочисленные острова и отмели повсюду пересекают реку и её притоки. Начало сказываться также и северное положение. В долине перестала попадаться сосна, которая по песчаным слабохолмистым водоразделам ещё была распространена и лишь очень постепенно сменилась лиственницей. Она совершенно исчезла за р. Таай-яга (нижней). Лиственница вместе с берёзой и северной ольхой (Alnus fruticosa) начинала всё более и бо-

лее вытеснять кедр и ель даже в долине. Кедр сделался невысоким и совершенно исчез на водоразделах; однако он ещё долго встречался в долине Пура, спустившись далеко севернее сосны, почти до самой тундры. Подзолы на песках стали совсем неглубокими (сант[иметров] 10). Во флоре появились арктические формы. Словом, мы приближались к тундре.

Настал сентябрь месяц. Погода начала портиться, часто выпадали дожди, иногда ненастье длилось по несколько дней. Ночью было холодно, но заморозков, благодаря исключительно тёплой осени 1923 г., не наблюдалось. Комары почти совершенно исчезли. Сильный ветер всё чаще и чаще разводил на широкой реке волнение, заливавшее наши маленькие лодки. Два раза нас захлёстывало волнами и выбрасывало на берег, иногда приходилось пережидать непогоду. Деревья стали желтеть и осыпаться. Мы неоднократно справлялись у наших проводников, далеко ли осталось до русских, живущих в низовьях Пура, но никто толком не знал расстояния.

11 сентября мы впервые увидели настоящий тундровый ландшафт. Слабохолмистая равнина грязно-зелёного цвета от болотистой моховой тундры тянулась до самого горизонта. Кое-где блестели небольшие озерки, а вдоль долины р. Таута-яга и по оврагам угнетённые лиственницы образовали узкие и редкие полосы леса. Заросли становятся гуще и выше лишь в самой долине. На краю оврага стоит халмер — продолговатый ящик из толстых лиственничных досок, заменяющий самоедам гроб. Неглубокая мерзлота мешает им хоронить своих покойников в землю. Остатки чума показывали, что здесь были люди. Они, по предположениям наших проводников, спустились ниже по Пуру.

Сильный южный ветер, сопровождавшийся почти непрерывным осенним дождём, гнал нашу лодку по узкой извилистой протоке Пура весь следующий день. Вечером, уничтожив последние остатки продовольствия, промокшие от дождя и заливавших лодку волн, мы вошли в р. Сампорку. Вдали виднелись три чума, куда тотчас же направились наши спутники. Мы занялись устройством своего несложного шалаша из двух брезентов и установкой пологов в густой чаще корявой берёзы и ивняка, над которыми поднимались отдельные лиственницы. Недалеко виднелся высокий холмистый край долины. Вершины холмов были безлесны, а их склоны зарастали редкими лиственничными лесами и кустарниками.

Вскоре явились человек 10 местных туземцев. Мы обратились к ним с просьбой дать рыбы и тут обнаружили интересный факт. Язык наших

новых знакомцев настолько отличался от языка лесных самоедов, что ни они нас, ни мы их не могли понять. Внешность их также несколько отличалась от внешности туземцев остального Пура: они были черноволосы, а те с более светлыми волосами. Впоследствии выяснилось, что жители верхнего и среднего Пура, которых мы считали за самоедов на основании сургутских сведений, значительно отличаются от самоедов (юраков) низовьев Пура и Таза. Самоеды называют их *пян-хасово* («лесной народ») сами же себя последние зовут *нешен* («мужчины, люди»). Их язык, имеющий самоедские корни, обращает внимание полным отсутствием звука «р», которым как раз богат язык настоящих самоедов. Изменению подверглись и другие звуки самоедского языка настолько, что юраки почти не понимают пян-хасово. Последние при сношениях с ними и с русскими принуждены пользоваться более известными самоедским или остяцким языками. Приведём несколько примеров. Реку Пур юраки называют *Пюра-ям*, пян-хасово — *Пётл*; «большой» по-юрацки — *арка*, пян-хасово — *нахлка*; «нож» — *хар* и, соотв[етственно], *катль*; «белка» — *таряга* и *татля*; «есть (кушать)» — *орть* и *гомуткома*; «табак» — *сяр* и *шён*; «есть (существует)» — *тыня* и *таддия*; «нет» — *юнку* и *дику*; «один» — *опой* и *моп* и т. д. Много также общих слов.

Всего известно 5 родов пян-хасово, живущих на обширном пространстве Обско-Тазовского водораздела. Число людей, по-видимому, не превышает 600. Главная масса населяет систему р. Пура и верховья р. Часальки, приток Таза (роды Пяк, Нейвосята, Выла), остальные разбросаны по северным притокам Агана — Кавану и Вар-яун (роды Иуши, Ёхтат, Пяк), верховьям р. Надыма и по р. Лямину и ближайшим речкам (Пяк, Выла). Область их кочевий отделена достаточным пространством от кочевий юраков низовьев Пура и Таза, с которыми они не встречаются. Только ближайшие пян-хасово выходят осенью для торговли и рыбной ловли в район обитания юраков.

13 сентября мы расстались с последними пян-хасово. Нас усадили в большую шестивёсельную лодку, и четверо самоедов быстро подвигали её вниз по реке. Часа через три показались чумы на маленьком островке, окружённом протоками. Было очень оживлённо по сравнению с недавно пройденным нами пространством: по реке сновали лодки, привозившие рыбу и самоедов; на берегу в носилках таскали крупных сырков, пыжьянов, щёкуров и др.; женщины чистили рыбу около чумов; — словом, промыслы были в полном разгаре. Мы зашли в один чум, где оказался хозяин его, говоривший немного по-русски.

Он обещал к вечеру доставить нас в избу Шеймина — первое русское жильё вверх по Пуру.

Долина Пура в его низовьях заросла низкими кустарниками, приземистыми корявыми березняками и небольшими группами лиственниц. Среди них разбросаны заливные озёра, кочковатые осоковые болота и травянистые лужайки. Изрезанный оврагами правобережный яр в 40—45 м высотой далеко виден с реки. Он резко отличается от песчаных обнажений остального Пура своими тёмно-серыми валунными суглинками — осадками морской постплиоценовой трансгрессии, переработанными ледником. Центр здешнего оледенения лежал, по-видимому, где-то к северо-востоку от Енисея. За яром раскинулась холмистая моховая тундра. В широких низинах между её холмами нельзя пройти из-за болот и густых кустарников. Редкие лески из лиственницы, берёзы и северной ольхи растут на краю долины, лепясь по склонам широких оврагов. Отдельными группами угнетённые лиственницы взбираются и на соседние холмы. Часто они вырублены, и на месте их образовалась пятнистая тундра с торчащими пеньками деревьев. Голые, топкие после дождя пятна покрывают все ближайшие вершины холмов. Кое-где видны желтоватые пятна песчаных котлов выдувания.

На пологом склоне долины ручья, прорезающего яр, скучена группа серых домиков. Это — усадьба Шеймина. Небольшая изба из двух комнат с высокой крышей и железной трубой окружена амбарами, баней, хлебопекарней и др. избушками. Хороший амбар стоит также на берегу реки в расщелине долины ручья. На соседнем холме виднеются кресты нескольких могил, а по склону его разбросаны нарты самоедов с упакованным в них домашним скарбом.

А.Н. Шеймин, рыбопромышленник и бывший торговец, живёт здесь уже более 20 лет. Как и др[угие] постоянные жители низовьев Пура и Таза, он прибыл сюда в качестве приказчика одной из сургутских фирм (Тетюцкого), но затем постепенно расторговался, купил у своего хозяина избу и завёл самостоятельное дело. В прежнее время он занимался рыбными промыслами, нанимая для этой цели окрестных самоедов или снабжая их за часть улова орудиями промысла. У них же он скупал пушнину и рыбу на товары. Продукты торговли и промысла частью продавал Плотниковым, крупной фирме, имевшей свои промыслы и фактории близ Тазовской губы, частью отвозил зимой в г. Сургут на оленях. После Октябрьской революции торговля Шеймина была прекращена, а его промысловые избы и инвентарь переданы Тазовскому отделению Облгосрыбпрома. Сам он занялся организацией артелей самоедов и заготовкой рыбы для названного учреждения.

Семья Шеймина, состоявшая из самого хозяина, его жены и четырёх девочек, приняла нас весьма гостеприимно. Тотчас же мы узнали, что шхуна Облгосрыбпрома, приходящая в Тазовскую губу раз в год для того, чтобы доставить запасы продовольствия и товары и забрать накопившуюся сухую и солёную рыбу, уже ушла. Таким образом, мы могли вернуться в культурную местность только зимним путём на оленях. Пришлось остаться в избе Шеймина, у которого мы и прожили два с половиной месяца.

За время продолжительной поездки по Пуру мы израсходовали всё продовольствие и пр[очие] запасы, наша одежда была изорвана. Поэтому сразу же возник вопрос о добыче необходимых продуктов, зимней одежды и средств для оплаты обратного пути. Приблизительно через две недели после нашего прибытия к Шеймину мы отправились в большой лодке в Ивай-сале.

Немного ниже избы Шеймина река раздваивается на два русла, Бол[ьшой] и Мал[ый] Пур, снова сливающихся далее. При их слиянии стоят две избы — Ельцова и Торопчина, а на третьем русле реки, Озёрном Пуре, имеется ещё изба Кайдалова. Вот и все русские старожилы на Пуре. Километрах в 15 от устья находится контора Облгосрыбпрома — Ивай-сале, до революции принадлежавшая фирме Плотникова. Там уже знали о нашем прибытии, но предполагали, что мы участники крестьянского восстания в 1921 г., доселе скрывавшиеся. После нашего отъезда обратно к Шеймину в Ивай-сале даже прибыл катер с вооружённым отрядом служащих Тазовской конторы, чтобы арестовать неожиданных пришельцев. Наше прибытие в Ивай-сале рассеяло эти нелепые слухи, и мы получили всё, что нам было нужно из складов Облгосрыбпрома в долг.

Пребывание в избе Шеймина не проходило даром, так как мною были поставлены наблюдения над почвами и замерзанием в тундре, развитием пятнистой тундры, глубиной снега и пр. Почти каждый день совершались прогулки на выбранные участки сначала пешком, а по выпадении снега на лыжах. Можно считать доказанным, что образование пятнистой тундры и вообще голых пятен среди мохового покрова тундры и водораздельных болот на севере связано с зимним и, особенно, весенним развеванием на лишённых снега участках. Серпухов исследовал ближайшие обнажения, и ему удалось найти конкреции с раковинами, подтверждающими принадлежность здешних суглинков к осадкам морской трансгрессии. Он же вёл съёмку при поездках на оленях. Принимали мы также участие в ловле рыбы подлёдными сетя-

ми. Этот промысел производится с момента замерзания реки, которое произошло в 1923 г. 14 октября, до начала так наз[ываемого] «замора» или «горения воды».

Последнее явление чрезвычайно характерно для всего Севера Западной Сибири. Ему посвящена довольно большая литература, но до последнего времени существуют два мнения. По одному, порча воды и гибель рыбы зимой обусловлены процессами сероводородного брожения, по другому, это — результат поглощения кислорода болотными железистыми соединениями. По нашим наблюдениям, тёмная заморная вода совершенно лишена сероводородного запаха, и её вредные свойства вызваны недостатком кислорода, поглощённого органическими веществами (частью и закисными соединениями железа), вынесенными водой из болот. Начало замора наблюдалось нами и на Оби во время поездки из Сургута в Тобольск. На Пуре замор весьма постепенно развился в самом начале декабря.

Два раза мы ездили на оленях в Хальмер-седе на р. Тазе, где находится районная контора Облгосрыбпрома. При этих поездках мы заезжали в Тазовскую губу и пересекли водораздел между Пуром и Тазом. Водораздел представляет из себя безлесную холмистую равнину, заболоченную в низинах. Редкие лиственничные леса растут лишь близ рек, они сильно порублены около Хальмер-седе.

На картах обыкновенно изображают низовья р. Пура и Таза в виде огромных водных рукавов, постепенно переходящих в Тазовскую губу. На самом деле, несколько протоков, на которые разбились эти реки в низовьях, достигают самое большее 1 км ширины. Лишь Озёрный Пур, западное устье Пура, местами расширяется в большие мелководные проточные озёра. Однако обширная долина, в настоящее время почти не заливаемая водой в низовьях реки, и террасы в ней свидетельствуют о ещё недавнем высоком уровне вод Тазовской губы. Вторые песчаные террасы нам постоянно приходилось наблюдать по всему Пуру и Агану. Они хорошо выражены также на оз. Пяку-то. Общая длина Пура, по нашей съёмке, достигает 900 км, р. Таз, вероятно, лишь немного больше.

Низовья Пура и Таза населены самоедами-юраками. Они называют себя *хасово* — «народ», а кочующих в Гыданской тундре *вын-хасово* — «тундровый народ». На Пуре живёт всего около 550 чел., а на Тазу около 1000. Пуровские юраки занимаются рыболовством, охотой и оленеводством. Богатых оленеводов среди них всего 4, они имеют от 500 до 1500 голов скота. Рыбной ловлей богачи почти не занимают-

ся. Остальные туземцы насчитывают по несколько десятков оленей. Такие небогатые оленеводы летом сами не пасут своих стад, но несколько владельцев нанимают совместно пастуха, который и кочует со сборным стадом в северной части водораздела Таз — Пур. Хозяева же занимаются в это время рыбной ловлей, сдавая за кредитованные товары добычу в контору Облгосрыбпрома, а осенью (с 1 сентября ст[арого]ст[иля]) добывая её исключительно для себя. По замерзании реки некоторые из них ставят подлёдные сети. К началу зимы пастухи подгоняют оленей и сдают их хозяевам. Более обеспеченные перевозочными средствами отправляются в Сургут, иногда подряжаясь везти товары, другие же кочуют в низовьях Пура, промышляя зайца, куропатку и пушного зверя (преимущественно песца, лисицу и горностая), занимаются также доставкой дров в фактории и перевозкой грузов. Ходящие в Сургут бьют по дороге белку. Весной они возвращаются снова на Пур и принимаются за рыбную ловлю. Безоленные бедняки работают в промысловых артелях и в конторах Облгосрыбпрома, кое-как перебиваясь рыбной ловлей и охотой. Вын-хасово приходят в низовья Пура и Таза в начале или середине декабря для торговли. Они доставляют главную массу песца. Большая часть их проходит через Ямбур в Тазовской губе, направляясь в Обдорск.

К началу декабря кончился подлёдный промысел, и наши хозяева стали собираться в Сургут. Ещё ранее с помощью Шеймина и Облгосрыбпрома мы приобрели зимнюю самоедскую одежду, напекли хлеба, купили мороженой рыбы и оленьего мяса, построили полóк. Этим именем называют кибитку из оленьих шкур, которая помещается на большие нары. Она имеет дверь и два стеклянных окна. Внутри ставится маленькая железная печь, делается откидной столик. Пол устилается оленьими шкурами. В таких полкáх семьи русских совершают своё путешествие от Тазовской губы до Сургута и обратно. Мужчины едут на нартах, но ночуют также в полкáх. Мы придерживались последнего, причём Серпухов вёл съёмку пути. На наше счастье, сильнейшие холода, которые стояли в конце ноября, сменились сравнительно мягкой погодой. Новые морозы начались лишь в середине января 1924 г., когда мы были уже под Тобольском.

3 декабря анасы по 5—6 нарт, запряжённых парой оленей и подвязанных одна за другой, потянулись через Пур к р. Тап-яга. Мы наняли чум юраков с 30 оленями, Шеймин пользовался своим стадом около 100 голов да приблизительно столько же было у его пастуха. Часть оленей бежала свободными, подгоняемая собаками. Впереди нас

на расстоянии 2—3 дней пути шёл Мамеев с Таза, и мы двигались по проложенным им следам. Зимний путь на Сургут идёт по водоразделу Пур — Надым на протяжении около 800 км. Он сохраняет определённое направление, так как караванам приходится пользоваться давними просеками в приречных лесах.

Первый день мы шли по безлесной моховой тундре, а затем вступили на лёд р. Тап-яга, левого прит[ока] Пура. Его широкая долина заросла ольхово-берёзовыми кустарниками и редкими лиственничными лесами, изредка попадается ель. Угнетённые лиственничные лески поднимаются из долины на её край, как и у других речек. 6 декабря среди этих лесков была устроена днёвка. За р. Тап-яга снова началась холмистая тундра, но горизонт уже почти всегда был закрыт лиственницей. Она растёт по речкам, оврагам и на не заболоченных песках, возвышающихся среди моховой тундры, мокрых болот и озёр. Довольно часто попадаются отдельные и скученные холмы выс[отой] 4—10 м. Их склоны обыкновенно зарастают кустарниками и деревьями, а вершины почти всегда обнажены ветром от снега. На них замечены валуны и галька.

Олени повсюду добывают достаточно корма, раскапывая ногами неглубокий снег и поедая лишайники (олений мох). На месте стоянок белая снежная пелена тундры, курящаяся от ветра, сменяется тёмными пятнами ям. Это значительно облегчало мне исследование растительного покрова тундры. Встречаются горелые пространства, которые мы проходили без остановок, так как на них олени не находили пищи.

Мы пересекли несколько притоков Пура. Леса вдоль их долин становились всё гуще и обширнее. 12 декабря наш караван вступил уже в тундру бассейна Надыма. В разбросанных редких лиственничных лесках её показалась угнетённая ель, а в долине р. Малой Танловой появился впервые и кедр. Около этой реки изменились и другие растительные сообщества. Моховые тундры, в которых преобладали зелёные гипновые мхи, впрочем, мало заметные под лишайниками и густым багульником (Ledum palustre), постепенно уступили место сфагновым мёрзлым болотам. Близ р. Большой Танловой (17 декабря) появилась сосна. Она вдоль реки растёт уже настоящим лишайниковым бором с крупными деревьями. В долине преобладают густые елово-кедровые леса. Сама Танлова достигает 150—200 м ширины. На ней, как и на других реках нашего района, часто попадаются незамерзающие ключи, вода которых разливается поверх льда и образует плоские наледи. Ещё не замёрзшая под снегом вода этих наледей иногда до-

ставляла нам немало затруднений. В дальнейшем острова леса среди обширных бугристых болот состояли преимущественно из сосны. Если бы не более частые сосновые леса, ландшафт ничем не отличался бы от тундры, настолько велики водораздельные болота, по которым мы медленно подвигались к югу.

Следы человека мало заметны. Изредка попадутся деревянные самоедские шайтаны *(сядай)*, сидящие рядом на перекладине; покажется одинокая могила туземца — полусгнивший деревянный ящик где-нибудь на холме; местами торчат пни срубленных деревьев. Однажды наткнулись на группу оленей, отбившихся от стада пян-хасово из рода Пяк, кочующего где-то по ближайшим притокам Надыма. Эта пустыня оживляется только в середине зимы и весной, когда здесь кочуют самоеды (юраки), направляющиеся в Сургут и обратно. Охотясь на белку, самоеды уходят в стороны и иногда идут вдоль лесов, окаймляющих нижнее течение Пура.

За р. Танловой среди водораздельных болот стали попадаться крупно-бугристые участки. Неправильной формы, сливающиеся бугры высотой до 3 м с редкими берёзками на них всегда приурочены к сильно мокрым, топким болотам. Между верховьями р. Лонг-яга и Хо-яга (бас. Надыма) целый день шли по так наз[ываемой] *Хотта-вы* (Берёзовая тундра). Это — мокрые, слабобугристые, почти плоские болота с многочисленными озёрами. Горизонт часто сливается с небом, так как лесов нет, разбросаны лишь группы кустистой берёзы. Они образуют более сплошные насаждения по оврагам и речкам.

За р. Хо-яга унылый вид безлесных торфяников несколько оживился, так как на них начали попадаться участки мелкой рямовой сосны, что свидетельствует о частичном понижении вечной мерзлоты. Южнее рямы стали занимать всё большие и большие площади, чтобы близ Сургута получить господство над безлесными болотами.

Немного севернее озера Пяку-то мы пересекли разорванную цепь высоких холмов (Сыр-сого), достигающих до 50 м выс[оты]. Они тянулись приблизительно в широтном направлении. По рассказам, на них много камней. Здесь проходит продолжение конечных морен позднейшего оледенения, которые мы встретили летом на водоразделе Кавана и Пура. Гряды холмов Сыр-сого прорваны верховьями р. Пяку-Пётл.

Озеро Пяку-то, на котором мы были 23 декабря, достигает ширины 6—10 км. На восточном берегу его находятся избушки бывших промыслов Глазкова из Сургута. Он ловил здесь сырка, пыжьяна, щокура,

щуку, окуня. Озеро окружено концентрической полосой торфяников на второй террасе, а вне долины его располагаются заросшие сосновым бором древние песчаные дюны. Когда-то уровень озера стоял на 3—4 м выше современного. В окрестностях Пяку-то кочуют 4 чума Пяков. Остовы их жилищ и лисьи слопцы мы видели за озером, а впоследствии встретились и с двумя пян-хасово, которые разыскивали потерявшихся оленей.

Ещё близ озера Пяку-то всё чаще и чаще среди сосновых лесов стали попадаться кедровники. К югу от р. Янг-яга (верховья р. Пяку-Пётл) появилась пихта и осина. Елово-кедровые острова и рямы с мелкой сосной непрерывно чередовались с участками болот, усеянных крупными буграми, между которыми ныряли наши нарты. По этим бугристым болотам мы шли два дня. Ландшафт напоминал горную страну в миниатюре: повсюду громоздятся хребты и цепи вершин, поднимаются отдельные куполообразные сопки, но высота их не превышает 4 м. Верхушки бугров часто почти лишены снега и издали чернеют своим выветрившимся сухим торфом. Склоны бугров с вечной мерзлотой густо зарастают торфяниковыми кустарниками, над которыми возвышаются отдельные угнетённые берёзы и кедры. Между буграми мокрые, топкие сфагновые болота. Крупно-бугристые торфяники (бугристая тундра) особенно характерны для южной границы вечной мерзлоты в местах с обильным подтоком грунтовых вод.

Близ р. Лагати-яга крупнобугристые болота постепенно исчезли, и мы вступили в так наз[ываемый] Остяцкий сор. Это — низменное, мокрое сфагновое болото с разбросанной по нему мелкой берёзой, кедром и рямовой сосной. К югу от р. *Торым-яун* (Божья река) местность мало отличается от Остяцкого сора, только гуще и крупнее острова сосновых рямов. Ещё большую площадь, чем торфяники, занимают бесчисленные озёра. В начале лета — это почти сплошное озеро полой воды на протяжении 200—300 км. Местность становится суше лишь близ речек, принадлежащих к бассейну Торым-яун. По краям их растут уже крупные леса. Сама река имеет очень плохо выраженную долину, незаметно переходящую в водораздельные болота. Надо думать, что в ледниковый период (позднейшее оледенение) и после него весь бассейн р. Торым-яун был занят огромным озером. Уровень его понизился совсем недавно, почему реки ещё не успели промыть достаточно глубоких долин. Суглинистые грунты этого района хорошо отличаются от ледниковых и флювиоглациальных песков ближайших окрестностей.

Система р. Торым-яун населена уже остяками. Мы видели их промысловые избушки и загородки на месте летней пастьбы оленей. Приближаясь к Сургуту, начали встречать остяков и самоедов, возвращавшихся с ярмарки. Торым-яун — священная река. При переходе её обычно приносят в жертву оленей. На берегу мы видели груду оленьих черепов выше человеческого роста.

2 января 1924 г. наш караван вступил в густые леса прибрежьев Оби, а вечером мы прибыли в Сургут. Местные власти уже начали опрос туземцев, намереваясь приступить к поискам безвестно пропавшей экспедиции. Ярмарка была в полном разгаре. Туземцы впервые после революции съехались в значительном числе и были очень довольны дешёвыми ценами на хлеб ($1^1/_2$—2 белки за пуд против 4—5 белок до военного времени). Столь низкие цены получились в результате конкуренции различных государственных торговых организаций между собой. Местное рыбачье население, наоборот, жаловалось на отсутствие сбыта рыбы, которая невероятно пала в цене (1 пуд щуки до 10 коп.).

В Сургуте нам сообщили об успешном окончании работ Митусовой и Фролова на Агане. Первая вывезла богатые коллекции по остякам и собрала большой антропологический материал. Фролов определил 8 астрономических пунктов и произвёл маршрутную съёмку и описание почти всего Агана.

Через неделю, отправив почтой коллекции и снаряжение в Ленинград, мы выехали на лошадях в Тобольск. После 10-дневного путешествия достигли этого города. Серпухов отправился в Ленинград, а я задержался в Сибири и на Урале, ликвидируя экспедицию и подготовляя новые исследования на Сев[ерном] Урале.

Ботанический музей Российской академии наук

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Donner K.** Bei den Samojeden in Sibirien. — Stuttgart: Strecker und Schroder, 1926. — 201 s. (Пер. на русск. яз.: **Доннер К.** У самоедов в Сибири / Пер. с нем. А.В. Байдак. — Томск: Ветер, 2008. — 176 с.) *(Прим. ред.)*.

[2] **Хондажевский Н.К.** Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обской губой и Сургутом. — СПб., 1880. (Репринт: Хондажевский Н.К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обской губой и Сургутом. — СПб.: Альфарет, 2010. — 36 с.; 1 л. карт.) *(Прим. ред.)*.

Список сокращений

автореф.	автореферат
АН	Академия наук
англ.	английский
АО	автономный округ
АТС	автоматическая телефонная станция
БИИКФ	Библиотечно-информационный историко-культурный фонд [Сургутского р-на]
БКИ	Банк культурной информации
бронзов. век	бронзовый век
В	восток
в.	век
вв.	века
вед. науч. сотр.	ведущий научный сотрудник
вкл.	вклейка
ВООПИиК	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
всерос.	всероссийский (–ая, –ое)
втор. пол.	вторая половина
втор. четв.	вторая четверть
вып.	выпуск
ВЮВ	восток – юго-восток
г.	год; город *(в зависимости от контекста)*
гг.	годы
ГИМ	Государственный исторический музей
ГКИНП	геодезические, картографические инструкции, нормы и правила
ГЛОНАСС	глобальная навигационная спутниковая система
ГУВД	городское управление внутренних дел
ГУИПП	государственное унитарное издательско-полиграфическое предприятие
гос.	государственный (–ая, –ое)
ГОУ ВПО «ШГПИ»	государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Шадринский государственный педагогический институт»
ГРВЛ	Главная редакция восточной литературы
ГСМ	горюче-смазочные материалы
ГУ	государственный университет
ГУГК	Главное управление геодезии и картографии
Д.	дело
д.	деревня; дом; долгота *(в зависимости от контекста)*
дис.	диссертация
ДНС	дожимная насосная станция
докл.	доклад (–ы)
доп.	дополнение (–ия); дополненное *(в зависимости от контекста)*
ед.	единица
ж/д	железнодорожный
зап.	записки; западный (–ая, –ое) *(в зависимости от контекста)*
ИА	Институт археологии
ИАЭт	Институт археологии и этнографии
ИАиЭ	Институт археологии и этнографии
ИД	Издательский дом
изд-во	издательство
ИИА	Институт истории и археологии
ИИМК	Институт истории материальной культуры
ИИЦ	Информационно-издательский центр
ИКНПЦ	Историко-культурный научно-производственный центр
ил.	иллюстрация
ин-т	институт
ИПОС	Институт проблем освоения Севера
испр.	исправленное

исслед.	исследования
КА	Кабинет археологии
канд. биол. наук	кандидат биологических наук
канд. геол.-мин. наук	кандидат геолого-минералогических наук
канд. ист. наук	кандидат исторических наук
кв. м	квадратный метр
КМ	криминальная милиция
км	километр
кн.	книга
КНС	кустовая насосная станция
кол. авт.	коллектив авторов
Коми НЦ	Коми Научный центр
комм.	комментарий
кон.	конец
конф.	конференция
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
Л.	Ленинград
лев.	левый (–ая, –ое)
л. н.	лет назад
ЛО	Ленинградское отделение
ЛЭП	линия электрических передач
мат-лы	материалы
МГУ	Московский государственный университет
междунар.	международный (–ая, –ое)
МО	муниципальное образование
МУ	муниципальное учреждение
науч.	научный (–ая, –ое)
науч.-практ.	научно-практическая
нач.	начало
НГДУ	нефтегазодобывающее управление
НГПЗ	Нижневартовский газоперерабатывающий завод
НИИ	научно-исследовательский институт
НИР	научно-исследовательская работа
НИСО	научно-издательский совет
НПМП	научно-производственное многопрофильное предприятие
НПО	научно-производственное объединение
нов.	новый
НПМП	научно-производственное многопрофильное предприятие
НПЦ	научно-производственный центр
НЦ	научный центр
н. э.	наша (новая) эра
ОАО	открытое акционерное общество
ОВД	отдел внутренних дел
ОГИКМ	Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГПИ	Омский государственный педагогический институт
оз.	озеро
ок.	около
ООО	общество с ограниченной ответственностью
п.	посёлок; пункт *(в зависимости от контекста)*
ПБВ	поздний бронзовый век
пгт.	посёлок городского типа
пед.	педагогический (–ая, –ое)
пер.	перевод
перв. пол.	первая половина
перв. треть	первая треть
перв. четв.	первая четверть
ПНИАЛ	Проблемная научно–исследовательская археологическая лаборатория

поздн. бронзов. век	поздний бронзовый век
поздн. Средневек.	позднее Средневековье
порт.	портфель
посл. треть	последняя треть
посл. четв.	последняя четверть
пособ.	пособие
прав.	правый (–ая, –ое)
предисл.	предисловие
примеч.	примечание (–я)
ПЭГ	полиэтиленгликоль
р.	река
РАН	Российская академия наук
ран. бронзов. век	ранний бронзовый век
ран. железн. век	ранний железный век
ран. Средневек.	раннее Средневековье
ред.	редакция; редактор *(в зависимости от контекста)*
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГНФ	Российский гуманитарный научный фонд
РИО	редакционно-издательский отдел
рис.	рисунок
РИФ	рекламно-издательская фирма
р-н	район
рос.	российский (–ая, –ое)
Роскартография	Федеральная служба геодезии и картографии России (30.09.1992. – 09.03.2004.); Федеральное агентство геодезии и картографии (с 20.05.2004.)
РФФИ	Российский фонд фундаментальных исследований
рч.	речка
с.	страница
сб.	сборник
сев.	северный (–ая, –ое)
сев.-вост.	северо-восточный (–ая, –ое)
сев.-зап.	северо-западный (–ая, –ое)
сер.	середина
СВ	северо-восток
см.	смотри
сн.	снято
с.н.с.	старший научный сотрудник
СО	Сибирское отделение
сов.	советский (–ая, –ое)
Совмин	Совет министров
СПб.	Санкт-Петербург
Средневек.	Средневековье
ССВ	север – северо-восток
ССР	Советская Социалистическая Республика
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ст.	статья
СурГУ	Сургутский государственный университет
с. ш.	северная широта
т.	том; точка *(в зависимости от контекста)*
табл.	таблица
ТГУСУР	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
тез. докл.	тезисы докладов
тип.	типография
ТПП	территориальное производственное предприятие
Тр.	Труды
трет. четв.	третья четверть

ТТП	территория традиционного природопользования
тыс.	тысячелетие (–ия)
УдмАССР	Удмуртская автономная Советская социалистическая республика
УВД	управление внутренних дел
УИФ	Уральская издательская фирма
ул.	улица
ун-т	университет
УрГУ	Уральский государственный университет
УрО	Уральское отделение
УрФУ	Уральский федеральный университет
уч.	участок
учеб.	учебный (–ая, –ое)
Ф.	фонд
ЦНИИГАиК	Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэрофотосъёмки и картографии
ч.	часть
ш.	широта
ХМАО	Ханты-Мансийский автономный округ
цит.	цитируется, цитата
экз.	экземпляр
Ю	юг
южн.	южный (–ая, –ое)
ЮЗ	юго-запад
ЮЗЗ	юго-запад – запад
ЮЮВ	юг – юго-восток
ЮЮЗ	юг – юго-запад
ЯНАО	Ямало-Ненецкий автономный округ
GPS	Global Positioning System (глобальная система позиционирования)

Содержание

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Резолюция III Международного Северного археологического конгресса (принята 12 ноября 2010 г.) 4
Я.А. Яковлев. Мартиролог югорской археологии 10
К.Г. Карачаров. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане 82
А.Н. Дробышев. Современные подходы к классификации археологических музеев под открытым небом (к перспективам музеефикации объектов археологического наследия в ХМАО — Югре) 111
Г.П. Ведмидь. Архитектурная планировка акватории и территории комплекса объектов культурного наследия на священном озере Имлор в Сургутском районе ХМАО — Югры 123

Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

А.В.Кузина. Охрана архитектурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе в 1960—1980-х гг. (по документам ВООПИиК) .. 162
В.А. Борзунов. У истоков оборонного зодчества Севера Евразии: проблема неолитических укреплений Западной Сибири 170
Е.Н. Дубовцева, Е.А. Юдина. Неолитические комплексы селища Барсова Гора II/19 239
В.А. Борзунов, В.И. Стефанов, И.Г. Глушков, Раскопки укреплённого жилища эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38 в Сургутском Приобье (итоги работ 2000 г.) 255
О.Л. Швец. Консервация и реставрация археологических кожаных предметов из могильника Горноправдинского (ХМАО — Югра) 311
А.В. Бауло. Священные места тотемных предков в орнитоморфном облике у обских угров 324
А.А. Рудь. Сведения об антропоморфных изображениях на деревьях в Сургутском Приобье 339

Последние полевые сезоны: 2008–2010 гг.

Я.А. Яковлев. Объекты археологического наследия федерального значения на территории ХМАО – Югры: меры по государственной охране в 2010 году 356
А.В. Кениг, Т.Н. Собольникова, Е.А. Зайцева. Мониторинг состояния и установление границ памятников археологии в Югре (проблемы, опыт и результаты работ в окрестностях д. Согом в 2010 г.) 408
А.В. Кениг, В.А. Пермяков. Итоги мониторинга и установления границ археологических памятников на территории г. Сургута, г. Когалыма и пгт. Октябрьское в ХМАО – Югре 421
Е.Н. Данилова. Раскопки селища Нёх-Урий 3.1 в Нижневартовском районе ХМАО – Югры 447
С.А. Мызников. Селище Савкинская Речка 1 – памятник эпохи бронзы в низовьях р. Ваха 459
И.С. Чарусова, М.Ю. Баранов. Аварийно-спасательные раскопки поселения Кедровая 2 на Приобском месторождении в ХМАО – Югре в 2010 г. 463
Ю.П. Чемякин. Работы на селище Сартым-Урий 16 в окрестностях с. Угута Сургутского района ХМАО – Югры 467
А.А. Рудь. О полевых археолого-этнографических работах в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2010 г. 482
М.Ю. Баранов, И.С. Чарусова. Церковная археология: раскопки на территории Свято-Троицкой церкви бывшего Кондинского монастыря в пгт. Октябрьский ХМАО – Югры в 2010 г. 490

Библиографическое наследие

Царская грамота Берёзовским воеводам, о том, чтобы новокрещёные Остяки и Русские служилые люди у Берёзовских Остяков (язычников) не раскопывали могилы и не воровали зарытыя в оных вещи. 1610, Мая 25 498
Б.Н. Городков. Западно-Сибирская экспедиция Российской Академии наук и Русского географического общества (Предварительное сообщение) 500

Список сокращений 523

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 9

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная вёрстка ООО Фирма «Ацтек», г. Томск

+7-913-829-55-20

Подписано в печать 25.08.2011 г. Формат 60x90 1/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Печ. л. 33,13; уч-изд. л. 33,52.
Тираж 300 экз . Заказ .